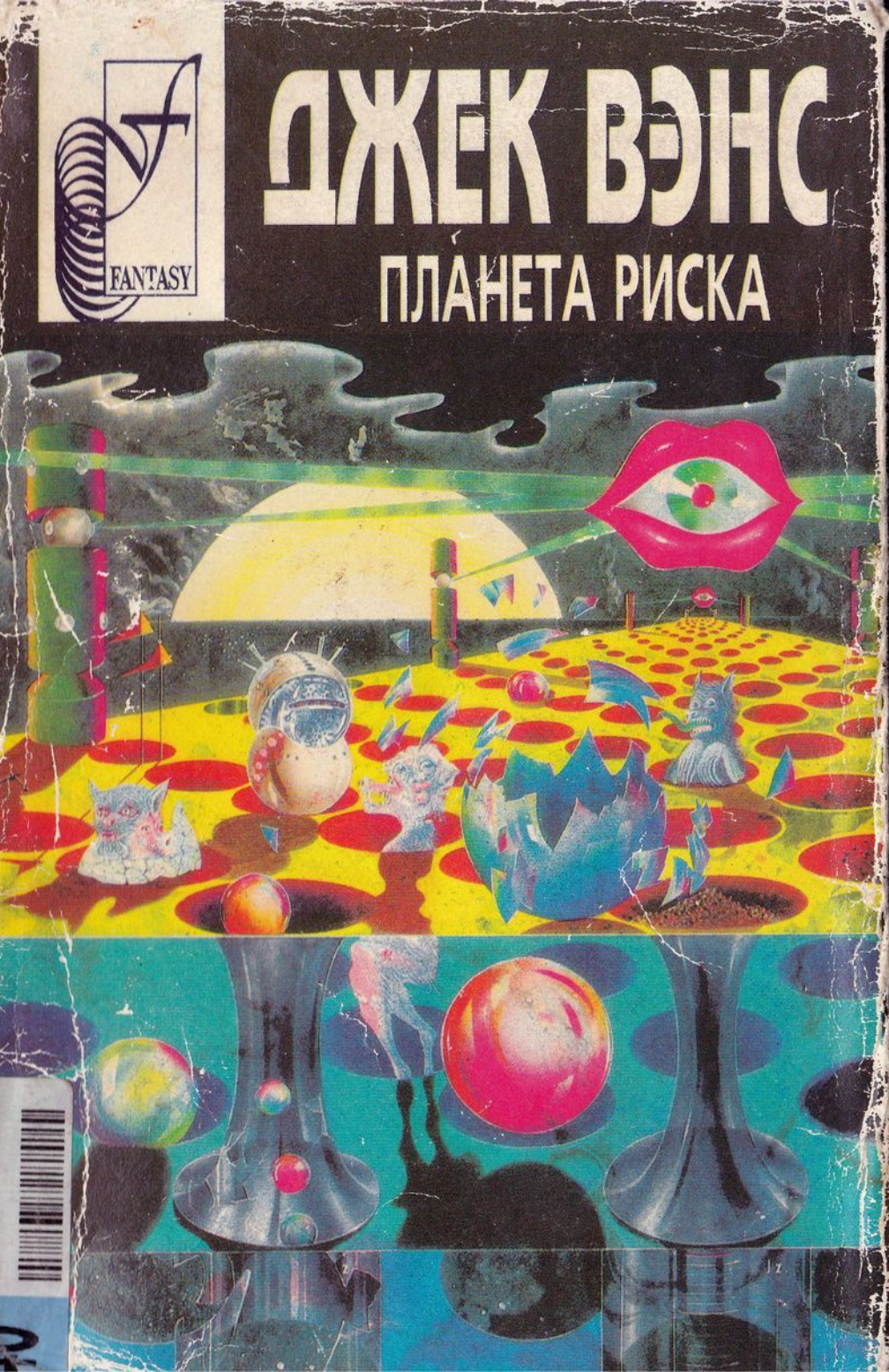

ДЖЕК ВЭНС

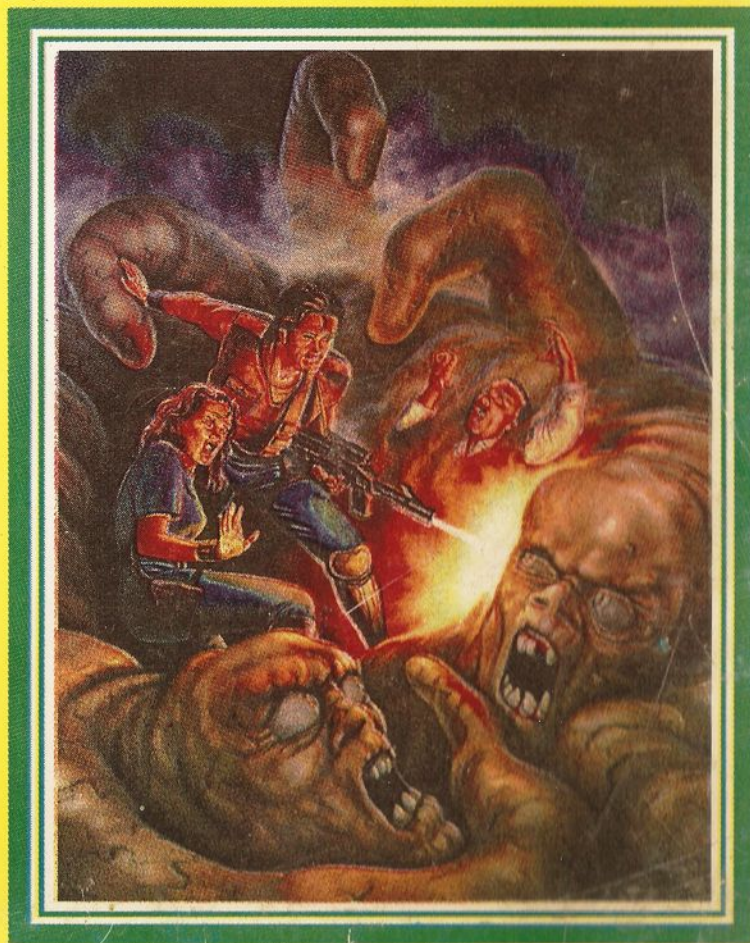

103 771 00008
99.00
10

ДЖЕК ВЭНС
ПЛАНЕТА РИСКА

fantasy

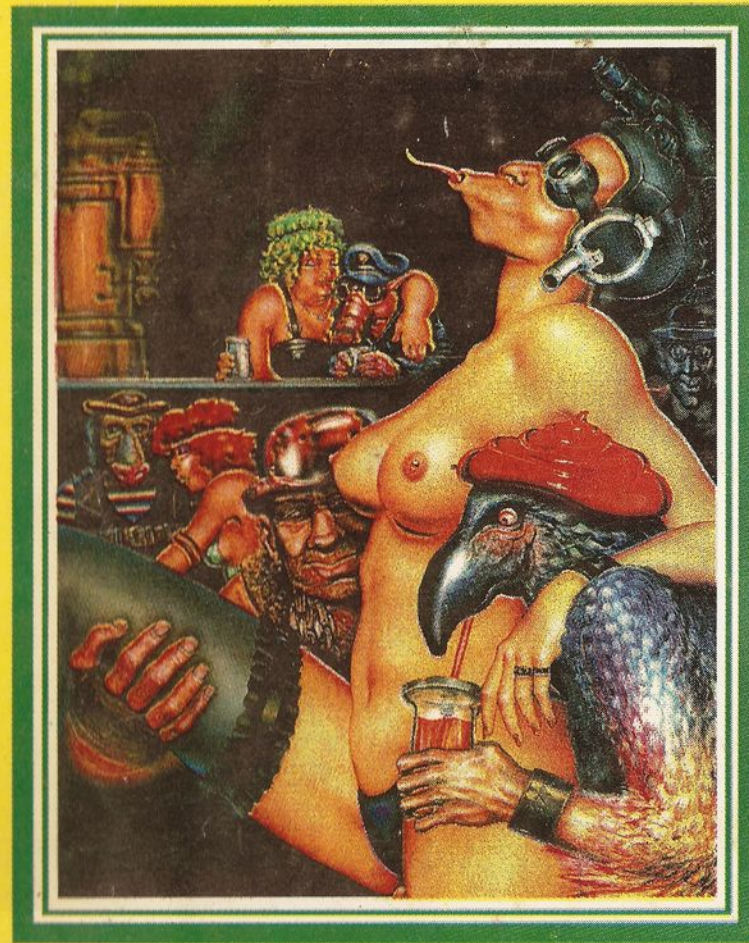

-Юго-Восток-®

Джек ВЕНС

Джек ВЕНС
**ПЛАНЕТА
РИСКА**

ДЖЕК ВЭНС

ПЛАНЕТА РИСКА

JACK VANCE

**THE PLANET
OF THE
ADVENTURE**

ДЖЕК ВЭНС

**ПЛАНЕТА
РИСКА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Київ
«НІКА-ЦЕНТР ЛТД.»
1993

**ББК 84.7 США
В97**

В оформлении издания использованы фрагменты работ
художника *В. Э. Ерко*

Джек Вэнс — известный американский писатель-фантаст, обладатель литературных премий «Хьюго» и «Небьюла». В романе «Планета риска» описаны головокружительные приключения земного косморазведчика Адама Рейта на планете в глубине галактики. Герой оказывается в гуще борьбы противоборствующих цивилизаций — мистического племени аборигенов-кочевников, жестоких космических пришельцев, жутких подземных мутантов и других жителей странной планеты..

**Издание осуществлено при участии фирмы
«АТАКАМ»**

Вэнс Джек

В97 Планета риска: Пер. О.Б.Дрождина.— К.: Фирма
«Ника-Центр Лтд.», 1993.— 512 с.
ISBN 5-7101-0009-9

Фантастико-приключенческий роман известного американского писателя про захватывающие приключения на странной непредсказуемой планете, населенной загадочными существами.

В 4703040100
93 Без оголош.

ББК 84.7 США

ISBN 5-7101-0009-9

© Оригинал-макет, художне оформлен-
ня. Фирма «Ника-Центр Лтд.», 1993
© Переклад. О.Б.Дрождін, 1993

ГОРОД КЕШЕЙ

City of the Chasch

ГОРОД КЕШЕЙ

В одном из иллюминаторов «Эксплоратора IV» мерцала очень светлая стареющая звезда Карина 4269, в другом виднелась ее единственная планета, окутанная тяжелым атмосферным покрывалом. Достойным внимания у этой звезды был лишь ее необычно ярко-желтый свет, рассеивавшийся вокруг. Планета была немногим больше Земли, но вокруг нее вращались две маленькие луны. Это было типичное небесное тело класса К-2, однако людям, наблюдавшим его с борта «Эксплоратора IV», оно казалось таинственным и загадочным.

В командном отсеке находились капитан Мэрин, его первый помощник Дил и второй помощник Валгрейв. Все трое, одетые в одинаковую белую форму, были почти одного роста, отличались выправкой, способностью быстро и точно реагировать. И хотя зачастую прибегали к шутливому способу общения между собой, мыслили по-разному. Сейчас они пытались рассмотреть планету через сканоскопы-фото-бинокли с огромной кратностью увеличения.

— На первый взгляд, планета обитаема, — заметил Валгрейв, — эти облака почти наверняка состоят из водяного конденсата.

— Если какая-то цивилизация посылает сигналы, — сказал Дил, — мы невольно должны согласиться с тем, что планета скорее всего обитаема. А раз это так, то должны объявиться и обитатели.

Капитан Мэрин тихонько засмеялся:

— А вот здесь ваша практически безупречная логика грешит! Мы удалены от Земли на 212 световых лет. Сигналы мы приняли двенадцать лет назад, то есть они были посланы два века тому назад. Обратите внимание еще и на то, что они неожиданно оборвались. Эта пригодная для обитания планета, возможно, действительно обитаема, что вовсе не значит, будто существует лишь два варианта ответа.

Дил согласно кивнул, но затем покачал головой:

— Следуя такой логике, мы не можем утверждать даже того, что и Земля обитаема. Имеющиеся у нас факты — слабые доказательства...

«Бип-бип-бип», — заработало бортовое переговорное устройство.

— Да! — откликнулся капитан Мэрин.

Дент, техник связи, сообщил в командный отсек:

— Я только что зарегистрировал поле колебаний. Возможно, оно

искусственного происхождения, но подключиться к нему я не могу. Может быть, это своеобразный радар.

Мэрин нахмурил брови и почесал нос.

— Я вышлю вниз разведчиков, а потом мы отойдем.

Он ввел специальный код и отдал приказ разведчикам:

— Как можно скорее. Нас обнаружили. Встретимся в системе оси, точка Д, как Денеб.

— Ясно, сэр. Вверх по системе оси, точка Д, как Денеб. Дайте нам три минуты.

Командир Мэрин подошел к микроскопу и отыскал на длине разных волн поверхность планеты. «Примерно на трех тысячах ангстрем имеется окно. Плохо, очень плохо. Разведчикам предстоит большая работа».

— Я рад, что никогда не учился на разведчика, — заметил Валгрейв, — в противном случае, мне тоже пришлось бы спускаться на поверхность этой неизвестной и, возможно, опасной планеты.

— На разведчиков не учатся, ими рождаются, — сказал Дил. — Разведчик — это наполовину акробат, наполовину ученый, наполовину взломщик...

— Не слишком ли много половинок?

— Тем не менее, эти половины можно перечислять еще долго. Разведчик — это человек, любящий приключения.

Разведчиков «Эксплоратора IV» звали Адам Рейт и Пол Вондер. Оба находчивые, сильные и чрезвычайно ловкие. Но на этом сходство заканчивалось. Рейт был чуть выше среднего роста, темноволосый, с широким лбом и выступающими скулами, на которых иногда играли желваки. В отличие от него Вондер был коренастым, с несколько редковатыми светлыми волосами и невыразительным лицом, трудно поддающимся описанию. Он был старше Рейта на несколько лет, но, несмотря на это, Рейт был рангом выше и являлся командиром корабля-разведчика. Разведывательный корабль длиной в десять метров представлял собой миниатюрную копию основного и висел под корпусом корабля-матки.

Примерно через две минуты разведчики были на борту своего небольшого корабля. Вондер сразу же занялся приборами, тогда как Рейт, расстыковав корабль, нажал на кнопку запуска. Разведывательный корабль отделился от большого черного корпуса. Рейт занял свое место и неожиданно, краем глаза, уловил какое-то движение. Серая тень скользнула со стороны планеты, и глаза тотчас ослепила яркая пурпурно-белая вспышка. Несмотря на ускорение, маленький корабль вздрогнул, и Вондер изо всех сил вцепился в ручку ограничителя. Корабль-разведчик быстро приближался к планете.

Там, где только что находился «Эксплоратор IV», возникла странная

картина: между носом и кормой корабля образовалась бездна, в которой плавали какие-то крепления; в этой пустоте сверкала старая ярко-желтая звезда Карина 4269.

Командир Мэрин, первый помощник Дил, второй помощник Валгрейв и остальные члены экипажа плыли в пространстве, превратившись в углеродные, кислородные и водородные атомы. Их индивидуальности, их шутивная манера изложения мыслей превратились теперь лишь в воспоминания.

Глава 1

Ударной волной корабль-разведчик развернуло кормой вперед и понесло навстречу серо-коричневой атмосфере планеты. Адам Рейт и Пол Вондер перекачивались от одной переборки к другой.

Находясь в полубессознательном состоянии, Рейт все же сумел за что-то ухватиться. Дотянувшись до приборной доски, он включил стабилизатор. Вместо привычного тихого жужжания послышалось шипение и стук, но вращение корабля прекратилось.

Рейт и Вондер сели на свои места и пристегнулись.

— Ты видел весь этот ужас? — спросил Рейт.

— Торпеда.

Рейт кивнул:

— Планета обитаема.

— И я бы не сказал, что ее обитатели отличаются гостеприимством.

Довольно жесткий прием.

— Уж очень мы далеко от дома. — Рейт посмотрел на бездействующие приборы и потухшие сигнальные лампы. — Кажется, ничего не работает. Если не удастся срочно произвести кое-какой ремонт, наверняка разобьемся. — Прихрамывая, он прошел в машинное отделение и обнаружил, что плохо закрепленная запасная энергетическая батарея разбила блок выключателей. Итог — хаос из порванных проводов, разбитых кристаллов и оплавившихся соединений.

— Я смогу это починить, — сказал Рейт заглянувшему следом Вондеру. — Если нам повезет, то месяца за два. И при условии, что запчасти в порядке.

— Два месяца — это довольно долго, — ответил Вондер. — Самое позднее через два часа мы войдем в атмосферу.

— Тогда за работу.

Через два часа они без особого энтузиазма разглядывали свое произведение.

— Если повезет, то мы все-таки где-то приземлимся, — угрюмо произнес Рейт. — Иди в рубку и включи эти штуковины. А я посмотрю, что из этого получится.

Прошла минута. Загудели тормозные дюзы, и Рейт почувствовал давление тяжести. Он надеялся, что наспех сцепленные узлы продержатся хоть какое-то время. Возвратившись на свое место, он спросил:

— Ну что?

— Не так уж плохо. Примерно через полчаса мы войдем в атмосферу со скоростью чуть меньше критической. Надеюсь, что нам удастся совершить мягкую посадку. В перспективе дела выглядят неважно... Тот, кто попал торпедой в корабль, может следить за нами при помощи радаров. И что же дальше?

— Ничего хорошего,— согласился Рейт.

Планета быстро увеличивалась. Перед ними вырисовывался мир в цветовом отношении более темный и грустный, чем Земля. Струившийся над планетой приглушенный золотистый свет не делал картину привлекательнее. Уже можно было различить континенты и океаны, облака и штормы — перед ними разворачивалась панорама стареющей планеты.

За бортом раздался свист, температура быстро поднялась до критической отметки. Рейт осторожно прибавил энергии в защитном поле. Корабль замедлил движение, стрелка на приборе задрожала и вернулась, наконец, в нормальное положение. В машинном отделении что-то щелкнуло, и корабль снова стал беспомощно падать на планету.

— Мы возвратились к тому же, с чего начали,— пробормотал Рейт.— Сейчас мы выпустим закрылки на несущей поверхности. Будет лучше, если пригнемся к креслам катапульты.— Выдвинув боковые подкрылки, он удлинил горизонтальные и вертикальные стабилизаторы, так что корабль из свободного падения перешел в снижающееся планирование.— Что представляет собой атмосфера? — спросил он.

Вондер посмотрел на показания анализатора: «Пригодна для дыхания. Похожа на земную».

— Хоть какое-то утешение,— отметил с облегчением Вондер.

Они прильнули к сканоскопам и смогли, наконец, различить отдельные детали. Под ними простиралась широкая равнина или степь, кое-где покрытая невысокими холмами и растительностью.

— Никаких следов цивилизации,— определил Вондер.— Во всяком случае, под нами ничего не наблюдается. Может быть, там, впереди, на горизонте... Эти серые пятна... Если нам удастся посадить корабль и никто не помешает пока будем ремонтировать систему контроля, то сможем неплохо подготовиться... Но этих подкрылков совершенно недостаточно для быстрой посадки. Было бы правильнее с максимальной осторожностью спланировать вниз и в последний момент катапультировать.

— Разумно, — согласился с ним Вондер и сообщил, — Это напоминает лес. Во всяком случае, растительность — идеальное место для аварийной посадки...

— Ну что ж, тогда вниз, — сказал Рейт.

Корабль пошел вниз, поверхность неслась прямо на них. Впереди возникло что-то вроде опушки темного леса.

— При счете «три» катапультируемся, — сказал Рейт. Он немного поднял корабль, чтобы замедлить скорость падения. — Раз... два... три... Пошли!

Заслонки катапульты отодвинулись, и кресла выбросило наружу. Рейт скользнул в пустоту: «Где же Вондер? Либо не раскрылся его парашют, либо зацепилось кресло». Он бросил взгляд на корабль. Действительно, Вондер беспомощно повис за его бортом. Парашют Рейта раскрылся, и он раскачивался на нем из стороны в сторону. Снижаясь, он зацепился за сук и застрял на дереве. От боли он чуть не потерял сознание. Рейт видел, как корабль, пролетев сквозь деревья, упал в болото. Пол Вондер по-прежнему неподвижно висел на ремнях. Горячий металл потрескивал, под кораблем что-то шипело. А вокруг царила абсолютная тишина.

Рейт пошевелился. Движение вызвало резкую боль в плечах и груди. Рейт завис примерно в пятнадцати метрах от поверхности на дереве с блестящими черными ветками и стройным черным стволом, дрожавшим от каждого его движения. Как он отметил ранее, солнце здесь было более мутным и желтым, чем на Земле, и все предметы отбрасывали коричневые тени. Воздух был пропитан неизвестными ароматами. Через пробитую кораблем просеку ему было видно болото, Вондер, висевший головой вниз в люке катапульты. Его лицо от поверхности болота отделяло расстояние всего в одну ладонь. Если болото и дальше будет засасывать корабль, он несомненно захлебнется. Рейт снова лихорадочно попытался избавиться от ремней. Но от боли у него закружилась голова, и он на какое-то мгновение потерял сознание. Руки стали ватными, и когда он попробовал их поднять, послышался хруст в плечевых суставах. Ему никак не удавалось освободиться от катапультного оборудования, чтобы помочь Вондеру. Был ли он жив? На расстоянии это нельзя было определить. Но ему показалось, что товарищ слегка пошевелился. Рейт продолжал следить за ним. Вондер медленно погружался в болото.

В кресле катапульты было необходимое оснащение с оружием и инструментами. Чтобы дотянуться до них, Рейту пришлось расстегнуть один ремень. Но из-за сломанных костей дотянуться ему все же не удалось. Если бы он освободился от строп, то свалился бы вниз и, возможно, погиб. Однако сейчас это неважно, как и то, сломана у него ключица или нет. Он должен открыть кресло, чтобы взять оттуда нож и канат.

Невдалеке послышался звук ударов дерева о дерево. Рейт замер. Группа вооруженных людей с непривычно длинными рапирами и тяжелыми ручными катапультами прошла внизу так тихо, будто парила над поверхностью.

Рейт был ошеломлен и подумал, что это галлюцинации. Повсюду в космосе ему приходилось встречать двуногих существ, являющихся в большей или меньшей степени гуманоидами. Эти же были настоящими людьми: с суровыми лицами, светло-желтой кожей, светлыми, коричневыми или сероватыми волосами и пышными длинными усами. Их одежда выглядела довольно необычно: свободные штаны из черно-коричневого полотна, темно-синие или темно-красные рубахи, жилеты из сотканых металлических нитей и короткие черные накидки. Головные уборы из черной кожи с клапанами для ушей выглядели довольно мятыми и складчатыми. На их высокой передней части были закреплены круглые, размером с ладонь, серебряные эмблемы.

«Варварские воины, — удивленно подумал Рейт, — бродячая банда головорезов. Но, тем не менее, настоящие люди. И это на неизвестной планете, удаленной от Земли на двести световых лет».

Тихо и чрезвычайно осторожно двигались воины под ним. Они остановились в тени, чтобы рассмотреть корабль. Затем их предводитель, безусый и очень молодой человек, значительно моложе всех остальных, посмотрел на небо. Три воина постарше подошли к нему. К их головным уборам были прикреплены шары из розового и голубого стекла. Они тоже внимательно посмотрели на небо. Юноша кивнул остальным, и все приблизились к кораблю.

Пол Вондер в слабом приветствии поднял руку. Один из людей со стеклянным шаром на головном уборе вскинул свою катапульту, но молодой человек что-то сердито ему крикнул, и тот мрачно отступил. Тогда другой воин обрезал стропы парашюта, и Вондер упал в болото.

Юноша отдал какой-то приказ, и Вондера перенесли на сухое место.

Затем юноша решил осмотреть корабль. Смело забравшись на корпус, он через люк катапульты заглянул внутрь.

Старшие воины с голубыми и розовыми шарами остались стоять в тени и принялись шептаться друг с другом. Время от времени они бросали на Вондера мрачные взгляды. Один из них, словно протестуя, приложил руку к эмблеме на своем головном уборе. Казалось, что это прикосновение прибавило ему решимости. Он двинулся к Вондеру, вытащил рапиру и с силой опустил ее вниз. К ужасу Рейта, голова Вондера отскочила от тела, и брызнувшая кровь оросила черную почву.

Юноша, видимо, что-то почувствовав, обернулся, затем с бешеным криком он спрыгнул вниз и помчался к убийце, на ходу вытаскивая

свою рапиру. Приблизившись к нему, он гибким концом рапиры сбил эмблему с его головного убора, после чего поднял ее с земли, злостью проткнул мягкое серебро ножом, который вытащил из голенища сапога, и с потоком громких слов бросил эмблему под ноги убийце. Тот нагнулся, поднял ее и с угрюмым видом покинул круг своих товарищей.

Издали послышался крик. Воины в ответ тоже закричали. Это могло быть просто церемониальным ответом, либо выражением страха или предупреждением об опасности, так как все сразу же потянулись назад в лес.

На небольшой высоте появился летательный аппарат. Сначала он ненадолго завис в воздухе, а затем снизился. Аппарат представлял собой воздушный плот длиной около пятнадцати и шириной около шести метров, управляемый из богато украшенной кормовой башни. На корме и носу на витых столбах висели огромные фонари. Края площадки были обнесены высокой балюстрадой. Около двух десятков пассажиров опирались на нее, толкая друг друга и, по всей видимости, рискуя свалиться через заграждение вниз.

С затаенным дыханием Рейт наблюдал, как плот приземлился возле космического корабля. Пассажиры быстро спрыгнули на землю. Они были двух видов: люди и не люди, хотя разница на первый взгляд в глаза не бросалась. Не люди — позднее Рейт узнал, что это были синие кеши — передвигались, будто деревянные, и на своих коротких ногах казались несколько беспомощными. Сами существа были массивны, выглядели сильными и были покрыты чешуей, похожей на шишки. Каждая чешуйка заканчивалась заостренной синей конечностью. Торс был клиновидным, а над плечами возвышался хитиновый панцирь, не соединяющийся со скелетом, который переходил в щит, прикрывающий спину. Череп снизу был остроконечным. Тяжелый лоб нависал над глазными впадинами, в которых блестели металлические глаза; он прикрывал также и очень сложное носовое отверстие.

Люди были похожи на синих кешей настолько, насколько это позволяли раса и манеры; они тоже были маленькими, коренастыми с саблевидными ногами. Их лица, почти без подбородков, выглядели сплюснутыми; сужающиеся книзу и волнистые на лбу черепа казались какими-то неестественными. Их штаны и куртки были покрыты чешуей.

Кеши и кеш-люди подбежали к кораблю, издавая писклявые горланье звуки. Некоторые вскарабкивались на корпус, заглядывали внутрь, другие, обследовав голову и туловище Пола Вондера, потащили их к своему плоту.

Из контрольной башни раздались сигналы тревоги. Синие кеши и кеш-люди, взглянув на небо, торопливо перетаскивали плот под деревья из поля зрения Рейта. Небольшое пространство снова опустело.

Прошло несколько минут. Рейт закрыл глаза в надежде очнуться от этого кошмара и снова оказаться на борту «Эксплоратора».

Из мучительного полусна его вывел гул мотора. С неба спускался еще один летательный аппарат — воздушный корабль, который, как и плот, не отвечал никаким законам аэродинамики. Сооружение имело три палубы, центральную ротонду, несколько балконов из черного дерева и меди, замысловатый нос, наблюдательные башни, бойницы и вертикальные стабилизаторы с черно-золотыми регалиями. Какое-то время корабль висел в воздухе, пока любопытные с палубы пристально рассматривали космический корабль. Среди них были существа, явно не люди, высокого роста, безволосые, с кожей пергаментного цвета. Двигались они медленно и элегантно. Остальные, явно их подчиненные, были людьми, но такими же высокими, худыми, безволосыми, с длинными руками и ногами, каким-то овечьими лицами. Движения их были так же элегантны, как и у их хозяев. Обе расы носили искусно отделанные одежды с лентами, каймами, перевязями и оборками. Позднее Рейт узнал, что этих не людей называли дирдирами, а их подчиненных — дирдир-людьми. Оглушенный обрушившимися на него неожиданностями, он смотрел на воздушный корабль дирдиров без особого удивления, хотя его иногда и пронизывала мысль, что, возможно, именно эти длинные бледные существа или те, что были на площадке до них, уничтожили его корабль и стали свидетелями крушения его маленькой ракеты.

Дирдиры и дирдир-люди с явным любопытством обследовали космический корабль. Вдруг один из них заметил следы воздушного плота кешей, и это открытие возымело моментальные последствия. Из леса вылетел заряд пурпурно-белой энергии, и дирдиры с дирдир-людьми, дергаясь, упали на землю. Кеши и их люди побежали к воздушному кораблю, бросая в него штурмовые топоры.

Дирдиры открыли огонь только из своего ручного оружия, извергавшего клубы оранжевой плазмы и фиолетового пламени. Кеши и кеш-люди растворялись в этом фиолетово-оранжевом свертании. Корабль дирдиров поднялся в воздух, но его держали канаты, привязанные к штурмовым топорам. Дирдир-люди обрубывали их ножами и расстреливали нападавших из энергетических пистолетов. Наконец корабль освободился, что вызвало бурное разочарование кешей.

В тридцати метрах от поверхности дирдиры направили на лес тяжелые плазменные излучатели и прожгли в нем широкие просеки. Но уничтожить плот им не удалось. Они, в свою очередь, были обстреляны из больших мортир. Первый снаряд пролетел мимо, но второй попал прямо в киль. Корабль задрожал, дернулся вверх, качнулся влево, вправо и неожиданно перевернулся вверх дном. Дирдиры и

дирдир—люди упали вниз, как дохлые мухи, а корабль, сделав крюк, исчез на юго—востоке.

Кеши и кеш—люди, выйдя из укрытия, проводили корабль дирдиров взглядами. Плот взлетел прямо из леса и завис над космическим кораблем. Сверху спустили захватные крюки и вытащили его из болота. Кеши и кеш—люди вскарабкались на плот. Он поднялся вверх и, неся космический корабль под собой, растворился в северо—восточном направлении.

Прошло некоторое время. Рейт находился по—прежнему в полубессознательном состоянии, продолжая висеть на ремнях. Солнце скрылось за лесом, сгустились сумерки.

Варвары вернулись на поляну. Они обследовали территорию, посмотрели на небо и собрались уходить.

Рейт издал хриплый вопль. Воины подняли свои катапульты, но юноша остановил их резким жестом и отдал какой—то приказ. Два человека, вскарабкавшись на дерево, обрезали парашютные стропы. Кресло катапульты и аварийный комплект остались висеть на ветвях.

Без особой осторожности Рейта уложили на землю, и резкая боль в плечах на миг лишила его сознания. Переговариваясь между собой, над ним склонились несколько человек. Согласные звуки в их речи были очень твердыми, а гласные растянутыми. Его подняли и положили на носилки. Почувствовав движение скользящих шагов, Рейт снова потерял сознание, а, может, просто заснул.

Глава 2

Рейт очнулся от звуков голосов и бликов костра. Он медленно повел глазами вокруг. Над ним висело нечто вроде балдахина, а слева и справа от него сияли звезды и незнакомые созвездия. Значит, все это было наяву и никакой это не сон. Медленно, как бы по частям, вбирал в себя Рейт окружающую действительность. Он лежал на сплетенной из камыша подстилке, источавшей запах растений и человека. Рубашку с него сняли, а сломанные плечи упаковали в панцирь из ивовых прутьев. Попытка поднять голову и осмотреться принесла нестерпимую боль. Балдахин был устроен из металлических столбов и натянутой между ними ткани. «Какой парадокс,— думал Рейт,— для изготовления металлических столбов нужны высокие технические знания. Тем не менее, оружие и поведение этих людей, без сомнения, варварские». Он попробовал повернуться к костру, но напряжение оказалось слишком велико, и он откинулся назад.

Судя по звездам, лагерь был разбит на открытой местности. Что же будет с его аварийным комплектом и сидением катапульты? Рейт с сожалением подумал о том, что они, быть может, все еще продолжают

висеть на дереве. Сейчас он вооружен лишь своим опытом, на который мог положиться. Теперь он был вдвойне рад, что прошел полную подготовку разведчика, которую считал раньше чересчур сложной. Во время подготовки он накопил массу необходимых знаний по языкам и теории контактов, астронавтике, космической и энергетической технологиям, биометрике, метеорологии, геологии и токсикологии. Он освоил теорию и всевозможные способы выживания. Кроме того, изучал теорию оружия, нападение и оборону, самообеспечение, энергетику и технику воздухоплавания, механику космических полетов, ремонт электронной аппаратуры, а также, что было чрезвычайно важным, импровизацию. Если его не убьют сразу, как Пола Вондера, у него остаются неплохие виды на выживание. Правда, зачем? Шансы снова попасть на Землю были абсолютно ничтожны. Поэтому его интерес к этой планете тоже не был особенно велик.

Какая-то тень упала на лицо. Рейт увидел юношу, спасшего ему жизнь. Тот встал перед ним на колени и подвинул большую миску с овсяной кашей.

— Большое спасибо,— сказал Рейт.— Но я думаю, что не смогу есть. Эти повязки мне мешают.

Юноша что-то сказал, и это прозвучало довольно резко. Лицо молодого человека, которому вряд ли было больше шестнадцати лет, казалось слишком серьезным и строгим.

Рейту стоило огромных усилий приподняться на локтях и взять миску. Юноша встал рядом, наблюдая, как Рейт пытается есть. Но из этого ничего не получилось. Тогда он повернулся и резким голосом отдал приказ. Быстро приблизившись, маленькая девочка нагнулась, взяла миску и принялась очень заботливо кормить Рейта.

Очевидно, Рейт был для юноши такой же загадкой, как и юноша для Рейта. Мужчины и женщины на планете, удаленной от Земли на двести световых лет! Невероятно! Одна ложка каши за другой отправлялась ему в рот. Девочке было лет восемь, она была одета в не очень чистую рваную одежду, напоминавшую ночную рубашку. Несколько мужчин племени подошли поближе и наблюдали за ними. Казалось, юноша не слушал, о чем они говорили.

Миска опустела, и девочка поднесла к губам Рейта кружку с кислым напитком. Рейт выпил, хотя это вызвало у него неприятное ощущение.

— Спасибо,— сказал он девочке, которая улыбнулась и очень быстро исчезла.

Рейт снова упал на подстилку. Юноша резким тоном задал ему какой-то вопрос.

— Очень жаль,— ответил Рейт.— Я не понимаю. Но, пожалуйста, не сердитесь. Мне сейчас очень нужен друг.

Сказав что-то еще, юноша ушел. Рейт попробовал заснуть. Костер стал тлеть, лагерь затих.

Издалека до Рейта донесся слабый звук: то ли вой, то ли свист. В ответ раздался еще такой же звук, затем множество звуков, превратившихся в многоголосое пение. Рейт приподнялся на локтях и увидел две луны почти одного размера. Одна из них была розовой, а вторая бледно-голубой. Они взошли прямо над восточным горизонтом.

Чуть позже послышалось жалобное пение где-то совсем рядом. Рейт удивленно прислушался. Что это, голос женщины? Зазвучали и другие голоса, присоединившись к нему.

Через некоторое время пение прекратилось. В лагере воцарилась тишина, и Рейт уснул.

Утром Рейт внимательно стал разглядывать лагерь. Он находился в низине между двумя невысокими горными цепями, протянувшимися далеко на восток. Каждое утро четыре молодых воина в длинных коричневых плащах садились на маленькие электрические мотоциклы и разъезжались в разных направлениях по пустыне. Вечером они возвращались и представляли свои донесения Трезу Онмале — молодому предводителю племени. Кроме того, каждое утро мальчика лет восьми поднимали вверх в смотровой корзине. Ближе к вечеру, когда стихал ветер, корзину с наблюдателем опускали. Часто мальчишка зарабатывал при приземлении шишки и синяки. Но люди, обслуживавшие корзину, казалось, больше заботились о ней, чем о безопасности маленького наблюдателя. Корзина была из четырехкрылого, натянутого на четыре палки брезента, напоминающего воздушного змея.

По утрам с восточного горного массива доносился ужасный визг, продолжавшийся примерно полчаса. Позже Рейт узнал, что визг этот издавало стадо многоногих животных, снабжавших племя мясом. Каждый день скотобойщица племени, крупная сильная женщина, шла с массивным топором и ножом по стаду и отрезала три или четыре ноги. При случае она отхватывала еще и кусок мяса со спины или, сделав надрез, вынимала потроха. Ноги у животных отрастали снова, но они сопротивлялись, когда им лезли во внутренности.

Тем временем плечи Рейта понемногу заживали. Какое-то время ему приходилось общаться только с женщинами — группой совершенно бездушных существ, и с Трезом Онмале, проводившем около него много времени по утрам, говорившим с ним, следившим за процессом выздоровления и, наконец, обучавшим его языку. Язык синтаксически был очень правильным, но весьма сложным в выражении чувств, взглядов и возражений. Скоро Рейт уже мог сносно на нем объясняться. Трез Онмале с чрезвычайной для его возраста

серьезностью исправлял каждую ошибку и всякий раз открывал Рейту новые тонкости языка.

Рейт узнал, что планета, на которой он оказался, называется Чай, а луны — Эз и Брез. Племя называлось Крат, но его представителей называли еще и эмблемными людьми по серебряным, медным, каменным или деревянным значкам, крепящимся на головных уборах. Положение человека определяла его эмблема, которая была якобы полубожественного происхождения. Каждая имела свое название, историю, характерные свойства и ранг. Таким образом, человек не просто носил эмблему: она давала ему имя и определяла его роль в племени.

Самой важной и влиятельной эмблемой была Онмале. Ее носил Трез, который до того, как завоевал эмблему, был простым представителем племени. Онмале воплощала мудрость, силу, повсюдность и другие, трудно определяемые добродетели кратов. Если представитель племени убивал мужчину, он забирал его эмблему или делал для себя новую. Новая эмблема еще не обладала качествами или добродетелями племени, пока хозяин ее участием в битвах не завоевывал определенный статус. Если эмблема меняла владельца, он автоматически перенимал ее персональные качества. Некоторые эмблемы противопоставляли другим и, если человек завоевывал ее, он, вместе с этим, становился врагом другой эмблемы. Иные эмблемы имели возраст в несколько тысяч лет и всеобъемлющую историю; за некоторыми закрепилась слава приносящих несчастье и приговаривающих к смерти. Другие вынуждали обладателя к особой жестокости и неопишуемой дерзости. Каждый крат очень гордился своей эмблемой, так как без нее ни у кого не было ни лица, ни положения, ни определенной задачи. Он был тем, кем чувствовал себя Рейт — презренным или женщиной, что на языке кратов обозначалось одним и тем же словом.

Рейту казалось странным, что эмблемное племя считало его человеком из отдаленной части Чая. К космическому кораблю, у которого его обнаружили, они не испытывали никакого почтения. Они считали Рейта слугой какой-то не известной им нечеловеческой расы, как кеш—люди у кешей или дирдир—люди у дирдиров.

Когда Трез объяснил это Рейту, тот возмутился.

— Я с Земли! — заявил он, задетый за живое. — Это далекая планета. И мы никем не поработаны.

— А кто же тогда построил космический корабль? — с сомнением спросил Трез Онмале.

— Конечно же земные люди.

Трез Онмале недоверчиво покачал головой.

— Как люди могут быть так далеко от Чая?

Рейт горько засмеялся.

— Этот вопрос я тоже часто себе задаю: как люди попали на Чай?

— Происхождение людей абсолютно ясно,— ответил ему Трез Онмале.— Этому нас учат еще до того, как мы начинаем говорить. Неужели ты не знаешь этого?

— Мы на Земле знаем, что люди развились из более ранних форм жизни, из млекопитающих. А еще раньше — из одноклеточных организмов.

Трез Онмале бросил сердитый взгляд на работавших поблизости женщин и сделал резкий жест:

— Исчезните отсюда! У нас мужской разговор!

Женщины со своей болтовней исчезли, и Трез Онмале с отвращением посмотрел им вслед.

— Сейчас эта глупость разнесется по всему лагерю, и колдуны будут недовольны. Я объясню тебе настоящее происхождение людей. Ты уже видел луны. Розовая называется Эз — родина благословенных. Голубая луна Брез — место мук и сомнений, куда попадают плохие люди, особенно те, кто обесчестил свою эмблему. Когда-то, очень давно, две луны столкнулись. Тысячи людей упали оттуда на Чай и попытались снова вернуться на Эз — как хорошие, так и плохие. Но судьи, черпающие свою мудрость из шаров, которые они носят, отделяют плохих людей от хороших и отправляют их в известное им место.

— Как интересно! — воскликнул Рейт.— Но как же обстоит дело с кешами и дирдирами?

— Они не люди. Они пришли на Чай со звезд так же, как и вонки. Кеш-люди и дирдир-люди — грязные гибриды. Пнумы и фанги — это выброс северных пещер. Всех их мы с удовольствием убиваем.— Он искоса посмотрел на Рейта.— Если ты приходишь из иного мира, а не с Чая, то ты не можешь быть человеком, и я должен разрешить убить тебя.

— Мне это кажется довольно негостеприимным,— возразил Рейт.— В конце концов, я ничего плохого вам не сделал.

Жест Треза Онмале должен был выразить мысль, что эти возражения не имеют значения.

— Я сообщу тебе о своем решении,— пообещал он.

Рейт упражнял обессилевшие члены и ускоренно совершенствовался в языке. Он узнал, что краты не имели постоянного места жительства, а кочевали по огромной степи Эмен, занимающей большую часть юга континента Котан. Кроме Котана, на планете были и другие континенты: Кослован на юге, Хархан, Кахан и Рах на противоположной стороне Чая. Другие племена кочевников бродили по иным степям континента. В маршах и лесах на юге жили людоеды и великаны, которые обладали отчасти нечеловеческими чертами. Сильные кешы жили на западе Котана; дирдиры предпочитали холодный

климат и жили на полуострове Хаулк на юго-западе Кослована и на северном побережье Хорхана.

На Чае жила и другая чужая раса — вонки. Но эмблемные люди знали о них мало. Была на Чае и призрачная раса пнумов, а также их сумасшедшие родственники фанги. Когда краты говорили о них, то понижали голос и постоянно оглядывались.

Прошло некоторое время — дни странных событий и ночи сомнений и тоски по Земле. Кости Рейта срастались, и он постепенно осваивался в лагере.

За холмом в месте, защищенном от ветра, краты построили около пятидесяти хижин. Крыши плотно прилегали друг к другу, что давало возможность использовать их в качестве защитных сооружений от оползней. За хижинами стояли огромные шестиколесные повозки с моторами, замаскированные брезентом.

Рейта это удивляло, и он не отказался бы рассмотреть их поближе. Но банда мальчишек постоянно ходила за ним по пятам. Казалось, они чувствовали в нем чужого, и это их воодушевляло. Воины, наоборот, его не замечали. Мужчина без эмблемы был не более, чем призраком.

На другом конце лагеря Рейт обнаружил громадную машину, смонтированную на большой повозке — огромную катапульту с металлическим рычагом длиной более пятнадцати метров. Осадная машина? С одной стороны она была раскрашена розовыми кружками, с другой — голубыми. Рейт предположил, что это, должно быть, символические изображения обеих лун — Эза и Бреза.

Из дней и недель сложился месяц. Рейту была непонятна бездеятельность племени. Ведь они кочевники. Почему же так долго оставались в этом лагере? День за днем разъезжались разведчики в разные стороны, а черная корзина поднималась вверх, и ноги наблюдателя болтались в отверстиях днища. Воины, по всей видимости, устроили себе отдых, который они использовали преимущественно для проверки своего оружия. Оно у них было трех видов: длинные, очень гибкие рапиры с режущей стороной и острым концом; катапульты, приводившиеся в действие эластичным шнуром и запускавшие оперенные стрелы, и, наконец, треугольные щиты длиной примерно до ноги, расширяющиеся книзу, с растянутыми острыми сторонами, которые служили бьющим и режущим оружием и метательным снарядом.

Сначала за Рейтом ухаживала восьмилетняя девочка, затем старуха с высохшим лицом и, наконец, молодая девушка, которую можно было бы назвать миловидной, если бы не безрадостное выражение на ее лице. Малышке было лет восемнадцать, у нее были правильные черты лица и красивые светлые волосы, в которых постоянно висели

сухие стебли и ветки. Ходила она босиком и носила бесформенное платье из грубого серого материала.

Однажды, когда Рейт сидел на скамейке, девушка проходила мимо. Он поймал ее и посадил к себе на колени.

— Чего ты от меня хочешь? — испуганно спросила она. Девушка пахла травой, степным мхом и немножко шерстью.

Успокаивая, Рейт погладил ее по волосам.

— Сиди спокойно, — сказал он. — Я хочу вычесать у тебя из волос солому.

Она сидела спокойно, однако смотрела на него краем глаза, хоть и покорно, но в некотором замешательстве и чувствовала себя довольно неуютно. Рейт сначала расчесывал ее волосы пальцами, а потом куском разломанной деревяшки.

— Ну видишь, теперь ты красивая, — сделал вывод Рейт.

Как во сне малышка продолжала сидеть, потом поднялась.

— Мне надо идти, — испуганно прошептала она. — Нас может кто-нибудь увидеть.

Рейт с удовольствием бы ее не отпускал, но, тем не менее, задерживать не стал.

На следующий день они случайно встретились, и на этот раз ее волосы были аккуратно расчесаны. Она остановилась и оглянулась на него. Ее взгляд и осанка напоминали Рейту Землю, и ему стало грустно. Дома он назвал бы девушку красивой. Но здесь, в степи Эмен, таким мелочам, казалось, значения не придавали. Он протянул ей руки, и она подошла, как будто он ее притягивал. Это, конечно, был исключительный случай, так как она знала обычаи своего племени. Рейт положил руку ей на плечо, потом привлек к себе и поцеловал. Девушка смутилась.

— С тобой еще никто так не поступал? — спросил он.

— Нет, но это кажется мне очень милым. Сделай так еще раз.

Рейт вздохнул. А почему бы и нет? Внезапно он услышал шаги, и сильный удар сбил его с ног. Однако потока слов, обрушившегося на него вслед за этим, он не понял. Чей-то сапог ударил его по ребрам, и едва зажившие плечи сильно заболели.

От смущения и страха девушка прижала кулаки ко рту. Человек начал бить и пинать ее, выкрикивая проклятия и ругательства.

— Интимные отношения с чужестранным рабом, — неожиданно дошло до Рейта. — Так-то ты понимаешь чистоту нашей расы?

— Раб? — удивленно спросил Рейт и с трудом поднялся. — Раб?

Девушка убежала и спряталась под одной из больших повозок. Подошел Трез Онмале и осведомился о причинах конфликта. Воин, крепкий парень примерно такого же возраста, как Рейт, показал на него:

— Это проклятие, черное предзнаменование! Разве об этом не

предупреждали? Это невыносимо, что он цепляется к нашим бабам. Его нужно убить либо оскопить!

Трез Онмале с сомнением посмотрел на Рейта.

— Мне кажется, что он не сделал ничего плохого.

— Ничего плохого? Только потому, что я встретился на пути! Если у него столько лишней силы, почему он не работает? Мы должны его кормить, пока он не разжиреет? Оскопи его и отправь к женщинам!

Несколько колеблясь, Трез дал разрешение. Рейт печально подумал о своем аварийном комплекте, который все еще висел на дереве, о медикаментах, сканоскопе, энергетической батарее, аварийном передатчике и, более всего, о своем оружии. Ничего этого использовать сейчас он не мог. С таким же успехом все это могло находиться в данный момент на «Эксплораторе IV».

Трез Онмале послал за мясницей:

— Принеси острый нож. Нужно, наконец, успокоить этого раба.

— Подожди.— крикнул Рейт.— Это у вас принято так обходиться с гостем? Вам неизвестно гостеприимство?

— Нет, гостеприимство у нас не принято,— ответил Трез Онмале.— Мы краты, и наши эмблемы подсказывают нам, что мы должны делать.

— Но этот человек меня ударил,— запротестовал Рейт.— Он что, трус? Или он хочет драться? Что будет, если я отниму у него эмблему? Буду ли я тогда иметь право занять место в племени?

— Сама эмблема и есть место,— ответил Трез Онмале.— Этого человека зовут Озом, и он носит эмблему Вадуз. А без эмблемы он ни на йоту не лучше тебя. Но если Вадуз доволен Озом, а так оно видимо и есть, ты никогда не сможешь завоевать его эмблему.

— Я мог бы попробовать.

— Возможно. Но теперь уже слишком поздно. Мясница уже пришла. Так что, будь добр, разденься.

Рейт бросил на женщину смущенный взгляд. Ее плечи были пошире, чем у него. К тому же, она была несколько плотнее его и, подходя к нему, широко улыбалась.

— Времени еще достаточно,— пробормотал Рейт и повернулся к Озому Вадузу, который при этом так быстро вытащил свою рапиру, что она засвистела. Но Рейт подошел к нему настолько близко, что действовать рапирой было невозможно. Озом Вадуз отступил на шаг, но Рейт схватил его за руку, оказавшуюся твердой, как сталь. В своем теперешнем состоянии Рейт был намного слабее Озома Вадуза, который быстрым движением руки бросил его на землю. Но это удалось ему лишь отчасти, так как, падая, Рейт потянул Озома за собой, перевернул его через плечи и бедро и швырнул на землю. Затем он ударил Озома ногой в голову и наступил ему на горло, перекрыв доступ воздуха. Озом Вадуз из последних сил пытался освободиться,

но шапка упала с его головы. Рейт схватил ее, но колдун моментально ее забрал.

— Я боролся за эмблему,— заорал Рейт Трезу Онмале.— Она принадлежит мне!

— Нет! — прорычал колдун.— Такого наши законы не предполагают. Ты есть и останешься рабом!

— Может, мне и тебя убить? — спросил Рейт и угрожающе поднялся ему навстречу.

— Достаточно! — жестко приказал Трез Онмале.— Больше никто никого убивать не будет!

— А как же с эмблемой? — спросил Рейт.— Ты тоже считаешь, что она мне не принадлежит?

— Мне нужно подумать,— ответил юноша.— Во время перемирия все должно быть спокойно. Мясница, ты отнесешь труп на дровяную кучу. Где судьи? Они должны прийти и судить этого Озома, который носил Вадуз. Мужчины, возьмите машину.

Рейт отошел в сторону, но через несколько минут подошел к Трезу Онмале.

— Если ты хочешь, я уйду из племени и сам пойду дальше,— предложил он.

— Ты узнаешь о моих желаниях, когда я их сформулирую,— ответил юноша с той полнотой независимости, которую ему давала эмблема Онмале.— Не забывай, что ты мой раб. Я отвел от тебя клинки, которые должны были тебя убить. Если же ты попытаешься бежать, тебя будут искать, найдут и высекут. А пока ты будешь заготавливать пищу!

Рейту показалось, что Трез Онмале просто хотел забыть тот дурацкий приказ, который он отдал мяснице и из-за произошедших событий вынужден был отменить.

Целый день труп Озома, который носил эмблему Вадуз, лежал в специальном металлическом корыте, и ветер разносил по лагерю тошнотворный запах. Воины расчехлили огромную катапульту и перетаскивали эту машину в середину лагеря. Солнце спряталось за гряды графитно-пурпурных облаков, и его заход стал как бы призывом для людей, облаченных в карминно-красные и коричневые одеяния. Первый колдун смешал пепел уже сожженного Озома с кровью животных и слепил своеобразный пирог, который поместил в специальный ящик, укрепленный на конце длинного стержня.

Колдуны посмотрели на восток, где уже почти взошла розовая луна Эз.

— Эз! — звучным голосом воскликнул первый колдун.

— Судьи судили мужчину и нашли его деяния хорошими. Его звали Озом, и он носил Вадуз. Будь готов, Эз. Мы посылаем тебе Озома!

Воины у катапульти направили огромную стрелу в небо. Эластичные шнуры зазвенели от напряжения. Стержень с пеплом Озома поместили в канал катапульти и стрелу направили на Эз. Племя запело жалобную песню, и колдун закричал:

— Вперед на Эз!

Катапульта издала звенящий звук. Стержень вылетел так быстро, что его почти не было видно. Затем в небе появилось яркое белое свечение, и наблюдатели облегченно вздохнули.

Около получаса люди племени стояли на месте и смотрели на Эз. Рейт размышлял, не завидуют ли они Озому, который, наверняка, уже нежился во дворце Вадуз на Эзе. Сам он еще немного побродил, после чего пошел на свое спальное место. С яростным весельем он подумал, что не отказался бы увидеть девушку снова. Но только будет ли это разрешено?

На следующий день Рейта послали на заготовку продовольствия. Он собирал жесткие листья, из которых вытекали капельки темно-красного сока. Рейт был даже доволен, что смог, наконец, вырваться из монотонности лагеря.

Холмы простирались так далеко, насколько мог охватить взгляд. На юге Рейт различил черную линию леса, в котором на дереве все еще висело его кресло. Нужно будет как-нибудь попросить Треза Онмале отвести его туда...

Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Но вокруг никого не было. Не прекращая работы, он краем глаза поглядывал по сторонам, пока не наполнил две корзины, которые на коромысле носил в низину. Там рос густой кустарник, листья которого светились красными и синими огоньками. Возле кустарника он заметил грубую серую одежду. Это была девушка, сделавшая, однако, вид, что его не видит. Рейт приблизился к ней, и они оказались рядом. Она смущенно улыбнулась и сжала пальцы.

Рейт взял ее за руку.

— Если мы будем встречаться и станем друзьями, у нас будут неприятности,— сказал он.

Девушка кивнула:

— Я знаю... Это правда, что ты с другой планеты?

— Да.

— Как она выглядит?

— Это трудно описать.

— А ведь колдуны все-таки дураки, правда? Мертвые ведь не попадают на Эз?

— Я тоже этому не верю.

Она подошла ближе.

— Сделай это еще раз.

Рейт поцеловал ее. Затем он взял ее за плечи и отодвинул на расстояние руки.

— Нам нельзя любить друг друга. Ты будешь несчастлива, и тебя снова побьют...

Она пожала плечами.

— Мне все равно. Если бы я могла, то хотела бы отправиться вместе с тобой на Землю.

— Мне бы тоже этого очень хотелось, — ответил Рейт.

— Сделай так еще раз, только один раз, — попросила девушка.

Внезапно она испуганно посмотрела за спину Рейта. Он мгновенно обернулся и заметил быстрое движение. Шипение, приглушенный удар, душераздирающий крик боли. Девушка опустилась на колени, упала на бок и схватилась за оперенную стрелу, торчащую из ее груди. Издав хриплый вопль, Рейт обвел взглядом кусты.

Никого не было видно. Рейт склонился над девушкой. Ее губы шевелились, но слов разобрать было уже нельзя. Она еще раз вздохнула и затихла.

Рейт смотрел на нее. Безумный гнев вытеснил из его головы все здравые мысли. Он поднял девушку — она была легкой, как перышко — и понес в лагерь к хижине Треза Онмале.

Юноша сидел на скамеечке и держал в руках рапиру, сгибая ее клинок туда-сюда. Рейт как можно осторожнее положил труп на землю перед ним. Трез Онмале посмотрел сначала на тело, потом на Рейта.

— Я встретил девушку, когда собирал корм. Мы разговаривали с ней, и вдруг в нее попала стрела. Это было убийство. Стрела, я думаю, предназначалась мне.

Трез Онмале осмотрел стрелу и потрогал ее оперение. Несколько воинов проходили мимо. Трез Онмале смотрел то на одного из них, то на другого.

— Где Йед Пилуна? — спросил он наконец.

Воины пошептались между собой, потом один из них что-то крикнул. Появился Йед Пилуна. Этого человека Рейт видел и раньше — быстрый парень с грубым красным лицом. Рот у него был необычной формы. И, очевидно, поэтому казалось, что он постоянно нагло ухмыляется. Значит, это и был убийца. Рейт смотрел на него с отвращением.

Трез Онмале протянул руку.

— Покажи мне свою катапульту.

Йед Пилуна швырнул ее юноше... Это было верхом грубости, и Трез Онмале наградил его гневным взглядом. Он осмотрел катапульту и проверил слой смазки, которую каждый воин наносил на полозья при использовании оружия.

— Ты сегодня стрелял из катапульты. Смазка выдает это. А на

оперении стрелы три черные полосы Пилуны.— Он показал на труп.— Ты убил девушку!

Рот Йеда Пилуны презрительно растянулся.

— Я хотел убить этого человека. Он раб и еретик. А она тоже была не лучше.

— Кто здесь принимает решения? Ты что — Онмале?

— Нет. Но я утверждаю, что это несчастный случай. Кроме того, убить еретика — не преступление.

Первый колдун выступил вперед.

— Еретичество — это плохо. Этот человек — несомненно гибрид. Я предполагаю, дирдир-человека и пнумека. По непонятным причинам он примкнул к эмблемным людям и теперь распространяет свою ересь. Неужели он думает, что мы настолько глупы, чтобы этого не заметить? О, тут он ошибается! Он увел эту женщину с истинного пути и обратил в свою веру. Она стала обесцененной. Как...

Трез Онмале прервал его с решительностью, удивительной для молодого человека его возраста:

— Хватит! Ты говоришь глупости! Пилуна известна, как эмблема темных дел. Йед, ее обладатель, должен держать ответ. и Пилуну нужно у него забрать.

— Я не виновен,— равнодушно сказал Йед Пилуна.— Я представляю себя справедливости лун.

Трез Онмале гневно зажмурился:

— Справедливость лун можешь забыть! Справедливость — это я. Йед Пилуна бросил на него спокойный взгляд.

— Онмале не может драться,— сказал он.

Трез Онмале переводил взгляд с одного воина на другого.

— Неужели здесь нет благородной эмблемы, которая победит Пилуну-убийцу?

Никто из воинов не отозвался. Йед Пилуна удовлетворенно кивнул:

— Эмблемы не хотят слышать. Но ты обидел Пилуну и назвал ее убийцей. Я требую удовлетворения от лун.

— Хорошо, принесите диски,— приказал Трез Онмале.

Колдун удалился и вернулся с ларцем, вырезанным из одной огромной кости. Он повернулся к Йеду Пилуне:

— Какую из лун ты призываешь к справедливости?

— Я прошу справедливости у Эза, луны добродетелей и мира. Я желаю подтвердить свою правоту.

— Хорошо,— сказал Трез Онмале.— Я взываю к Брезу, луне ада, которая и должна забрать тебя к себе.

Колдун достал из ларца диск, который с одной стороны был розовый, а с другой голубой.

— Расступитесь все! — приказал он и бросил диск вверх. Диск

взлетел, перевернулся в воздухе, покружился и упал на землю розовой стороной вверх.

— Эз, луна добродетелей, подтвердил его невиновность, — огласил колдун. — Брез не нашел причин для вмешательства.

Рейт вскочил и обратился к Трезу Онмале:

— Сейчас и я обращаюсь к лунам.

— Зачем? — спросил колдун. — Ведь ты еретик. Это очень просто определить.

— Я прошу луну Эз присудить мне эмблему Вадуз, чтобы я мог наказать Йеда-убийцу.

Трез Онмале в замешательстве посмотрел на Рейта.

Колдун заорал:

— Это исключено! Как может раб носить эмблему?

Трез Онмале посмотрел на жалкий труп девушки и подал колдуну знак.

— Я освобождаю его из рабства. Теперь бросай диск к лунам.

Колдун колебался.

— Мудро ли это? Ведь эмблема Вадуз...

— ... наверняка не самая благородная эмблема. Бросай!

Колдун бросил взгляд на Йеда Пилуну.

— Бросай, — сказал тот. — Если луны отдадут ему эмблему, я его порежу на куски. Все равно я всегда презирал банду Вадуз.

Колдун все еще колебался. Он посмотрел на высокого мускулистого Йеда Пилуну, затем на Рейта, который был почти таким же высоким, но не таким широкоплечим. К тому же он еще не совсем выздоровел. Колдун был очень осторожным человеком и хотел выиграть время.

— Диск потерял свою силу, и решения больше приниматься не могут.

— Ерунда, — ответил Рейт. — Ты ведь говоришь, что диск подчинен силам лун. Как же он мог потерять их силу? Бросай!

— Тогда ты должен поставить на Брез, так как ты плохой человек и еретик.

— Я обращаюсь к Эзу, и он сможет меня отвергнуть, если захочет. Колдун пожал плечами.

— Как знаешь. Но я возьму другой диск.

— Нет, возьми тот же самый, — потребовал Рейт.

Трез Онмале внимательно посмотрел на колдуна.

— Тот же диск, — приказал он. — Бросай!

Колдун сердито подбросил диск вверх. Как и в прошлый раз, он перевернулся, повис в воздухе и упал на землю розовой стороной вверх.

— Эз считает, что чужестранец прав, — объяснил Трез Онмале. — Принесите эмблему Вадуз.

Колдун прошел в свою хижину и возвратился с эмблемой. Трез Онмале вручил ее Рейту.

— Ты теперь носишь Вадуз и являешься членом эмблемного племени. Так вызываешь ли ты Йеда Пилуну?

— Да, я его вызываю.

Трез Онмале обратился к Йеду Пилуне:

— Готов ли ты защитить свою эмблему?

— Конечно! — Йед Пилуна вытащил свою рапиру и покрутил ею у себя над головой.

— Меч и щит новому Вадузу! — приказал Трез Онмале.

Рейт взял протянутую ему рапиру. Взвесив ее на руке, он согнул лезвие. Еще никогда ему не приходилось держать в руках такого оружия. Он фехтовал некоторыми шпагами, и это входило в программу его подготовки. Странное оружие, совершенно не приспособленное для ближнего боя. Тренируясь, воины всегда держались на значительном расстоянии друг от друга, махали клинками вниз и вверх, вправо и влево, но с максимальной работой ног. К тому же и треугольный щит — оружие для левой руки — был совершенно непривычным. Он махнул для пробы щитом и краем глаза посмотрел на Йеда Пилуну, который с презрительной гримасой стоял перед ним.

Рейт понимал, что драться с этим человеком в таком стиле было явным самоубийством.

— Внимание, — сказал Трез Онмале. — Вадуз вызывает Пилуну. В последнее время состоялся сорок один такой бой, и Пилуна в тридцати четырех одержал верх над Вадузом. Эмблемы, к бою!

Йед Пилуна сразу же сделал резкий выпад, который Рейт легко парировал, после чего сам ударил клинком сверху вниз. Йед Пилуна закрылся боевым щитом. Рейт сделал шаг вперед и ударил острием щита, целясь в грудь Йеду Пилуне. Он нанес противнику незначительную рану, но ее оказалось достаточно, чтобы пробудить в Йеде Пилуне чувство самосохранения. Глаза его засверкали гневом, а лицо покраснело, будто в лихорадке. Он бросился на Рейта с такой мощностью, что тому едва удавалось защищаться. Плечи Рейта опустились, и в них снова возникла адская боль. Он начал задыхаться. Рапира Пилуны зацепила его бедро, а затем и левый бицепс. Пилуна уже думал, что сможет разрубить Рейта на обещанные куски.

Но Рейт не собирался сдаваться. Щитом он отбил клинок врага, попал рапирой Пилуне в голову и сбил с нее черную шапку. Пилуна поймал ее, отступил на шаг и сделал новый выпад. Но Рейт и в этот раз, почти одновременно взмахнув рапирой и щитом, опять сбил с головы Йеда шапку, а вместе с ней и эмблему Пилуна. Резко опустив щит, он схватил упавшую шапку. Йед, у которого отняли эмблему, ошарашенно на нее посмотрел, и его лицо сморщилось. Он попытал—

ся сделать еще один выпад, но Рейт взмахнул шапкой и поймал удар ее клапанами, проткнув при этом рапирой плечо Йеда Пилуна.

Йед выдернул рапиру и отошел на несколько шагов, освобождая пространство для следующего выпада. Но тяжело дышащий и потный Рейт снова бросился на него.

— У меня твоя эмблема, Пилуна, — произнес Рейт. — Она отвратилась от тебя, и ты, Йед, должен теперь умереть, потому что ты — убийца.

Йед хрипло закричал и снова попытался наброситься на Рейта. Тот вновь поймал клинок врага шапкой и всадил Йеду, бывшему владельцу Пилуны, рапиру в грудь. Йед щитом выбил рапиру из рук Рейта и на мгновение остановился, глядя на клинок Рапира все еще торчала в его теле. Он вырвал ее и ринулся с ней на Рейта. Но тот ударил Йеда острием щита в лицо. Щит попал прямо в открытый рот и торчал, как огромный высунутый язык. Колени Йеда подкосились, и он мешком свалился на землю.

Почти задыхаясь, Рейт бросил шапку с гордой Пилуной в пыль и изнеможенно прислонился к столбу.

Во всем лагере воцарилась растерянная тишина.

Наконец Трез Онмале вымолвил:

— Вадуз победил Пилуну. Эмблема постепенно завоевывает блеск. Где судьи? Они должны прийти и судить Йеда Пилуну.

Пришли три колдуна и мрачно осмотрели новый труп, потом посмотрели на Трезу Онмале и, наконец, на Рейта.

— Судите по справедливости, — властно приказал им Трез Онмале.

Колдуны посоветовались друг с другом, и один из них сказал:

— Нам очень трудно вершить суд. Йед жил героически. Он достойно служил Пилуне.

— Он убил девушку.

— Из хороших побуждений. Она связалась с нечистокровным воином. Мог ли верующий человек поступить иначе?

— Он превысил свои полномочия. Он был преступником. И я говорю вам, что нужно предать его огню. Когда появится Брез, выстрелите злым пеплом Йеда в ад!

— Так и будет, — пробормотал первый колдун.

Трез Онмале отправился в свою хижину. Рейт остался один в центре лагеря. Воины смотрели на него с отвращением. День клонился к вечеру, и тяжелые облака закрыли солнце. То здесь, то там вспыхивали пурпурные молнии и время от времени слышались раскаты грома. Женщины бегали по лагерю, накрывали миски и котлы с едой, а воины занимались тем, что пытались натянуть веревки, удерживавшие брезент над большими повозками.

Рейт посмотрел на труп девушки. Никто не потрудился его убрать. Для него было непостижимым, что труп несчастной должен лежать

здесь под бурей и дождем. Для Йеда уже горел погребальный костер. Рейт поднял тело девушки и отнес его к огню, отрешившись от воплей женщин, поддерживавших костер. Он положил тело в ящик, стараясь сделать это с достоинством.

Когда пошел дождь, Рейт вернулся в выделенную ему хижину. Вскоре полило, как из ведра. Женщины построили над костром примитивный навес и подбросили в него хворост. Кто-то вошел в хижину. Рейт отодвинулся в тень. Свет огня упал на лицо Треза Онмале. Оно было мрачно и задумчиво.

— Рейт Вадуз, где ты? — крикнул он.

Рейт вышел из тени. Трез Онмале посмотрел на него и покачал головой:

— С тех пор, как ты появился в племени, мы не видим ничего, кроме несчастий, волнений, зла и смерти. Разведчики возвращаются и сообщают, что степь по-прежнему пустынна. Пилуна совершил зло. Колдуны ненавидят Онмале. Кто же ты такой, если привлекаешь на наши головы такие несчастья?

— Я уже говорил тебе, кто я, — ответил Рейт. — Человек с Земли.

— Ересь, — почти безразлично произнес Трез Онмале. — Колдуны говорят, что эмблемные люди произошли с Эза.

Рейт мгновение подумал.

— Если идеи, как в нашем случае, противоречат друг другу, то побеждает сильнейшая. Иногда это плохо, чаще же, наоборот, — хорошо. Мне общественный строй эмблемных людей кажется плохим. Изменения пошли бы на пользу. Вами руководят жрецы, которые...

— Нет, — ответил юноша. — Племенем управляет Онмале. Я ношу эту эмблему. Она говорит моим ртом.

— До определенной степени. Жрецы достаточно хитры, чтобы проводить собственные решения.

— Что же ты хочешь? Хочешь нас всех уничтожить?

— Конечно же, нет. Я не хочу никого уничтожать, кроме тех случаев, когда возникает угроза моей жизни.

Юноша тяжело вздохнул.

— Я в большом замешательстве, — признался он. — Либо ты не прав, либо колдуны.

— Неправы колдуны. Человеческая история насчитывает на Земле десять тысяч лет.

Трез Онмале засмеялся.

— Однажды, когда я еще не носил Онмале, племя пришло к руинам старого Карсегуса и поймало там пнумека. Колдун подверг его пыткам, чтобы обогатить наши знания. Но тот вместо ответов лишь ежеминутно проклинал пятьдесят две тысячи лет, которые люди живут на Чае... Пятьдесят две тысячи против десяти тысяч лет... Как странно...

— Да, это очень странно.

Трез Онмале встал и посмотрел на небо, откуда продолжал дуть ветер.

— Я наблюдаю за лунами,— тихо сказал он.— И колдуны делают то же самое. Мне кажется, что скоро будет затмение. Если Эз закроет Брез, все будет хорошо. Если же Брез закроет Эз, Онмале будет носить другой.

— А ты?

— Я должен буду донести мудрость Онмале наверх, чтобы все снова стало справедливо.

С этим он ушел.

Ураган гулял по степи ночь, день и еще одну ночь. Утром следующего дня на бледном от ветра небе взошло солнце. Разведчики, как обычно, разъехались и после обеда вернулись обратно. В лагере сразу возникло оживление. Брезент сворачивали, хижины разбирали и шнуровали поклажу. Женщины грузили повозки, воины натирали маслом своих боевых коней, похожих на больших кузнечиков, седлали их и укрепляли уздечки. Рейт подошел к Трезу Онмале и спросил:

— Что здесь происходит?

— Наконец-то на востоке заметили караван. Мы нападём на него на реке Иоба. Как Вадуз ты тоже можешь участвовать в этом предприятии и получить свою долю добычи.

Он велел подвести кузнечикообразную пошадь. Рейт сел на тошнотворно пахнущее животное, полный противоречивых чувств и сомнений. Животное попыталось сбросить неудобный груз и ударило по нему жестким хвостом. Рейт сильно натянул уздечку. Лошадь присела и вдруг помчалась по степи. Рейту стоило больших усилий удержаться в седле. Позади раздался громкий смех. В нем звучала издевка опытных наездников над новичком.

Наконец Рейт справился с животным и возвратился назад. Через несколько минут отряд цепью поскакал на северо-восток. У черных длинношеих животных из пасти капала пена, но воины крепко сидели в седлах. Черные шапки развевались на ветру. Даже Рейт почувствовал возбуждение, скача вместе с ними. Более часа эмблемные люди мчались по степи. Холмы здесь были ниже, и перед ними лежала необъятная равнина, наполненная темными тенями и мрачными красками. На холме люди остановились и провели разведку во всех направлениях. Трез Онмале отдавал приказы. Рейт внимательно прислушивался.

— ... южная дорога к броду. Мы будем ждать в засаде у колокольных птиц. Иланты сначала подойдут к броду, а потом разве-

дают садовые леса и белые холмы. Мы вклинимся в их середину и захватим повозки с ценностями. Все ясно? Тогда вперед, к засаде у колокольных птиц!

Эмблемные люди помчались вниз, к далекой полосе высоких деревьев и кустарников на реке Иоба. Под прикрытием темного леса они стали ждать.

Прошло некоторое время. Издалека послышался скрип, и на горизонте появился караван. В нескольких сотнях метров перед ним скакали три желтокожих, великолепно одетых воина в черных шапках с прикрепленными на них человеческими черепами без челюсти. Их кони были похожи на лошадей кратов, только немного крупнее. У воинов было ручное оружие и короткие мечи, на коленях у них лежали короткоствольные ружья.

Для эмблемных людей все складывалось плохо. Иланты не стали переходить через реку, а остались поджидать караван. Моторизованные повозки на шести огромных колесах, покачиваясь, подъезжали к реке. Они были доверху загружены тюками, ящиками, а также клетками, в которых теснились мужчины и женщины.

Караванщик был очень осторожным человеком. Перед тем, как повозки въехали в брод, он выставил охрану и послал илантов обследовать противоположный берег.

Воины эмблемного племени в своем укрытии ругались и кипели от злости.

— Такие богатства! Шестьдесят отличных повозок! Но нападение сейчас — форменное самоубийство!

— Правильно, их пескоизлучатели разделяют нас, как цыплят.

— Неужели мы именно этого прождали три месяца? Ничего, кажется мне, у нас тут не получится.

— Предзнаменования были плохими. Этой ночью я наблюдал за благословенным Эзом. Он был закрыт облаками. Плохой знак!

— Мы под влиянием Бреза, и все идет насмарку.

— Наверное, это все дела этого черноволосого колдуна, который убил Йеда Пилуну.

— Правильно! А теперь он губит нашу добычу там, где нам всегда сопутствовал успех.

Они бросали на Рейта злобные взгляды, но он сдерживал себя.

Воины посовещались.

— Мы ничего не добьемся, только покроем поле трупами воинов и утопим наши эмблемы в Иобе.

— Может, нам пойти за ними и напасть на них ночью?

— Нет. У них слишком хорошая охрана. Караванщика зовут Баой-иан, он не допускает риска. Да заберет Брез его душу!

— Значит, все три месяца мы прождали напрасно?

— Лучше напрасно прождать, чем допустить несчастье. Назад, в

лагеры! Женщины уже все упаковали. Мы пойдем на восток, в Мараган.

— Там же еще хуже, чем на западе, откуда мы пришли. Какая неудача!

— Назад, в лагерь! Здесь мы уже ничего не добьемся.

Воины развернулись и, ни разу не оглянувшись, помчались на конях по степи.

Ранним вечером недовольное войско возвратилось в лагерь. Мужчины ругали женщин. Почему они к возвращению не приготовили горячего пива? Почему никто не варит пищу? Женщины не остались в долгу и ругали мужчин, даже если и получали за это тумак. Но все вместе продолжали разгружать повозки.

Трез Онмале стоял в стороне и мрачно наблюдал за всем этим. Рейта не замечали. Воины, ворча, получали свою еду и расстроено укладывались у костра.

Эз только вздохнул. Но тут же на орбиту, которая должна была перекрыть орбиту Эза, вошла луна Брез. Колдуны сразу это заметили и жалобно показывали пальцами в направлении лун. Обе луны двигались, сближаясь друг с другом, и казалось, что они вот-вот столкнутся. Воины угрожающе зашумели, но Брез надвинулся на розовый круг и полностью его закрыл. Первый колдун закричал, обращаясь к небу:

— Да будет так!

Трез Онмале повернулся и медленно исчез в тени. Случайно там оказался и Рейт.

— Что значит все это волнение? — спросил он.

— Разве ты не видел? Брез победил Эза. Завтра вечером я должен отправиться на Эз, чтобы отвратить от нас злую судьбу. Конечно, и ты отправишься. Но только на Брез.

— Ты имеешь в виду с огнем и катапультой?

— Да. Мне повезло, что я имел возможность так долго носить Онмале. Тот, кто носил ее до меня, был почти в два раза меня моложе, когда его отправили на Эз.

— И ты веришь, что этот ритуал имеет какую-нибудь ценность?

Трез Онмале задумался.

— Они ждут этого. Они будут требовать, чтобы я в огне перерезал себе глотку, и я должен им подчиниться.

— Давай лучше прямо сейчас уйдем отсюда. Они будут спать, как убитые, — сказал Рейт. — А когда они проснутся, мы будем уже далеко.

— Что? Мы оба? Куда же мы пойдем?

— Этого я не знаю. Но неужели здесь нет страны, в которой можно жить без убийств?

— Возможно, и есть такое место, но не в степи Эмен.

— Если бы нам удалось найти космический корабль и у меня было время для его ремонта, мы могли бы улететь с Чая и возвратиться на Землю

— Исключено! Корабль забрали кеши. Для тебя он потерян

— Этого я и боюсь. Но все равно, лучше нам уйти сейчас, чем завтра дать себя убить.

Трез Онмале стоял, глядя на луны.

— Онмале приказывает мне остаться. Я не могу предать эмблему. Она никогда не выбирала бегства, а всегда исполняла свой долг — до смерти.

— Совершить абсолютно бесполезное самоубийство, это никакой не долг, — ответил Рейт. Он схватил шапку Треза Онмале и сорвал эмблему. Трез застонал, будто от боли, и уставился на Рейта.

— Что ты делаешь? Если ты дотронулся до Онмале, то должен умереть.

— Ты больше не Трез Онмале. Ты теперь просто Трез.

Казалось, что юноша стал меньше.

— Ну хорошо, — тихим и подавленным голосом ответил он. — Я действительно не очень хочу умирать. — Он посмотрел на лагерь. — Нам придется идти пешком. Если мы начнем седлать лошадей, они станут реветь и бодать друг друга рогами. Жди здесь. Я принесу плащи и что-нибудь съестное... Он исчез, оставив Рейта наедине с эмблемой Онмале.

Рейт задумчиво посмотрел на нее, затем вырыл каблуком ямку и бросил эмблему туда. С чувством вины он забросал ее землей. Когда он поднялся, руки его дрожали, а по спине струился пот.

Время приближалось к ночи, и луны скользили вверх по небу. Из степи доносились ночные звуки — резкий вой ночных собак и что-то похожее на приглушенную отрыжку. Костры в лагере догорали, и оттуда не было слышно ни звука.

Бесшумно подошел юноша.

— Я готов. Вот твой плащ и пакет с едой.

Рейт про себя отметил, что юноша говорил совсем другим голосом, в котором не было прежней уверенности и который звучал не так резко. Его черная шапка выглядела голой. Но об эмблеме он не спросил ничего.

Они направились на север, взобрались на холм и пошли по его склону.

— Конечно, ночные собаки так видят нас лучше, — сказал Трез. — Но от преследователей мы будем отгорожены холмом.

— Когда мы доберемся до леса, то будем в безопасности. Я надеюсь, что все-таки смогу найти мое аварийное кресло.

Однако будущее в тот момент казалось Рейту весьма мрачным.

Один раз они сделали короткий привал. Луны отбрасывали на степь

призрачный свет, погружая расщелины в черную тьму. На севере раздался вой.

— Ложись, — прошептал Трез. — Собаки бегут.

Какое-то время они пролежали без движения.

— Сейчас они окружили лагерь и рассчитывают поймать какого-нибудь заблудившегося ребенка.

Они пошли дальше на юг, обходя, насколько это было возможно, темные расщелины.

— Скоро наступит утро, — сказал Трез, — и все они бросятся за нами. Если мы доберемся до реки, то сможем от них отделаться. Если же нас схватят, то нам будет либо совсем плохо, либо еще хуже, чем плохо.

Примерно в течение двух часов они продолжали свой путь. На востоке между черными облаками появился холодный водянистый свет. Перед ними лежал лес. Трез оглянулся.

— Сейчас лагерь оживет. Женщины разожгут костер, и колдуны начнут искать Онмале. Им был я. Так как я исчез, в лагере возникнет волнение. Они будут меня проклинать. И тебя, конечно, тоже. И скоро они пойдут по нашему следу.

Наконец они достигли опушки леса. В нем еще таились ночные тени. Трез колебался и посмотрел обратно на степь.

— Как далеко до болота? — спросил Рейт.

— Недалеко. Миля, может, две. Но я чувствую запах зверя. Где-то здесь бродит берл.

Рейт тоже почувствовал резкий запах.

— Может, это только его следы? — прошептал Трез. — Через несколько минут эмблемы будут уже здесь. Нам нужно как можно быстрее переправиться через реку.

— Сначала достанем кресло.

Трез пожал плечами и лишь посмотрел на Рейта. На горизонте появились черные точки, которые очень быстро приближались. Рейт поспешил за Трезом, который осторожно вошел в лес и все время прислушивался и принюхивался. Рейт поторавливал его, и скоро они уже бежали по мягкому, покрытому гниющей листвой грунту. Далеко сзади слышались громкие крики.

Трез остановился.

— Вот дерево. Это то, что ты искал. — Он показал вверх.

— Да, — облегченно ответил Рейт. — Я боялся, что его уже здесь нет.

Трез залез на дерево и спустил кресло. Рейт расстегнул замки, вынул свое оружие и от радости поцеловал его. Затем прикрепил его к поясу.

— Поторопись, — предостерегающе произнес Трез. — Я уже хорошо их слышу. Они почти нас догнали.

Рейт взял аварийный комплект и взвалил себе на спину

— Пошли,— сказал он.

Трез старательно стер все следы, обошел болото, перебрался по наклонной ветке через топь, взобрался повыше на дерево и с чрезвычайной осторожностью пополз по горизонтальной ветке, пока не оказался над кучей камыша. Рейт последовал за ним. Голоса воинов уже ясно слышались поблизости.

Трез и Рейт вышли на берег реки. Перед ними расстилалась черно-коричневая медленно текущая вода. Трез нашел плот из толстых бревен, связанных лианами. Он оттолкнул его от берега, и они спрятались в прибрежных зарослях. Прошло минут пять; четыре эмблемных воина шли болотом по их следу. За ними шел еще десяток воинов с изготовленными для стрельбы катапультами. Они подбежали к берегу, показывая на следы, оставленные Трезом, когда он отвязывал плот, и осмотрели реку. Ковер из плавучих растений был отнесен метров на двести вдоль по течению и потоком прибит к противоположному берегу. Эмблемные воины закричали от злости и разочарования и через камыши и болото помчались за плотом.

— Скорее,— прошептал Трез.— Долго водить за нос они себя не дадут. Мы пойдем по их следам назад.

Скоро они снова вошли в лес. Трез и Рейт бежали, но по-прежнему до них издалека доносились громкие возгласы и крики. Однажды показалось, что преследователи снова взяли след.

— Сейчас они вернутся на лошадях,— прошептал Трез.— Мы никогда... — Он поднял руку и принял себя.— Берл... Сюда и быстро на дерево!

Рейт с аварийным комплектом на спине последовал за ним, карабкаясь по маслянистым зеленым сучьям.

— Нам нужно залезть как можно выше,— подгонял Трез.— Эта скотина прыгает очень высоко.

И тут они увидели берла. Это был большой бледно-коричневый зверь с ужасной пастью. Из его шеи росли несколько длинных рук с большими роговатыми ладонями, которые он держал сложенными вокруг головы. Казалось, что к Трезу и Рейту он не испытывал никакого интереса. Он явно почувствовал большое количество людей, крики которых доносились до него. Рейт еще никогда в своей жизни не видел такого страшного и опасного зверя.

— Забавно,— философски произнес он.— Но это всего лишь зверь.

Наконец берл исчез в лесу. Звуки преследования прекратились.

— Теперь быстро,— торопил Трез.— Они унюхали берла. Нам нужно уходить.

Они сползли с дерева и побежали в северном направлении. Позади раздавались крики ужаса и гортанное рычание.

— Теперь эмблемные люди нам не страшны,— заметил Трез глухим голосом.— Оставшиеся в живых оставят нас в покое. Но когда они вернутся в лагерь, Онмале больше не будет. Что же будет с ними? Племя умрет?

— Я не думаю,— ответил Рейт.— Об этом позаботятся колдуны.

Через некоторое время они вышли из леса, и их взору открылась степь. Воздух наполнился ароматами трав, светло-желтый свет заливал все пространство.

— Что находится к западу от нас? — спросил Рейт.

— Западная часть степи Эмен и страна старых кешей. Дальше тянутся горы Йенг. За ними живут синие кеши и находится бухта Эведра.

— А на юге?

— Марши. Там на плотах живут маршевые люди. Они отличаются от нас. Это маленькие желтые люди с белыми глазами, жестокие и хитрые, как синие кеши.

— Так там нет городов?

— Нет,— он показал на север.— Города были там. Но теперь остались лишь руины. На краю степи, правда, есть города. Но это города-призраки, потому что там можно встретить даже пнумов, которые живут в руинах.

Рейт задал еще много вопросов, касающихся географии и жизни на Чае, но нашел познания Треза слишком отрывочными. Дирдиры и дирдир-люди жили по ту сторону моря. Но где именно, он точно не знал. Было три разных типа кешей: старые — вырождающиеся потомки некогда очень сильной расы, селившиеся сейчас, в основном, в горах Йенг; зеленые — кочевники Мертвой Степи и синие. Трез не видел большой разницы между ними. Всех их он не любил, хотя никогда в жизни не видел старых кешей.

— Зеленые — это страшные демоны. Они не выходят из Мертвой Степи. Эмблемные люди кочуют южнее, за исключением случаев, когда они преследуют караваны. Караван, который мы не смогли захватить, будет вынужден сделать большой крюк на юг, чтобы избежать встречи с зелеными.

— А куда он направляется?

— Видимо, в Перу или в Ялк на Лесматическом море. Но, вероятнее, в Перу. Караваны Север — Юг курсируют между Ялком и Мазууном. Другие идут с востока на запад, то есть, между Перой и Коудом.

— А есть ли города, в которых живут люди?

Трез пожал плечами.

— Это вряд ли можно назвать городами. Просто обжитые места. Но я знаю слишком мало — лишь то, что говорят колдуны. Ты хочешь есть, да? Давай поедим.

Они расположились на поваленном дереве. В пакетах, украденных

Трезом, были большие куски овсяного пирога и пиво в кожаных бутылках. Трез показал на высокий сорняк с белыми ягодами:

— Пока нам будет встречаться растение паломников, нам не придется голодать. Видишь там черные колючки? Это ватак. В его корнях собирается большое количество сока. Но если будешь пить только ватак, можно оглохнуть. А за короткое время он не повредит

Рейт открыл свой аварийный комплект

— С помощью этой пленки я могу добывать грунтовую воду. А этим фильтром могу делать пригодной для питья воду морскую... Здесь у меня таблетки для питания, их хватает на целый месяц. Это энергетическая батарея, а это комплектный ящик. Нож, компас, сканоскоп, передатчик...

В радостном возбуждении Рейт одновременно проводил ревизию.

— А вот это что?

— Прибор системы установления контакта. В комплекте Пола Вондера была вторая часть, но она исчезла вместе с кораблем. Этим прибором я могу послать сигнал, на который тут же ответит второй прибор и укажет свое местонахождение.

Рейт нажал на кнопку. Стрелка компаса сразу же качнулась на северо-запад; счетчик выдал белую цифру 6,2 и красную 2.

— Другую часть прибора и, вероятно, космический корабль нужно искать в шестистах двадцати милях северо-западнее от этого места.

— Где-то в стране синих кешей. Это нам и так было известно.

Рейт посмотрел на северо-запад.

— На юг в марши или назад в лес нам идти нечего. Что находится за степью на востоке?

— Этого я не знаю. Быть может, океан Драшада. Но он очень далеко.

— А оттуда приходят караваны?

— Коуд находится в одном из заливов Драшады. Между ним и нами лежит степь Эмен, в которой живут разные племена. Кроме эмблемных людей, здесь живут и другие: бойцы-кайт, бешеные аксы, берловые тотемы, желто-черные и другие, которых я не знаю.

Рейт подумал. Синие кеши прихватили с собой космический корабль. Так что северо-запад был оптимальной целью.

Трез слегка задремал. Как владелец Онмале он был сильным и выносливым. Сейчас, когда у него нет эмблемы, он стал намного сдержаннее и впал в уныние. Таким Рейт его раньше представить себе не мог.

Рейт тоже устал. Солнце несло свое тепло, и место привала казалось надежным. Но он взбадривал себя и, пока Трез спал, снова перекладывал свои бесценные приборы.

Глава 3

Трез проснулся, смущенно посмотрел на Рейта и вскочил на ноги.

Они отправились в путь и пошли, как и договаривались, на северо-запад. Было утро, и солнце стояло на сером небе, как полированный медный диск. Воздух был приятно прохладным, и впервые после прибытия на Чай у Рейта появилось хорошее настроение. Тело его уже окрепло, аварийный комплект снова был при нем, и, к тому же, он знал, где примерно нужно искать космический корабль. По сравнению с его предыдущим положением это был явный прогресс.

После обеда они немного поспали и ближе к вечеру опять отправились в путь. Ночью снова слышен был вой собак, но, правда, они не трогали путников.

На следующий день они съели остатки припасов и выпили последнюю воду. Теперь они были вынуждены питаться растением паломников и пить сок из корней ватака. Белые ягоды были почти безвкусными, а сок кисловатым.

Утром третьего дня на западе в небе возникло белое пятно. Трез бросился в укрытие и предложил Рейту последовать его примеру.

— Это дирдиры, — объяснил он. — Они охотятся.

В сканоскоп Рейт рассмотрел длинный корпус, похожий на корабль, беспомощно качавшийся в воздухе. Казалось, что его создателей особенно не беспокоили ни красота, ни польза судна. Четыре бледные фигуры держались за корпус, но определить, дирдиры это или дирдир-люди, было невозможно. Корабль шел курсом, почти параллельным их собственному направлению, но на несколько миль западнее.

— А на кого они охотятся? — спросил Рейт.

— На людей. Это у них такой вид спорта. Они с удовольствием едят человеческое мясо.

— Этот летательный аппарат мог бы мне пригодиться. — Размышлял Рейт вслух. Несмотря на протесты Треза, он встал, однако летательный аппарат исчез в северном направлении. Трез снова успокоился, но все еще внимательно поглядывал на небо.

— Иногда они летают очень высоко, пока не увидят какого-нибудь воина. Тогда снижаются, нанизывают человека на копье или убивают электрическим током.

Они побрели дальше. Перед заходом солнца Трез снова стал проявлять признаки беспокойства.

— Нас кто-то преследует, — заявил он. — Может быть, это пнумеки, которых мы не видим. Или ночные собаки.

Солнце почти скрылось за стеной тумана, свет стал призрачно мрачным. Даже собственные тени они различали уже с трудом.

— Кто такие эти пнумеки? Это все-таки люди или?

— В определенном смысле, это люди. Но прежде всего они шпи-

оны и курьеры пнумов. Говорят, что под степью у них множество туннелей с тайными ходами и ловушками. Может, даже под этим кустом.

Рейт внимательно обследовал куст, на который показал Трез, но ничего не смог обнаружить.

— Думаешь, они смогут нам что-нибудь сделать?

— Только если пнумы желают нашей смерти. Но кто знает, что у них на уме? Может быть, это только ночные псы. Сегодня ночью нам лучше разложить костер.

Отбрасывая красноватые, коричневые и пурпурные тени, солнце село за горизонт. Трез и Рейт собрали для костра дров. Когда сумерки превратились в ночную тьму, с востока донесся вой ночных псов. Такой же вой ответил им с севера и юга. Трез приготовил свою катапульту.

— Огня они не боятся, — сказал он, — хотя, будучи сообразительными, его избегают. Говорят, что ночные псы — это звериный образ пнумов.

Когда темные тени сомкнулись за светлым кругом костра, Рейт приготовил оружие и энергетическую батарею, представлявшую собой многофункциональный прибор. На одной ее стороне крепился кристалл, излучавший при нажатии кнопки либо тонкий луч, либо рассеянный световой поток. С другой стороны специальной кнопкой включался мощный энергетический луч. Кроме того, ею можно было подзаряжать сканоскоп или трансмиттер. Рейт решил использовать это оружие лишь в чрезвычайных ситуациях и экономить энергию. Ручное оружие стреляло взрывающимися иглами и на расстоянии до пятидесяти метров очень точно поражало цель.

Трез подстрелил ночного пса, слишком близко подошедшего к костру. Черная тень высоко подпрыгнула и взвыла от боли.

— Если они сейчас прыгнут, мы погибли, — мрачно сказал Трез. — Вшестером люди еще могут как-то защищаться от ночных собак. Но, если людей пятеро, они почти всегда погибают.

Рейт выждал некоторое время, прежде чем применить энергетическую батарею. Прицелившись, он описал лучом полукруг вокруг костра. Оставшиеся в живых псы злобно взвыли и поспешили убраться прочь.

Трез и Рейт спали по очереди, и каждый надеялся, что во время его дежурства ничего не произойдет. Но, когда утром рассвело, они обнаружили, что все трупы ночных псов исчезли.

На завтрак они поели плодов растения паломников и выпили сок ватака. Затем продолжили свой путь на северо-запад. К вечеру подошли к городу, от которого остались одни руины. Трез считал, что в городе им нечего будет бояться ночных псов. Но приходилось при-

нимать во внимание возможность встречи с бандитами, зелеными кешами или фангами. Фангов Трез описал так:

— Они похожи на пнумов, только выше ростом и обладают немислимой силой, которую боятся даже зеленые кешы.

Когда они приблизились к самым большим руинам, Трез рассказал мрачные истории о фангах и их гнусных привычках.

— Руины могут быть и необитаемыми, — размышлял он вслух. — Но осторожность нам в любом случае не помешает.

— Кто построил эти древние города? — полюбопытствовал Рейт. Трез пожал плечами.

— Этого не знает никто. Может, старые, а, может, и синие кешы. А, может быть, серые люди. Только этому никто не верит.

Рейт слишком мало знал о расах на Чае и их человеческих спутниках — дирдирах и дирдир-людях, старых, зеленых и синих кешах и соответствующих кеш-людях; желтых маршевых людях и различных кочевых племенах; пнумах и их человеческих союзниках пнумах; легендарных желтых, а теперь еще и серых людях.

— А есть еще вонки и вонк-люди, — добавил Трез. — Они живут на другой стороне Чаа.

Он тоже не мог объяснить, каким образом попало на Чай такое количество разных рас и откуда.

Дошли до руин на краю города, и Трез, прислушиваясь, остановился. Рейт осмотрелся, но ничего опасного не заметил. Медленно пошли они среди развалин и руин. Когда-то это были величавые дворцы с огромными залами. Сейчас здесь высились лишь несколько колонн и стен, между которыми находились широкие, продуваемые ветрами пространства, заваленные камнями и бетоном.

На самой большой площади города они обнаружили колодец, питавшийся от подземных источников. Рейт нашел, что вода пригодна для питья, но Трез приблизился к колодцу с большой осторожностью. Он полагал, что где-то здесь обязательно должен находиться фанг, и с тревогой рассматривал прогнившую стену, окружавшую площадь.

— Откуда ты можешь это знать? — спросил Рейт.

Трез пожал плечами. Он не мог понять, как Рейт сам не видит того, что заметно невооруженным глазом. Вдруг он обратил внимание еще на что-то, чего не видел Рейт.

— Корабль дирдиров, смотри же!

Они пробрались в укрытие под нависший кусок бетона, и через мгновение корабль проплыл над их головами. Описав большой круг, он повис над площадью на высоте около двухсот метров.

— Странно, — пробормотал Трез. — Как будто им известно, что мы находимся именно здесь.

— Наверное они используют инфракрасную поисковую установку.

Мы на Земле находим след человека по теплу, оставленному его ногой.

Наконец летательный аппарат исчез в западном направлении. Трез и Рейт возвратились к колодцу. После трех дней сока ватака Рейт смог насладиться прохладой прозрачной воды. Но Трез предпочел наловить больших насекомых, сидевших между камней. Предусмотрительно сняв с них кожу, он с аппетитом их съел. Рейт был еще недостаточно голоден, чтобы последовать его примеру.

Вскоре солнце закатилось за потрескавшиеся колонны и полупрогнившие арки. Туман цвета персика повис над степью, и Трез предсказывал изменение погоды. Рейт предложил найти убежище от возможного дождя под нависшей бетонной глыбой. Но Трез не хотел об этом даже слышать.

— Фанги! Они найдут нас по запаху, — заявил он и выбрал местом ночлега площадку на полуразрушенной лестнице на высоте около десяти метров. Рейт, несмотря на грозные черные тучи, не протестовал, и они вместе стали собирать ветки для подстилки.

Старый город наполнился сумеречными тенями. На площадь вышел человек. Казалось, что он очень устал. Увидев колодец, он жадно припал к нему.

Рейт рассматривал человека в сканоскоп. Тот был высоким и стройным, с длинными руками и ногами, продолговатой узкой и почти лысой головой, круглыми глазами, маленьким круглым носом и крошечными ушами. На нем были остатки некогда, видимо, элегантной одежды розово-сине-черного цвета. На голове красовалось сооружение из розовой ткани и черных лент.

— Дирдир-человек, — прошипел Трез и направил свою катапульту на усталого странника.

— Подожди, — возразил Рейт. — Что ты хочешь делать?

— Я хочу его убить.

— Но он не сделал нам ничего плохого. Почему же ты не хочешь оставить несчастного в живых?

— Ему просто не представилось случая что-либо нам сделать, — пробормотал Трез, но оружие отложил. Дирдир-человек напился и внимательно осмотрелся.

— Кажется, он заблудился. Может быть, он беглец, и это его разыскивает корабль дирдиров?

— Возможно. Откуда мне знать? — буркнул Трез.

Дирдир-человек пересек площадь, выбрал себе убежище совсем близко от основания лестницы, закутался в свои разорванные одежды и улегся спать. Трез что-то пробормотал и, казалось, сразу заснул. Рейт смотрел на разрушенный город и думал о своей необычной судьбе.

На востоке возшел Эз. Его бледно-розовое сияние мерцало из-за

дымки тумана и отбрасывало на городские руины неестественный свет Вид был захватывающим — как в фантастическом сне За Эзом последовал Брез, и теперь потрескавшиеся колонны и разрушенные стены отбрасывали двойные тени.

Силуэт в конце некогда живописной улицы напоминал фигуру задумавшегося человека. «Кажется, я его тут раньше не видел», — подумал Рейт. Это была очень худая, похожая на человеческую, фигура, ростом более двух метров, с ходульно поставленными ногами и головой, склоненной будто в раздумьях. Одна рука лежала на подбородке, другая была спрятана за спину Мягкая шляпа с полями покрывала голову, на плечах висел плащ, а ноги казались обутыми в сапоги. Была ли это статуя? Или фигура шевелилась?

Рейт взял в руки сканоскоп и только тогда смог рассмотреть худое лицо, нечто среднее между человеческим и насекомым, растянутым в гримасу. Челюсти что-то медленно пережевывали. Фигура пошевелилась и снова замерла. Затем огромная рука поднялась в жесте, который Рейту был совершенно непонятен. Тем временем проснулся Трез и проследил за взглядом Рейта.

— Фанг, — прошептал он.

Казалось, что тварь это услышала, повернулась и сделала два танцующих шага в сторону.

— Это сумасшедшие демоны, — пояснил Трез.

Дирдир-человек еще не заметил фанга. Он плотнее закутался в свои лохмотья. Казалось, что фанг удивился. Приблизившись двумя длинными прыжками, он остановился над дирдир-человеком. Посто-яв, поднял камешек и бросил его на спящего.

Дирдир-человек испуганно вздрогнул, но по-прежнему не видел фанга. Рейт крикнул:

— Хе!

Трез испуганно шикнул на него, но действие крика на фанга выглядело внешне забавно. Он сделал огромный прыжок назад, устояв на лестницу и расставил руки. Только сейчас дирдир-человек увидел фанга и, вскочив на колени, замер от ужаса.

— Зачем ты кричал? — спросил Трез. — Он бы удовлетворился этим дирдир-человеком.

— А ты выстрели из своей катапульты, — попросил его Рейт.

— Ни одна стрела в него не попадет, ни один меч не ранит, — хмуро ответил Трез.

— Так выстрели ему в голову.

Трез вздохнул, прицелился и выстрелил из катапульты в бледное лицо. В последнюю секунду фанг отвернулся, и стрела попала в камень.

Фанг схватил большой обломок, подбросил его в руке и с огромной

силой швырнул. Трез и Рейт бросились на пол, и камень разлетелся за ними на куски.

Рейт больше не терял времени и прицелился в фанга из своего оружия. Раздался щелчок, что-то зашипело, и игла взорвалась в груди у фанга. Тот подскочил, захрипел от гнева и, скорчившись, упал.

Трез обнял Рейта за плечи:

— Скорее убей дирдир-человека, пока он не убежал.

Рейт спустился вниз. Дирдир-человек схватился за свой меч и это, казалось, было его единственное оружие. Рейт повесил свой пистолет на пояс и поднял руку.

— Убери свой меч,— предложил он.— У нас нет причин драться.

Удивленный дирдир-человек на шаг отступил.

— Зачем ты убил фанга? — спросил он.

— Потому, что он хотел убить тебя. Зачем же еще?

— Но мы чужие друг другу. А ты получеловек. Если же ты хочешь меня убить...

— Нет,— ответил Рейт.— Я только хотел тебя кое о чем спросить. После этого ты спокойно можешь идти своей дорогой.

Дирдир-человек скорчил гримасу:

— Ты такой же ненормальный, как и этот фанг. Почему я должен тебе что-то объяснять?

Ой, подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть Рейта и Трезу:

— Вы здесь живете?

— Нет, мы путешественники.

— Значит, вам не известно здесь подходящее место, где бы я мог провести ночь?

Рейт посмотрел на лестницу.

— Залезай туда. Мы тоже спим там.

Дирдир-человек щелкнул пальцами:

— Это не в моем вкусе. Да и дождь может пойти.— Он посмотрел на мертвого фанга.— Но вы приятные люди, гостеприимные и интеллигентные, как я вижу. А я устал, и мне нужен покой. Так что, пока я буду спать, вы можете покараулить.

— Убей этого бессовестного нахала! — крикнул Трез.

Дирдир-человек засмеялся, и это прозвучало как потустороннее хихиканье. Он обратился к Рейту:

— Ты весьма необычный получеловек. К какой расе ты принадлежишь? Редкий гибрид, не так ли? И где находится твоя родина?

Рейт пришел к выводу, что будет лучше как можно меньше привлекать к себе внимание. Он решил больше не говорить о своем земном происхождении. Но Трез был настолько возмущен наглостью пришельца, что закричал:

— Родина? Он прилетел с Земли — очень далекой планеты! И эта планета — родина таких же людей, как мы. Это ты сам урод!

Дирдир—человек укоризненно покачал головой:

— Вы кажетесь мне сумасшедшей парой. Конечно, чего же еще можно от вас ожидать?

Рейт поспешил сменить тему:

— А ты что здесь делаешь? Уж не тебя ли искал петательный корабль дирдиров?

— Да, я этого боюсь. Но мне пока что удастся от них скрываться. Им не удастся меня найти.

— Какое же преступление ты совершил?

— Это не важно. Вам все равно не дано этого понять.

Рейт весело засмеялся и возвратился на лестницу.

— Я ложусь спать. Если ты хочешь дожиться до утра, тебе придется забраться как можно выше, чтобы быть вне досягаемости фангов.

Рейт и Трез снова вскарабкались на свое место, а дирдир—человек устроился на ночлег рядом с ними. Между тем, облака сдвинулись, хотя дождь еще не начался. Сумерки сгустились, и их свет стал цвета грязной воды. Дирдир—человек первым покинул свое место. Рейт и Трез тоже спустились на площадь и, чтобы согреться от утренней прохлады, разложили небольшой костер. Дирдир—человек появился на другой стороне площади.

Почувствовав, что к нему настроены не враждебно, он медленно подошел поближе. Выглядел он, как оборванный арлекин. Трез наморщил лоб и сделал вид, что занимается костром. Но Рейт доброжелательно приветствовал его:

— Иди к нам, если хочешь.

Трезу это совсем не понравилось.

— Этот тип еще нам что-нибудь устроит,— пробурчал он.— Он же принадлежит к расе гладкоязычных людоедов.

Рейт об этом совсем забыл и обстоятельно рассматривал чужака. Некоторое время все молчали. Дирдир—человек первым нарушил молчание:

— Чем дольше я рассматриваю вас, вашу одежду и ваши приборы, тем загадочнее вы становитесь для меня. Откуда же вы?

— Скажи нам, кто ты,— попросил Рейт.

— Это не секрет. Меня зовут Анке Анахо, родился в Замбервале, в Четырнадцатой провинции. Сейчас меня объявили преступником, и я стал беглецом. Так что мои дела ничуть не лучше ваших, и я ничего не хочу приукрашивать. Вот и сидим мы, трое беспризорных странников, у костра.

Трез что-то пробормотал, но Рейт не обратил на это никакого внимания

— Какое же преступление ты совершил? — спросил он.

— Ты вряд ли это поймешь. В общем, я оцениваю заслуги некоего Энзо Эдо Эздовирама как слишком незначительные, а тот донес на

меня в Совет Первой Расы. Хоть я и верю в их мудрость, но отказал им в удовольствии меня наказать. Я повторил свое обвинение минимум десять раз. Наконец, в порыве раздражения я схватил его кресло и, оттащив на мило, бросил его в степи.

Анахо сделал безразличный жест.

— Во всяком случае, я лишил себя сочувствия даже тех, кто до этого был на моей стороне. Именно поэтому я сейчас здесь, не имея ни планов, ни средств, а только лишь мои...

Тут он употребил слово, которое можно только описать, используя такие слова, как превосходство, изысканная интеллигентность, личная энергия, нерушимая надежда, если извлечь из этих добродетелей преимущественные черты.

Трез задрал нос и приступил к охоте для завтрака. Анахо с интересом за ним наблюдал, а потом и сам стал ловить больших насекомых, заглатывая их с удивительным аппетитом. Рейт же довольствовался пригоршней плодов растения паломников.

Когда дирдир-человек удовлетворил свой аппетит, он вернулся, чтобы рассмотреть одежду и оснащение Рейта.

— Я помню, что юноша сказал слово «Земля» — далекая планета. И я, возможно, поверил бы этому, если бы ты выглядел не как полу-человек. Именно по этой причине такое утверждение абсурдно.

Трез надменно заметил:

— Земля — это бывшая родина людей. Мы настоящие люди, а ты лишь монстр.

— Просвети нас, — сказал Рейт шелковым голосом, — как люди попали на Чай?

Анахо подумал.

— История всем известная и довольно ясная. На родной планете праотцов Сибол Большая Рыба отложила икринку. Ее выбросило на берег Ремура. Одна половинка икринки оказалась на солнце, и из нее вышел дирдир. Вторая половинка икринки попала в тень и стала дирдир-человеком.

— Как интересно, — воскликнул Рейт. — А как же с кеш-людьми? А с Трезом? А со мной?

— Объяснение совершенно не сложное. Меня удивляет твой вопрос. Пятьдесят тысяч лет назад дирдиры прилетели с Сибола на Чай. Во время последовавших войн старые кеши взяли в плен несколько дирдир-людей, другие были захвачены пнумами, а позднее и вонками. Все они стали кеш-людьми, пнумеками и вонк-людьми. Беглецы, преступники и бунтовщики скрестились с ними, и появились полуплюди. Вот так оно и было!

Трез посмотрел на Рейта:

— Расскажи этому дураку о Земле, чтобы он понял, насколько он глуп.

Но Рейт на это лишь засмеялся.

Анахо в замешательстве посмотрел на него

— Наконец—то ты перестал задавать вопросы. Ответь мне, куда ты держишь путь?

Рейт показал на северо—запад:

— Пера.

— А, в Город Потерянных Душ за Мертвой Степью... Ты туда никогда не доберешься. В Мертвой Степи господствуют зеленые кеши.

— А можно ли избежать встречи с ними? Ведь караваны как—то тянутся по степи. Где находится караванный путь?

— Недалеко отсюда, севернее.

— Тогда и мы поедем с караваном.

— В лучшем случае вас продадут в рабство. Караванщики не особенно церемонятся. Зачем вам в Перу?

— У меня для этого имеются веские основания. А какие планы у тебя?

— Никаких. Я, как и вы, бродяга. Если вы не возражаете, я могу отправиться с вами.

— Как хочешь,— ответил Рейт, пропуская мимо ушей протесты Треза.

Они пошли дальше на север. Взойдя на невысокие холмы, сделали привал под деревьями с мягкими синими и голубыми листьями, усыпанными тугими красными плодами. Трез объяснил, что они ядовиты. С холма им была видна Мертвая Степь — широкая серая пустыня, на которой то тут, то там виднелся лишь дрок или торчал куст растения паломников. С юго—востока вокруг холмов тянулась двойная колея и исчезала между скал на северо—западе. Другая колея терялась между холмами, а еще одна шла на северо—восток.

Трез показал пальцем:

— Посмотри своим инструментом вон туда,— сказал он Рейту.— Что ты там видишь?

— Дома... Их немного, даже не деревня. А в скалах я вижу оружейные позиции.

— Это, видимо, караванная станция Казаберд,— сказал Трез.— Там караваны обмениваются грузами. Пушки стоят для защиты от зеленых кешей.

— Наверное, там есть и гостиница! — радостно воскликнул дирдир—человек.— Пойдем! Я мечтаю принять ванну. Я еще никогда в жизни не был таким грязным, как теперь.

— Как же мы сможем за это заплатить? — спросил Рейт.— У нас нет ни денег, ни товаров для обмена.

— Не бойтесь, у меня с собой достаточно секвинов,— заявил дирдир—человек.— Их хватит на всех нас. Мы, представители второй

расы, не благодарные и не жадные. А вы меня очень выручили. И этот юноша сможет получить там цивилизованную пищу. Возможно, впервые в своей жизни.

Трез приготовился дать гордый сокрушительный ответ, но увидев, что Рейт обрадованно улыбается, принудил и себя улыбнуться.

— Для нас будет лучше поскорее убраться отсюда, — предложил он. — Это место опасно, просто находка для зеленых кешей. Вы видите следы? Отсюда они наблюдают за караванами. — Он показал на юг. — Посмотрите, там как раз идет караван.

— В таком случае, поспешим в гостиницу, чтобы занять номера, пока не подошел караван. Я не желаю еще одну ночь спать под кустом дрока, — сказал дирдир-человек.

Прозрачный воздух Чая и удаленность горизонта весьма затрудняли правильное определение расстояния. Когда они спустились с холма, караван уже находился на дороге. Он состоял из шестидесяти или семидесяти огромных повозок, которые были так тяжело нагружены, что с трудом могли изменять направление движения. Повозки имели по шесть очень высоких колес. Некоторые приводились в движение машинами, в другие были впряжены большие серые животные с маленькими головами, казалось, состоящими лишь из пасти и глаз.

Путники пропустили караван вперед. Три илантских разведчика проехали на конях гордо, как короли; это были высокие широкоплечие люди с резкими чертами лица. Их кожа была ярко-желтого цвета, а волосы, цвета вороньего крыла, блестели, будто лакированные.

На голове они носили остроконечные шапки с человеческими черепами без челюстей, под которыми задорно развевались пряди волос. Каждый из них был вооружен длинным тонким мечом, похожим на рапиру эмблемного племени, за поясом у каждого торчали по два пистолета, в правом сапоге — два кинжала. Странников они окинули мрачными взглядами.

Одни повозки были загружены коробками, ящиками и тюками, на других стояли большие клетки, в которых теснились дети, женщины и молодые мужчины. Каждая шестая повозка была снабжена пушкой, за которой торчали серокожие люди в черных штанах и черных кожаных шлемах. У пушек были короткие стволы большого калибра, видимо, это были безоткатные орудия. Другие пушки имели длинные малокалиберные стволы, которые показались Рейту огнеметами.

— Это караван из Иобы, — сказал Трез Рейту. — Если бы мы его захватили, я до сих пор мог бы носить Онмале. Но я об этом не жалею. Онмале меня очень угнетала.

Около десяти повозок были нагружены темным пятнистым деревом, другие повозки имели трехэтажные надстройки из старых, истертых дождями досок, с куполами, палубами и затененными веран-

дами. Рейт смотрел на них, полный зависти. Оказывается, и по степям Чая можно комфортабельно путешествовать! Одна особенно большая повозка несла на себе целый дом с зарешеченными окнами и обитыми железом дверьми. Передняя палуба была обнесена проводочной сеткой. Внутри сидела молодая женщина необычайной красоты. Темные волосы падали на ее плечи, а глаза были такими ясными, как темно-коричневые топазы. Она казалась очень темпераментной, была стройной и имела кожу цвета свежего песка. На ней была маленькая красно-розовая шапочка, темно-красная туника, мятые, несколько грязные штаны из белого полотна. Когда повозка проезжала мимо странников, Рейт поймал ее, полный меланхолии, взгляд. С обратной стороны повозки у открытой двери стояла высокая женщина со строгими чертами лица и блестящими глазами. Ее жесткие серо-коричневые волосы были коротко подстрижены.

Три странника последовали за караваном в широкий песчаный двор. Караванщик — маленький шустрый пожилой человек — поставил повозки в три ряда: повозки с грузом — рядом со складом, затем следовали повозки с рабами и бараками, а к ним пристроили повозки с пушками, стволы которых были направлены на степь.

На другой стороне двора находился караван-сарай — двухэтажная гостиница из спрессованной земли. Таверна, кухня и ресторанчик занимали нижний этаж. Над ними располагался ряд маленьких комнат, двери которых выходили на веранду. Три бродяги нашли хозяина в ресторанчике. Это был набыченный человек в черных сапогах и коричневом переднике. Кожа его была серой, как древесный уголь. Он высоко поднял брови и подозрительно посмотрел на всех троих: Треза в одежде кочевника, Анахо в некогда элегантном костюме дирдиров и Рейта в земном облачении. Но, тем не менее, пообещал жилье и приобретение новой одежды.

Обстановка крошечных комнат состояла из кровати с матрасом из кожаных полос, натянутых на деревянную раму, на котором лежало немного соломы. На туалетном столе стоял таз для умывания и кружка. После долгого изнурительного путешествия по степи это показалось трем путешественникам почти люксом. Рейт вымылся, побрился аппаратом из аварийного комплекта и надел новую одежду, покрой которой показался ему просто немыслимым: широкие штаны из серо-коричневого полотна, рубашка из грубого белого шерстяного материала и черный жилет с короткими рукавами.

Он вышел на веранду и посмотрел вниз во двор. Какой далекой казалась ему предыдущая жизнь на Земле. По сравнению с расовым многообразием на Чая она казалась монотонной и унылой. Но, все-таки, он по ней тосковал. Сейчас он уже не так остро воспринимал свою изоляцию, как сначала. Его новая жизнь преподносила ему достаточно неожиданностей.

Через двор Рейт посмотрел на повозку с обитым железом домом. Значит, красивая девушка была пленницей. Что же могло ее ожидать?

До того, как Рейт спустился в ресторан, он распахнул по карманам кое-что из своего аварийного комплекта. Остальное спрятал в тазу.

Трез сидел внизу на скамейке. Было видно, что он никогда не бывал в таком месте и сейчас ему не хотелось выглядеть дураком. Рейт засмеялся и хлопнул его по плечу, на что тот несколько принужденно улыбнулся.

Появился Анахо. В одежде обитателя степей он уже не так бросался в глаза. Тройка вошла в ресторан, где они заказали себе густой суп с хлебом. Рейт решил на всякий случай не спрашивать, из чего этот суп сварен.

После еды Анахо посмотрел на Рейта и осведомился:

— Вы хотите ехать отсюда в Перу?

— Да.

— Пера еще и Город Потерянных Душ. Правда, так говорят скорее для красного словца, — с грустью сказал дирдир-человек. — Теологи дирдиров весьма своеобразны в выражении своих мыслей. «Душа» в этом случае значит скорее «вызов». Но я далек сбить тебя с толку. Пера является конечным пунктом этого каравана. Я предпочитаю ехать и поэтому предлагаю выбрать самый удобный способ поездки, который может предложить караван.

— Отличная идея, — согласился Рейт. — Я все-таки...

— Знаю, знаю, — возразил Анахо. — Не надо об этом беспокоиться. Я обещал тебе и юноше, вы вежливые и обходительные, и поэтому...

Трез в гневе вскочил.

— Я носил эмблему Онмале! — возмущенно заорал он. — Ты что, не понимаешь? Ты думаешь, что уходя из лагеря не захватил с собой секвинов? — Он хлопнул на стол мешок. — Дирдир-человек, мы ведь не указываем на твою надменность!

— Как знаешь, — ответил Анахо и посмотрел на Рейта.

— Так как я не располагаю секвинами, то с благодарностью приму то, что мне предложат... Все равно, кто, — ответил Рейт.

Тем временем ресторан наполнился людьми каравана, и все они требовали еду и питье. Когда караванчик поел, Трез и Рейт подошли к нему, чтобы осведомиться о возможности поездки до Перы.

— Если вы не очень торопитесь, то можете ехать с нами, — сказал тот в ответ. — Мы здесь будем ждать караван Эйг-Хедайдя с севера. А потом через Гольссе поедем дальше. Если же вы спешите, то вам придется подыскать себе что-нибудь другое.

Рейт с удовольствием отправился бы в путь немедленно, так как очень беспокоился о судьбе своего космического корабля. Но более

удобной возможности не представлялось и ему приходилось быть терпеливым.

Другие также с нетерпением ожидали продолжения поездки. Две женщины в длинных черных одеяниях сели за стол. Одна из них была тощей и длинной.

— Баоииан, сколько мы еще будем здесь ждать? — спросила она. — Я слышала, пять дней. Но это исключено! Мы слишком поздно прибудем на семинар.

— Мы должны дождаться здесь каравана, идущего с севера, — объяснил старик обеим женщинам. — Нам надо произвести с ними обмен товарами. После этого немедленно отправимся дальше.

— Но нас ждут в Фазме очень срочные и важные дела.

— Матушка, я тебя заверяю, что мы доставим тебя на твой семинар с максимально возможной быстротой, — получила она ответ.

— Но это недостаточно быстро. Я требую, чтобы ты немедленно ехал дальше.

— Так не выйдет, матушка. Может ты еще чего-нибудь хочешь?

Обе женщины резко отошли к дальнему столу у стены.

Рейта разобрало любопытство:

— Кто эти двое? — спросил он.

— Это священнослужительницы женских таинств. Известен ли вам этот культ? Он очень распространен. Из какой страны вы приехали?

— Из очень далекого края... Но скажи мне, кто эта молодая женщина, которую держат в клетке? Тоже священница?

Баоииан встал.

— Она рабыня из Хархана, кажется мне. Ее везут на ритуал в Фазм. Но меня это совершенно не касается, так как я всего лишь караванщик и курсирую между Коадом на Дауне и Тостханогом на Шаницадовом море, туда и обратно.

Он пожал плечами и сжал губы.

— Если я их беру, то не спрашиваю о целях... Мне все равно, священнослужительница или рабыня, дирдир-человек, кочевник или неклассифицированный гибрид. — Засмеявшись, он отошел прочь.

Вся троица возвратилась за свой стол, и Анахо задумчиво посмотрел на Рейта:

— Странно, действительно очень странно... Я имею в виду твою экипировку. Такая же отличная, как и изделия дирдиров. Покрой твоей одежды на Чае неизвестен. С одной стороны, ты не знаешь совершенно ничего. С другой же, ты очень искусен. Мне кажется, что ты можешь быть и тем, кого из себя изображаешь — человеком с другой планеты... Несмотря на то, что само по себе это абсолютно абсурдно. — Сказал он.

— Я тебе ничего не доказывал, — возразил Рейт.

— Но юноша...

— Тогда вы должны разбираться друг с другом.

Рейт повернулся к священнослужительницам, занятым своей едой. Две другие священницы привели прекрасную пленницу. Им сообщили о разговоре с караванщиком. Причем гнев священнослужительниц, вызванный его словами, до сих пор не утих. Красивая девушка выглядела очень мрачной и, когда ей под нос подсунили миску с супом, стала безразлично есть. Рейт не мог отвести от нее глаз. «Если она рабыня, — размышлял он, — то, возможно, священницы собираются ее продать. Хотя, скорее всего, нет, так как девушка такой необыкновенной красоты предназначалась, должно быть, для других целей».

Рейт вздохнул и искал себе другой объект для наблюдений. Он заметил, что иланты также были очарованы девушкой. Они смеялись, шутили и толкали друг друга. Их движения были весьма непристойны, и Рейта это злило. Неужели они не понимают, что этой девушке уготована печальная участь?

Священницы встали и пошли вместе с пленницей во двор. Там они какое-то время ходили туда-сюда. Иланты тоже вышли во двор и устроились на корточках вдоль стены. Они сменили свои военные шапки с человеческими черепами на четырехугольные береты и мягкие шапочки из коричневого бархата, и каждый прилепил себе на желтую щеку украшение — маленькую фиолетовую наклейку. Они жевали орехи и выплевывали кожуру. Никто не отводил взгляда от девушки. Один вскочил, пошел за священницами с девушкой и попытался с ними заговорить. Одна из них гневно обратилась к небу и сердито сказала что-то иланту. Но бесстыдно улыбающийся илант не отстал. Тогда к нему подошла коренастая священница и ударила его в голову. Илант зашатался и грубо выругался. Священница ударила его ногой, вторая сделала то же самое, и илант во весь рост растянулся на земле. В конце концов ему удалось увернуться от разгневанных священниц и отползти в сторону. Друзья встретили его веселыми криками.

Священнослужительницы спокойно продолжили свой путь. Солнце садилось за горизонт и отбрасывало во двор длинные тени. Постепенно в караван-сарай воцарилась тишина. В это время с гор спустилась группа артистов, маленьких белокожих людей с желто-коричневыми волосами и резкими профилями, чьи женщины исполнили старинный подпрыгивающий танец, сигналом к которому послужил удар гонга. Бедно одетые дети, собирая монеты, пошли с тарелками по кругу. Путешественники натянули на повозках крыши, чтобы защититься от сходящего с гор ночного воздуха. Священницы с красивой девушкой ушли к себе в дом-повозку.

Стемнело, и на повозках зажглись огни. На горизонте еще виднелись фиолетовые отблески света.

Рейт съел еще миску пряного мяса с куском грубого хлеба и на

десерт получил сушеные фрукты. Некоторое время он смотрел на артистов, затем принялся наблюдать за звездами. Где-то там наверху была далекая, невидимая невооруженным глазом звезда, удаленная от Чая на двести двенадцать световых лет. Его родина...

Он подошел к повозке священнослужительниц, которая притягивала его, как магнит. Священницы сидели на веранде, девушка стояла в клетке.

— Девушка, — тихо позвал он. — Девушка!

Она посмотрела на него, но ничего не ответила.

— Подойди сюда, чтобы мы могли поговорить, — предложил он, и она подошла к сеточному ограждению.

— Что они хотят с тобой сделать? — спросил он.

— Я этого не знаю. — Ее голос звучал мягко и немного хрипло. — Они украли меня из моего дома в Кате, посадили на корабль и заперли в клетке.

— Почему?

— Потому, что я красива. Так они, по крайней мере, говорят. Тсс!.. Они нас слышат. Спрячься!

Рейт затаился. Одна из священниц подошла, заглянула в клетку, но ничего не заметив, снова удалилась.

— Она ушла, — позвала девушка.

Рейт встал. Несколько игриво он подошел ближе.

— Ты хочешь выбраться из этой клетки? — спросил он.

— Конечно! — Она сказала это с болью. — Я не хочу иметь дело с их ритуалами! Они меня ненавидят, потому что сами они ужасно уродливы. — Она пристально посмотрела на Рейта: — А я тебя сегодня уже видела. Ты стоял у дороги.

— Да, я тебя тоже заметил.

— А сейчас иди. Они могут снова вернуться, — попросила она.

Рейт шмыгнул прочь и с некоторого отдаления наблюдал, как священницы увели девушку в дом. После этого он снова вернулся в ресторанчик, где шла игра в своеобразные шахматы с сорока девятью полями и семью фигурами с каждой стороны. Другие посетители были заняты игрой в карты. Несколько мужчин из каравана музицировали. Мелодия очаровала Рейта.

Трез и дирдир-человек уже давно спали в своих комнатах, вскоре и Рейт последовал их примеру.

Глава 4

Рейт проснулся с чувством неосознанной мрачной угрозы, причину которого не мог понять. Но вскоре ему все стало ясно: это священнослужительницы Женских Таинств, державшие у себя в плену кра-

сивую девушку. В конце концов, с его стороны было глупостью думать о таких делах! Чего он мог добиться?

На завтрак он получил миску овсянки, которую принесла неряшливая дочка хозяина. После еды он уселся на скамейку во дворе и принялся наблюдать за девушкой. Священницы постоянно сопровождали ее, однако по сторонам не смотрели. Они скрылись в караван-сараях. Через полчаса вышли оттуда с одним из маленьких горцев; он ухмылялся и заговорщицки кивал им головой. Иланты вышли из ресторанчика, бросая на священниц косые взгляды, и вывели своих лошадей во двор, где принялись счищать с их серо-зеленой кожи роговые наросты. Наконец священницы закончили переговоры с маленьким человечком и исчезли вместе с девушкой.

Появился Трез и сел рядом с Рейтом. Он показал на степь.

— Приближается большой отряд зеленых кешей, — сказал он. — Я чувствую запах их костров.

— Я не чувствую, — сказал Рейт.

Трез пожал плечами:

— Их триста или четыреста. Знаешь, маленький отряд не пускает по ветру столько дыма. А здесь дыма минимум на триста зеленых кешей.

Но Рейт его больше не слышал.

Иланты оседлали своих коней и отъехали недалеко в степь. Анахо посмотрел им вслед и засмеялся:

— Сейчас они не откажут себе в удовольствии позлить священниц.

Рейт вскочил.

Когда девушку проводили мимо илантов, те напали, перекинули ее через седло и быстро поскакали в горы. Священницы беспомощно смотрели им вслед. Очнувшись, они с воплями помчались во двор к караванщику Баойиану, указывая дрожащими пальцами вдаль.

— Они украли девушку из Ката, — жаловались они.

— Когда они с ней позабавятся, то вернутся обратно, — равнодушно сказал тот.

— Но тогда она уже не будет годиться для нашего дела, — взвыла священница. — Какое несчастье! Я являюсь Великой Матерью семинарии в Фазме. А ты еще сомневаешься, помогать ли мне?

Караванщик плюнул в пыль:

— Для меня главное, чтобы в порядке был караван. И я не помогаю никому. Ни для чего, кроме моих повозок, у меня нет времени.

— Но это же твои подчиненные. Позови их назад!

— В степи я не могу им приказывать.

— Что же нам теперь делать? Нас ограбили и никто не хочет нам помочь.

Рейт вскочил в седло одной из лошадей и помчался в степь. Сделал он это совершенно подсознательно. Караванщик завопил ему

вслед, но судьба девушки была для Рейта важнее, чем лошадь, которую он одолжил.

Иланты не успели еще далеко отъехать. Они скакали вдоль долины к песчаному подножию холма. Там девушка испуганно съежилась у камня. Когда Рейт подъехал, иланты только успели привязать своих лошадей.

— Что тебе надо? — недружелюбно спросили они. — Исчезни! Мы хотим попробовать эту девочку из Ката.

— Ей как раз нужен урок для женских таинств, — сказал один из них и скабрёзно засмеялся.

Рейт достал свой пистолет.

— Я могу пристрелить вас всех — Он кивнул девушке. — Идем!

Но и его она боялась, так как не знала, что он собирается с ней делать. При этом иланты стояли, шевеля длинными обвислыми усами. Девушка медленно забралась в седло коня, стоявшего перед Рейтом. Тот развернул его и поскакал обратно. Иланты тоже вскочили в седла и с воплями и проклятиями промчались мимо них.

Когда они подъехали к караван-сарая, священницы стояли во дворе и приветствовали Рейта повелевающими жестами.

— Сколько они тебе заплатили? — резко спросила девушка.

— Совершенно ничего, — ответил Рейт. — Я сам решаю, что мне делать.

— Отвези меня домой, в Кат, — жалобно попросила она. — Мой отец даст тебе все, что ты пожелаешь.

Рейт указал на приближающуюся черную линию на горизонте:

— Видишь, это зеленые кеши. Так что пойдем пока лучше в гостиницу.

— Но эти дамы снова запрут меня в клетку, — взмолилась она. — Они меня ненавидят и хотят причинить зло! Смотри, вот они идут! Отпусти меня!

— В степь? Одну? Нет, я этого не допущу. И я не позволю, чтобы они тебя снова заперли.

Священницы встали в проходе между блоков, вырубленных в скале.

— О, святой человек, — воскликнула старшая, — ты поступил благородно. Надеюсь, ее не успели обесчестить?

— Тебя это не касается, Великая Мать, — сказал Рейт.

— Как? Что? Почему же это меня не касается?

— Теперь она принадлежит мне. Я отнял ее у воинов. Идите к себе и требуйте возмещения ущерба. А я оставляю себе то, что для себя добыл.

Священницы язвительно засмеялись:

— Мы — священнослужительницы Женских Таинств. Ты это по-

нимаешь, глупец? Отдай нам нашу собственность или тебе будет плохо!

— Если вы не уберете руки от моей собственности, то станете скоро лишь мертвыми священниками! Это вам ясно?

С этими словами Рейт въехал во двор. Там он сплез с лошади и помог сойти на землю девушке. Он уже понял, почему инстинкт погнал его за илантами.

— Как твое имя? — спросил он ее.

Она на мгновение задумалась, будто Рейт загадал ей загадку.

— Мой отец — владыка Голубого Дворца Йаде. Мы принадлежим к азгисной касте. Иногда меня называют Голубым Цветком Йаде, иногда Прекрасным Цветком или Цветком Ката. Мое цветочное имя — Юлин-Юлан.

— Для начала достаточно, — констатировал Рейт. — Это несколько сложно. Что же мне теперь с тобой делать?

Он отвел ее к дальнему столу в глубине ресторана караван-сарая. Во дворе все священницы говорили что-то караванщику, а он их вежливо слушал.

Рейт сказал девушке:

— Я не знаю законов. И я боюсь, что тебя у меня отнимут.

— Здесь в степи законов не существует, — ответила она. — Здесь правит лишь страх.

Подошел Трез и уставился на девушку.

— Что ты собираешься с ней делать? — спросил он у Рейта.

— Если смогу, доставлю ее домой.

— Я дочь знатной семьи, — сказала Юлин-Юлан. — Ни одно из твоих желаний не останется неисполненным. Мой отец построит тебе дворец.

Это несколько успокоило Треза.

— Ну ладно, это не так уж безнадежно, — согласился он.

— Для меня уж как сказать, — заявил Рейт. — Я должен найти свой космический корабль. Если ты хочешь отвезти ее в Кат, то давай. Ты сможешь начать совершенно новую жизнь.

Тут к столу подошел караванщик и от имени священниц потребовал возвращения девушки. Конечно же Рейт это требование отклонил, и Баойиан с ним согласился:

— И я такого же мнения. Но священниц, в конце концов, ограбили. Я попытаюсь им объяснить, что ты имеешь право на девушку. И я очень надеюсь, что этот случай не нарушит мира и спокойствия в караване. Безопасность каравана — моя наипервейшая задача.

— Я понимаю, что они потерпели убытки. Но меня это абсолютно не касается, — ответил Рейт. — Ведь они и пальцем не пошевелили, чтобы вырвать девушку из рук илантов.

— Думаю, их настроение от твоих слов лучше не станет, — заметил

Баойиан.— Для ритуала им необходим определенный тип девушки. А сейчас придется срочно подыскивать замену. Но в любом случае я передам им ваше мнение.

— Надеюсь, что это не касается нашего договора о поездке с караваном? — спросил Рейт.

— Нет, конечно нет! — убедительно подтвердил караванщик.— Воровства и насилия я не терплю, так как в моем деле очень важна безопасность. Он повернулся и ушел.

Во время разговора подошел Анахо и с видом знатока принялся рассматривать Юлин—Юлан.

— Она — Золотая Йао, очень старая раса. Гибрид первых тансов и первых белых. Сто пятьдесят лет назад у них неожиданно развилась мания величия и они попытались разрабатывать новую технику. Дирдир-диры преподнесли им жестокий урок.

— Сто пятьдесят лет назад? А какая продолжительность года на Чае?

— Четыреста восемнадцать дней. А какое отношение продолжительность года имеет к этому факту?

Рейт посчитал. Сто пятьдесят лет на Чае равнялись приблизительно — двумстам двенадцати земным годам. Совпадение? Или предки Цветка Ката послали радиосигналы, приведшие его экспедицию на Чай?

Цветок Ката с сомнением посмотрела на Анахо и сказала Рейту:

— Это же дирдир—человек! Они обстреляли Сеттру и Билисидру. Из зависти они хотели нас уничтожить.

— Это не совсем верно, — возразил Анахо.— Ваш народ начал игру с запрещенными силами и вещами, которых вы не понимаете.

— А что же произошло потом? — осведомился Рейт.

— Ничего, — ответила Юлин—Юлан, — наши города были разрушены, как и дворцы искусств и золотого ткачества — сокровища тысячелетий. И стоит ли теперь удивляться тому, что мы ненавидим дирдиров больше, чем пнумов, кешей и вонков вместе взятых?

Анахо пожал плечами.

— Меня не было среди тех, кто уничтожал Йао, — сухо произнес он.

— Давайте лучше поговорим о других вещах, — предложил Рейт.— В конце концов, прошло уже двести двенадцать лет.

— Только сто пятьдесят, — поправила Цветок Ката.

— Ну ладно, ты права. Но неужели ты не хочешь сбросить с себя тяжесть воспоминаний?

— Конечно! Я должна всю эту тяжесть носить в себе с тех пор, как эти злые женщины меня похитили. И я с удовольствием приняла бы даже душ. Они давали мне воду только для питья.

Пока девушка отмывалась, Рейт ее охранял. Потом он протянул

Юлин—Юлан одежду степных путешественников, которая была одинаковой как для мужчин, так и для женщин. Вскоре она появилась в серых штанах до колен и коричневой тунике. Тем временем во дворе и в ресторане стало заметным некоторое волнение из-за того, что зеленые кеши поставили свои повозки лишь в миле от караван-сарая и разбили около сотни больших черных палаток. Но вели они себя пока что спокойно.

Баойиан озабоченно тер подбородок.

— Если северо-южный караван увидит, что кочевники так близко, он к нам не сунется,— сказал он,— а нам придется еще ждать.

Великая Мать издала громкий вопль.

— Но ведь тогда ритуал начнется без нас,— голосила она.

Кто-то крикнул:

— Баойиан, выставь-ка священник из лагеря! Пускай потанцуют свои ритуалы с кешами!

Это несколько охладило пыл женщин, и они, пыхтя от злости, отошли назад.

Сумерки опустились на степь, и зеленые кешы разложили большой костер. Время от времени то один, то другой из них бросал взгляд на караван-сарай.

— Это раса телепатов,— объяснил Трез Рейту.— Говорят, что они читают мысли людей. Я в это не очень верю, но кто знает?

На ужин подали холодные остатки обеда, чтобы огонь не высвечивал зеленым кешам расставленных часовых. Несколько человек были заняты игрой, и лишь иланты пили много и только крепкие напитки. Вели себя они громко, но хозяин пригрозил, что вышвырнет их в степь. Они развалились за столами и низко надвинули шапки на желтые лбы.

Рейт поселил Цветок Ката в комнатке рядом со своей и посоветовал ей закрыть дверь на засов.

— Выйдешь из комнаты только завтра,— предупредил он.— И если кто-нибудь будет беспокоить тебя, стучи мне в стенку.

Она посмотрела на него с таким выражением, что его пробрало до самого сердца.

— Так ты не собираешься обходиться со мной, как с рабыней? — спросила она.

— Нет,— заверил он ее, и, прежде чем скрыться в своей спальне, она подарила ему загадочный взгляд.

Ночь прошла спокойно, но на следующий день зеленые кешы по-прежнему оставались на своем месте. Ничего нельзя было сделать, оставалось лишь ждать.

Рейт взял с собой Цветок Ката и принялся рассматривать пушки каравана. Особенно его заинтересовали пескоизлучатели. Он выяснил, что песок выстреливался по траектории электронов; песчинки

достигали почти световой скорости и, вместе с этим, почти тысячекратной массы. Если такая песчинка попадала в твердое тело, ее энергия преобразовывалась во взрыв. Оружие это было изобретено и изготовлено вонками, но позднее захвачено другими расами. На нем еще сохранились их письма, черточки и прямоугольники разных размеров и конфигураций.

Трез и Анахо тем временем спорили о природе фангов. Трез доказывал, что это существа, которых пнумы создают из трупов пнумов.

— Ты когда-нибудь видел супружескую пару фангов? Или детеныша фанга? — спрашивал он. — Нет. Каждый только для себя. Они слишком уж ненормальны, чтобы размножаться дальше.

Анахо поучающе поднял руку:

— Но и пнумы остаются каждый за себя и размножаются весьма странным образом. Станным во всяком случае для людей и полулюдей. Но для их системы этот способ, что ни говори, идеален. Они являются расой, которая очень хорошо приспосабливается к окружающим условиям. Знаешь ли ты, что их история насчитывает свыше миллиона лет?

— Я об этом слышал, — вставил Трез.

— Пока не появились кеши, везде господствовали пнумы. Они жили в деревнях и городах, состоявших из куполообразных строений, которые со временем бесследно исчезли. Сейчас же они живут в пещерах и подземных галереях, и жизнь их является для всех тайной. Даже дирдиры считают несчастьем обидеть пнума.

— Так значит, кеши были на Чае еще до дирдиров? — спросил Рейт, который присоединился к ним обоим.

— Это же знает каждый, — ответил Анахо. — Только человек из очень отдаленной провинции или далекого мира может быть таким неинформированным. Сначала сюда попали старые кеши. Они были сто тысяч лет назад. Десятью тысячами лет позднее за ними последовали синие кеши, происходившие с планеты, которую ранее колонизировали космопроходцы кешей. Обе расы боролись за Чай и привезли зеленых кешей как ударные войска.

И лишь шестьдесят тысяч лет назад прилетели дирдиры. Кешам они принесли большие потери, так как их было очень много. Позднее было заключено перемирие, но, тем не менее, обе расы до сих пор враждуют и между ними существует лишь минимум торговых отношений.

Десять тысяч лет назад, то есть совсем недавно, началась космическая война между дирдирами и вонками, перекинувшаяся на Чай после того, как вонки построили в Ракхе и Южном Кахане крепости. До сих пор происходят незначительные стычки, а иногда и нападения на тылы. Все три расы опасаются друг друга и предпочитают держаться на расстоянии. Пнумы придерживаются нейтралитета, но

наблюдают за всеми с интересом и извлекают из этого уроки для своей собственной истории.

— А когда на Чай попали люди? — полюбопытствовал Рейт

Анахо бросил на него ироничный взгляд:

— Ты утверждаешь, что знаешь тот мир, из которого пришли люди. Значит тебе должен быть известен ответ

Но Рейт не дал втянуть себя в спор и замолчал.

Анахо продолжил свой доклад:

— Люди возникли на Сибоне и попали на Чай с дирдирами. Они мягкие, как воск. Некоторые из них стали маршевыми людьми, а двадцать тысяч лет спустя произошла мутация, и появились эти люди. — он показал на Треза. — Другие стали рабами и кеш-людьми, пнумеками и вонк-людьми. Имеются десятки человеческих рас и гибридов. Даже дирдир-люди сильно отличаются друг от друга. Беспятнистые — это почти чистые дирдиры.

К ним Анахо причислил и себя, с гордостью подчеркнув этот факт

— Остальные же несколько модернизировались. Это тоже причина моего недовольства существующим положением вещей. Я требовал привилегий, в которых мне отказали. Но я все-таки их...

Долго и обстоятельно описывал он проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться, но Рейт его почти не слушал. Теперь он, наконец, понял, каким образом люди попали на Чай.

Более семидесяти тысяч лет назад дирдирам уже были известны космические путешествия. За это время они минимум дважды посетили Землю. Во время первого посещения им, видимо, удалось найти племя промонголоидов, а во время второго визита, около двадцати тысяч лет назад, — собрать полный корабль протокавказоидов. Эти две группы изменились под влиянием условий на Чае и приспособились к его среде. Позже, в результате мутационных процессов, появилось непостижимое многообразие человеческих типов, для которых эта планета стала родной.

Несомненно, дирдиры знали о Земле и ее человеческом населении, но до сих пор видели в ней лишь варварскую планету. Достичь чего-либо, сказав им, что Земля тоже практикует космические полеты, наверняка бы не удалось. Рейт подумал, что это могло повлечь за собой даже дополнительные трудности. В его же космическом корабле не было ничего, что могло бы доказать его земное происхождение. Да и находился корабль в руках синих кешей. Кроме того, без ответа оставался еще один вопрос: кто выпустил торпеду, разрушившую «Эксплоратор IV»?

За два часа до захода солнца зеленые кеши свернули лагерь. Повозки с высокими колесами образовали круг. Воины сели на боевых коней и, видимо, по телепатическому сигналу сформировалась длин-

ная колонна, двинувшаяся на восток. За ними на большом расстоянии ехали илантские разведчики. Утром они возвратились обратно и доложили, что банда, по всей видимости, потянулась на север.

Ближе к вечеру прибыл долгожданный караван из Эйг-Хедайи. Он был гружен кожей, ароматическими древесиной и мхом, пряностями и бочками с соленьями.

Баойиан вывел свои грузовые повозки в степь, где и произошел обмен товарами. Грузчики и возницы из всех сил старались потерять как можно меньше времени.

За час до захода солнца все было закончено, и пассажирам предложили собраться во дворе. Рейт, Трез, Анахо и Цветок Ката вышли вместе и подошли к каравану. Священник нигде не было видно. Вдруг возникла толчея. Сильные руки обхватили Рейта. Он почувствовал, что к нему прижался кто-то мягкотелый. Рейт начал сопротивляться, и оба упали на землю. Великая Мать вцепилась в него крепкими руками. Она так сдавила Рейту горло, что у него глаза полезли из орбит. Наконец ему удалось освободить одну руку и ударить Великую Мать прямыми пальцами в лицо. Она заорала. Он нащупал ее нос и выкрутил его. Она взвыла еще громче и засучила ногами. Наконец Рейт освободился. Тем временем другие священники схватили Цветок Ката и потащили ее прочь.

В вещах Рейта рылся илант. Трез без признаков жизни лежал на земле, а Анахо ожесточенно отбивался от двух других илантов. Великая Мать попыталась схватить Рейта за ноги, но, увернувшись, он ринулся на роящегося в его багаже иланта. Тот сразу выхватил нож, но Рейт нанес ему сильный удар в подбородок. Илант рухнул на землю. Рейт прыгнул на спину следующему, нападавшему на Анахо, и Анахо обработал его своим ножом. Третьего иланта Рейт схватил за **руку** и бросил через плечо. Дирдир—человек выхватил меч и воткнул его в желтую глотку противника.

Трез, покачиваясь, встал и поднял голову. Великая Мать спряталась в своей повозке. Рейт кипел от гнева. Никогда в жизни он не был так зол. Он взял свои вещи и отправился к караванчику.

— На меня напали,— бушевал он.— Ты должен был это видеть! Священники затащили девушку из Ката в свой дом и держат ее там как пленницу.

— Да, именно это я и видел,— ответил Баойиан.

— Так как же теперь быть с твоим авторитетом? Я думал, что ты не допускаешь насилия.

Караванщик склонил голову.

— Это произошло не непосредственно в караване, а в степи,— сказал он.— Мне кажется, что священники лишь вернули себе свою собственность. Так что у тебя нет никаких причин жаловаться.

— Что? — вскипел Рейт.— Значит ты можешь допустить, чтобы

невинная личность была принесена в жертву на этом идиотском ритуале?

— А что же мне остается? — спросил Баойиан — Я же не степная полиция! Да и не хочу быть ею.

Рейт еще раз бросил на него презрительный взгляд и ринулся к дому священниц. Баойиан крикнул ему вслед.

— Должен тебя предупредить! Если ты нарушишь мир в караване...

Рейт остановился. Эти слова лишили Рейта его дара речи. Лишь по прошествии нескольких минут он смог прорычать:

— Значит гнусные дела тебя не касаются?

— Гнусные? На Чае это слово ничего не значит. Что-то либо случается, либо не случается. Если кто-то совершает гнусность, то он недолго проживет. Могу ли я теперь проводить тебя в твою купе? Я хочу убраться отсюда до того момента, как вернутся зеленые кеши. А у меня остался один единственный разведчик.

Глава 5

Рейту, Трезу и Анахо выделили купе в повозке с бараком, обстановка которого состояла из шкафчика и гамака. За четыре повозки перед ними ехали священницы. Всю ночь напролет у них не зажегся свет.

Рейт размышлял о возможностях спасения девушки, но в результате заснул от разочарования, злости и безысходности.

Незадолго до восхода солнца караван остановился. Все путешественники поспешили к повозке-буфету, где каждый получил большой кусок пирога с мясом и кружку пива. Над степью висели лохмотья тумана. Негромкие звуки каравана только подчеркивали неизмеримую ширь и тишину. Здесь не было многоцветия: небо было сланцево-серое, а степь серо-коричневая, как водянистое молоко тумана.

Священниц видно не было, как и Цветка Ката. Рейт отыскал караванщика.

— Сколько нам еще ехать до семинарии? Когда мы туда прибудем?

Старик прожевал свой пирог и поразмыслил.

— Сегодня мы разобьем лагерь у Слугах Кнолля, завтра на станции Задно и на следующее утро мы будем у развилки на Фазм. Священницы все время меня торопят. Они боятся, что прибудут на ритуал слишком поздно.

— А что это за ритуал? Что там происходит?

Старик пожал плечами.

— Я могу лишь пересказать тебе слухи, которые до меня доходят.

Священницы — это избранная группа мужененавистниц. Поэтому они ненавидят и женщин, красота которых привлекает мужчин. Кажется, этот ритуал предназначен для того, чтобы убить в девушке все эротические чувства. И еще я слышал, что во время ритуала священницы устраивают оргии.

— Значит, мне остается всего два с половиной дня, — пробормотал Рейт.

Караван шел курсом, параллельным горной цепи. Окружающая растительность была скудной, и Рейту представилась хорошая возможность исследовать в свой сканоскоп местность. Иногда он наблюдал притаившиеся в тени силуэты. Это были или фанги, или пнумы.

Но основное внимание он уделял повозке священниц. Днем в ней не было заметно никаких признаков жизни, а ночью — ни проблеска света. В нетерпении он иногда даже подбегал к повозке.

Анахо попытался его образумить.

— Почему тебя так волнует эта девушка? — спросил он. — На других рабов в этом караване ты даже не посмотрел. Везде живут и умирают люди. Кажется, что ты забыл о жертвах старых кешей и их забавах, о кочевниках-людоедах, которые выпасают в горах Кослована свои людские стада, о дирдирах и дирдир-людях, томящихся в подземельях синих кешей. Тебя привлекает лишь нафталиновая пыль, одна единственная девушка, одна единственная судьба.

— Одному человеку не под силу сделать все, — с натянутой улыбкой отразил Рейт его натиск. — Но я начну это дело и, если смогу, спасу девушку от ритуала.

Трез тоже был против.

— А как же с космическим кораблем? Если ты свяжешься со священницами, они тебя убьют либо оскопят.

Рейт терпеливо все это выслушивал, кивал, но переубедить себя не дал.

В конце второго дня холмы стали более крутыми и каменистыми, и к вечеру караван прибыл в Задно. Это был маленький караван-сарай на краю скалы. Там добывали кристаллы и малахит. Баоийан выстроил повозки под скалами. Пушки снова были направлены в степь. Рейт прошелся мимо дома-повозки священниц и услышал слабые всхлипывания — будто кому-то снился страшный сон. Трез взял его за руку.

— Неужели ты не понимаешь, что тебя не выпустят из поля зрения? — сказал он. — Да и караванщик приказал тебе не нарушать спокойствия.

Рейт, словно волк, оскалил зубы.

— А если я все-таки нарушу? Я предупреждаю тебя, не вмешивайся! Иди своей дорогой, не обращая внимания на то, что я делаю и что со мной случится.

— Ты же сам не веришь в то, что говоришь.— гневно ответил Трез.— Ты думаешь, что я смоюсь? Но разве мы не друзья?

И он обиженно отступил в сторону.

Рейт вышел из лагеря и отошел недалеко в степь. Оставалось очень мало времени. Он должен был действовать, но когда? Ночью? Может, по дороге до развилки на Фазм, после которой священники должны отделиться от каравана? Нет, сейчас любое поспешное действие могло привести лишь к несчастью. А священники и завтра будут на чеку и будут тщательно охранять свою жертву.

Что сможет он предпринять в Фазме, когда священники покинут караван? Он этого не знал. Наверняка они и тогда приложат все усилия, чтобы защититься от него.

Сумерки превратились в ночь. Из степи доносились угрожающие звуки. Рейт пошел в свое купе и улегся в гамак. Спать он все равно не мог, да и не хотел. Он вскочил.

Луны стояли на небе. Эз висел довольно низко на западе и вскоре исчез за скалой. Брез посылал с востока на скалы призрачный свет. В лагере не было гостиницы и поэтому было почти темно. В доме-повозке священник мерцал слабый свет. Казалось, что ее обитательницы вели себя активнее, чем обычно. Неожиданно и этот свет погас. Воцарилась непроглядная тьма.

Рейт подполз к повозке. Вдруг ему показалось, что он услышал шорох. Он остановился и прислушался. Снова этот звук, похожий на скрип колес. Рейт бросился бежать, потом вдруг остановился, услышав приглушенные голоса. Черная тень вынырнула из ночной тьмы. Он быстро отскочил. Вдруг появился еще кто-то и ударил Рейта по голове. Перед глазами закружились звезды. Мир перевернулся...

Он очнулся от того же скрипа колес, который слышал до этого. Значит, его схватили и избили. Ни руками, ни ногами пошевелить было невозможно — он был крепко связан и лежал на твердой поверхности, которую сильно потряхивало. Как он понял, это был настил в небольшой повозке. Над ним висело ночное небо, возле него громоздились тюки и коробки. Повозка двигалась по плохой дороге. Из всех сил Рейт попытался пошевелить руками, но ничего, кроме боли, ему это не принесло. Он сжал зубы. Спереди до него донесся тихий разговор. Кто-то посмотрел на него. Рейт замер. Темная тень исчезла. Это наверняка были священники. Почему же они его связали, а не убили сразу?

Рейту очень хотелось это знать. Он попытался сбросить с себя путы, но попытка осталась безуспешной — его связали со знанием дела, но, видимо, в чрезвычайной спешке. Судя по всему, меч у него забрали, но на поясе осталась висеть его сумка.

Повозку сильно тряхнуло. Рейта подбросило, и он скатился в сторону. Это навело его на мысль. Он подполз настолько, насколько позво-

ляли пути, и оказался на краю повозки. От страха, что его может кто-то заметить, он даже вспотел. Повозку снова трянуло, и Рейт выпал на дорогу. Повозка покатила дальше в темноту. Несколько синяков и шишек, набитых при падении, Рейт даже не заметил. Он скатился с дороги и достиг каменного склона, где, наконец, оказался в тени. Там он некоторое время оставался лежать, опасаясь, что кто-нибудь мог все-таки заметить его падение с повозки. Наконец скрип повозки затих. Ночь была безмолвной, и лишь ночной ветерок нарушал ее покой.

Рейту удалось встать на колени. Он отыскал острый камень и принялся перетирать связывавшие его веревки. Это было довольно сложно, и из рук стала сочиться кровь. Голова тоже сильно болела. Рейта объял ужас: скалы над ним вдруг показались живыми существами. Чтобы отогнать призрачное видение, он тряхнул головой. Наконец веревка лопнула, и руки освободились.

Он сел и пошевелил затекшими пальцами. Потом развязал ноги. Покачиваясь, встал и оперся о скалу. Над самой высокой вершиной горной цепи стоял Брез, погружая долину в бледный призрачный свет. Рейт с трудом поднялся по склону и снова вышел на дорогу. Позади него находилась станция Задно. Где-то перед ним на неопределенном расстоянии катилась повозка. Вероятно, священники уже обнаружили его исчезновение. И наверняка в этой же повозке находилась Юлин-Юлан. Рейт торопливо захромал в направлении, в котором уехала повозка. От Баойиана он знал, что для каравана развилка на Фазм была в полудне пути. А о расстоянии до места проведения семинара он не имел ни малейшего представления. Во всяком случае, эта дорога по горам казалась короче.

Дорога поднималась все выше и привела к перевалу. Рейт брел дальше. Он и не надеялся обогнать повозку, которую с постоянной скоростью тащили большие восьминогие животные. Он дошел до перевала и немного передохнул. Оттуда дорога спускалась на поросшую лесом равнину, освещенную рассеянным светом Бреза. Там стояли удивительные и странные деревья. Белые их стволы были закручены в спирали, которые переплетались со спиралями соседних деревьев. Черные листья блестели, как лакированные, а на верхушке каждого дерева слабо мерцали светящиеся шары. Из леса доносились странные звуки. На всякий случай Рейт нащупал свое энергетическое оружие и облегченно вздохнул.

Брез закатился за лес, оттуда виднелось лишь его слабое свечение. Хромая, Рейт поплелся дальше. Гигантская тварь проплыла в воздухе над ним; у нее были слабые крылья и маленькая детская головка. Как-то Рейту показалось, что неподалеку раздавались голоса. Но прислушавшись, он понял, что ошибся. Как во сне двигался он по сказочной местности, и мысли его тоже текли, как во сне.

Далее дорога круто шла вниз. Рейт спустился в узкое ущелье. Раньше это ущелье перегораживала стена. Теперь же от нее остались одни руины. Сохранился лишь портал, через который и проходила дорога. Возникло подсознательное чувство опасности, и Рейт остановился. Слишком уж невинно выглядела эта загадочная развалина.

Рейт бросил сквозь портал камень и сошел с дороги. Прижимаясь к стене на краю ущелья, он обошел портал и через тридцать метров снова вышел на дорогу. Рейт посмотрел назад. Даже если портал и представлял какую-то опасность, в полной темноте невозможно было ничего рассмотреть.

Он осторожно двинулся дальше, затем остановился и несколько минут прислушивался. Ущелье стало шире. Звезды над Чаем освещали серые скалы и казалось, что небо стало ближе.

Но небо ли светилось перед ним? Не слышит ли он шум человеческих голосов? Рейт бросился бежать. Дорога спускалась дальше и огибала скалу. На повороте Рейт резко остановился. Ему открылась картина такая же странная и дикая, как вся планета Чай.

Семинария Женских Таинств находилась на неправильном, окруженном скалами и горными вершинами плато. В промежутке между двумя вершинами стоял высокий четырехэтажный каменный дом. Повсюду виднелись сараи и штабеля дров, загородки, загоны, сеновалы и корыта для корма. Прямо под Рейтом из холма выступала вперед широкая каменная площадка, окруженная двухэтажными зданиями.

Был большой праздник. Десятки светильников освещали красным, фиолетовым и оранжевым светом группу минимум в двести женщин, корчившихся в танце и достигших высшей степени экстаза. Они были одеты в черные брюки и черные сапоги. Больше никакой одежды на них не было. Даже головы их были обстрижены, а у многих вместо груди виднелись ярко-красные шрамы. Эти женщины двигались в едином порыве танцевально-марширующего ритма. Тела их масляно блестели. Некоторые сидели на скамейке и отходили от этой истерики.

Под площадкой Рейт увидел ряд невысоких клеток, в которых сидели мужчины. Они были абсолютно голыми. С их стороны доносилось пение, мелодию которого Рейт уже однажды слышал. Как только кто-нибудь из них прекращал петь, возле него из земли вырывалось пламя, и он сразу же начинал орать так громко, как только мог. Огонь регулировался с пульта, за которым сидела одетая в черное женщина. Она руководила всем этим демоническим процессом.

«Как сильно эти женщины должны ненавидеть мужчин», — подумал Рейт. В одной из клеток певец упал и скатился в жар огня. Его оттащили в сторону. На голову ему надели мешок из мягкой фольги и завязали на шее. После этого его швырнули в корыто, а другого

певца — в клетку. Это был крепкий молодой парень, видимо, кипевший от гнева. Он не торопился начинать пение и предпочел молча переносить огонь. Одна из священниц пустила ему в лицо облако дыма, и он запел вместе с остальными.

На сцене появилась группа пестро и гротескно одетых клоунов. Все они были необычайно худыми, с выбеленной кожей и нарисованными черными бровями. Причудливыми прыжками они двинулись мимо млевших от удовольствия священниц. После них появился мим с длинной косой из светлых волос в маске с огромными глазами и смеющимся красным ртом. Он должен был изображать красивую женщину. И Рейт подумал: «Они ненавидят не только мужчин, но и любовь, молодость и красоту».

В глубине сцены раздвинулся занавес, и голый, полностью обросший волосами кретин попытался вломиться в клетку из тонких стеклянных прутьев, но не нашел входа. В клетке на корточках сидела девушка в прозрачной одежде — Цветок Ката.

Мим закончил свое комическое выступление, певцы затянули новую тихую мелодию, а священницы сгрудились вокруг сцены, подбадривая кретина к более активным действиям.

Рейт уже покинул свой наблюдательный пункт и, стараясь держаться в тени, добрался до тыльной стороны площадки. В будке отдыхал клоун. В загоне теснились двенадцать молодых парней, охраняемые светловолосой старухой с ружьем, которое было больше, чем она сама.

Со сцены доносились торжествующие вопли. Кретину наконец удалось открыть клетку. Рейт, забыв всю врожденную и приобретенную вежливость по отношению к женщинам, нанес старухе сильный удар, подбежал к загону и открыл дверь.

— Возьмите ружье и освободите певцов, — крикнул он молодым людям, и они ринулись наружу.

В два прыжка он достиг сцены, прицелился и выстрелил взрывающейся иглой в широкую спину кретина как раз в тот момент, когда он разрывал на девушке одежду. Идиот приподнялся на носках, повернулся вокруг своей оси и рухнул замертво. Юлин—Юлан, Цветок Ката, беспомощно оглянулась и увидела Рейта. Он кивнул ей, и она, выбравшись из клетки, через сцену побежала к нему.

Священницы зашипели от злости, а потом и от страха, увидев, что молодые люди выбежали с ружьем на сцену и стали стрелять в толпе. Остальные освобождали певцов. Молодой певец, запертый в клетку последним, подскочил к женщине за пультом, схватил ее, затолкал в одну из пустых клеток и запер. Затем он вернулся к пульту, нажал на кнопку «огонь», и священница не запела, а завизжала на самых высоких тонах. Другой схватил факел и швырнул его в сарай.

Остальные с кольями и дубинами набросились на участниц праздника.

Рейт подвел всхлипывающую девушку к краю плато, сорвал с кого-то накидку и прикрыл ею Цветок Ката. Одна из священниц попыталась его заколоть, но Рейт сбил сначала ее, а затем и нескольких других с ног. Из сарая вылетела повозка с четырьмя священницами. Одна из них оказалась Великой Матерью. Какой-то мужчина вскочил на повозку и попытался задушить ее. Но та схватила его толстыми руками и зашвырнула на крышу повозки, разmozжив ему голову. Рейт прыгнул и ударил ее так сильно, что она свалилась с повозки и в страхе стала звать трех других женщин.

Четверо рычащих, словно медведи, молодых мужчин окружили Великую Мать. Рейт сбросил с повозки и остальных священниц, посадил на нее девушку и помчался вдоль по восточной дороге к развилке на Фазм. Юлин-Юлан обессиленно прикила к нему. Рейт тоже чувствовал себя полностью выжатым и опустил на сидение. Небо позади них светилось, и огни мерцали в ночном небе.

Глава 6

Через час после восхода солнца они достигли развилки. Здесь, на краю степи, стоял довольно небольшой караван-сарай, состоящий всего из трех приземистых кирпичных строений с крошечными окнами в деревянных рамах. Дверь была заперта. Рейт остановил повозку, постучал в дверь и крикнул — никакого ответа. Разочарованные, они устроились в повозке, чтобы провести в ней остаток ночи.

До этого Рейт, исследовав содержимое повозки, нашел в ней две большие кожаные сумки, полные секвинов. Их было так много, что Рейт даже не смог сразу определить их количество.

— Оказывается нам досталось состояние священниц, — сказал Рейт Цветку Ката. — Я думаю, этого с лихвой хватит, чтобы заплатить за твой проезд домой.

— Так ты собираешься дать мне деньги, чтобы я смогла вернуться домой? И не хочешь получить за это никакого вознаграждения? — недоверчиво спросила она.

— Я и не буду ничего просить, — ответил Рейт и ухмыльнулся.

— Кажется, дирдир-человек оказался прав, говоря, что ты приплет с другой звезды, — сказала девушка, отпрянув от него.

Рейт грустно улыбнулся и посмотрел на степь. Конечно, будь у него возможность вернуться на Землю, он бы с радостью там остался, чтобы до конца прожить жизнь на родине. Но разве смог бы он никогда больше не возвращаться на Чай? Нет, наверное нет, размышлял он. Понятно, что официальную позицию Земли в этом вопросе

предсказать было невозможно. Однако его самого это касалось в значительно меньшей степени. Мог ли он допустить, чтобы и дальше кеши, дирдиры и вонки поработали и угнетали людей? Эта мысль воспринималась им болезненно.

— Что думает твой народ о дирдир-людях, кеш-людях и других? — несколько отрешенно спросил он Юлин-Юлан.

Казалось, что вопрос ее удивил, и она подняла брови:

— А что, собственно, нужно о них думать? Они просто существуют. Если они нас не трогают, мы их не замечаем. И почему ты спрашиваешь о дирдир-людях? Ведь мы говорим о тебе и обо мне!

Рейт испытательно посмотрел на нее, глубоко вздохнул и придвинулся к ней поближе. Но в этот момент открылась дверь караван-сарая и какой-то человек выглянул наружу. Он был более, чем коренастым, ноги его были очень толстыми, а руки длинными. На лице красовался длинный кривой нос, кожа и волосы его были светло-серыми. По всей видимости, он был представителем серых людей.

— Кто вы? Ведь это повозка семинарии. Этой ночью я видел на небе зарево. Это был ритуал? Священники на ритуале — это настоящие привидения.

Рейт дал уклончивый ответ и завел повозку во двор.

Позавтракав кушаньем из вареных трав с черствым хлебом, запив все это чаем, они возвратились к повозке, чтобы дожидаться в ней прихода каравана. Приподнятое настроение раннего утра улетучилось; оба чувствовали себя страшно усталыми и молчали. Рейт соорудил в повозке для Юлин-Юлан импровизированную кровать, а сам с максимально возможными в этих условиях удобствами устроился на сиденьи. Оба заснули.

Караван показался лишь после полудня. Единственный, оставшийся илантский разведчик, въехал во двор вместе с круглолицым юношей угрюмого вида, переведенным из пушкарей в разведчики незадолго до этого. Осмотревшись, они сразу же повернули своих коней и помчались обратно к каравану.

Через некоторое время, покачиваясь, подъехали высокогруженные повозки. Возницы кутались в громадные плащи, пряча в воротники худые лица. Многие пассажиры уже проснулись и сидели перед своими купе на верандах и балконах. Трез радостно приветствовал Рейта, а дирдир-человек Анахо высокомерно помахал ему кончиками пальцев, что можно было истолковать как угодно.

— Мы думали, что тебя похитили или вообще убили, — сказал Трез Рейту. — Мы облазили холмы и близлежащую степь, но не нашли никаких следов. Сегодня мы намеревались перерезать всю семинарию.

— Мы? — удивленно спросил Рейт.

— Да. Дирдир-человек и я. Он оказался не таким уж плохим.

— Семинарии больше не существует,— сказал Рейт.

Появился Баойиан и ошеломленно уставился на Рейта и Юлин—Юлан, но ничего не спросил. Рейт уже давно подозревал, что караванщик помогал священникам, и не стал ему ничего рассказывать. Баойиан выделил им одно купе и в оплату за поездку до Перы забрал повозку священнослужителей.

В лагере часть товаров выгрузили, а другие загрузили на освобожденное место, и караван отправился дальше на северо-восток. Как-то они долго ехали вдоль берега большого неглубокого озера с солоноватой водой, затем осторожно пересекли марши — болотистый участок, местами густо поросший камышом и белым тростником. Разведчик обнаружил устроенную карликовыми маршевыми людьми засаду и те, не дожидаясь, пока пушки начнут сеять смерть, скрылись в густых камышовых зарослях.

Трижды воздушные корабли дирдиров подлетали к каравану и долго кружились над ним. В это время Анахо прятался в своем купе. Один раз над ними проплыл воздушный плот синих кешей.

Рейт сполна наслаждался бы этой поездкой, если бы не постоянные мысли о космическом корабле. Да и Юлин—Юлан, Цветок Ката, была проблемой. Из Перы караван должен был возвращаться в Кoad на Дван Жере, где девушка могла попасть на корабль, плывущий в Кат. Рейт понял, что этого ей очень хотелось, несмотря на то, что они не эту тему не говорили. Да и вела она себя по отношению к нему весьма прохладно.

Так и полз караван под серым небом дальше на север. Дважды днем на него обрушивалась сильная гроза. За исключением этих случаев, погода оставалась постоянной. Однажды караван проехал через огромный темный лес, а на следующий день переехал по древней дамбе через топь, густо поросшую растениями с тугими плодами. Удивительно, что среди этих растений почти не было видно насекомых. Попадались, однако, достойные внимания существа: бескрылые животные величиной с жабу, которые при помощи быстро вращающегося хвоста могли летать по воздуху; или животные, похожие на что-то среднее между летучей мышью и пауком, которые скользили при помощи перепончатых крыльев по прикрепленной к ветвям паутине.

На караванной станции у Ветряных Гор их караван натолкнулся на встречный караван, шедший в Малагаш, находившийся южнее за горами на заливе Хедая. Дважды появились небольшие банды зеленых кешей, которые, правда, на караван не нападали. Караванщик объяснил, что это были группы спарования, которые как раз двигались к месту своего совокупления. Однажды им встретился отряд кочевников, состоявший из высоких мужчин и женщин с лицами, раскрашенными в синий цвет, и они уступили ему дорогу. Трез предположил,

что это были людоеды, женщины которых в битвах сражались плечом к плечу с мужчинами. Дважды на пути каравана повстречались разрушенные города.

Однажды караван свернул на юг, чтобы доставить ароматические вещества, эссенции и амфирное дерево в город старых кешей, к которому Рейт проявил большой интерес. Несчетное количество белых куполов сверкало сквозь листву, и повсюду виднелись прекрасные сады. Большие желто-зеленые деревья распространяли освежающий запах; они напоминали тополя и назывались адарак. Рейт узнал, что они были культивированы старыми и синими кешами для очистки воздуха и придания ему особой прозрачности.

Караван остановился на покрытой травой овальной площадке, и Баоиян сразу собрал всех путешественников.

— Мы находимся в Гольссе, городе старых кешей. Оставайтесь все время в непосредственной близости от этой площадки. В противном случае вы станете жертвами происков кеш-людей. Вы попадете либо в сад сумасшедших, либо вас обрызгают эссенциями, которые будут лежать на вас проклятием, издавая неделями ужасный запах. Если же они в ударе и хотят особенно весело пошутить, их шуточки могут стать до крайности жестокими или даже смертельными. Однажды они при помощи эссенции усыпили одного из моих возниц и приклеили ему новое лицо с длинной серой бородой.

Так что ни при каких условиях не покидайте овальной площадки, даже если кеши станут вас уговаривать. Они совершенно лишены сочувствия и думают лишь о своих ароматах, эссенциях и скверных шутках. То есть я предупреждаю, если вас, конечно, не затруднит: не заходите ни в один из садов и, если вам дорога ваша жизнь, ни в коем случае не заходите ни в один из этих куполов.

Несколько кеш-людей перегружали товары на низкие автомобильчики; эти люди были ниже и, видимо, не так развиты, как синие кеш-люди, которых Рейт видел раньше. Ходили они сутулившись, имели круглые сморщенные лица, тяжелый лоб и маленький рот над едва обозначенным подбородком. Как и синие кеш-люди, они носили свисавшие на глаза и расчесанные на пробор на острых макушках накладные волосы. Казалось, они всегда куда-то торопятся; глаза их никогда не смотрели по сторонам, и они не разговаривали ни с кем из персонала каравана.

Как-то появились и двое старых кешей. Когда Рейт их увидел, они показались ему похожими на огромных серебристых рыб, из которых забавно торчали получеловеческие руки и ноги. Их кожа казалась чешуйчатой и напоминала шелк цвета слоновой кости. Они изящно двигались, а их живые глаза, похожие на серебристые пластинки, постоянно бегали. Рейт нашел их даже привлекательными. Кеши почувствовали его взгляд на себе и посмотрели туда, где он сидел.

Они кивнули и помахали ему руками, и Рейт радостно ответил им тем же жестом. Кеши пошли дальше.

Баойиан задержался в Гольссе ровно настолько, насколько было необходимо. Как только он загрузил свои повозки лекарствами и красителями, кружевами и сушеными фруктами, караван двинулся дальше на север. Он предпочитал провести ночь в степи под открытым небом, чем подвергаться опасности шуток со стороны старых кешей.

Степь выглядела травянистой пустыней и была плоской, как тарелка. В свой сканоскоп Рейт рассмотрел большую банду зеленых кешей еще до того, как ее заметили разведчики. Он сразу сообщил об этом Баойиану, и тот быстро выстроил караван в оборонительную круговую позицию. Зеленые кеши надвигались, сидя на своих быстроногих скакунах, и на их пиках развевались черно-желтые боевые флажки.

— Они движутся с севера, — сказал Трез. — Там они питаются рыбой-лисой и ангбутом. Из-за этого кровь их густеет и они становятся злыми. Если же на их пиках развеваются черно-желтые флажки, то лучше обойти их стороной.

Но зеленые кеши караван не тронули, и Рейт смог их хорошо рассмотреть. Они выглядели не так, как старые кеши, были около двух метров ростом, массивные и с толстыми руками и ногами. Их чешуйки блестели зеленым металлом, а лица были маленькими, мрачными и чрезвычайно уродливыми. На них были большие кожаные передники и плечевые защитные щитки, на которых висели мечи, боевые топоры и катапульты. У Рейта не возникло никакого желания померяться силами с ними в бою.

Когда зеленые кеши проскакали мимо, караван продолжил свой путь. Трез удивлялся миролюбию зеленых и думал, что они, видимо, предпочитают подготовить им где-нибудь ловушку. Так же думал и Баойиан. Поэтому в последующие дни они были особенно осторожны.

Наконец Пера, цель путешествия, лежала перед ними. Радиоприемник Рейта показывал местонахождение второго прибора на расстоянии около шестидесяти миль западнее. От караванщика он узнал, что там находится город синих кешей Дади́х.

— Но лучше держись от него подальше, — посоветовал он. — Это сумасшедшая банда, изобретательная, как старые кеши, и дикая, как зеленые.

— А они что, не ведут торговли с людьми?

— Наоборот, очень оживленно. Пера — перевалочный пункт в торговле с синими кешами. Но только каста перевозчиков имеет право проезжать в Дади́х. Из всех кешей синие мне особенно неприятны. Но и старые кеши тоже злой и неприветливый народ.

— Ты удержишься в Пере или сразу отправишься назад в Коаст?

— В течение трех дней.
— Тогда, наверное, принцесса Юлин-Юлан тоже поедет с тобой, чтобы сесть там на корабль, следующий в Кат.
— А она сможет оплатить это путешествие?
— Конечно.
— Тогда все в порядке. А ты? Ты разве не собираешься вместе с ней в Кат?

— Нет. Видимо, я на какое-то время задержусь в Пере.

Баойиан с сомнением покачал головой:

— Золотые Йао из Ката очень благодарный народ. Но на Чае ничего заранее предугадать нельзя, кроме зпа. Удивительно, что зеленые кеши на нас не напали. Я уже начинаю надеяться, что до Перы мы доберемся без происшествий.

Но его мечтам не суждено было сбыться, так как в это время с востока появились зеленые кеши. Одновременно разыгралась буря. Молнии освещали степь призрачным светом, и с юга на степь надвигалась стена дождя.

Баойиан сразу же начал выстраивать повозки в круговую оборонительную позицию, а Пера не была настолько близко, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. И сделано это было совершенно своевременно, так как кеши сразу же ринулись на штурм кольца повозок, восседая на своих огромных скакунах.

Пушки каравана забулькали и закашляли, перекрывая шум дождя и дополняя его грохотом. Несколько нападавших были убиты залпами пескоизлучателей. Другие упали с коней и были затоптаны, и вскоре возникла неразбериха. Пушкарки делали все от них зависящее, чтобы эту неразбериху еще больше усугубить.

Зеленые кеши падали быстрее, чем могли отступить, и поэтому сменили тактику. Те, чьи скакуны были убиты, прятались за их трупами и обстреливали караван из катапульт. Дождем из стрел были убиты три канонира. Оставшиеся на конях воины снова бросились в атаку в надежде прорвать оборонительное кольцо, но были отброшены назад, так как к осиротевшим пушкам встали возницы. Но во время следующего штурма и среди них появились убитые.

Во время третьего штурма погибло много зеленых кешей и по земле катались не только тяжело раненые воины, но и раненые животные, давя своими телами поверженных кешей. Тем не менее, у них оставалось численное превосходство.

Несмотря на весь героизм обороняющихся, в исходе битвы сомневаться не приходилось. Рейт взял за руку Цветок Ката и кивнул Трезу. Втроем они присоединились к группе испуганных беглецов и на нескольких повозках с оставшимися возницами и пушкарями бросились в Перу. Караван был сдан.

Зеленые кеши с оглушительными криками стали преследовать

беглецов. Воин с горящими глазами кинулся на них. Рейт всегда держал наготове пистолет, но не хотел тратить драгоценные боеприпасы и размахнулся, готовясь нанести сильный удар мечом. Но конь нападавшего поскользнулся на мокрой траве и упал, так что всадник по высокой траектории вылетел из седла. Рейт подбежал к нему и, подняв свой эмблемный щит, ударил по толстой шее поверженного противника. Воин дернулся и испустил дух. Трое беглецов стали сквозь дождь пробираться в Перу.

Наконец, промокнув до последней нитки, они добрались до первых развалин на окраине города. Укрывшись под бетонной крышей, они почувствовали, что замерзли. Но, тем не менее, ощущали себя здесь в безопасности от зеленых кешей.

— Как минимум, мы в Пере,— философски заметил Трез.— И именно сюда мы стремились.

— Если и не в ореоле славы, то хоть живыми,— добавил Рейт.

Достав из кармана радиопередатчик, проверил показания индикатора.

— Он показывает на Дадих,— объявил он.— Двадцать миль отсюда. Придется туда ехать.

Трез хмыкнул:

— Там тебе до тошноты придется забавлять синих кешей.

Девушка из Ката оперлась о стену, закрыла лицо руками и горько заплакала. Для Рейта это было совершенно неожиданно, и он, утешая, погладил ее по спине.

— Что случилось кроме того, что тебе холодно, что ты промокла, хочешь есть и испугалась? — спросил он.

— Я никогда не вернусь в Кат. Я знаю это, я знаю,— заплакала она.

— Ну конечно же ты вернешься. Ведь существуют еще и другие караваны.

Было видно, что Рейт ее не убедил, но, тем не менее, всхлипывать она перестала. Дождь немного утих, гроза переместилась на восток, и раскаты грома не казались уже такими страшными. Вскоре тучи рассеялись и в лужах сквозь дождь заиграло солнце. Все трое, еще абсолютно мокрые, вышли из-под навеса и почти столкнулись с маленьким человеком в длинном кожаном плаще, несшим вязанку хвороста и от испуга выронившим ее. Быстро подняв свой хворост, он уже собирался сбежать, но Рейт крепко схватил его за плащ.

— Подожди! Куда ты так торопишься? Ответь нам только на один вопрос: где мы можем найти приют и что-нибудь поесть?

Было заметно, что человек с облегчением вздохнул, посмотрел сначала на Рейта, потом на остальных и с чувством собственного достоинства выдернул плащ из рук Рейта.

— Приют и еду? Это не так просто и можно получить только по рекомендации. А у вас есть чем заплатить?

— Да, заплатить мы можем.

Человек поразмыслил:

— У меня есть уютная квартира с тремя комнатами.

Потом покачал головой:

— Нет, идите лучше в гостиницу «Мертвая Степь». Если я возьму вас к себе, разбойники все равно заберут себе весь доход, и я от этого ничего не выиграю.

— Это лучшая гостиница в Пере?

— Да, хорошая гостиница. А разбойники проверят, насколько вы богаты. Мы это допускаем ради нашей собственной безопасности. В Пере никто не имеет права грабить, кроме Нага Гохо и его разбойников. Это что-то вроде закона. А что могло бы случиться, если бы каждый мог приобрести лицензию?

— Так значит Нага Гохо правитель Перы?

— Можно сказать и так, — он показал на несколько зданий в центре города. — Там его дворец, в цитадели. Там он живет со своими разбойниками. Больше ни о чем я с вами говорить не собираюсь. В конце концов, они выгнали фангов в Северную Перу. А с Дадигом мы ведем торговлю, и поэтому бандиты избегают города, иначе могло бы быть хуже.

— Да, я понимаю, — сказал Рейт. — А где же находится гостиница?

— Там дальше, у подножия холма. Там, кстати, оканчивается и караванный путь.

Глава 7

Гостиница «Мертвая Степь» была самым грандиозным сооружением, увиденным Рейтом в разрушенном городе: длинное строение с богато украшенной остроконечной крышей, прислонившееся к главному холму Перы. Как и во всех гостиницах Чая, в ней был огромный ресторан. Но вместо обычных грубых столов и скамеек здесь стояли мягкие кресла из черного дерева с богатой резьбой. Три светильника из черного металла и разноцветного стекла освещали помещение. На стенах висели древние терракотовые маски, изображавшие лица получеловеческого народа.

В ресторане витал пряный запах пищи, и многие беглецы с каравана уже толпились у столов. Постепенно к Рейту возвращалась любовь к жизни. Во всяком случае, здесь было тепло, удобно и тихо.

Хозяином оказался маленький толстый человек с аккуратной рыжей бородой и лучистыми красно-коричневыми глазами. Его руки постоянно двигались в поисках работы, а ноги, казалось, все время куда-то спешили. Когда Рейт спросил о возможности получить номер, тот с сомнением скрестил руки:

— Разве вы не слышали, что зеленые демоны уничтожили караван Баойиана? Здесь собрались все, оставшиеся в живых, и мне надо для всех найти место. И не все могут за это заплатить. А ты? Нага Гохо распорядился, чтобы я разместил всех.

— Мы тоже ехали с этим караваном,— ответил Рейт.— Но заплатить мы в состоянии.

Услышав это, хозяин повеселел.

— Я думаю, что могу и вам выделить комнату, но обо всем остальном вы должны позаботиться сами. И еще один совет,— он быстро оглянулся.— В последнее время в Пере кое-что изменилось. Так что, будьте осторожны.

Им выделили чистую комнату, а чуть попозже принесли три мешка, набитых соломой. Сухой одеждой гостиница их обеспечить не могла, и поэтому в ресторан пришлось идти в еще невысохших вещах. Туда часом раньше уже пришел и дирдир-человек Анахо. Баойиан тоже был здесь и задумчиво смотрел на огонь в камине.

На ужин им подали миску густого супа и грубый хлеб. Пока они это ели, в зал вошли семеро высоких мужчин и окинули ресторан взглядом. По ним было видно, что жизнью они довольны: от голода, судя по красным лицам, не страдали. На них была темно-красная одежда, элегантные черные сандалии из кожи и яркие вышитые плащи. У последнего человека плащ был расшит особенно богато, и это был, видимо, сам Нага Гохо. Другие же были его разбойниками. Нага Гохо был высоким и подтянутым человеком и имел странную большую голову, напоминавшую волчью. В ресторане стало тихо.

— Добро пожаловать в Перу,— крикнул он.— К счастью, у нас порядочный город и вы сами сможете в этом убедиться. Здесь принято неукоснительно соблюдать закон. Поэтому мы взимаем со всех налог за пребывание. Если кто-либо не может его оплатить, он должен для общественности выполнить какую-нибудь работу. Есть ли у вас вопросы или жалобы?

Он обвел зал взглядом, но все молчали. Разбойники принялись обходить ресторан и собирать монеты. Терзаемый противоречивыми чувствами, Рейт заплатил за себя, Треза и Цветок Ката девять секвинов. Никому из присутствующих этот грабег не показался чем-то из ряда вон выходящим. Здесь, очевидно, было совершенно естественным, что кто-то использует свое преимущество.

И вдруг Нага Гохо увидел красивую девушку. Распрямив плечи и подкрутив усы, он подзвал хозяина. Оба пошептались, причем Нага Гохо не выпускал девушку из поля зрения.

Хозяин подошел к Рейту и прошептал ему на ухо:

— Нага Гохо заметил женщину. Он хочет знать ее положение. Кто она: рабыня, дочь или жена?

Рейт бросил на Юлин-Юлан быстрый взгляд и, будучи готовым к отпору, ответил:

— Я ее сопровождаю, и она находится под моей защитой.

Хозяин пожал плечами и вернулся к Нага Гохо, который ответил коротким жестом. После этого он исчез вместе со своими людьми.

Они сидели в своей маленькой комнате, и Цветок Ката выглядела очень расстроенной. Она сидела на своем соломенном матрасе.

— Ну что ты, будь повеселее, — говорил ей Рейт. — Дела не так уж плохи.

Она грустно покачала головой:

— Я затерялась в этой варварской стране. Жемчужина, упавшая в пучину, и забытая.

— Чушь, — прервал ее Рейт. — Следующим караваном, уходящим из Перы, ты отправишься домой.

Юлин-Юлан оставалась безутешной:

— Дома другая девушка станет Цветком Ката. На банкете ей вручат мои цветы и она, а не я, будет требовать у других девушек, чтобы они называли ей свои имена. А меня там не будет. Никто меня больше ни о чем не спросит, никто не будет знать моих имен.

— Так скажи мне свои имена, — предложил Рейт. — Я с удовольствием их послушаю.

Цветок посмотрела на него:

— Ты действительно этого хочешь?

— Конечно, — подтвердил Рейт.

Тогда она посмотрела на Треза, который как раз занимался выделенным ему мешком с соломой.

— Давай выйдем, — прошептала она Рейту на ухо.

Вслед за ней Рейт вышел на балкон. Некоторое время она смотрела на городские руины, и их локти касались друг друга. Эз висел высоко на небе между тонкими облаками. Внизу кое-где горел свет, откуда-то доносилось дребезжащее пение, сопровождающееся глухими ударами деревянного барабана.

Девушка заговорила тихо и торопливо:

— Мой цветок — Юлин-Юлан, и ты уже знаешь, что это и мое цветочное имя. Но это имя используется только в официальных случаях и во время больших праздников.

Она так близко наклонилась к нему, что он почувствовал ее чистый сладкий запах.

— Так у тебя есть и другие имена? — тихо спросил Рейт.

— Да, — она вздохнула. — Почему же ты не спрашивал меня об этом раньше? Ты же знал, что я тебе их все равно бы назвала.

— Так какие же имена у тебя есть еще? — спросил он.

— Мое придворное имя Шар Зарин.

Она положила голову на его плечо и прижалась к его руке.

— Детское мое имя было Зози, но так называл меня только отец.

— Цветочное имя, придворное имя и детское имя... Какие же имена существуют кроме этих?

— Мое дружеское имя, мое тайное имя — и еще одно. Хочешь, я скажу тебе мое дружеское имя? Если ты хочешь его знать, ты должен назвать мне свое. И тогда мы станем друзьями.

— Конечно.

— Дерль.

— А меня зовут Адам, — сказал Рейт и поцеловал ее.

— Это твое дружеское имя?

— Можно сказать, да.

— А твое тайное имя?

— А я и не предполагал, что оно у меня может быть.

Она нервно рассмеялась:

— Может оно и не так уж важно. Но если ты мне его назовешь, я буду знать твою тайну, лежащую в глубине твоей души; а потом...

Затаив дыхание, она взглянула на него:

— Ты должен иметь тайное имя, которое будет известно только тебе. У меня такое есть.

От ее близости Рейт будто опьянел и забыл всякую осторожность:

— А как твое тайное имя?

Она приложила губы к его уху:

— Л'лае. Это такая нимфа, которая живет на облаках над горой Дарамтисса и любит бога звезд Ктана.

Она обворожительно улыбнулась, и Рейт страстно ее поцеловал. Она снова улыбнулась:

— Если мы одни, ты можешь называть меня Л'лае, а я буду звать тебя Ктан. Это будут наши тайные имена.

— Если тебе этого хочется, — смеясь, отвечал Рейт.

— Мы подождем здесь следующего каравана, идущего на Коад, а потом на корабле поплывем через Драшаду в Вервуду, что в Кате.

Рейт закрыл ей ладонью рот.

— Мне нужно попасть в Дадих.

— В город синих кешей? Но зачем это тебе?

Рейт посмотрел на звезды, будто хотел получить оттуда поддержку. Что он мог сказать? Расскажи он ей правду, она подумает, что он сошел с ума, несмотря на то, что именно ее предки, судя по всему, послали на Землю сигналы.

Он колебался, но она положила руки ему на плечи и посмотрела на него:

— Я знаю тебя как Ктана, а ты знаешь меня как Л'лае, твой дух в моем духе, и твое благо является и моим. Что влечет тебя в Дадих?

Рейт глубоко вздохнул:

— Я прилетел на Чай на космическом корабле. Синие кеши чуть не убили меня и перетасили мой космический корабль в Дадих. Поэтому я должен его оттуда забрать.

— А где ты выучился водить космический корабль? Ты ведь не дирдир—человек и не вонк—человек. Или все—таки, да?

— Нет, конечно нет! Меня научили.

— Какая тайна... А что ты будешь делать после того, как сможешь найти свой космический корабль?

— Сначала я отвез бы тебя в Кат. А потом... Да, потом я, наверное, вернусь к себе на родину.

— У тебя там есть жена?

— Нет, конечно же нет.

— А кто—нибудь знает там твое тайное имя?

— У меня его не было до того, как ты мне его дала.

Она облокотилась на перила и смотрела в ночную тьму.

— Если ты пойдешь в Дадих, они определяют тебя по запаху и убьют.

— Определят меня по запаху? Что ты имеешь в виду?

— Ты просто загадка! С одной стороны, ты знаешь так много, а с другой, так мало. Синие кеши определяют все по запаху точно так же, как мы видим.

— Но все—таки я должен попытаться сделать это.

— Я тебя не понимаю. Я сообщила тебе мое тайное имя и этим самым отдала тебе то, что является для меня самым драгоценным. Но ты не хочешь изменить свои планы даже ради меня.

Рейт взял ее за руку:

— Я должен попасть в Дадих. Ради тебя и ради меня...

— Почему же ради меня? Чтобы возвратить меня в Кат?

— И это тоже. Разве ты чувствуешь себя счастливой, когда тебя угнетают дирдиры, кеши и вонки? Я уже не говорю о пнумах.

— Я не знаю... Я никогда не думала об этом... Они утверждают, что все мы только уроды. Но король Хопсин объяснил, что люди будто бы прилетали с далекой планеты. Он попросил их о помощи, но они не прилетели. Это было сто пятьдесят лет назад.

— Вам действительно пришлось долго ждать,— сказал Рейт и поцеловал ее. Но страсть уже прошла.

— Я сама не знаю, что чувствую,— пожаловалась она.— Я думаю, что мне нужно идти спать.

Рейт удержал ее:

— Дерль... Если я вернусь из Дадиха...

— Ты никогда не вернешься из Дадиха, так как синие кеши поймают тебя для своих игр... Сейчас я хочу спать и забыть, что я живу...

Еще некоторое время Рейт постоял на балконе. Итак, завтра Дадих. Там он должен наконец узнать, что же ждет его в будущем.

Глава 8

Утро известило о своем приходе светло-серым светом, и вскоре после этого взошло солнце Карина 4269. Из кухни доносился запах дыма. Рейт спустился в ресторан, где застал Анахо, сидящего за кружкой чая. Девушка, работавшая на кухне, принесла чай и ему.

— Что ты знаешь о Дадихе? — спросил он Анахо.

— Город довольно старый, ему около двадцати тысяч лет. Здесь находится самый большой космопорт кешей. Но несмотря на это, со своим родным миром Годагом они поддерживают очень слабую связь. Южнее Дадиха находятся фабрики и технические мастерские. Дирдир и кеши ведут друг с другом незначительную торговлю и особенно это не афишируют. Но что ты собираешься искать в Дадихе?

Рейт подумал. Он ничего не выигрывал, доверяя Анахо. Он до сих пор не определил, что тот из себя представляет.

— Кеши, — сказал он, — отняли у меня кое-что очень ценное, и я хочу вернуть свое имущество себе.

— Интересно, — заметил Анахо, — что же могли кеши забрать у получеловека? И как ты собираешься найти эту вещь и вернуть ее себе?

— Найти я ее могу. А как ее забрать, это уже проблема.

— Я тебе удивляюсь. Что же ты собираешься предпринять сначала?

— Мне нужна информация, и я прежде всего хочу знать, могут ли такие люди, как ты или я, беспрепятственно въезжать и выезжать из Дадиха?

— Я — нет, — ответил Анахо. — Меня, как дирдир-человека, они определяют по запаху. У них очень чувствительные носы. А пища, которую ты употребляешь, придает коже определенный запах. Таким образом, они не только различают отдельные расы, но и бедных и богатых, больных и здоровых, чистых и грязных. Они по запаху чувствуют даже соль в легких, если кто-то приехал с моря. Они чувствуют запах озона, спускающийся с гор. Они знают, когда ты голодный, злой или испытываешь чувство страха. Они по запаху чувствуют возраст, пол, цвет твоей кожи. Они видят тебя посредством носа.

Анахо встал и подошел к соседнему столу, за которым сидели три человека. Он немного с ними поговорил, но они давали на его вопросы только сдержанные ответы. Анахо вернулся к Рейту:

— Эти люди работают перевозчиками. Они часто посещают Дадих. Западные Перы, говорят они, территория надежная. Нас никто не тронет, если дорога...

— Нас? Ты тоже собираешься ехать со мной?

— А почему бы и нет? Я еще никогда не был в Дадихе и не видел

его великолепных садов. Мы можем нанять скакунов и приблизиться к городу на расстояние мили.

— Хорошо, — ответил Рейт. — Но сначала мне нужно поговорить с Трезом. Ему, видимо, придется охранять девушку.

В конюшне с тыльной стороны гостиницы они смогли нанять скакунов и на следующее утро отправились в путь. Они беспрепятственно проехали через центральную часть Перы, где люди прямо в руинах построили себе жилища. Город, по всей видимости, имел четыре или пять тысяч жителей. А наверху, в цитадели, жил Нага Гохо со своими разбойниками.

На центральной площади их взорам открылась ужасная картина: несколько посаженных на колья людей. На стреле стоявшего рядом крана висела клетка, в которой сидело голое загоревшее существо. В нем почти нельзя было узнать человека. Неподалеку бесцельно шатался один из разбойников — молодой человек в коричневом жилете и черной юбке до колен — униформе разбойников. Рейт осведомился у него о преступлении, которое совершил этот несчастный.

— Он слишком долго колебался, когда Нага Гохо приказал его дочери явиться к нему на службу. Теперь ему осталось провисеть еще три дня. Дождь немного освежил его. А вот эти — он показал на нанизанных на колья людей — это те, кто пожадничал. Почему-то всегда находятся плохие люди, которые сомневаются, отдавать ли часть своего богатства Нага Гохо.

Этого Рейту хватило, и они с Анахо отправились дальше. Никогда не сможет он понять что на этой ужасной планете хорошо, а что плохо. И ничего против этого он предпринять не может. Если ему удастся заполучить свой космический корабль и вернуться на Землю, то он должен будет со временем как-то помочь людям Чая.

За пределами Перы на полях работали женщины и дети; высокогруженные повозки с продовольствием и продуктами животноводства ехали в Дадих. То, что торговля была такой оживленной, поразило Рейта.

Десятью милями дальше, прямо под цепью холмов, находилась застава, на которой разбойники требовали у перевозчиков оброк. Рейту и Анахо пришлось заплатить по одному секвину.

Немного позже они увидели живописный ландшафт с многочисленными ручьями, соединявшими множество прудов и озер. Здесь росло более ста различных видов деревьев: растения, похожие на сосны; другие же были с черными стволами и сучьями, на которых висели белые шарики; третьи были с листьями, выглядывшими словно красноватые перышки. Но больше всего там было адокара. Вся местность выглядела единым, аккуратно ухоженным садом.

Дальше лежал Дадих. Город состоял из невысоких плоских купо-

лообразных строений, и далеко простиравшиеся крыши прятались за густой листвой. Было невозможно определить величину города и количество его жителей. И Рейт подумал, что синие кеши живут в очень приятных условиях.

У дирдир-человека же были другие критерии оценки.

— Ты хоть когда-нибудь видел город дирдиров? Нет? Знаешь, здесь ведь все бесформенное, хаотичное и лишенное всякого стиля. А город дирдиров — это всегда благородный, трогаящий до глубины души вид! Конечно, синие кеши не так сильно дегенерировали и деградировали, как старые кеши. Вспомни-ка Гольссе. Но старые кеши вымирают уже в течение двадцати тысяч лет... Что ж тут подлаешь? А что это у тебя за инструмент?

Рейт достал свой радиоприбор и объяснил Анахо его назначение.

— Он показывает направление и расстояние в три с половиной мили. Линия проходит прямо сквозь здание с высоким куполом, а расстояние до него соответствует показаниям прибора.

Анахо с интересом рассматривал прибор.

— Скажи-ка, откуда он у тебя? Такого технического совершенства я еще никогда не видел! А эти значки не похожи ни на письма дирдиров, ни на надписи кешей или вонков. Из какой части Чая ты это привез? Как могут полулюди разрабатывать такие приборы?

— Анахо, друг мой, тебе нужно еще многому учиться, — смеясь сказал Рейт. — Время от времени тебе придется переживать довольно резкий шок.

Анахо погладил свой несколько выдающийся подбородок и натянул мягкую черную шапку на лоб.

— Ты таинственный, как пнум.

Рейт в сканоскоп обследовал местность и определил, в каком направлении шла дорога, тянувшаяся с холмов сквозь лес с деревьями огненного цвета и дальше через стену, которую он сначала не заметил. Видимо, это была городская стена, защищающая Дадих от зеленых кешей. На дороге стояли многочисленные высокотруженные повозки, которые, казалось, ждали, пока им разрешат проехать в город.

— Я думаю, что ехать дальше по этой дороге нет смысла, — произнес Рейт. — Если мы немного пройдем по холмам, то сможем посмотреть на это большое здание.

Анахо не имел ничего против, и Рейт снова достал свой прибор. Он кивнул:

— В этом большом здании и находятся те вещи, которые принадлежат мне и которые я хочу себе вернуть.

— Как ты себе это представляешь? — с улыбкой спросил Анахо. — Ты же не сможешь просто так подъехать к Дадиху на коне, постучать в ворота и крикнуть: «Вынесите мне мою собственность!» Тебе при-

дется разочароваться. Да и как вор ты не настолько искусен, чтобы обжечь кешей. Так что скажи, что же ты собираешься делать?

— Прежде всего, я хочу посмотреть на это здание. Может случиться, что то, в чем я срочно нуждаюсь, находится не там.

— Теперь я тебя просто не понимаю. Сначала ты говоришь, что оно там. А теперь получается, что его может там и не быть?

Рейт несколько смущенно засмеялся. Он стоял перед Дадихом и, возможно, в непосредственной близости от своего космического корабля. Но как его себе вернуть? Это была действительно чрезвычайно сложная задача.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Мы возвращаемся в Перу.

По пути они остановились.

— Все эти повозки въезжают в Дадих, — сказал Рейт. — Наверное и я поеду с ними. Это мне не кажется очень уж сложным.

Дирдир — человек задумчиво покачал головой.

— Синие кеши непредсказуемы. Никогда нельзя предугадать, какую игру с кем они сыграют. Тебе так хочется побегать по раскаленным прутьям, перекинутым над ямами, полными скорпионов? А кеши пропускают через эти прутья еще и разряды тока. Их изобретательность не имеет границ.

— И всем этим рискуют перевозчики? — спросил Рейт.

— У них имеются лицензии, и их не трогают, пока они не нарушают законов.

— Тогда я тоже поеду как возница.

Анахо кивнул:

— Но я предлагаю, чтобы ты сегодня снял всю свою одежду и натерся сырой землей. Потом встанешь в дым от горящих костей, оботрешься испражнениями животных и втрешь себе в кожу жир с тошнотворным запахом. После этого тебе придется есть только острую пищу, передающую свой запах в кожу. И, конечно, тебе нужно будет еще переодеться в одежду перевозчика. И если поблизости появится какой-нибудь синий кеш, тебе ни в коем случае нельзя будет выдыхать воздух. И никогда не подходи к ним с подветренной стороны.

Рейт скорчил гримасу:

— Это действительно тяжело! Но я не собираюсь умирать. На мне лежит большая ответственность. А именно: девушка из Ката.

— Ба, да ты, оказывается, жертва сентиментальности, — удивился Анахо. — Она уж очень тщеславна, и у нее слишком круглая голова. Предоставь ее судьбе.

— Если бы она не была тщеславной, я бы считал ее глупой.

Анахо поцеловал кончики своих пальцев:

— Если ты хочешь увидеть настоящую красоту, то тебе нужно посмотреть на женщин моей расы. Ах, какие они элегантные! Блед-

ные, как снег, и так похожи на дирдиров, что очаровывают даже их. Ну, конечно, вкусы у всех разные. Однако девушка из Ката доставляет тебе одни неприятности. Так что подумай о времени, которое у тебя пока еще есть.

Рейт пожал плечами, ударил пятками своего скакуна и поехал с Анахо обратно в Перу, старый разрушенный город.

Ближе к вечеру они возвратились назад и вернули лошадей обратно в стойло. Ресторан был наполовину пуст, и находившиеся там с удовольствием поглощали ужин. Треза и Цветка Ката нигде не было видно. Не было их и в комнатах. Рейт спросил у хозяина, куда могли подеваться его друзья. Хозяин скорчил кислое лицо и бросил взгляд на Рейта:

— Тебе следовало бы знать, где они. Парень был слишком упрямым, когда они ее забирали. Разбойники собирались его повесить.

Рейт попытался сохранить спокойствие.

— Когда все это произошло? — спросил он.

— Это было недавно. Парень оказался дураком. Такая красивая девушка действительно большой соблазн. И у него не было никакого права ее защищать.

— Они доставили девушку в башню?

— Возможно. Какое мне до этого дело? Нага Гохо делает то, что ему хочется. Ему принадлежит власть в Пере.

Рейт обернулся к Анахо, отдал ему свою сумку и взял себе только оружие.

— Присмотри за моими вещами, — попросил он. — Если со мной что-нибудь случится и я вдруг не вернусь, ты можешь оставить их себе.

— Ты снова хочешь подвергнуть себя опасности? — неодобрительно спросил Анахо. — Я что же будет с той твоей вещью?

— Она может подождать.

И Рейт помчался к цитадели.

Глава 9

Свет заходящего солнца освещал площадку вокруг виселицы во всем многообразии ммурых красок Чая: это были серые, зеленые, коричневые и, более всего, земляные оттенки. Общество, пришедшее на экзекуцию, представляло собой такую же пеструю картину. Здесь были и шестеро разбойников в темно-красных куртках; двое стояли возле веревки, которую должен был дергать палач, двое возле Трезы с кровоточащим лбом, едва державшегося на слабых ногах, один стоял, небрежно облокотясь на столб и держа руку на катапульте, а шестой обращался к безучастно стоявшей перед виселицей толпой.

— По приказу Нага Гохо этот нарушитель спокойствия, посмевавшийся перечить, приговаривается к наказанию. Он будет повешен!

На шею Трезу накинута петля. Он поднял голову, и его остеклевший взгляд пробежал по толпе. И хотя его взгляд скользнул по Рейту, казалось, что он его не узнал.

Рейт протолкался к виселице. Теперь у него уже не оставалось времени для дипломатии, если такое понятие вообще существовало на Чае. Разбойники видели его приближение, но поведение Рейта не вызвало у них никакого беспокойства, и они подали знак тянуть веревку. В этот момент Рейт воткнул нож в грудь первому разбойнику, и пока второй удивленно на него смотрел, Рейт молниеносным ударом перерезал ему глотку. После этого он швырнул нож в лицо третьему, стоявшему у столба, где он и застрял. Оставалось еще трое разбойников. Рейт выхватил свой меч. Он ударил им того, который разговаривал с толпой. Последние двое отпустили Трезу, но атакуя Рейта, помешали друг другу. Рейт, воспользовавшись этим, подскочил к Трезе и снял с него петлю. Затем он прыгнул обратно и выстрелил из своей катапульты в одного из нападавших. Из шести разбойников остался один, но и его Рейт сшиб ударом кулака в голову. После этого он взял петлю и кинул ее на шею сбитого с ног разбойника. Двоим зрителям из первых рядов он приказал отвести обессилевшего юношу в гостиницу и передать, чтобы о нем позаботились.

Наконец он крикнул людям:

— Тяните веревку, повесьте разбойника! Вздерните его на виселице!

Люди все еще колебались, но Рейт обратился к ним:

— Делайте то, что я вам говорю. Мы должны показать Нага Гохо, кто правит в Пере! Казните разбойника!

И вскоре парень уже раскачивался высоко в воздухе, дрыгая из последних сил ногами. Рейт подскочил к веревке, державшей клетку на стреле крана, схватил ее и опустил клетку вниз. Человек, сидевший внутри, смотрел на него с испугом. Но постепенно в его глазах появилась надежда. От недостатка сил он не смог сам встать. Рейт помог ему подняться на ноги и приказал окружающим:

— Этого человека также отведите в гостиницу и проследите, чтобы о нем позаботились. Теперь вам никого не надо бояться. Возьмите оружие у убитых, бейте разбойников, если они здесь появятся. Больше никто не сможет вас обидеть. Вы меня поняли? В Пере больше не будет разбойников, не будет налогов, не будет виселиц и не будет Нага Гохо!

Убедившись, что Треза и человека из клетки повели в гостиницу, он помчался ко дворцу Нага Гохо. Около цитадели повсюду громоздились камни из руин, окружавших двор. Около десятка разбойников развалились за длинными столами. Все они были изрядно пьяны. Рейт

внимательно осмотрелся и, прижимаясь к стене, двинулся вдоль нее. Потом он начал карабкаться вверх, цепляясь пальцами за трещины и небольшие выбоины, пока, наконец, не дополз до зарешеченного окошка. Он заглянул внутрь, но в темноте ничего не увидел. Наверху он обнаружил окошко побольше, но оно находилось примерно в двадцати метрах от земли. Рискуя жизнью, Рейт пополз по стене, и удачным для него было лишь то обстоятельство, что в сгуставшихся сумерках он выглядел на стене, как расплывчатое пятно.

Наконец Рейт добрался до окна, которое загороживала решетка, сплетенная из ивовых прутьев. Она легко поддалась, и Рейт смог заглянуть в комнату, оказавшуюся спальней. На тахте он увидел спящую женщину. Но спала ли она на самом деле? Она лежала слишком тихо. Может, она мертва?

Он проник внутрь и внимательно осмотрел женщину. Видимо, ее сначала ударили по голове, после чего задушили. Рот ее был открыт и застыл в оскале. В жизни она была очень миловидной. Мертвой же выглядела страшно.

В несколько шагов Рейт приблизился к двери и выглянул во двор, обсаженный деревьями. Из сводчатого коридора напротив доносились голоса.

Рейт перебежал через сад и заглянул сквозь окошко в большой зал со столами, стены которого были украшены пестрыми коврами. Пол его тоже был устелен коврами. Массивная мебель была изготовлена из дерева, затемненного под старину. Под огромным канделябром, излучавшим желтый свет, сидел Нага Гохо и ужинал. На его плечи был накинут дорогой роскошный плащ, отделанный мехом. Напротив него, возле стены зала сидела Цветок Ката. Она склонила голову, и волосы падали на ее лицо. Руки ее были связаны.

Нага Гохо ел с большим аппетитом, грациозно отправляя в рот кончиками пальцев кусок за куском. Во время еды он что-то говорил, поигрывая коротким хлыстом.

Цветок Ката сохраняла еще остатки гордой осанки. Некоторое время Рейт прислушивался. С одной стороны, он пришел в ужас от увиденной картины. Но, с другой стороны, его утешало и даже забавляло, что Нага Гохо не имел ни малейшего представления о том, что его сейчас ожидало.

Рейт тихо вошел в помещение. Юлин-Юлан заметила его, но на ее лице ничего не отразилось. Рейт дал ей знак, чтобы она молчала, но Нага Гохо заметил, что ее глаза вздрогнули, и повернулся на своем стуле. Он вскочил, и его плащ упал на пол.

— Ха, крыса во дворце! — крикнул он и бросился к своему мечу, лежавшему на стуле. Но Рейт первым оказался возле него. Он нашел более практичным нанести Нага Гохо удар кулаком, пославшим того через стол в нокдаун. Но этот человек оказался сильным и подвиж-

ным; он быстро пришел в себя и вскочил на ноги. Очень скоро Рейт смог убедиться, что Нага Гохо в боевой технике Чая был так же искусен, как и сам Рейт в земной технике борьбы. Это была настоящая драка, настоящая смесь бокса и борьбы с элементами нападения и защиты, пока Рейт не одержал наконец победу в своем справедливом гневе. Ему удалось схватить своего противника за ногу и сильно дернуть на себя, так что Нага Гохо упал на спину, после чего получил удар ногой и кляп в рот. Лишь после этого он затих.

Рейт освободил бледную и испуганную Юлин-Юлан, которая, рыдая, упала ему на грудь. Он крепко обнял ее и гладил по спутавшимся волосам. Потом сказал:

— Нам пока что везло. Но так не может продолжаться бесконечно. Нужно уходить отсюда. Внизу сидит еще примерно десяток его людей.

Для надежности он привязал веревку к шее Нага Гохо и приказал ему встать. Тот даже не пошевелился. Тогда Рейт взял хлыст и ударил его по лицу.

— Встань! — приказал он снова, и тот подчинился.

Нага Гохо неохотно плелся за ними. Так они вышли во двор, где все еще сидели разбойники со своими пивными кружками. Рейт передал веревку Цветку Ката:

— Ты иди с ним дальше, но торопиться не нужно. Не обращай внимания на этих людей. Веди Гохо на улицу.

И она со своим пленником пошла дальше.

Разбойникам, недоуменно взиравшим на своего главаря, Рейт сказал:

— Считайте, что Нага Гохо уже мертв, да и вы тоже. Если хотите остаться в живых, бросьте свое оружие!

И Рейт поспешил за Юлин-Юлан, внимание которой было сосредоточено на Нага Гохо.

Эз и Брез висели на востоке, и белые руины Перы сверкали в призрачном свете.

На площади собралась большая толпа людей, так как вокруг разнеслась весть, что происходит что-то непонятное. Люди боялись, что разбойники вернутся сюда в большом количестве, и были готовы моментально скрыться в руинах. Но увидев только шедших со стороны дворца Рейта и девушку да плетущегося за ними на веревке Нага Гохо, они медленно приблизились к толпе.

Рейт остановился, переводя взгляд с одного бледного лица на другое. Держув за веревку, он усмехнулся:

— Ну вот он, ваш Нага Гохо. Теперь он больше не главарь, так как просчитался и совершил ровно на одно преступление больше, чем было нужно. Что же нам теперь с ним делать?

Люди еще недоверчиво оглядывались. Нага Гохо, у которого вы-

нули кляп, обещал стоявшим вокруг адскую месть. Но никто уже не воспринимал его угроз всерьез. Гневный женский голос закричал:

— Повесить его!

Пожилой человек предложил:

— Посадить его на кол! Он посадил на кол моего сына и поэтому он не заслуживает ничего лучшего!

— Сжечь его на медленном огне, поджарить его! — закричал другой голос.

— И никто не предложит его пощадить? — спросил Рейт и повернулся к Нага Гохо. — Что ж, пришло твое время. Хочешь ли ты что-нибудь еще сказать?

Но Нага Гохо потерял от страха дар речи.

Рейт снова повернулся к толпе:

— Любая мера наказания будет для него слишком мягкой. Мы не будем затягивать с расплатой. Ты, ты и ты, снимите разбойника с виселицы. Эта веревка как раз хороша для Нага Гохо.

Через пять минут тело преступника болталось высоко над землей. В лунном свете оно выглядело зловеще.

Рейт обратился к толпе:

— Я прибыл в Перу недавно. Но так же, как и вы, я знаю, что городу необходимо справедливое и ответственное руководство. Ведь вы же люди! Почему же вы допускаете, чтобы такие мерзавцы насиловали вас? Завтра вы должны собраться и выбрать из вашей среды пять порядочных людей, которые образуют совет старейшин. Один из них по решению совета должен руководить им в течение года, вершить справедливость и устанавливать налоги. Вам нужно создать вооруженные отряды против зеленых кешей, которые смогут им противостоять и, уничтожая их, защищать вас. Не забывайте, что вы люди!

Он посмотрел вверх на цитадель:

— Десять или одиннадцать этих мерзавцев все еще там. Завтра вы должны будете решить, как следует с ними поступить. Возможно, они попытаются бежать. Поэтому необходимо выставить охрану. Двадцати человек должно хватить.

Рейт показал на высокого сильного человека с черной бородой:

— Ты выглядишь справедливым и заслуживающим доверия. Возьми это дело в свои руки. Я назначаю тебя комендантом. Возьми столько людей, сколько тебе необходимо и распредели их по постам. А мне теперь нужно позаботиться о моих друзьях.

Вместе с Цветком Ката Рейт возвратился в гостиницу. Он уже не слышал, как чернородый человек призвал мужчин, которые должны были нести караул.

— Нага Гохо отделался слишком легко, так как был всего лишь повешен, — сказал он. — Но разбойников мы все-таки поджарим!

Цветок Ката взяла руку Рейта и поцеловала ее.

— Я благодарю тебя, Адам Рейт,— сказала она и от пережитого страха разрыдалась. Рейт поцеловал ее в губы и забыл обо всех своих хороших намерениях.

Трез уже спал в своей комнатке возле ресторана. Около него сидел Анахо, дирдир-человек.

— Как его дела? — спросил Рейт.

— Довольно хорошо,— пробурчал Анахо.— Я промыл ему голову. У него большая шишка и небольшой ушиб головы. Завтра он снова будет на ногах.

Когда Рейт вернулся в ресторан, Цветка Ката там не оказалось. Он в задумчивости съел полную миску густого супа и пошел наверх в свою комнату. Юлин-Юлан ждала его там.

Она сказала:

— У меня есть еще и последнее, самое тайное имя. И его я назову только тому, кого я полюблю, моему любимому. Подойди ко мне ближе...

Рейт наклонился, и она прямо в ухо прошептала ему свое имя.

Глава 10

На следующее утро Рейт отправился на грузовую станцию. Она находилась на южной окраине города и являлась перевалочной станцией для всего восточного региона. Повозки подкатывались к погрузочным платформам. Потные возницы ругались. Казалось, что они совершенно не обращали внимания на жару, пыль, вонь, рычание зверей, жалобы охотников и поставщиков овощей, повозки которых всегда оставались обделенными, и возниц, ищущих хорошие места для своих повозок и старающихся всегда проскочить без очереди.

На некоторых повозках было по два возницы или возница с помощником. Остальные же управлялись одним человеком. К такому вознице, стоящему в самом конце, и приблизился Рейт.

— Ты сегодня собираешься в Дадих? — спросил он.

Возница был маленьким тощим человеком с темными глазами, на лице которого значительно выделялись нос и лоб.

— Обязательно,— ответил он.

— А что ты будешь делать, когда попадешь в Дадих?

— Если я буду тратить время на пустую болтовню, то никогда туда не попаду.

— Не бойся. Я думаю, что ведь ты не сразу отправишься в обратный путь, а проведешь там некоторое время. Что ты там будешь делать?

— Я поеду к месту разгрузки. Носильщики заберут товар, и писарь выдаст мне квитанцию. Затем в кассе мне выплатят секвины или

вручат чек. Все зависит от того, получу ли я заказ на загрузку обратно в Перу. Если да, то повезу этот чек на фабрику или склад, где получу товар, с которым вернусь обратно в Перу.

— Значит у тебя нет каких-то определенных предписаний относительно маршрута и мест остановки в Дадихе?

— Естественно, кое-какие ограничения имеются. Они совершенно не выносят, когда повозки ездят вдоль реки между их садами. Они так же не желают видеть людей в южной части города, где располагаются их скоростные дороги. Говорят, что туда приезжают торговать дирдиры.

— А в остальном никаких инструкций нет?

Возница внимательно посмотрел на Рейта.

— А почему ты обо всем этом спрашиваешь?

— Я хочу вместе с тобой поехать в Дадих, а затем вернуться обратно в Перу.

— Исключено. У тебя нет лицензии.

— Так ты мне ее и достанешь. Я готов заплатить за это соответствующую сумму. Сколько ты хочешь за все получить?

— Десять секвинов. И еще пять за лицензию.

— Слишком дорого! Десять секвинов за все вместе или двенадцать, если ты довезешь меня туда, куда я скажу.

— Ба! Да ты считаешь меня абсолютным дураком? Боги желают знать, куда же ты хочешь доехать.

— Не бойся. В Дадихе это совершенно незначительное расстояние. Я лишь хочу взглянуть на кое-что, что меня интересует.

— За пятнадцать секвинов и не меньше!

— Тогда ты должен достать мне подходящую одежду.

— Ну ладно. Тогда я тебе скажу еще кое-что: не бери с собой ничего металлического, так как они сразу определяют металл по запаху. Эту одежду ты должен снять. Натри себя глиной и оботрись листьями аннеля. Кроме того, тебе надо пожевать листья аннеля, чтобы забить запах твоего дыхания. Это необходимо сделать прямо сейчас, так как через полчаса я отправляюсь.

Рейт сделал все, что ему было велено несмотря на то, что кожа начала зудеть и чесаться, особенно после того, как он надел на себя старую одежду возницы. Эмминк — так звали человека — обыскал Рейта на предмет оружия, которое в Дадихе было запрещено и прикрепил на его плече белый стеклянный кружок.

— Это лицензия. Когда тебя спросят, скажешь «восемьдесят шесть» и ни слова больше. Только не вздумай слезать с повозки. Если они по запаху определяют, что ты чужой, я ничем не смогу тебе помочь. Так что на меня можешь не надеяться.

Вскоре повозка уже грохотала навстречу серым холмам. Эмминк

был хмурым и неразговорчивым. Он не проявлял никакого интереса к причинам, побудившим Рейта отправиться в Дади́х. Рейт тоже молчал.

Они переехали через перевал, который Эмминк назвал перевалом Бель—Бал, и у их ног раскинулся Дади́х — город странной и какой-то пугающей красоты. Рейт чувствовал себя довольно неуютно, так как побаивался, что несмотря на одежду, он не был похож на обычного возницу. А особенно тревожило его то, что у него был не такой запах. Можно ли считать Эмминка надежным? В конце концов, разве не был он таким же человеком, как он, Трез или Анахо? Ведь и его предки наверняка тоже много лет назад прилетели с Земли. Но все-таки Эмминк был человеком Ча́я, и его душа отчеканена жесткими пейзажами, мутным солнцем, серым небом и мягкими землистыми красками. Поэтому Рейт не собирался доверять вознице больше, чем на расстоянии вытянутой руки.

— Где ты собираешься разгружаться? — спросил Рейт.

— Там, где мне лучше заплатят. Это может быть либо на Северном рынке, либо на Речном. Но я не исключаю, что разгрузусь и на базаре Бонте.

— Понятно. А что находится там? — показал Рейт на большое белое здание, обнаруженное им накануне.

Эмминк равнодушно пожал плечами.

— Меня это не касается. Я покупаю, транспортирую и продаю. Только и всего.

— Хм! А я хочу проехать мимо этого здания.

— Но оно находится в стороне от нашего маршрута.

— Меня это не касается. Я тебе заплатил.

Через некоторое время возница ответил:

— Сначала мы поедем на Северный рынок, чтобы узнать цену на товар. Потом мы поедем на базар Бонте. По дороге мы проедем мимо этого здания.

Они съехали с холма вниз и подъехали к саду с зелеными, похожими на перья кустами, в которых скрипели пятнистые черно-серые цикады. Теперь перед ними возвышалась городская стена Дади́ха. В высоту она поднималась примерно на десять метров и была построена из сверкающего коричневого синтетического материала. На воротах все подвергались контролю группой кеш—людей в пурпурно-красных штанах, серых рубашках и высоких конусообразных фетровых шапках. Все они имели при себе оружие и в руках у них были тонкие длинные палки. Этими палками они протыкали груз. Эмминк объяснил, что это делалось для того, чтобы помешать проникновению в город зеленых кешей, так как синие и зеленые кешы были извечными врагами и предпочитали видеть друг друга мертвыми.

— Что я должен говорить, если мне вдруг начнут задавать вопросы? — поинтересовался Рейт.

Эмминк пожал плечами.

— Это твое дело. Если они спросят меня, я скажу, что ты заплатил мне за поездку в Дадих, и это будет правдой. Тебе нужно будет только громко назвать свой номер, когда я выкрикну свой.

Вскоре повозки перед ними были уже осмотрены, и они подъехали к воротам. Эмминк выкрикнул свой номер, а Рейт свой. Кеш—люди проверили груз и один из них, маленький кривоногий парень с перекошенным лицом и крошечной кнопкой носа, обошел повозку и наконец дал знак, чтобы они проезжали.

— Тебе повезло, что здесь не было никого из офицеров кешей,— кисло заметил Эмминк.— Они наверняка определили бы по запаху, как ты от страха вспотел. Если тебе хочется ехать в качестве возницы, то ты должен обладать большим хладнокровием.

— Ты требуешь от меня слишком многого,— ответил Рейт.— Я делаю лишь то, что в моих силах.

Дадих поражал не только своей красотой, но и разнообразием запахов. Повсюду в садах можно было видеть синих кешей; они обрезали деревья, переливали что-то в каменные корыта и спокойно двигались в тени своих куполообразных домов. Пахло анисом и мускатом, горелым янтарем и цветами, которые распространяли запах, похожий на мускусный. Рейт так до конца и не уяснил для себя, нравился ли ему такой букет крепких ароматов или наоборот.

Вокруг каждого здания было ровно столько свободного места, чтобы оно совершенно не мешало соседнему. Рейту особенно бросилось в глаза то обстоятельство, что кешей нигде не было видно вместе с кеш—людьми; они постоянно работали отдельно друг от друга. Если же вдруг пути их где-то пересекались, то каждый делал вид, что до другого ему нет никакого дела. Эмминк не давал никаких пояснений и не делал никаких замечаний. Но Рейт выразил свое удивление по поводу того, что синие кеши, казалось, совсем не замечали повозки.

— Ты не обольщайся,— сказал Эмминк.— Попробуй—ка сначала сойти с повозки и приблизиться к одному из их домов. Тогда ты увидишь, что с тобой произойдет! Может ты слышал, что они устроили несчастному Посферу Айяну, вознице? Он слез со своей повозки, чтобы справить естественную нужду. Конечно же, с его стороны это было неумно, но что уж тут поделаешь. Они его поймали, связали и бросили в цистерну с какой-то жижей, от которой исходил тошнотворный запах, она доходила ему до подбородка. На дне цистерны был ventиль. Когда сплизистая жижа становилась слишком горячей, ему приходилось нырять и закручивать ventиль. После этого жижа остывала и становилась ледяной, пока он снова не открывал ventиль. Так продолжалось довольно долго. Но он выжил, стоически выдержав весь этот кошмар, постоянно ныряя к ventилью. На четвер-

тый день они его отпустили, чтобы он смог рассказать о своих приключениях в Пере. Как только им представляется возможность, они изобретают совершенно изощренные пытки и мучения и считают их очень веселыми... Если ты скажешь мне, что ты собираешься делать, я смогу тебе довольно точно описать, как они будут на это реагировать.

— Пока что я ничего не собираюсь делать, а хочу удовлетворить свою любознательность и посмотреть, как живут синие кеши.

— Они живут, как сумасшедшие, и это говорят все, кто их знает. Особенное же удовольствие им доставляет, когда друг с другом дерутся быкообразный зеленый кеш и сухой фанг. Если же им удастся поймать дирдира и пнума, то они не могут остановиться от хохота. Синие кеши ни при каких условиях не желают скучать.

— Почему же они тогда не начинают большой войны со своими врагами? И разве дирдиры не сильнее, чем синие кеши?

— Да, это так, и, как я слышал, города их великолепны. Но у кешей есть торпеды и мины, способные уничтожить все города дирдиров. Обе стороны достаточно сильны, чтобы победить и уничтожить противника. Но никто из них не решается начать войну против своих врагов. Однако, пока они меня не трогают, я не хочу об этом и думать... А вот и Северный базар. Как ты видишь, здесь повсюду синие кеши. Они любят торговлю и с удовольствием торгуются. Веди себя спокойно и, самое главное, не открывай рта. И когда я буду торговаться, ни в коем случае не кивай головой и не болтай ею.

Эмминк направил свою повозку на свободное место, и сразу же началась самая живая торговля, которую Рейт когда-либо видел. Синий кеш подошел к нему и проверил груз; он попытался попробовать на вкус камышового кузнечика, деликатес. Но Эмминк начал громко кричать. Несколько минут они орали, покрывая друг друга изысканными ругательствами и размахивая руками, пока синему кешу этого не показалось достаточно и он не отправился к следующей повозке.

— Иногда я специально завышаю цену, чтобы выяснить цены на рынке или просто чтобы их позлить, — объяснил Эмминк. — А сейчас мы поедем дальше, на другой базар.

Он не забыл, что Рейт просил проехать мимо большого белого здания и выбрал путь так, что они проехали через отдаленный от реки городской район, где располагались маленькие купольные дома и большие сады. Здесь жили кеш-люди, и в садах играли голые дети.

— Говорят, будто это и есть предки синих кешей, — язвительно объяснил Эмминк. — Кеш-люди твердо верят, что в каждом из них будто бы растет хомункул, который после смерти носителя становится настоящим кешем. По крайней мере, так утверждают сами синие кеши. Разве это не абсурд?

— Мне тоже так кажется,— ответил Рейт.— Но разве кеш-люди никогда не видели трупов себе подобных или детей синих кешей?

— Конечно видели. Но у них на каждое противоречие есть свое объяснение. К тому же, кеш-люди очень хотят в это верить. Как же иначе можно объяснить их подчиненность кешам?

Складывалось впечатление, что Эмминк больше задумывался об определенных вещах, чем это могло показаться на первый взгляд. Поэтому Рейт спросил:

— Может, они думают, что и дирдиры развиваются из дирдир-людей? Или вонк-людей?

Эмминк пожал плечами.

— Может быть... Но смотри, вон там стоит твоё здание.

Они проехали мимо купольных зданий кеш-людей, отгороженных от улицы рядом светло-зеленых деревьев с коричневыми цветами. На самой улице, ближе к мостовой стояли общественные здания с низкими арками и богато украшенными крышами разнообразнейших форм. Напротив этих зданий стояло еще одно, в котором по расчетам Рейта и должен был находиться космический корабль. По размерам оно было примерно таким же длинным и широким, как футбольное поле, и имело невысокие стены и почти овальную крышу. На Рейта оно произвело почему-то гнетущее впечатление.

Снаружи нельзя было определить, для каких целей служило это сооружение. В нем не было видно транспортных ворот для больших грузов. Рейт подумал, что было бы неплохо посмотреть на это строение и с другой стороны.

На базаре Эмминк выгодно продал свои товары. Он был очень доволен удачной торговлей, но показывать этого не хотел.

— За мои отличные товары я рассчитывал получить минимум на двадцать секвинов больше,— жаловался он.— Но как можно договариваться с этими синими? А ты неправильно себя вел, и он почти почувствовал запах твоего дыхания. Каждой старой самке кешей твоё поведение должно было показаться странным. В общем, ты в ответе за то, что я не мог торговаться с ними дальше, и должен возместить мне убытки.

— Я не думаю, что ты мог получить большой доход,— ответил Рейт.— Твои убытки являются лишь плодом твоего воображения. Поехали! Синие уже начали на нас коситься.

Эмминк торопливо залез на место возницы и поехал. Из обыкновенной вредности он поехал было снова по той же самой улице, но Рейт не позволил ему этого сделать.

— Ты поедешь по восточной улице,— властно приказал он.— И прошу тебя, больше никаких фокусов. Иначе...

— Что? Ты решил угрожать мне здесь, в центре Дадиха? Да стоит мне лишь кивнуть одному из синих, как...

— Тогда это станет последним, что ты сделаешь в своей жизни.
— А что будет с моими двадцатью секвинами?
— Ты получил от меня пятнадцать и, кроме того, неплохой доход. И больше никаких жалоб! Либо ты поедешь так, как сказал я, либо я сверну тебе шею.

Эмминку пришлось подчиниться, но он все время ворчал что-то себе под нос и бросал на Рейта сердитые взгляды.

Улица, по которой они ехали теперь, шла параллельно улице, на которую выходила обратная сторона белого сооружения. Проезжую часть отделяла от него полоса насаждений шириной около двадцати метров. От улицы отходил небольшой проезд, ведущий прямо к воротам здания. Было бы слишком подозрительным использовать этот подъезд, так как движение на улице было довольно оживленным и много синих кешей двигались по ней среди громоздких повозок на своих небольших автомобильчиках. Рейт внимательно рассматривал фасад. На нем было трое ворот, правые ворота были открыты, а двое других закрыты. Рейт, насколько это было возможным, пытался заглянуть внутрь и ему удалось различить огромные механизмы, сверкание горячего металла и какую-то площадку, похожую на ту, что вытащила из болота и унесла его космический корабль.

— Это здание является фабрикой, на которой строятся воздушные корабли и космические транспортные средства.

— Конечно, — пробурчал в ответ Эмминк.

— Я же тебя об этом спрашивал. Почему же ты ничего мне не сказал?

— За информацию ты мне совершенно ничего не заплатил.

— Давай еще раз объедем вокруг этого здания.

— Это будет дополнительно стоить пять секвинов.

— Два! И ни слова больше или я тебе повыбиваю все зубы.

С проклятиями Эмминк развернул свою повозку и еще раз проехал вокруг фабрики. Рейт спросил его:

— Тебе когда-нибудь удавалось заглянуть внутрь этого здания?

— Конечно. Но если тебе хочется что-нибудь узнать, тебе придется кое-что заплатить. Один секвин.

Рейт кивнул и возница сказал:

— Иногда ворота широко раскрыты. В середине изготавливают части космических кораблей, которые потом забирают и увозят для последующей сборки. Слева они строят маленькие космические корабли, когда они в них нуждаются. В последнее время больших работ там не велось, так как синие кеши не очень любят космические путешествия.

— Может быть, ты видел, привозили ли они пару месяцев назад космические корабли или ракеты для ремонта?

— Зачем тебе это знать?

— Эта информация будет кое-чего стоить.

Эмминк мстительно ухмыльнулся, обнажив большие желтые зубы, но больше ничего не сказал.

— Помедленнее, — приказал Рейт, когда они во второй раз проезжали мимо фасада здания. — Сейчас ты съедешь с проезжей части и остановишься на пару минут у обочины.

И он сам потянул за рычаг повозки так, что она остановилась. Эмминк в гневе вскочил.

— Выходи, — приказал ему Рейт. — Проверь аккумуляторы или займись колесами. Делай же что-то, в конце концов.

Он выпрыгнул из повозки и посмотрел на фабрику. Правые ворота по-прежнему были открыты. Как было обидно Рейту, что он не мог решиться заглянуть туда хотя бы одним глазом! Если бы он хоть одет был, как кеш-люди... Но с другой стороны, и одежда бы тут не очень помогла, поскольку лицо его тоже не было похоже на лица кеш-людей настолько, чтобы они приняли его за своего.

Казалось, что Эмминк успокоился, и Рейт решил попросить у него совета.

— Представь себе, — сказал он, — что хочешь посмотреть, есть ли на этой фабрике определенный объект, например, маленький космический корабль. Что бы ты предпринял?

— До такой дурости я никогда бы не додумался. Я бы сел на повозку и поспешил бы как можно скорее убраться отсюда, пока еще в состоянии это сделать.

— Неужели нельзя придумать ничего такого, что могло бы помочь попасть внутрь этого здания?

— Нет, это исключено.

— А можно ли попробовать проехать мимо открытых ворот? Но так, чтобы совсем близко от них?

— Нет, никогда. Это тоже невозможно.

Теперь Рейт окончательно разозлился на Эмминка, на неблагоприятную ситуацию, на синих кешей, на планету Чай. Лишь двадцать дурацких метров, которые бы по времени не заняли больше, чем полминуты...

— Подожди здесь, — приказал он Эмминку и большими шагами пошел через сквер.

— Немедленно возвращайся назад! Ты что, спятил?

Но Рейт бежал дальше. На дорожке, ведущей к зданию, он увидел нескольких кеш-людей, которые его как-будто не замечали. Только десять шагов до открытых дверей... Трое синих кешей подошли к выходу. От страха руки Рейта стали влажными. Синие кеши должны были почувствовать его страх. Но может они его не заметили? Он низко натянул на лоб свою широкополую шляпу и попытался проскочить мимо них. Один из них странным голосом крикнул ему:

— Человек! Куда ты идешь?

— Я прибыл за металлоломом, — быстро сказал Рейт. Он был рад, что ему в голову пришла такая отговорка. — Сказали, что здесь, за воротами. Мне сказали, что он должен лежать в ящике.

— А! Здесь нет металлолома.

Интонацию этого голоса Рейт определить не смог. Кеши о чем-то поговорили друг с другом, после чего заскрипели — в понятии кешей это должно было изображать смех.

— Металлолом? Его на фабрике нет. Тебе надо проехать немного дальше. Ты видишь то здание?

— Спасибо! — крикнул Рейт. — Я только хочу быстренько взглянуть...

Он сделал два последних шага и посмотрел сквозь ворота в большое помещение; там работало много механизмов и пахло маслом и металлом. Шла сборка платформы. Синие кеши и кеш-люди работали рядом друг с другом. Казалось, что здесь не было разделения по расам. Возле стен рядами, как и на земных предприятиях, стояли верстаки, полки и мусорные ящики. Посередине стояло большое металлическое сооружение, видимо, корпус небольшого космического корабля. И за ним Рейт увидел знакомые очертания — космический корабль, на котором он прибыл на Чай.

Корпус казался неповрежденным. Но в деталях рассмотреть было невозможно, так как навесное оборудование с него было снято. К тому же, здесь нельзя было долго задерживаться. За его спиной стояли три синих кеша с наклоненными головами, будто прислушиваясь. Казалось, что они его обнюхивают. Один из них подошел к нему.

— Человек, внимание! Быстро назад! Здесь нет металлолома!

— Ты пахнешь человеческим страхом и странными субстанциями, — сказал второй.

— Это всего лишь болезнь, — ответил Рейт.

— Ты пахнешь точно так же, как и странно одетый человек, которого мы обнаружили в чужом космическом корабле. И ты пахнешь неестественно. На кого ты шпионишь?

— Ни на кого. Я возница и должен вернуться в Перу.

— Где же твоя повозка? Или ты пришел сюда пешком?

— Моя повозка стоит на улице.

И Рейт двинулся в обратном направлении. Но к своему удивлению он обнаружил, что ни Эмминка, ни повозки на месте не оказалось. Он крикнул трем синим кешам:

— Мою повозку украли! Кто ее украл?

И махнув рукой, что должно было означать прощание, он бросился вперед, чтобы скрыться за изгородью из белоснежных и серо-зеленых перистых кустов. Один из синих кешей тоже двинулся в его

сторону, другой стал что-то говорить в микрофон, а третий посмотрел внутрь фабрики, чтобы убедиться, на месте ли космический корабль.

«Теперь я сам все испортил»,— сказал Рейт сам себе, но на какое-то мгновение задержался, чтобы увидеть, как отряд кеш-людей в пурпурно-красных и серых униформах подкатил на мотоциклах к фабрике. Один из синих кешей отдал им распоряжения и показал на полосу зеленых насаждений, где прятался Рейт. Больше Рейт ни секунды не раздумывал. Он выбежал на улицу и прыгнул в какую-то повозку, загруженную пустыми коробками. Возница ничего не заметил.

Позади повозки, приближаясь, жужжало несколько электрических мотоциклов. Направлялись ли они на контрольный пункт? А может они собирались усилить охрану главных ворот? Наверное, и то, и другое, подумал Рейт. Видимо, его приключения закончатся полным фиаско, что и предсказывал ему Эмминк.

Рейт знал, что у него не было ни одного шанса проехать через ворота. Недалеко от Северного рынка Рейт выскочил из повозки и бросился в укрытие за невысоким строением из пористого бетона, служившим, по всей видимости, складом. Чтобы иметь лучший обзор, он вскарабкался на крышу и оттуда смог просматривать всю улицу, ведущую к воротам.

Его опасения были более, чем обоснованными. У ворот стояла группа полицейских и наблюдала за движением. Как же он сможет выбраться из города? Может быть, через реку? Тогда надо ждать до ночи. Но Дадих раскинулся вдоль берега на несколько миль. А на самом берегу стояли преимущественно виллы синих кешей. Кроме того, Рейт совершенно ничего не знал о водных обитателях Чаю и ему совсем не хотелось с ними знакомиться. Слабое жужжание заставило его поднять голову. Небольшой летательный аппарат с синими кешами парил в воздухе. На кешах были странные головные шлемы с длинными антеннами, похожими на усики насекомых. К счастью, летательный аппарат пролетел мимо. Рейт облегченно вздохнул. Он посмотрел, есть ли в воздухе другие летательные аппараты, но больше ничего не увидел. Встав на колени, он огляделся. За высокими деревьями адорака находился Северный рынок, где по-прежнему шла оживленная торговля. Слабый ветерок приносил оттуда многообразие запахов. Чуть дальше, справа, он обнаружил район, застроенный домами кеш-людей, утопающими в садах. За ними у городской стены стояло деревянное здание, окруженное высокими черными деревьями. Если ему удастся добраться до этого здания и вскарабкаться на его крышу, он сумеет перелезть через стену. Сумерки были бы для этого самым подходящим временем, но до них оставалось еще несколько часов.

Рейт слез с крыши и какое-то время раздумывал. Синие кешы могли распознавать запахи с невероятной легкостью. И не исключено,

что они, как собаки—ищейки, смогут по запаху найти его след. Если это так, то ему нельзя терять времени.

Он нашел продолговатые дощечки и привязал их к подошвам своей обуви, после чего осторожно двинулся через сад. Не успел он пройти и пятидесяти метров, как услышал позади себя какой-то шорох. Рейт быстро спрятался в укрытие, что оказалось как нельзя более кстати. Возле сарая стояли три кеш—человека и два синих кеша. Один из них держал в руке детекторный прибор, провод от которого тянулся к носу. Специальной рамкой он водил над землей, определяя таким образом следы Рейта. Следы повели их на крышу и они были видимо немало удивлены, когда его там не обнаружили. Он же потихоньку засмеялся и поспешил удалиться.

Приблизившись к какому-то зданию, Рейт спрятался за большим толстым деревом. Здание выглядело очень мрачным и казалось необитаемым. Крыша его находилась в непосредственной близости от стены и была почти на одной с ней высоте. Вдруг он увидел несколько воздушных кораблей, летящих над городом; некоторые из них парили как раз над тем местом, где до этого он стоял. За собой корабли тянули черные цилиндры, и Рейт решил, что это какие-то поисковые приборы. При этом он подумал, что было бы хорошо спрятаться в здании.

Он снял с обуви деревяшки и некоторое время прислушивался. Вдруг он услышал звук гонга. На улице появилась процессия, состоявшая из кеш—людей, облаченных в серые и белые одеяния. Четверо из них несли на носилках мертвеца. За ними шли кеш—люди, среди которых было много поющих женщин. Значит, это здание было мавзолеем или моргом. Именно поэтому оно и выглядело так мрачно.

Процессия остановилась у портала, и снова раздались удары гонга. Воцарилось глубокое молчание. Носилки установили на площадке перед зданием, скорбящие отошли на несколько шагов назад и стали ждать. Гонг ударил еще раз.

Медленно открылась дверь в портале, и луч ярко—золотистого света упал на покойника. Слева и справа подошли несколько синих кешей в пышных церемониальных одеждах. Они приблизились к покойнику, прикрыли его лицо куском материи и отошли назад. Опустился полог и скрыл покойника. Луч золотистого света стал огненно—раскаленным. Раздался звук, будто бы лопнула струна арфы. Полог поднялся. Покойник лежал так же, как и раньше, но накладной череп мертвеца, который кеш—люди носили поверх головы, был расколот. В раскрытом черепе торчал маленький синий кеш и таращился на скорбящих.

Прозвучало одиннадцать торжествующих ударов гонга, и синие кеши запели:

— Возвращение состоялось! Человек вступил в новую жизнь! Человек по имени Цугел Эдгц передал свою душу этому прелестному ребенку! Что было бы для него большим счастьем? Такое же пере—

воплощение может произойти и со всеми остальными. Теперь уходите и радуйтесь! Нового Цугела Эдгца обмазали живительной мазью, а пустое тело предается земле. Через две недели вы снова сможете увидеть своего любимого Цугела Эдгца!

Скорбящая процессия развернулась и сразу исчезла из поля зрения Рейта. Носилки с покойником и карапузом занесли в здание. Синие кеши последовали за ними, и дверь закрылась.

Рейт приподнялся, но на него снова надвинулась какая-то тень. Через густые кусты он пробрался ближе к моргу. Никого не было видно — ни кешей, ни кеш-людей. Он прокрался к задней стороне здания, возле которой находилась стена. Там он обнаружил маленькую сводчатую дверь, которая вела в небольшое складское помещение. На полках стояли сосуды разнообразной формы и величины. Повсюду лежали кучи старой одежды. Было слышно тихое жужжание машин. Помещение выглядело так, будто им пользовались очень редко. Невысокая дверь вела в соседнее помещение. Рассеянный свет с потолка создавал призрачную атмосферу. Рейт спрятался за какими-то стеллажами и стал ждать.

Прошло два часа, и к нему постепенно вернулось беспокойство. Он принял решение обследовать помещение и неподалеку наткнулся на большую кучу накладных конусообразных париков. Примерив один из них, он решил, что парик ему подходит. Из кучи одежды он выбрал старый плащ и завернулся в него. Если внимательно не присматриваться, то можно было принять его за кеш-человека.

Становилось темнее; солнце исчезло за грядой облаков, и деревья адорака потихоньку качались от ветра на фоне водянистой зари. Теперь с воздушного корабля Рейта заметить уже было нельзя. Он выбрал подходящее дерево, чтобы на него залезть. Кора его оказалась слишком гладкой и мягкой, но после нескольких попыток ему удалось наконец забраться на крышу. Под противно пахнущей одеждой он очень вспотел. Рейт подполз к заднему краю крыши и посмотрел через стену. Верх стены находился на расстоянии не более двух метров от крыши и был плоским. На расстоянии пятнадцати метров друг от друга располагались невысокие зубцы, которые, по всей видимости, были частью защитной системы. С другой стороны стена была высотой около восьми метров и абсолютно отвесной; значит ему предстоял еще один весьма непростой прыжок. Имея веревку, он мог бы без особого риска спуститься вниз. Связать ее можно было из старой одежды, лежащей внутри здания.

А что произойдет, когда он окажется на верхушке стены? Это надо было тут же выяснить. Он пополз по крыше, пока не оказался напротив одного из зубцов, и бросил на него свой плащ. Ментально включился белый свет и плащ охватило пламя. Рейт быстро выхватил его обратно и погасил огонь. Наверное, это одновременно включило и

сигнал тревоги Можно ли было ему теперь прыгать со стены? Если бы его обнаружили, шансы на побег были бы весьма ограничены Над городом снова появились воздушные корабли Рейт услышал высокий пронзительный свист, от которого даже заболели уши Он слез с крыши и поспешил в укрытие под деревьями И тут его внимание привлек слабый блеск на земле Это был пруд, густо заросший бледно-белыми водяными растениями Он сбросил плащ и накладной парик, прыгнул в воду и погрузился в нее почти по самый нос

Прошло несколько минут Мимо промчалась группа полицейских на электрических мотоциклах Два воздушных плота с детекторами запаха проплыли над ним и исчезли на востоке Казалось, что синие кеши поверили в то, что он перелез через стену и находился уже вне пределов города. Если они пришли к выводу, что он хотел найти убежище в горах, шансы его значительно улучшались. Вдруг под его ногами что-то зашевелилось Водяная змея? Угорь? Он пулей выскок из пруда, и сразу же за ним на поверхность что-то вынырнуло, хрюкая и фыркая

Рейт схватил плащ и накладной парик и, промокший до нитки, снова отправился к моргу Вскоре он обнаружил маленькую тропу, которая вела к жилищам кеш-людей. Ночью эти дома показались ему очень маленькими и низкими, а окна в них совсем крошечными. Только в некоторых из них горел свет

От намокшей одежды исходил мерзкий запах, который, правда, мог замаскировать его след. Небо было темным. Ни одна из лун не появлялась между облаков, и боковые переулки не были освещены Навстречу ему двигались двое кеш-людей. Он еще плотнее закутался в плащ и втянул голову в плечи. Казалось, что кеш-люди совершенно ничем не интересовались и даже не посмотрели в его сторону По всей вероятности, синие кеши действительно поверили в то, что ему удалось выскользнуть из города.

Ворота были от него еще на расстоянии около двухсот метров, но он не мог решиться подойти к ним ближе. Неподалеку от них, в подвальном помещении большого дома, Рейт увидел таверну, из которой доносились громкие голоса. К дому подошли три кеш-человека; он осторожно повернулся к ним спиной и заглянул в помещение буфета, освещенное желтыми лампами. Десять или двенадцать кеш-мужчин с язвительными лицами сидели с большими пивными кружками и, смеясь, разговаривали с несколькими кеш-женщинами. Те были одеты в черно-зеленые платья, украшенные лентами и рюшами. Их кнопкообразные носы были выкрашены в ярко-красный цвет Это выглядело весьма гротескно и странным образом подчеркивало чеповеческое происхождение кеш-людей. Здесь были горячительные напитки, женщины легкого поведения и дружеские отношения — все, что кешам было неизвестно

До этого момента одежда Рейта действовала безупречно. Но у него не было ни малейшего желания узнать, какой эффект она произведет при ближайшем рассмотрении. Рейт медленно двинулся по направлению к воротам и подошел к ним на расстояние приблизительно пятнадцати метров. Там он втиснулся в нишу между двумя зданиями, чтобы с этой удобной позиции понаблюдать за воротами.

Постепенно стало прохладно, и запах садов Дадиха усилился. Рейт немного подремал. Когда он проснулся, над деревьями адорака показался Эз. Рейт пошевелил затекшими ногами и почесал затылок. Его одежда мерзко воняла. Из трех охранников на воротах двое куда-то исчезли, а третий подремывал. Рейт снова спрятался в свою нишу. Постепенно опустелись предрассветные сумерки, и город начал просыпаться. Пришла новая смена караула, и первые повозки из Перы въехали в город. Самую первую повозку тянули сильные животные. Она была загружена бочками с солеными овощами и консервированным мясом, которое воняло еще хуже, чем его одежда. На месте возницы сидели два человека: мрачный и кислый Эмминк и Трез.

— Сорок три! — крикнул Эмминк.

Трез выкрикнул:

— Сто один!

Стража подошла, посчитала бочки и проверила повозку. Они могли ехать дальше.

Когда повозка проезжала мимо, Рейт вышел из своей ниши.

— Трез! — тихо позвал он.

Трез глянул на него и облегченно кивнул.

— Я был уверен, что ты еще живой.

— Почти живой. Как я, похож на кеш-человека?

— Не очень. Крепче закутайся в плащ. Когда мы будем возвращаться с базара, подойти к правому переднему колесу у правого животного.

Через час повозка вернулась обратно и медленно подъехала к Рейту. Трез спрыгнул, будто бы собираясь лучше закрепить бочки и встал так, что сзади ничего заметить было нельзя. Рейт подскочил и спрятался под правым животным. Под передними ногами животного была большая складка кожи, словно гамак. В этот гамак и залез Рейт и повозка поехала дальше. При этом ему ничего, кроме брюха животного, видно не было.

Судя по звуку, повозка остановилась. Он услышал голоса, и перед ним появились остроносые сандалии постовых. Наконец повозка поехала дальше и погромохала через двор в сторону гор. По подсчетам Рейта прошло слишком много времени, пока Трез соизволил остановиться.

— Можешь вылезать, нас никто не видит, — сказал Трез. С облегчением Рейт выпрыгнул наружу, сорвал с себя накладной парик,

швырнул дурно пахнущий плащ, куртку и рубашку в яму и оперся на одну из бочек.

— Ты ранен? — озабоченно спросил Трез.

— Нет, только очень устал. Но главное — я живой, — ответил Рейт — За это я должен быть благодарен тебе и, надо отметить, Эмминку

Трез бросил на возницу мрачный взгляд.

— Этому? С ним вообще надо как следует разобраться и поговорить.

— А, я понимаю, — сказал Рейт и посмотрел на явно перепуганного возницу. — В отношении его у меня тоже возникают некоторые не-добрые мысли.

Эмминк повернулся к Рейту и улыбнулся.

— Уважаемый господин! Я вспомнил о вас и дал вам хороший совет еще до того, как узнал ваш высокий ранг

— Высокий ранг? — удивленно спросил Рейт

— Совет Перы назвал тебя старейшиной и главой, — сообщил Трез. — А это, кажется мне, уже довольно высокий ранг

Глава 11

Надо признаться, что у Рейта не было ни малейшего желания править в Пере, так как для этого ему в первую очередь потребовалась бы масса терпения и энергии. А кроме того, должность эта ограничивала свободу его действий, не давая при этом каких-либо значительных привилегий. К тому же, он все равно смог бы править, основываясь лишь на земных принципах человеческих отношений. А население Перы было куда более пестрым, чем где бы то ни было на Земле. Оно состояло из преступников, бандитов, монстров, гибридов всевозможнейших видов и типов, которые даже не поддаются никакому описанию. Да и как удалось бы ему растолковать всем им понятия свободы и равенства, человеческого достоинства и прогресса?

Это была непреодолимо сложная задача...

И что же будет с его космическим кораблем? С его надеждой возвратиться на Землю? Ладно, он знал, что корабль находится в Дадихе. Но синие кеши, в лучшем случае, весело пошипят, если он потребует вернуть свое имущество. На помощь с чьей бы то ни было стороны рассчитывать совершенно не приходилось. К тому же, синие кеши знали о его существовании и могли подготовиться к встрече. И, естественно, они уже сделали соответствующие выводы касательно его происхождения.

Наконец усталость взяла свое, и Рейт заснул. Повозка, поскрипы-

вая, продолжала ползти через перевал. Солнце согревало ему кожу, и ветер ласково обдувал его, унося прочь отвратительный запах.

Когда повозка загрохотала по корявому булыжнику Перы, Рейт проснулся. Они проехали по центральной площади со стоящими на ней виселицами, на которых раскачивались восемь разбойников во все еще пышных, но грязных и покрытых пятнами униформах. Абсолютно без всяких эмоций Трез рассказал ему их историю. Разбойники пришли из цитадели на площадь, весело кивая и улыбаясь, будто все было только шуткой. Для них явилось неприятной неожиданностью то, что новообразованная милиция схватила их и потащила к виселицам. И лишь смерть положила конец выражаемому ими неудовольствию.

— Значит цитадель сейчас пуста, — сделал вывод Рейт.

— Да, насколько нам известно. Ты собираешься устроить там свою резиденцию?

Трез задал этот вопрос так, будто осуждал намерения Рейта. Рейту же не оставалось больше ничего, как рассмеяться, потому что его товарищ все еще находился под влиянием Онмале.

— Нет, — ответил Рейт. — Ведь там жил Нага Гохо. Если мы тоже там поселимся, люди будут уверены, что мы ничто иное, как новые Нага Гохо.

— Но ведь это же прекрасный дворец с огромными богатствами, — размышлял Трез. — Я понимаю, что ты, очевидно, уже принял решение стать правителем Перы.

— Да, очевидно, — неопределенно ответил Рейт.

В гостинице Рейт основательно оттерся мелким песком, натерся маслами и просеянной золой и вымылся холодной водой. Он повторял этот процесс до тех пор, пока не убедился, что его тело не распространяет более отвратительный запах. Он дал себе слово, что одним из первых нововведений на Чае, которое он внедрит, будет мыло. Он не понимал, как можно было объяснить факт отсутствия на Чае такого элементарного продукта, как мыло. Нужно было спросить Цветок Ката, было ли известно мыло у нее на родине.

Вычищенный, выбритый, в свежей одежде и новых сандалиях из мягкой кожи, Рейт съел в ресторане для начала миску овсяной каши, затем мясо, перемешанное с овощами. Было заметно, что атмосфера значительно изменилась. Персонал гостиницы обходился с ним очень внимательно; другие же люди, находившиеся в это время в ресторане, разговаривали друг с другом очень тихо и незаметно за ним наблюдали.

Во дворе стояли еще несколько человек и все время заглядывали в окна. Когда он покончил с обедом, они вошли и выстроились перед ним. Это были члены нового Городского Совета Перы, и Рейт увидел среди них несколько знакомых лиц. Один из них был худым и желтокожим с черными сверкающими глазами — предположительно мар-

шевый человек. Здесь были и пара мулатов — потомки кеш-людей и серых, а также кочевник и еще один обитатель степей. Кочевник, пожилой человек с изможденным лицом и длинными руками, доставшими ему почти до колен, особенно понравился Рейту. Он был избран спикером Городского Совета.

— Мы — Совет Пяти, — доложил он. — И мы сделали все то, что вы велели. У нас состоялось очень длительное совещание. Так как вы помогли нам устранить Нага Гохо и разбойников, мы выбрали вас бургомистром Перы.

Рейт откинулся назад и обвел взглядом новый Совет.

— Все не так просто, — наконец ответил он. — Возможно, вам совсем не захочется работать вместе со мной. Если я должен занять этот пост, то хочу быть уверенным, что вы тоже готовы содействовать большим преобразованиям.

— Мы люди консервативные, — осторожно сказал серый. — Жизнь — сложная вещь, и мы не можем решиться на проведение экспериментов.

Однако старый кочевник на это только рассмеялся.

— Эксперименты! Да мы должны только радоваться! Любое изменение может принести нам пользу. Давайте лучше послушаем, что нам скажет этот человек!

— Конечно, если мы его слушаем, это нам не повредит, — согласился с ним серый.

— И я придерживаюсь такого же мнения, — миролюбиво сказал Рейт. — Пера — город руин. Люди живут здесь, как беженцы. У них нет абсолютно никакой гордости и чувства собственного достоинства, они живут в норах, грязные и неграмотные, ходят в каких-то лохмотьях. И что самое печальное: они считают, что так и должно быть.

Кочевник понимающе засмеялся, остальные же с сомнением смотрели на него. Один из них спросил:

— Можем ли мы подробнее услышать, что вы хотите нам предложить?

Рейт покачал головой.

— Об этом я еще совершенно не думал. Вам необходимо только уяснить для себя, что я цивилизованный человек и был таковым воспитан. Я знаю, чего могут достичь люди. А достичь они могут намного больше того, что вы можете себе представить. Обитатели Перы — люди. И поэтому я буду настаивать на том, чтобы они и жили достойно людей.

— Да, да, — заговорили они. — Но как все это будет выглядеть?

— Прежде всего, для поддержания порядка, а также для защиты города и караванов от зеленых кешей нам нужна хорошо подготовленная и дисциплинированная милиция. Дальше нам необходимы

школы и госпиталь, а также магазины и рынок. Я также буду поддерживать тех людей, которые будут строить дома и разбирать руины.

Члены Совета переминались с ноги на ногу. Старый кочевник недовольно пробурчал:

— Мы люди и хотим таковыми остаться. Но какая нам необходимость жить подобно дирдирам? Достаточно и того, что мы просто живем.

Серый предположил:

— Синие кеши никогда ничего подобного не допустят. Они терпят нас в Пере только потому, что мы миролюбивы.

— И еще потому, что мы по мизерным ценам продаем им наши товары,— добавил другой.

Рейт поднял руку.

— Вы выслушали мою программу. Если же вы не хотите принимать участие в ее реализации, вам придется подыскать себе другого регента.

Старый кочевник отозвал остальных в сторону; совещание было очень оживленным. Наконец они возвратились к столу.

— Мы принимаем ваши условия. Вы будете нашим регентом,— сказал старый кочевник.

В глубине души Рейт надеялся, что Совет отклонит его условия; он тяжело вздохнул.

— Хорошо, пусть будет так. Но хочу вас предупредить, что буду требовать от вас слишком многого. Вам придется работать напряженнее, чем кому бы то ни было, но это будет вам же на благо. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Еще целый час Рейт разговаривал с членами Совета, и в конце беседы они уже не только проявляли неподдельный интерес, но и, в определенной мере, выражали восторг.

Ближе к вечеру Рейт вместе с Трезом и Анахо собрался посетить цитадель. Когда же они обнаружили, какие ценности были там собраны, удивлению их не было предела: огромное количество тканей, кожи, редкие породы деревьев, приспособления и приборы, изысканные кушанья и другие роскошные вещи. В одной из ниш Рейт обнаружил сундук, до половины наполненный секвинами. Еще два сундука поменьше были наполнены драгоценными камнями и другими ценностями. Они чувствовали себя, будто в пещере сокровищ. Каждый нашел для себя хороший меч, а Трез, кроме того, смог выбрать себе еще и новую одежду.

Помимо этого Рейт обнаружил десяток энергетических пистолетов с отработанными энергетическими батареями. Анахо объяснил, что эти батареи могут быть подзаряжены от аккумуляторов, установленных на повозках. По всей видимости, Нара Гохо этого не знал, но так оно было и лучше.

Поздним вечером, когда они выходили из цитадели и шли через внутренний двор, Рейт заметил широкую, обитую железом дверь, закрывавшую целую нишу. Он потянул дверь на себя и обнаружил ведущую вниз каменную лестницу. В нос им ударил ужасный запах затхлости, нечистот и разложения.

— Это подземелье, — сделал вывод Анахо. — Послушайте!

Снизу донеслись слабые стоны. У двери Рейт нашел лампу, которую Анахо надел на голову, и она автоматически зажглась. Это было очень практичное изобретение дирдиров.

Спускаясь под своды подземелья, они были готовы ко всему. Трез показал на черную тень, беззвучно скользнувшую вдоль стены.

— Пнум, — прошептал Анахо. — Они живут на Чае во всех руинах, как черви в гнилом дереве.

Вдоль стен огромного помещения стояли клетки. В некоторых из них лежали кости, в других разлагающиеся трупы и лишь в немногих еще живые существа, умолявшие дать им напиться.

— Дайте нам воды! — молили они. — Воды! Воды!

— Кеш-люди, — определил Рейт.

Бочка с водой находилась прямо в этом же помещении. Он набрал воды и принес ее к клеткам. Кеш-люди жадно выпили всю и попросили еще. Наконец — то они могли напиться и утолить жгучую жажду.

В одной из клеток находились два зеленых кеша, которые неподвижно замерли и смотрели, не отрываясь, в одном направлении. Анахо объяснил, что они вроде бы телепаты и смотрят в ту сторону, где находится их племя. Они тоже получили воду и с жадностью опорожнили поднесенные им сосуды.

Кеш-люди уже давно были заперты в подземелье, и поэтому полностью потеряли ориентировку во времени. Члены Городского Совета об этих подземельях не имели ни малейшего понятия и были шокированы увиденным. Рейт сразу открыл клетки.

— Выходите, — сказал он. — Вы свободны. Те, которые вас здесь заперли, уже мертвы.

Люди поползли из клеток и снова бросились к воде.

С зелеными кешами никто из присутствующих объяснить не смог, так как те все время молчали. Серый, которого звали Брунтого, предложил их тут же убить. А вместе с ними и кеш-людей, чтобы с ними не возникало никаких проблем. Но Рейт бросил на него сердитый взгляд.

— Мы не разбойники. Если мы кого-то убиваем, то лишь в том случае, если этого нельзя избежать. Кеш-люди могут вернуться туда, откуда они пришли, или остаться жить здесь, в зависимости от их желания.

Пнумы больше не появлялись. Кеш-люди жаловались, что те издевались над ними и не давали им воды. По их мнению, это были

самые странные обитатели Чая и их всех надо бы было просто уничтожить.

— А также дирдиров, вонков и кешей,— со смехом добавил Рейт

— Нет, кешей не надо. Ведь мы тоже кеши. Разве ты этого не знаешь?

— Вы люди, а никакие не кеши.

— Мы кеши, но на предварительной стадии. И это истинная правда!

Рейт неожиданно разозлился.

— Снимите наконец ваши накладные головы,— крикнул он и сорвал у одного из них дурацкий парик.— Вы — никто иные, как люди. Как вы можете так себя унижать и давать это делать другим... Выходите, мы уходим!

Нерешительно и с опаской кеш-люди вышли, оставляя в подземелье свои накладные парики.

Прошла неделя. Рейт полностью погрузился в работу. Он отобрал несколько способных и интеллигентных мужчин и женщин, которых подчинил непосредственно себе; полученные знания они должны были впоследствии передать всем остальным. Он организовал милицию и назначил ее главнокомандующим старого караванщика Баойиана. Вместе с Анахо и Тостигом, старым кочевником, разработал ряд новых законов. Очень скоро он понял, что отдавать приказы не такое уж простое дело. Ему приходилось одновременно находиться повсюду, и при этом следовало постоянно помнить о возможности попытки нападения синих кешей и уделять большое внимание проблеме обороны. Наверняка в Пере у них были свои шпионы. Любой другой уже давно сбежал бы из города, но Рейт об этом даже не думал.

Кеш-люди, освобожденные из подземелья, не имели ни малейшего желания возвращаться в Дадих. Проблемой оставались воины зеленых кешей. Рейт не стал брать на себя грех и не дал их убить. Однако против их освобождения возражало практически все население Перы. В конце концов он выставил клетки с ними на центральной площади, где жители Перы в свое удовольствие могли их обругать, кто как мог. Но зеленые продолжали молчать и таращиться в направлении, где находилась их орда.

Однако наибольшей заботой Рейта по-прежнему оставалась Цветок Ката. Как и прежде, она была для него абсолютной загадкой. Во время продолжительного путешествия она была воплощением меланхолии и вместе с тем несколько высокомерной. Сейчас же она казалась кроткой, любящей и рассеянной. По мере того, как она готовила для Рейта все новые очаровательные неожиданности, она становилась для него все более привлекательной. Но при всем этом, она оставалась меланхоличной. Рейт предполагал, что она сильно

страдала от ностальгии. «Надо будет как-нибудь поговорить с ней и узнать, что же ее все-таки беспокоит», — решил он.

Через некоторое время выяснилось, что трое из освобожденных кеш-людей были родом не из Дадиха, а из Саабы, города на юге. Как-то Рейту в гостинице сказали, что ему не стоит уделять людям столько внимания, так как они, вроде бы, только полулюди, не способные понять цивилизацию.

— Вы совершенно не представляете себе, что говорите, — сделал вывод Рейт.

Он прекрасно понимал, что и его они считали получеловеком или даже недочеловеком, который просто завидовал более прогрессивным расам.

— В Дадихе я видел морг, — объяснил Рейт. — Я там наблюдал, как синие кеши, расколов череп умершего кеш-человека, посадили туда крошечного синего кеша. Такими трюками они хотят поработить вас еще больше. Без сомнения, дирдиры устраивают такие же фокусы по отношению к дирдир-людям, хотя я, честно говоря, сомневаюсь, что дирдир-люди надеются превратиться в дирдиров... Ну, Анахо, что скажешь ты по этому поводу?

— Дирдир-люди совершенно не рассчитывают превратиться в дирдиров. Это было бы просто суеверием. Они — солнце, мы — тень. Но все мы произошли от яйца-прародителя. Дирдиры — это наивысшая форма космической жизни. Мы же, дирдир-люди, гордимся тем, что следуем прямо за ними. Какая другая раса смогла достичь такого блеска?

— Раса людей, — назидательно произнес Рейт.

Анахо с сомнением скорчил гримасу.

— Может в Кате? Пожиратели лотосов! Мерибцы? Вырождающиеся и хрупкие художники! Дирдиры на Чае — это абсолютный идеал.

Кеш-люди активно возражали, но Анахо безапелляционно отклонил их точку зрения. Рейт объявил, что обе стороны были в корне неправы.

— Я скажу вам, почему, но только не сейчас. Факты вам известны так же хорошо, как и мне. Вам нужно лишь сделать из них правильные выводы.

— Какие факты? Какие выводы? — хотели знать кеш-люди.

— Это же очень просто. Кеш-люди и дирдир-люди — всего лишь слуги. С биологической точки зрения люди совершенно несопоставимы с этими двумя расами, как, впрочем, и с вонками или пнумами. Кроме того, люди не являются коренными обитателями Чаа. Их родина совершенно в другом месте. И нужно исходить из того, что их очень давно привезли на Чай с планеты людей как рабов.

Кеш-люди протестовали, Анахо хладнокровно рассматривал пото-

лок, а люди из Перы ухмылялись и удивлялись. Полночи продолжалась оживленная дискуссия.

На следующее утро три кеш-человека все-таки отправились в Дадих. По чистой случайности они поехали на повозке Эмминка. Рейту этот факт был не особенно приятен, так как он знал, что они повсюду будут рассказывать и о нем, и о его деятельности, и о его радикальных взглядах и мерах. Это, скорее всего, настроит синих кешей еще более недоверчиво, и будущее представлялось гораздо сложнее, чем до сих пор. Но, тем не менее, он не мог себе позволить бросить все и отправиться дальше в путь.

После обеда он наблюдал, как проходит обучение новой милиции. Это была довольно пестрая и разношерстная толпа, которую трудно было назвать одним подразделением. Офицеры в занятиях проявляли так же мало заинтересованности, как и простые милиционеры, и в конце концов энергия Баоииана тоже исчерпалась.

Рейту пришлось снять с должности сразу двух лейтенантов, так как те совершенно ничего не воспринимали. Назначив двух новых, он забрался в повозку и обратился к стоявшим перед ним:

— Неужели вы не понимаете, для чего все это делается? Вам нужно учиться самим себя защищать! Эй ты, внизу, ты хочешь что-то сказать? Ну, скажи же!

— Я сказал, что марширование и тренировки — это пустая трата времени и абсурд. Зачем нам может это понадобиться?

— Вы учитесь подчиняться и выполнять приказания, а также действовать единой группой. Группа может достичь намного большего, чем отдельно взятый человек. В бою командир разрабатывает планы, а дисциплинированные воины выполняют поставленные перед ними задачи. Без дисциплины война будет проиграна. Понимаете вы это или нет?

— Как могут люди победить в войне? Синие кеши обладают энергетическим оружием, боевыми плотами, а у нас есть всего лишь пескоизлучатели, да и то несколько штук. Ну, а зеленые кеши вообще непобедимы. Так что, лучше всего будет просто спрятаться в руинах. Так люди жили в Пере всегда.

— Хорошо, если вам не нравится мужская работа, отправляйтесь к юбкам и делайте бабью работу. У меня есть возможность выбирать. Он немного подождал, но никто не произнес ни слова.

Рейт слез с повозки и отдал приказания. Немногим позже несколько милиционеров принесли из цитадели тюки тканей и кипы кожи, другие подошли с ножницами и ножами для бритья. Несмотря на активные протесты, милиционеры были побриты наголо. После этого привели нескольких женщин, которые принялись шить униформы. На следующий день милиционеры уже щеголяли в новых нарядах, удивляя себя и окружающих. Это были длинные белые накидки без рукавов с

черными, вшитыми впереди молниями. Капралы и сержанты были отмечены черными погонами, а у лейтенантов униформы были с короткими красными рукавами.

Когда они снова приступили к упражнениям и тренировкам, сразу стало заметно, что все у них стало получаться намного лучше, и казалось, что кроме всего прочего, занятия стали доставлять им удовольствие.

На третий день после отъезда кеш-людей опасения Рейта подтвердились. Огромный воздушный плот проскользил над степью, описал круг над Перой и опустился на землю прямо перед зданием гостиницы. Из него вышли двенадцать кеш-людей — сотрудников полиции безопасности, одетых в серые штаны и пурпурные куртки. Шесть синих кешей остались на борту, внимательно наблюдая за происходящим. Эти синие кеши производили впечатление высокопоставленных особ, так как, в отличие от других, носили плотно сидящие костюмы из серебряной филиграни и имели на локтях и коленях большие защитные щитки из дымчатого кварца и серебра.

Синие кеши коротко посовещались с кеш-людьми; двое тут же отправились к двери гостиницы и заговорили с хозяином.

— Человек, называющий себя Рейтом, объявил себя вашим предводителем. Немедленно приведите его. Лорд Кеш желает с ним говорить.

Хозяин не горел желанием выполнять это требование.

— Я не знаю, где он, и вам придется подождать, пока он вернется.

— Тогда сообщите ему. Только быстро.

У Рейта не было абсолютно никакого желания встречаться с кешами, но, тем не менее, он принял приглашение, так как заранее был к этому готов. Он знал, что его решение могло изменить жизнь всех людей в Пере, а может даже и на всей планете Чай. Но к лучшему, или к худшему — должно было показать время. Он отдал Трезу несколько приказаний и сообщил хозяину, что готов провести переговоры с кешами в гостинице.

Когда эта информация была передана синим кешам, они сошли со своего воздушного плота, но остановились перед дверью гостиницы. Один из кеш-людей завопил:

— Кто из вас является предводителем? Он должен поднять вверх руку!

Рейт прошел мимо кеш-людей и остановился перед синими кешами, которые с удивлением уставились на него. Рейт пристально рассматривал их непривычные лица. Глаза их были похожи на маленькие металлические шарики, сверкавшие в тени низко нависавших лбов. В тот момент они показались ему не столько деловыми или капризными, даже не свирепыми, а угрожающими.

Рейт стоял перед ними, скрестив руки на груди. Он ждал.

У одного из синих кешей на груди был большой драгоценный камень, больший, чем подобные камни у остальных. Специфическим гортанным голосом, присущим его расе, он спросил:

— Что делаешь ты здесь, в Пере?

— Я избран регентом.

— Ты — тот человек, который без соответствующего разрешения пробрался в Дади́х и осмотрел Технический Центр Района.

Рейт промолчал.

— Хорошо. Значит ты не хочешь говорить. Но этого факта ты не отрицаешь. Твой запах не такой, как у остальных. Зачем ты пробрался в Дади́х?

— Потому, что я никогда раньше не бывал в Дади́хе. Ведь вы же приезжаете без разрешения в Перу. И мы, скажу я вам, рады вам, пока вы соблюдаете наши законы. И я думаю, что исходя из таких принципов, люди из Перы тоже могут спокойно посещать Дади́х.

Кеш—люди засмеялись, а синие кеши были, казалось, весьма озадачены услышанным. Их спикер сказал:

— Ты распространяешь ложную информацию и неправильную доктрину, призывая жителей Перы к глупостям. Откуда у тебя такие идеи?

— Это не ложная доктрина и не глупости. Все это само собой разумеется.

— Тебе придется отправиться вместе с нами в Дади́х,— сказал синий кеш,— и выяснить там некоторые обстоятельства. Быстро садись на плот.

Рейт со смехом покачал головой.

— Если вам хочется о чем-нибудь поспрашивать меня, пожалуйста, но только сейчас. К тому же, мне тоже хочется задать вам несколько вопросов.

Синие кеши дали какой-то знак кеш—людям, и те попытались схватить Рейта. Но он увернулся, отошел на шаг и бросил взгляд на верхние окна гостиницы. В тот же момент оттуда вылетели стрелы катапульт и впились в головы кеш—людей. Синие кеши были окружены каким-то силовым полем, которое отклонило стрелы и синие кеши ничуть не пострадали. Но Рейт уже успел приготовить свое энергетическое оружие. Он очертил рукой с оружием полукруг, и все шесть кешей упали на землю.

Все замолчали. Зрители затаили дыхание. Рейт кивнул Трезу. Они взяли у убитых оружие, после чего трупы были убраны.

— Что же нам теперь делать? — прошептал член Совета Брунтего.— Мы пропали. Они удобряют нашими трупами свои красивые цветочки.

— Правильно,— ответил Рейт.— Но только в том случае, если мы им в этом не помешаем.

Он дал знак Трезу и взошел на воздушный плот. В органах управления — наборе педалей, кнопок и рычагов — он совершенно ничего не понял. Анахо, дирдир-человек, осмотрел пульт, и Рейт спросил, сможет ли он с ним разобраться.

— Конечно, — ответил Анахо и презрительно хмыкнул. — Это же устаревшая система Дайдна.

— А что это здесь за трубки? Энерговоды?

— Да. Очень старые, такие уже не применяются. Дирдиры ушли далеко вперед.

— И какая у него дальность полета?

— Очень небольшая. Ему не хватает энергии.

— Если мы смонтируем на плоту пять или шесть пескоизлучателей, они обретут весьма значительную огневую мощь.

На следующий день после обеда над Перой снова появились несколько воздушных плотов, которые, не приземляясь, возвратились обратно в Дадих. А еще на следующее утро со стороны перевала Бельбал подошла колонна повозок примерно с двумястами кеш-людьми и сотней офицеров синих кешей. Над ними парили четыре воздушных плота со снайперами синих кешей.

Повозки остановились примерно в полумиле от Перы. Войско разделилось на четыре роты, которые окружили Перу и начали наступление на нее с четырех сторон. Плоты продолжали висеть в воздухе.

Рейт разделил свою милицию на две группы и послал их через руины на окраины, куда в первую очередь наступали войска кешей.

Милиция ожидала неприятеля в удачно выбранных укрытиях, пока войско кешей не приблизилось к городу на расстояние около ста метров. По команде люди выскочили из засады и открыли огонь из всех видов оружия, которое было у них: из катапульт, пескоизлучателей, оружия, найденного в арсеналах Нага Гохо и отобранного у убитых кешей.

Огонь концентрировали на синих кешах, две трети которых были убиты в первые пять минут. За это же время погибло более половины кеш-людей. Оставшиеся в живых отступили и спаслись бегством в открытой степи.

Плоты подлетели ближе и направили на руины смертоносные лучи. Милиционеры снова спрятались в укрытиях.

Вдруг в небе появился еще один воздушный плот — тот, который Рейт оснастил пескоизлучателями. Он спрятал его в кустах в степи, на расстоянии пяти миль от города. Плот быстро снижался, приближаясь к воздушным плотам кешей. Люди, стоявшие за песко- и энергоизлучателями, открыли огонь. Четыре плота камнем свалились на землю. Затем плот пролетел над городом и стал обстреливать сверху две роты, прорывавшиеся в город с севера и востока, в то время, как

милиция обстреливала их с флангов. С огромными потерями войскам кешей пришлось отступить. Нападение с воздуха полностью деморализовало их, и неуправляемая толпа, преследуемая милицией Перу, беспорядочно отошла в степь.

Глава 12

Рейт провел совещание со своими раздувшимися от гордости и важности лейтенантами.

— Сегодня мы победили потому, что они не принимали нас всерьез. Но они могут вернуться, собрав более мощный кулак. Я полагаю, что они еще сегодня соберут все свои воздушные плоты и войска и завтра попытаются нам жестоко отомстить. Кажется ли вам это правдоподобным?

Другого мнения не возникло ни у кого.

— Это значит, что нам придется вести войну, — продолжал дальше Рейт. — И будет намного лучше, если мы возьмем инициативу в свои руки, чтобы успеть подготовить для кешей несколько неприятных неожиданностей. От людей они ожидают не слишком многого, и такое мнение должно у них скоро измениться. Все сказанное мной значит, что мы должны применить имеющееся у нас оружие там, где оно может нанести неприятелю наибольший ущерб.

Брунтего, член Городского Совета, закрыл лицо руками и трясся от ужаса.

— У них имеется самое малое тысяча солдат-кеш-людей, а, может, и того больше. У них есть воздушные плоты и энергетическое оружие. А у нас только небольшое количество людей, вооруженных всего-навсего катапультами.

— Катапульти могут убивать так же надежно, как и энергетические лучи, — возразил Рейт.

— Но плоты, снаряды, интеллектуальная власть синих кешей! Они нас полностью уничтожат и превратят Перу в кратер действующего вулкана.

Тостиг, старый кочевник, возразил:

— До недавнего времени мы слишком верно им служили, ничего не получая взамен. Почему же они должны нам устроить в благодарность за верную службу такой драматический эффект?

— Такова сущность синих кешей, и так они действуют.

Тостиг покачал головой.

— Старые кеши, возможно. Но не синие кеши. Они нас сначала возьмут в осаду и будут выжидать, пока мы обессилеем от голода. А потом они уведут наших предводителей в Дадих, чтобы там их нака-зать.

— Это звучит правдоподобно,— сказал Анахо.— Но нам ни в коем случае нельзя сидеть и ждать, пока синие кеши начнут правдоподобно действовать. Все-таки все кеши наполовину сумасшедшие.

— Именно поэтому мы должны их разбить их же собственным оружием,— сказал Рейт.

Дискуссия продолжалась еще довольно долго. Выдвигались предложения и контрпредложения, и, в конце концов, все пришли к соглашению. Разослали курьеров, которые должны были предупредить людей. Конечно, было много протестов, когда женщин, детей, стариков и всех тех, кто не очень стремился помочь, погрузили на повозки и отвезли среди ночи в хорошо укрытый овраг на расстояние примерно двадцати миль южнее города. Там разбили временный лагерь.

Милиционеры собрали все оружие и в ту же ночь отправились на перевал Бельбал.

Рейт, Трез и Анахо остались в Пере. Несколько воинов зеленых кешей все еще оставались с времен Нага Гохо в крепости, и Рейт никак не мог решиться выпустить их на волю. Наконец он распорядился накрыть клетки с зелеными кешами покрывалами и поставить их на борт воздушного плота. На рассвете Анахо поднял плот в воздух и полетел в том направлении, куда пленные зеленые кеши постоянно смотрели — на северо-восток. Сначала они пролетели двадцать миль, потом еще двадцать. Тут Трез, наблюдавший за зелеными через дырку в материи, крикнул:

— Они повернулись на запад.

Анахо повернул плот на запад, и через несколько минут они обнаружили военный лагерь зеленых кешей, расположившийся в зеленом травянистом лесу, стоявшем на краю болота.

— Не будем пролетать слишком близко,— предостерег Рейт и принялся рассматривать лагерь в свой сканоскоп.— Нам достаточно знать, что они здесь. А теперь — обратно, к перевалу Бельбал.

Плот развернулся в обратном направлении и полетел над степями, простиравшимися до океана Шанизада, на юг. Над перевалом Бельбал плот повис так, чтобы одновременно можно было наблюдать и за Дадихом, и за Перой.

Прошло два часа. Постепенно Рейт стал нервничать. Его планы основывались только на гипотезах и предположениях, однако кеши повсюду славилась своей абсолютной непредсказуемостью. Наконец, к большому облегчению Рейта, со стороны Дадиха показалась длинная темная колонна. С помощью сканоскопа Рейт насчитал около сотни повозок, в которых ехали синие кеши и кеш-люди. Другие же повозки везли оружие и военное снаряжение.

— На этот раз,— сделал вывод Рейт,— они восприняли нас со всей возможной серьезностью.— Он посмотрел на небо.— Плотов пока

еще не видно. Наверняка в последний момент они вышлют разведчиков... Время, которое будет работать на нас. Через полчаса они подойдут к перевалу Бельбал.

Они направили плот над степью и посадили его в нескольких милях южнее от дороги. Там они выкатили клетки с плота и сняли покрывавшие их накидки. Гигантские зеленые кеши моментально вскочили на ноги и утащились на горизонт.

Рейт открыл дверцу и поспешил залезть обратно на плот, а Анахо тут же поднял его в воздух. Зеленые кеши издали торжествующий вопль, подняли руки и с презрением затрясли ими. Затем они покружились, повернулись на север и помчались по степи на нескгибаемых ногах, что было присуще походке зеленых кешей.

Повозки из Дадиха переехали через перевал. Зеленые кеши удивленно остановились, затем, переваливаясь, поспешили в чащу густых кустов, где застыли без движения, став почти незаметными.

Все больше повозок спускалось с перевала и, в конце концов, длина колонны превысила милю.

Анахо направил полет плота к глубокому каньону и посадил его в непосредственной близости от его края. Рейт внимательно вглядывался в небо, ища воздушные плоты кешей, после чего сконцентрировал все свое внимание на востоке. Зеленых кешей в чаще зеленых кустов абсолютно не было видно. А войсковая колонна, тянувшаяся со стороны Дадиха, выглядела темной и грозной гигантской гусеницей, ползущей к руинам Перы.

В сорока милях севернее находился лагерь зеленых.

Рейт возвратился к плоту.

— Мы сделали все, что было в наших силах. Теперь нам остается только ждать, — сказал он.

Армия синих кешей приблизилась к Пере и, как и прежде, разделилась на четыре части. Таким образом, они окружили покинутые руины. Энергоизлучатели были направлены на предположительно укрепленные места, а разведчики при огневом прикрытии принялись обследовать руины. Они осмотрели несколько руин, но никто оттуда не стрелял и там никого не оказалось. Руины молчали. Тогда они переставили излучатели и избрали другие цели.

Через полчаса разведчики вернулись и привели с собой несколько человек, которые либо из-за лени, либо из-за присущего им духа противоречия предпочли никуда не уезжать и остаться в городе.

Еще пятнадцать минут ушло на допрос доставленных жителей Перы. Потом был период некоторой неопределенности, пока синие кеши держали совет. Они совершенно не рассчитывали найти покинутый город и этот факт был серьезнейшей проблемой в их неожиданном двойственном положении.

Отряды, окружавшие город, возвратились к основным войскам. Этот

сбор продолжался недолго, и все они, испытав досадное разочарование, потянулись обратно в Дадих.

Рейт осматривал пустыню на севере, надеясь увидеть там хоть какое-нибудь движение. Если тепепатические способности зеленых кешей были не фантазией и они могли общаться друг с другом на расстоянии, и если то, что они больше всего на свете ненавидели синих кешей, было правдой, они должны были сейчас появиться на поле действий. Но в степи не было заметно никакого движения.

Войска синих кешей продолжали медленно двигаться к перевалу Бельбал.

Тем временем из темно-зеленых кустов гарта, из зарослей кустов лагарда, из невысокой поросли соляной травы, а также просто из ничего и из ниоткуда появлялись целые орды зеленых кешей. Рейт никак не мог понять, как такое большое количество воинов, да еще на гигантских скакунах, могло приблизиться столь незаметно. Они напали на колонну и перерезали ее. Тяжелые орудия, стоявшие на повозках, использовать было уже нельзя, так как зеленые кеши уже захватили колонну и скакали вдоль нее взад и вперед, уничтожая на своем пути всех.

Рейт отвернулся. Его стало тошнить. Он вскарабкался на борт плота.

— А теперь давай через горы к нашим ребятам, — приказал он.

В условленном месте плот встретили милиционеры; это был овраг примерно в миле южнее от перевала Бельбал. Милиционеры спустились с гор и использовали деревья и высокий мох для естественной маскировки укрытия. Рейт остался на плоту и постоянно осматривал в сканоскоп небо, так как предполагал, что синие кеши могут выспать несколько разведывательных плотов. И, пока он водил взглядом по небу, множество воздушных плотов вылетело из Дадиха и с максимальной скоростью помчалось на восток; по всей видимости это было подкрепление для попавших в беду войск. Они исчезли за перевалом, и Рейт проводил их взглядом. Он снова направил свой сканоскоп на Дадих, где под городской стеной различил белые униформы.

— Теперь самое время, — сказал он Анахо.

Плот поплыл в направлении главных ворот Дадиха, подлетая к ним все ближе и ближе. Охранники думали, что это их собственный плот, и ошеломленно задрали головы. Рейт нажал на пусковую кнопку носовых песко- и энергоизлучателей. Путь в Дадих был свободен. Милиция Перы ворвалась в город.

Рейт спрыгнул с плота и выслал вперед две группы, задачей которых было занять посадочную площадку воздушных плотов. Другая группа осталась возле ворот, и ей были оставлены несколько излучателей. Четвертая и пятая группы были посланы, чтобы захватить и охранять город.

Обе последние группы были дикими и беспощадными, как и большинство обитателей Чая. Они носились по почти пустынным улицам, убивали синих кешей и кеш-людей. Пощады не было даже для кеш-женщин, если они оказывали сопротивление. Дисциплина нескольких дней была моментально забыта, так как ненависть и презрение тысяч поколений вылились в жажду мести и беспощадную резню.

Рейт вместе с Трезом, Анахо и шестью воинами летел на плоту к Техническому Центру Района. Ворота были заперты и здание казалось покинутым. Плот посадили перед порталом и залпом из пескоизлучателей снесли ворота. Рейт нетерпеливо бросился внутрь.

Он все еще стоял там, его космический корабль, знакомый до последнего винтика.

Сердце от волнения выпрыгивало из груди, когда он медленно подходил к своему аппарату. Корпус корабля был разрезан, двигатели, аккумуляторы и конвертер были сняты. Корабль представлял собой лишь пустую оболочку.

Да, это была несбыточная мечта, которую он лелеял, надеясь найти свой корабль практически готовым к полету. Рейт понимал, что должно было случиться с кораблем, но он все время настраивал себя на оптимистический лад.

Что ж, теперь ему следовало распрощаться с последней надеждой когда-либо возвратиться на Землю. Корабль был полностью раскомплектован, приборы были разобраны, топливный контейнер — разгерметизирован. Нетронутым не осталось ничего.

Анахо стоял рядом, и Рейт неожиданно остро осознал, где он находится и что с ним происходит.

— Этот корабль построили не синие кешы, — задумчиво констатировал дирдир-человек. — Его строили также и не дирдиры, и не вонки.

Обессилено и равнодушно Рейт облокотился на один из верстаков.

— Правильно, — наконец произнес он.

— Это очень совершенная конструкция, и она является великолепным образцом космического корабля, — размышлял Анахо вслух. — Где же мог быть построен такой корабль?

— На Земле, — ответил Рейт.

— Земля?

— Это планета людей, — объяснил ему Рейт.

Анахо отвел глаза. На его голом лице арлекина застыла печальная усмешка; основы его миропонимания пошатнулись.

— Интересное заявление, — пробормотал он.

Мрачно обойдя весь космический корабль, Рейт не нашел практически ничего, что могло бы его заинтересовать. Когда он закончил осмотр, ему доложили, что в горах были замечены уцелевшие остатки войск синих кешей. Они в небольшом количестве спустились с гор

вниз, и можно было предположить, что им, наконец, удалось либо отбиться от зеленых кешей, либо их уничтожить.

Группы воинов, посланных защищать город, были рассредоточены, и их невозможно было быстро собрать. Две группы заняли посадочную площадку воздушных плотов, одна защищала главные городские ворота. И всего у Рейта было немногим более сотни человек.

Оставалось готовить западню. Городские ворота подправили, чтобы они выглядели, как обычно. Трое замаскированных под кеш-людей воинов заняли в воротах место охранников.

Остатки войск синих кешей приближались к воротам. Не заметив ничего, что могло бы представлять для них опасность, они вошли в город. И сразу же по ним был открыт огонь из пескоизлучателей и энергетического оружия. Воинская колонна моментально расплавилась под смертоносными лучами, а оставшиеся в живых быстро рассеялись. Те немногие из некогда могущественного войска были настолько деморализованы, что практически не могли оказывать никакого сопротивления. Некоторые из них выскочили через ворота и попытались найти убежище в зеленой зоне перед городом. Но их стали преследовать злые люди в белых униформах. Другие же, оглушенные происходящим, остались стоять на месте, будто только и ждали того, чтобы их уничтожили.

Боевым плотам повезло больше. Посмотрев сверху на полный крах своих войск, они поспешили убраться за пределы города. Милиционеры не имели ни малейшего понятия, каким оружием можно было бороться сusername плотами синих кешей, поэтому палили по ним наугад. Фортуна улыбнулась им, и они сумели сбить четыре плота. Остальные, в течение пяти минут сделав несколько кругов над городом, скрылись в южном направлении, в сторону Саабы, Дкекмы и Аудша.

До самого вечера то здесь, то там продолжались небольшие стычки, когда милиция Перы натыкалась на синих кешей и те, естественно, пытались защищаться. Оставшиеся в живых — старики, женщины и маленькие дети — были убиты. Когда Рейт об этом узнал, он поспешил отдать приказ сохранять жизнь взятым в плен кеш-мужчинам и кеш-женщинам, кроме одетых в пурпурную или зеленую форму сотрудников службы безопасности, которые должны были разделить судьбу своих господ.

Оставшиеся в живых кеш-люди сбрасывали с себя накладные парики и хмура и недовольно выходили на главную улицу.

Перед заходом солнца все милиционеры собрались возле главных городских ворот. Они удовлетворили свою жажду мести и взяли достаточно трофеев. Ходить же по этому городу ночью им совершенно не хотелось. Поэтому прямо возле ворот был разложен большой костер, на котором для всех приготовили еду и тут же ее съели.

Рейт сочувствовал кеш-людям, мир которых перевернулся так не-

ожиданно и основательно. Он подошел к ним; они сидели небольшими группами, и женщины тихо оплакивали погибших.

Один из них, сохранивший больше смелости и самообладания, чем остальные, спросил Рейта:

— Что вы теперь с нами сделаете?

— Ничего, — ответил Рейт. — Мы уничтожили синих кешей, так как они напали на нас, не имея на это никаких оснований. А вы — люди. Пока вы будете соблюдать порядок, мы вам ничего плохого делать не собираемся.

Кеш-человек пробормотал:

— Но вы уничтожили очень многих из нас.

— Потому, что они сражались против нас на стороне синих кешей. А это было противоестественно.

— А что же в этом противоестественного? — удивился кеш-человек. — Мы ведь кеш-люди — первая фаза великого цикла.

— Какая глупость! — спокойно сказал Рейт. — Вы так же мало похожи на кешей, как дирдир-люди на дирдиров. Вы — люди, и ты, и он. Кеши и дирдиры просто-напросто поработили вас и отняли у вас ваши собственные жизни. И никто никогда не говорил вам правды.

Кеш-женщины перестали плакать, а кеш-мужчины обратили к Рейту удивленные взгляды.

— Что касается меня, то вы можете жить так, как вам захочется. Город Дадих принадлежит вам, пока синие кеши не вернутся сюда снова.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросили его.

— Именно то, что сказал. Завтра мы возвратимся обратно в Перу и Дадих будет принадлежать вам.

— Все это, конечно, прекрасно, но что будет, если синие кеши вернутся из Саабы, Дкекмы и Лзизаудры? А они возвратятся наверняка.

— А вы попробуйте их выловить, уничтожить! Дадих — это город людей. А если вы не можете поверить, что синие кеши вас угнетали и закрепощали, загляните в морг, который возле городской стены. Вам всегда говорили, что вы не что иное, как оболочка для инкубации маленьких детей кешей, которые вроде бы развиваются в вашем мозгу. Пойдите-ка и обследуйте там человеческие мозги! Вы в них не найдете никаких зародышей кешей! Только человеческие мозги и ничего больше!

Теперь вы можете расходиться по домам. Я требую от вас только одного: сбросьте свои накладные парики! Пока вы их будете носить, мы будем рассматривать вас не как людей, а как синих кешей. И поступать с вами будем соответственно.

После этого Рейт вернулся в свой лагерь. Казалось, что кеш-люди

все еще не могли поверить в то, что сказал им Рейт, и в нерешительности начали расходиться по своим домам.

— Я все слышал и знаю, что ты им сказал, — заговорил Анахо. Но ты ничего не знаешь о дирдирах и дирдир-людях! Твоя теория правильна, и мы навсегда останемся только дирдир-людьми! Мы признаем убеждения и умозаключения, если видим в этом смысл, в конце концов, мы тоже верим в невозможный идеал! Так, как тень никогда не сможет осветить своими лучами солнце, так и человек никогда не сможет превзойти дирдиров!

— Для интеллигентного человека, каковым ты на самом деле являешься, ты кажешься довольно несообразительным и твердолобым, — фыркнул Рейт ему в ответ. — Но однажды и тебе придется признать, что ты заблуждаешься. А до тех пор мне абсолютно безразлично, что ты будешь думать.

Глава 13

Лагерь ожил еще до рассвета. Добычу грузили на повозки, после чего они отправлялись в путь на запад. На фоне бледно-желтого неба повозки выделялись темными пятнами.

В Дадихе кеш-люди собрали тела убитых, отнесли к большой вырытой яме и похоронили в братской могиле. Без накладных париков они выглядели совершенно неестественно и напоминали пысых гномов. Утром были обнаружены и несколько спасшихся синих кешей. Кеши были пойманы и посажены в клетки. Жажда крови жителей Перы была удовлетворена, и они приговорили синих кешей к наказанию палками. С испуганными физиономиями и замешательством в отсвечивающих металлом глазах те наблюдали за действиями людей.

Рейт постоянно думал о возможности того, что синие кеши могут предпринять нападение со стороны городов, находившихся южнее Дадиха. Анахо уверял его в обратном.

— Ведь это же не воины, — утверждал он. — Они угрожают городам дирдиров торпедами, но лишь потому, что хотят предотвратить войну. Они никогда и никому первыми не объявляют войн, так как довольны тем, что живут в своих садах. Они могут только подослать кеш-людей, чтобы те на нас напали. Но сами они, пока мы их не тронем, ничего предпринимать не будут.

— Возможно, ты и прав, — согласился с ним Рейт и выпустил синих кешей. — Идите в ваши города к югу от Дадиха, — посоветовал он им, — и расскажите всем синим кешам в Саабе и Джекме, что если они нас тронут, мы их уничтожим.

— Но это очень дальняя дорога, — закричали синие кеши. —

Неужели нам придется идти туда пешком? Дай нам несколько воздушных плотов!

— Ничего с вами не случится, если вы пройдетесь пешком. Мы вам ничего не должны, — ответил им Рейт.

И синим кешам не оставалось ничего другого, как пешком отправиться в путь.

Еще долго Рейт не был уверен, что синие кеши не собираются отомстить. Поэтому он приказал установить на девяти исправных трофейных плотках вооружение и спрятать их в горных укрытиях.

На следующий день он вместе с Трезом, Анахо и Юлин—Юлан посетил Дадих и провел в нем некоторое время. В Техническом Центре он еще раз осмотрел корпус корабля, чтобы определить возможность его ремонта.

— Если бы в моем распоряжении была вся эта мастерская, — думал он, — и если бы мне помогали двадцать квалифицированных техников, мне, может быть, удалось построить новую двигательную систему. Может быть, было бы даже легче переделать для моего корабля двигатели с кораблей кешей... Но тогда не будет соответствия во всей контрольной системе... И не проще ли, в таком случае, построить совершенно новый корабль?

Цветок Ката рассматривала космический корабль и морщила лоб.

— Тебе действительно так необходимо улететь с Чая? Ведь ты еще не был в Кате. И если ты его увидишь, то у тебя наверняка отпадет всякое желание из него уезжать.

— Возможно, — ответил Рейт. — Но ведь и ты никогда не бывала на Земле. Если ты ее посетишь, то могу гарантировать, что тебе никогда больше не захочется возвращаться на Чай.

— Наверное, это очень странный мир, — размышляла Юлин—Юлан. — А женщины на Земле красивые?

— Некоторые — очень, — ответил Рейт. Он взял ее за руку. — Но на Чае тоже есть очень красивые женщины. И одну из них зовут... — и он шепнул ей на ухо одно из ее имен.

Она покраснела и ладонью закрыла рот.

— Тс-с. Кто-нибудь может услышать, — прошептала она.

СЛУГИ ВОНКОВ

Servants of the Wankh

СЛУГИ ВОНКОВ

Глава 1

В двух тысячах миль восточнее Перы, прямо над центром Мертвой Степи, воздушный плот вдруг затрясся, затем снова ровно пролетел некоторое расстояние и неожиданно встал совершенно странным образом на дыбы. Адам Рейт со злостью дернул головой и помчался к башне управления. Там он быстро поднял богато украшенную бронзовую крышку и заглянул внутрь. Но увидеть что-нибудь конкретное, кроме изысканных переплетений, завитушек и еще какой-то дряни, за которыми почти скрывался механизм, ему не удалось. К нему подошел Анахо.

— Ты не знаешь, что здесь может быть не в порядке? — спросил Рейт.

Анахо презрительно наморщил нос и пробормотал что-то об антикварной витиеватости синих кешей, которая была почему-то присуща и кочевым племенам зеленых кешей. Когда Рейту на глаза попадались что-либо подобное, на ум приходило сравнение с формами украшений земных скифов, очень похожих на такой стиль.

— А впрочем, вся эта экспедиция — совершенная глупость, — заявил, подводя итог, дирдир-человек.

Плот снова резко встал на дыбы и одновременно из черного деревянного ящика в машинном отделении послышался треск и звон. Анахо костяшками пальцев сильно постучал по стенке ящика. Шум прекратился, но начали сильно вибрировать и трястись двигатели.

— Коррозия, — произнес он. — Естественно, ведь этот электроморфический процесс длится уже сто или более лет. Я думаю, что это модель образца бездарного Хайзакима Бурза, от которой дирдиры отказались уже более двухсот лет назад.

— А как можно починить эту штуку?

— Откуда я могу это знать? Я здесь не рискну даже прикоснуться к чему-либо.

Они прислушались. Машина несколько раз чихнула и затарахтела дальше. Рейт поставил крышку на место.

Трез, свернувшись, отдыхал на диванчике, так как в предыдущую ночь он стоял на вахте. На высоких зеленых подушках под богато украшенным носовым фонарем, подогнув под себя ноги и положив голову на скрещенные руки, сидела Цветок Ката и смотрела на восток

в направлении, где находился Кат. Она сидела там часами, ветер теребил ее волосы, и за все время она не промолвила ни единого слова.

Рейту ее поведение казалось странным. В Пере она беспрерывно рассказывала о Кате, об изысканности и красоте дворцов Голубых Йадов, о благодарности ее отца, если он, Рейт, доставит его дочь домой, о великолепных балах, катании на лодках, маскарадах и несравненной эlegantности. Теперь же, когда они отправились в Кат, Цветок стала вдруг задумчивой и молчаливой и не отвечала ни на один вопрос. Доверие и понимание, существовавшие между ними до этого, исчезли. «Ну,— думал Рейт,— так-то оно, может, и лучше». Но, тем не менее, ему все больше не давал покоя вопрос: ПОЧЕМУ?

В Кат он летел по двум причинам: во-первых, чтобы выполнить обещание, которое он дал Цветку Ката; а во-вторых, его не оставляла надежда найти мастерскую или фабрику, где он мог бы изготовить маленький, пусть даже примитивный космический корабль. Если он сможет рассчитывать на поддержку Владыки Голубых Йадов, то это будет просто великолепно. А такая поддержка была необходима.

Чтобы добраться до Ката, им предстояло пересечь Мертвую Степь, пролететь вдоль гор Ойзаналаев, затем на северо-восток по степи Лок-Лу, через Жааркен и пролив Аченкин до города Нерв, а потом вдоль побережья Хархана до Ката. Случись с плотом авария, не долети он до Нерва, это означало бы катастрофу. А плот своими взбрыкиваниями и прыжками давал повод предполагать такой исход. Но пока он плавно продолжал лететь дальше.

День догорал. В слабом свете Карины 4269 под ними лежала коричнево-серая Мертвая Степь. В сгущающихся сумерках они перелетели большую реку Йатль, и всю ночь им освещали путь розовая луна Эз и голубая луна Брез. Утром на севере показались невысокие плоские холмы, которые, по мере приближения, становились все выше и выше, пока не превратились в Ойзаналаисские горы...

Около полудня они приземлились возле небольшого озера, чтобы пополнить запасы воды. Трез чувствовал себя неуютно.

— Где-то неподалеку от нас зеленые кеши,— сказал он и показал рукой на лес, отстоявший примерно на милю к югу.— Они спрятались, чтобы иметь возможность за нами оттуда наблюдать.

Когда баки были уже почти заполнены, из леса выскочила банда в сорок зеленых кешей на боевых скакунах. Юлин-Юлан никак не могла взобраться на плот и Рейту пришлось схватить и затащить ее на борт. Анахо потянул рычаг набора высоты, но, видимо, сделал это быстрее, чем следовало. Двигатели крикнули и плот сильно затрясло.

Рейт подбежал к машинному отделению, сорвал крышку и со всей силы стукнул по черному ящику. Двигатель перестал кашлять, и прямо перед самым носом у надвигавшейся орды плот взмыл в воздух.

Всадники изо всех сил натянули поводья своих скакунов, и уже в следующий момент в плот полетели длинные железные стрелы. Но тот был уже достаточно высоко, и лишь несколько стрел ударились о его корпус, со звоном от него отскочив. Внизу зеленые кешы со злостью размахивали своими длинными, в десять шагов мечами.

Плот, покачиваясь, полетел на восток. Зеленые кешы предприняли попытку преследовать их, но вскоре отстали и скрылись из виду. Однако чем дальше летел плот, тем яснее вырисовывалась опасность: Рейту все чаще приходилось стучать по черному ящику, но это уже не давало почти никаких результатов.

— Придется нам эту штуку ремонтировать, — сказал он Анахо.

— Попробовать мы, конечно, можем. Но для начала надо пытаться приземлиться, — ответил тот.

— С зелеными кешами за спиной? — возразил Рейт.

— Но в воздухе нам остановиться никак не удастся.

Трез показал на север, где была видна горная цепь, состоявшая из плоских вершин.

— Будет лучше всего, если мы приземлимся на одной из этих вершин, — предложил он.

Анахо с трудом удалось повернуть и направить плот на север. Но тут нос стал раскачиваться вверх и вниз, как на качелях.

— Держитесь! — заорал он, сомневаясь, что им удастся долететь хотя бы до первых холмов.

— Попробуй дотянуть до следующего холма, — крикнул ему Трез, и Рейт сразу оценил, что тот был намного удобнее, чем первый, так как его плато со всех сторон было окружено неприступными отвесными стенами.

Анахо оставалось лишь надеяться на судьбу и, наконец, они приземлились на этом втором холме. Неожиданная неподвижность подействовала на них, как тишина после сильного шума.

Путешественники сошли с плота. Их мышцы побаливали от напряжения. Рейт недовольно осмотрелся. Более унылого места, чем это плато длиной в четыреста шагов посреди Мертвой Степи, он себе и представить не мог. Его надежды на легкое и быстрое путешествие в Кат развеялись быстро и бесповоротно.

Трез подошел к краю плато и посмотрел вниз.

— Мне кажется, что нам отсюда спуститься не удастся, — сказал он.

Аварийный комплект, который Рейту удалось спасти со своего погибшего корабля, состоял из стрелкового оружия, энергетической батареи, электронного телескопа, ножа, антисептиков, зеркала и большого мотка очень крепкой веревки.

— Нам это удастся, — сказал он и обратился к Анахо, печально смотревшему на плот. — Как ты думаешь, нам удастся его починить?

Анахо сложил свои длинные белые руки.

— Я должен тебе сказать, что таким вещам я не обучался,— произнес он задумчиво.

— Тогда покажи мне, что здесь не в порядке. Может быть, мне удастся что-то сделать,— сказал Рейт.

И без того продолговатое лицо Анахо вытянулось еще больше. Рейт был живым отрицанием всех его воззрений и убеждений. Исходя из доктрины дирдиров, дирдиры и дирдир—люди развились из яйца—прародителя на их родной планете Сибол; единственными настоящими людьми были дирдир—люди, а все остальные считались полуплюдьми или уродами. В понимании Анахо никак не укладывалось то, что Рейт был грамотным и образованным и знал, как нужно поступать в любой ситуации. Его отношение к нему постепенно изменилось: презрение и ворчливое удивление сменились неосознанной полярностью. Но ему, тем не менее, совершенно не хотелось, чтобы Рейт обошел его и здесь. И он поспешил к машинному отделению, поднял крышку и засунул свое лицо в темную, вычурную глубину.

Плато, на котором они приземлились, не имело совершенно никакой растительности. На его поверхности были видны лишь несколько заполненных песком канавок. Юлин—Юлан хмуро бродила по плато. На ней были широкие серые штаны и куртка уроженца степей; поверх была надета еще и бархатная жилетка. Ее плоские черные башмаки были, вероятно, первыми, ступавшими по этим скалам.

Трез смотрел на запад. Рейт подошел к нему. Он внимательно посмотрел на степь, но так ничего и не увидел. Неожиданно Трез сказал:

— Зеленые кеши знают, что мы здесь.

Сколько Рейт не напрягал глаза, ему не удалось заметить ни клубящейся пыли, ни признаков какого-либо движения. Он вынул свой сканоскоп и посмотрел сквозь серовато-голубоватую дымку.

— Да, я их вижу,— подтвердил он.

Трез кивнул с таким видом, будто его это совсем не интересовало. Рейт про себя усмехнулся — ему нравилась мрачная личность юноши. Он подошел к плоту.

— Как продвигается ремонт? — спросил он.

Анахо раздраженно пожал плечами:

— Посмотри сам.

Рейт заглянул в черный ящик, который Анахо уже успел разобрать.

— Все дело в ржавчине и возрасте. Я думаю вставить сюда и сюда новые металлические прокладки.— Он показал на места поломок.— Но без инструментов и необходимых материалов это довольно сложно.

— Значит, сегодня вечером мы никак не сможем полететь дальше?

— Я думаю, что завтра к обеду.

Рейт обошел все плато по периметру и остался удовлетворен результатами осмотра. Со всех сторон скалы опускались вертикально; отвесные каменные стены были испещрены гротами и складками. Эти скалы почти наверняка были для зеленых кешей неприступны, и Рейт очень сомневался, что они вообще попытаются на них взобраться лишь для того, чтобы доставить себе удовольствие расправиться с несколькими людьми.

Старое коричневатое солнце низко висело на западе, и длинные тени от Рейта, Треза и Юлин-Юлан растянулись по всему плато. Девушка нерешительно подошла к Рейту и Трезу.

— Куда вы все время смотрите? — спросила она.

Рейт показал на преследователей. Зеленых кешей, сидевших на огромных скакунах, можно было различить уже и невооруженным глазом: они казались темной, прыгающей молью, приближавшейся с большой скоростью.

Юлин-Юлан затаила дыхание.

— Они идут сюда... из-за нас?

— Я думаю, да.

— Мы сможем от них защититься? У вас вообще есть оружие?

— На борту есть пескоизлучатель. Если они после наступления темноты начнут карабкаться на скалы, то, может, им и удастся нам чем-то навредить. Но днем нам совершенно нечего беспокоиться.

Эти пескоизлучатели были очень действенным оружием. По электронной дуге песчинки вылетали почти со скоростью света и каждая песчинка при этом приобретала многократную массу и огромную пробивную силу. При попадании в цель такая песчинка производила сильный взрыв.

У Юлин-Юлан задрожали губы и она почти беззвучно произнесла:

— Если мне, в конце концов, суждено вернуться домой, я спрячусь в самом дальнем гроте сада Голубых Йадов и никогда больше не выйду оттуда. Если я вернусь...

Рейт попытался обнять ее за плечи, но она вся напряглась.

— Конечно же ты возвратишься и будешь жить точно так же, как и до твоего похищения.

— Нет. К тому времени уже другая станет Цветком Ката. Раньше она, наверное, завидовала мне, и теперь она не выберет Юлин-Юлан в свой букет.

Пессимизм девушки был для Рейта загадкой. Все предыдущие тяготы она переносила со стоическим терпением. Теперь же, когда появилась реальная надежда вскоре попасть домой, она стала такой мрачной. Рейт тяжело вздохнул.

Зеленые кеши были уже на расстоянии какой-то мили. Рейт и Трез отошли от края плато, чтобы не привлекать к себе внимания на тот

случай, если кеши еще не были уверены, что они именно здесь. Но скоро с этой надеждой пришлось расстаться — зеленые кеши подскакали почти к подножию холма, спрыгнули со скакунов и стали смотреть вверх.

Рейт посмотрел вниз и насчитал сорок этих чудовищ. Все они были ростом от двух до двух с половиной метров, с массивными руками и ногами и полностью покрыты металлически-зелеными чешуйками. Их лица казались под высокими остроконечными черепами маленькими, похожими на рыла насекомых. Они были одеты в кожаные передники и доспехи, защищавшие плечи. Их мечи были такими же длинными, как и рост их хозяев, и казались очень неудобными. Некоторые из них были вооружены еще и катапультами. Рейт поспешил укрыться, чтобы в него случайно не попала стрела. Он искал глазами большие камни, которые можно было бы бросить вниз, но ничего подходящего не нашел.

Несколько кешей объехали вокруг всего холма, обследуя его склоны. Через некоторое время они вернулись к основной группе, где принялись совещаться, бормоча что-то друг другу. Рейт подумал: «По их виду нельзя сказать, что они довольны результатами обследования и перспективой карабкаться на отвесные скалы». Посовещавшись, кеши без промедления приступили к обустройству своего лагеря. Они крепко привязали своих скакунов и принялись запихивать в их огромные пасти темную и липкую на вид массу. После этого они разложили три костра, на которых стали жарить комья того же вещества, которым кормили скакунов, и заталкивать их в свои черепашные рты. По всей видимости, этот ужин у них особого восторга не вызывал.

Солнце исчезло в туманной мгле. На степь опустилась янтарная дымка. Анахо отошел от плота и вместе со всеми посмотрел вниз.

— Нижние цанты, — сказал он. — Видите эти наросты с обеих сторон головы? С их помощью они отличают своих от больших цантов и других племен. Эти, что внизу, не столь опасны.

— По-моему, выглядят они довольно внушительно, — не согласился Рейт.

Трез на что-то показал. В расщелине между двумя глыбами скалы стояла высокая темная тень.

— Фанг, — прошептал он.

С помощью сканоскопа Рейт смог рассмотреть эту фигуру, совершенно непонятно откуда появившуюся здесь.

Рост его был более двух с половиной метров, и в своем широком черном плаще и мягкой черной шляпе он выглядел, как гигантский кузнечик в облачении мага.

Когда фанг, полный мрачной деловитости, наблюдал за зелеными кешами, которые в каких-то десяти метрах от него доедали свой

ужин, нижняя грубая часть его лица находилась в постоянном движении.

— Сумасшедший,— прошептал Трез, и его глаза засверкали.— Смотри, сейчас увидишь его фокусы.

Фанг выпрямил длинную тонкую руку и подбросил высоко вверх обломок скалы; большой камень упал среди кешей, прямо на чью-то согнутую спину.

Один из зеленых кешей подскочил и со злостью посмотрел вверх на плато. Фанг продолжал спокойно стоять — в тени его почти не было заметно. Кеш, в которого попал камень, лег на живот и стал руками и ногами делать резкие движения, словно он плыл.

Фанг поднял еще один большой камень и опять швырнул в него. На этот раз один из кешей заметил движение. Визжа от злости, они схватились за свои мечи и бросились вперед. Спокойно и с расстановкой фанг сделал шаг в сторону и взмахнул своим плащом; вдруг в его руке откуда ни возьмись появился меч, и он с такой легкостью замахал и затряс им, будто это был не тяжелый меч, а зубочистка. Пританцовывая, он молниеносно разил врага, причем, по всей видимости, особо не целясь. Кеши бросились врассыпную. Некоторые из них уже лежали на земле, а фанг прыгал то в одну, то в другую сторону, рубил, колол и продолжал кружиться. Зеленые кеши, огонь, воздух — казалось, что все перемешалось.

Наконец зеленые кеши несколько оправились от неожиданности и со всех сторон бросились на фанга. Они и били, и кололи, и рубили, и наконец фанг выронил меч из рук, словно тот стал обжигающе горячим. В следующий же момент он был изрублен на куски. Голова отскочила в сторону и упала возле костра; черная шляпа осталась на голове, и это выглядело совершенно неестественно. Рейт наблюдал за всей этой резней в сканоскоп. Голова казалась еще живой: глаза смотрели на огонь и желваки медленно шевелились.

— Голова будет жить еще несколько дней, пока не высохнет,— тихо объяснил Трез.— Постепенно она окоченеет.

Кешей убитый больше не интересовал. Они отвязали своих скакунов, загрузили свои пожитки и через пять минут исчезли в темноте. Голова фанга задумчиво смотрела на затухающий огонь.

Трое мужчин провели на краю холма еще какое-то время, всматриваясь в темноту степи. Трез и Анахо спорили о фангах и их природе. Трез утверждал, что они являются неестественным результатом скрещивания пнумеков и трупов пнумов.

— Семя растет в загнивающем трупе, как червь, и в конце концов, молодой фанг прорывается сквозь кожу и на вид почти не отличается от облезлой ночной собаки.

— Какая глупость, юноша,— несколько высокомерно ответил на

это Анахо.— Они без сомнения размножаются так же, как и пнумы. Если то, что я слышал, правда, то это удивительный процесс.

У Треза было самолюбия ничуть не меньше, чем у дирдир-человека, и он постепенно стал дерзить.

— Как ты можешь говорить об этом с такой уверенностью? Ты что, лично наблюдал за этим процессом? Тебе когда-нибудь приходилось видеть фанга в компании себе подобного? А может, тебе довелось встретить молодого фанга? — Он шмыгнул носом.— Нет! Они всегда остаются одинокими! Они слишком ненормальные, чтобы размножаться так, как это делают другие!

Анахо поучающе поднял указательный палец.

— Пнумов группами встречали очень редко. Но их вообще можно увидеть чрезвычайно редко. И развиваются они тоже с присущими им странностями и своеобразием. Всегда опасно что-либо обобщать. Правдой является то, что мы после стольких лет пребывания на Чае почти ничего не знаем о фангах или пнумах.

Трез продолжал тихо ворчать, хотя прекрасно знал, что логике Анахо было нечего противопоставить. Но, тем не менее, свои воззрения он тоже отбрасывать просто так не хотел. Анахо же не предпринял никакой попытки развить свою мысль дальше. А Рейт придерживался мнения, что им обоим было бы неплохо поучиться считаться с мнением друг друга.

Наутро Анахо снова занялся двигателем, в то время, как остальные бездельничали и мерзли. С севера подул холодный ветер. Трез напрогнозировал дождь, и вскоре тучи затянули небо. На горы опустился туман.

Наконец Анахо со скучающим видом отложил инструменты.

— Я сделал все, что было в моих силах. Воздушный плот может лететь дальше, хотя далеко на нем не уедешь.

— А как далеко на нем можно лететь? — уточнил Рейт, так как к разговору прислушивалась и Юлин-Юлан.— До Ката мы сможем на нем долететь?

Анахо поднял руки и затряс ими в неопишемом и неподражаемом жесте дирдиров.

— До Ката по запланированному тобой маршруту — невозможно! Механизмы просто рассыпятся от ржавчины.

Юлин-Юлан отвела взгляд и стала смотреть на положенные перед собой руки.

— Если мы полетим на юг, то сможем долететь до Коада на Дван Жере,— продолжал Анахо.— А там мы сможем найти какой-нибудь корабль, чтобы переплыть Драшаду. Этот маршрут длиннее и займет больше времени. Но таким образом мы с большей вероятностью попадем в Кат.

— Мне кажется, что выбора у нас нет,— сделал вывод Рейт.

Глава 2

Они долго двигались на юг вдоль широкой реки Набиги, летя на минимальной высоте и почти касаясь поверхности воды; это был самый щадящий режим для реактивного двигателя. Вскоре Набига повернула на запад, разделяя Мертвую Степь и степь Эмен. Они же полетели дальше на юг над необитаемыми территориями с непроходимыми лесами, болотами и трясинами. Через день под ними снова показалась степь. Как-то далеко впереди они заметили караван — длинную вереницу грузовых и пассажирских повозок на огромных колесах. Неподалеку от него им встретился отряд кочевников с красными украшениями из перьев на плечах, мчавшихся через степь с целью захватить караван. Но сделать этого они не успели, и караван улизнул у них из-под носа.

В сумерках они с трудом перелетели через коричневые и серые холмы. Плот взбрыкивал и трясся, из черного ящика доносились странные хрипящие звуки. Рейт вел плот очень низко, временами почти касаясь верхушек черного древесного папоротника. Однажды они пролетели прямо над головами у расположившейся на отдых банды разбойников в широких белых одеяниях; несмотря на их необычный вид они несомненно были людьми. Они перепугались, бросились врассыпную, падали на землю и с истошными воплями стреляли вслед плоту из древнего оружия. Но цель подпрыгивала и качалась из стороны в сторону, и путешественники избежали неприятностей.

Всю ночь они летели над густым лесом. Когда рассвело, под ними снова простирался только черный, зеленый и коричневый ковер, до горизонта покрывавший степь Эмен. Трез полагал, что степь должна была уже вот-вот закончиться и здесь должен был начинаться лесной массив Великий Дадуз. Анахо не поленился достать и разложить карту и показать своим длинным белым пальцем на то, в чем Трез ошибался.

На угловатом лице Треза появилось хмурое и упрямое выражение.

— Это большой лес Дадуз! Когда я носил эмблему Онмале, я дважды приводил мое племя сюда, и мы искали здесь травы и цветную глину

Анахо сложил карту

— Мне совершенно безразлично, лес или степь. В любом случае нам необходимо пересечь и то, и другое.

Из машинного отделения снова раздался угрожающий звук, и Анахо озабоченно оглянулся.

— Я надеюсь, что нам удастся долететь хотя бы до окрестностей Коада — это примерно в двухстах милях отсюда. Но когда мы там

сядем и рискнем заглянуть в моторный отсек, то обнаружим там лишь ржавую труху

— Но нам—таки удастся добраться до Коада? — бесцветным голосом спросила Юлин—Юлан.

— Я на это надеюсь. Что такое двести миль?

Эта новость несколько подбодрила Юлин—Юлан.

— Как отличается это от того, что уже было! Тогда священницы привезли меня в Коад как пленницу!

Казалось, что воспоминания сильно подействовали на нее, и она снова замолчала.

Наступила ночь. До Коада оставалось еще около ста миль. Лес несколько поредел, и гигантские черные и золотистые деревья перемежались с большими травянистыми полянами, на которых паслись массивные шестиногие животные с большими рогами и бивнями. Ночью посадка здесь была бы весьма затруднительна. Рейт и Анахо не очень рассчитывали прибыть в Коад уже ранним утром. Поэтому они привязали плот к верхушке одного из высоких деревьев и при помощи реактивных двигателей удерживали его в воздухе.

После ужина Цветок Ката отправилась в свое купе, находившееся за салоном; Трез изучал небо и прислушивался к ночным звукам, затем закутался в свой плащ и растянулся на диване. Рейт, облокотившись о перила, наблюдал за розовой луной Эзом, которая уже достигла своего зенита, в то время, как голубая луна Брез только что возшла и ее свет пробивался сквозь листву стоявшего вдалеке высокого дерева. Анахо подошел к Рейту.

— Ну, и что ты думаешь о завтрашнем дне?

— Я ничего не знаю о Коаде. Я предлагаю попытаться разузнать о возможностях переправиться через Драшаду.

— Ты все еще не отказался от мысли сопровождать эту женщину до Ката?

— Конечно,— удивленно ответил Рейт.

Анахо тихо свистнул сквозь зубы.

— Тебе достаточно лишь посадить ее на корабль и совершенно необязательно ехать с ней.

— Правильно. Но в Коаде я тоже не собираюсь оставаться.

— А почему бы и нет? Во всяком случае, дирдир—люди довольно часто посещают этот город. Если у тебя есть деньги, ты можешь все купить и в Коаде.

— Даже космический корабль?

— Это вряд ли. Мне кажется, что ты помешался на этой идее.

Рейт засмеялся:

— Можешь называть это, как тебе угодно.

— Ты удивляешь меня сверх всякой меры,— продолжал Анахо.— По—моему, у тебя произошел провал памяти. В твоём подсознании

возникла история, давшая теоретическую основу твоему существованию. И ты, естественно, нерушимо веришь в собственную сказку.

— Разумно, — ответил на это Рейт.

— Но остаются еще невыясненными некоторые обстоятельства. У тебя имеются странные приборы. Этот электронный телескоп, энергетическое оружие и другие вещи, названия и назначения которых я просто не знаю и происхождение которых мне неизвестно. Но они вполне соответствуют хорошему уровню дирдиров. И это дает мне основание предположить, что твоя родная планета — это планета вонков. Я правильно думаю?

— Откуда же мне знать это, если у меня больше нет памяти?

Анахо тихонько засмеялся.

— И ты по-прежнему собираешься отправиться в Кат?

— Конечно. А ты?

Анахо пожал плечами.

— Города ничем не отличаются друг от друга. По крайней мере, это мое мнение. Но я, честно говоря, сомневаюсь, представляешь ли ты себе, что может ждать тебя в Кате.

— Я знаю про Кат лишь то, что мне рассказывали. Мне кажется, что там живут цивилизованные люди, — ответил Рейт.

Анахо презрительно передернул плечами.

— Они — йао — раса с горячей кровью, склонная к ритуалам, экстравагантности и преувеличениям. Скоро ты убедишься, насколько тяжело сориентироваться в сложной иерархии общества в Кате.

Рейт наморщил лоб.

— Я надеюсь, что в этом не будет никакой необходимости. Девушка поклялась в благодарности ее отца, и я надеюсь, что это упростит все остальное.

— Эта благодарность будет чистой формальностью. В этом я абсолютно уверен.

— Почему же только формальностью, а не подкрепленная материально?

— Ну, то, что у тебя с девушкой имелись интимные отношения, — это уже препятствия.

Рейт кисло улыбнулся.

— Эти интимные отношения возникли уже давно. — Он оглянулся на палубную настройку. — Если говорить откровенно, ее понять я не могу. Мне кажется, что перспектива попасть домой ее пугает.

Анахо посмотрел в темноту.

— Ты действительно такой наивный? Ведь она с ужасом думает о том мгновении, когда вынуждена будет представить нас троих обществу в Кате. И она, видимо, была бы сверх меры счастлива, если бы отправил ее домой одну.

Рейт горько засмеялся.

— В Пере она пела совсем другую песенку. Там она молила, чтобы ей помогли вернуться в Кат.

— Тогда это было весьма маловероятной перспективой. А теперь и она, и мы должны считаться с реальностью.

— Какой абсурд! Ведь Трез всегда остается таким, какой он есть. Ты — дирдир—человек и не можешь ничего для...

Анахо сделал красноречивый жест.

— О, наши роли однозначны. От нас нечего ждать каких-то неожиданных. Но здесь совершенно другой случай. Для всех нас было бы самым лучшим, если бы ты отправил девушку одну кораблем домой.

Рейт посмотрел сквозь море верхушек деревьев, купавшихся в лунном свете. Будь даже это мнение правильным, осмыслить его он не мог. Он попал в довольно затруднительное положение. Если он не поедет в Кат, то откажется от лучшей возможности приблизиться к космическому кораблю; единственной альтернативой этому было укрывать корабль у дирдиров или вонков; или, при стечении обстоятельств, у синих кешей. Но все это было, в общем, довольно призрачной перспективой.

— Почему, — спросил Рейт, — я должен быть в Кате менее желанным, чем, скажем, ты или Трез? Из-за интимных отношений?

— Конечно же нет. Йао намного больше внимания уделяют систематике, а не действиям. Меня удивляет, что ты не можешь этого понять.

— Ну, я со своей бестолковостью...

Анахо пожал плечами:

— У тебя нет титула, нет роли, нет собственного места в обществе Ката. Ты — существо без расы, такой себе оборванец на балу. А твои воззрения и взгляды в Кате сегодня все равно неприемлемы.

— Ты имеешь в виду мою... одержимость?

— К сожалению, она похожа на истерию, которая определяла ранний цикл их общества. Около ста пятидесяти лет назад — год на Чае соответствовал примерно семи пятым земного года — группу дирдир—людей вышвырнули из академий в Элиазире и Анизме ввиду явного преступления; а именно, распространения фантастических идей. Вместе со своими женами они прибыли в Кат и основали там Общество Кающихся Беглецов или, другими словами, «Культе». Их верования основывались на том, что все люди — дирдир—люди, низшие типы людей и все остальные люди — будто бы прилетели с далекой планеты в созвездии Клари и, будто бы, эта планета являлась раем, в котором надежды и чаяния людей превратились в действительность. Весь Кат восторженно встал на сторону Культа. Общими усилиями сконструировали и построили трансмиттер и направили сигнал в сторону созвездия Клари. Кому-то это не понравилось, и были

выпущены торпеды, которые разрушили Сеттру и Баллисидру. Говорят, что это сделали дирдиры, но это полный абсурд. Зачем им было это нужно? Я могу тебя заверить, что для этого они слишком высокомерны и чрезвычайно равнодушны.

Но это все-таки произошло. Сеттра и Баллисидра превратились в руины, а Культи приобрел дурную славу. Замешанных в этом дирдир-людей вышвырнули вон, а *общество* бросилось назад в ортодоксальные верования. Если сегодня кто-то хоть *мимоходом* напоминает о Культе, это считается вульгарным, а значит, и нас посчитают такими же, как и ты. Ты ярый приверженец догмы Культа, и это выражается в твоём поведении, твоих делах, твоих целях. Кажется, что ты не можешь отличать факты от фантазий. Говоря грубо, в этом смысле ты производишь впечатление психически неполноценного.

Рейт с трудом удержался, чтобы громко не рассмеяться, так как это только могло усилить подозрения Анахо относительно его, Рейта, здравого рассудка. Несколько выразительных ответов уже вертелось у него на языке, но он сдержался чтобы их тут же не высказать. Наконец он сказал:

— Ну, по крайней мере, ты честно говоришь то, что думаешь, и я это ценю.

— Ах, но ведь это же само собой разумеется,— любезно заявил Анахо.— Я думаю, что достаточно сказал тебе, чтобы ты понял, почему девушка боится возвращаться домой.

— Да. Она, так же, как и ты, считает меня сумасшедшим.

Дирдир-человек взглянул вверх на розовый Эз.

— Пока она была в Пере или где-либо еще вне пределов досягаемости *общества*, она могла делать уступки. Теперь же она стоит перед воротами Ката...

Больше он ничего не сказал и через несколько минут уже лежал на своем диване в салоне.

Рейт прошел вперед и подошел к столбу с огромным носовым фонарем. Холодный ветер обдувал его лицо. Плот мягко парил над вершинами деревьев. Внизу послышались громкие шаги. Рейт прислушался. Шаги остановились; через некоторое время шаги послышались снова и, наконец, исчезли вдали. Рейт посмотрел вверх на обе луны: розовый Эз и голубой Брез, устроившие, казалось, на небе соревнование. Он посмотрел на палубную надстройку, где спали его товарищи: юноша — эмблемный кочевник, человек с лицом клоуна, уподобившийся расе худых чужаков, красивая девушка йао, которая считает его ненормальным. А внизу снова послышались шаги. Может он действительно сошел с ума?

Утром к Рейту снова вернулось его хладнокровие. Кроме того, в теперешнем своем положении он находил даже странный юмор. Он

не видел причин изменять свои планы и с такими мыслями повел плот дальше на юг. Лес перешел в кустарник, затем в отдельные заросли, в большие пастбищные луга, полевые домики и смотровые башни, сооруженные для оповещения о набегах кочевников. Иногда можно было различить даже хорошо наезженную дорогу. Но плот становился все более капризным и все время старался задрать корму. Поздним утром они подлетели к невысокой цепи холмов, но плот никак не хотел подниматься на необходимые несколько десятков шагов, чтобы беспрепятственно перелететь через гребень. Им исключительно повезло, когда в последний момент удалось обнаружить узкую расселину между холмами, шириной чуть более плота, по которой они удачно проскочили на другую сторону гряды.

Итак, перед ними раскинулись Дван Жер и Кoad — города весьма преклонного возраста. Дома были выстроены из переплетенных досок и бревен и имели очень высокие остроконечные крыши с бесчисленными фронтонами, башенками, фризами и огромными каминными трубами. Минимум двенадцать кораблей стояли на якоре на рейде; еще больше было пришвартовано к пакгаузам. В северной части города находилось окончание караванного пути — огромный двор был окружен гостиницами, тавернами и складами. Двор караван-сарая показался им очень удобным местом для посадки плота. Рейт весьма сомневался, что плот продержится в воздухе оставшиеся десять миль.

Кормой вперед плот устремился вниз. Реактивные двигатели жалобно вздохнули и машина окончательно испустила дух.

— Вот и все, — сказал Рейт. — Я рад, что мы на месте.

Они взяли свою небогатую поклажу и сошли на землю, оставив пилот лежать там, где он приземлился.

На краю двора Анахо спросил у какого-то купца, где можно найти хорошую гостиницу, и был направлен в «Большой Континент», лучшую гостиницу города.

Кoad был деловым городом. На извилистых улицах толпились люди всевозможных каст и рас: желтые и черные обитатели островов; торговцы телятиной из Хоразина, облаченные в серые одежды; кавказоиды из степи Эмен, похожие на Треза; дирдир-люди и их гибриды; сверчкообразные сипсы с восточных предгорий Ойзаналаев, подрабатывающие уличными музыкантами; а также небольшое количество плосколицых белокожих людей с крайнего юга Кослована.

Коренные жители, трены, были доброжелательным народом с лисьим выражением лиц и широкими, будто полированными, блестящими скулами, острыми подбородками и рыжими или темно-коричневыми волосами, подстриженными надо лбом и ушами. Обычная их одежда состояла из штанов до колен, вязаных кофт и круглых, плоских, черных шапочек. Повсюду встречались многочисленные палан-

кины, которые несли угловатые маленькие люди с необычайно большими носами и черными прядями волос. Судя по всему, это была совершенно особая раса. Рейт не видел, чтобы эти люди выполняли еще какую-то другую работу. Позднее он узнал, что это были уроженцы крайнего юга Дван Жера.

Рейту показалось, что на одном балконе он увидел дирдира, но не был в этом уверен. Как-то Трез толкнул его локтем и показал на нескольких худых людей в широких черных штанах и черных накидках с высокими воротниками, почти скрывающими их лица. В круглых, широкополых шляпах, похожих на цилиндры, они выглядели, как карикатуры.

— Пнумеки, — шепнул ему Трез потрясенно и со злостью. — Ты только посмотри на них! Они бегут между людьми, не глядя ни вправо, ни влево. А головы их полнятся странными мыслями.

Гостиница представляла собой пространное трехэтажное здание с кафе на передней веранде, рестораном в высоком, открытом помещении с задней стороны здания и балконами, нависавшими над улицей. Служащий в окошке взял у них плату и выдал большие, красиво выкованные ключи.

— Мы приехали издалека и нам необходимо помыться, принять ванну с маслами и мазями хорошего качества и получить свежее белье. После этого мы хотели бы поесть.

Все их желания были выполнены.

Через час все четверо, чистые и свежие, встретились в холле первого этажа. Там их встретил черноглазый человек со сдержанным и меланхоличным выражением лица, обратившийся к ним довольно дружелюбно:

— Вы, наверное, только что прибыли в Кoad?

Анахо недоверчиво отступил на шаг назад.

— Не только что. Нас здесь хорошо знают, и мы ни в чем не нуждаемся.

— Я представляю гильдию ловцов рабов и оцениваю вашу группу следующим образом: девушка представляет ценность, юноша — несколько меньше. Дирдир-люди вообще ценятся очень невысоко и их можно использовать разве что в качестве писарей или приказчиков, на что здесь нет никакого спроса. Тебе, конечно, можно было бы подыскать работу подметальщика улиц или колольщика орехов. Но это действительно не очень престижное занятие. А вот этот человек — не имеет никакого значения, кто он такой — кажется пригодным для тяжелой работы и может быть продан за хорошую сумму. В общем, за все и про все, сумма вашей страховки будет составлять десять секвинов в неделю.

— Страховка против чего или за что? — попытался выяснить Анахо.

— Против опасности быть схваченным и проданным,— ответил агент.— Спрос на хороших работников большой. Но за десять секвин вы можете днем и ночью бродить по улицам Коада так же спокойно, будто на ваших плечах сидит сам демон Херести! Если же какой-нибудь незарегистрированный торговец тронет вас или вообще схватит, гильдия сразу же организует ваше освобождение.

Рейт рассматривал человека с интересом и некоторым отвращением, а Анахо сказал с крайней надменностью:

— Покажи мне свои документы.

— Покажи нам какую-нибудь бумагу, медальон или патент. Что? У тебя ничего нет? Ты, наверное, считаешь нас идиотами? Исчезни!

Ссутулившись, человек отошел.

— Кто это был? — спросил Рейт. — Вымогатель?

— Этого я тебе сказать не могу. Но, в конце концов, должен же быть какой-то предел. А теперь мы пойдем есть. После вареных грибов и трав, которыми мы питались на протяжении нескольких недель, я с удовольствием съем что-нибудь получше.

Они выбрали место в ресторане, представлявшем собой большую веранду со стеклянной крышей, через которую проникал бледный свет цвета слоновой кости. Черные вьющиеся растения карабкались вверх по стенам. По углам рос бледно-голубой и пурпурный папоротник. День был ясный, и через застекленную веранду был виден Дван Жер и потрепанные ветром облака в небе.

В ресторане сидело всего человек двадцать. Они ели из тарелок и мисок красного и черного дерева и неторопливо переговаривались, наблюдая за людьми, сидящими за другими столиками. Трез недобро рассматривал помещение — он не одобрял подобных излишеств. Без сомнения, он впервые в своей жизни столкнулся с такой невиданной роскошью. Рейту же она показалась слишком сложной и одновременно какой-то блеклой.

Юлин-Юлан посмотрела в другой конец зала, будто обнаружила там что-то удивительное, потом отвела глаза, словно почувствовала себя неуютно, и смутилась. Рейт проследил за ее взглядом, но не заметил ничего необычного. Он не спросил о причинах, смутивших ее, так как не хотел в очередной раз услышать высокомерный ответ. Что за ситуация! Казалось, что она постепенно и сознательно развивала в себе к нему антипатию! И если с объяснениями Анахо он мог еще увязать это, то больше ни с чем. Однако всезнающий дирдир-человек пришел ему на помощь.

— Посмотри-ка на парня, вон там,— пробормотал он.— На того, в пурпурно-зеленом плаще.

Рейт увидел приятной наружности молодого человека с аккуратной прической и длинными усами удивительного золотистого цвета. Он был одет в элегантные одежды, хотя несколько поношенные и мя-

тые — куртку из мягких полосок кожи зеленого и пурпурного цвета, штаны до лодыжек из складчатого желтого материала с пряжками на коленях и брошками на подмышках, сделанных в форме сказочных насекомых. Четырехугольная шапка из мягкого меха с золотистой бахромой, длиной с ладонь, кокетливо сидела на его голове, а на носу красовалось отделанное золотой филигранью пенсне.

— Ты смотри на него, — прошептал Анахо. — Сейчас он заметит нас и увидит девушку.

— Кто это? — спросил Рейт.

Анахо элегантно взмахнул своими изящными пальцами.

— Я не знаю, как его зовут. Но этот кавалер йао имеет высокий статус; по крайней мере, он в этом уверен.

Рейт стал наблюдать за Юлин-Юлан, которая краем глаза наблюдала за человеком. Ее настроение изменилось будто по мановению волшебной палочки. Она ожила, в поведении ее появилась нерешительность и нервозность. Бросив взгляд на Рейта, она увидела, что он за ней наблюдает и покраснела; затем склонила голову над своей тарелкой, на которой лежал серый виноград, бисквит, копченые морские насекомые и фаршированные почки папоротника. Рейт не терял кавалера из виду; тот без видимого удовольствия ковылял в стоявшем перед ним пироге с кислыми овощами, поглядывая при этом на море. Он пожал плечами, словно был обескуражен собственными мыслями, и стал рассматривать зал. И в этот момент он увидел Цветок Ката, которая довольно неубедительно пыталась показать, что ее интересует только содержимое тарелки. От удивления кавалер наклонился вперед и так стремительно выскочил из-за стола, что тот чуть не опрокинулся. Тремя прыжками он пересек зал, встал перед девушкой на колени и в таком изысканном приветствии взмахнул шапкой, что Трез лишь захолопал глазами.

— Принцесса Голубых Йадов! — воскликнул он. — Ваш слуга Дордолио. Я достиг своей цели!

Цветок Ката кивнула головой столь же сдержанно, сколь и с радостным удивлением. Рейт удивлялся ее артистическому искусству.

— Как приятно, — ворковала она, — случайно встретить в далекой стране Кавалера из Ката.

— Случайно — это совершенно неверное слово, Принцесса. Я один из десяти, отправившихся на поиски с целью завоевать награду, обещанную вашим отцом, а также с целью укрепления чести вашего и моего дворцов. Черт побери всех пнунов, уважаемая Принцесса, это счастье выпало мне!

— Значит, ты очень настойчиво искал? — спросил Анахо.

Дордолио выпрямился и стал рассматривать Анахо, Рейта и Трезу и приветствовал каждого легким, тщательно рассчитанным поклоном.

Цветок коротко и радостно махнула ручкой, как будто эти трое были лишь случайными попутчиками, встреченными на пикнике.

— Мои преданные спутники. Все трое оказали мне большую помощь. Если бы не они, меня бы уже не было в живых.

— В таком случае, — заявил кавалер, — вы сможете всегда рассчитывать на защиту Дордолио, Золотого и Карнеольного. Кроме того, вам разрешается пользоваться моим военным именем: Алутрин Звездозолотой.

Он по-военному отдал честь трем путешественникам, затем щелкнул пальцами и приказал официантке:

— Я желаю есть за этим столом.

Официантка молча подвинула к столу еще один стул. Дордолио уселся и переключил все свое внимание на Цветок Ката.

— Принцесса, тебе, наверное, пришлось пережить много опасных приключений? Конечно же, это так. Но несмотря на все это, ты так же красива и свежа, как раньше.

Цветок смеялась.

— В этой одежде степных кочевников? У меня нет никакой другой одежды. Прежде, чем я позволю смотреть на себя, мне нужно купить десятки необходимых мелочей.

Дордолио окинул быстрым взглядом ее серые одежды, после чего кивнул.

— Я этого совершенно не заметил, потому что ты — такая же, как всегда. Если ты желаешь, мы вместе отправимся за покупками. А базары в Коаде очаровательные.

— Конечно! Но расскажи мне что-нибудь о себе. Ты говоришь, что мой отец назначил вознаграждение.

— Да, он сделал это. Благородные кавалеры откликнулись на его призыв. Мы отправились по твоим следам в Спанг, где узнали, что тебя похитили священнослужительницы Женских Таинств. Многие сочли тебя потерянной, я же был другого мнения. И моя настойчивость вознаграждена. Мы с триумфом возвратимся в Сеттру!

Юлин-Юлан загадочно улыбнулась Рейту.

— Я почти не могла надеяться на возвращение домой. Какое счастье, что мы встретились с тобой здесь, в Коаде!

— Да, удивительное счастье, — сухо сказал Рейт. — Мы всего лишь час назад прибыли из Перы.

— Пера? Я не слышал о таком городе.

— Она находится на крайнем западе Мертвой Степи.

Дордолио глянул на Рейта, но тут же снова повернулся к Цветку.

— Какие же трудности выпали на твою долю! Но теперь ты находишься под защитой Дордолио! Мы немедленно возвращаемся в Сеттру.

Пока они ели, Юлин-Юлан взволнованно разговаривала с Дордо-

лио. Трез, которому непривычные столовые приборы доставляли неудобства, все время бросал на них сердитые взгляды — ему казалось, что они смеются именно над ним. Анахо не обращал на них никакого внимания, а Рейт молча ел. Наконец Дордолио отодвинул свой стул.

— Что ж, перейдем к делу. «Йазилисса» стоит на якоре и скоро отойдет на Верводеи. Грустная минута: теперь тебе нужно попрощаться с твоими товарищами, отличными ребятами. Но это необходимо, поскольку мы должны попасть на корабль, который доставит нас домой.

— По чистой случайности мы тоже направляемся в Кат,— спокойно сказал Рейт.

Дордолио с таким удивлением посмотрел на Рейта, будто тот заговорил на каком-то непонятном языке.

Дордолио встал, помог подняться Юлин—Юлан, вместе они пошли на террасу. Официантка принесла счет.

— Пожалуйста, пять секвинов за пять человек.

— Пять?

— Человек из Йао сидел за вашим столом.

Рейт не стал спорить и выложил из своего кошелька даже больше пяти секвинов. Анахо с интересом смотрел на него.

— У современных йао действительно есть преимущество. По прибытии в Сеттру ты не привлечешь ничьего внимания.

— Возможно,— ответил на это Рейт.— Я рассчитываю лишь на благодарность отца девушки. В моем деле не помешает ни один союзник, который мог бы пригодиться.

— Некоторые события продолжают жить в себе,— заметил Анахо.— Теологи дирдиров по этому поводу высказывают интересные замечания. Я припоминаю анализы случаев, проведенные не дирдиром, а дирдир—человеком из касты Безупречных...

Анахо принялся подробно развивать эту тему, чего попытался избежать Трез. Он встал, прошел на террасу и принялся смотреть вдаль поверх крыш Коада. Дордолио и Юлин—Юлан как раз проходили мимо и демонстративно его не заметили. Трез вскипел от гнева и вернулся к Рейту и Анахо.

— Этот франт йао уговаривает ее избавиться от нас. Он говорит, что мы вроде бы кочевники, хоть честные и надежные, но грубые.

— Ну и черт с ними,— сказал Рейт.— Ее судьба, не наша.

— Но ты связал ее судьбу с нашими! Лучше бы мы остались в Пере или отправились на Счастливые Острова. Но так...

— Иногда некоторые события происходят не так, как я предполагал,— ответил на это Рейт.— Но кто же мог знать? Может быть, так оно и лучше. Во всяком случае, так думает и Анахо. Ты не мог бы сказать ей, чтобы она подошла к нам?

Трез пошел и сразу же вернулся обратно.

— Они отправились в город, чтобы купить то, что они называют подходящей одеждой. Какая глупость! Всю свою жизнь я носил одежду степных обитателей. И я считаю, что она очень практична и удобна.

— Конечно, — подтвердил Рейт его мысль. — Пускай они делают, что хотят. Может быть, нам тоже нужно изменить свое поведение. По крайней мере, внешне.

Базары находились в припортовом районе. Здесь Рейт, Анахо и Трез купили себе одежду, которая была не такой грубой: рубашки из мягкого, светлого полотна, жилетки с короткими рукавами, свободные черные штаны, длиной чуть ниже колен с симпатичными застёжками, и башмаки из мягкой серой кожи.

Потом они пошли в порт и осмотрели корабли. «Иазилисса» сразу же привлекла их внимание. Корабль был более ста шагов в длину, на нем имелась большая палубная надстройка, а нижняя палуба могла вместить много пассажиров. В чрево корабля многочисленные лебедки загружали тюки с товарами.

Пройдя по трапу, они сразу же нашли капитана, который уверил их, что корабль отправляется через три дня, зайдет в порты Грени и Хорасин, а затем через Паг Кахан двинется в Верводеи, что в Кате; это путешествие должно было занять от пятидесяти до шестидесяти дней.

На вопрос о каютах первого класса Рейт получил ответ, что они все уже заняты, как и каюты нижней палубы, кроме одной. Но они могли бы разместиться в верхних каютах палубной надстройки, которые нельзя было назвать неудобными, разве что в случае экваториальных дождей; и тут же заметил, что последние случались довольно часто.

— Нет, эти каюты нам не подходят, — заявил Рейт. — Нам нужны, по меньшей мере, четыре каюты второго класса.

— Я не могу вам их предложить, разве что кто-нибудь откажется от заказа. Такое иногда бывает.

— Хорошо. Мое имя Адам Рейт, и меня можно найти в гостинице «Большой Континент».

— Адам Рейт? — удивленно спросил капитан. — Но ведь ты уже записан со своей группой в пассажирском списке.

— Однако мы только сегодня утром прибыли в Коад.

— Около часа назад на борт поднялась пара йао — кавалер со знатной дамой. Они заказали каюты для Адама Рейта: большие апарт-таменты в палубной надстройке с двумя каютами и салоном, а также размещение еще для трех человек. Я требую оплаты. Они сказали, что придет Адам Рейт и заплатит за места на корабле. Плата составляет две тысячи триста секвинов. Ты Адам Рейт?

— Да, это я. Но я не буду платить две тысячи триста секвинов, и если речь идет обо мне, то я отказываюсь от заказа.

— Что за глупости? — резко спросил капитан. — Я не собираюсь выслушивать весь этот бред.

— А я не собираюсь пересекать океан Драшаду под дождем, — ответил Рейт. — Если ты хочешь возместить убытки, попробуй найти этого йао.

— Это бессмысленно, — пробормотал капитан. — Ладно, оставим это. Если вас устроят условия с меньшим комфортом, попытайтесь попасть на «Варгаз», он стоит напротив. Через день он отходит на Кат, и вы наверняка сможете найти там каюты.

— Спасибо тебе за помощь.

Рейт и его спутники отправились на «Варгаз», приземистый корабль с длинным бушпритом. Между мачтами был натянут трос, на котором висели фонари. На провисших парусах виднелось несколько свежих заплат.

Рейт с сомнением осмотрел корабль, затем, пожав плечами, поднялся на борт. В тени палубной надстройки за столом, заваленным бумагами, сидели два человека; между ними лежали письменные принадлежности и стоял кувшин с вином. Наиболее заметный из них был по пояс обнаженным, и его грудь покрывали густые курчавые черные жесткие волосы. Кожа его была коричневой, лицо маленьким, круглым и неподвижным. Другой был очень худым человеком, одетым в широкую белую тунику, поверх которой был надет желтый жилет, повторявший цвет его кожи; длинные усы грустно свисали по обе стороны рта. На бедре у него висела кривая сабля. Рейту они показали двумя негодьями.

— Что ты хочешь? — спросил маленький, коренастый.

— Я хотел бы как можно скорее отправиться в Кат, — сказал Рейт.

— Не самое дешевое желание. Я сразу покажу тебе, что могу предложить.

Рейт заплатил за две каюты: одну для Юлин—Юлан, другую, побольше, для себя, Треза и Анахо. Помещения были узкими, с плохой вентиляцией. Но это был не худший вариант.

— Когда ты отчаливаешь? — спросил он капитана.

— Завтра к обеду, с приливом. Но утром будьте, пожалуйста, на борту. Я пунктуален.

Они возвратились по кривым улочкам обратно в гостиницу. Ни Цветка, ни Дордолио еще не было. Лишь к вечеру они прибыли на паланкине, а за ними трое носильщиков несли множество пакетов и тюков. Дордолио вышел из носилок и помог выйти Юлин—Юлан. Носильщики паланкина во главе со старшим носильщиком проследовали за ними в гостиницу.

Юлин—Юлан была одета в очень красивое платье из темно—зеле—

ного шелка с темно-синим корсажем. Восхитительная шапочка из блестящей хрустальной сеточки покрывала ее голову. Увидев Рейта, она смутилась, затем, обернувшись к Дордолио, перемолвилась с ним несколькими словами. Тот расправил широким жестом свои золотистые усы и длинными шагами подошел к Рейту, Анахо и Трезу.

— Все прекрасно,— сообщил он.— Я заказал для всех места на борту «Иазилиссы». Этот корабль имеет отменную репутацию.

— Я боюсь, что ты понес ненужные издержки,— ответил Рейт,— поскольку я нашел другую возможность добраться до Ката.

Дордолио ошеломленно отступил на шаг.

— Но ты предварительно должен был поговорить со мной.

— Для этого я не видел никаких оснований,— сухо заметил Рейт.

— На каком же корабле вы собираетесь плыть?

— На «Варгазе».

— На «Варгазе»? Но это же плавучий свинарник! Я не имею никакого желания плыть на этом корабле!

— Это совершенно не обязательно. Ведь ты же заказал места на «Иазилиссе».

Дордолио теребил свою бороду.

— Принцесса Голубых Йадов в любом случае предпочтет этот корабль, так как там имеются самые изысканные условия для путешествия.

— Ты, наверное, очень богат и потому так щедр, если хочешь подыскать для такой большой группы одинаково изысканные условия.

— Я сделал только то, что было в моих силах,— ответил Дордолио.— В твоём распоряжении находятся деньги всей группы, и поэтому капитан предъявит тебе счет.

— Ни в коем случае. Я уже заплатил за «Варгаз».

Дордолио с отвращением присвистнул.

— Какая ужасная ситуация!

Тут подошли носильщики и старший паланкина и поклонились Рейту.— Разреши представить тебе счет,— сказал один из них.

Рейт удивленно поднял брови. Этот Дордолио оказался невероятно наглым.

— Конечно, почему бы и нет? Только предъявите его, пожалуйста, тому, кто пользовался вашими услугами.

Он встал, прошел к комнате Юлин—Юлан и постучал в дверь. Он услышал за дверью какое-то движение и заметил, что она наблюдает за ним через глазок. Верхняя половинка дверей на самую малость приоткрылась.

— Можно мне войти? — попросил Рейт.

— Но я сейчас как раз переодеваюсь.

— Раньше с этим не возникало никаких проблем.

Дверь открылась. Рейт вошел, а Юлин—Юлан недовольно продол-

жала стоять. Везде лежали свертки; некоторые из них были открыты и в них виднелись одежда и кожаные изделия, легкая обувь, вязанные лифчики, филигранные головные украшения и тому подобное. Рейт удивленно осмотрелся.

— Однако твой друг слишком щедр,— заметил он.

Цветок, кусая губы, наконец выдавила из себя:

— Эти мелочи необходимы мне для возвращения домой,— высокомерно объяснила она.— Я не желаю прибыть в Верводеи, как посудомойка.

Такого высокомерия Рейту в ней видеть еще не приходилось, хотя в последнее время она часто подчеркивала свое превосходство.

— Это дорожные издержки. Пожалуйста, запиши все, чтобы мой отец смог это оплатить для твоего полного удовлетворения.

— Ты ставишь меня в очень сложное положение,— сказал Рейт,— и я несомненно потеряю чувство собственного достоинства. Если я заплачу, то буду полным дураком. Если же я не заплачу, ты скажешь, что я скряга. Мне кажется, что ты могла бы действовать более тактично.

— Вопрос такта не возникал вообще, потому что я желаю иметь все эти вещи. Именно поэтому я приказала принести все их сюда.

Рейт скорчил гримасу.

— Я не хочу спорить. Я пришел, чтобы сказать тебе следующее. Я заказал места до Ката на корабле «Варгаз», и мы завтра отправляемся. Это простой корабль, и для него хватит простых платьев.

Цветок непонимающе уставилась на него.

— Но Дворянин Золота и Карнеола заказал места на «Йазилиссе!»

— Если он желает плыть на том корабле, то пускай плывет, если он, конечно, в состоянии оплатить проезд. Я только что ему объяснил, что ни паланкина, ни проезда до Ката, ни... этих роскошных вещей оплачивать на собираюсь, так как он тебе их наверняка навязал.

Юлин—Юлан покраснела от гнева.

— Я никогда не думала, что ты можешь быть таким жадным.

— Альтернатива еще хуже. Дордолио...

— Это его имя могут употреблять только друзья,— ворчливо сказала Юлин—Юлан.— Так что, пользуйся лучше его военным именем или формальным титулом: Дворянин Золота и Карнеола.

— Как бы там ни было, наш корабль завтра отплывает. Ты сама можешь выбирать, пойдешь ли ты с нами или останешься в Коаде.

Рейт вернулся к остальным в холл. Старший паланкина и другие носильщики уже ушли. Дордолио стоял на центральной веранде. Украшенных драгоценными камнями пряжек на его штанах уже не было.

Глава 3

Тихоходный парусник «Варгаз» с высокой узкой носовой частью и с неприступными бортами гордо покачивался на своей якорной стоянке. Как и все на Чае, каждая мелочь на корабле была утрирована и специально подчеркивалась. Кривая линия корабельного корпуса была украшена искусственными цветами, бушприт смотрел в небо, паруса были украшены «пестрыми художественными» заплатками.

Цветок Ката вместе с Рейтом, Трезом и Анахо молчаливо поднялась на борт корабля, и носильщик всего лишь на одной ручной тележке доставил весь их багаж.

Через полчаса на причале появился и Дордолио. Несколько минут он рассматривал корабль, затем поспешил к трапу. После недолгих переговоров с капитаном он бросил на стол кошелек с деньгами. Капитан мрачно рассматривал его из-под густых черных бровей, и трудно было понять, о чем он думает. Затем он открыл кошелек и пересчитал секвины, однако, нашел их количество недостаточным, о чем и сообщил Дордолио. Тот хмуро полез в карман, нашел требуемую сумму, и капитан пальцем показал ему на кормовую надстройку.

Дордолио подергал себя за бороду, посмотрел на небо, подошел к трапу и кивнул двум носильщикам, затащившим его багаж на борт. Затем он изобразил перед Цветком Ката церемониальный поклон, отошел дальше к поручням и принялся рассеянно смотреть на океан.

На борт поднялись и пять других пассажиров: маленький толстый купец в темно-сером кафтане и высокой цилиндрической шляпе; мужчина с Облачных Островов с женой и двумя дочерьми — свежими, изящными девушками с бледной кожей и ярко-рыжими волосами.

За час до обеда был поднят якорь, и «Варгаз» вышел из порта. Крыши Коада постепенно превратились в темно-серые призмы, поставленные у подножия холмов. Команда поставила паруса, раскатала канаты и установила на носу корабля примитивную пушку стволом вверх, так что казалось, будто из нее сейчас станут палить салют.

Рейт обратился к Анахо:

— Чего они опасаются? Пиратов?

— Это лишь мера предосторожности, — ответил ему дирдир-человек. — Пока на корабле видна пушка, пираты предпочитают держаться на почтительном расстоянии. Нам нечего бояться. На Драшдаде они появляются довольно редко. Что же касается питания, то тут я допускаю значительный риск. Но капитан производит впечатление человека, любящего хорошую жизнь, так что и в этом отношении можно успокоиться.

Корабль гордо плыл через океан. Было душно. Дван Жер спокойно переливал свои воды цветами сверкающего жемчуга. Берег постепенно исчез на севере. Других кораблей не было видно. Солнце

опустилось в облака, и закат заиграл чудными красками, от черно-синих до янтарных тонов, и вместе с этим подул легкий бриз, под которым за бортом тихо плескалась вода.

Ужин был прост, но очень вкусен. Всем подали ломтики сушеного мяса с пряностями, салат из сырых овощей, паштет из насекомых, маринованные овощи и мягкое белое вино в зеленых пузатых стаканах. Пассажиры ели молча. Незнакомые на Чае всегда относились друг к другу с подозрением и поэтому вели себя сдержанно. Только капитан совершенно не чувствовал себя скованным. Он от души ел и пил, развлекая общество анекдотами и историями о своих предыдущих путешествиях и пытаясь угадать цель путешествия каждого из пассажиров. Его доброжелательность заметно разрядила ситуацию. Юлин-Юлан ела мало. Она рассматривала обеих девушек с ярко-рыжими волосами и была явно удручена, увидев, что их изящество всех привлекало. Дордолио сидел несколько в стороне и обращал мало внимания на общественного капитана, хотя и сам время от времени поглядывал на обеих девушек и незаметно теребил свои усы.

После ужина он увел Юлин-Юлан на нос корабля, где они наблюдали за светящимися морскими угрями. Остальные же расселись на скамейках высокой верхней палубы и негромко разговаривали. В это время появились розовый Эз и голубой Брез; один следовал прямо за другим, прокладывая по воде двойной след.

Пассажиры постепенно расходились по своим каютам, и вскоре бодрствовать остались лишь рулевой да впередсмотрящий.

Проходили дни; утренние часы, как правило, были холодными, и над водой висела перламутровая дымка. Дни прогревались висящим в зените солнцем Карины 4269; предвечерние часы растворялись в золотистом безветрии, а ночи были тихими.

Корабль ненадолго останавливался в двух портах; в общем—то это были просто деревни, упавшие в листве огромных серо-зеленых деревьев. Здесь «Варгаз» выгрузил кожи, металлические инструменты и приборы, чтобы взять на борт мешки с орехами и сушеными фруктами, черное дерево и большое количество великолепных бутон роз.

Когда они покинули побережье Хорасина, корабль вышел в открытый Драшада и, взяв курс на восток, поплыл точно вдоль экватора. Таким образом можно было использовать все попутные и встречные течения и одновременно в стороне оставить все штормовые зоны как на севере, так и на юге. Ветры дули мягкие, и корабль лениво покачивался на плавных, почти незаметных волнах.

Почти все время пассажиры проводили за играми. ярко-рыжие девушки Хейзари и Эдве любили соревноваться в набрасывании колец на стержень и подтрунивали над Трезом до тех пор, пока он тоже не принял участие в игре.

Рейт научил их играть в наперстки, что привело их в восторг. Пало Барба, отец девушек, был учителем фехтования. Он каждый день по часу фехтовал с Дордолио. Дордолио выполнял эти упражнения раздетым до пояса, и его черные волосы были завязаны черной лентой. Дордолио фехтовал, словно для шоу, красиво работая ногами и издавая отрывистые выкрики. Пало Барба делал это не так изящно, больше внимания уделяя технике фехтования. При случае Рейт всегда наблюдал за этими поединками и однажды даже принял приглашение Пало Барбы сразиться с ним. Рейту казалось, что клинки слишком длинные и гибкие, но, тем не менее, держался он великолепно. Дордолио, наблюдая за их поединком, делился с Юлин-Юлан критическими замечаниями. Трез, услышавший отрывок их разговора, передал Рейту, что кавалер счел его технику боя наивной и эксцентричной.

На что Рейт только пожал плечами и улыбнулся. Такой человек, как Дордолио, не мог воспринимать его всерьез.

Два или три раза вдали появлялись паруса, а однажды они заметили длинную черную моторную яхту, которая как раз меняла курс. Рейт рассмотрел корабль в сканоскоп. Десяток высоких желтокожих людей в черных тюрбанах смотрели в его сторону. Он сообщил об этом капитану.

— Это всего лишь пираты. Оставьте их в покое, слишком большой риск, — ответил тот.

Большая яхта шла какое-то время в миле к югу от них, затем снова изменила курс и исчезла в юго-западном направлении.

Через два дня по курсу появился остров, побережье которого полностью было покрыто высокими деревьями.

— Это Гозед, — ответил капитан на вопрос Рейта. — Здесь мы, видимо, на один или два дня станем на якорь. Ты еще не бывал в Гозеде?

— Нет, еще не был.

— Тогда ты сразу можешь настраиваться на неожиданности. Но, с другой стороны... Ну, в общем, наверное нет. Я не могу говорить об этом, так как не знаю нравов этой страны. Возможно, тебе они тоже неизвестны. Я слышал, что ты потерял память?

Рейт пожал плечами.

— Я никогда не ставлю под сомнение мнения других людей.

— В общем, это очень странный обычай, — заявил капитан. — Но ты понимаешь, я не могу догадаться, в какой стране ты родился. Твой вид кажется мне слишком необычным.

— Я путешественник, — заявил Рейт. — Если тебе угодно — кочевник.

— Для путешественника ты иногда знаешь слишком мало. Ну, да

ладно. Во всяком случае сейчас перед нами то, что называется Гозедом.

Остров темной массой возвышался перед ними. В сканоскоп Рейт рассмотрел побережье, где на высоких деревянных сваях стояли хижины. Под ними был голый, чисто подметенный и разрыхленный песок. Дирдир—человек тоже посмотрел на деревню в сканоскоп.

— Именно то, что я себе и представлял,— сказал он.

— Значит, ты знаешь Гозед? Капитан представил эту деревню чем-то таинственным.

— В ней нет ничего таинственного. Люди этого острова чрезвычайно религиозны и поклоняются живущим в этих водах морским скорпионам. Говорят, что эти твари по меньшей мере такого же размера, как люди, а может, и того больше.

— А почему хижины построены на таких высоких столбах?

— Ночью морские скорпионы выходят на берег, чтобы отложить яйца. Но яйца они откладывают под кожу какого-нибудь животного. Иногда для этого они используют тело женщины, специально для этого остающейся на пляже. В теле этого животного яйца расклевываются, и вылупившаяся личинка начинает жрать «Мать богов». В последней стадии, когда боль и религиозный экстаз приводят к странному психологическому состоянию, «Мать» мчит к берегу и бросается в воду.

— Не очень гуманная религия.

Анахо добавил:

— Но народу Гозеда она кажется очень даже подходящей. Они могут, если захотят, в любое время ввести у себя любую другую религию. Но полулюди известны тем, что их очень привлекают подобные сумасшествия.

Рейт не удержался и засмеялся. Анахо с удивлением уставился на него.

— Могу ли я узнать, что тебя так развеселило?

— Мне кажется, что отношение дирдир—людей к дирдирам очень похоже на отношение народа Гозеда к своим скорпионам.

— Я не вижу здесь аналогии,— обиженно сказал Анахо.

— О, ну это же элементарно. Оба являются жертвами нечеловеческих существ, использующих людей в своих целях.

— Ба! — воскликнул Анахо.— Иногда ты кажешься мне самым большим глупцом из всех существующих.

Он резко отвернулся и стал смотреть на море. Но Рейт знал, что Анахо иногда мучило неосознанное и неприятное чувство.

Корабль осторожно подошел к усыпанному ракушками выступу скалы и бросил якорь. Капитан отправился в шлюпку на остров. Пассажиры видели, как он разговаривал с группой мужчин со строгими лицами и белой кожей; с головы до пят они были абсолютно голыми.

Достигнув соглашения с островитянами, капитан возвратился обратно на корабль. Через полчаса к судну подошли два лихтера. Заработала лебедка. На борт подняли тюки с шерстью и бухты канатов, другие же тюки и ящики перегрузили в лихтеры, и уже через два часа после прибытия в Гозед корабль поднял якорь и отправился дальше.

После ужина пассажиры сидели на палубе возле кормовой надстройки и разговаривали под фонарем о жителях Гозеда и об их религии. Вал Дал Барба, жена Пало Барбы и мать Хейзари и Эдва, считала весь этот ритуал несправедливым.

— Почему на пляж не идут мужчины и не становятся «Отцами богов»?

Капитан засмеялся:

— Мне кажется, что такая честь все-таки должна сохраняться за дамами.

— В Мургане такого бы не произошло, — заявил купец. — Мы отчисляем священникам высокий налог, и они берут на себя всю ответственность за удовлетворение божеств. И нам совершенно не нужно переживать подобных неудобств.

— Эта система ничуть не хуже всех остальных, — высказал мысль Пало Барба. — В этом году мы присоединились к Пансогматическому Гнозису. Эта религия при всем прочем не забывает и о себе.

— Во всяком случае, мне она нравится больше, чем Тутелания, — сказала Эдва. — Нужно лишь продекламировать священные стихи, и на целый день ты свободна.

— Тутелания была беспросветной скукой, — добавила Хейзари. — Все время нужно было что-то учить наизусть! А эти ужасные собрания душ! Мне тоже Пансогматический Гнозис нравится больше.

Дордолио высокомерно засмеялся.

— Значит, вы предпочитаете не определяться с религией раз и навсегда? Должен сказать, что я и сам склоняюсь к этому направлению. Доктрина Иао ведь тоже является верованием до определенной степени. Или, другими словами, внутри общества каждый имеет возможность определить так, чтобы следуя циклу, смог полностью испытать всю теопатию в полном объеме.

Анахо все еще никак не мог окончательно успокоиться от сравнения Рейта и посмотрел на палубу.

— Ну, а что думает по этому поводу Адам Рейт, выдающийся этнолог? Какие теософические воззрения он может нам изложить?

— Никаких, — ответил Рейт. — Или, в лучшем случае, очень скудные. Мне кажется, что человек и его религия — это одно и то же. В жизни всегда имеют место неизвестное и непонятное. Каждый человек проецирует на белый экран черты собственного мировоззрения. Свое происхождение он осмысливает, исходя из своего собственного поведения и волеизъявления. Верующий человек, излагая свою ре-

лигию, объясняет, по сути дела, самого себя. Если же ему возражает фанатик, он чувствует себя обиженным во всем своем существовании и реагирует очень резко.

— Интересно, — заявил толстый купец. — А атеист?

— Он может не проецировать картины. Он воспринимает космические тайны такими, какими они есть и не видит необходимости надеть на них более или менее человеческую маску. В остальном же, конечно, отношения между человеком и образом, в который он облачает неизвестное, чтобы было удобнее манипулировать, весьма показательны.

Капитан поднял бокал с вином, посмотрел на него и выпил до дна.

— Может, ты и прав, — сказал он. — Но никто из-за этого переделывать себя не будет. Я познакомился с массой людей. Я ходил под башнями дирдиров, бродил по садам синих кешей и знаю города вонков. Я знаю эти народы и их человеческих союзников. Я объездил все шесть континентов Чая. Я подружился с тысячами людей, любил тысячи женщин, убил тысячи врагов. Я знаю йао, бинтов, валалукианцев, шемолеев, степных кочевников, маршевых людей, островитян, каннибалов из Раха и Кослована. Я вижу их отличия и схожесть. Все в своем существовании стремятся получить как можно больше выгод, но, в конце концов, все умирают. А уже там никто не может быть лучше другого. Мой собственный бог? Это добрый старый «Варгаз»! Конечно, Адаму Рейту известно, что мой корабль — это я сам. Если мой корабль со стоном и скрипом борется со штормом, я страдаю вместе с ним и скриплю зубами. Если мы скользим по спокойному морю под розовой и голубой луной, я играю на флейте и надеваю на голову красную повязку. Я и мой корабль — мы служим друг другу. И если в один прекрасный день «Варгаз» пойдет на дно, я утону вместе с ним.

— Bravo! — воскликнул Пало Барба — человек шпаги, который, впрочем, выпил слишком много вина. — Я тоже в это верю!

Он высоко поднял меч, так что свет фонаря отражался на стальном лезвии.

— То, что для капитана представляет корабль, для меня — вот этот меч.

— Отец! — воскликнула его дочь Эдва. — А мы тебя всегда считали рассудительным пансогматиком!

— Пожалуйста, убери отсюда меч, — сказала Вал Дал Барба, — иначе в своем воодушевлении ты отрубишь кому-нибудь ухо.

— Что? Я? Старый опытный фехтовальщик? Каким образом? Ну, хорошо, если ты так считаешь... Я отложу меч, чтобы выпить следующий стакан вина.

Таким образом они разговаривали еще долго. Дордолио прошелся по палубе и подошел к Рейту.

— Меня удивляет, — снисходительно произнес он, — что кочевник может так изысканно и точно выражать свои мысли.

Рейт улыбнулся Трезу.

— Кочевники не обязательно должны быть дураками.

— Ты меня удивляешь. В какой степи твоя родина? К какому племени ты принадлежишь? — спросил Дордолио.

— Моя степь находится очень далеко. А племя мое рассеяно во всех направлениях.

Дордолио задумчиво подергал себя за усы.

— Дирдир — человек уверен, что ты страдаешь потерей памяти. А Принцессе Голубых Йадов ты рассказывал, что ты, будто бы, человек с другой планеты. Молодой кочевник, который знает тебя лучше всех, молчит. А я, между прочим, очень любопытен.

— Значит, у тебя активный дух, — заметил Рейт.

— Да, конечно. Я хочу задать тебе абсурдный вопрос. Считаешь ли ты себя сам человеком с другой планеты?

Рейт засмеялся.

— Здесь для ответа имеются четыре возможности. Если я действительно с другой планеты, то я могу сказать «да» или «нет». То же самое я могу сказать, если я не прилетел с другой планеты. В первом случае могут возникнуть неприятности, во втором — затрагивается мое достоинство, в третьем — это просто глупость, а в четвертом — могла бы возникнуть такая ситуация, которую ты сам счел бы ненормальной. Так что вопрос, как ты сам выразился, абсурдный.

Дордолио сердито теребил бороду.

— Значит, ты принадлежишь к Культе? Это мое предположение.

— Кажется, нет. Но о каком Культе ты говоришь?

— О Культе Кающихся Беглецов, разрушившем два наших прекрасных города.

— Я склоняюсь все-таки к мысли, что это сделала какая-нибудь другая сила.

— Все равно. В любом случае, нападение было вызвано Культом.

Рейт покачал головой.

— Мне это непонятно. Враги разрушают ваши города, но ваше негодование и горечь направляются не против этих врагов, а против довольно серьезных и рассудительных представителей вашего же собственного народа. Мне кажется, что вы идете на поводу эмоций. Я ничего не знаю о вашем Культе. Но что касается места моего рождения — тут я предпочитаю потерю памяти.

— Но тем не менее, ты всегда придерживался четко определяемых мнений.

— Ну ладно. Что бы ты сказал, если бы я стал утверждать, что я действительно прибыл с далеких планет?

Дордолио сжал губы и посмотрел вверх на фонарь.

— Об этом я еще не думал. Во всяком случае, это страшная идея: старая планета с людьми.

— Почему же страшная?

Дордолио неуверенно засмеялся.

— У человечества есть плохая сторона, которая похожа на камень, спрессованный в определенную форму. Верхняя часть, направленная к солнцу и обдуваемая воздухом, чистая. Но если под него заглянуть, то там оказывается грязь, копошатся насекомые... Мы, урожденные йао, знаем это очень хорошо. Ничто не сможет завершить *Эвайлию*. Но хватит об этом! Ты действительно решил ехать с нами в Кат? Что ты собираешься там делать?

— Я еще не знаю. Должен же я где-нибудь жить. Почему бы и не в Кате?

— Для чужестранца это не так уж просто. Самое сложное, это найти связи в одном из дворцов.

— Странно, что это говоришь ты. Цветок Ката заявила, что ее отец с благодарностью пригласит нас во Дворец Голубых Йадов.

— Конечно, он окажет вам вежливый и достойный прием, но поселиться во дворце вам удастся так же и с такой же гарантией, как и на дне Драшады, если бы какая-нибудь рыбка пригласила вас туда погостить.

— Ну, а все-таки, что мне могло бы в этом помешать?

— Ну во-первых, никто не захочет, чтобы из него делали дурака. Положение — это в жизни все. Но что может кочевник знать о положении в обществе?!

Рейт на это ничего не ответил.

— Жизнь Кавалера сопровождают тысячи вещей, — продолжал Дордолио. — В Академии нас учили формам обращения, постановке речи и обходительности, в чем я, к сожалению, не особенно блистал. Мы изучали фехтование, теорию и практику дуэлей, генеалогию и геральдику, а также украшение одежды и сотни других вещей. Возможно, ты считаешь все это несущественным или утрированным?

— Тривиальным. Это было бы подходящим словом, — вставил Анахо.

Рейт ожидал холодного ответа, но Дордолио лишь безразлично пожал плечами.

— А что, твоя жизнь более значительна? Или этого купца? Фехтовальщика? Не забывай, что йао — это раса пессимистов. *Эвайлия* — это постоянная угроза. Возможно, мы еще более мрачные, чем кажемся. Мы видим всю незначительность существования, но именно поэтому совершенно умышленно раздуваем малейшие искры жизненной силы, пытаемся из всего происходящего взять самое лучшее лишь потому, что живем формами. Тривиальность? Упадничество? Но кто может жить лучше?

— Все это прекрасно, — ответил Рейт, — но почему же обязательно надо биться в пессимизме? Почему бы не расширить горизонт? Мне кажется, что вы воспринимаете разрушение ваших собственных городов с удивительным равнодушием. Мечь — это, конечно, не самая благородная реакция. Но бездейственная подчиненность судьбе — это намного хуже.

— Ба! Как варвар вообще может понять несчастье со всеми его последствиями? Многие отчаявшиеся находили выход в *Эвайлии*. Несчастье стоило нашей стране больших усилий. Для других целей не хватало энергии. Если бы ты принадлежал к более высокой касте, я должен был бы вырвать из твоей груди сердце, так как такое обвинение — невиданная наглость!

Рейт засмеялся.

— Хорошо, что моя низкая каста меня от этого оберегает! Но теперь я хочу задать тебе другой вопрос: Что такое *Эвайлия*?

Дордолио всплеснул руками.

— Потеря памяти... и быть при этом еще и варваром... Нет, я не могу с тобой разговаривать. Спроси-ка лучше этого дирдиры-человека. У него достаточно познаний.

И он сердито удалился.

— Почему он так обиделся? — спросил Рейт.

— Ему стыдно, — предположил Анахо. — Йао настолько же восприимчивы к стыду, как глаз к песчинке. Тайнственные враги разрушают их города. Они считают, что это сделали дирдиры, но громко они говорить об этом не могут, и поэтому у них остается только беспомощная злость. Да еще и стыд. И это делает их приверженцами *Эвайлии*.

— Но что же это все-таки такое?

— Убийство. Каждый, кто испытывает чувство стыда, убивает столько людей, сколько он в состоянии убить, независимо от пола, возраста, степени родства. Если он никого больше убить не может, он покоряется и впадает в апатию. Его ждет ужасное наказание, и оно очень драматично. Но весь народ празднует это наказание и стремится на место казни. Такая казнь имеет определенный стиль, а именно: создается впечатление, что жертва наслаждается позором и болью. Такая традиция во многом определяет жизнь Ката. На этом основании дирдиры считают всех полулюдей сумасшедшими.

— Значит, предпринимая поездку в Кат, мы рискуем быть там убитыми, — проворчал Рейт.

— Риск ограничен, а в нормальных условиях он вообще не ставится под вопрос... — Он глянул на палубу. — Однако мне кажется, что время уже позднее.

Он пожелал Рейту спокойной ночи и отправился спать.

Рейт остался на палубе и смотрел на море. После кровавого месива

в Пере Кат представлялся ему пристанью спокойствия, цивилизованным острожком, на котором ему удалось бы построить свой космический корабль. Но эта надежда становилась все более призрачной.

Кто-то остановился рядом с ним. Это была Хейзари, старшая из двух сестер с ярко-рыжими волосами.

— Кажется, тебя что-то угнетает. Чем ты обеспокоен? — спросила она.

Рейт повернул голову и взглянул прямо на светлый овал ее лица. Оно светилось невинным кокетством. Девушка была действительно восхитительной.

— Почему ты еще не в кровати, как твоя сестра Эдва? — поинтересовался он.

— О, это очень просто. Она тоже еще не в кровати, а сидит с твоим другом Трезом на верхней палубе и дразнит и мучает его. Она намного опаснее меня.

«Бедный Трез», — подумал Рейт.

— И твои родители спокойно к этому относятся? — спросил он.

— А чего им волноваться? Когда они были молодыми, то делали то же самое. Тогда это был их прекрасный мир, теперь же он наш.

— Нравы меняются точно также, как и времена. Знаешь ли ты это?

— Что с тобой? А какие нравы у твоего народа?

— Слишком многообразные и сложные.

— У обитателей Облачных Островов тоже, — ответила Хейзари и придвинулась к нему поближе. — Мы тоже не влюбляемся автоматически. У каждого человека время от времени может быть необычное и странное настроение. Но это же закон природы, ведь правда?

— Насчет этого я спорить не могу, — со смехом сказал Рейт и, последовав закону природы, поцеловал пикантное личико. — Но, дитя мое, мне бы не хотелось вызвать гнев твоего отца. Он великолепный фехтовальщик.

— О, в этом отношении тебе совершенно нечего бояться. Если необходимо его разрешение, — я думаю, что он еще не спит.

— Но я даже не знаю, о чем мне нужно его просить. Ну, а если точно прикинуть...

Оба скользнули вперед и по ступенькам поднялись на верхнюю палубу. Эз висел низко на западе и окрашивал воду в аметистовый цвет. Девушка с ярко-рыжими волосами, пурпурно-красные губы, сказочный корабль в далеком океане — мог ли он от этого отказаться, если бы взамен смог вернуться на Землю? Конечно, он бы вернулся! Но зачем же отказываться от очарования момента?

Он поцеловал девушку уже более страстно, чем прежде. Вдруг из темноты появилась какая-то тень и быстро скрылась. Рейт узнал Юлин-Юлан — Цветок Ката. Очарование пропало. Со смешанным чувством вины он посмотрел ей вслед. Но почему он должен чувст-

воват себя виновным? Уже давно она дала ему понять, что прежние отношения прекратились. Поэтому Рейт со спокойной душой снова повернулся к девушке с ярко-рыжими волосами.

Глава 4

Наступил безветренный рассвет. На небе, бежевом и светло-сером на горизонте и бледным, серо-голубом в зените, взошло солнце.

На завтрак, как и всегда, подали грубый хлеб, соленую рыбу, ма-ринованные фрукты и горький чай. Все молча ели, и каждый был занят собственными мыслями.

Цветок Ката пришла последней. Она тихонько проскользнула в салон, вежливо улыбнулась, кивнув направо и налево. Ела она, словно во сне. Дордолио встревоженно за ней наблюдал.

С палубы в салон вошел капитан.

— День полного штиля, — объявил он. — Вечером будет гроза. А завтра? Не имею ни малейшего представления. Надеюсь, что дождя не будет.

Рейт был немного раздражен, хотя и старался вести себя как обычно. Ведь повода для упреков не было. Сам он ничего не менял. Ведь это Юлин-Юлан изменилась и стала совершенно другой. Собственно, даже во время их самых близких отношений она оставляла часть себя только для себя: особа, разыгрывавшая спектакль одного из множества своих имен. Рейт попытался о ней не думать.

Юлин-Юлан не стала задерживаться в салоне и сразу же, окончив завтрак, вышла на палубу. Дордолио последовал за ней, они облоко-тились на перила, и девушка принялась ему что-то горячо объяснять. Дордолио теребил свою бороду и только изредка вставлял слово.

Вдруг один из моряков что-то крикнул и показал на воду. Рейт увидел темный плывущий силуэт, очень похожий на человеческий, с маленькой головой и узкими плечами. Фигура снова нырнула и исчезла. Анахо объяснил, что это, скорее всего, был пнум.

— Так далеко от суши? — спросил Рейт.

— А почему бы и нет? Они сделаны из того же теста, что и фанги. А кто сможет заставить фанга отвечать за свои поступки?

— А что же он делает среди океана?

— Наверное, ночью он всплывает на поверхность, чтобы полюбо-ваться лунами, — связвил Анахо.

Утро перешло в день. Трез с двумя девушками соревновался в меткости, бросая кольцо, купец углубился в чтение переплетенной в кожу книги. Пало Барба и Дордолио упражнялись в фехтовании. Вскоре Пало Барбе это надоело, и Дордолио с силой взмахнул своим

клинком, так что тот засвистел в воздухе. Показалась Юлин—Юлан и села на один из люков, а Дордолио подошел к Рейту.

— Иди сюда, кочевник. Возьми клинок и покажи, как сражаются на шпагах в твоей родной степи.

— Тебе придется меня извинить, но у меня сейчас нет для этого желания.

— Адам Рейт, ты должен фехтовать,— крикнула Юлин—Юлан.— Иначе ты разочаруешь нас всех.

Рейт посмотрел на Цветок; она еле сдерживалась, и дрожащее от переполнявших ее чувств лицо принадлежало совсем не той девушке, которую он знал в Пере. Он видел перед собой совершенно незнакомого человека.

Рейт повернулся к Дордолио, которого наверняка подговорила Цветок. В любом случае то, что они задумали, не входило в планы Рейта.

— Оставь человека в покое,— обратился Пало Барба к Дордолио.— Я с удовольствием потренируюсь с тобой еще, чтобы ты смог выполнить все упражнения, которые тебе необходимы.

— Нет. Я хочу сразиться с этим парнем,— ответил тот.— Его манеры настолько высокомерны, что он заслуживает наказания.

— Если ты таким образом желаешь разрешить спор, то это, конечно, твое дело,— холодно произнес Пало Барба.

— Это не спор,— надменно заявил Дордолио.— Это демонстрация. Кажется, этот парень решил, что можно равнять высшую касту Ката с обычной сволочью. Я собираюсь дать ему понять, что такие вещи нужно уметь различать.

Рейт устало встал.

— Ну хорошо. Как же ты хочешь это продемонстрировать?

— Шпагой или мечом, как тебе угодно. Так как тебе не ведомы формы обращения кавалеров, для сигнала хватит простого слова «вперед».

— А «стоп»?

Дордолио презрительно улыбнулся.

— Если этого потребуют обстоятельства.

— Ну, хорошо.

Рейт повернулся к Пало Барбе.

— Можно я посмотрю твое оружие?

Пало Барба сразу же открыл свой ящик, и Рейт выбрал два коротких легких клинка.

Дордолио недоверчиво вскинул брови.

— Детские игрушки! Они годятся только для тренировок маленьких детей.

Рейт бросил один из клинков сопернику.

— Мне они нравятся. Если тебе они не подходят, выбери себе что-нибудь более подходящее.

С ворчанием Дордолио взял легкую шпагу.

— В нем не чувствуется жизни! Он не звенит, он...

Рейт поднял свой клинок и им надвинул на глаза Дордолио его шапку.

— Вот видишь, и им можно кое-что сделать.

Без всякого комментария Дордолио снял шапку, а также отстегнул манжеты белой шелковой блузы.

— Ты готов? — высокомерно спросил он.

— Да, если и ты приготовился.

Кавалер махнул своей шпагой в утрированном, с издевкой, салюте и поклонился зрителям направо и налево. Рейт отошел на шаг.

— Я думаю, — сказал он, — что ты собираешься отказаться от церемоний.

На это Дордолио только насмешливо скривил рот и сделал выпад, готовясь к атаке. Рейт легко парировал, заставил Дордолио несколько ретироваться и зацепил одну из застежек, поддерживавших его штаны.

Дордолио отскочил и вновь бросился в атаку. Но теперь его физиномия стала мрачной. Он пытался пробиться сквозь защиту Рейта, стараясь то там, то здесь нанести укол и, наконец, сделал резкий выпад, думая, что Рейт действительно настолько неопытен, насколько он это хотел показать. Но тот успел увернуться в сторону, так что клинок Дордолио попал лишь в воздух. И тут Рейт резко опустил клинок так, что застежка штанов отлетела в сторону.

Дордолио отскочил назад и наморщил лоб; но в следующий момент Рейт отсек у него и вторую застежку. Штаны Дордолио медленно поползли вниз. Он покраснел, как рак, отскочил назад и отшвырнул шпагу.

— Это же детская игрушка, — выдохнул он. — Возьми подходящее оружие.

— Ты можешь брать все, что тебе хочется. Я же останусь с тем, которое выбрал. Но прежде я бы посоветовал тебе позаботиться о своих штанах. Иначе ты попадешь в очень неудобное положение.

С трудом сохраняя самообладание, Дордолио поклонился, отошел в сторону и крепко подпоясал штаны кожаным ремнем.

— Я готов, — быстро сказал он. — Так как ты настаиваешь, а я имею намерение тебя проучить, я использую то оружие, которое мне нравится больше.

Он взял тонкий длинный клинок, со свистом помахал им в воздухе и кивнул Рейту, давая знак, что он готов продолжать. Гибкое острие шпаги стало изгибаться вправо и влево. Рейт успешно уклонялся от

ударов и, при первой же возможности, оцарапал своим клинком щеку Дордолио.

Это окончательно разозлило противника, и он ринулся в атаку. Рейт отскочил назад, противник неотрывно следовал за ним; он топтался, рубил и колол. Рейт, парировав этот штурм, заценил и вторую щеку Дордолио. После этого он немного отступил.

— У меня немного сбилось дыхание, — сказал он. — Достаточно ли тебе упражнений на сегодня?

Дордолио фыркнул, как дикий жеребец, и кряхтел от гнева. Затем он повернулся, посмотрел вдаль на море и, наконец, глубоко вздохнул.

— Да, — угрюмо вымолвил он. — На сегодня тренировок хватит.

Дордолио с удовольствием швырнул бы сейчас рапиру в воду: бешенство переполняло его. Но он вложил ее в ножны и поклонился Рейту.

— Твоя фехтовальная подготовка великолепна. Я должен поблагодарить тебя за демонстрацию.

Пало Барба сделал шаг вперед.

— Хорошо сказано. Ты настоящий кавалер из Ката. А теперь довольно. Пойдем лучше выпьем по рюмочке утреннего вина.

Дордолио поклонился.

— Позже, — сказал он и отправился в свою каюту. Цветок, как изваяние, сидела на месте.

Хейзари принесла Рейту полный бокал вина.

— У меня великолепная идея, — сказала она. — Ты должен сойти с корабля в Бюнесе и отправиться на Гору Орхидей, где мой отец собирается открыть Академию Фехтования. Твоя жизнь будет там легкой и беззаботной.

— Это хорошее предложение, — ответил Рейт. — Я хотел бы и мог бы пойти с тобой, но на мне лежит другая ответственность.

— Оставь это! Неужели это так важно? Ведь у тебя только одна жизнь. Но я не принуждаю тебя к ответу. Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты удивительный человек, Адам Рейт, свирепый и веселый одновременно.

— Я себе отнюдь не кажусь удивительным; я совершенно обычный человек. Если я считаю что-то странным, так это Чай.

— Чай — это... — со смехом начала Хейзари. — Ну, ладно. Иногда он ужасен. Но странный? Я не знаю других планет... Давай-ка выпьем вина. Сегодня спокойный день, так что нам, кроме этого, делать особенно нечего.

Мимо прошел капитан.

— Наслаждайтесь безветрием, пока есть такая возможность. Скоро поднимется ветер. Взгляните на север!

На горизонте висели черные тучи, и море сверкало, словно медь.

От холодных порывов ветра паруса надулись, и весь такелаж жалобно застонал.

Дордолио вышел из каюты; он переоделся, и теперь на нем был темно-синий костюм, черные бархатные туфли и плоская черная бархатная шляпа. А где же Юлин-Юлан? Облокотившись о поручни, она смотрела на море. Он подошел к ней и повернул лицом к себе. Пало Барба протянул ему бокал вина, и с этим бокалом кавалер сел под медным столбом.

Тучи двигались все дальше на юг; из них вылетали пурпурные зигзаги молний, и издалека уже слышались раскаты грома. Паруса были свернуты, и на мачте остался лишь небольшой квадратный штормовой парус. Солнце, сев в облака, осветило юг призрачным светом, а совсем скоро уже темно-коричневое солнце выглядывало из-под черных туч.

Из кормовой надстройки вышла Цветок Ката. Она была абсолютно голой и смотрела в ошеломленные лица пассажиров, стоявших и сидевших на палубе.

В одной руке у нее был пистолет, заряженный стрелами, в другой кинжал. На ее лице застыла каменная улыбка. Рейту приходилось видеть ее лицо при различных обстоятельствах, но теперь оно было неузнаваемым. Дордолио закричал что-то неразборчивое и помчался к ней.

Цветок Ката выстрелила в него, но он успел пригнуться и стрела пролетела у самой его головы. Тут она увидела Хейзари и направила пистолет на девушку. Хейзари закричала и спряталась за главную мачту. Вокруг сверкали молнии, и в их пурпурном блеске Дордолио прыгнул на Цветок, но она кинжалом попала ему в шею. Дордолио зашатался и свалился в какой-то люк. Хейзари помчалась на нос корабля, Цветок гналась за ней; какой-то моряк вышел на палубу и от неожиданности замер. Цветок воткнула ему кинжал прямо в лицо и человек упал с трапа на палубу.

Наконец за мачтой Цветок настигла девушку и оттолкнула ее в сторону. В то же мгновение она направила пистолет на Пало Барбу, но он ухитрился выбить оружие у нее из руки, и оно со стуком упало на палубу. Она оттолкнула его, затем Рейта, пытавшегося схватить ее. Вырвавшись, она помчалась по трапу, ведущему к бушприту. Одной рукой она держалась за бушприт. Корабль поднимался и проваливался на волнах.

— Вернись назад, — крикнул ей Рейт, но она лишь посмотрела на него.

— Дерьь, — крикнул Рейт. — Юлин-Юлан!

Никакого ответа.

— Цветок Голубых Йадов!

И, наконец, придворное имя:

— Шар Зарин!

Она лишь грустно ему улыбнулась.

Тогда он попытался смягчить ее детским именем:

— Зози, Зози, возвращайся сюда!

Вдруг лицо девушки изменилось и сделалось еще тверже.

— Зози, разве ты не хочешь мне ничего сказать? Зози, будь добра, вернись!

Она казалась далекой и отрешенной.

Тут Рейт попробовал позвать ее тайным именем:

— Л'лае! Иди, иди сюда! Ктан зовет тебя, Л'лае!

Она только покачала головой и посмотрела на море за бортом...

Рейт продолжал звать ее, перечисляя имена; он звал, но гром заглушал его голос и девушка больше его не слышала. Над водой еще виднелся край солнца. Цветок сделала шаг назад и бросилась в пенящееся море. Рейт успел заметить лишь ее темные волосы, после чего и они исчезли.

Поздним вечером, когда корабль пробивался сквозь шторм, Рейт спросил дирдир-человека:

— Она сошла с ума или это была *Эвайлия*?

— Это была *Эвайлия*. Бегство от стыда.

— Однако... — начал было Рейт, но затем только пожал плечами.

— Ты проявил внимание к девушке с Облачных Островов. Ее же спутника ты оставил в дураках. Она воспринимала все это, как унижение. Если бы она была в состоянии, то поубивала бы всех нас.

— Мне это непонятно, — пробормотал Рейт.

— Конечно. Ведь ты не йао. Принцесса Голубых Йадов не смогла больше выносить такого позора. Теперь она счастлива. В Сеттре ее бы наверняка судили и пытали.

Этого Рейт так и не понял. Он еще долго стоял на палубе. Над ним раскачивался медный фонарь. Где-то там, в темноте ночи, плавало белое девичье тело...

Глава 5

Всю ночь напролет бушевал шторм. Только перед рассветом он стал стихать, и восходящее солнце осветило качавшийся в разбушвавшемся море корабль.

К обеду ураган снова закружил корабль, словно детскую игрушку. Пассажиры не выходили из кают. Хейзари была бледна и крепко укутана. Рейт больше часа провел в ее обществе. Она могла говорить только о случившемся и постоянно задавала один и тот же вопрос: «Почему она хотела это сделать?»

— Йао, по всей видимости, склонны к таким поступкам. Но и сума-шествоие имеет свои причины,— отвечал Рейт.

— Дирдир—человек говорит, что, вроде бы, стыд взял над ней верх. Но такая красивая девушка, как она? Что могло побудить ее к этому?

— Я бы не стал над этим задумываться,— посоветовал ей Рейт.

Только на следующее утро море снова успокоилось и коричневый океан засверкал под безоблачным небом. С запада подул приятный бриз, и корабль снова смог поднять все паруса.

Через три дня на горизонте появился темный мрачный остров. Капитан сказал, что это был укромный уголок пиратов, и все были очень рады, когда он растаял во мраке ночи.

Дни опять были похожи друг на друга. Со временем Рейт стал нервным и раздражительным. Как далеко они успели отплыть от Перы? И было ли это время простым и невинным? Когда-то Кат казался ему безопасной и цивилизованной гаванью. Рейт привык к мысли, что благодарность владыки Голубых Йадов облегчит его будущее и воплощение в жизнь его планов. Напрасные надежды!

Корабль приближался к побережью Кахана, где капитан собирался использовать течение, способное ускорить прибытие в Парапан.

Однажды утром Рейт поднялся на палубу и увидел прямо перед кораблем остров. Он был небольшим, но черная стена из стекла, высотой в сто шагов, окружала почти всю его поверхность. За ней возвышались примерно двенадцать массивных зданий разной высоты, но выглядели они не особенно привлекательно. Подошел Анахо, расправил плечи и сделал недовольное лицо:

— Ты сейчас видишь крепость очень злой расы — вонков.

— Злой? Это потому, что они воюют с дирдирами?

— Потому, что они не хотят эту войну закончить. Какая от нее польза дирдирам или вонкам? Дирдиры часто предлагали заключить мир, но вонки его постоянно отвергали. Жестокий, непостижимый народ!

— А для чего предназначена эта стена вокруг острова? — поинтересовался Рейт.

— Чтобы держать на расстоянии пнумов, которые заполонили Чай, как крысы. Вонки не особенно любят контакты. Посмотри—ка под воду.

На глубине десяти или пятнадцати шагов он различил похожие на человеческие тени, плававшие вокруг корабля. Вокруг средней части туловища у всех были надеты металлические конструкции, которые, по всей вероятности, были движущими системами, потому что сами тела движения не производили.

— Вонки — это раса амфибий, и для занятий подводным плаванием они используют электродюзы,— объяснил Анахо.

Рейт снова принялся в сканоскоп разглядывать башни. Они, как и стены, были сооружены из черного стекла. В круглые окна тоже были вставлены затемненные стекла, а между отдельными зданиями ви-

сели, выглядевшие какими-то недостроенными, переходы из переплетенных стеклянных конструкций. Рейт заметил движение. Всмотревшись внимательнее, он обнаружил, что это были люди. Наверняка, это были вонк-люди, с белоснежной кожей и густым черным мехом на плоских головах. Их лица казались гладкими и мрачными. Носили они сплошную одежду, похожую на комбинезоны, подпоясанную черными широкими кожаными ремнями, на которых они прикрепляли какие-то приборы и различные небольшие инструменты. Войдя в здание, они стали смотреть на «Варгаз». Рейт смог хорошо разглядеть их лица. От неожиданности он выпустил сканоскоп из рук.

— Что случилось? — спросил Анахо.

— Я увидел двух вонк-людей... В сравнении с ними, ты выглядишь довольно привычно.

Анахо тихо засмеялся:

— Они действительно похожи на среднего получеловека.

Тем временем вонк-люди исчезли, и Рейт не смог понаблюдать за ними более тщательно. Тут к ним подошел и Дордолио. Он с восхищением посмотрел в сканоскоп.

— Что это за инструмент? — полюбопытствовал он.

— Электронно-оптический прибор, — равнодушно объяснил Рейт.

— Ничего подобного в своей жизни я еще не видел. Эту штуку изготовили дирдиры?

— Я думаю, нет, — ответил Анахо и пожал плечами.

— Тогда она, видимо, изготовлена, кешами или вонками.

Он рассматривал таблицу величин.

— А что это за шрифт?

Анахо снова пожал плечами.

— Я этого прочесть не могу.

— А ты? — спросил кавалер Рейта.

— Да, я могу, — и в приливе ехидства и озорства он громко прочитал:

Управление космических сообщений • Отдел инструментов и приборов • Фотоувеличивающий телескоп 1×1000х. Непроекционный, не приспособлен для использования в полной темноте. • BAF. 1301-K-29023 • Только для энергетических патронов DS. В сумерках надевать дополнительный цвета. Не смотреть на солнце, избегать мощных световых источников. При отказе автоматических светофильтров возникает угроза повреждения зрения.

— Что же это за язык? — растерянно спросил Дордолио.

— Один из многочисленных человеческих диалектов, — ответил Рейт.

— Из какого района? Люди на Чае, насколько я знаю, повсюду говорят на одном и том же языке.

— Чтобы вас не злить, я промолчу. Лучше будет, если вы будете продолжать верить, что я потерял память, — со смехом сказал Рейт.

— Ты считаешь нас дураками? — проворчал Дордолио. — Мы что, дети, что ты отвечаешь на наши вопросы отговорками?

— Иногда это более мудро, — сказал Анахо, ни к кому не обращаясь, — поддерживать какой-либо миф. Знания могут стать лишним грузом.

Дордолио это очень не понравилось. Он пожевал свои усы и удалился.

Из воды появились три следующих острова с черными стеклянными стенами вокруг всей их территории, а за ними на горизонте обозначилась большая тень: масса материка Кахан.

В течение второй половины дня они приблизились к берегу настолько, что могли уже различить отдельные детали гор, в тени которых лежал берег. Вокруг корабельных мачт парили, похожие на драконов, кричащие создания с черными большими крыльями и открытыми пастьми. К вечеру «Варгаз», наконец, зашел в окруженную со всех сторон молами большую бухту. На южной стороне бухты лежал город, совершенно не примечательный, а севернее, на выдающейся вперед скале, стояла крепость вонков, выглядевшая беспорядочным нагромождением кусков стекла. На равнине, расположенной восточнее, был хорошо различим космодром, на котором стояло много космических кораблей разных размеров и типов.

В сканоскоп Рейт внимательно рассматривал бухту и окрестности.

— Интересно, — думал он, — очень интересно...

Капитан объяснил им, что порт этот назывался Ао Хидис и он был для вонков очень важным.

— У меня не было намерения плыть так далеко на юг, но так как мы уже здесь, я как раз продам кожаные изделия и дерево. А взамен возьму здесь химикаты для Ката. Вас же хочу предупредить вот о чем: здесь на самом деле есть два города. Один из них сам Ао Хидис — город, в котором живут люди, и второй город, название которого просто невозможно выговорить — город вонков. В городе людей живут представители разных народов, но в основном, это черные и красные, которые признают только свой вид и не разговаривают ни с кем другим. Бояться вам нечего. Вы можете покупать все, что вам угодно в любом открытом киоске или лавке. Но не заходите ни в один закрытый магазин или в кабак черных или красных, так как вас обязательно обидят или, что еще хуже, на вас нападут. То, что вы покупаете у черных, ни в коем случае не берите, когда подходите к красным и наоборот. В городе вонков вы можете смотреть только на вонков, так

как они на это, кажется, внимания не обращают. Абсолютно скучный порт. Никаких развлечений.

«Варгаз» встал на якорь и поднял на мачте маленький красный флаг.

— В мой последний приезд сюда я удачно торговал с красными и остался доволен, — объяснил капитан. — Поэтому я и не хочу искать других партнеров.

Грузчики красных были круглолицыми и круглоголовыми людьми с кожей цвета зрелой сливы. Черные были очень на них похожи, только кожа их была серой с черными пятнами. Отношения между этими двумя группами были явно враждебными.

— Никто не знает причину их вражды, — сказал капитан. — Одна мать может иметь красного и черного ребенка. Некоторые считают, что это зависит от питания, другие — что это следствие наркотиков, а третьи придерживаются мнения, что это неизвестный возбудитель болезни нарушает или уничтожает пигментный слой еще в материнской утробе. Но они рождаются черными или красными и такими остаются, считая своих недругов париями. Говорят, что отношения между черными и красными так и будут оставаться неизменными. Такого мнения придерживаются обе расы, и они с большим удовольствием имели бы дело с ночными собаками, чем со своими врагами.

— А как же с дирдир-человеком? — спросил Рейт. — Его здесь не обидят?

— О, нет. Такие мелочи не представляют для вонков никакого интереса. Синие кеши, например, славятся своим садистским злорадством, поведение дирдиров просто никогда нельзя предсказать. Но вонки, по моему мнению, сравнимы с самыми равнодушными людьми на Чае и почти никогда не имеют дела с людьми. Может быть, они вершат зло так же тайно, как и пнумы. Но этого не знает никто. Вонк-люди же совершенно другие: холодные, словно духи; и я бы советовал не переходить им дорогу и не сердить их. Вы хотите сойти на сушу? Тогда не забывайте о моих предупреждениях. Ао Хидис — грубый город. Не оказывайте внимания ни черным, ни красным; ни с кем не заговаривайте, ни во что не вмешивайтесь. В прошлом году я потерял здесь одного моряка, который сначала купил у черных шаль, а потом зашел к красным выпить вина.

Анахо предпочел остаться на борту, а Рейт и Трез сошли на берег. Из порта в город они пошли по неровно вымощенной улице. Дома на ней были неаккуратные, сделанные из дерева и камня, и вокруг них лежали горы мусора. По дороге им встретилось несколько самоходных машин, тип которых Рейт видел впервые. Видимо, эти машины были изготовлены вонками. Севернее стояли несколько башен, и в этом же направлении располагался космопорт.

Казалось, что общественного транспорта здесь не было, и Рейт с

Трезом отправились в путь пешком. Хижины сменились домами по-лучше, и дальше они вышли на окруженную со всех сторон магази-нами, лавками и киосками площадь. Половина людей были черные, остальные красные. Друг с другом они не вступали ни в малейший контакт. Черные покупали у черных, красные у красных. В воздухе явно чувствовалась атмосфера недоброжелательности.

Рейт и Трез перешли площадь и пошли по ведущей на север мощеной улице; скоро они подошли к забору из стеклянных прутьев, который окружал весь космопорт. Рейт остановился и принялся ос-матривать местность.

— По своей натуре я совсем не вор,— сказал он Трезу.— Но взгляни—ка на этот маленький космический корабль! Я бы с большим удовольствием увел его у теперешнего хозяина.

— Это корабль вонков,— пессимистически сказал Трез.— Ты не сможешь им управлять.

Рейт кивнул.

— Правильно. Но если у меня будет хоть неделя времени, я научусь на нем летать. Космические корабли в определенной степени должны быть похожи друг на друга.

— Да, но практическая сторона,— напомнил Трез.

Сейчас он снова был строгим Онмале, живой эмблемой, носителем которой он был, когда они познакомились. Трез покачал головой:

— Это совершенное безумие, что такие ценные механизмы стоят совсем без охраны.

— Кажется, что на борту маленького корабля нет никого; к тому же, грузовые отсеки выглядят пустыми. Зачем же в таком случае на борту нужна охрана? И кому придет в голову украсть такое транспортное средство — кроме меня, конечно?

— Ну, да... А когда ты попадешь внутрь корабля... Пока ты еще сообразишь, как им управлять, тебя схватят и убьют.

— Конечно, дело это рискованное,— ответил ему Рейт.

Они вернулись в порт и, когда снова оказались на борту, корабль показался им воплощением совершенства и логики. Всю ночь напро-лет велись разгрузочные и погрузочные работы. Утром, когда грузо-вые отсеки были заполнены, корабль поднял якорь и с наполненными ветром парусами вышел в океан.

«Варгаз» продолжал свой путь на север вдоль побережья Кахана, не выпуская его из вида. В первый день они проплыли мимо еще нескольких крепостей вонков, во второй день — несколько фиордов. Когда они проходили последний из них, откуда-то вынырнул неболь-шой катер, и капитан сразу же послал нескольких человек к пушке. Кораблик скользнул за кормой «Варгаза», и капитан приказал развер-нуть пушку. Но катер повернул и вышел в открытое море, а люди на

его борту визжали и орали так громко, что пассажиры «Варгаза» еще долго слышали их вопли над водой.

Через неделю показались первые из Облачных Островов, а уже на следующий день корабль причалил к пристани в Винессе. Здесь с корабля сошли Пало Барба, его жена и две дочери. Трез с тоской смотрел им вслед. Эдва обернулась и помахала ему рукой, после чего все семейство исчезло в сутолоке желтых шелковых и белых полотняных плащей на набережной.

Два дня длилась разгрузка в Винессе, погрузка новых товаров, замена старых, истрепавшихся парусов на новые. А затем корабль снова вышел в море.

Сильный бриз двигал судно дальше. Прошли два дня и ночь, и на корабле возникла напряженность. Все смотрели на Хархан. Наступил вечер, и солнце село в коричнево-серые, окруженные дымчато-апельсиновым ореолом облака. На ужин подали маринованную рыбу и фрукты, но к еде почти никто не притронулся, так как все продолжали стоять у борта. Ночью подул ветер, и пассажиры разошлись по каютам. Только Рейт остался на палубе; он был очень задумчив. Тут с мостика донеслись глухие команды. Главный парус был убран, и корабль сильно замедлил ход. Впереди рядами переливались крошечные огоньки: берег Коада.

Глава 6

Берег был плоским и чернел под светло-коричневым небом. Главный парус был снова поднят, и корабль, не спеша, вошел в порт Верводеи.

Город еще спал. В северной части припортового района возвышались большие дома с плоскими крышами, на юге располагались верфи и склады. Корабль бросил якорь, и моряки скатывали паруса. Подошел баркас и, взяв корабль на буксир, аккуратно завел его прямо в док. Служащие порта поднялись на борт и коротко переговорили с капитаном, после чего поприветствовали Дордолио и сошли на берег. Путешествие завершилось.

Рейт попрощался с капитаном и вместе с Трезом и Анахо сошел с корабля. Когда они уже стояли на набережной, к ним подошел Дордолио.

— Теперь я хочу с вами попрощаться, — высокомерно заявил он, — потому, что я сразу отправляюсь дальше в Сеттру.

— А Дворец Голубых Йадов расположен в Сеттре? — спросил Рейт.

— Конечно. Но вам не стоит напрягаться. Я сам доведу до сведения владыки Голубых Йадов необходимую информацию.

— Но ты еще очень многого не знаешь,— сказал Рейт.— Точнее говоря, ты не знаешь почти ничего.

— Твоя информация не будет для него большим утешением,— сухо заявил Дордолио.

— Может быть, утешением и не будет, но интересной — наверняка. Дордолио покачал головой.

— У тебя нет ни малейшего представления о церемониях. Неужели ты думаешь, что тебе можно было бы просто вломиться во дворец и изложить свои новости? А твои одежды? Невозможно, совершенно невозможно. Я уже молчу о мраморном дирдир-человеке и молодом кочевнике.

— Мы надеемся на вежливость и понимание владыки Голубых Йадов,— возразил Рейт.

— Ба! Да у тебя действительно нет никакой совести.

Тем не менее он продолжал идти с ними дальше.

— Вы действительно хотите ехать в Сеттру?

— Конечно.

— Последуйте моему совету. Останьтесь сегодня на ночь в гостинице, например, в «Дульване» — это вот там, напротив. Она вам подойдет. А завтра вы могли бы найти заслуживающего доверия торговца одеждой. Когда вы будете соответствующим образом одеты, сможете ехать спокойно в Сеттру. Гостиница «Овал» вам вполне подойдет. А в сложившейся ситуации вы можете мне помочь. Мне кажется, что я забыл или потерял мой кошелек. Можете ли вы мне одолжить сотню секвинов?

— Конечно,— ответил Рейт.— Но было бы лучше, если бы мы смогли вместе с тобой поехать в Сеттру.

Дордолио отрицательно покачал головой.

— Я очень тороплюсь, а вам необходимо время для соответствующих приготовлений.

— Абсолютно не нужно. Мы готовы ехать. Покажи нам дорогу.

С сомнением Дордолио осмотрел Рейта с головы до ног.

— Хотя бы ты мог достать себе другую одежду. Пойдем, я помогу тебе сделать это.

Он пошел по направлению к центру города; Рейт, Трез и Анахо следовали за ним, причем Трез кипел от злости.

— Почему мы всегда должны мириться с его наглостью? — ворчал он.

— Йао — это народ торговцев, и нет никакого смысла на них злиться,— сказал ему Анахо.

Этот город имел свое лицо. Широкие, несколько пустынные улицы были застроены многоэтажными домами из обожженного кирпича. Все здесь находилось в состоянии благородного и сдержанного запустения. Город нельзя было назвать особо оживленным, и лишь

немногие люди показывались на улицах. Некоторые из них были одеты в довольно сложные одеяния, белые льняные рубашки, завязанные в церемонные узлы галстуки и ленточки. Другие, явно более низкого положения, носили широкие зеленые или коричневые штаны до колен, а кроме того, кофты или блузы приглушенных тонов.

Дордолио привел их в большой магазин одежды, где толпились несколько десятков мужчин и женщин. Пока трое друзей стояли в стороне, Дордолио энергично говорил с пожилым лысым владельцем.

— Я поговорил с хозяином и описал ему то, что вам необходимо, — доложил Дордолио после своего разговора. — Он может за небольшую плату экипировать вас из своих запасов.

Появились три бледных молодых человека и подвезли вешалку с одеждой. Хозяин быстро нашел то, что искал и разложил одежду перед тройкой.

— Вот это будет господам как раз впору, — сообщил он. — Если вы сразу же хотите переодеться — вам будут предоставлены кабинки.

Рейт весьма критично осмотрел предложенные вещи. Материал, из которого они были пошиты, был несколько груб, расцветка показалась ему слишком яркой и кричащей. Анахо подмигнул ему и казалось, что был такого же мнения. Поэтому Рейт сказал Дордолио:

— Твои собственные одежды уже тоже не очень хороши. Почему бы тебе не примерить эти вещи?

Дордолио растеряно вскинул брови.

— Я доволен тем, что есть на мне.

— Они мне не нравятся, — заявил Рейт хозяину. — Покажи мне свой каталог или образцы, по которым ты работаешь.

Вместе с Анахо он просмотрел несколько сот набросков. Ему приглянулся темно-синий костюм консервативного покроя.

— А как насчет этого? — спросил он.

Дордолио проявлял нетерпение.

— Такой костюм я бы посоветовал надеть огороднику на похороны одного из родственников.

— А вот это? — Рейт показал на другой образец.

— Это подходит еще меньше. Это костюм для пожилого философа, отдыхающего в своей загородной резиденции. Одежда для отдыха.

— Хм. Ну покажи мне тогда что-нибудь для молодого философа с безупречным вкусом, который одевается специально для приема на государственном уровне, — предложил Рейт хозяину магазина.

Дордолио фыркнул, но ничего больше не сказал. Торговец одеждой дал соответствующие распоряжения.

— А вот для этого джентльмена, — продолжал Рейт, показывая на Анахо, — подойдет дорожный костюм для человека с большим чувством собственного достоинства. А еще мне хотелось бы приобрести костюм в спортивном стиле для этого молодого человека.

Он показал на Треза.

Вновь принесенные вещи значительно отличались от тех, которые были предложены сначала, и после незначительных переделок они были приобретены, после чего друзья сразу же их надели. Дордолио все время дергал себя за усы и чуть не лопался от злости, так как не мог больше вставить ни одного замечания.

— Красивая одежда. Само собой разумеется. Но хорошо ли вы подумали? Ведь ваше поведение не будет соответствовать вашей одежде.

Тут разозлился Анахо.

— Ты наверное хочешь, чтобы мы въехали в Сеттру, одетые дураками? Одежды, которые ты попросил для нас, почти не допускают лестных оценок относительно твоего вкуса.

— Что ты такое говоришь? — закричал Дордолио. — Беглый дир-дир-человек, молодой кочевник и мифический Никто — не полный ли это абсурд запихивать таких людей в одеяния благородных господ?

Рейт засмеялся, у Анахо затряслись руки, а Трез с ненавистью разглядывал Дордолио. Но Рейт уже успел оплатить покупку.

— А теперь в аэропорт, — сказал Дордолио. — Если вы стремитесь к высшему классу, мы найдем воздушный корабль.

— Только без такой спешки, — охладил его пыл Рейт. — Должны быть и более дешевые и не так бросающиеся в глаза возможности добраться до Сеттры.

— Если кто-то по-господски одевается, то он должен и поступать, как господин.

— Мы очень скромные господа, — ответил Рейт и обратился к торговцу одеждой. — Как ты обычно едешь с Сеттру?

— Я человек без высокого положения, — ответил тот, — и, как правило, езжу в общественном транспорте.

— Хорошо. Если ты, Дордолио, хочешь лететь на частном самолете, наши пути здесь расходятся.

— Согласен. Но мне нужно пятьсот секвинов.

Рейт покачал головой.

— Нет. Я не думаю, что могу дать так много.

— Тогда мне тоже придется ехать общественным транспортом, — вздохнул Дордолио и с этого момента стал даже как-то сердечнее.

— Вы увидите, что йао огромное внимание уделяют гармонии, гармонии в событиях и поведении. Вы сейчас одеты, как люди с высоким положением, и поэтому вы должны себя соответственно вести. Тогда все будет идти само собой.

Вскоре они уже сидели в хорошо оборудованном самоходном вагоне первого класса и созерцали проплывавшие мимо ландшафты. Рейт ломал себе голову по поводу устройства этого вагона. Двигатели

были маленькими, мощными и очень хорошо продуманными; но почему же сам вагон был таким громоздким? Он мог достигать скорости семьдесят миль в час на колесах с воздушными подушками, если дорога была гладкой; но если появлялась какая-нибудь небольшая неровность, она тут же жестоко отражалась на всей конструкции. На дорогах с наезженной колеей, где колеса проваливались в борозды, все сооружение угрожающе покачивалось. Создавалось впечатление, что йао были отличными теоретиками, но никуда не годными практиками.

Страна казалась более цивилизованной, чем все предыдущие, которые Рейт видел до этого на Чае. В воздухе висела слабая дымка, образующая темно-желтый шлейф, через который просвечивало солнце. Тени были темно-черными. Они ехали по песам с сучковатыми черно-синими деревьями, мимо парков и усадеб, мимо полуразвалившихся каменных стен и деревень, в которых жилими казались лишь половина домов. Они пересекли большое болото, затем повернули на восток и поехали сквозь заросли камыша и каменистые равнины. Людей видно не было, несмотря на то, что иногда встречались полуразрушенные замки.

— Страна привидений, — сказал Дордолио. — Это Ауданские болота. Ты уже слышал о них? Нет? Совершенно безрадостная местность, как ты и сам это видишь. Здесь бродят отверженные. Кроме того, здесь можно встретить фангов. А по ночам тут воют ночные собаки...

Из Ауданских болот они выехали на очень привлекательную местность. Повсюду виднелись ручьи и пруды, вокруг которых росли стройные коричневые, черные и темно-красные деревья. На островах дремали высокие дома с очень высокими фронтонами и резными решетками на балконах и фасадах. Дордолио показал на один из домов.

— Видишь ли ты эту усадьбу в лесу? Это Золотой и Карнеольный — дворец моего рода. За ним находится Хальмеор — пригород Сеттры, который, правда, еще не виден.

За большим лесом расстилались поля и, наконец, путешественники увидели башни Сеттры. Через несколько минут они остановились у вагонной станции, вышли из вагона и встали на террасе. Здесь Дордолио сказал им:

— Тут я должен вас покинуть. За той площадью вы найдете хорошую гостиницу «Овал», и туда я pošлю курьера с деньгами, которые вам задолжал.

Он откашлялся:

— Если по воле судьбы наши с тобой пути еще раз где-нибудь пересекутся, а также если тебе все-таки удастся удовлетворить честолюбие и встретиться с владыкой Голубых Йадов, то для нас

обоих будет намного лучше никогда больше не встречаться друг с другом.

— Я не нахожу никакой причины, чтобы с тобой не согласиться, — вежливо ответил Рейт.

Дордолио недружелюбно на него посмотрел и отвесил формальный поклон.

— Тогда я желаю тебе всех благ.

И он решительно зашагал прочь.

— Вы вдвоем, — обратился Рейт к Анахо и Трезу, — позаботьтесь прямо сейчас о местах в гостинице для нас троих. А я, тем временем, схожу во Дворец Голубых Йадов. Если мне повезет, я успею сделать это еще до того, как туда успеет добраться Дордолио. Но уж очень он спешил.

Он сразу же нашел трехколесный мотоцикл-такси, который быстро доставил его ко дворцу. Они поехали на юг, мимо района с маленькими деревянными домами, затем мимо рынка под открытым небом, где бурлила жизнь. Переехав через старый мост и через ворота в высокой каменной стене, они въехали на огромную круглую площадь. По ее краям стояли ларьки, в большинстве своем пустые, а в середине пандус вел к возвышению с сидячими местами.

— Как называется эта площадь? — спросил Рейт у водителя.

— Это площадь Патетического Объединения, — объяснил тот. — Ты сам не из Сеттры?

Рейт подтвердил его предположение, и водитель достал карту.

— Ближайшее интересное событие — это День суда. Человек убил двенадцать людей, четверо из них дети. Вся Сеттра соберется на этот праздник. Если ты еще будешь в городе, то получишь великолепную возможность доставить удовольствие твоей душе. А теперь мы уже почти приехали ко Дворцу Голубых Йадов.

— Едь как можно быстрее, я очень тороплюсь.

— Но я не могу подвергаться опасности попасть в аварию. Моя душа будет очень стыдиться.

— Понятно.

Трехколесный мотоцикл протарахтел по широкому бульвару, и водитель, насколько это ему удавалось, уворачивался от часто встречавшихся на пути выбоин и рытин. Улица пролежала в тени огромных деревьев с коричневыми и пурпурно-зелеными листьями, и по обеим сторонам ее среди громады мрачноватых садов возвышались изящные дворцы непривычной архитектуры.

— Там дальше, на холме, уже виден Дворец Голубых Йадов, — объяснил водитель. — Какой вход, господин, ты предпочитаешь?

— Главный, конечно! Какой же еще?

— Как знаешь. Как правило, люди, пользующиеся главным входом, не приезжают на трехколесных мотоциклах.

Мотоцикл остановился под широким балдахином, и Рейт оплатил проезд. Когда он вышел, у его ног уже лежал шелковый платок и двое слуг склонились в низком поклоне. Рейт быстро прошел через открытую арочную галерею в зал с зеркальными стенами. На серебряных цепях качались, позванивая, тысячи хрустальных призм, преломляющих свет. Перед ним склонился лакей в темно-зеленой ливрее. Он был уже рангом повыше, что-то вроде дворецкого или гофмейстера.

— Владыки нет дома, — сказал он. — Может, ты хочешь отдохнуть? Когда мой господин Кизанте вернется, он захочет тебя видеть.

— Я хотел бы встретиться с ним сразу. Меня зовут Адам Рейт.

— Из какого господин государства?

— Скажи господину Кизанте, что у меня очень важное послание.

Гофмейстер холодно посмотрел на него, и Рейт понял, что он нарушил правила этикета. Ничего не поделаешь, подумал он, владыка Голубых Йадов все равно вынужден будет кое-что проглотить.

— Не будешь ли ты любезен пройти со мной?

Гофмейстер провел Рейта во двор, в котором журчал изумрудно сверкавший водопад.

Прошло две минуты. Молодой человек в зеленых штанах до колен и изысканной куртке появился перед ним. Его лицо было очень бледным. Из-под четырехугольной шапочки из мягкого бархата выбивались иссиня-черные волосы. Он был очень красив и элегантен и выглядел предельно старательным и обязательным. Он критически осмотрел Рейта.

— Господин, ты утверждаешь, что имеешь для владыки Голубых Йадов послание? — спросил он. — Я его помощник. Ты можешь передать послание мне.

— Моя информация касается судьбы его дочери. Я хотел бы поговорить с господином лично. Меня зовут Адам Рейт.

— Тогда, пожалуйста, следуй за мной.

Он привел Рейта в отделанное коричневатой слоновой костью помещение, освещаемое десятком светящихся призм. На другом конце комнаты стоял человек в элегантном костюме из черного и пурпурного шелка. Он был круглолицым, темноволосым и очень стройным. Широко сидящие глаза были тоже темными, и Рейт сразу понял, что этот человек в любой ситуации выказывал недоверие.

— Господин Кизанте, — обратился к нему помощник. — С этим привожу Вам неизвестного доньне Адама Рейта, который случайно оказался поблизости и узнал, что вы находитесь здесь.

Лорд молчал, и Рейту пришлось дать церемониальный ответ.

— Я очень рад, лорд Кизанте, что имею честь посетить ваш дворец. Только час назад прибыл я в Сеттру.

Но сразу же Рейт понял, что повел себя неправильно.

— Ах, да, — ответил лорд, — у тебя имеется известие о Шар Зарин?

— Да,— Рейт говорил точно так же холодно, как и лорд.— Я могу предоставить вам подробный отчет обо всем, что с ней случилось до ее трагической смерти...

Владыка Голубых Йадов смотрел в потолок и сказал, не глядя на Рейта;

— Значит, ты требуешь вознаграждения?

Тут в комнату зашел гофмейстер и прошептал что-то на ухо своему господину.

— Странно, здесь находится еще один из Золотых и Карнеольных, известный нам Дордолио, который тоже хочет получить вознаграждение.

— Вы можете его прогнать,— сказал Рейт,— так как его информация поверхностна.

— Моя дочь мертва?

— Мне очень жаль говорить это вам, но в приступе морской болезни она бросилась в воду.

— Когда и где это случилось?

— Около трех недель назад на борту корабля «Варгаз», плывущего по Драшаде, примерно на половине пути.

Лорд тяжело опустился в кресло, и Рейт ожидал, что тоже будет приглашен присесть, но приглашения не последовало.

— Мне кажется, что она была глубоко унижена,— сухо произнес лорд.

— Я этого не знаю. Я помог ей вырваться из рук священнослужительниц женских Таинств, после чего она находилась в безопасности и была под моей защитой. Она почти не надеялась попасть домой в Кат и упросила меня сопровождать ее. Она обещала мне вашу дружбу и признательность. Но когда мы уже были на корабле и плыли на восток, настроение ее ухудшилось: она стала более хмурой и, в конце концов, как я уже говорил, бросилась за борт.

Пока Рейт говорил, на лице лорда отражалось множество чувств.

— Значит теперь, когда моя дочь мертва и я не могу проверить, как все это было, ты приходишь ко мне и требуешь вознаграждения? — надменно спросил он.

— Об этом вознаграждении,— холодно отвечал Рейт,— я в то время не знал. Да и сейчас я о нем ничего не знаю. Я прибыл в Кат по ряду причин. Самая незначительная из этих причин та, что я хотел познакомиться с вами. Но я вижу, что с вашей стороны не возникает желания выразить мне естественное вежливое признание, и поэтому я ухожу.

Он коротко кивнул, развернулся и пошел к двери. Там он еще раз обернулся.

— Если вы все-таки пожелаете услышать подробности о вашей

дочери, обратитесь лучше к Дордолио, которого мы совершенно обанкротившегося подобрали в Коаде.

С этими словами Рейт вышел.

Он услышал, как лорд произнес:

— Какой грубый парень.

В холле его снова встретил гофмейстер. Он почти незаметно улыбался и показал Рейту на темный коридор.

Но Рейта это совершенно не трогало. Он пересек большой зеркальный зал и покинул дворец тем же путем, которым он сюда пришел.

Глава 7

Рейт пешком вернулся в город, размышляя о Сеттре и странном темпераменте ее жителей. В Пере ему представлялось, что здесь как-нибудь удастся построить небольшой космический корабль. Но теперь он был вынужден сам себе признаться, что план его был совершенно неосуществим. От Владыки Голубых Йадов он ожидал получить благодарность и дружбу, а пожал враждебность. Относительно технических возможностей йао он тоже был настроен пессимистически и только внимательнее разглядывал на улице проезжавшие мимо транспортные средства. Конечно, они функционировали, но создавалось впечатление, что для конструкторов важнее технических качеств была элегантность исполнения. Энергией они питались от повсеместно применяемых батарей дирдиров; сцепление трещало — знак несовершенного инженерного искусства. Казалось, что каждое из увиденных транспортных средств было изготовлено по индивидуальному проекту, то есть серийного производства здесь не существовало.

Значит, техника йао недостаточно соответствовала требованиям. Если же он задумал строить космический корабль, ему были необходимы определенные стандартные детали: компактно изготовленные блоки питания, компьютеры, анализаторы, генераторы, тысячи инструментов, станки и измерительные приборы, а также хорошо подготовленный и квалифицированный персонал. Так что, строительство даже примитивного космического корабля здесь на Чае казалось задачей, неосуществимой даже на протяжении всей человеческой жизни.

Он подошел к маленькому круглому парку с высокими деревьями, листья которых были тонкими и темно-красными и шелестели, словно бумага. Посреди парка стоял монумент — женская фигура, изображавшая, по-видимому, своими высоко поднятыми руками и искаженным лицом какую-то сильную эмоцию. Каменные мужчины с инструментами и приборами в руках с ритуальной грацией танцевали вокруг

этой фигуры. Был ли это страх, забота, а может, высокое уважение? Что хотели авторы этим выразить? Монумент давил на Рейта. Он был, видимо, очень древний; может быть, его возраст насчитывал и тысячи лет. Маленькая девочка и еще меньший мальчик подошли и посмотрели на Рейта, но тут же с восторгом уставились на танцоров. Рейт в мрачном настроении побрел дальше.

Комнаты в гостинице были заказаны, но Треза и Анахо на месте не было. Рейт принял душ и сменил белье. Когда наступили сумерки, в холле зажглись большие шары пастельных тонов. Чуть позже на площади перед гостиницей показались Трез и Анахо. Рейт смотрел на них. В принципе, они были такими же разными, как кошка и собака. Но поскольку обстоятельства свели их вместе, они вели себя по отношению друг к другу, как хорошие и несколько осторожные товарищи.

Анахо и Трез случайно оказались в том месте, где Кавалеры решали вопросы чести. В течение второй половины дня они наблюдали за тремя дуэлями — довольно бескровными аферами. Трез рассказывал об этом с нескрываемой насмешкой, а Анахо сказал:

— Вся их энергия, да и время, растрачиваются на церемонии. Для самого же боя остается всего несколько минут.

— Оказывается, йао еще более странные, чем дирдир-люди, — заметил Рейт.

— Ха, ха! Ты знаешь одного единственного дирдир-человека. Но я могу показать тебе тысячи других и совсем собою тебя с толку. А вообще, ресторан находится за углом. Кухня йао, должен вам заметить, весьма неплохая.

Они поужинали в большом зале, стены которого были украшены коврами и шелком. Рейт, как обычно, не мог определить, что он ел, но в тот момент это было ему абсолютно безразлично. Был подан желтый бульон, оказавшийся сладковатым на вкус; в нем плавали хлопья из маринованной говядины. Ломтики светлого мяса были обложены лепестками, а овощ, похожий на сельдерей, был обернут в огненно-острую кору какого-то растения. Затем подали пирог, пахнувший мускатом и изюмом, и черные ягоды с болотным привкусом. Прозрачное белое вино, принесенное им, играло и шипело.

В таверне напротив все трое выпили еще вина. Среди гостей были не только йао, которые, казалось, являлись завсегдатями этого заведения и проводили здесь время в компании. Высокий пожилой человек в кожаной шляпе, пивший довольно много, рассматривал Рейта.

— Я полагал, что ты — вект из Холангера, — сказал он, — но теперь вижу, что ошибся. Но многие приходят сюда, чтобы встретить кого-нибудь из своих краев.

— Ничто не доставило бы мне большей радости, чем встреча с кем-нибудь из моих краев,— ответил Рейт и вздохнул.

— Да? А откуда же ты приехал? По твоему лицу я не могу этого определить.

— Я путешественник из далеких краев, из очень далеких...

— Но не из более далеких, чем я. Я родом из Ворда, где мыс Серости сдерживает Шанизаду. Я скажу тебе, что кое-что уже пережил в этой жизни! Нападение на аркадийцев, сражения с морскими народами... Однажды мы подались в горы и перебили бандитов. В то время я еще был молодым человеком и хорошим солдатом. Теперь же я работаю, чтобы йао жили еще комфортнее, и зарабатываю этим на мои собственные удобства. Так что, это не очень тяжелая жизнь.

— Наверное нет. Ты техник?

— Не такой уж и великий. Я проверяю на вагонной станции состояние колес.

— А в Сеттре работает много техников-чужестранцев?

— Да. В Кате чувствуешь себя весьма уютно, если только не будешь обращать внимание на сумасшествия йао.

— А вонк-люди тоже работают в Сеттре?

— Нет, никогда! Я какое-то время жил в Ао Залиле, восточнее Фаласского моря, и там видел, как с этим обстоят дела. Вонк-люди не хотят работать даже на вонков. Они лишь играют на своих странных маленьких инструментах и больше ничего.

— А кто же тогда работает в мастерских и на фабриках вонков? Черные или красные?

— Ба! Ни один из них не дотронется к тому, чего касалась рука представителя другой расы. В мастерских работают локары из темной страны. Этим они занимаются по десять или двадцать лет, после чего уже богатыми людьми возвращаются в свои деревни. Вонк-люди в мастерских? Это хорошая шутка. Они такие же гордые, как дирдир-люди из касты Безупречных. А я заметил, что в твоей компании есть и дирдир-человек.

— Да, это мой товарищ.

— Странно, что дирдир-человек снизошел до этого. До сегодняшнего дня я сталкивался близко с тремя из них, и все трое обошлись со мной, как с последним дерьмом.

Он выпил свое вино до дна.

— А теперь мне нужно идти. Всем желаю приятного вечера, в том числе и дирдир-человеку.

Пожилой человек вышел, и одновременно в таверну зашел бледный, черноволосый молодой человек в неброской голубой полотняной одежде. Рейту показалось, что этого человека он уже где-то видел мельком — но где? Медленно, почти безжизненно, тот прошел по проходу к стойке и заказал себе стакан пряного сиропа. Когда он, взяв

его, повернулся, его взгляд натолкнулся на Рейта. Вежливо кивнув, он после недолгих колебаний подошел к столику. Теперь Рейт уже вспомнил, кто это: помощник лорда Кизанте.

— Добрый вечер,— сказал молодой человек.— Может быть, ты меня узнал? Меня зовут Хельссе Исан, родственник голубых Йадов. Мне кажется, что мы сегодня уже встречались.

— Я перебросился парой слов с твоим господином.

Хельссе пригубил из своего стакана, скорчил гримасу и отставил стакан в сторону.

— Давай пойдем в более спокойное место, где мы могли бы поговорить,— предложил он.

Рейт переговорил с Анахо и Трезом и предложил молодому человеку идти вперед. Хельссе бросил взгляд на вход, но предпочел выйти через ресторан. В таверну зашел еще один человек, дико смотревший по сторонам: Дордолио.

Казалось, что Хельссе его не заметил.

— Поблизости есть маленькое кафе, не лучше и не хуже, чем другие. Но там нам никто не будет мешать,— объяснил он.

Посетители сидели в нишах под красными и синими лампами; несколько музыкантов играли на небольших гонгах и барабанах, а одна танцовщица двигалась весьма возбуждающим образом между посетителями. Хельссе выбрал нишу поблизости от двери и максимально удаленную от музыкантов, и они опустились на мягкие синие подушки. Хельссе заказал два бокала лесной настойки, которую через некоторое время поставили на стол.

Затем заиграли другие музыканты с флейтами, питаврами, скрипками и гобоем; у флейты был очень своеобразный тембр. Хельссе через стол наклонился к Рейту:

— Ты, наверное, еще не знаком с музыкой йао? Я так и думал. Здесь ты можешь услышать ее традиционное звучание.

— Ну да, эту композицию наверняка нельзя назвать веселой.

— Ты не думай, что йао — это обязательно грустный и печальный народ. Тебе было бы неплохо хоть однажды посетить бал. Ты бы удивился увиденному там.

— Я боюсь, что никогда не буду туда приглашен,— сказал Рейт.

— Надеюсь, что сегодняшние события не очень тебя огорчили,— произнес Хельссе.

— Ну, я был весьма раздражен. Я ничего не знал об этом вознаграждении. И ожидал, как минимум, определенной вежливости. Но оказанный мне у лорда Кизанте прием, когда я о нем вспоминаю, кажется мне очень странным.

Хельссе грустно кивнул.

— Он очень странный человек, но сейчас он находится в очень сложном положении. Как только ты ушел, появился этот Кавалер

Дордолио, назвавший тебя аферистом и потребовавший вознаграждение для себя. Говоря откровенно, то, как Дордолио торговался об условиях, повергло лорда в смущение. Ты, наверное, не знаешь того, что Голубые Йады и Золото—Карнеольные являются соперничающими домами. Лорд предполагает, что Дордолио собирался использовать вознаграждение для того, чтобы унижить Голубых Йадов, последствия чего предусмотреть просто невозможно.

— А что, в конце концов, обещал лорд в качестве вознаграждения?

— Он заявил: «Кто доставит мою дочь обратно домой или принесет мне, по крайней мере, правдивую весть о ней, тот может высказать мне свои желания, и я приложу все усилия, чтобы их выполнить». И хотя было сказано только для ушей Голубых Йадов, но явилось очень серьезным обещанием, не так ли? Однако теперь это уже не имеет значения.

— Мне кажется, что я доставлю Кизанте удовольствие, если воспользуюсь его великодушием.

— Это я и хотел сказать. Дордолио сделал в твой адрес несколько странных замечаний. Он заявил, что ты вроде бы являешься суеверным варваром, который снова хочет оживить Культ. Что у тебя будто бы есть цель потребовать от лорда Кизанте превратить свой дворец в храм и самому примкнуть к Культ. Поэтому Кавалер заявил, что лорду было бы лучше принять его, Дордолио, условия.

— Несмотря на то, что я первым пришел к нему?

— Дордолио приписывает тебе самые мерзкие трюки и чрезвычайно на тебя зол. Но если оставить это в стороне, что бы ты хотел получить от лорда Кизанте?

Рейт задумался. К сожалению, он не мог позволить себе такой роскоши и потребовать вознаграждение.

— Я, право, не знаю, — сказал он наконец. — Мне бы сначала нужен был хороший совет, так как я не имею ни малейшего понятия, что бы я мог получить.

— Попробуй получить этот совет у меня.

— Но ты не свободен от предвзятости.

— О, полагаю, что больше, чем ты думаешь.

Рейт рассматривал красивое, бледное лицо и спокойные черные глаза. Загадочный человек этот Хельссе, не сердечный и не холодный. Казалось, что говорил он очень осторожно, но при этом не давал заглянуть себе в душу.

Тут на сцену поднялся очень толстый человек в длинной коричневой робе. Позади него сидела женщина с длинными черными волосами и играла на своеобразной люте. Толстяк жалобно запел, но песня его была без слов. Казалось, что она не понравилась и Хельссе. Затем толстяк спел про ужасное преступление, которое он совершил, после чего стал печальным и мучающимся в сомнениях.

— Мне кажется, — наконец сказал Рейт, — что ситуация довольно абсурдна — обсуждать выгоды моего положения с помощником лорда Кизанте.

— Твои выгоды не обязательно должны быть неприемлемыми или неудобными для лорда, — ответил Хельссе. — Случай с Дордолио — совсем другое дело.

— Лорд не был настолько вежлив со мной, чтобы для меня было важно доставлять ему удовольствие. Естественно, я не хочу быть полезным и Дордолио, называющему меня мошенником и суеверным варваром.

— Может быть, лорд просто был расстроен твоим известием. Информация Дордолио была неточной и не должна вообще больше обсуждаться.

Рейт засмеялся:

— Дордолио знает меня всего месяц. Можно ли за такой короткий срок правильно оценить человека?

Хельссе улыбнулся:

— Моя оценка в основном правильна.

— Ну, а если я представляю взгляды Культа или стану утверждать, что Чай плоский или что люди могут жить под водой?

Хельссе подумал.

— Я задал бы себе вопрос: «А не можешь ли ты все-таки быть прав и не посоветоваться ли мне с умными людьми?» Насколько я знаю, вопрос этот остался бы без ответа, а это значит, что я могу позволить себе выработать мое собственное мнение. Пнумы могут хорошо нырять, да и вонки успешно это делают. Почему же люди, оснащенные хорошим оборудованием, тоже не могли бы плавать под водой?

— Чай не плоский, — ответил Рейт. — И люди с искусственными легкими могут некоторое время находится под водой. А о Культе и его доктрине я не имею никакого понятия.

На сцене появилась смешанная танцевальная группа, и Рейт несколько минут увлеченно смотрел на танцоров.

— Это традиционные танцы, — объяснил Хельссе, — и они прославляют искусство пыток. Многие из этих так называемых министрантов благодаря своей отточенной технике стали героями. Ну, пойдем. Кажется, ты проявлял некоторый интерес к Культу.

Хельссе встал:

— Я знаю одно из мест их сборищ, это недалеко отсюда. Если хочешь, я проведу тебя туда.

— А это не является нарушением законов Ката?

— Не бойся. В Кате не существует законов, одни лишь обычаи. И это очень подходит йао.

— Странно. Значит убийства не запрещены?

— При определенных условиях это является нарушением обычая. Тем не менее, Гильдия Убийц и Общество Услуг работают совершенно открыто, и никто не высказывает упреков по поводу этих предприятий. Народ Ката делает, как правило, то, что считает правильным. Так что ты спокойно можешь посетить Культ, чтобы повысить свой образовательный уровень.

— Хорошо, — сказал Рейт. — Веди меня туда.

Извилистым переулком они вышли на слабо освещенную улицу. Странные очертания домов вырисовывались на фоне ночного неба, на котором соревновались между собой Эз и Брез. Хельссе постучал в какую-то дверь, выкрашенную в голубую фосфоресцирующую краску. Дверь слегка приоткрылась, и в щель просунулось длинноносое лицо.

— Посетители, — сказал Хельссе. — Нам можно войти?

— Вы являетесь членами? Здесь находится районное отделение Общества Кающихся Беглецов.

— Мы не являемся членами. Этот господин — иностранец, и он хочет поподробнее ознакомиться с Култом.

— Пожалуйста, заходите. Правда, для беседы мы сейчас не можем предложить многого — убеждения, несколько теорий, очень небольшое количество фактов.

Ширма отодвинулась.

— Заходите.

Они вошли в длинное, сводчатое помещение. С одной его стороны двое мужчин и две женщины пили из железных горшков чай. Делали они это с абсолютно потеряннм видом.

Один из «беглецов» сделал насмешливый жест.

— Вот они, мы. Это и есть «ужасный Культ». Вы когда-нибудь видели что-либо более безобидное?

— Культ, — словно учитель объяснил Хельссе, — был запрещен не из-за воззрений их веры, а из-за вызывающих утверждений.

— Ба! Утверждений! — ответил длинноносый. — Да, другие преследуют нас. Но, тем не менее, мы — избранные знаний.

— А что такое особое вы знаете? — спросил Рейт.

— Мы знаем то, что люди на Чае — пришельцы.

— Откуда вы можете это знать? Человеческая история теряется в глубине веков, — заявил Хельссе.

— Это интуитивная правда. Мы уверены также в том, что однажды великие волшебники человечества доставят своих детей назад. Какая радость! Наша родина — это мир воздуха, который доставляет радость легким, и он слаще, чем самое сладкое вино Ифталы! А золотые горы, увенчанные опалами! А леса наших мечтаний! Смерть на той планете — это не неизбежность, а лишь несчастный случай.

Все люди там счастливы и полны мира; а питаются они там множеством вкуснейших вещей.

— Хм, очень интересные взгляды,— произнес Хельссе.— Но не слишком ли далеко вас занесло? Или это организационная догма?

— Возможно,— заявил несговорчивый «беглец».— Но догма не обязательно должны быть ложной. Бывают, правда, озарения. А озарение — это тоже картина родины людей.

Он показал на глобус, диаметром почти в три шага, висевший на высоте глаз.

Рейт поближе осмотрел этот глобус и попытался определить очертания морей и континентов. Кое-что показалось ему до странного знакомым, остальное же нет. Но, тем не менее, призрачное сходство присутствовало.

— Ну, какое же у тебя впечатление? — простодушно спросил Хельссе.

— Ничего особенного,— ответил Рейт.

Казалось, что Хельссе испытал при этом облегчение, а может, и разочарование; с уверенностью Рейт определить этого не смог.

Одна из двух женщин, очень толстая особа, встала и подошла к стоявшим.

— Почему вы не хотите вступить в Общество? Нам нужна свежая кровь, свежие лица. Разве вы не хотите помочь нам установить контакты с нашей настоящей родиной?

Рейт усмехнулся:

— Неужели у вас есть практический метод?

— Конечно! Телепатия. В настоящее время у нас нет никаких других вспомогательных средств.

— А почему бы не космический корабль?

Казалось, что женщина растерялась и резко посмотрела на Рейта, серьезно ли он говорит.

— Где же мы сможем взять космический корабль? — задала она вопрос.

— Ну, неужели нигде нельзя его купить? Хотя бы небольшой?

— Такого слышать мне еще не приходилось.

— Мне тоже,— сухо заявил Хельссе.

— И куда же ты полетел бы на нем? — спросил женщина.— Наша родина находится в созвездии Клари, однако расстояние это бесконечно. Чтобы добраться туда, нам потребовалась бы вечность.

— Задача, конечно, грандиозная,— промолвил Рейт.— Но если ваше предположение правильно...

— Предположение? — потрясенно спросила толстуха.— Это озарение, результат познания!

— Возможно. Но с одной мистикой невозможно отправляться в космический полет. Предположим, что у вас откуда-нибудь появился

космический корабль. Тогда вы очень просто сможете установить, правильны ли основы вашей веры. Летите в созвездие Клари и проверьте предполагаемое пространство на определенных частотах радиосигналов. Если эта родина существует, вы рано или поздно уловите ее сигналы.

— Интересно,— изрек Хельссе.— Так ты предполагаешь, что эта планета, если она существует, достигла уже такого прогресса, что может посылать сигналы?

Рейт пожал плечами.

— Если мы можем предположить себе такую планету, то почему бы так же не предположить и сигналы?

— Это все слишком поверхностно,— заявила толстуха.— В конце концов, каким же образом нам заполучить космический корабль?

— Имея достаточно денег и соответствующие технические знания, строительство небольшого космического корабля не составит большой проблемы.

— У нас нет денег,— пробормотала женщина.

— И если бы это было единственным препятствием,— вставил Хельссе.

— Но ведь можно купить небольшой корабль у дирдиров или вонков, в крайнем случае, у синих кешей.

Хельссе сжал губы.

— Я думаю, что если кто-нибудь и продавал бы корабль, то для этого понадобилось бы минимум полмиллиона секвинов.

— Но есть еще и третья возможность: конфискация. Просто и наверняка,— сказал Рейт.

— У кого же? У кого же? Мы, представители Культа, совсем не сумасшедшие,— толстуха затрясла головой.— Этот человек просто одичавший романтик.

Длинноносый сказал:

— Мы с удовольствием приняли бы тебя в свои ряды. Но сначала тебе нужно бы подучиться мыслить теоретически. Курсы по контролю над мыслями и по проекционной телепатии собираются два раза в неделю. Если ты желаешь...

— Я боюсь, что это невозможно,— заявил Рейт.— Тем не менее, ваша программа очень интересна, и я надеюсь, что она даст вам много полезного.

Хельссе махнул из вежливости рукой, и они оба вышли на улицу.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — спросил Хельссе через некоторое время.

— Ситуация говорит сама за себя,— ответил Рейт.— Я бы не сказал, что их доктрина — абсолютная глупость. Ведь ученые наверняка сопоставляли и проводили сходные параллели между пнумами, фангами, ночными собаками и другими жуткими тварями. Синие кешы,

зеленые кеши и старые кеши являются, в общем, родственниками, точно так же, как и все человеческие расы. Но пнумы, вонки, дирдиры, кеши и люди биологически очень различны друг с другом. О чем это тебе говорит?

— У тебя есть объяснение? Согласен, эти обстоятельства приводят меня в замешательство.

— У меня чувство, а нужно достаточное количество фактов. Может быть, «беглецы» станут хорошими тепепадами и еще смогут нас всех удивить.

Они молча пошли дальше и завернули за угол. Вдруг Рейт потянул Хельссе назад.

— Тихо, — прошептал он, и они притаились.

Быстрые, немного шаркающие шаги приблизились, и темная фигура завернула за угол. Рейт навалился на нее и захватил ее шею в ключ, не выпуская при этом из поля зрения и Хельссе.

— Включи свет, — сказал он. — Давай посмотрим, кто или что нам попало.

Хельссе достал из кармана осветительный прибор. Пойманный крутился, дергался и вырывался. Рейт сильнее сдавил ему шею, и послышался хруст костей. Фигура попыталась упасть, и Рейт чуть не потерял равновесие. Фигура победно зашипела, но тут блеснул металл, и она закричала от боли.

Хельссе выдернул из спины фигуры кинжал, и Рейт неодобрительно сказал:

— А ты скор на кинжал, Хельссе.

Тот пожал плечами:

— У них обычно есть холодное оружие.

Ногой он перевернул тело, и на мостовую со звоном упала стеклянная игла. С любопытством они всматривались в бледное лицо, которое почти не было видно из-под широкополой шляпы.

— Он ненавидел сам себя, как пнумек, и бледен, словно дух, — вслух подумал Хельссе.

— Это мог быть и вонк-человек.

— Наверное, это полукровка. Говорят, что они — лучшие шпионы. Он не похож ни на пнумека, ни на вонк-человека.

Когда Рейт снял с него шляпу, взорам представился лысый череп. Лицо его было скуластым, мускулатура — несколько вялой, нос тонким, хотя и переходил постепенно в форму картошки. Полуоткрытые глаза казались черными. Голова его была побрита.

— Пойдем, — торопил Хельссе. — Нам следует спешить, иначе придет патруль, и нам придется держать ответ.

— Не нужно особенно торопиться. Поблизости никого нет. Встань так, чтобы тебе была хорошо видна вся улица.

Хельссе стал внимательно прислушиваться, а Рейт обыскивал труп,

присматривая при этом и за Хельссе. В кармане плаща Рейт обнаружил какие-то документы, а на поясе висел кожаный кошелек. Он мигом забрал все это. Они быстро вернулись к «Овалу». У входа в гостиницу они остановились.

— Вечер прошел интересно, — сказал Рейт. — Я многому научился.

— Я хотел бы сказать то же самое, — ответил Хельссе. — А что ты забрал у того мерзавца?

Рейт показал ему кошелек, в котором была только горсть монет. Затем он осмотрел бумаги. Они были покрыты странными знаками — прямоугольниками, закрашенными разными цветами, — и снабжены какими-то обозначениями.

— Ты знаешь этот шрифт? — спросил Рейт.

Хельссе засмеялся:

— Это шрифт вонков. Теперь дело стало еще более таинственным. Сетра — отличное место для шпионов.

— А шпионское оснащение? Микрофоны? Глазки для подсматривания и прочее?

Хельссе кивнул.

— Тогда можно предполагать, что храм «беглецов» тоже прослушивается... Наверное, я сказал там кое-что лишнее.

— Если убитый был шпионом, никто ни о чем не узнает. Но дай бумаги на хранение мне; я отдам их, чтобы мне перевели этот текст. Недалеко отсюда есть колония локаров, и я надеюсь, что кто-нибудь из них достаточно владеет этим языком.

— Мы пойдем туда вместе. Тебя завтра устроит?

— Да, конечно. Что мне сказать лорду Кизанте относительно вознаграждения?

— Я пока что еще не знаю. Я скажу тебе об этом завтра, — пообещал Рейт.

— Может быть, этот пункт прояснится еще раньше. Вон там стоит Дордолио.

Действительно. К ним подошел Дордолио в сопровождении двух Кавалеров. Он кипел от гнева. За два шага от Рейта он остановился.

— Своими подлыми штучками ты меня уничтожил! — вскричал он. — Неужели тебе абсолютно не стыдно?

Он сорвал с головы шляпу и швырнул ее в лицо Рейту. Но промахнулся, так как Рейт уклонился. Шляпа пролетела дальше и упала на площади.

Дордолио потряс кулаком возле лица Рейта.

— Смерть тебе обеспечена, — орал он. — Но ты не удостоишься чести быть убитым моим мечом! Убийцы низшей касты смешают тебя с дерьмом животных. Двадцать бродяг разделают твой труп на кусочки, и пес за высунутый язык будет таскать твою башку по улице.

Рейт криво усмехнулся.

— Кизанте поступит так же, если я потребую организовать подобное и для тебя. Это тоже будет неплохим вознаграждением.

— Кизанте! Ба, этот сумасшедший выскочка! Голубые Йады — ничто! Закат этого дома лишь улучшит жизнь общества.

Вперед выступил Хельссе.

— Пока ты тут делишься своими замечательными выводами, не забывай, что я представляю именно дом Голубых Йадов и буду вынужден сообщить содержание твоих речей Его Превосходительству.

— Не нагоняй на меня скуку этим вздором, — заорал Дордолио. Он продолжал виться вокруг Рейта. — Ты сейчас же принесешь мне мою шляпу или уже завтра тебе придется пережить первое из двенадцати прикосновений!

— Если это ускорит твое исчезновение, то сделаю это с удовольствием, — со смехом сказал Рейт и поднял шляпу. — Вот твоя шляпа, которую ты так небрежно бросил на площади.

После этого он обошел Кавалера и вошел в холл гостиницы. Дордолио хрипло засмеялся и напялил шляпу. Затем он кивнул своим сопровождающим и быстро ушел.

— Что значат эти двенадцать прикосновений? — спросил Рейт в холле.

Хельссе объяснил:

— В течение двух дней убийца будет дотрагиваться до жертвы иглой, или, как мы выражаемся, сучком. Двенадцатое прикосновение становится смертельным. Человек умирает либо от действия постепенно накопившегося яда, либо от передозировки, либо от болезненного воздействия. В каждом конкретном случае это знает только Гильдия Убийц. А теперь мне нужно возвращаться во дворец. Лорд Кизанте захочет еще сегодня услышать мой доклад.

— А что ты ему расскажешь?

Хельссе рассмеялся.

— И ты, самый замкнутый человек, задаешь такие вопросы! Кизанте наверняка хочет услышать, что ты принимаешь вознаграждение и, возможно, в скором времени уедешь из Ката.

— Но я не говорил ничего подобного.

— Но мой отчет будет выглядеть именно так.

Глава 8

Когда Рейт проснулся, сквозь толстые стекла на него падал желтоватый свет. Лежа на непривычной тахте, он попытался систематизировать нити своей жизни. При этом ему стоило немалого труда остаться оптимистом. Кат, на который он возлагал столько надежд,

был ни на йоту не лучше, чем степь Эмен. Было нелепо рассчитывать на постройку в Сеттре космического корабля.

Он пережил ужасы, печаль и крах иллюзий; но в жизни всегда возникали моменты триумфа и надежд и даже, наверное, радости, хотя и были они очень короткими. Если ему суждено умереть завтра или после двенадцатого прикосновения, то он может сказать, что прожил интересную и замечательную жизнь. Ну хорошо. Как выяснилось, Хельссе говорил о его скором отъезде из Ката и при этом, возможно, он увидел его — Рейта — сущность и будущее даже лучше, чем он сам.

За завтраком он поведал Анахо и Трезу о своих приключениях. Анахо высказал мнение, что все это не очень хорошо.

— Все они здесь — сумасшедшее общество, ленивое, как тухлое яйцо. И, так как ты всегда ставишь перед собой одну единственную цель — за что я считаю тебя самым ненормальным из всех ненормальных — могу тебя заверить, что здесь ее ты не достигнешь.

— Я тоже так думаю, — ответил Рейт.

— А что же будет теперь? — осведомился Трез.

— То, что я планирую — очень опасно; может быть, это даже сумасшествие. Но я не вижу другой возможности. Я хочу попросить у Кизанте денег. Деньги мы разделим. После этого мы расстанемся. Ты, Трез, сможешь вернуться в Винесс и начать новую жизнь. Ты, Анахо, сможешь поступить точно так же. Вы ничего не выиграете от того, что останетесь со мной. Я скажу даже больше: со мной вас всегда будет сопровождать несчастье.

— До этого времени, — заявил Анахо, — мы всегда выходили из всех перипетий живыми, хотя иногда и бывали на волосок от смерти. Мне бы хотелось знать, чего ты собираешься достичь. С твоего разрешения, я хочу присоединиться к твоей экспедиции, которая, безразлично, как она будет выглядеть, не кажется мне такой уж сомнительной, каковой ты ее представляешь.

— Я намереваюсь украсть космический корабль у вонков. Из космического порта Ао Хидис или еще откуда-нибудь.

— На меньшее я и не рассчитывал, — сухо заметил Анахо. Естественно, по этому поводу у него имелась масса возражений.

— Здесь все должно быть правильно рассчитано, — продолжил мысль Рейт. — Возможно, что все свое будущее я проведу в застенке у вонков или в брюхе у ночной собаки. Но, тем не менее, я хочу попытаться это сделать. Отправляйтесь с Трезом на Облачные Острова и устройте себе там красивую жизнь.

— Ба! А почему ты не ставишь перед собой более грандиозную задачу, например, полное истребление пнумов или организация уроков пения с кешами?

— Мое честолюбие имеет другую направленность.

— Да, я это знаю. Оно направлено к твоей далекой планете, родине людей. Я постараюсь помочь тебе, но только для того, чтобы доказать, какой ты ненормальный.

— А я, — сказал Трез, — хочу увидеть его далекую планету. Я знаю, что она существует, потому что видел его космический корабль, когда он только прилетел.

Удивленно подняв брови, Анахо посмотрел на юношу:

— Но ты об этом никогда не говорил.

— Но ведь ты меня никогда об этом не спрашивал.

— Как я мог дойти до такой абсурдной идеи?

— Люди называть факты абсурдом не стоит, так как потом очень часто приходится менять свое мнение.

— Ну, идемте, — обратился к ним Рейт. — Если вы все же готовы идти на самоубийство, наша энергия пригодится нам для других вещей. Сегодня мы будем заниматься сбором информации. А вот и Хельссе. По его лицу я вижу, что он принес нам интересные известия.

Хельссе очень вежливо приветствовал всех троих.

— Ты можешь себе представить, — обратился он к Рейту, — что вчера вечером мне пришлось долго докладывать. Лорд Кизанте дал мне задание: ты должен сделать разумное предложение, на которое он с удовольствием согласится. Он предлагает бумаги, которые мы изъяли у убитого, уничтожить, и я тоже поддерживаю это мнение. А лорд Кизанте мог бы потом пойти и на дальнейшие уступки.

— Какого характера?

— Я предполагаю, что он откажется от некоторых протокольных церемоний, если ты остановишься во Дворце Голубый Йадов.

— Документами я интересуюсь больше, чем лордом Кизанте. Если же он хочет меня видеть, то может сам прибыть в гостиницу.

Хельссе весело засмеялся:

— Твой ответ меня не удивляет. Я сейчас хочу отвезти тебя в Южный Эброн, где мы поищем локара.

— А разве нет ученых йао, которые понимают тексты вонков?

— Для йао такие знания непрестижны.

— За исключением случая, когда кто-нибудь хочет прочитать документы. Но я боюсь, что в этом отношении мы никогда не достигнем единого мнения.

Хельссе прибыл в неопишимо элегантной машине. У нее было шесть высоких ярко-красных колес, и она была украшена массой золотых кистей. Внутри был роскошный салон, отделанный в серых тонах. Сидения были обиты толстым мягким материалом, и под окном из бледно-зеленого стекла стоял буфет с вазами, наполненными сладостями. Хельссе очень вежливо пригласил своих гостей внутрь. На нем был бледно-зеленый костюм в серую полоску, который по своему пошиву и расцветке очень подходил к салону машины.

Когда все уселись, он нажал на кнопку. Дверь закрылась, ступеньки автоматически поднялись.

— Кажется, лорд Кизанте только теоретически отказывается от всего практичного, — заметил Рейт.

— О, он даже не догадывается о существовании подобного механизма. В машине всегда есть кто-нибудь, кто нажимает эту кнопку. Как и другие представители своего класса, он соприкасается со всем только для своего удовольствия. Ты считаешь это странным? Но тебе придется воспринимать дворян йао такими, какие они есть.

— К таковым ты себя, естественно, не причисляешь.

Хельссе рассмеялся.

— Я бы выразил это иначе: я получаю удовольствие от того, что делаю...

Машина тронулась с места, и Хельссе предложил прохладительные напитки.

— Мы поедem в тот район, откуда черпаем наши богатства, хотя говорить об этом считается у нас вульгарным.

— Такими надменными дирдиры не бывают никогда; — заявил Анахо.

— Вы другая раса. Высокомерие? Я бы этого не сказал. Вонки бы наверняка это оспаривали.

На это Анахо только пожал плечами и ничего не ответил.

Рыночный квартал состоял преимущественно из небольших жилых домов самых разнообразных стилей. Перед нагромождением невысоких широких башенок из кирпича машина остановилась. Хельссе показал на сад за домами, в котором сидело несколько человек в удивительных одеяниях. На них были светлые рубашки и штаны; их длинные, пышные волосы тоже были белыми. При этом кожа их была черной, словно уголь.

— Локары, — сказал Хельссе. — Пришельцы из высокогорий, лежащих севернее Фаласского моря в Центральном Кословане. Они механики. Эти цвета не естественные для них. Они обесцвечивают волосы и красят кожу. Некоторые утверждают, что к этому их принудили вонки еще несколько тысяч лет назад, чтобы их можно было сразу отличить от вонк-людей, кожа которых от природы белая, а волосы черные. Это очень искусный народ, и работают они там, где могут больше заработать. Некоторые работают в мастерских вонков, и многие понимают кое-что из их языка; возможно, что кто-нибудь из них расшифрует эти записи. Видите пожилого человека, играющего с ребенком? Это знаток. С ним я буду разговаривать и договариваться. Наверняка он запросит солидную сумму; и по этой причине я буду вынужден с ним поторгаться.

— Одну минутку, — попросил Рейт. — Я абсолютно уверен в твоей

честности, но по своей природе я очень недоверчивый человек, поэтому я пойду с тобой.

— Как хочешь. Я поцелю шофера, и он приведет его сюда.

— Мне кажется,— пробормотал Анахо,— что все уже давно договорено.

Через несколько минут человек подошел к машине и просунул голову через окно.

— Мое время стоит денег,— сказал он.— Что вы от меня хотите?

— Ты можешь кое-что заработать.

— Заработать? Ну, тогда я могу вас выслушать.

Он забрался в машину, и обитые сидения приняли его в свои объятия, от чего он удовлетворенно хрюкнул. Вся машина сразу же пропиталась прогорклым запахом мускусной помады. Хельссе встал перед ним.

— Наше соглашение потеряло силу,— сказал он, косясь на Рейта.— Так что руководствоваться моими инструкциями не нужно.

— Инструкции? Соглашение? О чем ты говоришь? Ты, наверное, принимаешь меня за кого-то другого. Меня зовут Зарфо Детвайлер.

Хельссе махнул рукой.

— Это все равно. Мы хотим, чтобы ты перевел нам один документ вонков... Эта бумага покажет путь к сокровищам. Но переводы точны? И тогда ты войдешь в долю.

— Нет, так не пойдет. Я с удовольствием разделю с вами добычу, но я хочу прямо сейчас получить сто секвинов и не принимаю в свой адрес никаких упреков, если перевод вас не удовлетворит.

— Хорошо. Упреков не будет. Но сто секвинов неизвестно за что? Это смешно! Вот тебе пять секвинов и угощайся всем, что здесь стоит, сколько тебе захочется.

— Последнее я сделаю и так — разве я не ваш гость?

Зарфо Детвайлер забросил в рот полную горсть леденцов.

— Но пять секвинов? Ты думаешь, я олух? Лишь три человека во всей Сеттре могут сказать тебе, где в документах вонков верх, а где низ. А я единственный, кто может их прочесть, так как тридцать лет проработал в их мастерских.

Наконец, сошлись на пятидесяти секвинах наличными и десятой части будущей добычи. Рейт передал ему бумаги.

Старик просмотрел бумаги и пригладил черными пальцами белую гриву.

— Я хочу бесплатно рассказать вам кое-что о вонках. Это очень странный и своеобразный народ. Их мозг работает, как пульс. Так они видят, так они думают и точно так же они говорят. Каждая идеограмма — это смысловое единство. Исходя из этого, чтобы расшифровать текст, нужно попытаться логически осмыслить каждую идеограмму

Что же касается вонк-людей, то те в выражении мыслей не особенно точны. Ну, а теперь перейдем к документам.

Вот этот первый значок Хм. Видите этот гребень? Он почти всегда обозначает идентичность. Четырехугольник этого цвета, как правило, значит «правда» или «разрешенное наблюдение», а, может быть, и «теперешнее состояние космоса». Этот значок — ну, я точно не знаю... Этот цвет здесь... Я думаю, что это обозначает лицо, которое говорит. Закрашенное внизу... мне кажется, это значит... точно, совершенно верно, это положительное волеизъявление. А эти значки обозначают, что здесь имеется в виду определенный порядок какого-то процесса, а другие, вот здесь, указывают на другие элементы. Я не могу их понять, могу только предположить общий смысл. Все это должно в общем звучать примерно так: «Я хочу доложить, что условия идентичны или без изменений» или «лицо прилагает чрезвычайные усилия доказать, что космос стабилен». Что-то в этом духе. Ты уверен, что в этом сообщении речь идет о сокровищах?

— Документы мы приобрели именно по этой причине.

— Хм,— Зарфо шмыгнул своим длинным черным носом.— Посмотрим. Этот второй символ... Ты видишь этот цвет и этот уголок вот здесь? Это значит «взгляд», а другой — «преклонение». Построения фразы я не понимаю, но вот это может означать «невидимость» или «слепоту»...

Так Зарфо еще долго размышлял вслух, толкуя на разные лады каждую идеограмму, каждый цвет и каждый уголок. При этом он иногда случайно обнаруживал смысловое значение, но в большинстве случаев он был вынужден признавать, что точный смысл ему понятен не был.

— Вас изрядно надули,— наконец сделал он вывод.— Я почти уверен, что здесь не упоминаются ни деньги, ни сокровища. Мое мнение таково, что это отчет о торговле. Содержание, насколько я могу в этом разобраться, должно быть следующим: «Я хочу доложить, что условия не изменились». Дальше идет что-то о желаниях, надеждах и взглядах. «В ближайшее время я хочу встретиться с командиром, руководителем нашей группы»,— написано дальше, хотя мне совершенно непонятно, что написано между этим. Дальше: «Руководитель не хочет оказывать помощь» или «остается высокомерным». Дальше, кажется, что руководитель постепенно меняется, с ним происходит метаморфоза и он превращается во врага. Во всяком случае, это изменение, но какое, я понять не могу. «Мне нужно больше денег»,— это я понимаю совершенно ясно. Далее идет что-то о прибытии чужестранца «большой значимости». Вот это примерно и все.

У Рейта возникло чувство, что при этом Хельссе испытал неимоверное облегчение.

— Разумеется, это не Бог **ведь** какая информация, — произнес Хельссе. — Но ты сделал, конечно все то, что было в твоих силах. Вот тебе твои двадцать секвинов.

— Двадцать секвинов? — возмущено гудел Зарфо Детвайлер. — Мы договаривались на пятьдесят! Как же я смогу купить себе кусочек пуга, если меня все постоянно обманывают?

— Почему это ты хочешь за получасовую работу купить сразу же себе пуг? Ну, конечно, если уж ты такой жадный...

— Жадный? Нет уж, действительно! В следующий раз ты сам будешь расшифровывать свои бумажки.

— Естественно, я сделаю это, так как твоя помощь **все равно** была не особенно ценной.

— Тебя обвели вокруг пальца. С сокровищами тебя **все равно** обманули.

— Кажется, это действительно так. Так что, **счастливо** оставаться Рейт последовал за Зарфо, сказав при этом Хельссе:

— Я останусь здесь, так как хочу еще **немного** поговорить с этим человеком.

Хельссе это не очень понравилось.

— Нам нужно еще кое-что обсудить. Этого **нельзя** откладывать, так как лорд Кизанте ждет твоей информации.

— Сегодня после обеда я тебе дам окончательный ответ.

Хельссе коротко кивнул.

— Хорошо, как тебе угодно.

Машина отъехала. Рейт и локар стояли на улице.

— Здесь есть где-нибудь кабачок, где мы могли бы поболтать за бутылкой вина?

— Я локар, — проворчал чернокожий человек, — и я не затуманиваю сознание крепкими напитками. Во всяком случае, до обеда. Но, если тебе этого очень хочется, ты можешь купить мне вкусную сосиску, а может, еще и хорошего сыра...

— С удовольствием.

Зарфо привел его к магазинчику. Рейт заплатил, они взяли каждый свои покупки и сели за столик, стоявший на улице.

— Я удивляюсь, как хорошо ты читаешь идеограммы, — сказал Рейт. — Где ты этому научился?

— В Ао Хидисе. Я работал там подмастерьем у резчика штампов и печатей. Он был гением. Он научил меня распознавать некоторые знаки и понимать разницу в цветах, так как они употребляются иногда в соответствии с общими правилами, а иногда же только исходя из логики или интуиции. Очень сложно отличать значение в зависимости от цветового оттенка — Зарфо старательно откусил кусок от своей сосиски. — Вонк-люди, и я должен это заметить, не особенно вникают в эту науку. Но как только они начинают подозревать, что кто-нибудь

из локаров старательно учит язык вонков, его сразу увольняют. О, это умные люди и они сразу сообразили, что никому нельзя давать уменьшать их роль как посредников между миром вонков и миром людей. Станный народ! Красота их женщин подобна черным жемчужинам, но души их ужасны и холодны. Хотя от маленького, невинного флирта они не отказываются.

— Вонки хорошо платят за работу?

— Как можно меньше, как и все остальные. Но при этом мы еще должны идти на уступки. Если возрастут расценки на рабочих, они заведут себе рабов или научат черных или красных — одну или другую расу. И тогда мы потеряли бы работу, а может, вместе с этим, и нашу свободу. Так что, мы жалуемся как можно меньше и ищем, где придется, работу, которая оплачивается лучше, так как в своем ремесле мы достигли определенных вершин.

— Очень вероятно, что йао Хельссе, который был одет в серое и зеленое, будет тебя спрашивать, о чем мы разговаривали. Возможно, при этом он будет предлагать тебе деньги.

Зарфо снова откусил кусок сосиски.

— Конечно, если это будет хорошо оплачено, я скажу то, что ты пожелаешь.

— В таком случае, наша беседа состояла из приятных похвал и общих слов, которые нам обоим ничего не дали.

— А как ты себе представляешь оплату?

— Ты можешь потребовать у меня столько же, сколько ты хотел получить с Хельссе. Но что, если он предложит тебе больше.

Зарфо вздохнул:

— У тебя очень плохое мнение о локарах. Мы всегда связаны своим словом. Если мы сначала договариваемся о сумме, то всегда остаемся верными договору.

Торговля продолжалась еще некоторое время почти в сердечном духе, и Зарфо согласился, что за сумму в двадцать секвинов он будет молчать так же надежно, как он бережет свой кошелек. После этого указанная сумма поменяла своего владельца.

— А теперь давай ненадолго возвратимся к этим документам вонков. Там речь шла о каком-то руководителе. Как его можно разделить?

— Серый цвет указывает на лицо высокого положения или на лицо, находящееся в преимущественном положении и хорошо это понимающее. Все это очень сложно. Когда вонк что-то читает, у него в сознании возникает определенное значение и всплывают соответственные образы, которые отражают все до мелочей. Вонк получает точную умственную картину. В нашем же воображении возникают лишь неопределенные контуры, так как мы не впитали этот язык и это

письмо с молоком матери. К сожалению, больше я тебе рассказать ничего не смогу.

— Ты работаешь в Сеттре?

— И ты это говоришь?! Какой стыд! Обедневший человек в моем возрасте... Но я приближаюсь к своей цели и сразу же, когда я ее достигну, возвращусь в Смарагаш в Локаре, чтобы купить там небольшой луг и наслаждаться молодой женщиной и уютным креслом у огня.

— Ты работал на космических верфях в Ао Хидисе?

— Да, с инструментальной фабрики я перешел на космические верфи, где ремонтировал очистители воздуха, после чего снова устанавливал их на место.

— Значит, механики локаров очень опытные?

— О, это да!

— А некоторые из механиков специализируются на установке оборудования и контрольных приборов, не так ли?

— Ясное дело. И то, и другое — очень сложная работа.

— А много таких механиков переехало в Сеттру?

Зарфо бросил на Рейта оценивающий взгляд:

— Во сколько ты оцениваешь эту информацию?

— Эй, успокой свою жадность. Денег больше нет, но если ты захочешь, я для тебя куплю еще одну сосиску.

— Может быть, чуть попозже. Ну, о механиках В Смарагаше их есть несколько десятков или даже сотен, которые, проработав старательно всю жизнь, ушли на покой.

— Будут ли они готовы принять участие в одной опасной затее?

— Наверняка. Если опасность не выходит за определенные границы и это обещает большой доход. Что ты конкретно предлагаешь?

Рейт отбросил всякую осторожность.

— Предположим, что кто-то захотел украсть космический корабль вонков и улететь в какое-то неопределенное место — сколько для этого потребовалось бы специалистов и сколько они могут стоить?

К облегчению Рейта Зарфо не был потрясен услышанным. Он задумчиво пережевывал хлеб с сосиской, громко отрыгнул и сказал:

— В шутку мы довольно часто обсуждали такую возможность. Она вполне реализуема, потому что корабли особо не охраняются. Зачем тебе космический корабль? Сам я совершенно не желаю, скажем, посетить дирдиров на Сиболе или проверять на себе бесконечность пространства.

— О цели говорить я не могу.

— А какие деньги ты можешь предложить?

— Так далеко я свои планы еще не разрабатывал. Сколько, по-твоему, это может стоить?

— Для того, чтобы рисковать жизнью и свободой, меньше, чем за пятьдесят тысяч я не ступлю даже и шага.

Рейт встал.

— Ты получил свои сорок секвинов, я получил информацию. Я надеюсь, что ты, как и обещал, будешь молчать.

— Но, но, не так быстро, — возразил Зарфо. — Я старый человек и моя жизнь не стоит уже слишком дорого. Тридцать тысяч? Двадцать? Десять? Нам нужно еще примерно пять человек. Это будет длительное путешествие?

— Как только мы выйдем в космос, я сразу же назову свою цель. Десять тысяч секвинов — это только задаток. Те, кто полетит вместе со мной, вернутся такими богатыми, какими они не видели себя даже в самых смелых снах. И вот еще что: Сеттра кишит шпионами. Чрезвычайно важно, чтобы мы не привлекали ни малейшего внимания.

Зарфо засмеялся:

— Сегодня утром ты приезжаешь в элегантной машине, стоящей много тысяч секвинов. Так что, за нами уже следят.

— Это я уже заметил, но шпион весьма неуклюжий. Когда мы снова встретимся? И где?

— Завтра, сразу же после завтрака возле лавки торговца пряностями на базаре. Но обрати внимание на то, чтобы за тобой никто не следил. А тот парень, который за нами наблюдает, судя по его виду — убийца.

В этот момент тот подошел к столику.

— Ведь это ты Адам Рейт?

Рейт кивнул.

— Тогда я должен с сожалением тебе сказать, что Гильдия Убийц заключила относительно тебя контракт на смерть от двенадцатого прикосновения. А сейчас будет первое из них. Не будешь ли ты так любезен, закатать свой рукав? Я легонько уколую тебя деревянной иглой.

— Лучше не трогайте меня, — заявил Рейт.

— Исчезни, — заорал на него Зарфо Детвайлер. — Для меня этот человек живым стоит десять тысяч секвинов, а мертвым — ни одного.

Убийца обратился к Рейту:

— Пожалуйста, не устраивай сцен, иначе дело будет неприятным для нас обоих. Итак...

— Исчезни, сказал я тебе, — прорычал Зарфо и, схватив стул, ударил им заказанного убийцу. Затем он схватил деревянную иглу и уколол ею того через ткань штанов в ногу. Тут раскрылся кошелек убийцы. Зарфо выгреб из него целую горсть таких же иголок и начал втыкать их одну за другой в наиболее болезненные места, начиная шеей и кончая ягодичами.

— Вот, теперь ты уже получил свои двенадцать прикосновений,

глупый убийца! Может, ты теперь хочешь получить и с тринадцатого по двадцать четвертое? Или тебе необходимо специальное обслуживание?

— Нет, нет, нет, я уже и теперь мертвец!

На улице собралась толпа зевак и наблюдала за происходящим. Мимо пробегала толстая женщина в розовой шелковой одежде.

— Ты, подлец волосатый, что ты сделал с этим несчастным убийцей? Ведь он всего лишь честный представитель своей профессии.

Зарфо взял в руку список, выпавший у убийцы из сумки, и пробежал его глазами.

— Подожди, мне кажется, что следующим по списку идет твой муж, — обратился он к ней, и встревоженная женщина поспешила прочь.

Зарфо повел своего партнера в сарай, который был скрыт со стороны улицы густо заросшим забором.

— Здесь мы в надежном месте. Это морг. А теперь скажи мне, кто твой враг?

— Наверное, известный мне Дордолио. Но совершенно точно я сказать этого не могу.

— Хм. Посмотрим... Адам Рейт, стиль восемнадцать, оплачено по тарифу... Хм. Попробуем определить это по списку. Пойдем ко мне в дом.

Он привел Рейта в одну из кирпичных башен. В холле на столике стоял телефон. Зарфо попросил соединить его с Гильдией Убийц.

— Речь идет о контракте два-три-ноль-пять, Адам Рейт, — сказал он. — Я хочу заплатить деньги.

— Момент, господин, сейчас я посмотрю, — произнес голос на другом конце провода. Через некоторое время голос снова отозвался. — Контракт уже оплачен. Владелец квитанции и заказчик Хельссе Йсам. Здесь это однозначно.

— А для меня нет. Хорошо, я попытаюсь связаться с указанным здесь лицом.

Глава 9

Рейт вернулся в гостиницу и обнаружил Треза в холле.

— Ну, что было после того, как я остался у локара? — спросил Рейт.

— Этот Хельссе стал каким-то молчаливым. С нами он почти не разговаривал, но, тем не менее, рассказал, что вечером будет ужинать с владыкой Голубых Йадов и что мы вроде бы туда тоже приглашены. Но он, как-будто, собирается еще дополнительно сообщить нам об этом в официальном порядке и в предписанном стиле. После этого он уехал.

Все это показалось Рейту довольно непонятным. Зачем было Хельссе ускорять его смерть, к которой должны были привести двенадцать следующих непосредственно друг за другом прикосновений?

— День был весьма насыщенным, — сказал он Трезу, — и я уже совершенно ничего не понимаю.

— Чем быстрее мы покинем Сеттру, тем лучше, — сказал Трез, и Рейт не мог с ним не согласиться.

Появился Анахо, только что от парикмахера и великолепно выглядящий, в новой черной куртке с высоким воротником, синих штанах и мягких невысоких сапогах, носы которых были модно изогнуты. Рейт отвел его в сторону и рассказал ему о событиях дня и сделал вывод, что деньги, которые они рассчитывали получить у лорда Кизанте, все еще были нужны.

Ближе к вечеру явился облаченный в канареечно-желтый бархат Хельссе и осведомился, доставляет ли им удовольствие пребывание в Кате.

— Я еще никогда не чувствовал себя так хорошо, — заявил Рейт.

— Отлично! Относительно сегодняшнего вечера лорд Кизанте считает, что ужин с соблюдением всех формальностей был бы для вас весьма утомительным. Поэтому он хочет предложить вам неофициальный фуршет, на который, если вы, конечно, не возражаете, я хочу сразу же вас отвезти.

— Мы готовы. Но, чтобы избежать недоразумений, сразу скажу: настаиваем на достойном приеме, — заявил Рейт. — Мы рассчитываем, что нас не будут запускать во дворец с черного хода.

Хельссе сделал возражающий жест.

— По случаю незначительного события — небольшой прием, так гласит наше правило.

— Наш уровень требует того, чтобы нам был предоставлен парадный вход. Если лорду Кизанте такие условия не подходят, он может встретиться с нами в другом месте. Например, в таверне напротив «Овала».

Хельссе недоверчиво засмеялся:

— Он скорее согласится облачиться в плащ и шапку профессионального клоуна. Ну, ладно, чтобы избежать сложностей, мы воспользуемся парадным входом, что, в конце концов, не так уж и важно.

Рейт усмехнулся:

— Особенно учитывая то, что Кизанте приказал провести нас во дворец через посудомойку. Ну ладно, идем.

В просторном, черном, открытом автомобиле они доехали до Дворца Голубых Йадов, и после того, как Хельссе несколько озабоченно окинул взглядом весь фасад здания, трое чужестранцев были проведены через парадный вход. Хельссе переговорил о чем-то со

службой, после чего отвел гостей в небольшой зелено-золотистый салон, выходящий во двор. Лорда Кизанте нигде видно не было, но Хельссе пообещал, что через несколько минут он появится. После этого он и сам исчез.

Прошло некоторое время, и появился лорд. Он был одет в длинные белые одежды, белые мягкие туфли и черную шапочку. Он выглядел мрачным и недовольным.

— Кто из вас тот человек, с которым я уже раньше разговаривал?

Хельссе что-то ему шепнул, и он повернулся к Рейту.

— Ах, да, я припоминаю. Ну, устраивайтесь поудобнее. Хельссе, приказал ли ты принести что-нибудь для освежения?

Слуга уже вез тележку со сладкими вафлями, солеными бубликами, острым мясом и вином. Рейт выбрал вино. Трез — стакан сиропа, а Анахо взял зеленой эссенции. Кизанте взял палочку ладана и обошел с ней помещение.

— У меня плохие новости для вас, — сказал он. — Я взял назад свои предложения и обещания. Другими словами, вам нечего ждать вознаграждения.

Рейт подумал.

— Значит, вы оплачиваете предложения Дордолио?

— Я не буду распространяться на эту тему, а вы можете принимать мой ответ так, как вам угодно.

— У нас к вам нет никаких претензий, — объяснил Рейт. — Я вчера приехал только для того, чтобы сообщить вам о судьбе вашей дочери.

— Обстоятельства меня больше не интересуют.

Анахо в ответ на это засмеялся.

— Разумеется! Ведь тогда вы должны были бы сдержать ваши обещания. А вы, между тем, наняли для моего друга убийцу.

— Убийца? Что вы имеете в виду? — спросил лорд.

— Ваш помощник... — Рейт указал на Хельссе, — заключил с Гильдией контракт по форме восемнадцать, чтобы меня убили. И я думаю о том, что нужно предостеречь и Дордолио. Ваше благоизъявление, лорд, имеет ядовитые иглы.

— Что это значит? — спросил лорд своего помощника.

Хельссе приподнял черные брови:

— Я только хотел честно исполнить свой долг.

— Торопыга! Ты хочешь выставить Голубых Йадов в смешном свете? Если это получит огласку...

Хельссе лишь пожал плечами и налил себе стакан вина.

Рейт встал:

— Я считаю, что наши дела на этом можно считать законченными.

— Минутку... Мне нужно подумать... Тебе наверняка ясно, что так называемый заказ на убийство — это чистая ложь?

Рейт покачал головой.

— Нет, нет. Меня слишком часто обманывали. Я скептик.

Лорд Кизанте резко повернулся, при этом палочка ладана упала на ковер и прожгла в нем дырку. Рейт поднял ее и положил на сервировочную тележку. Лорд Кизанте кивнул Хельссе, пошпентался с ним о чем-то в углу и вышел.

— Лорд Кизанте поручил мне, — объявил Хельссе, — сразу же выплатить вам десять тысяч секвинов — при условии, что вы еще сегодня покинете пределы Ката и первым же отплывающим кораблем направитесь из Верводеи обратно в Котан.

— Со стороны лорда Кизанте это необычайная наглость, — сказал Рейт.

— И сколько же он еще готов заплатить? — мимоходом спросил Анахо.

— Он не назвал суммы, — продолжал Хельссе. — А интерес его состоит только в вашем отъезде, который все облегчает.

— Тогда мы хотим получить миллион секвинов, — заявил Анахо. — Если уж с нами обошлись недостойно, то ему придется за это и дорого заплатить.

— Слишком дорого. Двадцати тысяч должно вам хватить, — сказал Хельссе.

— Нет, никогда. Нам нужно намного больше, — ответил Рейт.

Хельссе по очереди посмотрел на всех троих.

— Чтобы сократить переговоры, я назову вам максимальную сумму, которую желал бы заплатить лорд Кизанте: пятьдесят тысяч секвинов. Я считаю, что это слишком щедро. И, конечно, проезд до Верводеи тоже за его счет.

— Мы принимаем эти условия, но только в том случае, если договор на убийство будет расторгнут, — заявил Рейт.

— В этом отношении я уже получил соответствующие инструкции. А когда вы собираетесь выехать из Сеттры?

— Через день. Или через два.

Имея в кармане пятьдесят пурпурных полосок по тысяче секвинов, они вышли из дворца и влезли в маленький черный автомобиль; на этот раз без Хельссе, самостоятельно. Они ехали в сумерках, и в домах уже зажглись огни. В садах проходили гуляния. Проехав по уже знакомому пути, они доехали до «Овала».

Рейт вышел из машины, Трез выскочил сразу же за ним и бросился на темную фигуру; Рейт пригнулся, но совсем увернуться от пурпурно-белого луча ему не удалось и, оглушенный, он упал на землю. Трез дрался с убийцей, но Анахо прицелился из небольшой трубочки,

которая выстрелила тонкой иглой, пробившей убийце плечо. Его излучатель упал на землю.

Рейт поднялся, но находился все еще в полубоморочном состоянии. Его волосы были с одной стороны обожжены, и кожу жгло. Трез держал убийцу в жестком ключе, а Анахо отобрал у него кинжал и сумочку. На убийце был капюшон, Рейт откинул его и с неописуемым удивлением обнаружил под ним лицо длинноносого «кающегося беглеца», с которым разговаривал накануне вечером.

Прохожие заинтересовались происходящим и подошли поближе. Один из стражей порядка дунул в свисток. «Беглец» взмолился:

— Отпустите меня! Они обойдутся со мной ужасно!

— Почему ты хотел убить меня? — спросил Рейт. — А они действительно основательно пропустят тебя сквозь жернова.

— Пожалуйста, не надо! Это лишь повредит нашему обществу. Но я скажу тебе причину: ты опасен. Ты хочешь расколоть нас, что ты, впрочем, уже сделал. Несколько слабых душ не имеют веры. Они хотят найти космический корабль и отправиться в путешествие. Суемасшество! Единственный путь, это традиционный путь. Ты представляешь опасность. Поэтому я посчитал за лучшее тебя уничтожить.

Рейт затаил дыхание. Патруль был уже в непосредственной близости от них.

— Завтра, — сказал он, — мы уезжаем из Сеттры. Так что, ты напрасно старался.

Он с такой силой толкнул этого человека, что он зашатался и закричал из-за сильной боли в плече.

— Благодарю лучше за то, что мы милосердные люди, — посоветовал ему Рейт.

Человек исчез в темноте, а один из патрульных спросил Рейта, какая причина вызвала шум.

— Это был вор, попытавшийся обокрасть меня. Но он убежал за те дома, — объяснил он.

Патруль бросился вдогонку, а три товарища вошли в гостиницу. Рейт сообщил своим друзьям о договоренности с Зарфо Детвайлером.

— Завтра, если все будет в порядке, мы уедем из Сеттры, — закончил он свой рассказ.

Гильдия убийц посылает свой привет. Так как ты, Адам Рейт, напал на нашего служащего во время честного исполнения им своего долга, мы требуем от тебя компенсации в размере восемнадцати тысяч секвинов. Если эта сумма не будет сразу же оплачена в нашем центральном бюро, ты будешь убит в результате комбинации разных способов. Мы будем приветствовать твою быструю и положитель-

ную реакцию на это письмо. Пожалуйста, не пытайся уехать из Сеттры, пока не выполнишь своего обязательства по отношению к нам, иначе наказание будет значительно ужесточено.

Рейт швырнул письмо на стол:

— Дордолио, вонки, лорд Кизанте, Хельссе, Общество Беглецов, Гильдия Убийц — кого еще не хватает в этом списке?

— Нельзя сказать, что уехать завтра, это уехать слишком рано, — произнес Трез.

Глава 10

На следующее утро Рейт воспользовался странным телефоном йао, чтобы поговорить с Хельссе.

— Я надеюсь, ты уже аннулировал контракт с Гильдией Убийц? — спросил он.

— Да, это так. Но я слышал, что они хотят разобраться с тобой индивидуально, а это уже, конечно, твое личное дело.

— Именно. Мы сейчас же уезжаем из Сеттры и принимаем предложение лорда Кизанте о содействии.

Хельссе пропыхтел:

— Каковы ваши планы?

— Мы хотим покинуть Сеттру живыми.

— Я приеду очень скоро и доведу вас до отдаленной автобусной станции. Из Верводеи корабли ежедневно отходят в различных направлениях, и оттуда вы наверняка сможете отправиться дальше.

— Во всяком случае, до обеда мы будем готовы.

Рейт пешком отправился к месту встречи с Зарфо и внимательно следил, чтобы за ним никто не увязался. Зарфо его уже ожидал. Его шапка была такой же черной, как и его кожа, так что белых волос даже не было видно. Он привел Рейта в подвал пивной, где перед ними поставили по кружке землистого на цвет и вкус пива.

Зарфо сразу начал разговор о деле, но прежде всего он хотел собственными глазами увидеть деньги. Рейт показал ему десять пурпурных полосок.

— Ах!

Это произвело на Зарфо большой впечатление.

— Какая прелесть! И это все может перейти ко мне? Я могу все это сразу взять на хранение.

— А кто сможет защитить тебя? — осведомился Рейт. Он тут же снова спрятал деньги.

— Убийцы идут по нашим следам. Меня предупредили, чтобы я не

покидал Сеттру, так как они собираются меня убить. Но я, конечно, уеду сразу же.

— Да, это сумасшедшая банда. Если они просто хотят получить с тебя деньги, то в этом случае ты от них еще можешь защититься. Но как тебе удастся оторваться от убийц? Ведь у них есть масса возможностей и они наверняка за тобой наблюдают.

Рейт услышал за спиной какой-то шорох и оглянулся. Но это был всего лишь мальчик-слуга, который хотел наполнить пустую кружку Зарфо. Зарфо с улыбкой погладил бороду.

— Да, убийцы очень изобретательны, но мы их все-таки перехитрим. Как-нибудь. Ты сейчас возвращайся в гостиницу и подготовься к отъезду. Я к полудню буду у тебя, и я уже прикинул, что мы сможем сделать. А до этого мне нужно еще привести в порядок все мои дела.

Когда Рейт вернулся в гостиницу, Хельссе уже прибыл на черной машине. Здесь царила какая-то напряженная атмосфера. Когда Хельссе увидел Рейта, он сразу же к нему подскочил и потребовал немедленного отъезда.

— У нас как раз достаточно времени для того, чтобы уехать первым послеобеденным автобусом в Верводеи.

— На это наверняка рассчитывают и убийцы,— возразил Рейт.— Этот план кажется мне плохим.

Хельссе пожал плечами.

— У тебя появилась более удачная идея?

— Может быть, мне в голову придет еще что-нибудь.

— У лорда Кизанте есть воздушный корабль? — спросил Анахо.

— Он не готов к полету. Я сомневаюсь, что мы могли бы для этой цели найти другую возможность.

Прошло пять минут.

— Чем дольше мы ждем, тем меньше времени вам остаётся,— упрекнул их Хельссе.— Вы видите тех двух людей в круглых шляпах, стоящих снаружи? Они ждут вас. Теперь нам не удастся воспользоваться машиной.

— Тогда выйди к ним и скажи, что они должны отсюда исчезнуть,— потребовал Рейт.

— Только не я,— со смехом ответил Хельссе.

Прошло еще полчаса. В холл тяжелой походкой вошел Зарфо. Кивком он поздоровался.

— Все готовы? — спросил он.

Рейт показал на обоих убийц, стоявших на улице.

— Они ждут нас,— объяснил он.

— Чудовищные твари! Только в Кате могут такое терпеть. А почему этот тоже здесь?

Он кивнул головой в сторону Хельссе.

Рейт объяснил ситуацию. Зарфо выглянул наружу и посмотрел на стоявший у «Овала» автомобиль.

— Это его машина? Тогда нет ничего проще. Мы поедem вместе с ним.

— Так не пойдет,— возразил Хельссе.— Лорд Кизанте не хочет быть втянутым в это дело, как, впрочем, и я. В противном случае, Гильдия Убийц внесет меня тоже в свои списки.

Рейт горько усмехнулся.

— Но ведь это ты заключил против меня контракт.

— Как скажешь...

Все вместе они подошли к автомобилю. Оба убийцы приблизились к ним.

— Ведь это вы Адам Рейт? Мы хотим узнать конечный пункт твоей поездки.

— Дворец Голубых Йадов.

Хельссе был вынужден это подтвердить.

— Ты осведомлен о наших средствах и наших наказаниях?

— Да, они мне известны.

Оба пошептались друг с другом.

— Мы поедem вместе с вами,— решил первый.

— У нас нет места,— прохладно ответил им Хельссе, но один из них уже втискивался в машину.

Зарфо резко оттащил его назад.

— Ты, осторожнее,— предостерег его убийца.— Я член Гильдии.

— А я локар.

И Зарфо залепил ему мощную оплеуху, так что убийца во весь рост растянулся на тротуаре. Второй выхватил оружие, но его успокоил иглой в грудь из своей трубочки Анахо. Зарфо еще раз мощным пинком своего огромного башмака ударил первого в подбородок, так что тот сразу же отключился.

— Теперь скорее. Поехали,— крикнул он.

— Нет! Так не надо. Нет, не нужно,— упрасивал Хельссе.

По приказанию Зарфо машина помчалась по сонным окраинным улицам, а затем, уже выехав за город, взяла курс на восток, так как Верводеи он считал слишком опасным местом.

— Нам нужно добраться до реки Джинга, а по ней затем до Кабасса на Парапане.

— Но это же дикая местность,— возразил ему Хельссе.— Машина не выдержит такой поездки. У нас нет с собой запасных энергетических батарей.

— Безразлично. Точно так же, как мне безразлично, каким образом ты возвратишься обратно в Сеттру...

Хельссе пробурчал что-то сердитое, после чего начал упрасивать:

— Они теперь взяли меня на заметку. Теперь они потребуют от меня пятьдесят тысяч секвинов, которые я не смогу заплатить.

— Это для нас не имеет никакого значения. Едь дальше на восток, пока машина не остановится или пока не закончится дорога.

Так, против своей воли, Хельссе подчинился судьбе. Дорога шла по красивой равнине с живописными ручейками и прудами. Деревья с ниспадающими ветвями опускали свои табачные листья прямо в воду. Все это время Рейт был начеку, но следов погони не обнаружил. Постепенно Сеттра исчезла в дымке.

Вдруг лицо Хельссе прояснилось, и он ожил. Это вызвало у Рейта подозрение.

— Остановись—ка на минуту, — крикнул он.

— Зачем? — спросил Хельссе.

— Что это там впереди? То, что это горы, я и сам вижу. Но почему дорога в таком хорошем состоянии? Мне кажется, что здесь обычно весьма оживленное движение.

— Хо, — воскликнул Зарфо. — Я знаю, что это. Это, видимо, горный лагерь для умалишенных.

Хельссе попытался выкрутиться.

— Ведь вы хотели доехать до самого конца этой дороги. И никак не возражали против того, чтобы я отвез вас в это укромное место.

— В таком случае, я возражаю против этого сейчас, — заявил Рейт. — Пожалуйста, впредь попытайся избежать подобных недоразумений.

Хельссе снова помрачнел. Дорога становилась все круче, и вскоре они приблизились к развилке.

— Куда ведет это ответвление? — спросил Рейт.

— К старым ртутным рудникам, нескольким санаториям и крестьянским поселениям.

Они въехали в темный лес, в котором дорога круто поползла вверх. Выехав из леса, они оказались на покрытом туманом лугу.

— У нас осталось энергии только на один час, — заявил Хельссе.

Рейт показал на горы.

— Что находится за ними?

— Дикие территории. Черные Горы, где живут племена высоких харов; там же исток реки Джинги. Конечно, этот путь нельзя назвать удобным и надежным, но в любом случае это тот путь, который выведет нас из Ката.

На лугу росли отдельные высокие деревья, листья которых выглядели, словно желтые грибы. Дорога стала еще хуже и виляла между обломками скал. Она привела к покинутому руднику, где и закончилась. И в тот же момент испустила дух и энергетическая батарея. Мотор еще несколько раз чихнул и замолчал. Подул легкий ветерок

и туман рассеялся. Группа взяла свой небогатый скарб и вышла из машины. Над землей струился темно-желтый свет.

Рейт внимательно посмотрел на горы и попытался найти путь к гребню.

— А куда ты теперь пойдешь? — спросил он у Хельссе. — В Кабасас или назад в Сеттру?

— Даже если мне придется идти пешком, то, конечно, в Сеттру, а не в Кабасас.

— А убийцы?

— Мне придется рисковать, — равнодушно произнес Хельссе.

В сканоскоп Рейт обследовал дорогу, по которой они приехали:

— Погони не видно. Ты...

Тут он увидел лицо Хельссе.

— Что это за предмет? — спросил он.

Рейт объяснил ему.

— Значит, Дордолио сказал правду, — удивленно сделал вывод Хельссе.

— Самое большее, что он мог сказать, так это назвать нас варварами, — возразил Рейт. — Ну, ладно. Счастливо оставаться и огромный привет лорду Голубых Йадов.

— Одну минутку, — попросил Хельссе и нерешительно посмотрел в направлении Сеттры. — В конце концов, Кабасас будет для меня хотя бы безопасным. Убийцы могут взять меня в качестве компенсации за вас.

Он тяжело вздохнул и обвел горы взглядом, снизу доверху.

— Полное сумасшествие, — заключил он и покачал головой.

— Здесь мы совершенно не по собственному желанию и не для собственного удовольствия, — заметил Рейт. — Так что, пойдём-ка лучше быстрее.

Они вскарабкались по остаткам рудниковой оснастки и заглянули в ведущий в гору туннель. Оттуда вытекала красноватая жижка. Они увидели ведущие в туннель глубокие человеческие следы, а затем обнаружили два четких отпечатка человеческих ступней. Когда Рейт их увидел, у него на затылке поднялись волосы. Из туннеля не доносилось ни звука. Он спросил Треза, чьи могли бы быть эти следы.

— Возможно, это следы босоногого фанга, но только маленького. А может, это был и пнум или пнумек. Отпечатки следов свежие. Кто-то наблюдал за нашим прибытием.

— Тогда нам лучше отправляться дальше, — предложил Рейт.

Часом позже они добрались до гребня и осмотрелись по сторонам. На западе стелилась желтоватая, непрозрачная дымка, и Сеттра казалась размазанным пятном. Далеко на востоке, у Черных Гор, сверкало озеро.

Ночь на опушке леса путешественники провели почти без сна, каждый раз пугаясь, когда раздавались непривычные шорохи и звуки: жалобные крики, звук «рап—тап—тап», похожий на удары твердого дерева, вой ночной собаки.

И когда наступили предрассветные сумерки, они облегченно вздохнули. Из растения паломников они приготовили завтрак, после чего по базальтовым склонам спустились на дно поросшей лесом долины к озеру у Черных Гор. Оно было тихим и совершенно спокойным. Рыбачья лодка беззвучно исчезла за выступом скалы.

— Это высокие хары, кровные враги йао,— объяснил Хельссе.— Сейчас они уже не переходят через горы.

Трез что-то заметил:

— Здесь есть тропа.

Рейт ничего заметить не мог, но Трез чувствовал запах дыма от костра, удаленного примерно на три мили. Пятью минутами позже Трез сообщил:

— Сюда приближаются несколько человек.

Рейт прислушался, но ничего не услышал. Однако это продолжалось недолго, так как на тропе перед ними возникли трое очень высоких мужчин с толстыми телами, тонкими руками и ногами, одетые в юбки грязно-белого цвета и короткие накидки из такой же ткани. Увидев путешественников, они сперва остановились, затем развернулись и пошли в обратную сторону. Удаляясь, они все время со страхом оглядывались назад.

Через некоторое время тропа вывела путешественников из джунглей и повела по болотистой местности к берегу озера. Деревня высоких харов расположилась на высоких сваях над водой, мостки были проложены довольно далеко в озеро, и там к ним были привязаны десять или двенадцать лодок. По берегу бегали возбужденные мужчины, и в руках у них были мачете и луки со стрелами.

Самый большой и толстый из высоких харов крикнул смешным, пронзительным голосом:

— Кто вы такие, и что вам здесь нужно?

— Мы путешественники, и держим путь в Кабасас.

Хары внимательно посмотрели на тропу, ведущую в гору.

— А где остатки вашей банды?

— Нет никакой банды. Мы здесь одни. Можете ли вы продать нам лодку и какие-нибудь продукты?

Люди отложили оружие.

— Продукты у нас скудные,— пожаловался большой.— А лодки — это самое ценное, что мы имеем. А что вы можете предложить нам взамен?

— Только некоторое количество секвинов,— ответил Рейт

— На что нам секвины, если для того, чтобы их потратить, нам надо отправляться в Кат?

Хельссе что-то прошептал Рейту на ухо.

— Ну, хорошо. Тогда мы просто поедem дальше, — сказал Рейт. — На другой стороне озера, как я слышал, есть и другие деревни.

— Что? Вы хотите отдать себя в руки вора и обманщикам? Лишь для того, чтобы спасти вас от вашей собственной глупости, мы постараемся вам чем-нибудь помочь.

В результате Рейт заплатил двести секвинов за довольно приличную лодку и, как ворчливо сказал предводитель высоких харов, достаточно продуктов, которых должно было хватить до Кабасаса: сушеная рыба, несколько мешков клубней, несколько мотков скрученной коры перца и фрукты, свежие и маринованные. За тридцать секвинов они наняли проводника по имени Тсутсо. Это был неторопливый круглолицый юноша с любезной улыбкой, при которой обнажались великолепные красивые зубы. Тсутсо объяснил, что первая часть путешествия будет самой трудной.

— Сначала быстрые потоки, затем Великая Стена, а потом течение само донесет лодку до Кабасаса.

Около полудня они поставили небольшой парус и отправились из деревни высоких харов. Всю вторую половину дня они шли под парусом на юг к выходу из озера, которым и являлась река Джинга. Перед заходом солнца они проплыли мимо небольшого леса; на холмах виднелись развалины, а под каждым холмом была бухта. Рейт с удовольствием остановился бы в одной из этих бухт на ночь, но Тсутсо не хотел об этом и слышать. Он объяснил, что эти крепости были вроде бы руинами-призраками, и в полночь вокруг них бродят древние духи Чая.

— А что же нам мешает остановиться в бухте, если духи остаются в крепостях? — вслух подумал Рейт.

Тсутсо бросил на него удивленный взгляд и продолжал плыть по середине реки. Немного дальше по течению река делилась на две части каменным островом, к которому Тсутсо и причалил.

— Здесь никто из леса нас не достанет, — сообщил он.

Путешественники расположились вокруг костра и сварили простой ужин. Ночью они слышали только вой нескольких ночных собак и тихое посвистывание других зверей.

На следующий день им пришлось пройти десять миль вдоль порогов. Здесь Тсутсо минимум десятикратно оправдал свой гонорар, и Рейт не мог нарадоваться, что они взяли его с собой. Мощный лес постепенно перешел в кустарник, а затем — в отдельные заросли колючек. Берега были лишены всякой растительности. До путешественников донесся странный гул. Неожиданно, метров за сто впереди

них, река исчезла под берегом. Не успели Рейт и его попутчики запротестовать, как лодка просто прыгнула под травянистый берег.

— Будьте осторожны,— предупредил Тсутсо.— Здесь откос. Все оставайтесь на своих местах!

Лодка неожиданно ворвалась в темную пещеру. Они неслись вдоль каменных стен. Сама река была черной и пенилась, но по отношению к лодке стояла на месте. Путешественники сжались и боялись разогнуться, на что Тсутсо только пренебрежительно улыбался, так как ему все это уже было известно. Гонка длилась бесконечно долго и, в конце концов, лодка врезалась в стену из пены, после чего снова выскочила на гладкую и спокойную водную поверхность.

Здесь каменные стены вертикально возвышались более, чем на триста метров; темно-коричневый песчаник, из которого они были сооружены, выглядел, будто посеченный оспой. Там, где были небольшие выступы или просто дыры, рос кустарник. В одном месте у стены прямо на воде лежало бревно. Тсутсо остановился.

— Здесь я вас оставляю,— заявил он.

— Что? Здесь? В этом ущелье? — спросил Рейт.

Тсутсо показал на еле заметную тропу, которая вела вверх по почти отвесной стене.

— Отсюда до деревни всего пять миль,— объяснил он.

— Ну, тогда всего хорошего, счастливого возвращения и большое спасибо,— сказал Рейт.

— Не стоит благодарности,— ответил юноша и кивнул.— Высокие хары — великодушный народ, кроме тех случаев, когда речь идет о йао. Они не получили бы никакой радости и удовольствия от общения с нами. Но вы же не йао.

Рейт посмотрел на Хельссе.

— А йао ваши враги?

— Наши старые враги и преследователи, разрушившие империю высоких харов. Сейчас они остаются со своей стороны гор, и это хорошо, потому что мы можем определять их по запаху, как протухшую рыбу. Перед вами находятся болота.

Он выпрыгнул из лодки.

— Сбиться с пути вы уже не сможете. Если вы не отнесетесь враждебно к болотным людям, то считайте, что вы уже в Кабасасе.

Он еще раз кивнул и стал по тропинке подниматься вверх.

Лодка двигалась сквозь светло-коричневую полутьму, небо вверху сверкало, как мокрая шелковая лента. День клонился к концу и ущелье постепенно становилось шире. Растительность на берегах становилась гуще, встречались животные, похожие на пауков и полубезьян; дальше появились холмы и долины с желтой травой. То здесь, то там в реку впадали ручьи, и Джинга стала широкой и спокойной. Когда к вечеру небо стало дымчато-красным, на берегу

появились высокие деревья, и вскоре по обоим берегам снова стояли непроходимые джунгли.

Парус вяло висел, воздух был спокойным и очень влажным, пропитанным запахом гниющего дерева и продуктов разложения. Горластые животные жили на верхних ветках деревьев, а внизу копошились мириады насекомых; похожие на птиц звери с четырьмя крыльями и похожие на шары бледно-голубые летающие животные свистели, скрипели и издавали невероятный шум. Как-то путешественники услышали тяжелый топот, громкий треск и дикое шипение, но производящего этот шум они так и не увидели.

Джинга была уже неторопливой рекой с многочисленными маленькими островами; на каждом из этих островов была богатая растительность, в основном, лиственные и веерообразные растения, похожие на пальмы. Однажды Рейт краем глаза заметил каноэ, в котором сидели трое молодых мужчин; но когда он повернул голову, то увидел лишь остров и, в конце концов, он уже и сам не знал, было ли каноэ на самом деле или ему это только показалось. Как-то за ними целую милю плыло какое-то животное длиной примерно в двадцать шагов. Но затем оно потеряло к ним всякий интерес и исчезло в воде.

Перед заходом солнца путешественники разбили на берегу маленького острова лагерь. Через полчаса Трез заволновался, толкнул Рейта и показал на подлесок. Они услышали тихое шуршание, а затем почувствовали и странный запах. Через мгновение появилось то самое животное, которое тащилось за ними по реке и, издав ужасный рев, сделало движение вперед. Рейт выстрелил разрывной иглой прямо в открытую пасть. Животное пару раз подпрыгнуло, завертелось и, резко бросившись в воду, исчезло.

Все снова заняли места у костра, и Хельссе с тревогой наблюдал как Рейт снова прятал оружие в сумку на поясе. Наконец его любопытство пересилило страх.

— Откуда у тебя такое оружие? — спросил он.

— Я уже научен опытом, что правдивость создает проблемы. Твой друг Дордолио считает меня сумасшедшим; Анахо — дирдир-человек — считает, что я страдаю от потери памяти. Так что думай, что хочешь.

— Мы все могли бы порассказать странные истории, но все-таки нам лучше говорить правду, — пробормотал Хельссе.

— А кому нужна эта открытость? — спросил Зарфо. — И кто в ней нуждается? Я могу рассказывать удивительные истории, пока меня кто-нибудь слушает.

— Но люди с безнадёжными целями должны, по крайней мере, держать свои тайны при себе, — возразил Хельссе.

Трез, считавший Хельссе гнусным типом, бросил на него презрительный косой взгляд.

— И кого это он только подразумевает? У меня нет ни тайных целей, ни секретов.

Анахо покачал головой.

— Тайны? Нет. Только сдержанность. Бездна надежные цели? Я путешествую вместе с Адамом Рейтом, так как не могу позволить себе лучшего занятия. Среди полулюдей меня считают уродом. А цель у меня только одна — выжить.

— У меня есть тайна, — заявил Зарфо. — Это тайник, где я спрятал несколько моих секвинов. Моя цель? Она тоже скромна. Луг на реке к югу от Смарагаша, хижина в тени таевого деревьев, добрая девушка, которая будет готовить для меня чай. И вам я тоже этого желаю.

Хельссе смотрел в огонь и улыбался.

— Каждая из моих мыслей — это неизбежно тайна. А мои цели? Когда я возвращусь в Сеттру, то постараюсь каким-нибудь образом отвлечь от себя Гильдию Убийц. Если мне это удастся, я буду весьма доволен.

— А я буду доволен, если эта ночь будет сухой, — сказал Рейт.

Наконец они вытащили лодку на берег, перевернули ее и с помощью паруса соорудили сухое убежище. Не успели они закончить, как пошел дождь. Костер погас, а под лодкой собрались лужи. Лишь к полудню следующего дня развеялись тучи, и путешественники, загрузив свои припасы в лодку, продолжили путь на юг.

Джинга становилась все полноводнее, пока не достигла такой ширины, что оба берега казались лишь полосками на горизонте. Заход солнца сопровождался черными, золотистыми и коричневыми красками. Плывая в янтарном свете надвигающихся сумерек, они все время искали место для ночлега, и когда сумерки сгустились до пурпурно-коричневых, им удалось, наконец, найти песчаный холм, на котором они и провели ночь.

На следующий день они добрались до болот. Джинга разделялась здесь минимум на десяток рукавов, образуя острова из камыша, и путешественникам пришлось провести неудобную ночь в лодке. К вечеру они добрались до места, где из болота на поверхность выходил серый сланец, образуя цепь крепких, скалистых островов. В глубинах древности жители Чая использовали эти острова, как опоры моста через реку. Но уже очень давно мост этот разрушился. На самом большом острове путешественники разбили лагерь, перекусили сушеной рыбой и затхлой на вкус чечевицей, которыми их снабдили высокие хары.

Трез беспокоился, обошел весь остров вокруг и, наконец, поднялся на самую высокую его точку. Рейт подошел к нему. Но увидеть или услышать им ничего не удалось. Они вернулись назад к костру и выставили часовых. Рейт проснулся, когда занимался рассвет, и был

очень удивлен, что его не разбудили. Лодка исчезла. Он растолкал Треза, который первым стоял на вахте.

— Кого ты разбудил после себя.

— Это был Хельссе.

— А он меня не разбудил. Лодка исчезла.

— И Хельссе тоже,— подвел итог Трез. Но он показал пальцем на следующий остров, отстоявший лишь на расстояние броска камнем. Там на воде покачивалась лодка.

— Хельссе решил совершить туда полуночную прогулку,— заметил он.

Рейт несколько раз громко позвал Хельссе, но не получил никакого ответа. Видно тоже никого не было. Рейт оценивающе посмотрел на расстояние до лодки. Вода была спокойной и сероватой. Но Рейт покачал головой. Что-то здесь было не так. Он достал из своей сумки веревку, которая входила еще в его аварийный комплект, привязал к ее концу камень и бросил его в лодку. Камень не долетел. Рейт потащил его обратно. Вдруг веревка натянулась. На ней повисло что-то тяжелое и очень живое.

Рейт скорчил гримасу. Он опять бросил камень, и на этот раз он упал прямо в лодку. Таким образом он смог подтянуть лодку по воде. Вместе с Трезом они поплыли на соседний остров, но не обнаружили никаких следов Хельссе. Под одним из валунов они увидели отверстие, которое наискось вело в глубь земли. Трез понюхал и махнул Рейту рукой. Пахло земляными червями. Сначала тихо, потом громче они крикнули в эту дыру: «Хельссе! Хельссе!» Ответа не последовало.

Они вернулись к своим спутникам.

— Кажется, пнумы играют с нами шутки,— тихо сказал Рейт.

Они молча съели свой завтрак и еще час подождали. Затем загрузили лодку и поплыли дальше. Рейт в сканоскоп наблюдал за островом до тех пор, пока на нем уже ничего нельзя было рассмотреть.

Глава 11

Рукава Джинги снова слились в одно основное русло, а болото сменилось джунглями. Низко свисающие ветви опускались прямо в воду, и различные животные ползали и летали вокруг. Розовые и бледно-желтые ленты, словно угри, вились в верхней части деревьев, шары с тонким мехом и шестью бледными, белыми, длинными руками быстро скользили с ветки на ветку. Один раз высоко в кронах деревьев Рейт заметил длинный ряд плетеных хижин, соединенных между собой мостками из веток и лиан. Когда путешественники приблизились, на мостки вышли три голых человека. Это были худые фигуры

с пергаментной кожей. Увидев лодку, они бросились бежать и скрылись в чаще.

Целую неделю они попеременно шли под парусом или гребли. Река становилась все шире и шире. Как-то они увидели старика, ловившего сетью рыбу, а потом и деревню на одном из берегов. Наконец им повстречалась и моторная лодка. Немногим позже они подплыли к какому-то городу. Ночь они провели в гостинице, стоявшей на сваях прямо над водой.

Еще два дня они под парусом шли по течению. На третий день задул ветер, подняв довольно большие волны. Дальнейшая поездка на лодке становилась опасной. Наконец, в следующем городе они нашли попутный, довольно большой корабль. Оставив лодку, они купили билеты на корабль и три дня подряд плыли на нем дальше. За это время путешественники смогли насладиться гамаками и свежими продуктами. На четвертый день, когда берег Джинги вообще исчез с поля зрения, на холме перед собой они увидели голубые купола Кабасаса.

Подобно Коаду Кабасас был торговой метрополией для больших территорий в глубине материка, и казалось, что интриги здесь тоже были делом само собой разумеющимся. Доки были заполнены сараями и складскими постройками, а за ними стояли высокие здания с аркадами и колоннами. Здания были бежевыми, серыми, белыми или темно-синими. По совершенно непонятной Рейту причине стены каждого из домов всегда были наклонены либо внутрь, либо наружу, и по этой причине весь город выглядел каким-то нереальным и причудливым. Но обитателям города это нравилось. Они были стройными, очень живыми людьми с длинными коричневыми волосами, широкими скулами и горящими черными глазами. Женщины их были необыкновенной красоты, и Зарфо предостерег:

— Если вам дорога жизнь, держитесь от женщин подальше! Не смотрите им вслед, даже если они с интересом будут на вас смотреть. Здесь в Кабасасе они играют в странные игры. Если кто-нибудь выкажет женщине свое восхищение, она поднимает ужасный крик, на который сбегаются сотня или больше других женщин, визжат, ругаются и стараются ударить предполагаемого злодея ножами.

— Хм,— произнес Рейт.— А что же мужчины?

— Если это возможно, то они его спасают и обращают баб в бегство; и это нравится всем участникам. Кстати, таким образом они и знакомятся друг с другом. Мужчина, если ему нравится девушка, для начала бьет ее до посинения. Никто в это не вмешивается. И если мужчина девушке нравится, она снова попадает на его пути и еще несколько раз дает себя избить. Да, у кабов довольно интересный способ ухаживания.

— Что-то ненормальное,— заметил Рейт.

— Да, ненормальное и извращенное. Но здесь все делается именно так. Так что, придерживайтесь лучше моего совета. А базой для действия я предлагаю гостиницу «Морской дракон».

— Но здесь мы долго задерживаться не будем. Почему бы нам сразу же не направиться в порт и не поискать корабль, который перевез бы нас через Парапан?

— Это не так просто, — объяснил Зарфо. — И почему бы нам действительно не пожить недельку или даже две в «Морском драконе»?

— А платить за себя ты сам будешь? — поинтересовался Рейт.

У Зарфо от удивления приподнялись брови.

— Я ведь всего лишь бедный человек! Каждый из моих немногочисленных секвинов — это тяжелый и изнуряющий труд. В таком предприятии, как наше, нужно быть более щедрым.

— Сегодня мы остановимся в «Морском драконе», но завтра же мы уедем из Кабасаса, — не терпящим возражения тоном сказал Рейт.

— Хм. Я, конечно, не могу ставить под сомнение твои желания, — проговорил Зарфо. — Ведь это, в конце концов, твой план, найти техников в Смарагаше и отправиться с ними дальше в Ао Хидис. Ну, ладно, это вопрос такта. Я предлагаю взять корабль, следующий через Парапан в Зару и дальше по реке Иш. Я надеюсь, что ты не потерял свои деньги?

— Конечно же нет!

— Тогда будь очень внимателен. Карманные вору Кабасаса чрезвычайно искусны. А вот там, напротив, находится гостиница «Морской дракон».

Гостиница оказалась величественным зданием с большими холлами и уютными номерами. Ресторан был оборудован, как подводный сад, и имел темные гроты-кабинки, в которых обедали члены местной секты, не желавшие иметь дела с другими людьми.

Рейт заказал свежее белье и на самой нижней террасе принял ванну. Он долго оттирал грязь и, в конце концов, был обрызган освежающими эссенциями и натерт остро пахнувшим мхом. В свой номер он возвратился в широком плаще из белого полотна.

На диване сидел человек в грязном темно-синем костюме. У Рейта от удивления отвисла челюсть, так как перед собой он увидел Хельссе. Он ничего не произнес и даже не пошевелился, и Рейт на всякий случай, из предосторожности, отошел к балкону. Подошел Зарфо, и Рейт кивнул ему головой.

— Зайди, я тебе кое-что покажу, — прошептал он ему и резко открыл дверь, рассчитывая обнаружить комнату пустой. Но Хельссе по-прежнему сидел в той же самой позе.

— Он сошел с ума? — прошептал Зарфо. — Он сидит, смотрит на нас, но ничего не говорит.

— Хельссе, что ты здесь делаешь? — спросил Рейт. — Что с тобой произошло?

Хельссе встал и с почти незаметной улыбкой посмотрел на них. Затем он вышел на балкон и медленно стал по ступенькам спускаться вниз. Лишь один раз он повернул к ним свое бледное овальное лицо. И, наконец, исчез, словно привидение.

— Что все это может значить? — прошептал Рейт. — Разве мы не могли его остановить?

— Если бы он этого захотел, то он бы остался. Это все шуточки пнумов.

— Я боюсь только того, что у него не все в порядке с головой.

Рейт подошел к краю балкона и посмотрел вслед Хельссе.

— Пнумы знают, где мы остановились.

— Человек, отправившийся вдоль по Джинге, всегда оказывается в Кабасасе, — ответил Харфо. — И если он в состоянии, то обязательно поселится в «Морском драконе». Это ясно. Это по поводу вездесущности пнумов.

На следующий день Зарфо сам отправился в путь и немногим позже возвратился с маленьким человеком, кожа которого имела цвет красного дерева, а походка его была такой, как у очень усталого пешехода, натершего ноги узкими туфлями. Небольшие бегающие глаза производили ужасное впечатление, и его взгляд сходил на переносице огромного орлиного носа.

— Это морской лорд Добагк Хростильфе, особа с очень хорошей репутацией. Он все устроит, — гордо сказал Зарфо.

Рейт подумал, что ему еще никогда в жизни не попадалась такая прожженная лиса и, к тому же, такая уродливая.

— Он командует «Пибаром», — объяснил Зарфо. — За соответствующую плату он доставит нас туда, куда нам нужно. Переезд через Парапан стоит всего пять тысяч секвинов. Кто бы мог подумать?

Рейт звонко рассмеялся.

— Я больше не нуждаюсь в твоей помощи, — сказал он Зарфо. — Ты и твой друг Хростильфе можете дурить других людей столько, сколько хотите.

— Но я же для тебя рисковал своей жизнью, — жалобно заныл Зарфо.

Рейт повернулся и пошел. Зарфо побежал за ним.

— Сейчас ты совершаешь большую ошибку, — настаивал он.

— Я ее уже совершил, — ответил Рейт. — Мне нужен был честный человек, а я нанял тебя.

— Кто имеет право называть меня иначе, чем честным? — растерянно спросил Зарфо.

— Я Хростильфе сдал бы свой корабль и за сотню секвинов. Тебе он предложил пятьсот и ты сказал ему: «А почему бы нам обоим хорошо не подзаработать?» Ты думаешь, что этот Адам Рейт настолько глуп, что заплатит любую цену, которую ты с него запросишь? В общем, исчезни.

Зарфо в нерешительности почесал свой длинный нос.

— Ты поступаешь со мной несправедливо. Я ради интереса поспорил с Хростильфе, но он предлагает корабль за тысячу двести секвинов.

— Больше трехсот я не дам.

Зарфо вскинул руки к небу и удалился. После этого Хростильфе пригласил Рейта осмотреть корабль. Это было судно до сорока шагов в длину, оснащенное электростатическими двигателями.

— Очень скоростной корабль и отлично ведет себя в море,— рекламировала лиса свое судно.— Твоя цена абсурдна. Чего же тогда стоят мой опыт и ловкость? А как же с энергией? За эту поездку будет израсходована целая силовая ячейка. А лишь она одна стоит сто секвинов. За энергию и питание ты должен заплатить отдельно. Я человек щедрый, но не могу работать бесплатно.

Рейт пообещал заплатить за энергию и за питание, но не за новый водяной бак, штормовое оснащение и украшения, после чего потребовал отправиться на следующий же день. Хростильфе грустно рассмеялся, так как Зарфо сказал ему, что они еще минимум неделю собираются провести в «Морском Драконе», а ему нужно было соответственно этому подготовиться к отъезду.

— Он может оставаться здесь столько, сколько ему угодно,— сказал Рейт.— Но платить за это ему придется самому.

— Этого он, естественно, делать не будет,— произнес Хростильфе.— А как быть с продуктами?

— Тебе их нужно купить. Потом предъявишь мне счет, и мы вместе его проверим.

— Но мне нужно получить хотя бы сто секвинов предварительной оплаты.

— Ты считаешь меня дураком? И не забудь, что завтра в полдень мы отплываем.

— Я буду готов,— мрачно ответил моряк.

В «Морском Драконе» на террасе Рейт обнаружил Анахо, который показал на темную тень у стены. Это был Хельссе.

— Я звал его по имени. Но он как-будто слышит свое имя впервые,— сообщил дирдир-человек.

Тут Хельссе повернул к ним голову. Его лицо было бледным, словно у мертвеца. Он медленно вышел из гостиницы.

Около полудня путешественники поднялись на борт «Пибара». Хростильфе сердечно приветствовал своих пассажиров. Рейт недоверчиво осмотрелся вокруг.

— А где же продукты? — спросил он.

— В главном салоне.

Рейт осмотрел ящики и мешки и, наконец, с удовлетворением констатировал, что Хростильфе приобрел хорошие товары по сходной цене. Но почему он не перенес их сразу же в кладовую? Рейт подошел к двери. Она оказалась закрытой. «Интересно», — подумал он.

— Было бы лучше, если бы ты переложил товар туда, где ему надлежит находиться, пока мы не вышли в открытое море, — крикнул он.

— Всеу свое время, — ответил Хростильфе. — Сейчас для нас важнее воспользоваться утренним течением.

— Это займет немного времени. Немедленно открой эту дверь или я открою ее сам.

Зарфо, который тоже пришел в салон, покосился на дверь и нахмурил брови. Он хотел что-то сказать, но, увидев выражение лица Рейта, только пожал плечами.

Хростильфе носился по палубе: отвязал канаты, завел двигатели, после этого заскочил в рулевую рубку, и корабль отчалил.

Рейт поговорил с Трезом, который встал за спиной у Хростильфе. Так он и стоял с катапультой на поясе. Хростильфе скорчил гримасу.

— Будь осторожен, юноша. Будь, пожалуйста, поаккуратнее со своей катапультой, — предостерег он. Трез сделал вид, что не слышит.

Рейт перекинулся несколькими фразами с Зарфо и Анахо, после чего прошел на нос. Там он поджег несколько старых тряпок и поднес их к переднему вентиляционному отверстию так, что весь дым пошел вниз в кладовую.

— Эй, что значит эта глупость? — заорал Хростильфе. — Ты собираешься поджечь мой корабль?

Рейт поджег еще несколько тряпок и швырнул их в вентилятор. Снизу раздался лающий, кряхтящий и надсадный кашель, затем раздался голос и топот ног. Хростильфе попытался рукой залезть в привязанную у него на поясе сумку, но Трез держал катапульту наготове.

— У него в сумке оружие, — сказал он Рейту.

Хростильфе растерянно стоял на месте, вынужденный терпеливо ждать, пока Рейт забирал у него сумку, из которой Трез достал два кинжала, а затем еще и стилет.

— А теперь ты отправишься вниз, — приказал ему Рейт, — откроешь дверь кладовой и выведешь оттуда своих друзей, одного за другим.

Хростильфе посерел от злости, спустился вниз, послал Рейту не-

сколько проклятий и открыл дверь. Шесть негодяев выползли оттуда и были тут же разоружены Анахо и Зарфо и выведены на палубу, откуда Рейт, не долго думая, выбросил их за борт.

Теперь кладовая была хоть задымлена, но пуста. Хростильфе тоже вытащили на палубу, где он быстро стал вежливым и покорным. Это было просто недоразумение, и он может все объяснить, утверждал он. Но Рейта это, естественно, абсолютно не интересовало. Хростильфе отправился догонять свою компанию. Вынырнув из воды, он принялся грязно ругаться, выкрикивая улыбающимся лицам на «Пибаре» разные ругательства, затем развернулся и вплавь направился в сторону берега.

— Мне кажется,— поделился соображениями Рейт,— что у нас теперь нет навигатора. В каком направлении находится Зара?

Зарфо тоже был немногословен и показал направление черным пальцем.

— Нам нужно туда.

Он посмотрел на семь покачивающихся в воде голов.

— Такая жажда денег мне абсолютно непонятна,— бормотал он.— Она всегда приводит к таким неприятностям. К счастью, это досадное происшествие уже в прошлом. А теперь вперед, в Зару, по реке Иш к Смарагашу.

Глава 12

Первый день прошел довольно спокойно, но на второй поднялись большие волны, и корабль стало сильно раскачивать. На третий день с запада надвинулась черно-коричневая гряда туч, и вскоре над морем засверкали молнии. Налетели мощные порывы ветра. Два часа подряд корабль немилосердно бросало, но затем шторм начал стихать, море снова стало гладким и спокойным.

На четвертый день на горизонте появился Кахан. Рейт подошел к борту одной из рыбацких лодок, чтобы узнать направление и расстояние до Зары. Рыбак, старый, обветренный человек со стальными кольцами в ушах, без слов показал им направление. Перед закатом солнца они достигли дельты Иша. На западном берегу мерцали огни Зары, но «Пибар» продолжал плыть на юг, вдоль по Ишу.

Розовая луна Эз отражалась в воде, и они плыли дальше. Утром они оказались в богатой местности со старыми келевыми деревьями, стоявшими вдоль берега. Далее местность стала более голой и река пробивалась сквозь горы с острыми верхушками. На следующий день они увидели на берегу высоких людей в черных плащах. Зарфо сказал, что это были люди из племени ниссов, которых в любой ситуации лучше было обходить стороной. Они жили, словно ночные

собаки, в норах, и встречались люди, утверждавшие, что ночные собаки были более дружелюбными и любезными, чем ниссы.

Ближе к вечеру на берегах появились песчаные дюны, но Зарфо настаивал на том, чтобы корабль на ночь поставить на якорь как можно дальше от берегов.

— Перед нами находятся песчаные банки и отмели. Если мы вдруг сядем на мель и если ниссы следуют за нами, они наверняка возьмут корабль на abordаж.

— Так что же, они не нападут, если мы встанем на якорь?

— Нет. Они боятся глубины и никогда не используют лодок. На якорь мы можем чувствовать себя так же надежно, как и в Смарагаше.

Эз и Брез продолжали свое соревнование в старом небе Чая. Ниссы разбили на берегу лагерь, разложили костры и сварили на них пищу. Затем они принялись пиликать и бить в барабаны, издавая дикую музыку. Несколько часов подряд путешественники сидели у борта и наблюдали, как те на берегу прыгали и танцевали.

Утром ниссов уже нигде не было видно. Без происшествий корабль прошел через мели, и к вечеру они подошли к деревне, перед которой заканчивалась страна ниссов. Зарфо объяснил, что здесь корабль придется оставить и дальше предстоит ехать с караваном через пустыню и горы до самого Смарагаша, отдаленного еще на триста миль к югу. Ночью он собирался отправиться на берег в деревню, чтобы узнать, как можно уехать дальше.

Всю ночь он оставался на суше и вернулся на борт только утром с известием, что ему удалось обменять «Пибар» на первоклассные места в караване до Хамиль Зута.

Рейт размышлял. Триста миль. Это по двести секвинов за каждого, то есть, всего восемьсот. А корабль стоил, даже если его продать по дешевке, все десять тысяч. Он резко посмотрел на Зарфо.

— Ты еще помнишь свои неприятные ощущения в Кабасасе?

— Конечно,— ответил Зарфо.— До сих пор я страдаю от несправедливости твоих упреков.

— Теперь последует новый упрек. Сколько ты хотел получить за корабль и сколько тебе за него пообещали?

Зарфо с неприязнью посмотрел на него.

— Я хотел припасти приятную информацию на потом.

— Сколько?

— Три тысячи секвинов,— пробурчал Зарфо.— Ни больше, ни меньше. Страна здесь бедная, и я считаю, что цена подходящая.

— А где деньги? — спросил Рейт.

— Нам заплатят, когда мы сойдем с корабля.

— Когда отправляется караван?

— Скоро. Через день или два. Здесь есть подходящая гостиница. Мы можем ночь провести в ней.

— Хорошо. Тогда давай пойдем и возьмем деньги.

К удивлению Рейта, в мешке, полученном Зарфо от хозяина, было ровно три тысячи секвинов, и Зарфо от гордости задрал нос. Рейту пришлось заказать в гостинице кружку пива, чтобы утопить в ней свое разочарование.

Тремя днями позже караван отправился в путь на юг — двенадцать моторизованных повозок, четыре из которых были снабжены пескоизлучателями. Дорога на Сарзаму пролегла по диким территориям, по оврагам и горам, по дну высохшего озера, вдоль горных цепей, мимо келевых лесов и черных камышей. Иногда показывались ниссы, но предпочитали оставаться на безопасном расстоянии. Вечером на третий день караван въехал в Хамиль Зут. Это был маленький городок, в котором стояло всего около сотни глиняных домиков и десятка кабаков.

Утром Зарфо нанял выючных животных, оснастку и нескольких проводников, и они отправились в высокогорную страну локаров.

— Держите оружие наготове, — предупредил Зарфо. — Это дикая местность, и вокруг часто шныряют дикие звери.

Тропа была крутой, а местами действительно дикой. Несколько раз они видели кар-йанов, поджарых серых хищников, они иногда самым настоящим образом ходили на двух ногах, а иногда и на всех шести. Один раз они заметили змееподобное пресмыкающееся с тигровой головой, которое как раз схватило какую-то тварь, и только поэтому они смогли беспрепятственно проехать мимо.

На третий день после отъезда из Хамиль Зута они добрались до Локары, огромной высокогорной равнины, и к концу дня перед ними возник Смарагаш. Зарфо обратился к Рейту:

— Мне кажется, и ты скоро это тоже поймешь, что это весьма щекопливое предприятие.

— Тут я с тобой полностью согласен.

— Здесь люди относятся к вонкам весьма неравнодушно, и чужеземец может легко вступить в контакт не с теми людьми. Поэтому, мне кажется, что будет намного лучше, если я сам буду подыскивать персонал.

— Я не возражаю. Только вопрос оплаты ты все-таки оставишь мне.

— Как считаешь нужным, — буркнул Зарфо.

Местность была красивой, плодородной, хорошо орошаемой и населенной множеством крестьян. Мужчины были покрашены, как и Зарфо, в черный цвет, либо татуированы, и у всех были белые гривы. В отличие от них, лица женщин были белыми, как мел, а волосы

черными. У детей были, в зависимости от пола, белые или черные волосы, но кожа была одинакового грязного цвета.

Дорога проходила параллельно реке, вдоль которой росли величественные древние келевые деревья. По обе стороны от нее в садах стояли небольшие домики, утопающие в кустарниках и виноградниках. Зарфо вздохнул от переполнявших его чувств.

— Неутомимые работники возвращаются обратно домой, — сказал он. — Но где же мое состояние? Как я смогу купить себе домик над рекой? Бедность вынуждает меня на странные поступки. Я привез сюда скупердья с каменным сердцем, который получает удовольствие от того, что разрушает надежды старого доброго человека.

Рейт все это слышал, но ничего не ответил. Так они и въехали в Смарагаш.

Глава 13

Рейт сидел в салоне приземистой башни, которую он арендовал. Многие дома имели здесь круглые башни усеченной формы. Напротив него сидели пять беловолосых мужчин из Смарагаша — группа, отобранная из двадцати первоначально предложенных Зарфо. Время приближалось к ужину, и снаружи кружились танцоры под музыку колокольчиков, барабанов и своеобразной гармошки.

Рейт объяснил свою программу настолько, насколько он мог на это решиться. То есть, рассказывал он очень мало.

— Вы можете помочь мне в определенном деле. Зарфо Детвайлер сказал вам, что речь идет о большой сумме денег, причем это остается в силе даже в том случае, если нас постигнет неудача. Если же нам повезет — а перспективы на это имеются неплохие — то вы сможете заработать такое состояние, что каждый из вас будет просто счастлив. Конечно, это в определенной степени связано с риском, но мы попытаемся свести его до минимума. Если же у кого-нибудь из вас нет желания принимать участия в этом предприятии, он может прямо сейчас отказаться.

Жаг Жаганиг, самый старший из них, был специалистом по контрольным системам.

— Пока что мы не можем сказать ни «да», ни «нет». Никто из нас не откажется вернуться домой с мешком секвинов, но никто из нас также не захочет втягиваться по собственной инициативе в неосуществимое.

— Вы хотите получить более подробную информацию? — Рейт переводил взгляд с одного на другого. — Это вполне естественно. Но любопытным я не особенно доверяю. Если кто-нибудь из вас не хочет принимать участие в опасном, но ни в коем случае не в сомнительном

приключении, то он, попросил бы я, должен прямо сейчас об этом сказать.

Но никто не отозвался

— Хорошо,— продолжал Рейт.— Тогда я должен предупредить вас, что об этом нужно молчать.

Люди произнесли клятву локаров. Зарфо выдернул из головы каждого по волосу, связал их вместе и поджег. Каждый вдохнул запах дыма.

— Теперь мы все привязаны друг к другу: один ко всем, все к одному. Если кто-то нарушит клятву, остальные его убьют.

Рейт больше не колебался, говорить ли ему открыто.

— Я знаю точный источник неслыханного богатства, но оно находится не на планете Чай. Нам нужен космический корабль и команда. Я предлагаю увести космический корабль из космопорта Ао Хидис, а вы будете его командой. Чтобы подтвердить мою правдивость и мои хорошие помыслы, я заплачу каждому в день отъезда по пять тысяч секвинов. Если нам не повезет, каждый получит еще по пять тысяч.

— Каждый, кто останется в живых,— проворчал Жаг Жаганиг.

— Если нам повезет, то вы гарантированно получите по десять тысяч секвинов, если не больше. Это мой план в общих чертах.

Локары заерзали на своих стульях, и Жаг Жаганиг обратился к остальным:

— Судя по всему, здесь у нас имеется основа для команды, минимум для «Зены» или «Куда», возможно даже, для малого «Каданта». Но устроить дело с вонками,— это не так уж просто.

— А еще хуже — с вонк-людьми,— поделился опасением Зорофим.

Тадзеи сказал:

— Там не настолько сильная охрана. План мне кажется осуществимым, учитывая, естественно, и то, что корабль, который мы собираемся украсть, исправен и готов к полету.

— Ага! — воскликнул Белье.— Ведь это ключ ко всему предприятию, не правда ли?

— Конечно, риск есть,— сказал Зарфо.— Но неужели вы думаете, что вам удастся заработать столько денег, не пошевелив и пальцем?

— Предположим, что корабль у нас уже есть,— вставил Жаг Жаганиг.— Будем ли мы и дальше подвергаться риску?

— Нет

— А кто поведет корабль?

— Я.

— Как выглядят эти богатства? — попылся выяснить Зарфо.— Драгоценные камни? Секвины? Благородные металлы? Антикварные изделия? Эссенции?

— Вы не будете разочарованы. Больше ничего я вам сказать не могу.

Они продолжали договариваться, каждая точка зрения основательно рассматривалась, альтернативные мнения внимательно обсуждались и отвергались. Никто не считал риск неприемлемым и никто не сомневался в том, что группа была способна справиться с кораблем. Но никто не выражал и особого восторга. Жаг Жаганиг сформулировал это так:

— Мы не понимаем смысла. Большие ценности делают нас недоверчивыми.

— Видимо, теперь нужно сказать мне,— сказал Зарфо.— Адам Рейт допускает ошибки, и я не могу этого отрицать. Он упрям, хитер и, если что—то стоит на его пути, бесцеремонен. Но он отвечает за свои слова. Если он заявляет, что можно заработать сокровища, значит так оно и есть.

— Я согласен идти на риск,— заявил Зорофим.

— Я тоже,— сказал Жаг Жаганиг.— Кто живет вечно?

Болье тоже капитулировал и поинтересовался, когда намечается отъезд.

— Как можно скорее,— ответил Рейт.— Чем дольше мы будем ждать, тем больше я буду нервничать.

— А тем временем, кто-нибудь может дернуть оттуда с нашими сокровищами, ведь так? — подлил масла Зарфо.

— Дай нам три дня,— попросил Жаг Жаганиг.

— А когда мы получим пять тысяч, чтобы еще успеть с них что-нибудь поиметь? — хотел знать Тадзеи.

Рейт колебался лишь какую-то долю секунды.

— Вы должны доверять мне, а я должен доверять вам.

Он выплатил каждому из присутствовавших локаров по пять тысяч секвинов в пурпурных полосках.

— Отлично,— заявил Жаг Жаганиг.— Ничего не забыто. Теперь нужно абсолютное молчание, так как повсюду полно шпионов. Больше всего я не доверяю чужестранцу, который одет, как йао.

— Молодой человек, черноволосый, элегантный? — спросил Рейт.

— Точно. Он все время что-то высматривает, не говоря при этом ни слова.

Рейт, Анахо, Зарфо и Трез вернулись в гостиницу и в буфете случайно увидели Хельссе, вытянувшего под столом длинные ноги в суконных штанах. Он неподвижно смотрел перед собой.

— Хельссе,— обратился к нему Рейт.

Тот даже не пошевелился. Рейт позвал его еще несколько раз, после чего Хельссе, наконец, медленно повернул голову. Рейт заглянул в его глаза. Они выглядели, словно линзы из черного стекла.

— Хельссе, скажи же что-нибудь! — не выдержал Рейт.

Хельссе открыл рот и печально захрипел. Он смотрел безучастно, как Рейт медленно отступил, после чего он снова неподвижно устоялся перед собой.

За кружкой пива Зарфо спросил Рейта:

— Этот йао сумасшедший?

— Этого я не знаю. Возможно, он всего лишь симулирует. Или находится под гипнозом. А может быть, он накачан наркотиками.

— Пожалуй, по отношению к йао было бы правильным, если бы мы его вылечили.

— Несомненно. Но как?

— За городом находится селение дагбо. Это искусные люди, которые разбираются в подобных вещах, несмотря на то, что они воруют и ходят в лохмотьях. Но их медики творят чудеса. Если он симулирует, то скоро он это делать перестанет.

Рейт пожал плечами:

— На эти несколько дней мы все равно не сможем найти себе лучшего занятия.

Медик дагбо был худым, как щепка, маленьким человеком в коричневых лохмотьях и сапогах из необработанной кожи. Его карие глаза горели, а розовые волосы были заплетены в три толстые косы. Когда он говорил, на его щеках прыгали вырезанные ритуальные шрамы. С профессиональным интересом он обследовал Хельссе, который равнодушно сидел на стуле из древесных прутьев.

Дагбо заглянул Хельссе в глаза, осмотрел его уши и кивнул. Он махнул рукой толстому мальчику, помогавшему ему; оба согнулись над Хельссе и ощупывали его со всех сторон, а мальчик подsunул Хельссе под нос еще и бутылку крепкой эссенции. Наконец йао стал вялым; дагбо зажег эссенцию и направил дым ему в лицо, в то время, как мальчик играл на флейте, а сам медик под нее пел. Затем он сунул Хельссе в руку комок глины и прошептал ему на ухо какие-то слова. Хельссе начал мять глину и бормотать.

— Это случай простой одержимости, — сказал медик. — Ее он сейчас как раз замешивает в глину. Говори с ним тихо, но твердо — он будет тебе отвечать.

— Хельссе, опиши свое отношение к Адаму Рейту, — сказал Рейт.

— Адам Рейт прибыл в Сеттру, — абсолютно ясно сказал Хельссе. — Случай привел его к Голубым Йадам, где я с ним и познакомился. После этого пришел Дордолио и утверждал, что Рейт принадлежит к Культу; будто бы он человек, утверждающий, что прилетел с далекой планеты. Я говорил с Адамом Рейтом, но испытал лишь замешательство. Я привел его в штаб-квартиру Культа, но там его никто не знал. Один из неизвестных в Сеттре курьеров преследовал нас. Адам Рейт убил его и забрал у него сообщение, важность которого неизвестна.

и я ничего не смог сделать, чтобы узнать больше. Я привез его к одному локару, который понял очень много из этого послания. Я приказал убить Рейта, но попытка провалилась; Рейт и его банда сбежали на юг. Я получил приказ сопровождать его, чтобы выяснить, какими мотивами он руководствуется. На одном из островов Джинги...

Тут Хельссе хрипло вскрикнул и сполз вниз.

Медик снова привел его в состояние покоя, так что Рейт опять мог задавать вопросы.

— Почему ты следил за Адамом Рейтом?

— Я должен был это делать. Кроме того, я делал это с удовольствием.

— Почему ты должен был это делать?

— Я — вонк-человек. Каждый вонк-человек служит своему предназначению.

Теперь Рейту стало ясно, почему Хельссе удалось избежать неприятностей у высоких харов; если бы он был йао, ему бы это никогда не удалось. Он посмотрел на своих товарищей, затем снова обратился к Хельссе:

— Зачем вонк-людям свои шпионы в Кате?

— Они следят за обществом, чтобы воспрепятствовать возрождению Культа.

— Зачем?

— Они хотят сохранить существующее положение. Условия для этого сейчас оптимальны. Любое изменение может привести лишь к ухудшению.

— Ты сопровождал Адама Рейта от Сеттры до одного из островов на болотах. Что там произошло?

Тут Хельссе снова впал в состояние судорожного паралича. Медик с силой ущипнул его за нос.

— Как ты добрался до Кабасаса?

На этот раз за нос его ущипнул уже Рейт. Но тот не ответил.

— Почему ты не отвечаешь?

Казалось, что Хельссе находится в бессознательном состоянии: он ничего не говорил. Медик направлял ему в лицо дым. Рейт щипал его за нос, но тот лишь заваливался на разные стороны.

Медик собрал свои вещи:

— Он мертв, и это все, что я могу вам сказать.

— Он умер из-за того, что ему задавали вопросы?

— Дым попал ему в мозг. Как правило, субъект это переживает. Этот же быстро умер. Вопросы разрушили его сознание.

Следующий вечер был ясным, но ветреным, и мужчины пришли в арендованный круглый дом в серых плащах. Окна изнутри были зашторены, лампы несколько притемнены. Все переговаривались

друг с другом очень тихо. Зарфо положил на стол карту и водил по ней черным пальцем.

— Мы можем поехать к побережью и вдоль него. Но все это страна ниссов. Ехать на восток к Фаласскому морю — дальше. Мы еще можем отправиться на юг, по Потерянной Стране, через Инфнет и дальше до Ао Хидиса. Это был бы логический и прямой маршрут

— Здесь никак нельзя достать воздушный плот? — спросил Рейт Белье, который был наименее воодушевлен предстоящим путешествием, покачал головой.

— Ситуация теперь здесь уже не такая хорошая, как раньше. Раньше их было много, теперь же вообще не осталось. Секвины и воздушные плоты — это две вещи, достать которые в нашей стране весьма трудно.

— Как же тогда мы поедем?

— До Блалага на моторной повозке, а там, может быть, удастся найти транспорт до Инфнета. Оттуда дальше придется идти пешком. Старые дороги на юг уже давно заброшены и обветшали.

Глава 14

В Блалаг ежедневно отправлялись через ветреную пустыню три рейса. Там путешественники попали в жалкую гостиницу, где им удалось договориться, чтобы их довезли до горной деревушки Дердук, находившейся глубоко в Инфнете. Поездка продолжалась почти два дня и была очень неудобной. В Дердуке они смогли снять лишь бедную хижину и по этому поводу локары ворчали. Но хозяин, старый, скандальный человек, приготовил им приличную еду из дичи с лесными ягодами, так что их настроение улучшилось.

Дорога от Дердука представляла собой мало наезженную колею. Едва рассвело, группа в плохом настроении отправилась в путь. Целый день они брели по скалистой местности, а перед заходом солнца поднялся холодный ветер. На следующий день им пришлось искать дорогу по краю широких пропастей и расселин, а на третий они с трудом отыскивали спуск на дно огромного оврага. Вдоль реки Десидея они прошли до Фаласского моря, где разбили лагерь и провели почти бессонную ночь, так как всю ночь между скал раздавались крики, похожие на человеческие.

Утром путники подошли к бесконечной саванне, границы которой терялись в дымке. Два дня искатели приключений пробирались на юг и в надвигавшихся сумерках добрались до вершин Инфнета, но в уходящем свете еще успели рассмотреть открывшуюся перед ними грандиозную панораму. «Ао Хидис!» — с облегчением, но и со знанием дела воскликнули локары.

Возле небольшого костра они долго разговаривали о вонках и вонк-людях. Локарам вонк-люди не нравились, и они предпочитали дирдир-людей.

На это Анахо усмехался.

— В отличие от получеловеческих рас, дирдир-люди никогда не считали вонк-людей толковыми и сообразительными.

— Зато они принимают во внимание вонков, — произнес Зарфо. — Я сам видел и слышал много, хотя меня это почти не касалось. Но за двадцать пять лет мне удалось выучить всего лишь несколько слов из языка вонков. И я не могу похвастаться большим.

— Ну, — продолжал Зорофим. — Ведь они-то с этим и родились. С первого дня жизни они слышат эти щелчки и стрекотание, и поэтому для них не должно представлять особого труда овладеть языком вонков.

— Кроме того, от этого они еще кое-что и имеют, — с заметной завистью сказал Белье. — Они не несут ни перед кем никакой ответственности, посредничают между вонками и остальным миром Чая и великолепно живут в роскоши.

— Возьмем такого человека, как Хельссе, — сказал Рейт. — Вонк-человек и шпион — чего надеялся достичь он? Какие интересы вонков он защищал в Кате?

— Никаких. Но не забывай, что вонк-люди не желают никаких изменений, так как для них они могут иметь только негативные последствия. Если локар, работающий у них, начинает понимать язык вонков, его отсылают вон. А в Кате — кто знает, чего они там опасаются.

Постепенно ночь прошла, и утром Рейт посмотрел в сканоскоп в направлении Ао Хидиса, но из-за тумана много увидеть ему не удалось. Несколько угрюмые из-за того, что не удалось выспаться, они утром отправились дальше на юг.

Медленно из тумана вставал перед ними город. Рейт нашел главами причал, где в свое время швартовался «Варгаз». Как давно это было! Он нашел и ведущую от базара к космопорту улицу. С высоты город казался безжизненным и совершенно спокойным. Черные башни вонк-людей нависали над водой. В космопорте были четко видны пять стоящих космических кораблей.

Около полудня они очутились на вершине гряды, прямо над городом. Отсюда Рейт еще раз внимательно осмотрел территорию космопорта, находившегося прямо под ними. С левой стороны находились ремонтные мастерские; большой грузовой корабль был наполовину разобран и высокие леса стояли вокруг его двигателей, с которых была снята оболочка. Что касается корабля, стоявшего рядом с ним, то создавалось впечатление, что это всего лишь пустой корпус. Со-

стояние же других кораблей детально рассмотреть было невозможно, но локары заявили, что они готовы к полету.

— Это обычное дело, — сказал Зорофим. — Корабль, который ремонтируется, стоит прямо напротив мастерских. Эти же — напротив, стоят в транзитном отделении в зоне загрузки.

— Значит, эти три корабля подходят для наших целей? — спросил Рейт.

Но осторожные локары не торопились давать утвердительный ответ.

— Бывают случаи, когда в погрузочной зоне тоже производится мелкий ремонт, — сказал Белье.

— Ремонтный автомобиль возле пандуса загружен. И то, что находится в нем, снято, по всей видимости, с трех стоящих в зоне загрузки кораблей.

Это были два небольших корабля и один пассажирский. Локары отдавали предпочтение одному из транспортных кораблей, так как они в них лучше разбирались. Рейту же казался лучшим пассажирский корабль, но другие полагали, что это корабль со специальным корпусом или даже новая модель, с полетом на которой могли возникнуть сложности.

Весь день они наблюдали за происходящим в космопорте и за движением на прилегающих улицах. Во второй половине дня прилетел черный воздушный корабль и приземлился около пассажирского космического корабля, после чего из воздушного в космический стали что-то перегружать на самоходных тележках. Чуть позднее механики-локары поднесли к кораблю ящик с энергетическими ячейками, и Зарфо сказал, что это явный признак подготовки корабля к отправке в самое ближайшее время.

Солнце село в океан, и люди сразу же стали молчаливыми. Все рассматривали корабли, находившиеся от них менее, чем в четверти мили, и казавшиеся такими доступными. Но какой из трех кораблей, стоявших в погрузочной зоне, был наилучшим? Большинство сходилось на транспортном корабле, и лишь Рейт и Жаг Жаганиг предпочитали пассажирский.

Рейт начал нервничать. Следующие два часа могли стать решающими для его будущего, и возникало слишком много проблем, которые он не в состоянии был предусмотреть. Странно, что корабли так плохо охранялись. Хотя кому могло прийти в голову, что кто-нибудь захочет украсть один из них? Наверное, и за тысячу лет таких случаев не было.

Когда стемнело, люди спустились вниз. Складские помещения, ангары за погрузочной зоной и мастерские были ярко освещены. Остальная же территория космопорта в большей или меньшей степени лежала в полной темноте. Корабли отбрасывали длинные тени.

Группа пересекла болотистые подходы к космодрому и оказалась у его края. Здесь они выждали пять минут, внимательно прислушиваясь. На территории складов не было заметно никакого движения, но в мастерских продолжали работать несколько человек.

Рейт, Зарфо и Тадзеи вышли на разведку. Пригнувшись, они подбежали к пустому корпусу, где в темноте подождали еще пять минут.

Из мастерской донеслось завывание машины. Со стороны ангара невидимый голос сказал что-то непонятное. Они подождали еще десять минут: В городе зажглись прожекторы, отбрасывавшие высокие световые лучи, направленные вверх, и посреди черных башен вонков появились желтые световые пятна.

В мастерской стало тихо; казалось, что рабочие собрались уходить. Рейт, Зарфо и Тадзеи под прикрытием густой тени добрались до первого из небольших транспортных кораблей, где снова некоторое время осторожно прислушивались. Вокруг было тихо. Зарфо и Тадзеи скользнули к входному люку, подняли его и нырнули внутрь, в то время, как Рейт с выпрыгивавшим от волнения сердцем охранял их снаружи.

Прошло десять бесконечных минут. Наконец, оба вернулись обратно.

— Нехорошо, — сказал Зарфо. — Нет воздуха, нет энергии. Сейчас мы проверим другой.

Снова Зарфо и Тадзеи залезли в корабль, а Рейт остался снаружи. Но почти сразу же они вылезли обратно.

— Этот в ремонте, — хмуро сообщили они. — На ремонтной машине были как раз детали этого корабля.

Пришлось им обратить свои взоры на пассажирский корабль, который был нестандартным образцом. Только они собрались забраться в корабль, над территорией зажегся свет и показалось, что их присутствие обнаружили. Со стороны ворот на машине к пассажирскому кораблю подъехала машина. Из нее вышли несколько темных силуэтов. Посчитать точно, сколько их было не удалось. Все они зашли в корабль.

— Вонки, — пробормотал Зарфо. — Они заходят на борт.

— Значит, корабль подготовлен к старту, — шепотом ответил ему Рейт. — Такого шанса мы упустить не можем.

Зарфо его не поддержал.

— Пустой корабль украсть нетрудно, но с полдесятком вонков и вонк-людей сладить будет нелегко. Это свечение внутри указывает, что на борту есть и вонк-люди. Вонки-сами проецируют лучевые импульсы и наблюдают за рефlekсами.

Позади послышался легкий шорох. Рейт резко обернулся. Это был Трез.

— Мы уже начали о вас беспокоиться, — прошептал он.

— Иди обратно и приведи всех сюда. Если нам удастся, мы захватим пассажирский корабль. Он единственный из всех готов к полету.

Трез исчез в темноте. Уже через пять минут вся группа собралась в тени под грузовым кораблем.

Прошло полчаса. В пассажирском корабле в свете фонаря двигались тени, и люди снаружи нервничали, не зная, чем они там занимаются. Была ли необходимость брать корабль штурмом? Но это представляло очень большой риск, и группа единодушно решила идти консервативным путем. Они решили было вернуться в горы и подождать более подходящего момента. Но, когда они уже отошли, из корабля вышли несколько вонков, шмыгнули в машину и сразу уехали. В корабле продолжал гореть свет, но движения заметно не было.

— Я сейчас проверю,— предложил Рейт и перебежал через все поле. Но остальные тут же последовали за ним. Они взобрались на пандусы, пройдя через посадочную зону, зашли в главный салон корабля, в котором никого не оказалось.

— Все разъехались,— сказал Рейт.— Давайте устраиваться!!!

Трез предостерегающе крикнул. Рейт обернулся и увидел одного единственного вонка, который вошел в салон и вся его фигура выражала неодобрение. Это было черное существо, несколько большее, чем человек, с тяжелым туловищем, четырехугольной головой с двумя черными линзами, поблескивавшими с интервалом в полсекунды. Ноги его были короткими, а между пальцами были перепонки, как у водоплавающих птиц. У вонка не было никакого оружия, и на нем не было абсолютно никакой одежды или доспехов. Из речевого органа у основания черепа раздались хрюкающие и стрекочущие звуки, которые своим звучанием не очень ласкали слух. Рейт подошел и показал вонку на диван, но тот остался стоять и уставился на локаров, которые как раз начали проверять двигатели, энергию, приборы и, прежде всего, наличие кислорода. Наконец, до него вроде бы дошло, что здесь происходит, и он попытался выйти из корабля. Рейт загородил ему выход и снова указал на диван. Стекловидные глаза существа замерцали, затем снова раздался стрекочущий, а теперь еще и жужжащий звук, показавшийся приказанием.

Зарфо вернулся в салон.

— Корабль в порядке, но эта модель мне, к сожалению, не знакома.

— А мы сможем на нем взлететь?

— Сначала мы должны посмотреть, как это здесь делается. Это может продолжаться несколько минут, а может растянуться и на часы.

— Тогда нам нельзя отпускать вонка.

Рейт оттолкнул его назад и вытащил свое оружие. Вонк издал какой-то вопль, но Зарфо ему что-то застрекотал, и вонк отступил.

— Я ему объяснил, что он представляет для нас опасность и что он должен вести себя тихо,— объяснил Зарфо,— и он это понял.

Прошло некоторое время. Локары, разошедшиеся по всему кораблю, перебрасывались фразами. Трез смирно стоял на месте; было видно, что он не знал, как ему поступить.

Корабль задрожал, освещение замигало, и Зарфо заглянул в салон.

— Нам нужно прокачать двигатели. Если Тадзеи удастся разобраться в контрольных схемах...

— Машина возвращается! — крикнул Трез. — И осветительные установки тоже включены!

Тадзеи бросился через весь салон к контрольному пульту. Зарфо подгонял его. Рейт поручил Анахо охрану вонка и подошел к Трезу. Машина остановилась около корабля.

Зарфо показал на приборный щиток, Тадзеи кивнул и нажал на широкую кнопку. Корабль задрожал и приподнялся. Рейт почувствовал ускорение. Они отправились в полет! Тадзеи ввел несколько поправок, корабль немного наклонился. Рейт крепко держался, вонк упал на диван, где и остался лежать. Где-то в приборном отсеке смачно ругался локар.

Рейт поднялся на мостик и встал рядом с Тадзеи, который с сомнением смотрел на приборы.

— Предусмотрен ли здесь автопилот? — спросил Рейт.

— Где-нибудь должен быть. Но где? Это не серийный образец.

— А ты знаешь, что делать?

— Нет.

Рейт посмотрел вниз на Чай.

— Пока мы поднимаемся вверх, все хорошо.

— Если у меня будет хотя бы еще час времени, я смогу проверить электрические контуры. Тогда мне удастся уже со всем разобраться.

Подошел Жаг Жаганиг, чтобы возмутиться.

— Я делаю все, что могу, — ответил ему Тадзеи. — Стой, тут есть еще один рычаг, который я еще не опробовал.

Корабль дернулся и устремился на восток. Локары в испуге закричали. Тадзеи быстро вернул рычаг в исходное положение. Полет корабля выравнился. Тадзеи облегченно вздохнул.

— Мы не набрали высоты и в тысячу шагов, — сообщил Зарфо. — Сейчас девятьсот...

Тадзеи лихорадочно работал. Корабль снова дернулся, и опять его понесло на восток.

— Вверх! Вверх! — закричал Зарфо. — Иначе мы все разобьемся!

Корабль снова успокоился.

— Эти вещи, по всей видимости, активизируются из-за реактивной тяги, — сказал Тадзеи и повернул переключатель. В этот момент на корме что-то затрещало.

— Пятьсот... — считывал Зарфо показания приборов. — Четыреста... триста... двести...

Что-то затрещало, корабль подпрыгнул и дернулся, хотя и казался неповрежденным. Более того, складывалось впечатление, что он приводнился. Но где они находились? В Парапане? В Шанизаде? Бесспорным было лишь то, что они снова оказались на Чае.

В салоне, словно статуя, стоял вонк. По нему совершенно нельзя было определить, какие мысли были в его голове. Рейт прошел в машинное отделение. Там что-то дымилось.

— Перегрузка, — сказал Белье. — Кажется, расплавились силовые контуры. Если на борту имеются запасные части, мы сможем произвести ремонт. Но только в том случае, если у нас будет время.

Рейт вернулся в салон и бросился на диван, с которого принялся смотреть на вонка. План удался. Или почти удался. Он устал, как собака. Видимо, остальные чувствовали себя так же. Он встал и созвал всю группу. Двоих оставили на вахте, остальным было разрешено спать.

Прошла ночь. Эз прошествовал по небу, убегая от Бреза. В сумерках Зарфо определил, что они находились в Фаласском море, причём он высказал мысль, что оно еще никогда не выполняло такой полезной функции, как сейчас, благодаря чему им удалось совершить мягкую посадку.

Рейт вылез на корпус и в сканоскоп рассмотрел горизонт. Вода простиралась далеко на юг, восток и запад. На севере виднелся плоский берег. С юга дул слабый бриз. Рейт вернулся в корабль. Локары демонтировали приборный щиток и возбужденно спорили. Рейту все стало ясно.

В салоне он обнаружил Треза и Анахо, которые с удовольствием грызли шарики из черной пасты. Они нашли их в одном из шкафов. Рейт предложил один шарик вонку, но тот не обратил на него никакого внимания. Рейт съел его сам и сделал вывод, что они имели вкус сыра. Тут пришел Зарфо и сообщил ему, что, как уже и предполагал Рейт, ремонт был невозможен. Сгорел целый блок кристаллов, а замены для них на борту не было.

— И что теперь? — спросил он.

— Ветер гонит нас в сторону берега. Мы вернемся в Ао Хидис и попробуем повторить попытку, — заявил Рейт.

— А как нам поступить с вонком? — поинтересовался Зарфо.

— Пусть он сам думает, как ему добираться. Во всяком случае, убивать его я не собираюсь.

— Ошибка, — пробурчал Анахо. — Лучше будет, если мы уьем это отвратительное создание.

— Кроме того, на Фаласском море находится большая крепость вонков Ао Хаха. То есть, ему не придется долго добираться.

Рейт вернулся в носовую часть. До берега оставалось всего около полумили, а твердую сушу отделяла от воды заболоченная полоса. Такое болото преодолеть было нелегко, и поэтому Рейт обрадовался, когда ветер отнес корабль немного дальше к западу, где берег был твердым. Там в сканоскоп он рассмотрел целый ряд выступающих в море скал.

На нос корабля в сопровождении Анахо и Треза вышел вонк. На полсекунды вонк зафиксировал взгляд своих мерцающих линз на Рейте, чтобы получить четкую картинку, затем перевел свой взор на горизонт. И до того, как Рейт успел ему помешать, вонк своей забавной шаркающей походкой помчался к люку и бросился в воду. Рейт только успел заметить черную мокрую кожу, после чего тот исчез.

Час спустя Рейт осматривает западный берег. Еще не веря своим глазам, он разглядел в скалах черные стеклянные башни широко раскинувшегося города—крепости. Безмолвно, но с интересом, хотя и был близок к отчаянию, Рейт обследовал болото на севере.

Из черной жижи и переливающихся на солнце озер росла белая, волокнистая трава. Рейт подумывал построить плот, но трава для этого явно не годилась. Обивка дивана тоже не подходила для этой цели, а спасательной шлюпки или плота на борту не оказалось. Все и, конечно, в первую очередь локары, были сильно удручены.

- Знаешь ли ты, что это там за город? — спросил Рейт Зарфо.
- По-видимому, это Ао Хаха.
- А что можно ожидать, если нас схватят?
- Смерть.

Пришло утро, и солнце все выше взбиралось по небу, растворяя туман. Теперь были хорошо видны башни Ао Хахи.

С берега корабль тоже заметили. Со стороны крепости к ним приблизилась барка. Рейт рассматривал ее в сканоскоп. На палубе стояли вонк—люди, примерно с десяток, похожие друг на друга, с белыми, как мел, и в основном аскетическими лицами. Во всяком случае, выглядели они весьма мрачно. Рейт прикинул, стоит ли им нападать на барку? Но понял — успех им не светит совсем.

Вонк—люди вскарабкались на борт корабля и обратились к локарам.

— Есть ли у вас оружие? Все в барку!

— Нет,— проворчал Зарфо.— Нет у нас оружия.

Тут они заметили Анахо:

— Это что, дирдир—человек?

От неожиданности они даже рассмеялись, после чего принялись рассматривать Рейта.

— А этот какого сорта? Нет уж, действительно, какая—то слишком пестрая банда! А теперь быстро всем в барку!

Ничего не оставалось делать. Первыми шли локары с низко опу—

щенными головами, так как ни секунды не сомневались в том, что их ожидало. За ними шли Рейт, Трез и Анахо. Они были вынуждены остановиться у фальшборта и повернуться. Вонк-люди бегло их обыскали.

Локары уже почти смирились, но Рейт не собирался так легко сдаваться.

— Неужели мы допустим, чтобы они так легко нас перебили? — крикнул Рейт. — Мы еще поборемся за нашу жизнь.

Вонк-люди резко приказали:

— Быстрее, если вам не хочется осложнений! Всем к фальшборту!

Рядом с баркой вспенилась вода, на поверхность вынырнул черный силуэт и что-то прострекотал. Вонк-люди застыли на месте. Они были так удивлены, что даже разинули рты.

— Идите в кают-компанию, — сказали они пленникам.

Барка вернулась в черную крепость, и вонк-люди принялись шепотом совещаться. По трапу они свели пленников на берег, а затем повели их в Ао Хаху через городские ворота.

Глава 15

Черное стекло, толстые стены и черный бетон, углы, блоки. А все вместе — единство органичных форм. Рейт восхищался архитектурой. Она была абстрактной и строгой. Пленников по лабиринтам переходов привели в окруженный с трех сторон темным бетоном тупик. Там их оставили в ожидании, и они были вынуждены подчиниться.

Здесь стояли корыта, предназначенные для умывания, питья, а также для обратного процесса. Поднимать шум им было тоже запрещено, но уходя, вонк-люди не выставили охраны.

— Они нас даже толком не обыскали, — заметил Рейт. — У меня осталось оружие.

— Отсюда до ворот совсем близко, — сказал Трез. — Зачем же ждать, пока они придут и убьют нас?

— До ворот дойти нам не удастся, — пробурчал Зарфо.

— Так что же, сидеть здесь и ждать, словно послушная скотина, пока они придут?

— Я буду ждать в любом случае, — огрызнулся Белье и бросил на Рейта сердитый взгляд. — Смарагаш я в своей жизни, конечно, больше не увижу. Но, что касается моей жизни, то я надеюсь все-таки наихудшего избежать. Я думаю, что рудники — это всего лишь сказки.

— Если человек попадает в подземелье, то ему уже никогда не суждено выбраться на поверхность. Имеется достаточно заграждений и ужасных ловушек пнумов и пнумеков. Если нас не казнят сразу, то бросят в рудники.

— А все только из-за этого идиотизма и нашей собственной жадности. Адам Рейт, за это ты еще должен будешь перед нами ответить,— ныл Белье.

— Успокойся, ты, вонючка,— невозмутимо поставил его на место Зарфо.— Никто тебя не заставлял ехать с нами, и каждый сам во всем виноват. Рейт доверился нашим знаниям, а мы показали только свою беспомощность.

— Каждый сделал то, что было в его силах,— ответил Рейт.— Это было рискованно. Нам не удалось. Такие дела... А побег... Хм, я не могу поверить, что они просто так оставили нас здесь, не выставив никакой охраны.

Жаг Жаганиг хрюкнул:

— Не будь таким самоуверенным. Вонк-люди просто считают нас животными.

Рейт обернулся к Трезу, наблюдательность которого всегда приводила его в восторг:

— Смог бы ты найти дорогу до выхода? — спросил он.

— Не сразу. Здесь столько поворотов. Я в этих строениях запутался.

— Тогда лучше пока останемся здесь... Может быть, нам удастся найти какой-нибудь выход из ситуации.

Закончился день, а потом и длинная ночь. Эз и Брез отбрасывали фантастические тени. Утро было прохладное, суставы пленников затекли, и к тому же давал о себе знать голод. Их тюремщики не появлялись, и они становились все беспокойнее. Даже пугливые локары предпочли бы увидеть перед собой ненавистных им вонк-людей, чем томиться в неведении.

Рейт постоянно призывал их к терпению:

— Побег нам не удастся, но нам нужно попробовать добиться благосклонности вонк-людей.

— С какой же это стати они будут благосклонны? Они считают нас пленниками и будут с нами соответственно обходиться.

Жаг Жаганиг тоже был настроен пессимистически.

— Того вонка мы больше не увидим. А вонк-люди всегда стоят между вонками и остальным Чаем.

— Мы это еще посмотрим,— задумчиво сказал Рейт.

Прошло и утро. Локары апатично сидели, опершись о стену. Трез, как всегда, хранил абсолютное равнодушие. Откуда он черпал эту силу? Где он выработал такой характер? Был ли это фатализм? А может, на него до сих пор оказывала влияние эмблема? Может, это она так решительно формировала его волю?

Но в этот момент более важными были другие проблемы.

— То, что они до сих пор не пришли, не случайно,— сказал Рейт Анахо.— Для этого должна быть какая-то причина. Может, они таким образом хотят нас вымотать?

— Для этого существует масса других возможностей, причем значительно лучше этой, — сказал дирдир-человек. Но ответить на вопрос Рейта он тоже не смог.

Ближе к вечеру явились три вонк-человека. У одного из них вокруг шеи висела серебряная цепь с медалями, и ноги его прикрывали серебряные щитки. Он был, видимо, важной персоной. Высоко подняв брови, он осмотрел всю группу несколько высокомерно, но в то же время добродушно, вроде бы эти люди были просто непослушными детьми.

— Ну, ладно. Кто из вас является предводителем? — наконец спросил он.

С предельным достоинством Рейт выступил вперед.

— Это я.

— Ты? А не кто-то из локаров? Чего же ты хотел этим добиться?

— Кто будет определять нашу судьбу? — спросил Рейт.

— Судьбу? Какую судьбу? Здесь речь идет только о мотивах ваших поступков, больше ни о чем.

— Это неправильно. То, что мы угнали корабль — это простая кража. А то, что мы захватили с собой вонка — это случайность.

— Вонка?! Да знаете ли вы, кто это был? Нет, конечно же, нет. Это Мудрец Превосходной Степени, сам Мастер Оригинала!

— И ему хочется знать, зачем мы увели космический корабль?

— А что же еще? Вам всего лишь нужно через меня передать ему соответствующую информацию. Все остальное — это моя задача.

— В его теперешнем положении я с удовольствием все объясню ему сам. Но я надеюсь, что это произойдет в соответствующей обстановке, а не в каменном мешке.

— Ты очень храбрый. Это ты Адам Рейт?

— Да, это я.

— Ты недавно посетил Сеттру в Кате и встретился там с так называемыми Кающимися Беглецами, не так ли?

— Твоя информация не совсем верна.

— Это не имеет значения. Мы хотим лишь знать, зачем ты украл космический корабль.

— Я попрошу тебя присутствовать, когда я буду это объяснять Мастеру Оригинала. Это очень сложная задача, и я уверен, что ему захочется задать вопросы, на которые ответить предварительно совершенно не представляется возможным.

Вонк-человек с кислым видом пошел обратно.

Зарфо сказал:

— Ты хладнокровный человек. Чего ты хочешь добиться, поговорив с вонком?

— Я не знаю. Просто хочу попробовать. Ведь вонк-человек все равно сообщит только то, что ему заблагорассудится.

— Это знают все, кроме самих вонков.

— Они настолько наивны? Или настолько высокомерны?

— Ни то, ни другое. Они имеют собственные источники информации. Но вонк-людям нужно лишь, чтобы все оставалось без изменений, а Чай же вонков не очень интересует. Здесь они находятся только для того, чтобы сдерживать угрозу со стороны дирдиров.

— Вот тебе и раз! — сказал Анахо. — Но ведь это же ерунда! Никакой угрозы со стороны дирдиров не существует. Экспансионисты исчезли еще тысячу лет назад. Осталось лишь обоюдное недоверие.

— Это правда. Дирдиры — не самая плохая раса.

Это задело Анахо за живое, Зарфо засмеялся, а Рейт неодобрительно покачал головой.

— Послушайся моего совета, Адам Рейт, — сказал Зарфо. — Не сердь вонк-людей, так как вырваться на свободу мы сможем только с их помощью, если вообще сможем. Сможешь ли ты ползать перед ними на коленях?

— Не такой уж я гордый, — заявил Рейт. — Если бы это только помогло. Но на это я не рассчитываю. Однако я перебрал кое-какие варианты, а именно, что могло бы нам помочь, если бы мы получили возможность поговорить с вонками.

— Через вонк-людей тебе ничего не удастся сказать, так как они все равно передадут лишь то, что захотят. И ты никогда не узнаешь, что именно.

— А я хочу сделать следующее, — сказал Рейт. — Я хочу создать такую ситуацию, в которой смысл будет иметь только правда, а любая другая версия будет выглядеть откровенной ложью.

Зарфо покачал головой. Он подошел к колодцу, чтобы напиться. Тут Рейт вспомнил, что уже два дня они ничего не ели. Так что становилось абсолютно понятным, почему они были такими унылыми.

Появились вонк-люди, но того, с серебряной цепочкой, приходившего в прошлый раз, с ними не было.

— Пойдете с нами, — сказал один из них — Встать в ряд!

— Куда мы идем? — пытался узнать Рейт, но ответа не удостоился.

Пять минут они шли по кривым улочкам и угловатым дворам, сквозь темные тени и желтоватый свет солнца Карина 4269. Они зашли на первый этаж одной из башен, поднялись на лифте на несколько десятков метров вверх и, наконец, прибыли в огромный восьмиугольный зал.

В холле было все погружено в полумрак. Линзообразное углубление в потолке было заполнено водой; падающий сверху свет преломлялся в колышущейся при помощи вентилятора воде и прыгающими завитушками отражался на полу и стенах. Непривычная музыка, еле слышная и странным образом диссонирующая, тихо доносилась неведомо откуда. Стены были покрыты пятнами. Рейту это показалось

странным, пока он не подошел ближе и не увидел, что это были идеограммы вонков. Лишь только теперь он увидел, насколько сложными они были. Каждая идеограмма обозначала тональность, а каждая тональность — гудение, жужжание, стрекотание или мурлыканье — представляла определенный образ. Здесь же на стенах были исключительно абстрактные образы.

Зал был пустым. Группа в молчании ожидала, и звуки воспринимались уже совершенно подсознательно. Проникающий, отраженный и преломленный свет прыгал и танцевал по всему помещению.

Рейт услышал, как Трез издал удивленный возглас. Это случалось редко и значило, что произошло что-то особенное.

— Посмотри-ка туда, — шепнул он ему.

В алькове стоял Хельссе с опущенной головой, словно полностью отдался мыслям, его захватившим. Теперь он был одет в черные одежды вонк-людей. Его волосы были коротко подстрижены, и уже ничего в нем не напоминало молодого элегантного человека из Дворца Голубых Йадов. Рейт посмотрел на Зарфо.

— Ты же мне сказал, что он мертв.

— Хельссе, — крикнул Рейт. — Здесь Адам Рейт!

Хельссе повернул голову и посмотрел на него. Рейт поразился, как ему удавалось настолько преобразиться, чтобы не быть похожим на вонк-человека. Хельссе медленно подошел к нему и криво улыбнулся.

— Значит вы уже здесь. Ваши приключения имеют печальное завершение, — сказал он.

— Положение затруднительное, — сказал Рейт, — ты можешь нам помочь?

Хельссе вскинул брови:

— Зачем это мне? Ты не покорился и не знаешь своего места. Лично я считаю тебя отвратительным. Ты многократно топтал мое достоинство. Твои близкие к Культуре воззрения — мерзость. То, что ты украл космический корабль с Мудрецом Оригинала, доказывает абсурдность твоих помыслов.

— Могу ли я спросить, почему ты здесь?

— Конечно. Чтобы передать информацию о тебе.

— Значит, мы такие важные персоны?

— Кажется, так, — равнодушно ответил Хельссе.

В это время в зал вошли четыре вонка, четыре черные массивные тени. Хельссе вытянулся в струнку. Остальные вонк-люди замолчали. Это должно было как всегда изображать почтительное отношение вонк-людей, внешне принимавших вонков респектабельно.

Пленников выстроили перед вонками в ряд. Истекла минута — ничего не происходило. Вонки несколько раз что-то прострекотали и промурлыкали, смысла чего вонк-люди, по всей видимости, понять не

смогли. Тогда один из вонков обратился к вонк-людям в дребезжащих тонах, словно играя на ксилофоне, издававшем всего три звука.

Старший вонк-человек выступил вперед, послушал и обратился к пленникам:

— Кто из вас предводитель пиратов?

— Никто, — ответил Рейт. — Мы не пираты.

Один из вонков задал вопрос, и Рейту показалось, что он узнал в нем Мастера Оригинала. Вонк-люди, несколько колеблясь, достали маленький клавишный инструмент, на котором вонк удивительно изысканно заиграл.

— И скажи ему, — потребовал Рейт, — что мы просим прощения за причиненные ему неудобства, но обстоятельства требовали того, чтобы мы взяли его с собой вверх.

— Вам необходимо лишь давать информацию, больше ничего, и после этого начнется нормальный процесс, — сделал ему замечание вонк-человек — Говори только тогда, когда тебя спрашивают.

Хельссе вышел вперед со своим собственным инструментом и извлек из него целый ряд разнотональных звуков. Постепенно Рейт почувствовал себя неуютно. Ситуация вышла из-под его контроля, а когда он попытался задать вопрос, вонк-человек указал ему на неправильное поведение или на неповиновение — в конце концов, в этом он разницы не видел.

Рейт повернулся к Зарфо и сказал, что хотел бы кое-что рассказать вонкам.

Зарфо надул щеки, показал на вонк-людей и издал несколько стрекочущих звуков.

— Немедленно замолчи, — приказал старший вонк-человек. — Ты нам только мешаешь.

— Что ты им сказал? — спросил его Рейт.

— Я сказал: неправильно, неправильно, неправильно. Больше я ничего не знаю.

Мастер показал на Рейта и Зарфо и застрекотал. Старший вонк-человек перевел:

— Вонк хочет знать, где вы составили план захвата космического корабля и как ваше пиратство...

— Ты неправильно перевел, — перебил его Рейт. — Я уже сказал, что мы не пираты и не сумасшедшие.

— Вы очевидные пираты, — ответил вонк-человек, — а может, еще и сумасшедшие.

Затем он сыграл для вонка на своем инструменте, и Рейт абсолютно не сомневался, что тот перевел неправильно. Поэтому он повернулся к Хельссе.

— Что он ему все время рассказывает? Что мы пираты?

Но ответа от Хельссе он не дождался. Тут Зарфо засмеялся и прошептал ему на ухо:

— Ты помнишь дагбо? Ущипни—ка его за нос.

— Хельссе,— сказал Рейт.

Хельссе непонимающе посмотрел на него, и Рейт неожиданно ущипнул его за нос. Хельссе окаменел:

— Скажи вонкам, что я человек с Земли, планеты, с которой произошли люди,— приказал ему Рейт.— И взял я космический корабль для того, чтобы вернуться на нем домой.

Хельссе сыграл целый ряд трелей и пассажей, и в тот же момент остальные вонк—люди страшно занервничали, что было для Рейта знаком того, что Хельссе перевел правильно. Они подскочили к Хельссе и потребовали, чтобы он прекратил свою информацию, но тот продолжал дальше.

— И скажи им, что вонк—люди перевели мой ответ совершенно неправильно, исходя из сугубо эгоистических соображений,— приказал Рейт.

Хельссе играл, другие **вонк—люди** протестовали, но были поставлены вонками на место.

Теперь Рейт уже был готов к выполнению своей задачи.

— И скажи им еще, что вонк—люди уничтожили мой космический корабль и убили всех на борту, кроме меня, несмотря на то, что наша миссия носила миротворческий характер. Мы уловили радиосигналы, посланные с Чая около ста пятидесяти лет назад, и примерно в это же время вонк—люди разрушили Сеттру и Баллисидру, откуда и были посланы эти сигналы. Это стоило очень многих жизней. А все это было сделано лишь затем, чтобы помешать возникновению новой ситуации, которая могла бы привести к заключению перемирия между вонками и дирдирами.

Среди вонк—людей возникло большое волнение, подтверждающее, что его **обвинения** достигли цели. Их снова заставили замолчать. Хельссе играл на инструменте с таким выражением лица, словно сам удивлялся тому, что делает.

— Дальше ты скажешь им, что вонк—люди систематически искажают правду. Несомненно, именно они виноваты в продолжении войны с дирдирами. Когда война близилась к концу, вонки собирались возвратиться на свою родную планету, а вонк—люди думали только о себе.

Хельссе попытался уронить инструмент на пол, но его пальцы не могли разжаться. Поэтому он продолжал играть, а другие вонк—люди стояли рядом в мертвой тишине. Это было самое весомое из всех обвинений. Старший вонк—человек заорал:

— Допрос окончен! Пленным встать в ряд! Марш!

Рейт приказал Хельссе:

— Потребуй, чтобы вонки приказали всем вонк-людям убраться отсюда, и тогда мы сможем без помех продолжать.

Лицо Хельссе искривилось, пот струился по его лбу.

— Переведи мое сообщение, — велел Рейт.

Хельссе подчинился.

Смущенно и молчаливо смотрели вонк-люди на вонков. Мастер несколько раз что-то просверчал.

Вонк-люди посовещались между собой и пришли к ужасному решению. Они выхватили свое оружие и обратили его не против пленников, а против четырех вонков. Рейт и Трез рванулись вперед, локары последовали за ними. Оружие было вырвано из рук нападавших.

Мастер снова несколько раз что-то проскрипел.

Хельссе послушал, потом медленно повернулся к Рейту.

— Он приказал мне взять у тебя твое оружие.

Рейт протянул оружие ему. Хельссе повернулся к трем стоявшим вонк-людям и нажал на кнопку. Все трое повалились на пол с раз-мозженными головами.

Вонки посмотрели на это и постояли некоторое время в молчании, после чего вышли из зала. Пленники остались с Хельссе и убитыми. Рейт взял свое оружие из холодных пальцев Хельссе, пока тому не пришлось в голову воспользоваться им еще раз.

В зале стало темнее, так как на улице уже наступали сумерки. Рейт посмотрел на Хельссе. Как долго сохранится у него еще гипнотическое состояние?

— Проведи нас через заграждения из города, — приказал он.

— Идем.

Хельссе повел группу по черно-серому городу. Они подошли к маленькой стальной двери. Хельссе дотронулся до кнопки, и дверь распахнулась. Снаружи каменная тропинка вела вниз. Друг за другом они вышли наружу, и Рейт повернулся к Хельссе.

— Через десять минут после того, как я дотронусь до твоих плеч, ты вернешься в свое нормальное состояние. Ты не будешь помнить ничего из того, что произошло в последние часы. Ты меня понял?

— Да.

Рейт дотронулся до плеч Хельссе, и группа поспешила сквозь сумерки подальше от города. Рейт обернулся назад. Хельссе стоял все так же, как и прежде, и смотрел им вслед с какой-то тоской.

Глава 16

Когда они добрались наконец до тихой опушки леса и повалились на землю, все были до крайности измучены и изнурены. Их желудки стянуло от голода. При свете обеих лун Трез обследовал подлесок и откопал несколько клубней растения паломников, благодаря чему группа в первый раз за два дня смогла что-то поесть. Немного подкрепившись, они побрели сквозь ночь дальше, взобрались на продолговатый холм и дошли до гребня, с которого они еще раз взглянули назад. Ао Хаха темным силуэтом выделялась под освещенным лунами небом. Каждый думал о чем-то своем, и они побрели дальше на север.

Утром они позавтракали поджаренными на костре грибами, и Рейт открыл свой кошелек.

— Экспедиция была безуспешной. Я вам пообещал, что каждый из вас получит оставшиеся пять тысяч секвинов. Возьмите их вместе с благодарностью за вашу преданность.

Зарфо пальцами осторожно взял пурпурные полоски и сжал их в руке.

— Я — честный человек, и, так как такова была наша договоренность, я возьму эти деньги.

Жаг Жаганиг сказал:

— Один вопрос, Адам Рейт. Ты сказал вонкам, что ты вроде бы человек с далекой планеты, родины людей. Это правда?

— Да. Поэтому я и рассказал это вонкам. И это правда, несмотря даже на то, что дирдир-человек Анахо от этого скривился.

— Расскажи нам что-нибудь о твоей планете.

Рейт говорил целый час, и его товарищи молча смотрели на костер.

Наконец откашлялся Анахо.

— Я не сомневаюсь в твоей правдивости. Но ты говоришь, что история Земли коротка по сравнению с Чаем. И из этого совершенно понятным становится то, что дирдиры давным-давно посетили Землю и оставили там колонию дирдир-людей, от которых и пошли все земные люди.

— Я тебе могу это объяснить иначе, — ответил Рейт. — Но только тогда, когда наше путешествие пройдет успешно, и мы попадем на Землю.

— Интересно, — сказал Анахо и подложил в костер дров. — Конечно, дирдиры не продали бы космический корабль; а украсть его, как у вонков, совершенно не представляется возможным. Но в космопорте Большой Сивиш можно достать все, если это продается... или даже, назовем это тактично, купить. Правда, для этого нужно много секвинов...

— Как много? — уточнил Рейт.

- Сто тысяч могут творить чудеса.
- Несомненно. Но теперь у меня нет и тысячи.

Зарфо бросил ему свой кошелек, в котором было пять тысяч секвинов.

— Возьми. Мне больно это делать, словно мне отрезают ногу. Но я хочу, чтобы это было первым взносом в общий котел.

Рейт отдал ему деньги назад.

— Сейчас их хватит лишь на то, чтобы немножко ими побренчать, не более того.

Через тринадцать дней они добрались, наконец, до Блалага, где им представилась возможность добраться до Смарагаша.

Три дня подряд Рейт, Анахо и Трез ели, пили, спали и смотрели, как молодые люди танцуют на улицах. Вечером четвертого дня, когда они сидели в кабачке, к ним подошел Зарфо.

— Все складывается великолепно. Ты уже слышал об этом?

— О чем это?

— Первое. Я приобрел прекрасный участок земли в изломе реки Висфер, на котором растут пять отличных келевых деревьев, три псиллы и одна аспонистра, не говоря уже о таевых ягодах. Там я завершу свои дни, если ты только не подбьешь меня еще на какое-нибудь сумасшедшее мероприятие. Во-вторых, сегодня утром приехали два техника из Ао Хидиса в Смарагаш. А там предстоят большие изменения! Вонк-люди покидают крепости. Их оттуда выгнали, и они живут теперь в хижинах черных и красных. Похоже, что вонки не хотят теперь с ними иметь никаких дел.

Рейт удовлетворенно засмеялся:

— В Дадихе мы нашли чужую расу, угнетавшую людей. В Ао Хидисе же, это были люди, которые эксплуатировали чужую расу. И там, и там все теперь изменилось. Анахо, не хочешь ли ты избавиться от своей нервоизнуряющей философии и стать настоящим человеком?

— Слова для меня ничего не значат. Я хочу видеть доказательства. Доставь меня на Землю.

— Пешком дойти туда невозможно.

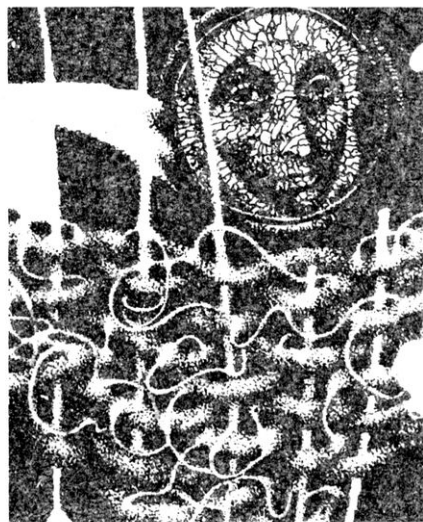
— В космопорте Сивиша находится минимум десяток космических кораблей, которые нужно лишь собрать и подготовить к полету.

— А где взять, друг мой, требуемые секвины?

— Этого я тоже не знаю, — ответил Анахо.

— И я не знаю, — присоединился к ним Трез.

ДИРДИРЫ

The Dirdir

ДИРДИРЫ

Глава 1

Солнце Карина 4269 переместилось в созвездие Тартуса. Это значило, что начинается Балул Зак Аг — «Время Неестественных Мечтаний», — во время которого во всей высокогорной стране локаров прекращались всякие войны, охота на рабов, грабежи и поджоги. Балул Зак Аг давал великолепную возможность для Великого Базара в Смарагаше. Наверное, все-таки, сначала стал организовываться Великий Базар, а уже исходя из этого, кто знает, сколько столетий назад, возник и Балул Зак Аг. Из горной страны локаров, а также из прилегающих территорий в Смарагаш шли ксары, журвеги, серафы, ниссы и представители других народов и племен. Здесь они вели друг с другом торговлю, решали застаревшие споры и собирали сплетни и новости. Ненависть висела в воздухе, словно тошнотворный запах; взгляды исподтишка, произносимые шепотом проклятия и производимое сквозь сжатые зубы презрительное шипение придавали толчее базара соответствующую атмосферу. Лишь локары — мужчины с черной кожей и белыми волосами и женщины с белой кожей и черными волосами — сохраняли свое спокойное равнодушие.

На второй день Балул Зак Ага, прогуливаясь по базару, Адам Рейт заметил, что за ним следят. Это открытие его насторожило. Если на Чае за кем-то начинали следить, это всегда заканчивалось очень плохо.

«Наверное, я ошибся», — размышлял Рейт. У него были десятки врагов. Для многих его персона ассоциировалась с идеологическим несчастьем. Но как мог хотя бы один из преследователей раскопать его след в Смарагаше? Рейт шел дальше по переполненным улицам базара, останавливался у прилавков и незаметно бросал взгляды в том направлении, откуда он шел. Но преследователь — если он действительно существовал — исчез в сутолоке. Здесь были двухметровые, одетые в черное, ниссы, гордо кружившиеся, словно хищные птицы; ксары; серафы; дагбо-кочевники, на короточках сидевшие вокруг своих костров; человеческие существа, скрывавшие свои лица за керамическими масками; журвеги в кафтанах кофейного цвета; черные и белые локары из Смарагаша. Повсюду раздавались хорошо знакомые звуки: звон стали, шелест кожи, нерешительные голоса, пронзительные крики, визгливая, трескучая и скрипучая музыка дагбо.

Запахи камышовых приправ, животных масел, мускуса, взбиваемая пыль, угар и запах еды, испарения серафов пронизывали воздух. И такое многообразие красок — черная, темно-коричневая, оранжевая, ярко-красная, темно-синяя, темно-золотистая!

Рейт вышел с базара и пересек танцевальную площадку. Он резко остановился и боковым зрением заметил, как какая-то фигура юркнула за палатку. Рейт задумчиво вернулся обратно в гостиницу. Трез и дирдир—человек Анке ат афрам Анахо сидели в ресторане и поедали мясо с хлебом. Оба во время еды молчали. Совершенно разные существа, каждый из которых считал другого непонятным. Худой и бледный Анахо, высокий, как и все дирдир—люди, был абсолютно лысым и этот недостаток он по примеру йао пытался устранить при помощи мягкой, украшенной кистями шапочки. Он был непредсказуем и склонен к болтовне, мрачному юмору, неожиданной раздражительности.

Коренастый, темнокожий и крепкий Трез был полной противоположностью Анахо. Трез считал Анахо тщеславным, хитроумным и сверхцивилизованным. Анахо оценивал Треза как бестактного, слишком серьезного и сверхпедантичного. Рейт так и не мог понять, как им удавалось путешествовать вместе в относительно добром согласии.

Рейт подсел к ним за столик.

— Мне кажется, что за мной следят,— сообщил он.

Анахо испуганно откинулся назад:

— Это значит, что мы должны быть готовы к наихудшему или бежать.

— Я предпочитаю побег,— заявил Рейт и налил себе пива из каменного кувшина.

— Ты все еще хочешь лететь к своей таинственной планете? — Анахо задал этот вопрос таким тоном, будто уговаривал раскапризничавшегося ребенка.

— Естественно, я хочу вернуться на Землю.

— Да,— пробормотал Анахо.— Ты жертва заблуждения или навязчивой идеи. Неужели ты не можешь ее выбросить из головы? Дело намного лучше обсуждать, чем его осуществлять. Космические корабли — это не ножницы для удаления бородавок, которые можно приобрести в любой лавке на базаре.

Рейт грустно кивнул:

— Уж это я знаю слишком хорошо.

Анахо небрежно продолжал дальше:

— Я предлагаю тебе обратиться к большим ангарам Сивиша. Если обладать достаточным количеством секвинов, там можно достать практически все.

— Я боюсь, что это как раз не тот случай,— с досадой сказал Рейт.

— Иди в Карабас. Там можно загребать секвины ведрами.

Трез насмешливо фыркнул:

— Ты считаешь нас сумасшедшими?

— А где находится Карабас? — осведомился Рейт.

— Карабас находится в охотничьем заповеднике дирдиров, севернее Кослована. Настоящим мужчинам, если они удачливы и имеют крепкие нервы, иногда везет.

— Лучше сказать, глупцам, игрокам и убийцам, — пробурчал Трез.

Рейт спросил:

— А как секвины достаются этим людям?

Ответ Анахо прозвучал дерзко и чопорно:

— Обычным способом: они раскапывают хризопинады.

Рейт провел рукой по подбородку.

— Значит, это источник получения секвинов. Я думал, что дирдиры или какая-нибудь другая раса занимаются их чеканкой.

— Ты действительно прибыл с другой звезды? — воскликнул Анахо.

У Рейта болезненно задрожали уголки рта:

— А как же иначе?

— Хризопин, — принялся объяснять Анахо, — растет только в Черной Зоне, а другими словами, в Карабасе. Там в почве встречаются урановые соединения. Богатая жила приносит до двухсот восьмидесяти двух секвинов одного или другого цвета. Один пурпурно-красный секвин стоит сотни бесцветных; один багровый — пятидесяти; а затем в сторону уменьшения от изумрудно-зеленых, синих, карнеоловых до молочно-белых. Это известно даже Трезу.

Трез презрительно сжал губы и прожег Анахо взглядом.

— Даже Трезу?

Анахо не обратил на него внимания:

— Но ведь это не главное. У нас нет надежного подтверждения, что кто-то за нами следит. Адам Рейт мог ошибиться.

— Адам Рейт никогда не ошибается, — возразил Трез. — Даже Трез, как ты изволил выразиться, знает это.

Анахо поднял безволосые брови:

— Вот как?

— Посмотри-ка на человека, только что вошедшего в зал.

— Локар. И что же?

— Это не локар. Он не выпускает нас из виду.

У Анахо отвисла челюсть.

Рейт незаметно рассматривал человека: он казался немного полнее, не таким прямым и более низким, чем должен был бы быть настоящий локар. Анахо тихо сказал:

— Парень прав. Вы только посмотрите, как он пьет свое пиво — с опущенной головой, вместо того, чтобы откидывать ее назад. Это настораживает.

Рейт пробормотал:

— Кто бы это мог нами интересоваться?

Анахо саркастически рассмеялся:

— Неужели ты и впрямь думаешь, что наши подвиги могли остаться незамеченными? События в Ао Хидисе возбудили умы повсюду.

— А этот человек — у кого на службе он находится?

Анахо пожал плечами.

— Из-за выкрашенной в черный цвет кожи я не могу определить его происхождение.

— Попробуем совершить несколько прогулок, — предложил Рейт.

Какое-то мгновение он размышлял, а затем добавил:

— Я прогуляюсь по базару, а потом пройду в старый город. Если этот человек пойдет за мной, дайте ему немного отойти и потом идите за ним. Если же он останется сидеть, пускай один из вас остается здесь, а второй идет за мной.

Рейт не спеша отправился в сторону базара. У одной из палаток, где торговал журвег, он остановился и принялся рассматривать разложенные ковры, которые, как утверждали слухи, ткали безногие дети. Болтали, что этих детей журвеги воровали и потом калечили. Он посмотрел назад. Никто его не преследовал. Рейт прошел еще немного вперед и остановился перед прилавками, где уродливые женщины ниссов выставляли на продажу плетеные кожаные веревки, лошадиную упряжь и великолепные серебряные бокалы с замечательным красным орнаментом. По-прежнему, никто сзади не показывался. Рейт пересек улицу и стал с видом знатока разглядывать музыкальные инструменты дагбо. «Если бы я мог доставить на Землю груз из ковров журвегов, серебра ниссов и инструментов дагбо, — подумал Рейт, — я бы сам выковал свое счастье». Он посмотрел через плечо назад и увидел Анахо, прогуливавшегося в пятидесяти метрах от него. Не приходилось сомневаться, что тому тоже никого заметить не удалось.

Рейт медленно пошел дальше. Он остановился, чтобы посмотреть на дагбо-заклинателя духов — горбатого старика, сидевшего на корточках среди разнообразнейших бутылочек, горшочков с мазями, привораживающих камешков, служащих для усиления телепатических способностей, наведения любви на красной или зеленой бумаге и наговоров. Над ним парили двенадцать фантастических драконов, которые старик искусно перебирал, в результате чего звучала слабая жалобная музыка. Он предложил Рейту амулет, но тот не захотел его покупать. За это заклинатель духов одарил его несколькими ругательствами и снова принялся перебирать своих драконов, извлекая из них звуки.

Рейт отправился дальше к палаткам дагбо. Девочки в шaliaх и в черных, бледно-розовых и желтых юбках, украшенных рюшами,

предлагали себя журвегам, локарам и серафам. Чопорные ниссы их поносили; последние молча и гордо проплывали мимо с высоко поднятыми головами и носами. За лагерем была уже открытая прерия, вдали виднелись горы, сверкавшие черными и золотыми оттенками в свете Карины 4269.

Девушка дагбо подошла к Рейту. Покачивая бедрами, так что ее серебряные украшения на талии тихонько позванивали, и широко улыбаясь, показывая при этом отсутствие нескольких зубов, она обрратилась к нему:

— Что ты ищешь, друг мой? Ты устал? Это моя палатка. Давай зайдем туда, и ты расслабишься.

Рейт отклонил предложение и повернул назад, пока ее собственные пальчики или пальчики ее младшей сестры, стоявшей где-нибудь поблизости, не успели утащить его кошелек.

— Почему ты не хочешь? — прошптала девушка. — Посмотри на меня! Разве я не привлекательна? Я натерла свое тело мазями сераффов и я пахну ароматной водой. Ведь тебе может попасться намного худшая!

— Несомненно, — согласился Рейт. — Но...

— Мы поговорим с тобой, Адам Рейт! Мы расскажем друг другу много интересных вещей.

— Откуда тебе известно мое имя? — удивился Рейт.

Девушка помахала шалью перед младшими девочками, будто бы ее крепко кусали насекомые.

— Кто же в Смарагаше не знает Адама Рейта, путешествующего по странам, словно илантский принц, и носящего пока голову на плечах, несмотря на многочисленные нападения на него.

— Значит я стал знаменитым?

— Конечно. Тебе действительно нужно идти?

— Да, у меня договоренность о встрече.

Рейт продолжил свой путь. Девушка смотрела ему вслед с загадочной улыбкой. Когда Рейт, оглянувшись, увидел эту улыбку, она ему очень не понравилась.

Через двести метров к нему из боковой улицы вышел Анахо:

— Покрашенный под локара человек остался в гостинице. Какое-то время за тобой шла молодая женщина, одетая, как дагбо. В палаточном лагере она с тобой заговорила, после чего за тобой больше не пошла.

— Странно, — пробормотал Рейт. Он посмотрел на улицу впереди и сзади. — Сейчас за нами никто не идет?

— Никого не видно. Но, несмотря на это, за нами могут следить. Повернись, пожалуйста.

Анахо провел своими длинными белыми пальцами по куртке Рейта.

— Именно это я и предполагал.

Он вытащил из материала маленькую черную кнопку.

— Теперь мы знаем, кто за тобой следит. Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Но я, кажется, догадываюсь. Контроль местонахождения?

— Наблюдательное средство дирдиров, используемое при охоте. Совсем юные или древние старики используют это, чтобы не потерять следа своей жертвы.

— Значит, дирдиры заинтересовались мной?

Лицо Анахо стало еще длиннее и уже, словно он съел что-то кислое.

— Конечно, события в Ао Хидисе вызвали их интерес и привлекли внимание.

— А что им надо от меня?

— Побуждения дирдиров редко бывают хорошими. Они захотят задать тебе несколько вопросов, после чего убьют.

— Тогда самое время для того, чтобы исчезнуть.

Анахо посмотрел на небо:

— Слишком поздно. Я предполагаю, что в этот момент уже подлетает планер дирдиров... Дай мне этого клопа.

Мимо проходил нисс. Его черное одеяние путалось в ногах. Анахо приблизился к нему и быстрым движением дотронулся до черной одежды. Нисс, угрожающе улыбаясь, быстро повернулся и, казалось, какое-то время сдерживался от желания преступить мучительные ограничения Балул Зак Ага. Но, пересилив себя, резко повернулся на каблуках и пошел своей дорогой.

Анахо изобразил тонкую, благородную улыбку.

— Дирдиры будут очень удивлены, когда Адам Рейт окажется ниссом.

— Пока они поймут свою ошибку, нам лучше исчезнуть.

— Согласен, но как?

— Я предлагаю зайти к старому Зарфо Детвайлеру.

— К счастью, мы знаем, где его искать.

Оба пошли на базар и подошли к пивной — обветшавшему каменному строению с прогнившими столиками. Сегодня Зарфо сидел внутри, чтобы не видеть пыли и суматохи базара. Глиняный кувшин с пивом почти закрывал его выкрашенное в черный цвет лицо. На нем были непривычно элегантные одежды: натертые до идеального блеска черные туфли, каштановая накидка и черная треуголка, которую он напялил на белые, развевающиеся волосы. Он был несколько навеселе, отчего стал еще более словоохотливым, чем обычно. С трудом Рейту удалось растолковать ему свою проблему. Наконец Зарфо заволновался.

— Значит, теперь уже и дирдиры! Какая подлость! И это во время Балул Зак Ага! Пусть они занимаются лучше своими делами, а то на себе прочувствуют гнев локаров!

— Как бы нам как можно скорее покинуть Смарагаш? — спросил Рейт.

Зарфо зажмурил глаза и налил себе в кружку очередную порцию пива из кувшина.

— Сначала скажите, куда вы собираетесь идти?

— На Облачные Острова, а может и в Карабас.

Зарфо испуганно опустил кружку на стол.

— Локары — это страшно жадные люди. Но, тем не менее, сколько из них пытались податься в Карабас? Единицы! И сколько из них богатыми вернулись домой? Видел ли ты на востоке большую усадьбу — с резным забором из слоновой кости.

— Да.

— Второго такого дома в окрестностях Смарагаша нет, — с тревогой в голосе сказал Зарфо. — Понимаете ли вы, что я хочу этим сказать? — Он постучал по столу. — Мальчик, еще пива!

— Но я говорил еще и об Облачных Островах, — наклонился к нему Рейт.

— Туза Тапа в Драшаде — более удобный из островов. Как добраться до Туза Талы? Электрическая повозка может довезти вас только до Сиадза, что на краю горной страны. Я не знаю, каким образом можно спуститься с отвесных скал вниз к Драшаде. Караван в Зарфу отправился два месяца назад. Единственным подходящим средством мог бы стать только воздушный плот.

— Хорошо. Но как бы нам найти такую возможность?

— Только не у локаров. У нас нет таких средств передвижения. Посмотрите — ка туда: воздушный плот и группа богатых ксаров! Они как раз готовятся к отлету. Возможно, они собираются в Туза Талу. Мы их сейчас спросим.

— Минутку. Мы должны предупредить Треза.

Рейт позвал мальчика-официанта и послал его в гостиницу.

Зарфо пошел через площадь, Рейт и Анахо не отставали от него ни на шаг. Пятеро ксаров, невысокие, широкоплечие, с толстощеками лицами, стояли перед своим старым небесным экипажем. Они носили дорогие серые и зеленые одежды. Их волосы были словно смазаны олифой и разделялись на множество толстых прядей, торчащих в разные стороны.

— Вы скоро покидаете Смарагаш? — доброжелательно крикнул им Зарфо.

Ксары пошептались и обернулись.

Зарфо не обратил внимания на их не очень дружелюбные взгляды.

— Куда вы собираетесь лететь?

— На Фаласское море, куда же еще? — объяснил старший из ксаров. — Наши дела закончены, как всегда, нас обманули. Мы с нетерпением ждем момента, когда снова вернемся в наши болота.

— Отлично. Этот господин и два его товарища как раз тоже хотят ехать в вашем направлении. Они спрашивают меня, нужно ли предлагать вам за это деньги. Я ответил: «Ерунда! Ксары такие же щедрые и великодушные, как князья...»

— Стоп! — резко перебил его ксар. — Я должен прояснить минимум три вещи. Первое: наш плот перегружен. Второе: мы великодушны, пока это не касается наших секвинов. Третье: эти две персоны, о которых нам совершенно ничего не известно, обладают дерзким, внешне опасным излучением, которое отнюдь не действует на нас успокаивающе. А это третий? — Он указал на Треза, который как раз появился на площади. — Ага, юноша, но не менее загадочный.

Слово взял другой ксар.

— Еще два вопроса: сколько вы можете заплатить и куда вам нужно?

Рейт, безрадостно думавший о немногочисленных секвинах в своем кошельке, ответил:

— Мы можем предложить вам только сто секвинов. А нужно нам в Туза Талу.

Ксары в недоумении подняли вверх руки.

— Туза Тала! Тысяча шестьсот километров на северо-запад! Но мы летим на юго-восток, к Фалласкому морю! Сто секвинов? Это, наверное, шутка? Авантюристы! Убирайтесь отсюда!

Зарфо посмотрел вслед удалявшемуся плоту. Он вздохнул:

— Неудача... Будем надеяться, что не все такие же неотесанные. В небе появился новый корабль. С его владельцем мы поступим по-другому; мы попытаемся их напоить и одолжим у них корабль. Симпатичное сооружение. Наверняка...

Анахо испуганно воскликнул:

— Корабль дирдиров! Они уже здесь! Прячемся, если нам дорога жизнь!

Он тут же хотел убежать, но Рейт схватил его за руку.

— Бежать нельзя. Ты хочешь, чтобы они так быстро нас распознали?

Затем обратился к Зарфо:

— Где мы сможем спрятаться?

— На складе пивной. Но не забывайте, что сейчас Балул Зак Аг! Дирдиры никогда не решатся применить силу!

— Тю, — фыркнул Анахо. — Что они знают о ваших обычаях или что им до них?

— Я им это объясню, — пообещал Зарфо.

Он повел всех троих в сарай возле пивной и впустил внутрь. Сквозь щель в дощатой стене Рейт наблюдал, как воздушный корабль дирдиров приземлился во дворе. Вдруг его пронзила неожиданная мысль.

Он обернулся к Трезу, пощупал его одежду и с ужасом обнаружил черную кнопку.

— Быстро, — приказал Анахо. — Дай ее мне.

Он выскочил из сарая и вошел в пивную. Через мгновение он вернулся.

— Теперь клоп сидит на старом локаре, которого от выпитого пива вот-вот вырвет.

Он подошел к щели и посмотрел на площадь.

— Конечно, дирдиры! Как и всегда, когда они рассчитывают на интересное времяпрепровождение.

Планер стоял на площади; такого летательного аппарата Рейту до этого видеть не приходилось. Это был результат безупречных и высокоразвитых технических знаний. Пятеро дирдиров сошли на землю: впечатляющие фигуры — свирепые, живые, решительные. Они были примерно такого же роста, как и люди, и передвигались с большой скоростью — как ящерицы в жаркий день. Цвет их кожи напоминал полированные кости; череп заканчивался острым клинкоподобным образованием, откуда в обе стороны и несколько назад торчали белые мерцающие антенны. Форма лица была до странного человеческой, с глубокими глазными впадинами и складкой кожи, которая — словно нос у человека — опускалась вниз. Они то подпрыгивали, то подскакивали, словно идущие на задних лапах леопарды. В них легко угадывались дикие твари, охотившиеся когда-то в пустынях Сибола.

Навстречу дирдирам выступили три человека: подставной локар, девушка дагбо, а также не поддающийся определению, одетый в серое человек. Несколько минут дирдиры говорили со всеми тремя, затем они вытащили приборы и стали водить ими в разные стороны. Анахо прошептал:

— Они определяют, где их клопы. А старый локар все еще сидит в пивной за своим пивом!

— Все равно, — отмахнулся Рейт. — Ничем не хуже, чем в другом месте.

Дирдиры приблизились своей странной полуподпрыгивающей походкой к пивной. Три шпиона следовали за ними.

В этот момент старый локар выскочил на свежий воздух. Дирдиры удивленно на него посмотрели и приблизились длинными прыжками. Локар испуганно отшатнулся:

— Что тут у нас еще? Дирдиры? Оставьте меня в покое!

Дирдиры говорили шипящими, шепелявыми звуками, что давало повод предполагать, что у них не было гортани.

— Знаешь ли ты человека по имени Адам Рейт?

— Нет! Ей богу! Отойдите с моей дороги!

Зарфо ринулся вперед.

— Вы говорите, Адам Рейт? Что с ним? Где он?

— А зачем вам знать?

Подставной локар подошел к дирдиру и что-то ему прошептал. Дирдир спросил:

— Ты хорошо знаешь Адама Рейта?

— Не особенно хорошо. Но если вы хотите оставить для него деньги, оставьте их мне. Так он этого пожелал.

— Где он?

Взгляд Зарфо скользнул по небу.

— Вы видели воздушный плот, который взлетал, когда вы подлетали?

— Да.

— Наверное, он со своими друзьями был на борту.

— Кто может это подтвердить?

— Я нет,— сказал Зарфо.— Я могу лишь предположить.

— Я тоже нет,— сказал старый локар, на котором закрепили шпионское устройство.

— В каком направлении они полетели?

— О! Ведь это вы выдающиеся следопыты,— фыркнул Зарфо.— Почему же вы спрашиваете нас, бедных простофиль?

Дирдиры большими шагами поспешили обратно к планеру, после чего он взлетел в воздух.

Зарфо преградил дорогу трем агентам дирдиров, и его темное лицо перекосила враждебная гримаса.

— Вы преступили законы Смарагаша. Разве вы не знаете, что сейчас Балул Зак Аг?

— Мы ни к кому не применяли силы, а только выполняли нашу работу,— защищался подставной локар.

— Грязная работа, которая, в конце концов, привела бы к насилию! Нужно вас всех высечь! Где полицейские? Я требую, чтобы этих троих арестовали!

Троих шпииков увели, при этом они протестовали, кричали и возмущались.

Зарфо вошел в сарай.

— Будет лучше всего, если вы сейчас же исчезнете. Дирдиры долго не задержатся.— Он показал во двор.— Это повозка готова к отъезду на запад.

— Куда она нас довезет?

— До границы горной страны. Дальше за ней находятся расселины! Это ужасная местность. Но если вы останетесь здесь, вас схватят дирдиры. Балул Зак Аг здесь, Балул Зак Аг там!

Рейт посмотрел на покрытые пылью каменные и деревянные дома Смарагаша, на черных и белых локаров, на покосившуюся пивную. Здесь он нашел единственное место на Чае, где некоторое время провел в мире и безопасности. Теперь же обстоятельства снова вы-

нуждали его отправляться в неизвестность. Хрипловатым голосом он сказал:

— Нам нужно пятнадцать минут, чтобы собраться.

Анахо мрачно промолвил:

— Обстоятельства не соответствуют моим надеждам... Но это может быть только к лучшему. Чай — это планета мучений.

Глава 2

Зарфо принес белые одежды и пупырчатые колпаки серафов в гостиницу.

— Одевайте это. Если повезет, вы выиграете пару часов. Только поторопитесь — повозка прямо сейчас отъезжает.

— Одну минутку.— Рейт пристально посмотрел на площадь.— Вероятно, тут есть и другие шпионы, подстерегающие нас на каждом шагу.

— Тогда через черный ход. В конце концов, мы не можем предусмотреть каждую мелочь.

Рейт больше не делал никаких замечаний. Зарфо стал угрюмым. Он хотел как можно скорее отправить их из Смарагаша, все равно, в каком направлении.

В молчании они подошли к станции электрических повозок. Каждый был погружен в собственные мысли. Зарфо поучал их:

— Ни с кем не разговаривайте. Делайте вид, что вы медитируете. Так себя ведут серафы. При заходе солнца смотрите на восток и издавайте громкий крик: А—оо—ха! Никто не знает, что это значит, но так поступают серафы. Если на вас будут давить, утверждайте, что вы занимаетесь торговлей. Забирайтесь! Пусть вам удастся избежать встречи с дирдирами и большого вам успеха во всех будущих делах! А если нет, то всегда помните, что умирают только один раз!

— Спасибо за утешение,— пошутил Рейт.

Повозка покатила на своих восьми громадных колесах из Смарагаша по равнине на запад. Рейт, Анахо и Трез одиноко сидели в купе, окно которого выходило назад.

Анахо пессимистически рассуждал об имеющихся шансах:

— Дирдиры не дадут долго водить себя за нос. Они еще наставят нам препятствий. Знаете ли вы, что молодые дирдиры ведут себя, словно бестии? Сначала их нужно приручить и воспитать. Но сознание дирдиров остается диким. Охота — это их наибольшая слабость.

— Самосохранение является для меня отнюдь не меньшей слабостью,— уверил его Рейт.

Солнце закатилось за горизонт; серо-коричневый сумрачный свет

окутал все вокруг. Повозка остановилась в забытой деревушке. Пассажиры разминали ноги, пили солоноватую воду из колодца и торговались с грязной старухой из-за булочек с изюмом. Старуха запрашивала невиданно высокие цены и на контрпредложения отвечала громким смехом.

Повозка поехала дальше. Старуха со своими булочками, ворча, поплелась назад.

Сумерки стали темно-коричневыми и, наконец, превратились в непроглядную тьму. На востоке появилась розовая луна Эз, скоро за ней последовал и голубой Брез. Перед ними возвышалась скала. По предположению Рейта — старое вулканическое образование. На вершине мерцали три бледно-желтых огня. Когда Рейт направил туда свой сканоскоп, он различил руины какой-то крепости.

...Целый час он продремал, а когда проснулся, увидел, что повозка едет по чистому песку вдоль реки. Вскоре они проехали мимо виллы с многочисленными куполами, которая, по всей видимости, уже давно пустовала и потихоньку разрушалась.

Через полчаса — в полночь — повозка въехала в большую деревню и сделала остановку на ночь. Пассажиры поукладывались спать на скамейках и просто на крыше повозки.

Наконец взошла Карина 4269 — холодный, желто-коричневый диск, который лишь с трудом смог разогнать утренний туман. Торговцы принесли подносы с соленым мясом, выпеченные изделия, вареную кору и жареную траву паломников, предлагая пассажирам позавтракать.

Повозка отправилась дальше на запад к Пограничным Горам, взметнувшимся к облакам. Рейт время от времени осматривал в сканоскоп небо, но преследователей не было видно.

— Для них еще слишком рано, — безразлично заметил Анахо. — Но ты не волнуйся, они появятся.

К полудню повозка доехала до Сиадза, конечной станции, состоявшей из десятка каменных хижин, расположенных вокруг большой цистерны.

К глубокому огорчению Рейта, им не удалось найти ничего — ни повозки, ни коней, чем можно было бы доехать до границы.

— Вы хоть знаете, что находится за этими горами? — спрашивал Рейта деревенский староста. — Ущелья!

— Так что же, туда нет никакой дороги? Или караванного пути?

— Ну кому же придет в голову отправляться в ущелья, чтобы вести там торговлю? Что вы за люди?

— Серафы, — соврал Анахо. — Мы ищем корни ахофы.

— Ах да, серафы со своими благовониями. Я слышал об этом. Хорошо, но пощадите хоть нас со своими штучками, ведь мы простые

люди. Я не сомневаюсь в том, что в ущельях ахофа не растет. Там есть только колючая пальма, пенная трава и буйные цветы.

— Тем не менее, мы все-таки поищем.

— Тогда идите. Говорят, что на севере имеется старая дорога. Но из моих знакомых ее еще никому не довелось увидеть.

— А что за народ там живет?

— Народ? Чтоб я так жил! Незначительное количество человеко-обезьян, под каждым камнем красные скорпионы — вестники несчастья. А если уж совсем не повезет, то можно встретить и пустынную лису.

— Кажется, что это какая-то жуткая местность.

— Да, это тысяча шестьсот километров несчастья! Но кто знает? Там, где нечего делать трусам, храбрые часто пожинают славу. Так может случиться и с вашими благовониями. Идите на север и попытайтесь отыскать старую дорогу, ведущую к побережью. Она может иметь вид лишь слабого следа или узкой колеи. При наступлении темноты заботьтесь о безопасности. По пустыне шныряют ночные собаки!

На это Рейт ответил:

— Вы нас убедили. Вместе с электроповозкой мы возвращаемся назад.

— Очень мудро! В конце концов, зачем без особых причин добровольно отказываться от жизни? Все равно кому: серафам или другим.

Рейт и его спутники проехали на повозке полтора километра в обратном направлении и незаметно соскочили с нее. Повозка потащилась дальше и вскоре исчезла в желто-коричневой дымке.

Тишина окутала их. Они стояли на крупнозернистой серой поверхности; местами на ней виднелись заросли розоватого мха. Еще реже росли спутанные клубки растения паломников. Рейт с мрачным удовлетворением констатировал:

— Пока мы будем встречать растение паломников, мы, по крайней мере, не умрем с голоду.

Трез недовольно пробурчал:

— Было бы лучше, если бы мы добрались до гор еще до наступления темноты. На равнине ночные собаки расправятся с тремя людьми без особого труда.

— А я знаю еще одну весьма основательную причину для того, чтобы поторопиться, — сказал Анахо. — Дирдиры не дадут себя долго обманывать.

Рейт посмотрел на пустое небо и голый ландшафт.

— Может быть, они потеряют желание?

— Никогда! Если что-то расстраивает их планы, это только разжигает их охотничий пыл.

— Мы сейчас не очень далеко от гор. Мы можем спрятаться в тени обломков скал или в каком-нибудь ущелье.

Через час они достигли подножия рассыпающейся базальтовой скалы. Вдруг Трез остановился и втянул в себя воздух. Рейт не чувствовал никаких запахов, но он уже давно убедился, что в таких делах на Треза можно было положиться.

— Испражнения фанга, — объяснил Трез. — Примерно двухдневной давности.

Рейт беспокойно сжал свой пистолет. В нем было еще восемь патронов. Когда они будут израсходованы, оружие станет бесполезным. «Может быть, удача покинула меня», — подумал Рейт. А вслух спросил Треза:

— Он близко?

Тот пожал плечами:

— Фанги — злые существа. Насколько я понимаю, один из них находится за этим холмом.

Рейт и Анахо неуверенно посмотрели вокруг. Наконец Анахо сказал:

— В первую очередь нам нужно заняться дирдирами. Наступил критический момент. Они наверняка обнаружили наш след в электроповозке и легко могут сопровождать нас до города. Тем не менее, мы все еще имеем преимущества, особенно, если у них с собой нет приборов, определяющих след.

— Что это за приборы? — спросил Рейт.

— Приспособления для улавливания человеческого запаха или теплового излучения. Некоторые по остаточному теплу определяют отпечатки ног, другие реагируют на испарения углеродистого диоксида и определяют человека на расстоянии до пяти миль.

— А если они охотятся на дичь?

— Дирдиры консервативны и не признают течения времени, — объяснил Анахо. — Необходимости в охоте у них больше нет, но их побуждает к ней инстинкт. Они считают себя хищными животными и себе в таком удовольствии не отказывают.

— Другими словами, они нас сожрут, — сказал Трез.

Рейт печально молчал. Наконец он произнес:

— Значит, мы не должны позволить им себя поймать.

— Как точно сказал локар Зарфо, умирают только один раз.

Трез пальцем показал вперед.

— Видите просвет в нагромождении скал? Если дорога когда-нибудь и существовала, то начинаться она должна была именно там.

Они поспешили через пустынные земляные холмы, заросли колючек и кучи щебня. При этом они не забывали время от времени поглядывать на небо. Но, достигнув прохода в скалах, они не нашли ничего, что напоминало бы след от дороги. Если она действительно

когда—то здесь существовала, наносы и ветер давно уже ее уничтожили.

Вдруг Анахо издал слабый, беспомощный крик:

— Воздушный корабль! Они приближаются. Нас преследуют.

Рейт не поддался паническому порыву к побегу. Он осмотрел проход между скал. Посередине внизу журчал ручеек, впадая в небольшой пруд. Справа поднимался отвесный склон; слева отбрасывала густую тень массивная, выступающая скала, и за ней темнело еще одно пятно — вход в пещеру.

Они втроем проползли под водопадом, занимавшим половину ущелья. Корабль дирдиров с удивительной тщательностью скользил над равниной в направлении Сиадза.

Рейт бесстрастно сказал:

— Сквозь скалы определить наши излучения им не удастся. Наш углеродистый диоксид впитает в себя ущелье.

Он обернулся и посмотрел назад на долину.

— Бежать бессмысленно, — заявил Анахо. — Нет никакого надежного укрытия. Если уж они преследуют нас так далеко, то охотиться за нами они будут вечно.

Через пять минут планер вернулся из Сиадза и пролетел на высоте двести—триста метров над дорогой на восток. Неожиданно он наклонился и сделал круг. Анахо безнадежно смирился с судьбой.

— Они обнаружили наш след.

Планер пролетел над равниной прямо к ущелью. Рейт достал оружие:

— У меня осталось еще восемь зарядов. Достаточно, чтобы выбить душу из восьми дирдиров.

— Не достаточно даже для того, чтобы уничтожить одного. Против такого оружия у них имеются щиты.

Через полчаса планер должен был пролететь над ними.

— Самым лучшим для нас будет войти в пещеру, — предложил Трез.

— Может быть, это укромный уголок фанга, — бормотал Анахо. — Или одна из штолен пнумов. Лучше уж с честью умереть под открытым небом.

— Мы могли бы перейти через ручей, — предложил Трез, — и встать под нависающим склоном. Тогда наш след прервется; может тогда они пойдут по долине вдоль реки.

— Если мы останемся здесь стоять, с нами наверняка покончат, — высказал соображение Рейт.

Все трое помчались по мелким потокам, вытекающим из маленького горного озера; Анахо был в арьергарде. Затем они подползли под высоко взметнувшиеся вверх скалы. Запах фанга стал очень сильным.

Над склоном горы напротив появился планер.

— Они нас увидят,— глухо пророчил Анахо.— Мы совершенно не защищены.

— В пещеру,— прошептал Рейт.— Дальше, еще дальше!

— Фанг...

— Возможно, там нет никакого фанга. А дирдиров мы видим своими глазами!

Рейт на ощупь продвигался в темноте, за ним Трез, а в конце Анахо. Тень планера упала на озеро и двинулась вдоль речки, против течения.

Рейт включил свой фонарик. Они стояли в большом гроте неправильной формы. Противоположная стена была укрыта темнотой. Светло-коричневые остатки гнезд и чешуя по щиколотки покрывали пол. Стены были усыпаны полушариями из роговых наростов, величиной с мужской кулак.

— Личинки ночных собак,— пробормотал Трез.

Какое-то время они стояли на месте.

Анахо скользнул ко входу в пещеру и осторожно выглянул наружу. Вдруг он отпрыгнул назад.

— Они потеряли наш след, они кружатся.

Рейт погасил фонарик и, в свою очередь, тоже осторожно выглянул из пещеры. На расстоянии сотни метров беззвучно, словно падающий осенний лист, на землю опустился планер. Из него вышли пять дирдиров. Некоторое время они продолжали стоять, держа совет. Затем они пошли к проходу в скалах. У каждого в руках был длинный, прозрачный щит. Как по команде, двое из них, словно серебряные леопарды прыгнули вперед и стали смотреть на поверхность. Двое других следовали за ними медленным галопом, держа наготове оружие. Один прикрывал их сзади.

Оба идущих впереди остановились и стали разговаривать, используя странные писклявые и хрюкающие звуки.

— Это их охотничий язык,— прошептал Анахо.— Еще с тех времен, когда они были зверями.

— Они и сейчас выглядят ничуть не лучше.

Дирдиры остановились на противоположном берегу речушки, осмотревшись по сторонам, прислушиваясь и переговариваясь. Они наверняка знали, что добыча где-то совсем рядом.

Рейт пытался прицелиться из пистолета, но дирдиры все время двигали своими щитами и мешали осуществлению его замыслов.

Один из ведущих обыскал поверхность каким-то щупом, а второй держал перед глазами черный прибор. Он сразу же нашел что-то интересное. Длинным прыжком он переместился на место, где до того, как зайти в пещеру, стояли Рейт, Трез и Анахо. Держа черный прибор перед глазами, второй дирдир проследовал по их следам до

озера и обыскал площадку под нависшим козырьком. Он несколько раз пискляво хрюкнул, и щиты сомкнулись перед ними.

Анахо пробормотал:

— Они увидели пещеру. Они знают, где мы прячемся.

Рейт посмотрел в глубь пещеры.

Трез с деловым видом сказал:

— Там сзади находится фанг. Или он ушел оттуда совсем недавно.

— Откуда ты это знаешь?

— Я это чувствую по запаху. Я чувствую давление воздуха.

Рейт снова повернулся к дирдирам. Шаг за шагом они приближались, антенны на их головах мерцали. Трез нащупал руку Рейта и прошептал:

— Ты видишь за нами свет? Фанг совсем близко.

Рейт остановился и, изо всех сил напрягая зрение, попытался всмотреться в темноту. Но он не заметил ни малейшего мерцания. Вокруг них царила тьма и тишина.

Постепенно Рейту стало казаться, что он слышит слабые, царапающие шорохи. Он осторожно продолжал продвигаться вперед, держа оружие наготове. И тут он обнаружил отражающееся на стене пещеры слабое, мигающее, желтое свечение. Царапанье стало как-будто громче. С максимальной осторожностью Рейт заглянул из-за выступа скалы в следующий грот. Там, спиной к ним, сидел фанг и каким-то предметом до блеска натирал свои наплечные щитки. Масляный фитиль распространял рассеянный желтый свет. Рядом на крючке висели его черная широкополая шляпа и плащ.

Четверо дирдиров стояли у входа в пещеру; щиты они держали перед собой, а оружие наготове. Высоко поднятые мерцающие антенны были для них, казалось, единственным источником света.

Трез отковырял роговистое полушарие от стены и бросил им в фанга, тот испуганно булькнул. Трез затащил Анахо и Рейта назад за выступ.

Появился фанг. Его силуэт четко выделялся в свете лампы. Он вернулся в свою каморку и снова вышел из нее уже со шляпой и плащом.

Несколько мгновений он неподвижно стоял в каких-то полутора метрах от Рейта, которому казалось, что тварь услышит стук его сердца.

Дирдиры сделали три прыжка вперед и наполнили пещеру слабым белым мерцанием. Фанг выглядел двухметровой статуей, одетой в плащ. Раз и два он гневно булькнул, затем сделал два прыжка и оказался лицом к лицу с дирдирами. Некоторое время фанг и дирдиры напряженно смотрели друг на друга. Фанг протянул руки, схватил двух дирдиров и тут же раздавил их, ударив друг о друга. Остальные дирдиры беззвучно отскочили назад и вытащили оружие. Фанг прыг—

нул на них и с силой выбил оружие из их рук. Одному он оторвал голову, а оставшийся в живых удрал вместе с дирдиром, ожидавшим у выхода снаружи. Они побежали через маленькое озеро. Фанг станцевал странную круговую джигу*, подпрыгнул и приземлился прямо перед беглецами, так что вода поднялась высоким столбом брызг. Он схватил одного дирдира и засунул его в воду, встав ногами ему на голову, в то время, как второй мчался по ущелью. Расправившись со своей жертвой, фанг на негнущихся ногах пустился в погоню.

Рейт, Трез и Анахо выскочили из пещеры и бросились к планеру. Оставшийся в живых дирдир, заметив это, взвыл от отчаяния. Фанг на какой-то момент отвлекся. Дирдир скользнул за камень и опрометью, со скоростью обреченного промчался за спиной у фанга. Он схватил оружие, выбитое фангом перед тем из рук дирдира, и выстрелил ему в ногу. Нога отлетела, а фанг во весь рост вытянулся на земле.

Рейт, Трез и Анахо успели заскочить в планер. Анахо сел за пульт управления. Дирдир прошипел гневное предостережение и бросился бежать. Тем временем фанг поднялся, сделал гигантский прыжок и в разлетающемся плаще обрушился на дирдира. Когда дирдир наконец превратился в кучу кожи и костей, фанг прыгнул на середину озера, встал там, словно журавль, и принялся печально созерцать свою единственную ногу.

Глава 3

Под ними проплывали ущелья, отделенные друг от друга острыми гребнями. Один темный и глубокий пролом сменялся другим. Поглядывая вниз, Рейт задавался вопросом, доберется ли он со своими спутниками живым до Драшады. Стопроцентной гарантии не было. Он размышлял: а совместимы ли вообще эти ущелья с жизнью? Старик в Сиадзе упоминал о человекообезьянах и пустынных лисах. Но кто знает, какие еще живые существа обитали в глубочайших горных расселинах. Вдруг Рейт обнаружил — высоко вверх, вклинившись между двумя вершинами — угловатое строение, похожее, на кусок скалы, на которой оно стояло. Определенно человеческое поселение, хотя там никого и не было видно. Где они брали воду? В ущельях? Как они обеспечивали себя питанием? Почему они выбрали для своего жилища такое уединенное место? Никто не ответил на его вопрос. Деревня осталась позади и растворилась в сумерках.

Какой-то шум прервал размышления Рейта: вздыхающий, хрипящий и шипящий голос, происхождения которого он не понял. Анахо

* Джига — вид танца. (Прим. пер.)

нажал на кнопку и шум прекратился. Он не выказывал никакого беспокойства, и Рейт решил вопросов не задавать.

День подходил к концу. Ущелья сменились пропастями с плоским дном, куда никогда не проникал дневной свет, в то время, как раздвигавшие их горные гребни светились темно-золотистым светом. «Местность, сравнимая по своей мрачности и безысходности разве что с могилой», — думал Рейт. Он вспомнил о селении, оставшемся уже далеко позади, и его охватила меланхолия.

Вершины и горные хребты внезапно закончились и превратились в передний край гигантского отвесного склона. Кары* стали шире и соединялись друг с другом. Перед ними раскинулась Драшда. Заходящая Карина 4269 освещала топазовую полосу неба над свинцово-серой водой.

Далеко в море выдавался мыс, на котором сохли двенадцать вытасненных на берег рыбацких лодок. Вдоль береговой полосы вытянулась деревня. В сумерках уже зажглись первые огни.

Анахо медленно сделал круг над деревней. Он показал вниз:

— Видите каменное сооружение с двумя куполами и синими фонарями? Это таверна или гостиница. Я предлагаю приземлиться и немного отдохнуть. У нас сегодня был весьма напряженный день.

— Согласен. Но не смогут ли дирдиры найти наш след?

— Риск незначителен. У них для этого нет необходимого оборудования. Я уже давно вынул поисковый распознавательный кристалл и выбросил его. А без него система не может функционировать.

Трез с сомнением смотрел на деревню. Так как он был родом из речных степей, то не склонен был доверять морю и приморским жителям. И то, и другое он считал непредсказуемым, двуличным.

— Жители деревни могут быть враждебно настроены и могут на нас напасть, — сказал он.

— Я так не думаю, — возразил Анахо тем высокомерным тоном, который постоянно раздражал Треза. — Во-первых, мы находимся сейчас на границе владений вонков, а эти люди привыкли к чужестранцам. Во-вторых, такая большая гостиница говорит только об их гостеприимстве. В-третьих, нам рано или поздно, все равно придется приземлиться, чтобы поесть и попить. Так почему бы не здесь? С уверенностью скажу, что риск здесь ничем не больше, чем в любой другой гостинице Чая. В-четвертых, у нас нет плана, нет определенной цели. Я считаю глупостью бесцельно лететь сквозь ночь.

Рейт засмеялся:

— Ты меня убедил. Мы садимся.

Трез недоверчиво покачал головой, но больше возражать не стал.

* Кары — чашеобразные углубления в горных вершинах или склонах, возникшие в результате воздействия ледников. (Прим. пер.)

Анахо посадил планер на поле рядом с гостиницей под стоявшими в ряд черными химазовыми деревьями, которые со стоном качали ветвями под холодным морским ветром. Три путешественника насто-роженно вышли из планера, но их прибытие не привлекло ничего внимания. Только два человека, которые, как раз сопротивляясь ветру, брели по улице, покрепче кутаясь в свои плащи, на мгновение оставились и уставились на планер, затем, пробормотав несколько слов, продолжили свой путь.

Успокоившись, троица подошла к центральному входу в гостиницу и через массивное крыльцо вошла в большой холл. Шесть человек с жидкими светло-желтыми волосами и бледными вежливыми лицами сгрудились у камина и задумчиво пили что-то из оловянных кружек. На них была грубая одежда из серой или коричневой ткани, а на ногах — высокие, хорошо смазанные жиром кожаные сапоги. Рейт принял их за рыбаков. Разговор прервался. Все принялись, прищурив глаза, рассматривать новоприбывших. Но вскоре они снова повернулись к огню, возобновив неторопливую беседу.

Из боковой комнаты вышла плотная женщина в черном платье.

— Кто вы такие?

— Путешественники. Можете ли вы дать нам чего-нибудь поесть и предоставить ночлег?

— Что вы за люди? Жители фьордов?

— Нет.

— Путешественники зачастую оказываются особами, совершившими у себя на родине преступление и пустившимися в бег.

— Да, это случается довольно часто, но я хочу вас успокоить.

— Гм, что же вы хотите получить на ужин?

— А что вы можете предложить?

— Хлеб и копченого угря.

— Тогда нам придется довольствоваться этим.

Женщина, ворча, удалилась, выставив на стол дополнительно еще салат из сладкого лишайника и пряности. Потом она рассказала, что раньше эта гостиница была обиталищем пиратов. Поговаривали, что в те времена под крепостной стеной были спрятаны сокровища.

— Но если кто-то и начинал копать, то наткался только на кости. Некоторые из них поломаны, некоторое обожжены. Жестокими были эти пираты. Вам налить чаю?

Все трое, подсев к огню, прислушивались к заунывному пению гуляющего вокруг дома ветра. Подошла хозяйка и помешала угли в камине.

— Ваши комнаты находятся в другом конце коридора. Если вам нужны женщины, я пришлю. Сама я таким образом обслужить вас не могу, так как у меня поврежден позвоночник; но за это, конечно, нужно дополнительно заплатить.

— Пожалуйста, не беспокойтесь,— попросил ее Рейт.— Если постель чистая, мы всем будем довольны.

— Странные путешественники. К тому же, вы прибыли на таком большом планере. Вы,— она пальцем показала на Анахо,— могли бы быть дирдир-человеком. Это планер дирдиров?

— Я мог бы быть дирдир-человеком, а планер мог бы принадлежать дирдирам. А мы могли бы попросить, чтобы вы были более тактичной.

— Ах, конечно! — женщина удивленно разинула рот.— Несомненно, все дело в вонках! Вы, наверное, знаете, что здесь на юге произошли большие изменения? Вонки и вонк-люди больше не союзники!

— Мы об этом слышали.

Женщина наклонилась вперед:

— Что произошло с вонками? Они собираются возвращаться к себе на родину? Во всяком случае, так поговаривают.

— Я не думаю,— ответил Анахо.— Пока дирдиры живут на Хаупке, вонки не оставят своих крепостей в Кословане; да и синие кеши держат свои торпеды готовыми к бою.

Женщина пожаловалась:

— А мы, простые смертные,— шахматные фигуры большого народа, который заботится лишь о своих удовольствиях! Бевол их всех заберут!

Она погрозила кулаком на юг, юго-запад и северо-запад, где, по ее мнению, находились главные неприятели, после чего выплыла из зала.

Анахо, Трез и Рейт сидели в старинном зале и смотрели на мерцающий огонь.

— Так что мы делаем завтра? — спросил Анахо.

— Мои планы остаются прежними,— ответил Рейт.— Я хочу вернуться на Землю. Мне необходимо где-то достать космический корабль. Но для вас обоих этот план не должен ничего значить. Вам следует направиться туда, где вы оба будете в полной безопасности — на Облачные Острова или, при случае, обратно в Смарагаш. Моя цель зависит от вашего решения. Может быть, вы мне потом позволите улететь на планере?

Длинное клоунское лицо Анахо приняло жеманное выражение.

— И куда же ты собираешься?

— Ты говорил об ангарах в Сивише. Это и будет целью моего путешествия.

— А как ты собираешься достать деньги? Тебе для этого их понадобится целая куча, плюс еще хитрость и, самое важное, удача.

— Для денег все еще остается Карабас.

Анахо кивнул:

— Всякий бандит на Чае скажет тебе то же самое. Но богатства там можно добыть, лишь подвергаясь невероятной опасности. Карабас находится в охотничьем заповеднике дирдиров. Проникающие туда без разрешения становятся свободной дичью. Если же все-таки удастся избежать встречи с дирдирами, остаются еще разбойники, бусчли, синяя орда, женщины-вампиры, азартные и крюковые люди. Каждому счастливцу, добывшему полные карманы секвинов, трое конкурентов переломают кости, либо он осядет в животах дирдиров.

Рейт скорчил недовольную гримасу:

— Тем не менее, я должен попытаться счастья.

Все трое уставились на огонь. Трез заговорил:

— Прошло уже много времени с тех пор, как я носил Онмале, но я никогда не смогу освободиться от ее бремени. Иногда я чувствую, как она зовет меня из земли. Сначала ее приказ гласил: жизнь для Адама Рейта. Сейчас я и сам бы не смог — даже если бы и хотел этого — покинуть Адама Рейта из страха перед Онмале.

— Я беглец, и у меня нет собственной жизни, — сказал Анахо. — Мы обезвредили первое Инициативное Право*, но рано или поздно будет второе Инициативное Право. Дирдиры настойчивы. Знаете ли вы, где бы мы были в наибольшей безопасности? В Сивише, возле города дирдиров Хея. Что же касается Карабаса... — Анахо тяжело вздохнул. — Мне кажется, что Адам Рейт не очень против того, чтобы остаться в живых. Я не могу предложить ему ничего лучшего и хочу тоже попытаться счастья.

— Я больше ничего не буду говорить, — пообещал Рейт. — Я так счастлив, что вы пойдете вместе со мной.

Еще какое-то время они смотрели на огонь. Снаружи вокруг дома все также завывал ветер.

— Значит, наша цель — Карабас, — сделал вывод Рейт. — Почему бы нам не использовать преимущества путешествия на планере?

Анахо помахал пальцами.

— Только не в Черной Зоне. Дирдиры его быстро обнаружат и сразу же на нас нападут.

— Но должна же быть какая-то возможность уменьшить опасность, — произнес Рейт.

Анахо деланно засмеялся:

— Каждый, кто пробирается в Зону, имеет собственные планы. Некоторые идут ночью; другие надевают маскировку и буферные сапоги, чтобы скрыть следы. Некоторые собираются в бригады и выступают вместе; другие чувствуют себя надежнее в одиночку. Не-

* Инициативное Право — не совсем точный перевод слова «тсау'гш»; точнее — орда решительных охотников, которые дают себе право на преследование для последующего справедливого наказания, чтобы возвысить свой ранг и имя.

которые проникают в Зону со стороны Земли; другие приходят из Мауста. Шансы же, как правило, у всех одинаковые.

Рейт задумчиво почесал подбородок:

— Принимают ли в охоте участие дирдир-люди?

Анахо усмехнулся, глядя на пламя.

— Признанными охотниками являются Безупречные*. Но твоя мысль не годится. Ни ты, ни Трез, ни я не сможем выглядеть, как Безупречные.

Огонь медленно догорал. Все трое пошли в свои большие мрачные комнаты и сразу же заснули на кроватях, застеленных простынями, пахнувшими морской водой. Утром они позавтракали солоноватым бисквитом с чаем, затем уплатили по счету и вышли из гостиницы.

День был пасмурным. Холодные хлопья тумана цеплялись за химасовые деревья. Путешественники сели в планер. Воздушный корабль пробил слой облаков, добрался до слабого желто-коричневого солнечного света и полетел над Драшадой на запад.

Глава 4

Под ними волновалась серая Драшада: тот самый океан, который — а Рейту казалось, что с тех пор прошла целая вечность — они пересекли на борту парусника «Варгаз». Анахо вел планер низко над поверхностью воды, чтобы свести до минимума риск быть обнаруженными радарными дирдирами.

— Нам нужно принять важные решения, — объявил он. — Дирдиры — это охотники, и они выбрали нас своей добычей. Существует правило, что начавшаяся охота должна быть доведена до конца. Но дирдиры — это не взаимодействующий друг с другом народ, как, скажем, вонки. Их планы возникают по собственной инициативе, что называется *жна-дих*. Буквально это означает: мощный смелый прыжок, при котором разлетаются искры. Спешка, с которой был принят и велся поиск, свидетельствовала о том, что руководитель охоты — тот, который первым объявил *жна-дих*, — находился на борту планера и, я надеюсь, уже теперь мертв. Если это так, то для нас риск становится значительно меньшим, разве что другой дирдир пожелает сделать *х'со*, что можно перевести, как «значительно» и «замечательное господство», и организует второй *жна-дих*, вследствие чего возникнет ситуация, подобная предыдущей. Если же руководитель охоты жив — это наш смертельный враг.

Рейт удивленно спросил:

* Безупречные — одна из каст дирдир-людей, наиболее приближенная к дирдирам.

— А разве он не был нам врагом до этого?

Анахо не стал вдаваться в подробности.

— К услугам руководителя охоты предоставляется вся военная сила общины, несмотря на то, что он сам тратит на *х'со* и *жна-дих* большую энергию. Если он все же предположит, что мы используем планер, можно легко допустить, что он применит радарные установки.

Анахо показал на серое стекло у пульта управления.

— Если мы попадем в зону действия одной из радарных установок, вы увидите здесь светящуюся оранжевую сетку.

Прошло несколько часов. Анахо покровительственно объяснил им, как управлять планером. Трез и Рейт быстро разобрались с контрольными приборами. Карина 4269 проплыла по небу, обогнала планер и скрылась на западе. Под ними волновалась Драшда — загадочная серо-коричневая пустыня, сливавшаяся на горизонте с небом.

Анахо стал рассказывать о Карабасе:

— Большинство искателей секвинов попадают в него из Мауста, расположенного восьмьюдесятью километрами южнее Первого Моря. В Маусте имеются наилучшие магазины, где продаются соответствующее снаряжение, точнейшие карты и справочники, а также предоставляются другие услуги. Я считаю, что нам нужно лететь именно туда.

— А где обычно отыскивают хризопинады?

— Повсюду в Карабасе. Относительно этого не существует никаких правил, никакой системы. Конечно, там, где копают все, жилы стали менее богатыми.

— Почему же нам тогда не выбрать менее исхоженный путь в Карабас?

— Мауст исхоженный потому, что это самый приемлемый путь.

Рейт посмотрел в направлении еще невидимого берега Кослована и еще неизвестного будущего.

— А что, если мы не пойдем ни через один из этих проторенных путей, а попытаемся войти туда где-нибудь между ними?

— И что мы от этого выиграем? Зона везде одинаковая.

— Но ведь должна же быть какая-то возможность уменьшить риск и увеличить выигрыш!

Анахо отрицательно покачал головой.

— Ты странный и упрямый человек! Разве в твоём поведении не проявляется определенная высокомерность?

— Нет, — ответил Рейт. — По-моему, нет.

— Почему же тогда ты думаешь, что тебе должно легко удаться то, что не удастся другим? — возражал ему Анахо.

Рейт улыбнулся.

— Ты не сочтешь высокомерием, если я спрошу, почему же им это не удастся?

— Одной из добродетелей дирдиров является *зс'ханх*, — объяснил Анахо. — Это обозначает «ограниченное равнодушие по отношению к поступкам других». У дирдиров существуют двадцать восемь каст, которые я перечислять не хочу. У дирдир-людей имеются четыре касты: Безупречные, Сильные, Возвышенные и Умные. *Зс'ханх* определен для каст дирдиров, начиная с тринадцатой и до последней. Безупречные тоже вместе с ними участвуют в *зс'ханхе*. Благородная доктрина.

Рейт удивленно покачал головой.

— Не понимаю, как могли дирдиры построить техническую цивилизацию. При таком разнообразии противоречий...

— Ты никак не можешь меня понять, — осуждающе прогнусавил Анахо. — Дело намного сложнее. Чтобы возвыситься, дирдиру необходимо добиться признания в следующей вышестоящей касте. Внимания он добивается на основе своих достижений не потому, что побеждает в спорах. Часто *зс'ханх* становится неприемлемым для самых низших каст, а еще чаще — для высших, которые исповедуют доктрину *пн'ханх*: «жгучая принципиальность».

— Исходя из этого, я должен принадлежать к более высокой касте, — гордо заключил Рейт. — Я предпочитаю *зс'ханху* *пн'ханх*. И хочу использовать все преимущества, чтобы уменьшить риск.

Рейт посмотрел на длинное, недовольное лицо и в душе рассмеялся. «Он хочет мне доказать, что я принадлежу к одной из низших каст, — думал Рейт, — но наверняка знает, что я его высмею».

Казалось, что солнце движется по горизонту неестественно долго, что происходило вследствие полета планера на запад. Ближе к вечеру над горизонтом поднялась серо-фиолетовая масса и слилась с бледно-коричневым солнцем. Это был остров Лойме, расположенный вблизи от Кослована.

Анахо направил планер немного севернее и приземлился неподалеку от деревушки с покосившимися строениями на покрытом песком северном склоне острова. Они провели ночь в гостинице «Стеклодув» — здании, построенном из бутылок и кувшинов, выброшенных владельцами магазинов в песчаные ямы за городом. Сам дом был затхлым, и его заполнял своеобразный резковатый запах. Суп, поданный им на ужин в грубых зеленых мисках из стекла, распространял такой же аромат. Рейт обратил на это внимание Анахо. Тот подозвал серого* официанта и высокомерно поинтересовался о причинах зловония. Официант показал на большое черное насекомое, как раз пробежавшее по полу.

* Серый — пренебрежительное обозначение разнообразных смесей дирдир-людей, болотных людей, кеш-людей и других; обычно — приземистые люди с большими головами, часто с желтовато-серой кожей.

— Таблеточники очень живучие создания и распространяют ужасную вонь. Бевол наспал их на нас, и они стали всеобщим бедствием, пока мы не догадались, что из них тоже можно извлекать пользу, и не стали употреблять их в пищу. Теперь мы едва можем покрывать нашу потребность в них.

Рейт уже давно стал достаточно осторожным, чтобы никогда не спрашивать, из каких продуктов приготовлены поставленные перед ним блюда, но сейчас он с отвращением посмотрел в миску.

— Ты хочешь сказать, что суп...

— Конечно, — подтвердил официант. — Суп, хлеб, соленья — все имеет вкус таблеточников; если мы не будем их использовать для этих целей, они нас просто сожрут. Так что мы из нужды делаем добродетель и убеждаем себя, что это очень вкусно.

Рейт отодвинул миску от себя. Трез продолжал равнодушно хлебать. Анахо с возмущением вскинул нос, но одновременно продолжал есть. Рейту пришло в голову, что он никогда не замечал на Чае повышенной чувствительности к таким вещам. Он глубоко вздохнул и, так как у него не оставалось совершенно никакого выбора, принялся насилу затапкивать в себя прогорклый суп.

На следующее хмуро-коричневое утро завтрак опять состоял из супа, сдобренного на этот раз какими-то морскими растениями. Три путешественника в нем только немного поковырялись, после чего сразу же сели в планер и полетели на северо-запад над заливом, отделявшим Лойме от каменистых степей Кослована.

Анахо, у которого нервы были обычно, как толстые канаты, стал нервничать. Он внимательно осматривал небо, поверхность под ними; рассматривал кнопки и рычаги на пульте управления, коричневые, красные обозначения, а также светящиеся контрольные приборы.

— Мы приближаемся к империи дирдиров, — сказал он. — Сначала мы повернем на север к Первому Морю, потом на запад, до Хораи. Там нам придется оставить планер и по Зога'ару у Фулкаша* ехать в Мауст. А потом... в Карабас.

Глава 5

Планер парил над большой каменистой пустыней, расположенный параллельно черным и красным вершинам Зопальских гор; над высохшими равнинами, разбросанными обломками скал, темно-розовыми песчаными дюнами и оазисами, окруженными веерами похожих на туман деревьев.

* Буквально: «Путь мертвых голов с пурпурно мерцающими глазными впадинами».

К вечеру сильный ветер поднял над местностью темно-желтые тучи пыли, которые затмили Карину 4269. Планер лег на северный курс. Вскоре на горизонте обозначилась черно-синяя линия, оказавшаяся Первым Морем.

Анахо посадил планер на пустынной местности, примерно в пятнадцати километрах от моря.

— Хораи находятся отсюда еще в нескольких часах лета. Но после наступления темноты нам лучше там не появляться. Хоры очень недоверчивы и хватаются за ножи при первом же резком, по их мнению, слове. Ночью же они могут пырнуть и без причины.

— И эти люди будут сторожить наш планер?

— Какой же вор будет настолько ненормальным, чтобы связываться с хорами?

Рейт осмотрелся вокруг.

— Я бы в таком случае предпочел ужин в «Стеклодуве».

— Ерунда, — сказал Анахо. — В Карабасе ты будешь с тоской вспоминать тишину и мир этой ночи.

Все трое улеглись прямо на песок. Ночь была темной и звездной. Прямо над ними сверкало созвездие Клари, в котором — незаметно для невооруженного глаза — горело Солнце. «Увижу ли я когда-нибудь Землю?» — спрашивал себя Рейт. Как часто лежал бы он под ночным шатром из звезд, ища наверху, в Арго Навис, невидимое коричневое солнце Карину 4269 с ее мрачной планетой Чай.

Его внимание привлекло мерцание в середине планера. Он заглянул внутрь и обнаружил на экране радарного контроля сетку из светящихся оранжевых линий.

Через пять минут сетка погасла, и Рейт, зябко поежившись, с чувством безысходности возвратился на свое место.

Утром на краю равнины в необычайно ясном и прозрачном небе появилось солнце, так что малейшая неровность, каждый камешек отбрасывали длинные черные тени. Анахо поднял планер и полетел низко над поверхностью. Он тоже видел ночью оранжевое мерцание. Постепенно пустыня стала менее необитаемой: появились кривые заросли туманных деревьев, а вскоре за ними — и черные заросли деревьев и кустов.

Они долетели до Первого Моря, повернули на запад и полетели вдоль берега над деревьями и нагромождением мрачно-коричневых кирпичных домов с кеглеобразными черными железными крышами. Рядом с деревьями росли леса из громадных даяновых деревьев, которые Анахо называл священными рощами. Покачивающиеся плавающие причалы, словно мертвые тысяченожки, выдавались в черную воду; прогулочные лодки из черного дерева были вытаснены на песчаный берег. В сканоскоп Рейт видел мужчин и женщин с кожей горчичного цвета. Они носили черную одежду и большие черные

шляпы. Когда планер пролетал над ними, они недружелюбно задирали головы вверх.

— Хоры, — объяснил Анахо. — Станный народ с таинственными обычаями. Днем они совершенно не такие, как ночью. Во всяком случае, так утверждают. **Каждый** из них имеет две души, которые приходят и уходят с восходом и заходом солнца, так что у каждого хора есть и два характера. О них рассказывают необычные истории. Он показал вперед.

— Взгляни туда, на берег, где он образует изгиб.

Рейт посмотрел в указанном направлении и увидел один из уже упоминавшихся даяновых лесов, а также нагромождение из грязно-коричневых хижин с черными железными крышами. От маленькой площади отходила дорога. Она вела на юг — в Карабас.

Анахо сказал:

— Посмотри на священную рощу хоров, в которой по слухам они меняют души. За ней можно увидеть караван-сарай и дорогу в Мауст. Я не могу решиться лететь планером дальше. Следовательно, нам нужно садиться и продолжать пешком путь в Мауст, как это делают обычные искатели секвинов.

— А будет ли планер стоять здесь, когда мы **возвратимся**?

Анахо показал вниз на порт.

— Ты видишь стоящие на якоре корабли?

Рейт посмотрел в сканоскоп и насчитал три или четыре десятка кораблей всевозможнейших типов.

— Эти корабли, — объяснил Анахо, — привезли искателей секвинов в Хораи из Коада, Хедаи, с Бедных Островов, а также со Второго и Третьего Морей. Если владельцы в течение полугода **возвращаются** на корабль, они отплывают из Хораи на родину. Если же они в этот срок не появляются, корабли становятся собственностью владельца порта. Наверняка мы тоже сможем заключить подобный договор.

Рейт не имел возражений, и Анахо посадил планер прямо на песчаный берег.

— Не забывайте о том, что хоры очень чувствительные люди, — предупредил Анахо, — так что никогда с ними первыми **заговаривайте**. Если **не возникает** крайней необходимости, не обращайтесь на них **внимания**. Но и в этом случае нужно использовать как можно меньше слов. Они считают болтливость преступлением против природы. По отношению к хору нельзя проявлять недружелюбие. Но также нельзя по отношению к ним **выказывать покорность** — такое поведение тоже символизирует враждебность. Никогда не делайте замечаний в присутствии женщин, а также никогда не **смотрите** на их детей — вас тут же заподозрят, что вы наговариваете на них проклятия. И ни в коем случае не подходите к священной роще. Их оружием

являются железные дровишки, которыми они пользуются с большой точностью. Опасный народ.

— Я надеюсь, что смогу все это запомнить,— простонал Рейт.

Планер приземлился на сухом, мягком берегу. Через несколько секунд к ним подскочил высокий, худой, загоревший до черноты человек с глубоко запавшими глазами, втянутыми щеками и острым носом. Длинный, грубый, коричневый пиджак путадся у него в ногах.

— Вы собираетесь в ужасный Карабас?

Рейт осторожно подтвердил его предположение:

— Да, мы собираемся именно туда.

— Продайте мне ваш планер! Я четыре раза проникал в Зону, ползал там от камня к камню, от скалы к скале. Теперь же, наконец, у меня есть достаточно секвинов. Продайте мне ваш планер, чтобы я смог вернуться домой в Холангар.

— К сожалению, этот корабль нам самим нужен для того, чтобы потом вернуться,— отверг Рейт его предложение.

— Я вам дам секвины, багровые секвины!

Великан сделал дикий жест, не поддающийся описанию, и пошел вдоль берега. Теперь к ним подошли два хора: довольно стройные и слабоватые на вид мужчины. Они были одеты в черные одежды и похожие на цилиндры шляпы, которые давали их владельцам возможность казаться выше. Горчичные их лица были серьезны и непроницаемы, носы узкие и маленькие, а уши напоминали нежные ракушки. Редкие, черные волосы росли больше вверх, чем вниз, и прятались в высоких шляпах. Они показались Рейту таким же ответвлением человеческой расы, как, к примеру, кеш-люди, а возможно, были даже самостоятельной расой.

Старший из двоих спросил высоким, негромким голосом:

— Почему вы здесь?

— Мы собираемся на поиск секвинов и хотим оставить планер под вашей охраной,— ответил Анахо.

— Вам придется за это заплатить. Планер — это дорогое транспортное средство.

— Тем лучше для вас, если нам не суждено будет возвратиться обратно. Нам нечем заплатить.

— Тогда вы заплатите, когда вернетесь обратно.

— Нет, никакой оплаты. Не настаивайте на этом, или мы полетим прямо в Мауст.

Горчичные лица оставались непроницаемыми.

— Хорошо, но тогда вы сможете оставить его только до тема.

— Всего на три месяца? Это слишком мало! Дайте нам время до конца мойма или, лучше, азаима.

— До мойма. Ваш планер надежно охраняется ото всех, кроме тех, у кого он был украден.

— Тогда он охраняется надежно. Мы не воры.

— Хорошо, тогда ровно до первого мойма.

Три искателя секвинов погрузили на себя свою поклажу и отправились через Хораи к караван-сарая. В открытом сарае была подготовлена к отъезду электроповозка; около нее стояло человек десять, представлявших такое же количество рас. Тройка урегулировала вопросы перевозки, и через час они уже выехали из Хораи в направлении Мауста.

Повозка катилась по иссохшимся холмам и сухим низинам. Ночь провели в постоялом дворе, который обслуживали несколько белолицых женщин. Они принадлежали либо к развратной религиозной секте, либо просто были проститутками. Еще долго после того, как Рейт, Анахо и Трез вытянулись на скамейках, служивших кроватями, из наполненного табачным дымом кабака раздавались пьяные вопли и дикий хохот.

Утром помещение выглядело мрачным и тихим; пахло разлитым вином и дымом погашенных ламп. Люди дремали лицами вниз на столах или с пепельными лицами лежали, скорчившись на скамейках. Хозяйки — теперь уже резкие и властные — вошли в зал с большими котлами, в которых плавал жидкий желтый гуляш. Люди со стонами вставали, угрюмо опорожняли фаянсовые миски и топали к повозке, которая почти сразу же отправилась дальше на юг.

Перед обедом вдали показался Мауст: нагромождение больших, узких домов с высокими фронтонами и горбатыми крышами, выстроенных из темного дерева и почерневших от старости кирпичей. За городом до темных холмов простиралась бедная плоская равнина.

Зазывалы выскочили навстречу повозке. Они делали рекламу и держали таблички или транспаранты с надписями: «Внимание, внимание! Кобо Хукс представляет один из своих великолепных детекторов секвинов», «Разрабатывайте планы вашей битвы в гостинице «Пурпурные фонари», «Оружие, вспомогательные приборы, карты, оборудование для раскопок от Зага Копателя чрезвычайно необходимы», «Не полагайтесь слепо на приборы! Зехер Гарзу раскроет место богатых пурпурных жил», «Удирайте от дилеров с максимальной скоростью — носите упругую обувь Ава-лоэ», «Ваши последние мысли будут приятными, если вы проглотите перед смертью эйфорические таблетки Лауса-Волшебника!», «Не отказывайтесь перед отправлением в Зону от приятного отдыха на Террасе Удовольствий!».

Повозка остановилась посреди площади на окраине Мауста. Пассажиры бросились в суетолюку кричащих мужчин, юрких мальчишек и

строющих гримасы девочек — все со своими предложениями. Рейт, Трез и Анахо пробрались сквозь толпу, отпихивая от себя, насколько это удавалось, руки, тянувшиеся, казалось, к ним и их поклаже.

Они свернули в узкий переулок, ведущий куда-то между двумя большими, потемневшими от времени домами; желтый солнечный свет лишь с трудом достигал поверхности улицы. В некоторых домах продавались предметы снаряжения и инструменты, которые были весьма необходимыми при охоте за секвинами: инструменты для копания, маскировочные приспособления, приспособления для сокрытия следов, плоскогубцы, вилы, колышки, подзорные трубы, карты, путеводители, амулеты и заговоренные порошки. Из других домов доносилось дребезжание, треньканье и резкий звук гобоя, сопровождаемые пьяными криками «Браво!». Некоторые дома привлекали игроков, другие служили гостиницами, и на первых этажах у них были устроены ресторанчики. На всем лежал отпечаток ветхости, даже на сухом, пряном запахе воздуха. Камни от постоянного прикосновения к ним были отшлифованы, деревянные детали потемнели и местами проросли мхом, старые коричневые гонты в ярком солнечном свете отражались красивым гляncем.

На другой стороне центральной площади возвышалась просторная гостиница, условия которой показались путешественникам неплохими, и Анахо предпочел именно ее, несмотря на то, что Трез ныл, что гостиница очень шикарна.

— Зачем нам за одну ночь в этом отеле отдавать стоимость лошади? — брюзжал он. — Мы уже прошли мимо десятка гостиниц, которые больше соответствуют моему вкусу.

— Когда-нибудь ты научишься ценить удобства цивилизации, — снисходительно ответил Анахо. — Пойдем, посмотрим, что они могут нам предложить.

Сквозь резную дверь они вошли в холл. С потолка свисали люстры в форме гроздей секвинов; великолепный ковер — черное поле с желтовато-коричневой каймой и пятью декоративными украшениями цвета пурпура и охры — был расстелен на кафельном полу.

Появился администратор и осведомился об их желаниях. Анахо потребовал три комнаты, свежее постельное белье, ванну и мази.

— Сколько это стоит?

— За соответствующий комфорт с одного сто секвинов* в день, — ответил администратор.

У Трезы вырвался испуганный крик. Даже Анахо запротестовал.

— Что? — воскликнул он. — За три скромные комнаты вы требуете

* В секвинах обозначались суммы относительно единой стоимости в бесцветных секвинах.

триста секвинов? Имеете ли вы какое-нибудь понятие о соотношении цен? Ваша цена бессовестно завышена.

Тот коротко кивнул.

— Мой хозяин — известный всем Алаван с окраины Карабаса. Наши клиенты никогда не жалуются. Они либо становятся богатыми, либо знакомятся с желудками дирдиров. Какое в этом случае значение имеют несколько лишних секвинов? Если же вы не в состоянии заплатить по нашим расценкам, я могу посоветовать вам «Хижину Отдыха» или гостиницу «У Черной Зоны». Но имейте в виду, что в нашу стоимость входит первоклассный буфет; кроме того, у нас имеется библиотека с картами, путеводителями, техническими справочниками. Я уже молчу об услугах опытных консультантов.

— Все это очень хорошо, — сказал Рейт. — Но сначала мы все-таки посмотрим гостиницу «У Черной Зоны» и еще одну-две гостиницы.

Гостиница «У Черной Зоны» находилась над игральным салоном. «Хижина Отдыха» оказалась неудобной ночлежкой примерно в девятиста метрах от города рядом с городской свалкой.

После того, как они обследовали еще и другие гостиницы, им пришлось все-таки вернуться к Алавану. В результате напряженной торговли им удалось несколько сбить цену, хотя деньги пришлось заплатить сразу.

После обеда, состоявшего из разбавленного рисового отвара и мучных лепешек, они отправились на третий этаж в библиотеку. На стене висела большая карта Зоны. На полках стояли брошюры, папки, книги. Консультант — маленький человек с печальными глазами — сидел здесь же и отвечал на все вопросы доверительным шепотом. Всю вторую половину дня они изучали строение Зоны, маршруты успешных и безуспешных экспедиций, статистический расчет смертных случаев. Из тех, кто попадал в Зону, возвращались немногим меньше, чем две трети со средней добычей около шестисот секвинов.

— Эти данные могут в определенной степени вводить в заблуждение, — объяснил Анахо. — Они к общему числу приплюсовывают и тех, кто бродит по окраине Зоны и никогда не углубляется в нее больше, чем на восемьсот метров. Те же, кто обследует холмы и самые отдаленные склоны, чаще всего погибают или становятся самыми богатыми.

В библиотеке имелись также труды, представляющие тысячи взглядов на науку о поиске секвинов, разбавленные статистикой и освещающие любой возникающий вопрос. Если искатель секвинов попадал в поле зрения банды дирдиров, у него была возможность бежать, прятаться или вступать с ними в борьбу. Возможности избежать встречи в дирдирами зависели от свойств местности, времени суток и отдаленности от Ворот Надежды. Искатели секвинов, объединявшиеся в группы, привлекали внимание численно превосходя-

щих свор дирдиров, и, таким образом, их шансы остаться в живых уменьшались. Хризопинады находили в Зоне повсюду. Но больше всего их было на Холмах Воспоминаний, а именно, в южной их части и саванне за ними. Карабас считался ничейной землей. При случае искатели секвинов подстерегали друг друга; такие нападения оценивались статистикой в одиннадцать процентов.

Приближался вечер, и в библиотеке стало темно. Друзья спустились вниз в освещенный тремя большими люстрами ресторан, где официанты в черно-серебристых ливреях тут же подали им ужин. Рейт высказал свое восхищение такой изысканностью и оперативностью. Анахо отметил с саркастическим смехом:

— А как же еще можно оправдать такие бессовестные цены?

Он подошел к буфету и вернулся с тремя бокаламипряного вина.

Поужинав, они откинулись на спинки старинных мягких кресел и принялись рассматривать других посетителей, которые в основном ужидали в одиночестве. Единственная группа из четырех мужчин сидела за отдаленным столом; они были одеты в темные плащи с капюшонами, под которыми можно было лишь разглядеть длинные носы цвета слоновой кости.

Анахо поучительным тоном сказал:

— С нами в зале находится восемнадцать человек. Десять из них найдут секвины, остальные девять — нет. Двое, возможно, найдут жилу большой стоимости — пурпурную или ярко-красную. Десять или двенадцать попадут в желудки дирдиров. От шести до девяти человек возвратятся в Мауст. Те, кто проникнут дальше всех, чтобы найти лучшие жилы, подвергнутся наибольшему риску. Шесть или восемь вернувшихся не принесут с собой большой добычи.

Трез пробурчал:

— В Зоне человек каждый день подвергается смертельному риску в пропорции четыре к одному. Его средняя добыча составляет около шестисот секвинов. Так что создается впечатление, что эти люди, как впрочем, и мы, оценивают свою жизнь всего в тысячу шестьсот секвинов.

— Но должна же быть какая-нибудь возможность повысить свои шансы, — настаивал Рейт.

— Каждый, кто собирается в Зону, строит такие же планы, — сухо заметил Анахо. — Но не всем в этом везет.

— Тогда нам нужно испробовать что-то такое, что еще никому не приходило в голову.

Анахо издал скептический возглас.

После ужина они прогулялись по городу. Музыкальные заведения украшали красные и зеленые фонарики; на балконах девушки с застывшими на лицах улыбками представляли себя на обозрение и пели старинные убаюкивающие песни. Игральные салоны были ос-

вещены более ярко, и в них было оживленнее. Казалось, что каждый из них специализировался на какой-то одной игре — начиная с таких простых, как игра в четырнадцатисторонний кубик, и до таких сложных, как шахматы, в которые предлагалось играть с работавшими в салонах профессиональными игроками.

Они остановились и стали смотреть на игру, которая называлась «Поиск самых богатых пурпурных жил». Игральная доска в девять метров длиной и в три шириной изображала Карабас. Подходы, Холмы Воспоминаний, южная его часть, пропасти и долины, саванны, реки и леса были на ней точно обозначены. Синие, красные и пурпурные огоньки обозначали положение хризопинад — меньше в ближней части, и больше на Холмах Воспоминаний и в южном секторе. Хусз — резиденция дирдиров — был белым квадратом с пурпурными зубцами по четырем углам. Все поле было покрыто пронумерованной решеткой. Вокруг поля сидели двенадцать игроков и у каждого из них была игровая фигура. Кроме того, на поле были еще и фигурки четырех дирдиров-охотников. Игроки по очереди бросали четырнадцатисторонний кубик; выброшенные очки были действительны для всех фигур на доске, и они могли двигаться в любом, желаемом для них направлении. Дирдиры-охотники, которые тоже ходили по выброшенным на кубике очкам, старались занять поле, на котором уже стояла другая фигура; в этом случае последняя объявлялась съеденной и выбывала. Каждый игрок стремился погасить огоньки, обозначавшие секвины, чтобы увеличить свой выигрыш. Когда он хотел, он мог покинуть Зону через Ворота Надежды, и ему выплачивался его выигрыш. Но чаще игрок, обуреваемый жадностью, держал свою фигуру на поле до тех пор, пока ее не выбывал из игры дирдир и забирал себе весь выигрыш. Рейт с увлечением наблюдал за игрой. Участники сжимали подлокотники кресел, напряженно наблюдали за полем и нервно подсказывали, давая ведущему хриплые указания. Они ликовали, когда добирались до жилы, стонали при приближении фигурки дирдира и отшатывались с побледневшими лицами, когда их фигуры выбывали, лишая их выигрыша.

Игра закончилась. Ни одна фигура не стояла больше на поле Карабаса.

Ни один дирдир не продолжал охоту в опустевшей Зоне. Игроки на негнущихся ногах поднимались со своих мест. Те, кто вовремя покинул Зону, получали свой выигрыш. Дирдиры возвращались в Хусз позади южного сектора. Новые игроки расставляли фигуры; они занимали места, и игра начиналась снова.

Рейт, Трез и Анахо пошли дальше. Рейт остановился у стенда и рассматривал стопку сложенных на нем бумаг. Плакат, укрепленный тут же, расхваливал:

*Педантично записывалось в течение семнадцати лет:
«Карта Санбура Яна.
Только тысяча секвинов — гарантированно неисследованно
и карта Горагонзо Таинственного,
прожившего в Зоне, словно тень, и оберегавшего,
будто детей, свои тайные жилы.
Только две тысячи пятьсот секвинов.
Еще никем не найденные!»*

Рейт глазами показал Анахо на это объявление.

— Это очень просто. Такие люди, как Санбур Ян и Горагонзо Таинственный годами исследовали некоторые области Карабаса и искали жилы невысокого качества: водянистые и молочно-белые; бледно-голубые, называемые сардонами; светло-зеленые. Если они находили такие жилы, то тщательно наносили их положение и как можно надежнее прятали их под камнями или плитами шифера, так как собирались вернуться, когда жила созреет. Если же им попадались пурпурные жилы, тем лучше. Но на близлежащих территориях, которые они обследовали из соображений безопасности, пурпурные жилы попадаются весьма редко. В основном это водянистые, молочно-белые или сардоны, найденные и спрятанные раньше искателями секвинов. Если эти люди погибают, их карты становятся ценными документами. К сожалению, покупать такую карту очень рискованно. Первый, кому такая карта попадает в руки, может раскопать богатейшие из жил, после чего выставить эту карту на продажу, как «никем не изведенное». А кто же может утверждать обратное?

Они вернулись обратно в «Алаван». Холл освещала одна единственная люстра из мутных драгоценных камней, распространяя приглушенный свет, терявшийся в тенях и падавший на темное дерево лишь цветными пятнами. Ресторан был так же плохо освещен; там сидело несколько групп людей, тихо разговаривающих между собой. Рейт и его спутники налили себе из стоявшего посередине самовара перчаточного чая и уселись в нише.

Трез сердито сказал:

— Это место нездоровое — Мауст и Карабас. Нам нужно отсюда уехать и попробовать разбогатеть нормальным способом.

Анахо небрежно потряс своими белыми пальцами и обычным поучающим тоном своего нежного голоса сказал:

— Мауст — это всего лишь следствие переменчивой игры человека с деньгами, и его нужно рассматривать именно с этой позиции.

— Почему ты всегда говоришь глупости? — спросил Трез. — Достать секвины в Маусте или в Зоне — это игра с минимальными шансами. А я по натуре не игрок.

— Что касается меня,— включился Рейт,— то я имею намерение получить секвины, но не имею в виду игру.

— Невозможно! — заявил Анахо.— В Маусте игра идет на секвины, а в Зоне — на жизнь. Как ты не можешь этого понять?

— Я могу постараться поднять шанс выигрыша выше.

— На это надеется каждый. Но огни дирдиров горят в Карабасе всю ночь, а в Маусте торговцы зарабатывают больше, чем большинство охотников за секвинами.

— Поиск секвинов ненадежен и скучен,— вдруг заявил Рейт.— Я предпочитаю те секвины, которые уже собраны.

Анахо ехидно поджал губы:

— Ты собираешься ограбить искателей секвинов? Это очень рискованно.

Рейт взглянул на потолок. Как Анахо до сих пор мог его так недооценивать?

— Я не собираюсь грабить искателей секвинов.

— Тогда моя догадливость себя исчерпала,— произнес Анахо.— Кого же ты собираешься ограбить?

Рейт осторожно сказал:

— Пока я наблюдал за игрой в охотников, я задал себе вопрос: что происходит с секвинами, когда дирдиры убивают искателя?

Анахо широко взмахнул рукой.

— Секвины становятся такой же добычей! Что же еще?

— Представь себе обычную группу дирдиров-охотников. Как долго они остаются в Зоне?

— От трех до шести дней. Большие охоты в Праздники Памяти длятся дольше. Спортивная охота — немного короче.

— А сколько жертв они убивают в день?

Анахо вслух размышлял:

— Естественно, все охотники каждый день кого-то убивают. Как правило, опытная группа убивает в день два или три раза, иногда и больше. При возможности они съедают очень много мяса.

— Это значит, что обычная группа охотников возвращается с секвинами, отнятыми примерно у двадцати человек?

— Возможно,— резко ответил Анахо.

— Средний искатель имеет с собой, скажем, сумму около пятисот секвинов. Следовательно, каждая группа возвращается домой примерно с десятью тысячами секвинов.

— Перестань забивать себе голову этими подсчетами,— сухо предостерег Анахо.— Дирдиры — это тебе не люди, сдающиеся без сопротивления.

— Если я правильно понял, игральная доска — это точное изображение Зоны?

Анахо недовольно кивнул:

- Приблизительно. Но почему ты об этом спрашиваешь?
- Завтра я хочу проследить маршруты охотников от Хусза и обратно. Раз дирдиры идут в Карабас, чтобы поохотиться на людей, то вряд ли они смогут возразить, если люди поохотятся на дирдиров.
- Кто сможет себе представить, что люди охотятся за Лученосными? — прохрипел Анахо.
- И никто раньше этого не пробовал?
- Никогда! Охотиться на дирдиров?!
- В таком случае, на нашей стороне будет эффект неожиданности.
- Несомненно, — согласился с ним Анахо. — Но только без меня. Я не хочу иметь с этой затеей ничего общего.
- Трез стал давиться от смеха. Анахо повернулся к нему.
- Что тебя так рассмешило?
- Твой страх.
- Анахо откинулся назад.
- Когда ты узнаешь дирдиров, как их знаю я, то и у тебя появится страх.
- Они живут. Значит, их можно и убить.
- Их убить очень трудно. Когда они охотятся, они общаются друг с другом на специальном языке и впадают в специфическое состояние, что в комплексе называется «Старый Статус». Ни один человек не может им противостоять. План Рейта граничит с безумием.
- Завтра мы еще раз внимательно посмотрим на игровое поле, — примирительно сказал Рейт. — Возможно, у нас появится какая-нибудь идея.

Глава 6

Через три дня за час до восхода солнца Рейт, Трез и Анахо вышли из Мауста. Они прошли через Ворота Надежды, а затем через окраину Карабаса к Холмам Воспоминаний, поднимавшимся черными силуэтами на фоне неба с коричневыми и фиолетовыми вкраплениями пятнадцатью километрами южнее. Спереди и сзади от них сквозь холодную темноту бежали, низко согнув спины, еще двенадцать фигур. Некоторые из них были тяжело, словно навьюченные ишаки, нагружены всевозможными оснащениями: инструментами для рытья и раскопок, оружием, дезодорирующими мазями, средствами, красящими лица, маскировочными приспособлениями; другие имели при себе лишь мешок, нож и узелок со съедобным тестом.

Свет Карины 4269 прорезал темноту. Несколько человек заползли в укрытия и накрылись маскировочными средствами, чтобы дождать—

ся прихода ночи и двинуться дальше. Другие бросились вперед, стремясь добраться до поля, усыпанного валунами, хотя и понимали, что это увеличивает риск быть обнаруженными. Подгоняемые видимым свидетельством такого риска — пеплом, перемешанным с обгоревшими костями и остатками кожи,— Рейт, Трез и Анахо ускорили шаг. Мчась то рысью, то во весь опор, они добежали наконец до Поля Валунов, куда дирдиры наведывались чрезвычайно редко.

Они сгрузили свою ношу и прилегли отдохнуть. В тот же момент к ним подошли два неотесанных индивидуума с коричневой от загара кожей, с длинными свалявшимися волосами и курчавыми бородами. Их расовую принадлежность Рейт определить не смог. Они были одеты в лохмотья и источали жуткий смрад. Чувствуя себя в полной безопасности, они принялись злобно разглядывать трех искателей приключений.

— Мы — хозяева этой территории,— заорал один из них гортанным голосом.— Налог на отдых составит для вас по пять секвинов с носа. Если вы будете упрямыться, мы вас прогоним... Дирдиры как раз охотятся над северным гребнем.

Анахо стремительно вскочил, сильно ударив говорившего по голове лопатой. Второй негодяй взмахнул своей дубиной, но Анахо отразил удар той же лопатой и нанес ему парализующий удар по рукам. Дубина отлетела в сторону. Существо отскочило назад и ошарашенно уставилось на свои руки. Они болтались на суставах, словно пара пустых перчаток. Анахо приказал:

— Убирайтесь к дирдирам!

Затем с поднятой лопатой он прыгнул вперед; оба агрессора помчались прочь, петляя между камней. Анахо проводил их взглядом:

— Нам лучше пойти дальше,— сказал он.

Они взяли свои вещи и отправились в путь. Почти в то же мгновение вниз сорвался большой кусок скалы и грохнулся на землю. Трез прыгнул на камень и выстрелил из катапульты. Последовал крик боли.

Они отошли метров на девяносто южнее и немного поднялись по склону. Отсюда они могли видеть всю окраинную территорию Карабаса, и в то же время, на них было трудно напасть сзади.

Рейт оперся о камень, вынул свой сканоскоп и осмотрел местность. На одном из восточных склонов он увидел шестерых убегающих людей, а вместе с ними и целую орду дирдиров. Потом дирдиры остановились и десять минут не двигались, после чего исчезли из поля зрения. Через минуту он снова увидел, как они мчатся вниз по склону и дальше к окраине.

Со второй половины дня искатели секвинов один за другим стали покидать Поле Валунов, так как дирдиров вокруг не было видно. Рейт, Трез и Анахо выбрались по склону и двинулись по самому прямому

пути в направлении гребня, соблюдая осторожность. Теперь они были совершенно одни. Вокруг царил тишина.

Так как осторожность была необходима, они продвигались очень медленно. Когда солнце спряталось за горизонт, они устало сползли в расщелину прямо под цепью холмов. Вскоре потух последний серебристый луч Карины 4269. На юге местность спускалась в низины длинными волнами: плодородная почва для хризопинад, но из-за близости Хусза — около пятнадцати километров дальше к югу — чрезвычайно опасная.

С наступлением сумерек на Карабас опустилось странное настроение — смесь меланхолии со страхом. Повсюду вспыхивали мерцающие огоньки — мрачные предвестники судьбы. «Удивительно, — думал Рейт, — что люди, несмотря на все соблазны, все еще пробираются в эти места». Не более, чем в четырехстах метрах от них разгорелся костер, и все трое скорее постарались спрятаться в тень. Бледные фигуры дирдиров были видны невооруженным глазом.

Рейт рассматривал их в сканоскоп. Они ходили взад и вперед и издавали неслышные на таком расстоянии звуки. Их гляцевые антенны фосфоресцирующе светились.

Анахо прошептал:

— Сейчас они находятся в «Старом Статусе». Это дикие твари, точно такие же, как и миллион лет назад на равнинах Сибола.

— А почему они ходят туда-сюда?

— Это у них такой обычай. Они готовятся к оргии.

Рейт осмотрел поверхность вокруг костра. В тени лежали две извивающиеся фигуры.

— Они еще живы! — ошеломленно прошептал он.

Анахо пробурчал:

— Дирдирам совершенно не хочется таскать лишнюю тяжесть. Жертвы должны бежать рядом и так же, как и дирдиры, прыгать и скакать — если необходимо, то и целый день. Если жертва сопротивляется, то они делают ей укол нервным возбудителем, и она мчится изо всех сил.

Рейт опустил сканоскоп.

Анахо прошептал:

— Ты сейчас видишь их в «Старом Статусе», как диких хищников, что соответствует их первоначальной природе. Это совершенные создания. В иных ситуациях они великолепно показывают себя с другой стороны. Люди не могут судить о них, а должны лишь отступать с уважительным страхом.

— А как обстоит дело с избранными дирдир-людьми?

— С Безупречными? А как должно с ними обстоять?

— Подражают ли они дирдирам в охоте?

Анахо посмотрел вдаль сквозь покрытую ночью Зону. На востоке розовый луч предвещал восход Эза.

— Безупречные охотятся. Конечно, они не могут равняться с дирдирами и не имеют права охотиться в Зоне.— Анахо посмотрел на разведенный костер.— Утром ветер подует на них с нашей стороны. Нам лучше идти дальше.

Низко висящий в небе Эз погружал окрестность в розоватый свет. Как Рейт ни старался избавиться от такой ассоциации, свет этот напоминал ему разбавленную водой кровь. Они двигались то на восток, то на юг, устало пробиваясь между валунами и скалами планеты Чай. Костер дирдиров остался позади и вскоре исчез за крутыми предгорьями. Некоторое время они спускались с горы вниз к южному сектору. Затем они сделали привал, поспали несколько часов и, наконец, отправились через Холмы Воспоминаний. Эз уже висел низко над землей на западе, в то время как Брез был еще на востоке. Ночь **была** ясной, и все предметы отбрасывали по две тени: одна из них была розовой, а другая синей.

Трез двигался впереди; он был разведчиком, прислушивался и проверял каждый шаг. За два часа до восхода солнца он вдруг остановился и сделал своим товарищам знак стоять тихо.

— Холодный дым,— прошептал он.— Перед нами лагерь... Что-то двигается.

Все трое стали прислушиваться. В ответ они слышали лишь тишину. С максимальной осторожностью Трез скользнул в другом направлении, затем на гребень и через перелесок вниз. Там он снова остановился и прислушался. Вдруг он дал обоим оставшимся знак спрятаться в тени. Из своего убежища они увидели на вершине холма две бледные фигуры. Десять минут молча и тихо стояли они на месте, после чего неожиданно исчезли.

Рейт прошептал:

— Они знали, что мы где-то поблизости?

— Я не думаю,— пробормотал Трез.— Но возможно, они нас учуяли.

Через полчаса они осторожно продолжили свой путь, пытаясь держаться в тени. На востоке занималась утренняя заря. Эз исчез, и за ним последовал Брез. Друзья поспешили через синие сумерки и, наконец, нашли убежище в кустах с листьями табачного цвета. Когда взошло солнце, Трез обнаружил под ветками и скрученными листьями гроздь секвинов, величиной с оба его кулака. Когда он оторвал ее от ломкого стебля и расколол, оттуда высыпались сотни секвинов, сверкавших огненным ярко-красным светом.

— Великолепно! — прошептал Анахо.— Достаточно, чтобы возбудить зависть! Еще несколько таких находок, и мы сможем отказаться от сумасшедшего плана Адама Рейта.

Они еще пошарили в кустах, но тщетно.

Дневной свет открыл им южную саванну, простиравшуюся на запад и на восток до туманных далей. Рейт сравнивал стоявшую сзади гору с нанесенным на карту контуром.

— Мы находимся здесь.— Он показал пальцем на карту.— Дирдиры возвращаются в Хусз вот этой дорогой и проходят мимо того места, западнее Пограничного Леса, который и является нашей целью.

— Без сомнения, и нашим роковым местом,— ответил Анахо, пессимистически фыркнув.

— Я приму любую смерть, но с особым удовольствием умру, убивая дирдира,— заявил Трез.

— Нельзя умереть, убивая дирдира,— тихо поправил его Анахо.— Они этого не допускают. Если кто-нибудь и совершит такую попытку, они будут мучить его нервным возбудителем.

— Мы будем делать только то, что будет наименее рискованно,— пообещал Рейт.

Он поднял сканоскоп и пробежал взглядом местность, в том числе и холмы. При этом он обнаружил три группы дирдилов, которые искали в холмах дичь. «Это вообще чудо, что кто-либо возвращается живым в Мауст»,— думал Рейт.

День медленно клонился к концу. Трез и Анахо ползали по кустам в поисках секвинов, но, тем не менее, ничего не находили. К вечеру на расстоянии всего около восьмисот метров от склона прошла охотничья группа дирдилов. Впереди бежал человек и прыгал, словно олень, широко разбрасывая при этом ноги. В пятидесяти метрах сзади от него без особых усилий бежали три дирдира. Убегавший сдался, остановился и, прислонившись спиной к камню, приготовился к борьбе. Его окружили, схватили, и человек упал. Дирдиры склонились над распростертым телом, что-то с ним сделали и распрямились. Человек дергаясь и конвульсируя, лежал на земле.

— Нервный возбудитель,— пояснил Анахо.— Он их чем-то рассердил; наверное, у него было с собой энергетическое оружие.

Дирдиры отправились обратно. Жертва при помощи каких-то сверхъестественных вывертов встала на ноги и начала, дергаясь, убегать в направлении холмов. Дирдиры остановились и посмотрели ей вслед. Человек тоже остановился, издал болезненный крик, повернулся и последовал за дирдирами. Они побежали и запрыгали в дикой резвости. Их пленник следовал за ними с безумным усердием. Группа исчезла в северном направлении.

Анахо спросил Рейта:

— Ты по-прежнему собираешься осуществить свой план?

Рейт неожиданно почувствовал тоскливое желание оказаться сейчас как можно дальше от Карабаса.

— Теперь я понимаю, почему этот план не был испробован раньше.

День постепенно перешел в печальный и мягкий вечер. Когда вдоль цепи холмов один за другим стали загораться костры, три товарища покинули укрытие и отправились на север.

К полуночи они дошли до Пограничного Леса. Трез испытывал страх перед гибким, похожим на рептилию, зверем, известным под названием смур, и никак не решался в этот лес войти. Рейт не стал настаивать, и до рассвета они остались на опушке.

С рассветом они медленно и осторожно прошли между деревьями и не нашли там ничего более опасного, чем пугливая ящерица. Лишь в пяти километрах к югу от края леса хорошо просматривался Хусз. При входе и выходе из Зоны дирдирам приходилось обходить лес.

Во второй половине дня три искателя приключений приступили к работе, после чего они старательно проверили, чем еще мог их порадовать лес. Трез копал, Анахо и Рейт из сучьев, веток и веревок, которую они принесли с собой, плели большую прямоугольную сеть.

К вечеру следующего дня устройство было готово. Когда Рейт проверял систему, чувства его были где-то посередине между надеждой и сомнением. Будут ли дирдиры реагировать так, как он надеется? Анахо вроде бы в это верил, несмотря на то, что он много говорил о нервном возбудителе и был настроен крайне пессимистически.

Было около полуночи, когда охотничьи группы дирдиров стали возвращаться в Хусз. Теоретически для осуществления плана это было самое удобное время. Раньше или позже этого времени дирдиры имели обыкновение снова рассеиваться, а у трех людей не было никакого желания привлекать к себе внимание орд.

Ночь подошла к концу и солнце дало начало новому дню, который так или иначе должен был стать для них судьбоносным. Какое-то время казалось, что вот-вот пойдет дождь, но еще в начале дня тучи отнесло к югу. В необыкновенно ясной атмосфере свет Карины 4269 выглядел, словно отблески старого металла.

Рейт ждал на опушке леса и водил сканоскопом по местности. На севере появились четыре дирдира, беззаботно двигавшихся по тропе в направлении Хусза.

— Они идут, — сказал Рейт. — Сейчас попробуем.

Дирдиры прыгали по тропе в направлении Хусза и издавали при этом свистящие звуки. Охота была хорошей. Они были довольны собой. Но смотрите! Что это? Человек — дичь на опушке леса? Что ищет этот дурак так близко от Хусза? Дирдиры со счастливым возбуждением занялись преследованием.

Как и все существа, человек — дичь бросился бежать, спасая свою жизнь. Наконец, загнанный в угол, он остановился, прислонившись

спиной к дереву. Сотрясая воздух пугающими криками, дирдиры прыгнули вперед. Под ногами у первого из них провалилась земля. Он рухнул в яму и больше его не было видно. Трое остальных резко остановились. Шорох, треск и удар! На их головы свалилась сеть из ветвей, и они оказались в плену. В тот же миг появились несказанно злорадствующие и довольные люди! Хитрость, ловушка! С убийственной яростью они тщетно сражались с сеткой в сомнительном стремлении освободиться и преподать злым людям урок ненависти и отмщения...

Дирдиры были заколоты, разрублены и убиты лопатами.

Сетку подняли, забрали у убитых секвины, оттащили трупы в сторону и снова привели смертельную ловушку в рабочее состояние.

С северного склона спускалась вторая группа. Только трое, но сияющие, отмеченные лавровым венком герои, со сверкающими, словно раскаленные проволоки, антеннами. Анахо благоговейно сказал:

— Это Превосходительства с сотней трофеев!

— Тем лучше. — Рейт дал знак Трезу. — Приведи их сюда. Мы научим их превосходству.

Трезу сделал то же самое, что и прежде. Он показался и помчался, словно слепой безумец. Превосходительства преследовали его вполсилы. У них была успешная охота. Тропа под деревьями была уже протоптана, возможно, другими охотниками. Добыча проявила слишком мало отчаянного проворства, и этого оказалось достаточно, чтобы сделать охоту возбуждающей. Неожиданно человек повернулся и посмотрел на них, прислонившись спиной к огромному ветвистому табачному кусту. Фантастика! Он выхватил кинжал. Неужели он собирался вызвать их, Превосходительств, на бой? Бросайтесь вперед, прыгайте на него, бросьте его на землю! Трофей принадлежит тому, кто первым до него дотронется! Но — о, ужас! — земля разверзлась, лес падает, дурацкая неразбериха! И только посмотрите, полужиды идут с клинками, колют, рубят! Разрывающий сознание гнев, сумасшедшие попытки вырваться, шипение и крик — затем кинжал...

В первый день произошли четыре такие схватки, четыре на следующий, пять на третий. К этому времени процедура превратилась в отработанный механизм. Утром и вечером закапывали трупы, ремонтировали сети. Все это казалось Рейту таким же безобидным, как рыбалка — пока у него в памяти снова не возникала охота, свидетелем которой он стал; и это только больше возбуждало его воображение.

Решение прекратить операцию возникло не по причине уменьшающейся добычи — каждая группа охотников имела при себе по двадцати тысяч секвинов — или из-за того, что у них пропало желание. Просто после того, как они сортировали бесцветные, молочно-

белые и сарды, добыча осталась настолько большой, что пессимизм Анахо уступил место озабоченности.

— Рано или поздно отсутствие дирдиров будет замечено, и будет организована поисковая группа. Как нам удастся избежать встречи с ней?

— Нас ждет еще одно убийство, — сказал Трез. — Как раз приближается группа, которую охота сделает богатой.

— Но зачем? У нас уже столько секвинов, что мы все уже не сможем унести.

— Мы можем оставить сарды и некоторое количество изумрудно-зеленых и взять только красные и пурпурные.

Анахо посмотрел на Рейта, который только пожал плечами.

— Еще только одну группу.

Трез отправился на опушку леса и изобразил уже хорошо отработанную панику. Дирдиры не отреагировали. Может быть они его не увидели? Они продолжали двигаться дальше, не убыстряя шага. Трез какое-то мгновение размышлял, после чего показался им еще раз. Дирдиры его заметили. По всей видимости, они заметили его и в первый раз, но вместо того, чтобы начать преследование, они легкой рысью продолжали свой путь. Рейт наблюдал за ними из тени и старался понять, показалось ли им что-то подозрительным или им уже просто надоела охота.

Дирдиры остановились и осмотрели следы, ведущие в лес. Затем они медленно в него вошли: один впереди, следующий за ним и двое в прикрытии. Рейт поспешил занять свой пост.

— Возникли трудности, — предупредил он Анахо. — Возможно, нам придется пробиваться с боем.

— Пробиваться? — воскликнул Анахо. — Четверо дирдиров против трех человек?!

Трез, стоявший метрах в девяноста дальше на тропе, решил подразнить дирдиров. Он вышел из укрытия, прицелился из катапульты в первую из тварей и выпустил стрелу дирдиру в грудь. Тот издал гневный свист и прыгнул вперед с вертикально поднятыми и мерцающими от негодования антеннами. Трез прыгнул назад и остановился на обычном месте, причем на лице его была неестественно довольная улыбка. Он угрожающе взмахнул своим кинжалом. Удивленный дирдир бросился на него и провалился в ловушку. Его вопли звучали, как громкие жалобы на боль и разочарование. Остальные трое от неожиданности остановились, но затем, пылая гневом, шаг за шагом подошли ближе. Рейт потянул за веревку, освобождавшую сеть, и она упала вниз, накрыв собой двоих; последний успел увернуться.

Рейт выскочил и крикнул Анахо и Трезу:

— Убейте дирдиров под сеткой!

Он сам выпрыгнул из-за переплетенных зарослей кустарника, чтобы предстать перед оставшимся дирдиром. Его нельзя было упускать.

Но дирдир и не думал убегать. Он прыгнул на Рейта, словно леопард, и вцепился в его тело когтями. Трез побежал, угрожающе поднял кинжал и бросился на спину дирдиру. Дирдир перекатился через спину, разорвал Трезу ногу и отбил удар своим собственным кинжалом. На помощь поспешил Анахо и мощным ударом меча отрубил дирдиру руку. Вторым ударом он расколол ему голову. Шатаясь, ругаясь и с трудом дыша, они добились последнего дирдира. Лишь после этого они испытали огромное облегчение, что им все-таки повезло. Из ноги Треза лилась кровь. Рейт пережал ему артерию и раскрыв аптечку, которая в свое время прибыла на Чай вместе с ним. Он продезинфицировал рану, наложил эластичный перевязочный материал, обработал края раны, побрызгал на рану раствором искусственной кожи и ослабил жгут. Трез скорчил гримасу, но с его губ не сорвалось ни единого стога, ни одной жалобы. Рейт протянул ему таблетку.

— Проглоти это. Ты можешь стоять?

Не сгибая ноги Трез встал.

— Ты идти можешь?

— Не очень хорошо.

— Попытайся двигаться, чтобы нога не затекла.

Рейт и Анахо обыскивали трупы: одна пурпурная гроздь, две ярко-красные, одна темно-синяя, три светло-зеленые и две светло-синие. Рейт удивленно и озабоченно покачал головой.

— Богатство! Но бессмысленное, так как мы не сможем донести его в Мауст.

Он наблюдал, как Трез с видимым усилием топтался взад и вперед.

— Мы не сможем унести все.

Они свалили трупы в ловушку и присыпали их землей, сеть они забросили в кусты. Затем еще раз перебрали секвины и разложили их в три узелка: два тяжелых и один легкий. Оставалось еще большое количество лишних бесцветных, молочно-белых, сардов, темно-синих и зеленых. Все оставшиеся они засунули в четвертый сверток, который спрятали в корнях большого табачного дерева.

До захода солнца еще оставалось два часа. Они взяли свои узлы и пошли к восточной опушке, причем все время приходилось подстраиваться под шаги Треза. Здесь они посоветовались насчет возможности разбить лагерь, пока у Треза не заживет нога. Но Трез об этом даже слышать не хотел.

— Я могу идти вместе с вами, пока не придется бежать.

— Бег нам все равно не поможет, — ответил на это Рейт.

— Если они нас обнаружат, — сказал Анахо, — нам придется бежать. Но уже с нервным возбудителем в мозгах.

Вечерний свет превратился из золотистого в темно-золотистый. Карина 4269 опустилась за горизонт, и на планету упала чернильная тьма. На холмах появились маленькие язычки пламени. Три человека начали ужасный путь обратно; через весь южный сектор, от одного черного дерева к другому. Наконец, они добрались до склонов и стали ожесточенно карабкаться вверх.

Предрассветные сумерки догнали их уже за гребнем цепи холмов; и охотники, и те, на кого охотились, были уже на ногах. Далеко вокруг не было никакого укрытия. Они забрались в небольшой овраг и из веток соорудили себе убежище.

День начался. Анахо и Рейт подремывали, в то время, как Трез смотрел на небо. Из-за вынужденной бездеятельности у него могла одеревенеть нога. Около полудня через горный хребет прошла гордая группа из четырех дирдиров в сверкающих шлемах. На какое-то мгновение они остановились, видимо, чувствуя поблизости добычу. Но их внимание привлекли к себе другие вещи, и они отправились дальше на север.

Солнце садилось и осветило при этом восточную стену оврага. У Анахо вырвался неестественный хрюкающий смешок.

— Посмотрите сюда.

Он показал пальцем направление. На расстоянии менее шести метров от стенки отвалился кусок земли, и оттуда выглядывала оболочка большой морщинистой грозди зрелой хризопинады.

— Как минимум, ярко-красные. А может, и пурпурные.

Рейт отмахнулся с печальным равнодушием.

— Мы почти не в состоянии нести и то, что у нас уже есть. Этого достаточно.

— Ты недооцениваешь жадности Сивиша, — выругался Анахо. — К тому, что у нас есть, надо добавить еще два раза по столько же. — Он откопал жилу. — Пурпурная. Мы не можем ее здесь оставить.

— Ну, хорошо, — сказал Рейт. — Я ее понесу.

— Нет, я, — возразил Трез. — Вы вдвоем и так тащите самые большие узлы.

— Тогда мы ее поделим, — заявил Рейт. — Так это не очень повлияет на общий вес.

Наконец наступила ночь. Они взвалили поклажу на плечи и пошли дальше. Трез ковылял и морщился от боли. Они спустились по северному склону. Чем ближе они подходили к Воротам Надежды, тем более призрачной и мерзкой казалась им Зона.

На рассвете они были у подножья холма; ворота находились от них еще в шестнадцати километрах. Когда устроились на привал в затененной трещине, Рейт осмотрел в сканоскоп близлежащую местность. Окраина Зоны казалась спокойной и даже какой-то вымершей. Далеко на северо-западе несколько силуэтов мчались к Воротам На-

дежды. Они стремились еще до наступления дня оказаться в безопасности и бежали в типичном согнутом положении, которое люди инстинктивно принимали, попадая в Зону. Им казалось, что таким образом они были менее заметны. Свора охотников стояла — неподвижно и настороженно, словно орлы — на сравнительно близко расположенной верхушке скалы. Все трое сочувственно наблюдали за бегущими людьми. Рейт отбросил всякую надежду добраться до Ворот Надежды еще до наступления дня. Им пришлось провести еще один безрадостный день под скалой, накрывшись маскировочными приспособлениями.

Утром над их головами пролетел планер.

— Они ищут исчезнувшие группы охотников, — шепотом объяснил Анахо. — Несомненно, наступил *тсаугш*. . . Мы в большой опасности.

Рейт посмотрел вслед планеру, затем оценил расстояние до Ворот — В полночь мы должны быть уже в безопасности.

— Возможно, что так долго мы не проживем, если дирдиры догадуются оцепить эту территорию. А это легко предположить.

— Но сейчас нам идти совершенно невозможно. Нас наверняка схватят.

Анахо мрачно кивнул:

— Правильно!

После обеда над окраинными территориями пролетел второй планер. Анахо сквозь зубы прошептал:

— Мы сидим в ловушке.

Но через полчаса планер снова возвратился и, перелетев через холмы, исчез в южном направлении.

Рейт внимательно следил за местностью.

— Я не вижу никаких охотников. Шестнадцать километров — это примерно два часа ходу. Сделаем рывок?

Трез с болью посмотрел на свою ногу.

— Вы вдвоем идите вперед. А я пойду, когда сядет солнце.

— Тогда уже будет слишком поздно, — заявил Анахо. — Даже теперь уже слишком поздно.

Рейт еще раз обследовал вершины холмов и помог Трезу подняться на ноги.

— Или все, или никто.

Они вышли на пустынную равнину и сразу же почувствовали себя голыми и уязвимыми. Любой охотник, случайно посмотревший с гребня на этот сектор, легко бы их заметил.

Так они и пробирались — как и другие, полупригнувшись — в течение получаса. Время от времени Рейт останавливался, чтобы осмотреть пространство сзади. Он боялся увидеть за собой преследующие их ужасные фигуры. Но они преодолевали милю за милей, и постепенно в душе начала теплиться надежда. Лицо Треза от боли и

напряжения стало серым. Тем не менее, он еще ускорил шаг и почти бегом ковылял дальше; Рейт предположил, что он бежит почти в истерике.

Неожиданно Трез остановился и бросил взгляд на цепь холмов.

— За нами наблюдают.

Рейт последовательно осмотрел вершины, склоны и темные ущелья, но ничего не заметил. Трез уже мчался дальше неопишным галопом, и Анахо спешно последовал за ним. Рейт поспешил замкнуть шествие. Через сто метров он снова резко остановился, и на этот раз ему показалось, что он заметил блеск металла. Дирдиры? Рейт посмотрел на лежавшее перед ними пространство. Они прошли по мрачной пустыне уже примерно половину пути. Рейт набрал в легкие воздуха и побежал догонять Треза и Анахо. Можно было предположить, что дирдиры не будут преследовать их так далеко на краю Зоны.

Он снова остановился и посмотрел назад. Теперь не возникало никаких сомнений: четыре фигуры прыгали вниз по склону. Их намерения вопросов не вызвали.

Рейт догнал Треза и Анахо. Трез мчался с остекленевшими глазами и открытым ртом, так что были видны все его зубы. Рейт забрал у него тяжелый сверток и взвалил его себе на спину. Трез задыхался и еще больше замедлил шаг. Анахо оценивающе прикинул расстояние и внимательно посмотрел на преследовавших их дирдиров.

— У нас нет никаких шансов.

Впереди показались Ворота Надежды: великолепная и надежная гавань. Сзади большими прыжками их догоняли охотники.

Когда до Ворот оставалось еще восемьсот метров, Трез зашатался.

— Онмале! — заорал Рейт.

Действие оказалось впечатляющим. Казалось, что Трез выпрямился и даже стал выше. Он неожиданно собрался и повернулся к преследователям, чтобы встретиться с ними лицом к лицу. Его лицо было лицом другого человека: оно принадлежало устремленному, яростному и властному человеку — личному воплощению Онмале.

Онмале была слишком гордой, чтобы спастись бегством.

— Беги! — заорал Рейт в приступе паники. — Если нам и придется драться, то мы примем бой в других условиях!

Трез, или Онмале — теперь два этих понятия воплощались в одном человеке — схватил один узел у Рейта, другой у Анахо и прыгнул в сторону ворот. Рейт потратил полсекунды, чтобы оценить расстояние до первого дирдира; затем он снова пустился бежать. Трез мчался по пустыне. Анахо бежал за ним с красным и искаженным лицом и тяжело дышал.

Трез добежал до Ворот и повернулся к ним лицом, держа в одной руке катапульту, в другой меч. В ворота влетел Анахо, а за ним и Рейт, от которого до первого преследователя оставалось каких-то пятнад-

цать метров. Трез отошел, встал прямо перед линией границы и вызвал дирдира на бой. Дирдир издал резкий, гневный вопль, нагнул голову, и его вертикально направленные антенны задрожали. Затем он длинными прыжками убрался на юг, догоняя своих товарищей, возвращавшихся обратно в горы.

Анахо, надрывно дыша, прислонился к Воротам Надежды. Хрипло дышавший Рейт тоже встал рядом с ним. Лицо Треза было серым, и на нем полностью отсутствовало какое бы то ни было выражение. Его колени подогнулись, и он упал на землю, неподвижно на ней замерев.

Рейт бросился к нему и перевернул его на спину. Казалось, что Трез не дышал. Рейт уселся на него верхом и стал делать прямое искусственное дыхание. Несколько раз Трез с душераздирающим хрипом вздохнул и уже скоро начал равномерно дышать.

Зазывалы, искатели клиентов и нищие, которые обычно торчали у Ворот Надежды, при появлении дирдиров рассыпались в разные стороны. Первым вернулся молодой человек в каштановом кителе и заботливо посмотрел на Треза.

— То, что позволяют себе дирдиры — это позор! — посетовал он. — Им никогда не позволялось охотиться так близко от Ворот! Они почти убили бедного юношу!

— Замолчи! — рявкнул на него Анахо — Ты нам мешаешь!

Молодой человек отошел в сторону. Рейт и Анахо поставили Треза на ноги, и он совершенно бессознательно остался стоять.

Молодой человек опять приблизился к ним. Его кроткие коричневые глаза все видели и все знали.

— Разрешите мне помочь. Я Иссам Танг и представляю гостиницу «Многообещающий риск», в которой вы можете найти удобные для отдыха комнаты. Разрешите мне помочь нести ваши вещи.

Когда он поднял узел Треза, то растерянно посмотрел на Рейта и Анахо:

— Секвины?

Анахо вырвал у него узел:

— Убирайся! У нас есть свои планы!

— Как хотите, — отошел в сторону Иссам Танг — Но гостиница «Многообещающий риск» расположена совсем рядом. Кроме того, она находится в стороне от шума и игры. Несмотря на предоставляемые удобства, стоимость размещения в ней даже близко не приближается к стоимости в «Алаване» с его бессовестными ценами.

— Ладно, — решил Рейт — Веди нас в «Многообещающий риск»

Анахо тихо выругался, на что Иссам Танг отшатнулся, посмотрев на Анахо с легким осуждением.

— Сюда, пожалуйста, если вы не возражаете.

Они побрели в сторону Мауста. Трез хромал, волоча задеревеневшую ногу.

— Сейчас я могу вспомнить лишь какую-то путаницу, — бормотал он — Я припоминаю, что мы мчались по окраине Зоны и кто-то что-то крикнул мне на ухо...

— Это был я, — признался Рейт

— ...после чего я ничего не помню. Следующее — это уже то, как я лежал возле Ворот, — и через минуту он громко добавил, — я слышал сердитые голоса. Тысячи лиц смотрели на меня — гневные лица воинов. Я уже видел такие вещи во сне.

Его голос сорвался, и больше он ничего не сказал.

Глава 7

Гостиница «Многообещающий риск» стояла в конце узкого переулка — стесненное, почерневшее от времени здание. Судя по ее ресторану, который был тихим и темным, она не пользовалась особым спросом. Как выяснилось, Иссам был ее владельцем. Он был чрезвычайно гостеприимен и распорядился, чтобы воду, лампы и постельное белье принесли в апартаменты, называемые «Княжеское убежище». Эти приказы выполнял угрюмый слуга с огромными красными руками и копной жестких рыжих волос. Они поднялись вверх по винтовой лестнице, прямо к апартаментам, состоявшим из большой гостиной, ванной и нескольких беспорядочно размещенных спальных ниш с кисло пахнувшими диванами. Слуга поставил лампы, принес бутылки с вином и ушел. Анахо исследовал свинцовые и восковые пробки и отставил бутылки в сторону.

— Слишком рискованно, если учитывать возможность подмешанных наркотиков или яда. Когда человек снова просыпается — если он вообще просыпается — секвинов у него уже нет — его ограбили. Я недоволен. «Алаван» подошел бы нам больше.

— Завтра снова будет день, — сказал Рейт и устало опустил на стул.

— Завтра нам необходимо покинуть Мауст, — предостерег Анахо. — Если нас пока еще не взяли на примету, то уже очень скоро возьмут...

Он ушел и очень скоро вернулся с хлебом, мясом и вином.

Он поели и запили ужин. После этого Анахо проверил замок и засов.

— Кто знает, что в действительности происходит в этих старых стенах. Нож в темноте, короткий крик и кто, кроме самого Иссама Танга, узнает правду?

Они втроем еще раз проверили запорные устройства и стали готовиться ко сну. Анахо заявил, что у него очень чуткий сон и положил

секвины между собой и стенкой. Они погасили все лампы, не оставив даже мерцающего ночника. Через несколько минут Анахо беззвучно проскользнул через комнату к кровати Рейта.

— Я думаю, что здесь имеются глазки и подслушивающие трубки,— прошептал он.— Здесь секвины. Положи их рядом с собой. Посидим тихо некоторое время и понаблюдаем.

Рейт принудил себя оставаться бодрым, но постепенно усталость победила. Веки медленно сомкнулись. Он заснул.

Шло время. Рейта разбудил локоть Анахо, которым он толкнул товарища. С чувством вины Рейт подскочил.

— Тихо! — приказал Анахо еле слышно.

— Посмотри—ка в ту сторону.

Рейт всмотрелся в темноту. Шорох, какое—то движение в темноте, темная фигура... Неожиданно загорелся свет. Посередине комнаты с горящими глазами и спрятав руки за спиной, стоял Трез.

Оба человека возле кровати Анахо обернулись и ошеломленно и испуганно уставились на лампу. Один из них оказался Иссамом Тангом, второй — коренастым слугой, который своими огромными руками пытался нащупать горло Анахо, спавшего по его расчетам на этой постели. Слуга странно и возбужденно зашипел и, растопырив руки, прыгнул через комнату. Трез выстрелил из катапульты прямо в перекошенное лицо. Человек беззвучно свалился на пол и замер, ничего не поняв и ни в чем не раскаиваясь. Иссам поспешил к отверстию в стене, но Рейт швырнул его на пол. Иссам ожесточенно сопротивлялся. Несмотря на свою стройную и слабую на вид фигуру, он оказался сильным и гибким, как змея. Рейт захватил его в ключ и сильно дернул вверх, так что тот натужно закричал.

Анахо накинул на горло Иссама веревку и собирался затянуть петлю. Рейт скривился, но, тем не менее, возражений с его стороны не последовало. Так в Маусте вершили суд над ворами. Было только слишком просто, что Иссам должен был прямо здесь, в мерцающем свете ламп, отправиться в ад.

Иссам страстно воскликнул:

— Нет! Я всего лишь несчастный танг. Не убивайте меня! Я клянусь, что помогу вам! Я помогу вам скрыться!

— Подожди! — попросил Рейт и обратился к Иссама.— Что ты имеешь в виду, предлагая нам бежать? Разве нам что—то угрожает?

— Да, конечно! А чего же вы еще ожидали?

— Расскажи нам об этой опасности!

Почувствовав возможность пощады, Иссам выпрямился и недовольно сбросил с себя руки Анахо.

— Эта информация дорого стоит. Сколько вы мне заплатите?

Рейт кивнул Анахо:

— Продолжай!

Анахо натянул веревку.

Иссам душераздирающе взвыл:

— Нет, нет! Подарите мне жизнь в обмен за ваши три — разве этого недостаточно?

— Если это правда...

— Это правда. Так что откажитесь от своего намерения. Снимите с меня петлю.

— Нет, пока мы не узнаем, какой опасности мы подвергаемся.

Иссам переводил взгляд с одного лица на другое и не увидел ничего, что добавило бы ему мужества.

— Ну, хорошо. Мне передали секретное сообщение, что дирдиры кипят от злости. Кто-то уничтожил невиданно много охотников и украл добычу — все двести тысяч секвинов. Специальные агенты начеку — здесь и в других местах. Кто даст наводящую информацию, тому обещано большое вознаграждение. Если вы являетесь именно теми, кого разыскивают — а я предполагаю, что это именно так — то вы сможете покинуть Мауст в лучшем случае в терновых воротниках — разве что я вам помогу.

Рейт осторожно спросил:

— Как?

— Я могу вас спасти — но только за вознаграждение.

Рейт посмотрел на **Анахо**, и тот снова натянул веревку. **Иссам** схватился за петлю, глаза его полезли из орбит. Петлю ослабили. **Иссам** прохрипел:

— Моя жизнь за ваши. Таково наше соглашение.

— Тогда больше ничего не говори ни о каком вознаграждении. Надеюсь, что тебе не нужно доказывать того, что ты не сможешь нас перехитрить?

— Никогда, никогда! — хрипел **Иссам**. — Я буду жить или умру вместе с вами! Ваша жизнь — это и моя! Нам нужно уходить прямо сейчас. Завтра будет уже поздно.

— Как? Пешком?

— Я думаю, что это необязательно. Собирайтесь. В этих сумках и уздах случайно не секвины?

— Ярко-красные и пурпурные, — с садистской радостью подтвердил **Анахо**. — Если тебе тоже хочется таких же, то сходи в Зону и убей дирдиров.

Иссама пробрала дрожь.

— Вы уже готовы?

Он нетерпеливо ждал, пока все трое одевались. Вдруг его осенило: он бросился на колени, вытрусил карманы слуги и довольно позвенел полной горстью бесцветных и молочно-белых секвинов, которые нашел в кошельке убитого.

Три друга были уже готовы. Несмотря на протесты Иссама, Анахо оставил петлю на его шее.

— Так у нас не возникнет недоразумений.

— Значит, я все время должен буду идти с не доверяющими мне спутниками?

На главной улице Мауста пульсировала жизнь. В глазах рябило от всевозможных лиц и пестрых фонарей. Из таверен доносилась дребезжащая музыка, пьяные разговоры, а иногда и гневные крики. По затерянным закоулкам и темным дворам Иссам привел их к конюшне в северной части города, где на стук Иссама открыл дверь мрачно глядевший смотритель. Результатом пятиминутной торговли стали четыре оседланных коня. В то время, как луны Эз и Брез одновременно взошли на востоке, Рейт, Анахо, Трез и Иссам скакали на больших белых конях каханской породы на север, оставляя Мауст за спиной.

Они скакали всю ночь, и к восходу солнца добрались до Хораи. Дым струился из железных труб и рассеивался над Первым Морем, которое вследствие такого светового эффекта выглядело черным, полным неприятностей; фон создавало северное небо сливового цвета.

Проследовав через Хораи вниз к порту, они сошли с коней. Иссам с чрезвычайно скромной улыбкой поклонился Рейту, спрятав руки в карманах темно-красного кителя.

— Я достиг своей цели. Мои друзья добрались до Хораи.

— Друзья, которых ты еще несколько часов назад собирался задушить.

Улыбавшиеся губы Иссама задрожали.

— Это же было в Маусте! Человек должен вести себя там соответственно.

— Что касается меня, то ты можешь возвращаться домой.

Иссам поклонился на этот раз особенно глубоко.

— Пусть девятиглавый Сагорио перемелет всех ваших врагов! Всего вам наилучшего!

Иссам повел оставленных скакунов снова через Хораи и вскоре исчез из вида.

Планер все еще стоял на том же месте, где они его оставили. Взойдя на борт, они увидели владельца порта, вид у него был мрачный, но он ничего им не сказал. Думая о дикости хоров, все трое старались не принимать его во внимание.

Планер поднялся в утреннее небо и поплыл над побережьем Первого Моря. Так началось путешествие в Сивиш.

Глава 8

Планер летел на восток. Южнее под ними простиралась широкая пустыня, северное Первое Море. Под ними, насколько хватало взгляда, с монотонной последовательностью сменялись болота и песчаные возвышенности.

Трез спал в абсолютном изнеможении. Анахо сидел напротив него, равнодушно и ничем не интересуясь, как будто страх и неудобства были ему чужды. Хоть Рейт и был смертельно уставшим, он изредка отрывал глаза от экрана радара, чтобы осмотреть небо. Наконец, беспечность Анахо начала действовать ему на нервы. Он посмотрел на него красными от бессонницы глазами и недовольно сказал:

— Для беглеца ты слишком беззаботен. Я удивляюсь твоему спокойствию.

Анахо сделал жест рукой:

— То, что ты называешь спокойствием — это детская доверчивость. Я стал суеверным. Сам подумай: мы пробрались в Карабас, убили десятки дирдиров-суперсозданий и еще вынесли оттуда их секвины. Почему же я теперь должен принимать во внимание возможность какого-либо трагического случая?

— Твоя доверчивость больше моей, — сердито возразил Рейт. — Я считаю с тем, что все силы империи дирдиров разыскивают нас в небе.

Анахо снисходительно улыбнулся:

— Это не в их правилах! Ты переносишь свои собственные воззрения на дирдиров. Не забывай, что они не считают общество наименьшим. Это свойство присуще людям. Дирдиры существуют только поодиночке — как существа, отвечающие за все только перед своей собственной гордостью. Дирдир сотрудничает со своими соплеменниками лишь тогда, когда ему это нужно.

Рейт скептически покачал головой и продолжал наблюдать за экраном радара.

— Мне кажется, должно быть что-то большее, чем это. Что же тогда удерживает общество вместе? Как дирдиры могут сохранять интересы к долгосрочным перспективам?

— Очень просто. Каждый дирдир похож на другого. Существуют присущие расе силы, которые равно всех их объединяют. Полулюдям известны такие силы в очень ослабленном виде, называемые «традицией», «положением в обществе», «тактичностью». В обществе дирдиров они превратились в безусловное принуждение. Каждая из них связана с обычаями рас. Если дирдиру нужна помощь, ему достаточно только выкрикнуть *хс'аи*, *хс'аи*, *хс'аи*, после чего он ее сразу же получит. Если дирдира что-то задело, он кричит *др'сса*, *др'сса*, *др'сса* и требует разрешения спора. Если ему не нравится приговор,

он может вызвать на поединок судью, функции которых обычно исполняют Превосходительства. Если он побеждает судью, значит он прав. Но чаще он сам оказывается побежденным. В таком случае ему отрывают антенны и объявляют изгнанным... Но обычно такие решения не оспариваются.

— Но при таких условиях общество должно быть в высшей степени консервативным.

— Да, пока не наступает время перелома. В таком случае дирдиры воспринимают эту проблему с «тактичностью». Они могут мыслить творчески. Их мозг подвижен и восприимчив. Они не растрачивают энергию на жеманные манеры. Конечно, полигамия и «тайнства» служат для отвлечения, но такие вещи, как охота, воспринимаются со страстью, превосходящей человеческое восприятие.

— Все это хорошо. Но почему они так просто должны отказаться от наших поисков?

— Но это же ясно, как божий день, — мягко ответил Анахо. — Как дирдиры вообще могут предположить, что мы летим на планере в направлении Сивиша? И ничто не сможет навести их на мысль провести параллель между людьми, которые появятся в Сивише, и людьми, которые в Карабасе убили дирдилов. Возможно, со временем эти факты и сопоставят, если, например, допросят Иссама Танга. А до тех пор им и в голову не придет, что у нас имеется планер. К чему же им тогда применять радарные установки?

— Хочется надеяться, что ты прав, — пробормотал Рейт.

— Это проявится. А мы тем временем живем, удобно летим на планере, обладаем более, чем двумястами тысячами секвинов. Посмотри вперед: мыс Браиз! За ним находится Шанизада. Сейчас мы изменим курс и полетим на Хаулк. Кто обратит внимание на планер, один из сотен, пролетающих здесь? В Сивише мы затеряемся в толпе, в то время, как дирдиры будут искать нас в Жааркене, в Ялке или вообще в Хангхусской тундре.

Пока Рейт размышлял о душе расы дирдилов, корабль успел пролететь много километров. Он спросил:

— Предположим, один из нас — ты или я — оказался бы в сложной ситуации и выкрикнул бы *др'сса, др'сса, др'сса*?

— Это требование на проведение справедливого суда. *Хс'аи хс'аи, хс'аи* обозначает просьбу о помощи.

— Ну, хорошо. *Хс'аи, хс'аи, хс'аи*. Вынудило ли бы это дирдилов оказать помощь?

— Да, на основании традиции. Это следует автоматически, как рефлекс. Связующее звено, которое сплачивает необузданную, похожую на руть расу.

За два часа до захода солнца со стороны Шанизады налетел ураганный ветер. Карина ⁴²⁶⁹ превратилась в размытый коричневый круг и, наконец, совсем исчезла, когда черные тучи затянули небо. Прибой, словно грязная пивная пена, переливался через берег, доходя до огромных стволов черных деревьев, разнообразивших пустынную побережья. Похожие на веники стволы сгибались под шквалами ветра, задирая вверх гладкие серые прутья. По черной поверхности пробегала волнующая дрожь.

Планер пробивался сквозь темно-коричневую полутьму на юг и, наконец, при последнем проблеске света приземлился на отгороженном от ветра базальтовой скалой участке. Все трое, скорчившись, устроились на сиденьях и, игнорируя запах дирдиров, заснули под шум ветра и океана.

Сумерки принесли с собой странное свечение, как будто свет проникал через коричневое бутылочное стекло. В планере не было ни пищи, ни воды; но в степи росло растение паломников, а недалеко протекала солоноватая речка. Трез молча пошел вдоль берега и выгнул шею, чтобы заглянуть сквозь блестящую поверхность в воду. Вдруг он остановился, согнулся, погрузил руку в воду и вытащил на берег желтое существо, состоявшее только из извивающихся щупалец; он и Анахо умяли его в сыром виде. Рейт же предпочел растение паломников.

По окончании трапезы они устроились возле планера и стали загорать под темно-желтым светом и наслаждаться спокойным утром.

— Завтра мы доберемся до Сивиша, — сообщил Анахо. — Наша жизнь делает еще один поворот. Скоро мы перестанем быть ворами и бандитами и станем преуспевающими людьми — или, как минимум, должны будем произвести такое впечатление.

— Хорошо, — произнес Рейт. — А что будет потом?

— Нам нужно поступить обдуманно. Сразу же бежать к космическим ангарам с нашими секвинами ни в коем случае нельзя.

— Согласен, — подтвердил Рейт. — На Чае все, что кажется приемлемым, является неправильным.

— Невозможно что-либо предпринять без поддержки влиятельной персоны, — заявил Анахо. — Нашей первоочередной заботой должна стать именно такая персона.

— Дирдир? Или дирдир-человек?

— Город Сивиш принадлежит полулюдям. Дирдиры и дирдир-люди живут в Хее, в укреплении. Ты сам это увидишь.

Глава 9

Хаулк лежал у Кослована, словно уродливый, изогнутый червяк на вздутом животе. На западе была Шанизада, на востоке — залив Азияна. В верхней части залива располагался остров Сивиш с беспорядочным нагромождением фабрик на северной его окраине. С материком и городом дирдиров Хеем его соединяла дамба. В центре Хея, возвышаясь над всеми окрестностями, стояло серое стеклянное строение. Оно имело восемь километров в длину и пять километров в ширину, а высота его составляла около трехсот метров. Сооружение было настолько огромным, что его перспективы казались искаженными. Комплекс был окружен целым лесом из остроконечных башен. Все эти башни достигали тридцати метров в высоту. Большинство из них были ярко-красного или пурпурного цвета, а самые крайние были бледно-лиловыми, серыми и белыми.

Анахо показал на башни.

— Каждой из них владеет определенный клан. Когда-нибудь я тебе расскажу подробно о жизни Хея — о балах, о таинствах полигамии, о кастах и кланах. Но тебе будет особенно интересно узнать, что здесь находится космопорт.

Посередине острова Рейт увидел территорию, окруженную магазинами, лавками, станциями и ангарами. На стояночных площадках с одной ее стороны стояли шесть больших космических кораблей и три маленьких. Голос Анахо прервал его размышления.

— Космические корабли хорошо охраняются, и дирдиры в этом отношении намного строже, чем вонки. В этом проявляются их чувство осторожности и инстинкт, несмотря на то, что до сих пор еще никто не пытался похитить космический корабль.

— Но до сих пор никто не приезжал сюда с двумястами тысячами секвинов. Такие деньги смогут открыть много дверей.

— Чем смогут помочь секвины в Стеклянном Доме?

Рейт больше не сказал ничего. Анахо приземлил планер на вымощенной площадке около космопорта.

— Сейчас решится наша судьба, — спокойно произнес он.

Рейт сразу же отреагировал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если наши следы все-таки обнаружили и нашего прилета ожидали, нас немедленно арестуют. И в этом случае с нами скоро будет все кончено. Но станция выглядит совершенно спокойно. Пока что я не вижу ничего, что могло бы означать для нас катастрофу. Теперь не забывайте о том, что мы уже прибыли в Сивиш. Я — дирдир-человек, а вы — полулюди. Так что ведите себя соответственно.

Рейт с сомнением осмотрел площадку. Анахо правильно оценил обстановку, и казалось, что ничто не предвещало беды.

Планер приземлился. Все трое сошли на землю. Пока Рейт и Трез выгружали багаж, Анахо просто стоял рядом.

Подъехал электромобиль и прикрепил к планеру винтовые клеммы. Водитель — смесь дирдир-человека и какой-то другой, неизвестной расы — смотрел на Анахо с равнодушным любопытством, не обращая на Рейта и Треза абсолютно никакого внимания.

— Какие последуют распоряжения?

— До вызова — временное подчинение, — ответил Анахо.

— По какой категории расценки?

— По наивысшей категории. Я выплачиваю также и доплату за услуги.

— Номер шестьдесят четыре. — Служащий протянул Анахо медный кружок. — С вас двадцать секвинов.

— Двадцать и пять для тебя.

Буксир потащил планер в пронумерованную стояночную нишу. Анахо подошел к движущейся дорожке. Рейт и Трез тащили багаж за ним. Они встали на дорожку и доехали до широкой улицы с довольно оживленным движением.

Здесь Анахо остановился и задумчиво произнес:

— Я так давно здесь не был, путешествовал в таких далеких краях, что даже позабыл Сивиш. Сначала нам, конечно, нужно найти гостиницу. На другой стороне улицы, насколько я припоминаю, находится весьма подходящая гостиница.

В гостиницу «Старый Имперский Двор» три друга прошли через отделанный черной и белой плиткой вход, ведущий к номерам и выходящий во внутренний дворик. Там на скамейках сидело около десятка женщин. Они следили за окнами: не понадобятся ли их услуги.

Две из них были скорее всего дирдир-женщинами: тонкие бело-снежные создания с острыми лицами и редким серым пушком на затылке. Анахо задумчиво на них посмотрел, затем обернулся.

— Конечно, мы беглецы, — сказал он, — и должны быть начеку. Но, тем не менее, здесь, в Сивише, куда ежедневно приезжает и откуда уезжает множество людей, мы можем чувствовать себя надежнее, чем где бы то ни было. Дирдиров Сивиш совершенно не интересует, кроме случаев, когда им что-либо не нравится. Тогда в Стекланный Дом отправляется бургомистр. А вообще-то у него развязаны руки. Он устанавливает налоги и руководит полицией, он вершит суд, наказывая и поощряя так, как считает нужным. Поэтому в Сивише бургомистр неподкупен. Влиятельную помощь нам нужно искать где-нибудь в другом месте. Завтра я обо всем порасспрашиваю. Следующее, что нам необходимо — это здание, подходящее по размерам и непода-

леку от космопорта, на которое не могло бы пасть подозрение. Распросы тоже надо провести тактично. Теперь — самое щекотливое: нам нужно завербовать техников, которые смогут собрать отдельные части и провести необходимые юстировочные работы. Если мы будем платить за это большие деньги, нам несомненно удастся найти нужных людей. Я буду представляться, как Избранный — это мой настоящий прежний ранг. Я не вижу причины, по которой предприятие могло бы не удалиться, кроме разве что, аномальных явлений природы.

— Другими словами, — сказал Рейт, — мы имеем неплохие шансы.

Анахо пропустил это замечание мимо ушей.

— Еще одно предостережение: город кишит интриганами. Люди приезжают в Сивиш лишь затем, чтобы получить для себя выгоду. Город — это сплетение из нелегальной торговли, воровства, вымогательства, разврата, азартных игр, обжорства, утрированной помпы, надувательства. Эти пороки здесь уже в крови, и у жертв нет надежды их избежать. Дирдиров это совершенно не волнует — финты полулюдей для них ничего не значат. Бургомистр же интересуется лишь тем, чтобы в какой-то мере поддерживался порядок. Так что, будьте осторожны! Никому не доверяйте! Не отвечайте ни на какие вопросы! Выдавайте себя за кочевников, ищущих работу. Старайтесь показаться глупыми. Таким образом нам удастся ограничить риск.

Глава 10

На утро Анахо отправился в город, чтобы навести необходимые справки. Рейт и Трез спустились вниз в выходящее на улицу кафе и наблюдали за пешеходами. Трез был недоволен абсолютно всем, что видел.

— Все города неприятны, — бормотал он. — Этот же самый плохой... Мерзкое место. Ты чувствуешь его вонь? Химикаты, дым, болезни, нагромождение камней. Запах заражает людей. Ты только посмотри на эти лица!

Рейт не мог отрицать, что жители Сивиша выглядели непривлекательно. Цвет их лиц отражал всю палитру: от неряшливо-коричневых до белых у дирдир-людей. Их физиономии отражали результат более, чем тысячелетней почти целенаправленной мутации. Никогда еще Рейту не приходилось сталкиваться с такими подозрительными и замкнутыми людьми. То, что они жили рядом с чужой расой, не повлияло на развитие у них чувства общности. В Сивише каждый был для другого чужим. Положительным результатом такого положения вещей стало то, что Рейт и Трез ни у кого не вызывали никаких подозрений. Никто на них особого внимания не обращал.

Рейт расслабленно и даже умиротворенно сидел за бокалом светлого вина. В то время, как он размышлял о старом Чае, ему пришло в голову, что только язык, единый для всей планеты, являлся объединяющим фактором для всех. Возможно, обитатели планеты потому и сохранили свое всеобщее равнодушие, так как все решал вопрос жизни и смерти. Язык общения был нужен для выживания: тот, кто не мог артикулировать, был обречен на смерть. Возможно, корни этого языка в основе своей были земными. Но он не был похож ни на один другой, известный Рейту. Он думал о некоторых ключевых словах. Слово «вам» значило «мать», «татаром» называли отца, «иссир» обозначал «меч». Количественные числительные звучали: аине, сей, дрос, энсер, ниф, хисз, иага, манага, нувай, тикс. Значительных параллелей не было, но иногда появлялось до боли знакомое эхо земных звучаний...

В общем, размышлял Рейт, жизнь на Чае охватывала более широкую шкалу, чем на Земле. Чувства здесь были более интенсивными, горе более глубоким, радость более восторженной. Люди поступали более раскованно. В отличие от них, земляне казались более задумчивыми, контактными и солидными. Смех на Земле звучал не так непосредственно. Но на ней было намного меньше и жалостливых причитаний.

И сейчас Рейт часто спрашивал себя: «Предположим, я возвращусь на Землю. А что потом? Смогу ли я снова привыкнуть к той жизни, такой мирной и спокойной? Или я всю оставшуюся жизнь буду тосковать по степям и морям Чае?» Рейт грустно улыбнулся. Он с удовольствием бы столкнулся с этой проблемой.

Пришел Анахо. Бросив быстрый взгляд налево и направо, он подсел за столик. Вид его был безрадостным.

— Мой оптимизм был необоснованно велик, — пробормотал он. — Я слишком уж сильно полагался на свои воспоминания.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рейт.

— Ничего конкретного. Просто, кажется, я недооценил ситуацию. Я сегодня уже дважды слышал, как говорили о сумасшедших, пробравшихся в Карабас и поубивавших дирдиров, словно комаров. В Хее все вне себя от злости — во всяком случае, так поговаривают. Готовятся разные *тсау'гш*. Никто не хотел бы оказаться на месте этих шутников, когда их поймают.

Трез вскипел.

— Дирдиры отправляются в Карабас, чтобы убивать людей, — разбушевался он. — Почему же им так неприятно, когда их самих там убивают?

— Тсс! — шикнул Анахо. — Не так громко! Ты хочешь, чтобы на нас обратили внимание? В Сивише никто не говорит того, что думает. Здесь это нездорово.

— Еще одна отрицательная сторона этого запущенного города! — заявил Трез, но уже несколько потише.

— Подождите! — взволнованно попросил Анахо — Еще не все потеряно. Подумайте сами! Пока дирдиры будут обыскивать континенты, мы сидим здесь, в «Старом Имперском Дворе», в Сивише.

— Довольно сомнительное удовольствие, — констатировал Рейт. — Что еще тебе удалось выяснить?

— Правителя-бургомистра зовут Клодо Эрлиус. Как раз недавно он был назначен на эту должность. Я не знаю, сможем ли мы извлечь из этого какую-нибудь выгоду, но, как говорится в старой поговорке, новая метла по-новому метет. Я провел аккуратные расспросы. Но так как я числюсь Избранным, со мной говорили не особенно открыто. Тем не менее, в разговорах одно имя было упомянуто дважды: Аила Вудивер. Его официальное занятие — обеспечение транспортом и строительными материалами. Он известен, как гурман и любитель повеселиться, и его стремление к удовольствиям настолько велико, роскошно и непреодолимо, что поглощает огромные суммы. Эту информацию сообщили мне добровольно и с долей завистливого восхищения в голосе. Нелегальные же дела Вудивера прямо не назывались, а прозвучали лишь в намеках.

— Вудивер представляется мне довольно неприятной личностью, — высказался Рейт.

Анахо ехидно фыркнул:

— Ты требуешь, чтобы я нашел тебе кого-то с безупречной репутацией, но разбирающегося в противозаконных операциях и воровстве. Но если бы мне и удалось найти такого человека, ты все равно остался бы чем-нибудь недоволен.

Рейт улыбнулся:

— А другие имена не упоминались?

— Один человек осторожно намекал, что любое необычное действие обязательно должно привлечь внимание Вудивера. Создается впечатление, что это именно тот человек, который нам нужен. В определенном смысле его репутация успокаивает. Он поневоле имеет в своем распоряжении необходимую информацию.

В разговор включился Трез:

— А что, если этот Вудивер не согласится нам помочь или будет колебаться? Не будем ли мы тогда зависеть от его милости или немилости? И не сможет ли он тогда отнять у нас наши секвины?

Анахо сложил губы бантиком и пожал плечами.

— Такое дело никогда не может быть абсолютно надежным. По моему, Аила Вудивер должен оказаться именно тем, кто нам нужен. У него есть доступ к источникам, он владеет транспортом и по возможности может организовать подходящее помещение, в котором можно производить сборку корабля.

Рейт, еще колеблясь, сказал:

— Нам нужен самый опытный человек и, если мы его получим, то, думаю, нам не нужно будет вникать в его личные качества. С другой стороны... Ну, хорошо. Какой предлог мы сможем использовать?

— Ту же историю, которую ты рассказал покарам: нам нужен космический корабль, чтобы добыть сокровища. Она должна подействовать ничуть не хуже и не лучше, чем что-либо другое. В любом случае, Вудивер подвергнет сомнению все, что будет ему сообщено. Ему приходится считаться с неправдой, поэтому эта история ничем не хуже других.

Трез пробормотал:

— Осторожно! Приближаются дирдиры!

Их было трое, и они энергично шли вдоль улицы. На затылках их белых, как кость черепов, были надеты какие-то решетчатые конструкции из серебряной проволоки. Глянцевые антенны были выгнуты на обе стороны и свисали почти до плечей. Мягкие, светлые полоски кожи свисали с их рук почти до земли. Другие такие же полоски болтались спереди и сзади; на них вертикальными рядами были нанесены какие-то круглые красные и черные символы.

— Инспекторы, — пробормотал Анахо и огорченно опустил уголки рта. — Они появляются в Сивише только тогда, когда поступают жалобы.

— Они смогут определить в тебе дирдир-человека?

— Конечно. Но надеюсь, что они не узнают во мне беглеца Анке ат афрам Анахо.

Дирдиры прошли мимо. Рейт безучастно наблюдал за ними не-смотря на то, что под их взглядом по коже у него пробежали мурашки. Они не обратили на трех сидящих людей никакого внимания и прошли дальше; бледные кожаные полоски покачивались в такт их шагам.

С лица Анахо спало напряжение. Рейт тихо сказал:

— Чем скорее мы покинем Сивиш, тем лучше.

Анахо постучал пальцами по столу, затем, решительно ударив ладонью, сказал:

— Хорошо. Я позвоню Аиле Вудиверу и организую встречу.

Он вышел во двор и быстро вернулся.

— Через некоторое время за нами приедет машина, — сообщил он. К такой быстрой реакции Рейт совершенно не был готов.

— Что ты ему сказал? — спросил он недовольно.

— Что мы хотим поговорить с ним по делу.

— Хм, — Рейт откинулся на спинку стула. — Спешка — это так же плохо, как и промедление.

Анахо обессиленно поднял руки.

— Какие у тебя есть основания, чтобы откладывать дело в долгий ящик?

— В общем—то никаких. Просто Сивиш для меня чужой город, и у меня от него не очень хорошее впечатление. Поэтому меня это несколько волнует.

— Для волнения нет никакого повода. Когда ты поближе познакомишься с городом, Сивиш не будет так сильно тебя раздражать.

Рейт ничего не ответил. Через пятнадцать минут перед гостиницей остановился черный автомобиль, который раньше, видимо, был впечатляющим роскошным лимузином. Грубый, свирепый человек среднего возраста выглянул в окно. Он кивнул головой на Анахо:

— Вы ждете машину?

— К Вудиверу?

— Садитесь.

Они сели в машину, которая медленно поехала вниз по улице, затем свернула на юг и направилась в район с неопрятными жилыми домами — безвкусно и беспорядочно построенными сооружениями. Здесь не было даже двух дверей, хотя бы приблизительно похожих одна на другую; окна разнообразнейшей формы и величины были разбросаны по толстым стенам без всякой системы. Люди с бледными лицами стояли в нишах или выглядывали на улицу, все они оборачивались вслед проезжавшему мимо автомобилю.

— Рабочие,— объяснил Анахо со своим ироническим фырканьем.— Керанеры, танги, бедные островитяне. Они приходят сюда со своего Кослована, а также с территорий центрального континента.

Машина проехала через заросшую сорняками площадь на улицу, где стояли маленькие магазинчики с тяжелыми металлическими жалюзи. Анахо спросил водителя:

— Далеко ли еще до Вудивера?

— Не далеко,— ответил тот, почти не шевеля губами.

— А где он живет? На холмах за городом?

— На возвышенности Замия.

Рейт разглядывал его крючковатый нос и недовольные складки вокруг бескровного рта. Это лицо напоминало лицо палача.

Дорога пошла вверх и привела на невысокие холмы. Дома соответствовали запущенным садам. Машина остановилась в конце просеки. Водитель рукой сделал им знак выходить; он провел их вдоль затемненной дорожки, пахнувшей сыростью и затхлостью, по сводчатому коридору, через двор, затем вверх по плоской лестнице в помещение с горчично-желтыми стенами.

— Подождите здесь.

Он вошел в дверь из черного дерева, обитого железом. Через мгновение он снова появился перед ними и поманил пальцем:

— Идемте.

Друг за другом они вошли в большое, окрашенное в белый цвет помещение. Пол покрывал ярко-красный с каштановым ковер. Об-

становка состояла из стульев, обитых розовым, красным и желтым плюшем; тяжелого стола с резными украшениями по восковому дереву; кадила, из которого поднимались клубы дыма. За столом стоял желтокожий великан, одетый в одежду красного, черного и бежевого цветов. Лицо его было круглым, словно дыня. Пятнистый череп покрывали всего несколько волосин соломенного цвета. Это был во всех отношениях сильный человек, и им двигали — как показалось Рейту — высокопарность и циничность. Он промолвил:

— Меня зовут Аила Вудивер.— Свой голос он постоянно держал под контролем; сейчас он звучал мягко и певуче.— Я вижу дирдир-человека из Первых...

— Избранных,— поправил его Анахо.

— ...парня сырой, неизвестной расы, а также человека еще более сомнительного происхождения. Зачем же я понадобился такой разношерстной троице?

— Чтобы обсудить дело, которое, возможно, представляет двусторонний интерес,— ответил Рейт.

Нижняя часть лица Вудивера растянулась в улыбке.

— Продолжайте.

Глаза Рейта пробежались по помещению и вернулись обратно к Вудиверу.

— Я предлагаю продолжить наш разговор в каком-нибудь другом месте. Лучше всего, на свежем воздухе.

Тонкие, почти отсутствующие брови Вудивера удивленно поднялись.

— Я не понимаю. Не соизволите ли вы мне объяснить?

— Конечно, если мы с вами сможем поговорить в другом месте.

Вудивер раздраженно наморщил лоб, но пошел вперед. Все трое последовали за ним через сводчатый коридор, по пандусу на площадку, с которой открывался вид на запад до самого горизонта. Здесь Вудивер демонстративно громко спросил:

— Это место не вызывает у вас возражений?

— Лучше,— подтвердил Рейт.

— Вы приводите меня в замешательство,— заметил Вудивер и опустился в тяжелое кресло.— Каких неприятностей вы так опасаетесь?

Рейт со значением окинул взглядом панораму и посмотрел на пестрые островерхие башни и бледно-серый Стекланный Дом в далеком Хее.

— Вы известный и значительный человек. Возможно, ваши дела настолько интересуют определенных людей, что они прослушивают ваши разговоры.

Вудивер резко махнул рукой:

— Ваше дело кажется мне весьма конфиденциальным, а может быть, и вообще противозаконным.

— Вас это смущает?

Вудивер скривил губы:

— Лучше перейдем к делу

— Конечно. Заинтересованы ли вы стать богатым?

— Естественно, — ответил Вудивер. — Мне, конечно, хватает на мои скромные запросы. Но ведь каждый хочет иметь больше денег, чем у него есть.

— Если схематично, то ситуация выглядит следующим образом: нам известно, где и как можно получить довольно большие сокровища.

— Вы самые счастливые люди под солнцем.

— Но для этого необходимы определенные приготовления. Мы надеемся, что вы — человек, известный своими талантами, — сможете помочь нам в обмен на определенную часть добычи. Под этим я ни в коей мере не подразумеваю финансовую поддержку.

— Пока мне не станут известны подробности, я не могу ни согласиться, ни отказаться, — с сожалением сказал Вудивер, придав голосу располагающие интонации. — Вы можете говорить со мной без всяких вступлений. Мои тактичность и обязательность стали нарицательными.

— Сначала нам нужно получить четкое подтверждение вашей заинтересованности. Зачем же в противном случае нам зря тратить время.

Вудивер сверкнул глазами:

— Мой интерес велик настолько, насколько это возможно при столь малочисленных фактах.

— Ну, хорошо. Нашу проблему можно сформулировать следующим образом: нам необходимо достать небольшой космический корабль.

Вудивер неподвижно замер на своем месте; его глаза буравили глаза Рейта. Коротко взглянув на Треза и Анахо, он выдавил из себя короткий смешок.

— Вы слишком уж поверили в мои возможности! Ничего не скажешь, дерзкая удаля! Как же я могу достать космический корабль — большой или маленький? Либо вы сумасшедшие, либо считаете таковым меня!

В ответ на горячность Вудивера, Рейт улыбнулся, расценив такое поведение как тактику.

— Мы все внимательно обсудили, — успокоил его Рейт. — Даже бессмыслица при помощи такого человека, как вы, перестает быть невозможной.

Вудивер недовольно покачал большой, желтой, как лимон, головой.

— Значит, стоит мне просто ткнуть пальцем в сторону космопорта, и корабль по волшебству перенесется сюда? И вы это серьезно? Еще до заката солнца я окажусь в стеклянной клетке.

— А вы позаботьтесь о том, — посоветовал Рейт, — чтобы это не представляло большой опасности. Возможно, мы сможем получить списанный корабль, и нам удастся подготовить его снова к старту. А может, при помощи подкупленных лиц нам удастся получить отдельные части и смонтировать их на подходящем корпусе.

Вудивер пощипывал себя за подбородок.

— Думаю, что против такого предприятия у дирдиров могут возникнуть возражения.

— Я уже говорил, что тактичность и порядочность в этом деле не обязательны, — напомнил Рейт.

Вудивер надул щеки.

— А о каких деньгах может идти речь? Что это за сокровища? Где они находятся?

— Это уже детали, которые в данный момент серьезно вас не заинтересуют, — мягко ответил Рейт.

Вудивер желтым указательным пальцем постучал по подбородку.

— Значит, мы обсуждаем дело абстрактно. Сначала практическая сторона. Для этого могла бы понадобиться огромная сумма денег: деньги для подкупа, зарплата для техников, оплата подходящего помещения для сборки корабля и, конечно, деньги для оплаты отдельных частей и деталей, о которых вы упомянули. Откуда же возьмутся эти деньги? — Его голос приобрел презрительный оттенок. — Вы ведь не надеетесь, что Аила Вудивер будет все это финансировать?

— Финансирование не составит проблемы, — заявил Рейт. — Мы располагаем достаточным капиталом.

— Действительно? — Вудивер был удивлен. — Сколько же вы собираетесь истратить, если мне будет позволено спросить?

— От пятидесяти до ста тысяч секвинов.

Вудивер, явно повеселев, покачал головой.

— Ста тысяч вряд ли хватит. — Он посмотрел в направлении Хей. — Но я никогда не решился бы взяться за нелегальное или запрещенное предприятие.

— Конечно, нет.

— Я мог бы по-дружески и без принуждения посодействовать вам за, скажем, определенную сумму или, возможно, за твердый процент от всех сокровищ, а может, и просто за некоторую часть будущей добычи.

— Кое-что в этом совете совпадает и с нашими представлениями, — подтвердил Рейт. — Сколько, по вашим оценкам, может длиться выполнение такого проекта?

— Кто знает? Кто может предсказывать такое заранее? Месяц?

Два месяца? Нужно еще время и на получение информации, которой мы пока не располагаем. Нужно посоветоваться с умной личностью, работающей в космопорте.

— Умной, знающей свое дело и заслуживающей доверия, — дополнил Рейт.

— Это само собой разумеется. Я как раз знаю подходящего человека — кое-кого, кому я оказывал соответствующие услуги. Через день или два я его найду и постараюсь найти повод для разговора.

— А почему не сразу? — спросил Рейт. — Чем раньше, тем лучше.

Вудивер поднял руку:

— Спешка приводит к просчетам. Зайдите ко мне через два дня. Возможно, у меня будут для вас новости. Но сначала вопрос финансовый. Я не могу тратить свое время, не получив аванса. Мне нужен небольшой начальный взнос — скажем, пять тысяч секвинов — на карманные и непредвиденные расходы.

Рейт покачал головой:

— Я вам покажу пять тысяч. Но мы не можем позволить себе выложить сверх действительных расходов даже одного секвина.

Вудивер удивленно поднял глаза:

— А как же тогда оплата моей работы? Получается, что я должен стараться ради собственного удовольствия?

— Конечно же, нет. Если все пойдет нормально, то вы получите сумму, которая вас удовлетворит

— Гладно, пока что этого будет достаточно, — неожиданно весело заявил Вудивер. — Через два дня я пришлю к вам Артило. Ни с кем об этом не говорите! Необходимо все держать в строжайшей тайне!

— Мы это прекрасно понимаем. Значит, через два дня.

Глава 11

Сивиш был мрачным, серым и угрюмым городом, как будто непосредственное соседство Хея вызывало неприятные чувства и к нему. Престижные дома на холмах и на возвышенности Замия были довольно напыщенными, но, тем не менее, им не доставало стиля и изящества. Жители Сивиша выглядели не менее мрачными — хмурая безрадостная раса с серым цветом кожи и претензиями на превосходство. Во время еды они жадно расправлялись с большими мисками кислого молока, тарелками, полными вареных клубней какого-то растения, мяса и рыбы; последняя была сдобрена прогорклым черным соусом, от которого у Рейта скрутило живот, несмотря на настоятельные заверения Анахо в том, что у соуса этого существует множество разновидностей и он очень вкусен.

Для развлечения ежедневно проводились бега, в которых принимали участие не животные, а люди. На следующий день после посещения Вудивера все трое отправились на такие бега. В них участвовали восемь человек; они были одеты в разноцветную одежду и держали в руках шест с шаром из бьющегося материала на конце. Бегуны стремились не только обогнать противника, но и быстрым, резким движением в сторону сбить его с ног, чтобы его шар разбился и тот, таким образом, выбыл из соревнования. Около двадцати тысяч зрителей издавали во время забегов тихий гортанный вой. Среди публики Рейт обнаружил несколько дирдир-людей. Они болели так же активно, как и остальные, но оставались, тем не менее, среди себе подобных. Рейт удивился тому, что Анахо подвергал себя риску быть узнанным кем-нибудь из прежних знакомых. В ответ на это Анахо горько усмехнулся:

— В этом облачении я спокоен. В нем они меня никогда не заметят. Если бы я нарядился в одеяния дирдир-людей, меня сразу же узнали бы и сообщили сыщикам. Я уже видел десяток прежних знакомых. Никто из них не удостоил меня даже взглядом.

Они посетили и Большой Космопорт Сивиша. Прогуливаясь по его окраинам, они наблюдали за тем, что происходило на территории. Космические корабли были длинными, челнокообразными и имели сложную систему хвостовых рулей и боковых стабилизаторов — совершенно другие, чем громоздкие воздушные гондолы вонков или бомбообразные корабли синих кешей. Но так же, как и все остальные, эти корабли сильно отличались от земных космических кораблей.

Космопорт казался неподходящим местом для прогулок. Тем не менее, здесь царило сильное оживление. Два грузовых корабля находились в ремонте. Пассажирский корабль был, по всей видимости, лишь в состоянии сборки. В другом конце порта они обнаружили три корабля поменьше — вероятно, это были не участвующие в боевом дежурстве военные корабли. Пять или шесть космических кораблей находились на разных стадиях ремонта. В самом конце космопорта, на свалке, можно было увидеть большое количество корпусов. А на другом конце территории в больших черных кругах стояли три готовые к старту корабля.

— Они только иногда летают на Сибол, — объяснил Анахо. — Оживленного движения здесь нет. Очень давно, когда у власти стояли приверженцы экспансионизма, корабли шныряли по всему космосу. Сейчас же дирдиры ведут себя спокойно. Они с удовольствием прогнали бы с Чая вонков и уничтожили бы синих кешей, но, тем не менее, войск не выдвигают. Это в какой-то степени и пугает. Они — ужасная, подвижная раса и не могут долго оставаться в бездействии. Когда-нибудь они должны будут разрядиться.

— А что же с пнумами? — спросил Рейт.

— В отношении их твердых правил не существует.— Анахо показал на горы позади Хея.— Может быть, тебе в свой электронный телескоп удастся рассмотреть склады пнумов, где они хранят металл для торговли с дирдирами. Иногда в Сивише по той или иной причине появляются пнумеки. Большинство гор, а также территорию позади них пронизывают туннели. Пнумы наблюдают за каждым шагом дирдиров. Но из страха дирдирам они никогда не показываются. Дирдиры бы поубивали их, как тараканов. С другой же стороны, дирдиры, отправившиеся на охоту в одиночку, тоже часто не возвращаются. Говорят, что пнумы затаскивают их в свои туннели.

— Такое может происходить только на Чае,— вздохнул Рейт.— Расы ведут между собой торговлю, несмотря на то, что испытывают друг к другу отвращение, и при каждом удобном случае убивают один другого.

Анахо угрюмо засопел:

— Я не вижу в этом ничего особенного. Торговля служит обоюдным доходам; убийство же удовлетворяет обоюдное отвращение. И эти вещи никак не входят ни в какое противоречие.

— А как же с пнумеками? Обижают же их дирдиры или дирдир-люди?

— В Сивише нет. Здесь действует перемирие. В других местах их тоже уничтожают, несмотря на то, что они редко показываются. В конце концов, пнумек, которые являются, по-видимому, самыми странными и достойными внимания существами на Чае, существует относительно немного. Но нам нужно идти, пока воздушная полиция не обратила на нас внимания.

— Слишком поздно,— мрачно заявил Трез.— За нами уже наблюдают.

— Кто?

— Позади нас на улице стоят два человека. На одном из них надета коричневая куртка и черная шляпа, на другом — темно-красный плащ и чалма.

Анахо взглянул на улицу:

— Это не специальные агенты. Во всяком случае, они не из воздушной полиции.

Они свернули к грязному нагромождению бетона, образовывавшему центр Сивиша. Карина 4269 светила сквозь толстый слой тумана и дымки и бросала на землю холодный мрачный свет. Оба стоявших человека вышли из тени, и их беззвучная походка вызвала у Рейта панику.

— Кто это может быть? — пробормотал он.

— Я не знаю.— Анахо быстро посмотрел назад, но смог увидеть лишь силуэты двух человек.— Я полагаю, что это не дирдир-люди. Мы были в контакте с Аилой Вудивером; возможно, следят за ним.

Можно также предположить, что это люди Вудивера. А может, и банда разбойников. Не исключено, что за нами наблюдали уже тогда, когда мы прилетели на планере или несли секвины в банковский сейф. Это еще хуже! Не исключено, что наши приметы передали из Мауста. Ведь мы не заурядные типы.

Рейт свирепо заявил:

— Нам нужно во что бы то ни стало выяснить это. Обратите внимание на место, возле которого улица вплотную подходит к развалинам.

— Да.

Все трое зашли за развалины бетонных стен и колонн. Зайдя за угол, они прыгнули в сторону и стали ждать. Следом за ними, бесшумно прыгая, подбежали два человека. Когда они приблизились к контрфорсу, за которым стояли три друга, Рейт схватил одного, а Анахо и Трез схватили другого. Громко закричав, первый сумел вырваться. Тут же Рейт почувствовал горьковатый странный запах — как камфара или прокисшее молоко. И вдруг сквозь его тело прошел заряд электрического тока. У него вырвался хрип. Оба человека убежали.

— Я успел их увидеть, — тихо сказал Анахо. — Это были пнумеки, возможно даже гжиндры. Но на них была обувь. А пнумеки ходят босиком.

Рейт спросил:

— Что значит гжиндра?

— Изгнанные из подземелий пнумеки.

Они побрели по глухим улицам Сивиша в сторону гостиницы.

Анахо, поразмыслив, сказал:

— Могло бы быть и хуже.

— Но зачем пнумекам вдруг понадобилось нас преследовать?

Трез пробормотал:

— Они следовали за нами с тех пор, как мы покинули Сеттру. А возможно, и раньше.

— У пнумов совершенно странный ход мыслей, — угнетенно сказал Анахо. — Их действия редко поддаются логическому объяснению. Они — продукт Чая.

Глава 12

Рейт, Анахо и Трез сидели за столом около «Старого Императорского Двора», потягивая слабое, мягкое вино и наблюдая за пешеходами. «Музыка — это ключ к душе народа», — думал Рейт. Сегодня утром, проходя мимо таверны, он случайно услышал музыку Сивиша. Оркестр состоял из четырех инструментов. Один из них — бронзовый ящик, украшенный кеглями со свисающими лентами; когда по ним

проводили рукой, он звучал, как кларнет на самых низких тонах. Второй — вертикальная труба, диаметром тридцать сантиметров, с двенадцатью струнами, находившимися над двенадцатью дырочками — издавал громкие, отрывистые арпеджио. Третий представлял собой ряд из сорока двух барабанов и поддерживал сложный, приглушенный ритм. Четвертый — деревянная труба, которая бляла и гудела, порождая при этом необычайные, визгливые глиссанды.

Музыка, исполняемая этим оркестром, показалась Рейту чрезвычайно примитивной: повторение простой мелодии, которую играли с неспожными вариациями. Несколько человек танцевали; мужчины и женщины стояли друг против друга, их руки по бокам были прижаты к туловищу и они осторожно переступали с одной ноги на другую. «Безрадостно», — подумал Рейт. Тем не менее, пары разошлись в конце танца с выражением восторга на лицах и, когда музыка снова зазвучала, они опять приступили к своим упражнениям. По прошествии какого-то времени Рейт стал улавливать почти незаметные вариации. Так же, как и в случае с горьким черным соусом, сопровождавшим прием пищи, музыка эта требовала больших усилий для ее восприятия. Ее понимание и наслаждение ею для чужестранца было, видимо, недоступно. «Наверное, — думал Рейт, — эти еле слышные трели и растяжки являются основными составляющими виртуозности. Очевидно, жители Сивиша любили наигрыши и намеки, легкий глянец, почти незаметные отступления — реакция на соседство дирдиров».

Вторым показателем хода мыслей народа была религия. Дирдиры, как выяснил Рейт у Анахо, были атеистами. В отличие от них, дирдир-люди развили искусственную теологию. Она базировалась на сказке о происхождении, согласно которой человек и дирдир вылупились из одного и того же яйца-прародителя. Полулюди Сивиша посещали регулярно десяток различных молельных домов. Ритуалы проходили, насколько мог сделать вывод Рейт, по одной более или менее общей схеме: унижение вследствие просьб о пощаде или еще, довольно часто, предсказание результатов следующих бегов. Некоторые религии сделали свои учения более привлекательными и усложнили их; хвалебные песнопения состояли из метафизического жаргона, который был достаточно неясным и двусмысленным, чтобы самому по себе нравиться жителям Сивиша. Другие ответвления верований, служившие разным потребностям, максимально упростили весь этот процесс, так что верующим было достаточно сделать святой знак, положить в чашу священника секвины, получить его благословение и снова вернуться к своим делам.

Появление черного лимузина Вудивера прервало размышления Рейта. Язвительно глядя в сторону, Артило высунул из машины и повелительно махнул рукой, после чего замер за рулем, уставившись взглядом вдоль улицы.

Они сели в автомобиль, и тот потарахтел через Сивиш. Артило ехал на юго-восток, куда-то в направлении космопорта. Они выехали на окраину Сивиша, где на солончатой равнине вразброс стояли только несколько хижин и громоздилось несколько ветхих складов, заполненных песком, щебнем, кирпичами и мергелем. Автомобиль проехал через площадь и остановился перед небольшой конторой из кирпича, сделанного из вулканического камня.

В дверном проеме стоял Вудивер. Сегодня он был одет в широкую коричневую куртку, синие штаны и синюю шляпу. Его физиономия была вежливой, но бесстрастной, веки наполовину прикрывали глаза. В рассчитанном приветствии он поднял руку, после чего вошел в мрачную контору. Друзья вышли из машины и последовали за ним. Артило тоже зашел внутрь, налил себе из большого самовара чашку чая, удовлетворенно присвистнул и сел на стул в углу.

Вудивер показал на скамейку. Они заняли места. Вудивер походил по комнате, поднял лицо к потолку и сказал:

— Я порасспросил нескольких человек и опасаюсь, что ваша идея окажется для меня невыполнимой. Что касается помещения, то с этим нет никаких проблем — его вполне мог бы заменить мой южный склад, который находится как раз напротив, и я сдал бы вам его в аренду за соответствующую плату. Один из связанных со мной доверенных людей, работающий младшим надзирателем в космопорте, заявил, что необходимые детали вполне возможно приобрести... за определенную сумму. Без сомнения, можно было бы достать и списанный корпус — вам особые удобства не нужны. А за достаточную зарплату можно организовать команду компетентных техников.

Рейту показалось, что Вудивер на что-то намекает.

— Почему же тогда затея невыполнима?

С невинным видом Вудивер улыбнулся:

— Мой выигрыш ни в коей мере не сопоставим со связанным с этим риском.

Рейт хмуро кивнул и поднялся.

— Мне очень жаль, что мы заняли у вас так много времени. Большое спасибо за информацию.

— Не стоит благодарностей, — любезно ответил Вудивер. — Желаю вам больших успехов в вашем предприятии. Может быть, вам захочется, когда вы уже вернетесь с вашими сокровищами, построить прекрасный дворец. Быть может, тогда вы вспомните обо мне и захотите ко мне обратиться.

— Очень возможно, — сказал Рейт. — Это потом...

Казалось, что Вудивер не очень торопился их отпускать. Елейно улыбаясь, он опустился в кресло.

— Мой хороший товарищ торгует драгоценностями. Он смог бы быстро превратить ваши сокровища в наличные монеты, если речь

идет о драгоценностях, как я это понимаю. Нет? Значит, редкие металлы? Тоже нет? Ага! Ценные субстанции?

— Это может быть и одно, и другое, и третье,— ответил Рейт.— В этой фазе предприятия я считаю наилучшим не раскрывать карты.

Вудивер состроил причудливую болезненную гримасу.

— Именно такое замалчивание и заставляет меня колебаться! Если бы я точнее знал, чего я могу ожидать...

— Тот, кто мне помогает,— заявил Рейт,— или тот, кто за мной следует, всегда может рассчитывать на хорошие результаты.

Вудивер сжал губы:

— Значит, я должен принять участие в этой пиратской акции, чтобы получить часть от общей добычи?

— Прежде, чем мы отправимся, я заплачу приличную сумму. Если вы захотите нас сопровождать,— Рейт сделал паузу, бросив взгляд на потолок,— или если вы останетесь здесь и дождетесь нашего возвращения, вы получите больше.

— Больше — это сколько?

— Я предпочел бы этого не говорить. Вы бы приняли меня за безумца. Но я не сомневаюсь в том, что вы не будете разочарованы.

Артило издал в своем углу скептический возглас, который Вудивер пропустил мимо ушей. С чувством собственного достоинства он сказал:

— Как человек практичный я не могу оперировать предположениями. И я буду вынужден попросить об авансе в десять тысяч секвинов.— Он надул щеки и бросил взгляд на Рейта.— После получения этой суммы я сразу подключу все свои связи, чтобы приступить к осуществлению вашего проекта.

— Все это великолепно,— возразил Рейт.— Но позволим себе допустить, что вы негодяй, вымогатель и мошенник. В таком случае вы могли бы просто взять мои деньги, после чего объявить мой проект неосуществимым по той или иной причине. Я был бы лишен возможности потребовать залог обратно. Поэтому я могу платить только за работу, которая уже фактически выполнена.

По лицу Вудивера пробежала сердитая гримаса, но его голос был воплощением самой вежливости.

— Тогда заплатите мне деньги за аренду склада, который находится напротив. Это отличный план: склад не бросается в глаза и находится неподалеку от космопорта, с полным комфортом. Кроме того, у меня есть возможность достать списанный корпус, причем, официально, чтобы использовать его, как основу для сборки. Я требую от вас лишь обязательную арендную плату: десять тысяч секвинов в год с предварительной формой оплаты.

Рейт кивнул:

— Интересное предложение. Но так как помещение необходимо нам всего лишь на несколько месяцев, зачем доставлять вам такие неудобства? Мы сможем снять помещение где-нибудь подешевле и на более выгодных условиях.

Глаза Вудивера сузились, складки у рта дрожали.

— Давайте говорить начистоту. Наши интересы совпадают до тех пор, пока я могу с этого что-то заработать. Я не собираюсь работать за гроши. Так что, либо вы даете мне деньги на непредвиденные расходы, либо наше дело лопнет.

— Хорошо, — пошел на уступки Рейт — Мы используем ваш склад, причем я заплачу аренду в размере тысячи секвинов за три месяца. Но это произойдет в тот день, когда подходящий корпус будет стоять внутри помещения и бригада приступит к работе.

— Хм. Это может произойти уже завтра.

— Отлично!

— Мне нужны деньги, чтобы обеспечить и доставить корпус.

Рейт выложил требуемую сумму на стол. Вудивер оперся толстыми руками на крышку стола:

— Мало! Неудовлетворительно! Убого!

Рейт высокомерно сказал:

— По всей видимости, вы мне не доверяете. Это совершенно не располагает меня для того, чтобы доверять вам. Но вы рискуете лишь одним-двумя часами вашего времени, тогда как я выкладываю на бочку тысячи секвинов.

Вудивер обратился к Артило:

— Что бы ты сделал в такой ситуации?

— Я бы убрал руки из этого мерзкого дела.

Вудивер снова обернулся к Рейту и широко развел руками.

— Вы все слышали.

Рейт быстро пододвинул к себе лежащие на столе тысячу секвинов.

— Тогда, всего хорошего. Знакомство с вами доставило мне большое удовольствие.

Ни Вудивер, ни Артило даже не пошевелились.

Рейт, Анахо и Трез общественным транспортом вернулись в гостиницу.

На следующий день в «Старом Императорском Дворе» появился Артило.

— Аила Вудивер хочет вас видеть.

— Зачем?

— Он достал старый корпус, который уже стоит в помещении склада. Группа рабочих разбирает его и чистит. Он хочет получить деньги. Что же еще?

Глава 13

Корпус был в удовлетворительном состоянии и имел требуемые размеры. Состояние металла тоже было подходящим. Смотровые иллюминаторы показались слишком темными и покрытыми пятнами, но зато были хорошо укреплены и уплотнены.

Пока Рейт обследовал корпус, Вудивер стоял рядом и на его лице присутствовало выражение кроткого терпения. Создавалось впечатление, что он каждый день надевал новые экстравагантные одеяния; сегодня он красовался в черно-желтом костюме и черной шляпе с ярко-красным пучком перьев. Заколка, поддерживающая его плащ, состояла из серебряного и черного овала, разделенного вдоль оси на две половины. На одной стороне было стилизованное изображение головы дирдира, на другой — изображение человеческой головы. Вудивер заметил взгляд Рейта и кивнул с тяжелым вздохом:

— Вы никогда не увидели бы этого у меня, если бы мой отец не был Безупречным...

— Действительно? А мать?

Рот Вудивера задрожал.

— Дама с севера.

Из смотрового люка высунулся Артило и зловредно произнес:

— Шлюха из таверны из племени тангов с примесью крови болотных людей.

Вудивер вздохнул:

— В присутствии Артило романтический самообман невозможен. Могло так случиться, что здесь стоял бы дирдир-человек из Безупречных Аила Вудивер фиолетового ранга вместо Аилы Вудивера, торговца песком и щебнем, а также храброго поборника безнадежных вещей — не попади я по случайному стечению обстоятельств не в тот живот.

— Нелогично, — проворчал Анахо. — Честно говоря, даже невероятно. Ни один из тысяч Безупречных не посмеет нарушить традиционных предписаний.

После этих слов лицо Вудивера залилось необычной пурпурной краской. Удивительно быстро он отвернулся и растопырил толстые пальцы.

— Это кто осмеливается здесь рассуждать о логике и правдоподобности? Изменник Анке ат афрам Анахо! Кто носил Синее и Розовое, не подвергая себя унижениям и бедности? Кто исчез одновременно с Превосходительством Азарвимом иссит Дардо, которого с тех пор так никто и не видел? Гордый дирдир-человек этот Анке ат афрам!

— Я больше не рассматриваю себя, как дирдир-человека, — спо-

койно сказал Анахо.— У меня действительно нет никакой ностальгии по Синему и Розовому, никакой тоски по привилегиям моего класса.

— В таком случае воздержись, пожалуйста, по возможности, от комментариев о принудительном положении человека, для которого по несчастливому стечению обстоятельств остается недоступной его настоящая каста.

Хоть Анахо и кипел от злости, он счел разумным в этой ситуации промолчать. Было видно, что Аила Вудивер не сидел без дела, и Рейт задавал себе вопрос, насколько далеко простирались его исследования.

Постепенно Вудивер снова овладел собой. Рот его дрожал, щеки надувались и снова втягивались внутрь. Он ехидно произнес:

— Относительно оплачиваемых вещей. Что вы скажете по поводу этого корпуса?

— Подходящий, — похвалил Рейт. — Из утиля мы не рассчитывали взять ничего лучшего.

— Я придерживаюсь такого же мнения, — констатировал Вудивер. — Следующая фаза будет, конечно, несколько сложнее. Мой друг в космопорте ни в коем случае не желает приземлиться в Стекланном Доме, так же, как, впрочем, и я. Но соответствующее количество секвинов творит чудеса. Вот мы постепенно и подошли к теме денег. Мои расходы по корпусу составили восемьсот девяносто секвинов, что на мой взгляд, является приемлемой ценой. Стоимость транспортировки триста секвинов. Аренда за один месяц — тысяча секвинов. Общая сумма: две тысячи сто девяносто секвинов. Мои комиссионные представляются мне в размере десяти процентов или двести девятнадцать секвинов, что в результате составит две тысячи четыреста девять секвинов.

— Стоп, стоп! — воскликнул Рейт. — Не тысяча секвинов в месяц, а тысяча секвинов за три месяца — так звучало мое предложение.

— Это слишком мало.

— Пятьсот и ни геллера больше. Что же касается ваших комиссионных, то давайте мыслить здраво. Вы с выигрышем для себя организовали перевозку, а я еще плачу и за ваш склад слишком высокую аренду. Поэтому я не вижу причин платить за эти услуги дополнительные десять процентов.

— А почему нет? — удивленно спросил Вудивер. — Ведь все делается для вашего же удобства. Вам же лучше, что я могу взять эти заботы на себя. Я выполняю таким образом две функции: функцию посредника и функцию доставщика. Почему же нужно отказывать в оплате посреднику только из-за того, что он считает конкретного поставщика целесообразным, недорогим и старательным? Если бы доставку производил другой предприниматель, издержки были бы не меньшими, но я получил бы мои проценты без всяких проволочек.

Рейт не мог принять логики приведенных доводов, да и совершенно не пытался этого сделать. Он сказал:

— Я не стану платить за ветхий и старый сарай более пятисот секвинов, тем более, что в другой ситуации вы с удовольствием сдали бы его и за двести.

Вудивер поднял желтый палец:

— А вы примите во внимание риск! Мы прекрасно понимаем, что подстрекаем людей к краже ценного имущества! Поймите же в конце концов — я получаю деньги частью за выполненные услуги, частью как компенсацию за мой страх перед Стеклянным Домом.

— С вашей точки зрения, это объективное объяснение, — ответил Рейт. — Что же касается меня, то мне нужен крепкий космический корабль до того, как я расстанусь с деньгами. Когда корабль будет готов и заправлен топливом, а также снабжен продовольствием, вы сможете получить все оставшиеся секвины.

— Действительно! — Вудивер почесал подбородок. — Сколько же секвинов у вас имеется, чтобы я мог соответственно распоряжаться?

— Немногим больше ста тысяч.

— Мм. Я задаю себе вопрос, будет ли такая сумма вообще достаточной. О прибыли я вообще молчу.

— Правильно. Я хочу издержки, не связанные напрямую со сборкой, сократить до минимума.

Вудивер обратился к Артило:

— Ты только посмотри, как меня унижают. Все загибают прибыль, кроме Вудивера. Он как всегда расплачивается за свою щедрость.

Артило ответил ему лишь ехидным возгласом.

Рейт отсчитал на столе секвины.

— Пятьсот — колоссальная сумма аренды за этот сарай. Транспортировка: триста. Корпус: восемьдесят восемь. Получается общая сумма в тысячу восемьсот восемьдесят восемь.

На широком желтом лице Вудивера отразилась целая гамма чувств. Наконец он вымолвил:

— Я должен вам напомнить о том, что жадность, в конце концов, может обойтись слишком дорого.

— Если работы будут проводиться качественно, я не собираюсь быть скупым, — пообещал Рейт. — Вы получите больше секвинов, чем вы когда-либо мечтали получить. Но я еще раз повторяю, что намереваюсь платить только за результат. В ваших же интересах, чтобы в постройке корабля принимали участие лучшие специалисты. Если же денег не хватит, то мы все станем банкротами.

Вудивер не знал, что на это возразить. С тяжелым чувством он смотрел на блестящую кучу на столе, затем рассортировал пурпурные, ярко-красные и темно-зеленые и пересчитал их.

— Вы жесткий предприниматель.

— В конце концов, мы оба будем с этого что-то иметь.

Вудивер спрятал секвины в кошелек.

— Если это произойдет.

Он побарабанил пальцами по ляжке.

— Теперь, что касается составных частей. Что необходимо в первую очередь?

— Я не знаком с техникой дирдиров. Нам нужен совет технического эксперта. Такой человек должен был бы быть уже здесь.

Вудивер скосил на него глаза.

— Как же вы собираетесь без подготовки лететь?

— Я знаком с космическими кораблями вонков.

— Хм—м. Артило, приведи сюда Дейне Зарре из технического клуба.

Вудивер отправился в свой офис, оставив Рейта, Анахо и Треза в сарае одних.

Анахо рассматривал корпус.

— Старая лиса хорошо сделала свое дело. Это «Испра», серия, которую заменяют «Воющими Конкаксами». Нам необходимы детали от «Испры», чтобы упростить работу.

— А их можно достать?

— Наверняка. Мне кажется, что ты попал в самую болезненную точку этой желтокожей бестии. Его отец — Безупречный. Чтобы я так жил! Его мать — женщина с болот, в это я верю! По всей видимости, он приложил большие усилия, чтобы выведать наши секреты.

— Надеюсь, что ему удалось узнать не слишком много.

— Пока мы сможем платить, нам не о чем волноваться. У нас имеется пригодный корпус по умеренной цене, да и сама аренда не слишком высока. Но нам нужно быть настороже; обычным доходом он ни в коем случае не удовлетворится.

— Несомненно, он попытается обвести нас вокруг пальца, — подтвердил Рейт. — Но если у нас в конце концов будет пригодный для полета космический корабль, то меня это особенно не волнует.

Он обошел вокруг корпуса и с удовольствием погладил его рукой. Здесь стоял солидный базис для корабля, который мог доставить его домой! Рейт почувствовал прилив нежности к холодному металлу, несмотря на его непривычный дирдирский вид.

Трез и Анахо вышли на свежий воздух и сели под ленивым послеобеденным солнцем. Вскоре к ним присоединился и Рейт. Перед его глазами мысленно возникли земные ландшафты и то, что он снова, придя в себя увидел перед собой, неожиданно показалось ему чужим, словно все это он видел в первый раз. Разваливающийся серый город Сивиш, остроконечные башни Хея, Стекланный Дом, в котором отражался темный, бронзовый свет Карины 4269, нечетко обозначенные

в дымке предгорья — все это был Чай. Он бросил взгляд на Треза и Анахо — настоящих людей Чая.

Рейт сел на скамейку и спросил:

— А что находится в Стеклянном Доме?

Казалось, что Анахо удивился такой неосведомленности:

— Парк, напоминающий Символ. Молодые дирдиры учатся в нем охоте; другие ищут там возможность потренироваться и отдохнуть. Там есть и галереи для посетителей. Преступники служат добычей. Там имеются скалы, растительность Сиболо, утесы, пещеры. Иногда отдельным людям удается в течение нескольких дней не быть обнаруженными.

Рейт посмотрел вдаль на Стеклянный Дом.

— А сейчас дирдиры там тоже охотятся?

— Я думаю, да.

— А как обстоит в этом отношении дело с Безупречными?

— Иногда им тоже разрешают поохотиться.

— Они тоже пожирают свою добычу?

— Конечно.

Вдоль наезженной улицы ехал черный лимузин. Он прошуршал по маслянистому шлаку и затормозил перед канторой. В дверном проеме показался Вудивер — такой себе сказочный мешок в пышных желтых одеяниях. Когда Артило встал с водительского места, из лимузина вышел старый человек. Его лицо было худым, а тело казалось искалеченным или скрюченным. Шел он медленно, как будто каждое движение вызывало у него боль. Вудивер подошел и сказал ему несколько слов, после чего повел старика к сараю.

Вудивер представил его:

— Это Дейне Зарре и он будет руководить нашим проектом. Дейне Зарре, могу ли я познакомить вас с этим человеком неизвестного происхождения? Он называет себя Адамом Рейтом. Позади него вы видите отверженного дирдир-человека, некоего Анахо, и молодого человека, который кажется мне уроженцем степи Котан. Это люди, с которыми вам придется иметь дело. Я всего лишь рядовой сотрудник; согласовывайте свои действия только с Адамом Рейтом.

Дейне Зарре подошел ближе к Рейту. Глаза его были светло-серыми и казались, контрастируя с черными зрачками, светящимися.

— О каком проекте идет речь?

«Еще один человек, которому становится известной тайна, — думал Рейт. — Даже с Аилой Вудивером и Артило список уже был слишком длинным. Но делать нечего».

— В сарае стоит корпус космического корабля. Мы хотим привести его в рабочее состояние.

Дейне Зарре и глазом не моргнул. Он какое-то время внимательно

смотрел на Рейта, затем повернулся и поплелся в сарай. Вскоре он снова появился в дверях.

— Твое предприятие реализуемо. Все возможно. Но выполнимо ли? Этого я не знаю. — Он еще раз всмотрелся Рейту в лицо. — Это связано с опасностями.

— Вудивер не кажется особенно обеспокоенным. Из всех нас он наиболее восприимчив к опасности.

Дейне Зарре скользнул по Вудиверу отрешенным взглядом.

— Он еще и самый подвижный и находчивый. Что касается лично меня, то я не боюсь ничего. Если дирдиры до меня доберутся, то я убью их столько, сколько смогу.

— Давай, давай, — поддакнул Вудивер. — Дирдиры всего лишь такие, какие они есть; народ фантастической ловкости и мужества. Разве мы не произошли все из одного и того же яйца?

Дейне Зарре хмуро произнес:

— Кто занимается двигателями, приборами, составными частями?

— Космопорт, — сухо ответил Вудивер. — Кто же еще?

— Нам нужны техники; минимум шесть человек с абсолютной репутацией.

— Рискованное дело, — с сомнением произнес Вудивер. — Но при помощи взятки риск можно уменьшить до минимума. Если Рейт будет их хорошо оплачивать — подкуп деньгами; если Артило поможет им хорошим советом — подкуп пониманием; если я намекну им на последствия болтливости — подкуп страхом. Никогда не нужно забывать о том, что Сивиш — это город, полный тайн и секретов! Как это, впрочем, мы можем засвидетельствовать.

— Это правда, — согласился с ним Дейне Зарре. Его необычные глаза снова отыскивали Рейта. — Куда вы собираетесь лететь на вашем космическом корабле?

С насмешливыми и сердитыми нотками Вудивер объяснил:

— Он хочет добыть сказочное сокровище, которые мы с ним должны будем потом поделить.

Дейне Зарре улыбнулся:

— Я не требую никаких сокровищ. Дайте мне сто секвинов в неделю. Больше мне не нужно.

— Так мало? — спросил Вудивер. — Вы уменьшаете мои комиссионные.

Дейне Зарре не обратил на него никакого внимания

— Вы хотите, чтобы работы начались сейчас же? — осведомился он у Рейта.

— Чем раньше, тем лучше.

— Я составлю список деталей, необходимых в первую очередь. Затем он обратился к Вудиверу:

— Когда вы сможете их доставить?

— Как только Адам Рейт сможет выдать мне необходимые для этого деньги.

— Сделайте сегодня же заявку на доставку деталей,— приказал Рейт.— Завтра я принесу деньги.

— А как обстоит дело с гонораром для моего друга? — раздраженно спросил Вудивер.— Он что, должен работать задаром? А как с оплатой для охранников склада? Им тоже ничего не причитается?

— Сколько? — поинтересовался Рейт.

Вудивер заколебался, потом устало произнес:

— Давайте избежим утомительных споров. Я назову для начала минимальную сумму: две тысячи секвинов.

— Так много? Невероятно! Сколько же человек необходимо для этого подкупить

— Трех. Надсмотрщика и двух охранников.

Дейне Зарре вмешался в разговор:

— Дайте ему деньги. Я терпеть не могу торговли. Если вы хотите сэкономить, то платите меньше мне.

Рейт собирался продолжать спор, но лишь пожал плечами и принужденно засмеялся:

— Хорошо, две тысячи секвинов.

— Только имейте в виду,— предупредил Вудивер,— за товар вы должны будете внести сумму, согласно списку. Украсть что-либо на складе очень трудно.

Вечером у сарая разгрузились четыре электромобиля. Рейт, Трез, Анахо и Артило втащили деревянные ящики внутрь, тогда как Дейне Зарре отмечал их крестиками в своем списке. Около полуночи появился и Вудивер.

— Все в порядке?

Дейне Зарре ответил:

— Насколько я могу судить, основные детали доставлены.

— Хорошо,— Вудивер обратился к Рейту и протянул ему листок бумаги.— Счет. Обратите внимание, что все изготовлено в единственном экземпляре. Спор здесь бессмыслен.

Рейт взглянул на общую сумму и тихонько присвистнул:

— Восемьдесят две тысячи двести секвинов!

— А вы рассчитывали на меньшее? — с невозмутимым видом спросил Вудивер.— Мои комиссионные сюда еще не включены. А вместе с ними сумма составит девяносто тысяч секвинов.

Рейт спросил Дейне Зарре:

— Это уже все, что нам необходимо?

— Ни в коем случае.

— И сколько это будет длиться?

— Два-три месяца. Если отдельные детали имеют разные стыковочные фазы, то дольше.

— Сколько мне следует заплатить техникам?

— Двести секвинов в неделю. В отличие от меня, это мотивированные деньги.

Перед мысленным взором Рейта возник Карабас: черновато-коричневые холмы, серые валуны, заросли колючего кустарника, кошмарные костры по ночам. Он вспомнил о том, как они скрытно проникли в Зону, о ловушке для дирдиров в Пограничном Лесу, о том, как они мчались к Воротам Надежды. Девяносто тысяч значили почти половину всей их суммы... Если деньги слишком быстро подойдут к концу, если Вудивер станет еще более бессовестным, что тогда? Рейт попытался об этом не думать.

— Завтра я принесу деньги.

Вудивер с хмурым видом кивнул:

— Хорошо. В противном случае товары завтра вернутся обратно на склад.

Глава 14

Старая «Испра» в сарае начала снова возвращаться к жизни. Двигатели были вставлены в корпус, прикручены и приварены. Через шлюзовую камеру на корме были занесены внутрь генератор и преобразователь, затем продвинуты в переднюю часть и закреплены. «Испра» перестала быть только корпусом. Рейт, Анахо и Трез чистили провода, заземляли их, чистили, полировали, удаляли перепревшие детали облицовки и затхлые сиденья. Они чистили иллюминаторы, приводили в порядок вентиляционные системы и там, где это было нужно, заменяли на люках уплотнители.

Дейне Зарре вместе с ними не работал. Он появлялся в разных местах, и от его серых глаз не скрывалась ни одна мелочь. Артило часто сидел в сарае и наблюдал за всем в нем происходящим, насмешливо опустив уголки рта. Вудивер появлялся редко. Во время своих немногочисленных визитов он держался холодно и по-деловому; остатки его былой веселости бесследно исчезли.

В течение целого месяца Вудивер вообще не показывался. Артило как-то, будучи в хорошем настроении, сплюнул на пол и сказал:

— Желтое Лицо находится в своей загородной резиденции.

— Да? А что же он там делает?

Артило повернул голову и одарил Рейта кривой ухмылкой.

— Изображает из себя дирдир-человека. На это он и тратит свои

деньги: на заборы, упорядочение территории и охрану — старая, злая bestия.

Рейт замер и уставился на Артило:

— Ты хочешь этим сказать, что он устраивает охоту на людей?

— Конечно. Он и его компаньоны. Желтое Лицо владеет двухтысячной территорией. Эта территория по размерам почти такая же большая, как и Стекланный Дом. Стены, конечно, не такие надежные, но он их обезопасил электрической проволокой и капканами. Так что, не засните после предложенного им вина — проснетесь вы уже охотничьим трофеем.

Рейт не стал спрашивать, что случилось с жертвами. Это была информация, которая для него уже не имела значения.

Пролетела и следующая неделя, которая состояла на Чае из десяти дней. Наконец в угрюмом настроении появился Вудивер. Его верхняя губа торчала, словно черепица на крыше, и полностью закрывала рот. Его глаза с ненавистью стреляли вправо и влево. Он вплотную придвинулся к Рейту; его огромное тело закрывало половину всего пространства. Он протянул руку:

— Аренда! — Его голос звучал монотонно и холодно.

Рейт вынул из кармана пятьсот секвинов и положил их на стол. Ему не хотелось прикасаться к желтой руке.

В порыве раздражения Вудивер ударил Рейта тыльной стороной ладони так, что тот упал. Рейт удивленно поднялся. Кожа его зачесалась, что предвещало приступ бешенства. Краем глаза он заметил Артило. Рейт знал, что Артило с такой же спокойной душой расстреляет его, словно раздавит какое-нибудь насекомое. Неподалеку от него стоял Трез и внимательно за ним наблюдал. Значит, с той стороны опасности не исходило.

Вудивер смотрел на Рейта холодными, ничего не выражающими глазами. Рейт глубоко вздохнул и не дал своему гневу выплеснуться наружу. Если он ответит Вудиверу, то ничего от этого не выиграет, а только обострит его злобу. Тогда наверняка произойдет что-нибудь ужасное. Рейт медленно отвернулся.

— Принесите мне арендную плату! — пролаял Вудивер. — Вы считаете меня попрошайкой? Ваше высокомерие мне уже достаточно надоело. В будущем я требую обхождения, которое соответствует моей касте.

Рейт снова заколебался. Насколько проще было бы напасть на этого мерзкого Вудивера, невзирая на последствия! Но это значило бы полный провал плана. Рейт опять вздохнул, а про себя подумал: «Если я хочу вернуться на Землю, то надо нести этот крест».

В холодном и строгом молчании он передал секвины в руки Вудивера; тот лишь взглянул на него и вильнул задом.

— Этого недостаточно! Почему я должен субсидировать ваше

предприятие? Платите мне то, что причитается! Плата составляет тысячу секвинов в месяц!

— Вот вам оставшиеся пятьсот,— сказал Рейт.— Пожалуйста, больше не просите, так как больше вы не получите.

Вудивер издал пренебрежительный взглас, повернулся на каблучках и гордо удалился. Артило посмотрел ему вслед и плюнул в пыль. Затем бросил на Рейта испытующий взгляд.

Рейт зашел в сарай. Дейне Зарре, который видел всю эту сцену, ничего не сказал. Рейт постарался заглушить угнетенное состояние работой.

Через два дня Вудивер появился снова. На нем опять была пестро-напыщенная желто-черная мишура. Чувство ненависти, с которым он явился в прошлый раз, исчезло; вел он себя вкрадчиво и вежливо.

— Ну, как сейчас обстоят дела с вашим проектом?

Без всякого желания Рейт ответил:

— Особых проблем нет. Тяжелые детали уже доставлены и смонтированы. Приборы тоже смонтированы, но еще не настроены. Дейне Зарре готовит второй список: магнитная юстировочная система, сенсоры управления, регуляторы окружающей среды. Наверное, нам уже нужно позаботиться и о топливных батареях.

Вудивер сжал губы:

— Совершенно верно. Снова представляется печальная возможность расстаться с вашими неприглядно заработанными секвинами. Как вы смогли насобирать такую сумму, осмелюсь я спросить? Это же немалое состояние. Если вы обладаете таким богатством, меня удивляет, что вы все это ставите на кон такой бессмысленной затеи.

На лице Рейта появилась ледяная улыбка.

— Наверняка я снаряжаю экспедицию не для бессмысленной затеи.

— Вероятно. Когда Дейне Зарре подготовит список?

— Наверное, уже сейчас.

Дейне Зарре еще не закончил составления списка, но Вудивер подождал, пока список будет готов.

Затем он его просмотрел, откинув голову назад и полузакрыв глаза, и сказал:

— Я боюсь, что затраты превысят ваши сбережения.

— Я надеюсь, что нет,— сказал Рейт.— Во сколько вы их оцениваете?

— Я не могу сказать точно. Этого я не знаю. Но, учитывая арендную плату, зарплату рабочим и первые инвестиции, у вас не может оста-

ваться особенно много денег.— Он вопросительно посмотрел на Рейта.

Доверять Вудиверу Рейту хотелось меньше всего.

— Следовательно, очень важно максимально снизить издержки,— ответил он.

— Три основных позиции должны оплачиваться беспрекословно,— настаивал Вудивер.— Арендная плата, мои проценты и зарплата для моих рабочих. То, что остается сверх этого, вы можете расходовать по своему усмотрению. Я стою именно на такой позиции. А теперь будьте так добры и выдайте мне две тысячи секвинов для зарплат. Если же вы не сможете заплатить за материалы, то они лишь за стоимость перевозки будут доставлены обратно.

Рейт мрачно передал ему в руки две тысячи секвинов. Мысленно он подсчитал: из двухсот двадцати тысяч секвинов, привезенных ими из Карабаса, осталось приблизительно менее половины.

Ночью три электромобиля доставили товар в сарай.

Немногом позже электромобиль поменьше привез канистры с топливом. Трез и Анахо принялись их разгружать, но Рейт попросил их остановиться.

— Минутку.

Он пошел в сарай, где Дейне Зарре крестиками отмечал позиции в своем списке.

— Вы заказывали топливо?

— Да.

Дейне Зарре выглядел расстроенным, и это бросилось в глаза Рейту. Казалось, что мысли его витают где-то далеко.

— На сколько хватает канистры топлива?

— На каждую батарею необходимо по две. Этого хватает примерно на два месяца.

— Было привезено восемь канистр.

— Я заказывал четыре и две в резерв.

Рейт вернулся к машине:

— Выгружайте четыре,— велел он Трезу и Анахо.

Водитель сидел в машине и оставался в тени. Рейт наклонился и заглянул внутрь, чтобы с ним поговорить. К своему удивлению, он обнаружил там Артило, который, судя по всему, не рассчитывал быть узанным. Рейт сказал:

— Ты привез восемь канистр топлива. Но мы заказывали только четыре.

— Желтое Лицо распорядилось привезти восемь.

— Но нам нужно только четыре. Остальные четыре заберите обратно.

— Я не могу этого сделать. Говорите с Желтым Лицом.

— Мне нужны только четыре канистры. Больше я не возьму. С остальными же поступай, как хочешь.

Артило свистнул сквозь зубы, выпрыгнул из машины, выгрузил все четыре дополнительные канистры и отнес прямо к сараю. Затем он снова сел за руль и уехал.

Три товарища смотрели ему вслед. Анахо бесстрастно сказал:

— Могут возникнуть трудности.

— Возможно, — согласился с ним Рейт.

— Горючее, без сомнения, принадлежит Вудиверу, — заявил Анахо. Может быть, он его украл, может быть, купил за смехотворно низкую цену. И сейчас возникла отличная возможность с выгодой их пристроить.

Трез буркнул:

— Нужно будет заставить Вудивера утащить канистры отсюда на собственном горбу.

Рейт неприятно засмеялся:

— Если бы я только знал, как его заставить это сделать.

— Он боится за свою жизнь, как, впрочем, и все остальные.

— Это правда. Но мы не можем позволить себе подставить самим себе ножку.

На следующее утро Вудивер не появился и поэтому не услышал выводов, стоивших Рейту большей части ночи. Рейт заставил себя переключиться на работу, но мысли его кружились вокруг Вудивера.

Дейне Зарре тоже не было на месте, и техники более открыто шептались друг с другом, чего они не могли позволить себе в присутствии Дейне Зарре. Вскоре Рейт тоже бросил работу и пристально осмотрел воплощение проекта. Повод для оптимизма, как ему казалось, был. Основные узлы были уже установлены, сложная и точная настройка продвигалась быстрыми темпами и с хорошими результатами. В этой работе он был беспомощен, поскольку был знаком только с земными системами космических кораблей. И он совсем не был уверен, что двигательные системы работали здесь по такому же принципу.

Около полудня на город, словно морской прибой, накатилась черная стена туч. Карина 4269 стала блеклой, засветилась темно-коричневыми оттенками и исчезла. Вскоре стена дождя обрушилась на залитую призрачным светом землю и скрыла от глаз панораму Хейя. Тут под дождем появился Дейне Зарре в сопровождении двух худых детей: мальчика лет двенадцати и девочки, которая была года на три-четыре старше. Они втроем добрались до сарая и, дрожа, остановились. Дейне Зарре выглядел изнуренным, дети совершенно окоченели.

Рейт разломал несколько деревянных ящиков и разложил посередине сарая костер. Затем он нашел большой кусок грубого сукна и разорвал его на несколько частей.

— Вытритесь. Снимите свои куртки и согрейтесь,— сказал он.

Дейне Зарре недоуменно на него взглянул, но куртку медленно снял. Дети последовали его примеру. Было видно, что это брат и сестра, по всей вероятности, внуки Дейне Зарре. У мальчика были голубые, а у девочки прекрасные, мягко-серые глаза.

Рейт принес горячего чая, и Дейно Зарре прервал наконец молчание.

— Дети находятся под моей опекой. Они останутся со мной. Если они вам мешают, мне придется уволиться.

— Конечно нет,— заверил его Рейт.— Они могут оставаться здесь сколько угодно, но им нужно знать, что это дело нужно обязательно сохранять в секрете.

— Они ничего не выдадут.— Дейне Зарре внимательно посмотрел на детей.— Вы поняли? Все, что вы здесь видите, никогда и никому нельзя рассказывать.

У них не было абсолютно никакого желания поддерживать беседу. Рейт еще немного задержался; он чувствовал горе и нужду. Дети внимательно на него смотрели.

— К сожалению, я не могу предложить вам сухой одежды,— извиняющимся тоном сказал Рейт.— Но вы, может быть, голодны? У нас здесь есть продукты.

Мальчик с достоинством покачал головой, а девочка улыбнулась и стала еще более очаровательной.

— Мы сегодня не завтракали.

Трез, стоявший рядом, помчался в продуктовую кладовую и вскоре вернулся с тминным супом и хлебом. Рейт серьезно посмотрел на него. Казалось, что в Трезе пробудилось чувство. Девочка была очень привлекательной, хотя и выглядела несколько болезненной и несчастной.

Наконец Дейне Зарре зашевелился. Он натянул на себя одежду, от которой шел пар, и пошел посмотреть, что было сделано за время его отсутствия.

Рейт попробовал поговорить с детьми.

— Вы высохли?

— Да, спасибо.

— Дейне Зарре ваш дедушка?

— Наш дядя.

— Понятно. А вы теперь у него живете?

— Да.

Рейт не знал, что бы еще у них спросить. Трез оказался более прямолинейным.

— А что случилось с вашими родителями?

— Они были убиты в Фаиресе,— тихо ответила девочка. Мальчик полуприкрыл глаза.

Анахо сказал:

— Вы, наверное, из Восточной Поднебесной Возвышенности?

— Да.

— А как же вы сюда добрались?

— Пешком.

— Но ведь это длинный и опасный путь.

— Нам повезло.

Оба ребенка стали смотреть в огонь. При воспоминаниях о побеге девочка съежилась.

Рейт отошел и отыскал Дейне Зарре.

— У вас теперь новые обязанности.

Дейне Зарре бросил на Рейта быстрый взгляд:

— Правильно.

— Вы получаете здесь меньше денег, чем зарабатываете. Я увеличу ваше жалованье.

Дейне Зарре отрывисто кивнул:

— Я смогу с пользой потратить эти деньги.

Рейт снова прошел через сарай и увидел Вудивера, который стоял у входа — большой круглый силуэт. Он был испуган и имел неуверенный вид. Сегодня на нем снова были другие одеяния: черные плюшевые штаны до колен, плотно облегающие его массивные ноги, пурпурно-коричневый плащ со светло-желтой перевязью. Он пошел вперед и уставился на мальчика и девочку, переводя взгляд с одного на другого.

— Кто разжег здесь костер? Что вы здесь делаете?

Девочка пролепетала:

— Мы промокли... Господин посадил нас погреться у костра.

— Ага! И кто же этот господин?

Подожел Рейт.

— Господин этот — я. Это родственники Дейне Зарре. Я разжег костер, чтобы они могли обсохнуть.

— А что же с моей собственностью? Одна единственная искра — и все запылает.

— Мне кажется, что при таком дожде риска практически нет.

Вудивер сделал резкий жест рукой.

— Я принимаю ваши заверения. Как продвигаются дела?

— Довольно успешно, — ответил Рейт.

Вудивер засунул руку в рукав и вытащил оттуда листок бумаги.

— Здесь у меня счет за поставки вчерашней ночи. Общая сумма, как вы уже заметили, весьма невелика, так как мне скинули в общей цене.

Рейт развернул бумагу. Черные широкие буквы и цифры обозначали: доставленные товары — сто шесть тысяч восемьсот секвинов.

В это время Вудивер говорил:

— ... кажется, что нам действительно повезло. Я надеюсь, что так оно и есть. Только вчера дирдиры поймали двух воров, выходивших из склада; их сразу же отправили в Стекланный Дом. Так что, как вы понимаете, наша теперешняя безопасность весьма непрочная.

— Вудивер, — начал Рейт. — Этот счет слишком велик. Чрезвычайно велик. Кроме того, я не намерен платить за лишние канистры.

— Как я уже сказал, — защищался Вудивер, — это самые минимальные расценки. Дополнительные канистры не включались отдельной стоимостью. В определенном смысле, вы получили их в подарок.

— Это неправда, и я не намерен платить в пять раз больше соответствующей цены. Откровенно говоря, у меня недостаточно денег.

— Значит, вам необходимо достать больше, — ласково сказал Вудивер.

Рейт фыркнул:

— И вы это так просто говорите?

— Для некоторых людей это не составляет большого труда, — беззаботно ответил Вудивер. — По городу ходит довольно интересный слух. Поговаривают, что какие-то три человека пробрались в Карабас, поубивали там удивительное количество дирдиров, а в придачу еще и ограбили трупы. Описание людей гласит: молодой человек, светловолосый, как обитатели Котана; отвергнутый дирдир-человек; а также спокойный, темноволосый человек неизвестного происхождения. Дирдиры спят и видят, как бы рассчитаться с этими тремя. Другой слух тоже связан с этой тройкой. Судя по слуху, темноволосый происходит с очень удаленной планеты и утверждает, что все люди тоже произошли оттуда. По-моему, это богохульство. А что вы думаете по этому поводу?

— Интересно, — пробормотал Рейт, пытаясь скрыть свою растерянность.

Вудивер позволил себе улыбнуться.

— Мы в довольно затруднительном положении. Я и сам в серьезной опасности. Должен ли я все это приостановить? Конечно, я помогаю вам из чувства товарищества и любви к ближнему. Но, тем не менее, я должен получить за это и какое-то вознаграждение.

— Так много я заплатить не могу, — настаивал Рейт. — Вам приблизительно известен размер моего капитала. Теперь же вы пытаетесь выкачать из меня больше.

— А почему бы и нет? — Вудивер не мог скрыть своей торжествующей ухмылки. — Предположим, что приведенные мной слухи основываются на правде. Предположим, что по невозможному стечению обстоятельств вы и ваши подручные оказались бы искомыми лицами. Разве в таком случае вы меня бессовестно не обманули?

— Если даже предположить, что все это правда — ни в коем случае.

— А что же с несказанным сокровищем?

— Оно существует. Помогите мне, насколько это возможно. Через месяц мы сможем покинуть Чай. Еще через месяц вы получите вознаграждение, которое затмит все ваши мечтания.

— Где? Как? — Вудивер придвинулся ближе. Он возвышался над Рейтом и голос его звучал во всю мощь легких — Позвольте мне спросить прямо: это вы распространили теорию, что древняя родина людей — это какая-то далекая планета? Или, еще точнее: вы сами верите в эту ужасную сказку?

Рейт, настроение которого еще больше упало, попытался выскользнуть из ловушки:

— Мы говорим о посторонних вещах. Наша договоренность была ясной. Слухи, о которых вы упомянули, не имеют никакого значения.

Вудивер медленно и задумчиво покачал головой.

— Когда космический корабль стартует, — сказал Рейт, — вы получите все секвины, принадлежащие мне, до последнего. Чего-либо большего я предложить вам не могу. Если же вы будете ставить неприемлемые требования... — Он постарался подыскать убедительную угрозу.

Вудивер вытянул свое широкое лицо и хихикнул:

— Что же вы сможете сделать? У вас связаны руки. Одного моего слова достаточно, чтобы вас тут же отправили в Стекланный Дом. И какие у вас остаются альтернативы? Никаких. Вы вынуждены делать то, что буду требовать я.

Рейт окинул взглядом помещение. У входа стоял Артило и затапливал в ноздри серый, как зола, нюхательный табак. На его поясе висело огнестрельное оружие.

Дейне Зарре подошел ближе. Не обращая внимания на Вудивера, он обратился к Рейту:

— Канистры с топливом не соответствуют моему заказу. Их величина не соответствует стандарту. К тому же, кажется, что их уже длительное время использовали. Их необходимо заменить.

Глаза Вудивера сузились, рот его задрожал.

— Что? Это отличные канистры!

Дейне Зарре ответил бесстрастно, но очень определенно:

— Для наших целей они не подходят.

Он ушел. Мальчик и девочка ревниво смотрели ему вслед. Вудивер повернулся и, как показалось Рейту, с особым вниманием посмотрел на них.

Рейт ждал. Вудивер снова повернулся к нему. Какое-то время он смотрел на него сквозь прищуренные глаза.

— Ну, хорошо, — произнес он наконец. — Возможно, привезут другие канистры. Как вы собираетесь за них платить?

— Обычным способом. Заберите эти восемь бракованных канистр обратно. Привезите четыре новые канистры и представьте мне расписанный по позициям счет, который я — пока еще — могу оплатить. Пожалуйста, не забудьте, что мне еще необходимо платить людям зарплату.

Вудивер размышлял. Дейне Зарре прошел через сарай и заговорил с детьми. Это Вудивера отвлекло, и он направился к стоявшей перед ним группе. Совершенно расстроенный, Рейт подошел к столу, налил себе чая и выпил, держа чашку в дрожащих руках.

Неожиданно Вудивер стал настолько приветливым, что даже погладил мальчика по голове. Артило вышел из сарая, где порывы ветра гнали по лужам небольшие волны.

Одной рукой Вудивер подал знак Рейту, другой — Дейне Зарре. Оба подошли к нему. Вудивер меланхолично вздохнул.

— Вы оба хотите меня разорить. Вы требуете самого высшего качества, но, тем не менее, не спешите его оплачивать. Ну, что же. Пусть будет так. Артило сейчас увезет канистры, которые вам не понравились. Вы, Зарре, сейчас поедете с нами и поищите батареи, которые соответствуют вашим запросам.

— Прямо сейчас? Но мне нужно присматривать за обоими детьми.

— Прямо сейчас. Сегодня вечером я поеду в мою маленькую загородную резиденцию и останусь там на некоторое время. Ведь абсолютно ясно, что мою помощь здесь явно недооценивают.

Только из вежливости Дейне Зарре его успокоил. Он поговорил с мальчиком и девочкой, после чего вышел вместе с Вудивером из сарая.

Прошло два часа. Солнце пробилось сквозь тучи, и Хей осветился одним единственным лучом, так что ярко-красные и пурпурные остроконечные башни поднялись, сверкая на фоне черного неба. Внизу на улице появился черный лимузин Вудивера. Перед сараем он остановился. Из машины вышел Артило и ворвался в сарай. Рейт наблюдал за ним и удивлялся его целеустремленности. Артило приблизился к брату и сестре и посмотрел на них сверху вниз. Они тоже смотрели на него широко раскрытыми глазами. Артило сказал им несколько слов. Рейт видел, как у него под челюстью дрожали мышцы, когда он говорил. Дети с сомнением посмотрели в сторону Рейта, затем нерешительно двинулись в сторону двери. Трез тихо и тревожно сказал Рейту:

— Здесь что-то не так. Что ему от них нужно?

Рейт подошел к группе и спросил:

— Куда ты их хочешь забрать?

— Это вас не касается.

Рейт обратился к детям:

— Не ходите с этим человеком. Подождите, пока вернется ваш дядя.

Девочка ответила:

— Он говорит, что отвезет нас к нашему дяде.

— Ему нельзя верить. Здесь что-то не то.

Артило повернулся и посмотрел на Рейта. Он выглядел настолько угрожающе, словно распрямившаяся змея. Он тихо сказал:

— Я выполняю приказы. Исчезни.

— Кто отдал тебе приказ? Вудивер?

— Вас это совершенно не касается.

Он подошел к детям.

— Пошли.

Его рука скользнула под старую серую куртку, и он не выпускал Рейта из поля зрения.

Девочка сказала:

— Мы с вами не пойдем.

— Вы должны. Или я тебя понесу.

— Если ты до нее дотронешься, я тебя убью, — решительно заявил Рейт.

Артило уставился на него холодным взглядом. Рейт замер и напряг мышцы. Артило вытащил руку. Рейт увидел темный контур оружия. Он прыгнул вперед и ударил по холодной, твердой руке. Артило этого ожидал. Из другого рукава выскочило длинное лезвие, которое он так молниеносно всадил Рейту в бок, что тот в прыжке почувствовал лишь укол. Артило отпрянул, все еще держа в руке нож, так как огнестрельное оружие он выпустил. Рейт, опьяненный гневом и неожиданным ослаблением напряжения, двинулся вперед, не сводя глаз с совершенно спокойного Артило. Рейт сделал обманное движение. Артило не дрогнул. Рейт ударил его левой рукой. Артило удалось отбить удар. Рейт сумел захватить его руку, повернулся на каблуках, согнулся, поднял его и швырнул через все помещение к стене, где тот и остался лежать, скорчившись.

Рейт подтащил его к двери и выбросил в грязную лужу.

Артило с трудом поднялся и, шатаясь, побрел к черному автомобилю. Бесстрастно и осознанно — ни разу не взглянув на сарай — он счистил грязь со своей одежды, сел в машину и уехал.

Анахо укоризненно сказал:

— Тебе следовало его убить. Теперь же будет еще хуже, чем прежде.

Рейт не знал, что на это ответить. Он заметил кровь, которая сочилась из его бедра. Когда он поднял рубашку, то обнаружил тонкую длинную резаную рану. Трез и Анахо помогли ему наложить повязку. Девочка опасливо подошла и попыталась помочь. Она оказалась

ловкой и старательной. Анахо обработал рану. Трез вместе с девочкой закончили лечение.

— Спасибо, — сказал Рейт.

Девочка посмотрела на него, и на ее лице отразилась целая гамма чувств. Но она не смогла пересилить свою застенчивость и что-нибудь сказать.

День подходил к концу. Дети стояли возле двери и смотрели на улицу. Техники разошлись. В сарае стало тихо.

Черный лимузин вернулся обратно. Дейне Зарре на негнущихся ногах вышел в сопровождении Вудивера. Артило подошел к багажнику, вынул оттуда четыре батареи и, с трудом переставляя ноги, занес их в сарай. Насколько Рейт мог судить, он был такой же, как всегда: упрямый, невозмутимый, молчаливый.

Вудивер только один раз бросил взгляд на девочку и мальчика, которые испуганно отодвинулись в тень. Затем он подошел к Рейту:

— Канистры с горючим уже здесь. Они стоят очень дорого. Вот мой счет за аренду в следующем месяце и зарплату Артило.

— Зарплата Артило? — спросил Рейт. — Вы, наверное, шутите?

— Общая сумма ограничивается, как вы видите, ста тысячами секвинов. По этой сумме не может быть никакой торговли. Вы должны сразу же заплатить или я вышвырну вас отсюда.

И Вудивер растянул губы в холодной ухмылке.

Глаза Рейта затуманились от ненависти:

— Я не могу собрать такую сумму.

— Тогда вам придется уйти. Кроме того, я буду вынужден — так как вы уже не мои клиенты — заявить дирдирам о ваших действиях.

Рейт кивнул:

— Сто тысяч секвинов. А потом, сколько еще?

— То, что я плачу за вас.

— Без вымогательства?

Вудивер выпрямился:

— Эти слова необдуманны и грубы. Я предупреждаю вас, Адам Рейт! Я жду от вас такой же вежливости, которую я проявляю по отношению к вам.

Рейт нашел в себе силы изобразить печальную улыбку.

— Вы получите ваши деньги через пять или шесть дней. Сейчас их у меня нет.

Вудидвер скептически склонил голову:

— А где же вы собираетесь их раздобыть?

— Деньги ждут меня в Коаде.

Вудивер фыркнул, повернулся и зашагал к своему автомобилю. Артило вразвалку последовал за ним, и они уехали.

Трез и Анахо смотрели вслед удаляющемуся автомобилю.

Трез с удивлением осведомился:

— Где ты хочешь раздобыть сто тысяч секвинов?

— Такую сумму мы спрятали в Карабасе, — сказал Рейт. — Единственная проблема — это обратный путь. Но я надеюсь, что это, в конце концов, не превратится в такую уж неразрешимую задачу.

Длинная белая челюсть Анахо отвисла:

— Я всегда подозревал тебя в ненормальном оптимизме...

Рейт поднял руку.

— Послушайте меня. Я полечу на север по тому же маршруту, по которому летают дирдиры. Они не смогут ничего обнаружить, даже если в действие будет запущен радар, в чем я, честно говоря, сомневаюсь. После того, как стемнеет, я приземлюсь восточнее леса. Утром я выкопаю секвины, принесу их к планеру и, когда опять опустятся сумерки, снова вылечу в Сивиш, как будто группа дирдиров возвращается с охоты.

Анахо пренебрежительно проворчал:

— Ты так просто об этом говоришь.

— Если все будет хорошо, то так оно, возможно, и случится.

Рейт ревниво посмотрел назад в сарай на недостроенный космический корабль.

— Собственно, я прямо сейчас мог бы и отправиться.

— Я поеду с тобой, — предложил Трез. — Тебе понадобится помощь.

Анахо угрюмо сказал:

— Я, пожалуй, тоже полечу с тобой.

Рейт покачал головой:

— Один может справиться с этой задачей точно так же, как и трое. Вы вдвоем останетесь здесь и позаботитесь о том, чтобы строительство корабля продвигалось дальше.

— А если ты не вернешься?

— В банке находятся еще шестьдесят или семьдесят тысяч секвинов. Возьмите деньги и скройтесь из Сивиша. Но я, наверное, вернусь назад. В этом я не сомневаюсь. Я не верю, чтобы мы так надрылись и столько выдержали только ради того, чтобы потерпеть неудачу.

— Наверное, не очень убедительный аргумент, — сухо заметил Анахо. — Я не особенно рассчитываю увидеть тебя снова.

— Глупости, — сказал Рейт. — В общем, я отправляюсь. Чем раньше я улечу, тем скорее вернусь обратно.

Глава 15

Планер беззвучно летел сквозь ночь над старым Чаем, над территориями, призрачно проступающими в синем блеске луны. Рейт выглядел человеком, которому снится странный сон. Он думал об этапах своей жизни — о детстве, учебе, о межзвездных путешествиях и, наконец, о своей работе на борту «Эксплоратора IV». Затем Чай: принесший несчастье взрыв, его пребывание среди эмблемных кочевников, путешествие через степь Эмен и Метрвую Степь в Перу, разграбление Дадиха, ставшая вследствие этого возможной поездка в Кат и его приключения в Ао Хидисе, затем их набег в Карабас, убийство дирдиров, строительство космического корабля в Сивише. И Вудивер! На Чае были утрированы как добродетели, так и пороки. Рейт встретил здесь множество плохих людей, среди которых Вудивер занимал первое место.

Ночь шла своим чередом. Леса центрального Коспована уступили место голым горам и спокойной пустыне. Куда ни посмотри — ни проблеска света, ни костра, ни признака человеческой жизни. Рейт прибег к помощи монитора и поставил планер на автопилот. Карабас лежал на расстоянии еще часа полета. Голубая луна стояла уже довольно низко на небе. Когда она зайдет, до самых утренних сумерек будет непроглядная тьма.

Час прошел. Брез закатился за горизонт. На востоке замерцали темно-коричневые проблески света, предвещая скорое наступление рассвета. Рейту, внимание которого раздваивалось между монитором и проплывающим внизу ландшафтом, показалось, что он наконец заметил очертания Хусза. Он сразу же направил планер резко вниз, повернул на восток и подлетел с тыльной стороны к Пограничному Лесу. Когда Карина 4269 первыми холодными серебристо-коричневыми лучами осветила горизонт, Рейт приземлился прямо под большими зарослями табачных кустов на окраине леса.

Какое-то время он выжидал и прислушивался. Карина 4269 поднялась в небо, и струящийся наискось свет попал прямо на планер. Рейт насобирав опавших ветвей и сучьев, положил их на планер и кое-как замаскировал его.

Теперь было самое время уходить в лес. Рейт захватил мешок и лопату и засунул за пояс оружие. После этого он вошел в лес, так как ждать дольше становилось опасно.

Тропа была ему знакома. Рейт узнавал каждый толстый ствол, каждый куст, каждую травинку. Когда он пробирался между деревьев, в нос ему ударил ужасный тошнотворный запах. Этого следовало ожидать. Он остановился. Голоса? Он прыгнул в сторону от тропы и прислушался.

Действительно, голоса. Поколебавшись, Рейт стал пробираться сквозь густую листву дальше.

Прямо перед ним показалась яма-ловушка. С максимальной осторожностью Рейт подкрался поближе. Он полз на руках и коленях, наконец, на локтях. Его глазам открылось невиданное зрелище. Возле большого табачного куста стояли пятеро дирдиров с охотничьими регалиями. Десяток людей с серыми лицами торчали в яме и копали лопатами и ведрами; это была яма — только значительно увеличенная — в которой Рейт, Трез и Анахо зарыли трупы дирдиров. Гниющие останки распространяли мерзкий запах. Рейт сделал большие глаза. Один из этих людей был Рейту знаком — Исаам Танг. Рядом с ним копал землю содержатель конюшни, а еще ближе — мажордом из «Алавана». Остальных Рейт с уверенностью узнать не мог, но все они были в какой-то степени ему знакомы и он предположил, что все это были люди, с которыми он вступал в контакт в Маусте.

Рейт повернулся и внимательно посмотрел на пятерых дирдиров. Они неподвижно стояли на месте, их блестящие антенны были загнуты назад. Даже если они что-то и чувствовали или испытывали отвращение, по ним этого определить было нельзя.

Рейт не стал тратить время на логические размышления, планы или расчеты. Он вытащил оружие, прицелился и выстрелил. Раз, второй, третий. Дирдиры мертвыми падали на землю. Оба оставшихся прыгали во все стороны в растерянности и гнев. Четвертый, пятый: два быстрых попадания. Рейт выпрыгнул из своей засады и еще дважды выстрелил в корчившиеся белые фигуры, пока они не замерли без движения.

Люди в яме от неожиданности просто окаменели.

— Давайте, — крикнул им Рейт. — Вылезайте!

Иссаам Танг хрипло завопил:

— Так это ты, убийца?! Это твои преступления привели нас сюда!

— Не валяй дурака, — отмахнулся Рейт. — Вылезайте из ямы и бегите спасать свою жизнь.

— Какой в этом смысл? Дирдиры все равно нас разыщут! Они убьют нас ужасным образом...

Содержатель конюшни уже выбрался из ямы. Он подошел к трупам дирдиров, поднял оружие и вернулся к Иссааму Тангу.

— Можешь не тратить сил, чтобы выбраться из ямы.

Он выстрелил. Послышался короткий вскрик Танга; его труп скатился к разложившимся дирдирам.

Конюх сообщил Рейту:

— Он предал нас всех, так как рассчитывал на вознаграждение. А заработал он только то, что вы увидели. Они схватили его вместе со всеми нами.

— Те пять дирдиров — было ли их больше?

— Еще два Превосходительства, но они вернулись обратно в Хусз.

— Возьмите оружие и идите с Богом.

Люди побежали в сторону Холмов Воспоминаний. Рейт стал копать под корнями табачного куста. Вот он, мешок с секвинами. Сто тысяч? Точной суммы он не знал.

Рейт перекинул узел через плечо и в последний раз бросил взгляд на место бойни и жалкий труп Иссама Танга, после чего поспешил уйти с этого страшного места.

Подойдя к планеру, он уложил секвины в кабину и сам сел туда же, чтобы выждать. Страх играл его нервами. Пока он еще не мог решиться взлететь. Если он будет лететь низко, его наверняка заметит какая-нибудь группа охотников, если же он будет лететь высоко, над Карабасом его обязательно засечет радар.

День клонился к вечеру. Карина 4269 села за далекие холмы. Легкий коричневый полумрак окутывал Зону. Вдоль горной цепи зажигались ненавистные костры. Больше Рейт колебаться не стал. Планер поднялся в воздух.

Он летел низко над поверхностью, пока не вылетел за пределы Зоны. Затем он поднялся в небо и взял курс на север, на Сивиш.

Глава 16

Мрачная страна осталась далеко позади. Рейт смотрел вперед, а перед его глазами в быстрой последовательности проносились, сменяя одна другую, картины: искаженные страданиями, ужасом и болью лица, фигуры синих кешей, вонков, пнумов, фангов, зеленых кешей, дирдиров — все они прыгали на сцену его сознания, стояли на ней, поворачиваясь, прощально махали рукой и спрыгивали прочь.

Приближался рассвет. Планер летел на юг и, когда на востоке возшла Карина 4269, вдали засверкали башни Хея.

Рейту удалось без происшествий приземлиться, хотя казалось, что проходившая мимо группа дирдир-людей критически и внимательно посмотрела на него, когда он со своим мешком секвинов шел от посадочной площадки.

Прежде всего, Рейт зашел в свою комнату в «Старом Имперском Дворе». Ни Треза, ни Анахо в комнатах не было, но Рейт не придавал этому значения. Они часто оставались ночевать в сарае.

Рейт добрался до своей кровати, бросил мешок с секвинами к стене, улегся и сразу же заснул.

Он проснулся от того, что чья-то рука трясла его за плечо. Перевернулся на другой бок и увидел, что над ним склонился Трез.

Трез хрипло прошептал:

— Я как раз и боялся, что ты вернешься именно сюда. Поторопись, нам нужно уходить. Это место стало для нас опасным.

Еще не совсем проснувшись, Рейт выпрямился. Время было еще до полудня, что он заключил по видимым из окна теням.

— Что случилось?

— Дирдиры арестовали Анахо. Я как раз покупал продукты, иначе они арестовали бы и меня.

Сон у Рейта как рукой сняло.

— Когда это произошло?

— Вчера. И это надо записать на счет Вудивера. Он пришел к нам в сарай и стал задавать вопросы насчет тебя. Он все время пытался узнать, правда ли, что ты прилетел с другой планеты. Он был упрям и не принимал никаких отговорок. Я не осмелился говорить, Анахо тем более. Вудивер принялся обзывать Анахо изгоем: «Ты, бывший дир-дир-человек, как можешь ты жить, словно получеловек среди полуплюдей?»

Анахо вспылил в гневе и сказал, что двойное происхождение — это сказка. Вудивер убрался. Вчера утром сюда пришли дирдиры и увели Анахо с собой. Если они заставят его говорить, то нельзя быть уверенными ни за нас, ни за космический корабль.

Онемевшими пальцами Рейт натянул сапоги. Неожиданно пирамида его жизни, выстроенная с таким трудом, рухнула. Вудивер, все время этот Вудивер.

Трез дотронулся до его руки:

— Пойдем. Будет лучше, если мы уйдем! Гостиница, может, находится под наблюдением.

Рейт поднял мешок с секвинами. Они вышли из здания и пошли по узким переулкам Сивиша, не замечая бледных лиц, выглядывавших из дверных проемов и странно встроенных в стены окон.

Только сейчас Рейт почувствовал, что он голоден, как волк. В небольшом кафе они поели вареных морских губок и мучных лепешек. Постепенно мысли Рейта становились более ясными и четкими. Анахо находился под арестом у дирдилов. Вудивер наверняка ожидает от него ответной реакции. Или, может, он был настолько уверен в беспомощности Рейта, что решил, будто все будет продолжаться так же, как и раньше? Рейт мрачно улыбнулся. Если Вудивер рассчитывал на это, то он получит по заслугам. Исключено лишь то, чтобы по какой бы то ни было причине ставить на кон корабль! Ненависть Рейта к Вудиверу походила на помутнение рассудка. Но он не имел права поддаваться этому порыву. Из этой переделки ему нужно было выйти с наименьшими потерями.

Рейт спросил Трезу:

— Ты видел после этого Вудивера?

— Видел, сегодня утром. Я пошел к сараю, так как думал, что ты

можешь прийти туда. Показался Вудивер, но сразу же зашел в свою контору.

— Ну-ка посмотрим, там ли он еще.

— Что ты хочешь предпринять?

Рейт усмехнулся:

— Я мог бы его убить — но это ничего не даст. Нам нужна информация. Вудивер — единственный источник.

Трез молчал. Как обычно, нельзя было определить, о чем он думал.

К месту сборки корабля они поехали на скрипучей шестиколесной общественной повозке, и каждый оборот колес увеличивал напряжение. Когда Рейт вошел во двор и обнаружил там черный лимузин Вудивера, в голову ему ударила кровь и началось головокружение. Он остановился, набрал в легкие воздуха и абсолютно успокоился.

Рейт бросил Трезу мешок с секвинами.

— Отнеси его в сарай и спрячь.

Трез взял его с сомнением.

— Не ходи сам. Подожди меня.

— Я не рассчитываю на трудности. У нас связаны руки, и Вудивер это прекрасно знает. Подожди меня у сарая.

Рейт приблизился к странной кирпичной конторе Вудивера и вошел внутрь. Спинай к большой древесно-угольной печи на прямых ногах и заложив руки за спину стоял Артило. Хотя он и увидел Рейта, выражение его лица не изменилось.

— Скажи Вудиверу, что я хочу с ним говорить, — приказал Рейт.

Артило прыгнул к ведущей вглубь двери, просунул в нее голову и что-то сказал. Затем отошел назад. Дверь открылась сильным ударом так, что почти слетела с петель. Помещение заполнил Вудивер — дико зыркающий Вудивер с выпяченной верхней губой, которая висела, почти закрывая рот. Он окинул комнату всеохватывающим взглядом рассерженного бога; затем он, казалось, поймал взглядом Рейта, и его враждебность еще больше усилилась.

— Адам Рейт, — крикнул Вудивер голосом, звенящим, как колокол. — Вы вернулись обратно! Где мои секвины?

— Оставьте секвины в покое, — ответил Рейт. — Где дирдир-человек?

Вудивер расправил плечи. В какой-то момент Рейт подумал, что он готовится нанести удар. В таком случае он наверняка потерял бы самообладание, и Рейт это знал — к счастью или к несчастью.

Вудивер возбужденно спросил:

— Вы собираетесь пререкаться? Еще раз подумайте об этом! Отдайте мои деньги и уберите!

— Вы получите свои деньги, — пообещал Рейт, — как только я увижу Анке ат афрам Анахо.

— Вы хотите видеть богохульника и изгоя, — пробурчал Вудивер. — Сходите в Стекланный Дом. Там вы сможете его внимательно рассмотреть.

— Он в Стекланном Доме?

— А где же еще?

— Вы в этом уверены?

Вудивер оперся о стену:

— Зачем вам это знать?

— Потому что он мой друг. Вы выдали его дирдирам. Вы должны дать мне ответ.

Вудивер начал пыжиться, но Рейт бесстрастно констатировал:

— Никаких драм, и не надо больше болтовни. Вы передали Анахо дирдирам. Теперь я хочу, чтобы вы его спасли.

— Невозможно, — заявил Вудивер. — Даже если бы я этого и захотел, то ничего не смог бы сделать. Он в Стекланном Доме, разве вы этого не слышали?

— Как вы можете это утверждать?

— А куда же его могли еще отправить? Он был арестован за свои старые преступления. О проекте дирдиры ничего не узнают, если вы об этом позаботитесь. — И Вудивер растянул рот в широкой елейной улыбке. — Естественно, если предположить, что он сам не разболтает ваших секретов.

— В этом случае вы сами столкнетесь с трудностями, — напомнил ему Рейт.

На это Вудиверу нечего было возразить.

Рейт тихо спросил:

— Можно ли при помощи денег помочь Анахо бежать?

— Нет, — ответил Вудивер. — Он в Стекланном Доме.

— Это утверждаете вы. Как я могу в этом убедиться?

— Как я вам и посоветовал — посмотреть самому.

— Это может посмотреть каждый, у кого возникнет желание?

— Конечно. В Доме не содержится никаких секретов.

— Как нужно себя вести?

— Вы идете вверх в Хей, доходите до Дома, поднимаетесь по галерее вверх и наблюдаете за игровым полем.

— Можно ли опустить на поле веревку или лестницу?

— Конечно. Но после этого не стоит рассчитывать на долгую жизнь. Того, кто это сделает, сразу же бросят вниз на поле. Если вы собираетесь организовать что-то подобное, я тоже приду и посмотрю.

— Предположим, я предложу вам миллион, — сказал Рейт. — Сможете ли вы за эти деньги организовать для Анахо бегство?

Большая голова Вудивера встрепенулась.

— Миллион секвинов? Вы три месяца жаловались мне, что вы такой бедный! Меня обманули!

— Так вы можете организовать бегство за миллион?

Вудивер высунул игривый розовый кончик языка.

— Нет, к сожалению, нет... миллион секвинов... к сожалению, нет. Ничего сделать нельзя. Совершенно ничего. Значит, вы достали миллион секвинов?

— Нет, — ответил Рейт. — Я просто хотел узнать, возможен ли побег Анахо.

— Вы невыносимы, — со злостью сообщил Вудивер. — Где мои деньги?

— Все мое время, — остановил его Рейт. — Вы предали моего друга, так что вы сможете подождать.

Сначала показалось, что Вудивер был близок к тому, чтобы ударить Рейта своей огромной ручищей. Но он лишь пожаловался:

— Вы неправильно выражаетесь. Я его не «предал». Я передал преступника заслуженному наказанию. Чем я провинился перед вашей верностью? По отношению ко мне вы ее не проявляли и, если для этого представляется возможность, ведете себя агрессивно. Помните всегда о том, Адам Рейт, что дружба должна быть обоюдной. Не рассчитывайте получить того, что вы сами не хотите дать. Если вы считаете мой характер и меня отвратительными, то знайте, что я воспринимаю вас точно так же. Кто же из нас двоих ведет себя правильно? Исходя из времени и места действия, это несомненно я. Вы же только пришелец. Ваши протесты звучат смешно и нереально. Вы упрекаете меня в несдержанности. Не забывайте, Адам Рейт, что во мне вы нашли человека, который за деньги может вести незаконные дела. Этого вы от меня и ждете. Вы не дадите и ломаного гроша за мою безопасность или мое будущее. Вы пришли сюда, чтобы меня эксплуатировать, чтобы заставить меня за маленькие суммы выполнять опасные действия. Вы не можете жаловаться, потому что мое поведение является лишь отражением вашего собственного эгоизма.

Рейт не стал на это отвечать. Он повернулся и вышел из конторы.

В сарае работа, как и всегда, продвигалась. После Карабаса и после будоражащей мозг беседы с Вудивером, сарай казался спокойной гаванью. Трез ждал его прямо за дверью.

— Что он сказал?

— Он сказал, что Анахо преступник; что я прибыл сюда для того, чтобы его эксплуатировать. Что я мог на это возразить?

Трез презрительно скривил губы:

— А Анахо?

— В Стеклянном Доме. Вудивер говорит, что попасть туда было очень просто, но выбраться оттуда невозможно.

Рейт принялся ходить по сараю туда и обратно. Он остановился в дверях и посмотрел на большое серое сооружение, стоявшее по ту сторону водной поверхности. Он сказал Трезу:

- Ты не попросишь ко мне Дейне Зарре?
Появился Дейне Зарре. Рейт спросил:
— Вы когда-нибудь бывали в Стеклянном Доме?
— Очень давно.
— Вудивер рассказал мне, что человек, стоящий на галерее, вроде бы может опустить вниз веревку.
— Он так невысоко ценит свою жизнь?
— Мне нужны две кванты высокодейственной взрывчатки — достаточной, скажем, для того, чтобы десятикратно поднять в воздух этот сарай. Где ее можно срочно достать?
Дейне Зарре недолго подумал, затем медленно и с тяжелым сердцем кивнул.
— Подождите здесь.
Прошло больше часа, когда он вернулся с двумя глиняными кувшинами в руках.
— Здесь взрывчатка, здесь запалы. Это нелегальный товар. Пожалуйста, никому не говорите, откуда он у вас.
— Для этого не представится возможности, — успокоил его Рейт. — По крайней мере, я на это надеюсь.

Глава 17

Закутавшись в серые плащи, Рейт и Трез прошли по эстакаде на материк. По изящной, широкой дороге, поверхность которой состояла из грубой белой гальки и шелестела под ногами, они вошли в город дирдиров Хей. С обеих сторон возвышались пурпурные и ярко-красные башни. Несколько таких же башен, но из серого металла и серебра, стояло далеко на севере, за Стеклянным Домом. Роскошная улица проходила вплотную к ярко-красной колоннаде, высотой примерно в тридцать метров. Вокруг нее располагалась чистая, белая, покрытая песком площадка, на которой разместился примерно десяток удивительно блестящих каменных изваяний. Искусство? Фетиш? Трофеи? Никакой возможности выяснить это им не представлялось. Перед башней на круглом белом мраморном возвышении стояли трое дирдиров. Впервые Рейту довелось увидеть самку дирдиров. Существо это было ниже и выглядело не таким эластичным, не таким гибким, как мужские особи. Ее голова была в черепае шире и в местах, где должен был находиться подбородок, остроконечной. У нее был несколько более темный цвет кожи: бледно-серый с легким фиолетовым оттенком. Две самки наблюдали за третьим существом, маленьким дирдиром-шалуном мужского пола, рост которого был в половину роста взрослого дирдира. Время от времени антенны на

головах у всех троих вздрагивали и наклонялись в направлении одного из блестящих камней — поведение, которое Рейт даже не пытался как-то объяснить.

Он наблюдал за ними со смешанным чувством отвращения и невольного удивления и не мог себя заставить не думать об их «тайнствах».

Некоторое время назад Анахо рассказал ему о сексуальных процессах дирдиров. «В общих чертах дело обстоит следующим образом: существует двенадцать различных типов мужских половых органов и четырнадцать женских. Возможны лишь определенные спаривания. Например, мужской тип Один совместим с женскими типами Пять и Десять. Женский тип Пять соответствует лишь мужскому типу Один; тип Девять же наиболее универсальный орган и совместим с мужскими типами Один, Одиннадцать и Двенадцать.

Весь этот процесс ужасно сложный. Каждый тип мужского и каждый тип женского полового органа имеет собственное название, а также теоретические свойства, реализующиеся чрезвычайно редко, пока тип индивидуума остается тайной. Это — «тайнства» дирдиров! Если тип какой-либо особи становится известным, от него ожидают, что он без оглядки на свои симпатии и предрасположения будет придерживаться теоретических качеств, присущих его половому типу. Но он делает это редко и поэтому все время попадает в пикантные ситуации.

Как ты себе можешь представить, эти сложные вещи требуют большого внимания и сил. Возможно, тот факт, что дирдиры вели себя одержимо, тайно и раскрывались не до конца, и является причиной того, что они наводнили космос».

— Удивительно,— произнес Рейт.— Но если типы являются секретом и они, по большому счету, не переносят друг друга, то как же они в таком случае паруются? Как они размножаются?

— Существуют различные системы: пробные браки, так называемые «темные соединения», анонимные сообщения. Эта сложность преодолима.— Анахо недолго помолчал и тихо продолжал дальше.— Я, наверное, не должен говорить о том, что дирдир-мужчины и дирдир-женщины низшей касты, у которых отсутствует «Благородная Божественность» и «тайнства», считаются неполноценными и неуклюжими.

— Хм-м,— произнес Рейт.— Почему ты выделяешь именно «дирдир-людей низшей касты»? А что же тогда Безупречные?

Анахо откашлялся:

— Безупречные скрывают этот позор при помощи тщательно проведенных операций. Им разрешено изменять свою плоть в соответ-

ствии с одним из восьми видов. Таким образом, за ними одновременно признаются «тайнства», и им разрешается носить Голубое и Розовое.

— А как же в этом случае с парованием?

— Оно становится сложнее и гениальным образом напоминает систему дирдиров. Каждый тип совместим максимум с двумя типами противоположного пола.

Рейт не мог более скрывать приступ веселья. Анахо слушал его с полуугрюмым, полужалобным выражением лица.

— Что с тобой? — спросил Рейт. — Насколько ты уже в это втянулся?

— Не слишком далеко, — ответил Анахо. — По определенным причинам я носил Голубое и Розовое без того, что со мной совершили требуемые «тайнства». Я был объявлен изгнанным и был лишен всех прав и ранга. Это положение я объяснил еще при первой нашей встрече.

— Странное преступление, — удивлялся Рейт.

Теперь же Анахо был вынужден спасти свою жизнь в искусственно созданной копии Сиболы.

Улица, ведущая к Стеклоанному Дому, стала еще шире, будто бы строители попытались приблизить ее размеры к размерам гигантского сооружения. Те, кто шел по шуршащей белой поверхности — дирдиры, дирдир-люди, простые рабочие в серых плащах — казались такими же искусственными и нереальными, как фигуры в классических авангардистских произведениях. Все они смотрели строго перед собой и проходили мимо Рейта и Трезы, вроде те были абсолютно прозрачными.

Ярко-красные и пурпурные башни возвышались по обе стороны от них. Перед ними был Стеклоанный Дом, он отодвигал все остальные на второй план. Это производило впечатление на всех и, в том числе, на Рейта. Произведения дирдиров были несовместимы с человеческой психикой. Чтобы выдержать такое окружение, человеку нужно было бы наверняка отказаться от всего им унаследованного и подчинить себя мировоззрению дирдиров.

Они подошли к двум другим мужчинам, закутанным так же, как и они в серые плащи. Рейт обратился к ним:

— Может быть, вы поможете нам с информацией. Мы хотим посетить Стеклоанный Дом, но не знаем, как это сделать.

Оба человека недоверчиво и испытующе на него посмотрели. Это были отец и сын — оба маленькие, с круглыми лицами, маленькими круглыми животиками и тонкими руками и ногами. Старший ответил писклявым голосом:

— Нужно просто подняться наверх по серому пандусу. Больше ничего знать не нужно.

— Вы тоже направляетесь в Стекланный Дом?

— Да. В двенадцать часов дня состоится особая охота на известного негодяя и возможно, что сегодня свершится правосудие.

— Мы ничего об этом не слышали. Кто этот негодяй?

Оба посмотрели на него с большим сомнением, вероятно, по причине их врожденной недоверчивости.

— Изгой, богохульник. Мы — стиральщики на производственной фабрике номер четыре; у нас информация непосредственно от дирдир-людей.

— Вы часто ходите в Стекланный Дом?

— Довольно часто, — коротко и ясно ответил отец. Сын добавил:

— Это разрешено, поощряется дирдир-людьми и ничего не стоит.

— Пойдем, — напомнил отец. — Нам нужно торопиться.

— Если вы не возражаете, — сказал Рейт, — мы пойдем за вами и воспользуемся вашими знаниями.

Отец без большого воодушевления дал свое согласие:

— Мы больше не будем задерживаться.

С втянутыми головами оба пошли дальше. Походка, характерная для рабочих Сивиша. Рейт и Трез приняли такую же позу и последовали за ними. Стены возвышались перед ними, словно стеклянные утесы. В местах, где сквозь стену пробивался свет внутреннего освещения, проступали бледно-красные мерцающие пятна. Вдоль боковых сторон виднелись пандусы, эскалаторы, которые разноцветно переливались пурпурным, ярко-красным, светло-фиолетовым, белым и серым цветами — все они вели на разные уровни. Серые эстакады заканчивались на балконе, который возвышался всего на тридцать метров над полем и был, по всей видимости, самой низкой точкой. Рейт и Трез смешались с потоком людей, состоявшим из мужчин, женщин, детей, поднялись вверх по пандусу, прошли по противно пахнущему коридору и неожиданно вышли на светлую незащищенную площадку, освещаемую десятью миниатюрными солнцами. Здесь были невысокие скалы и холмистая равнина; на ней расстилась жесткая растительность цвета охры, желто-коричневая, желтая, желто-белая, вяло-беловато-коричневая. Под смотровой площадкой протекал заболоченный ручей, рядом с ним были заросли из жестких белых, похожих на кактус растений. Неподалеку возвышался лес из башнеобразных желто-белых деревьев, которые по форме и размерам очень походили на жилые башни дирдиров. «Это сходство не могло быть случайным, — думал Рейт. — По всей вероятности, на Сиболе дирдиры обитали в таких высоких деревьях».

Где-то между холмами и зарослями в смертельном страхе затаился Анахо и горько жалел об обстоятельствах, приведших его в Сивиш. Но видно Анахо отсюда не было. Не было видно на поле

присутствия вообще каких-либо людей или дирдиров. Рейт обратился к обоим рабочим и попросил их объяснить ситуацию.

— Сейчас здесь мирный период, — объяснил отец. — Вы видите холм вдалеке? И похожий на него холм на севере? Это штаб-квартиры. Во время мирного периода дичь скрывается в одной из двух квартир. Сейчас мы посмотрим. Где программа?

— Она у меня, — ответил сын. — Мирный период продлится еще час. Дичь находится на близлежащем холме.

— Мы пришли как раз вовремя. В соответствии с правилами через час последует четырнадцатиминутное затемнение. Затем южный холм превратится в игровое поле, а дичь должна будет добраться до северного холма, где она окажется в безопасности. Меня удивляет то, что при участии такого известного преступника они не допускают соревновательных правил.

— Программа составлена неделю назад, — ответил сын. — А преступника схватили лишь два дня назад.

— Тем не менее, мы можем надеяться, что увидим увлекательное зрелище: может быть, даже один-два розыгрыша.

— Значит, через час поле погрузится в темноту?

— Да, она продлится четырнадцать минут, во время которых и начнется охота.

Рейт и Трез вышли на внешний балкон, перед которым расстилась мрачная панорама Чая. Они низко натянули на лица капюшоны, опустили головы и проскользнули по пандусу вниз.

Рейт осмотрелся. Закутанные в плащи рабочие равнодушно шагали по серому пандусу. Дирдир-люди пользовались белым пандусом. Дирдиры поднимались фиолетовыми, ярко-красными и пурпурными эскалаторами на верхние балконы.

Рейт подошел к серой стеклянной стене. Он присел и сделал вид, что завязывает шнурок. Трез стоял перед ним. Из свертка Рейт вынул пакет со взрывчаткой и подключенным к ней реле времени. Он аккуратно установил стрелку на шкале, потянул за рычажок и положил устройство к стеклянной стене за кустом.

Никто не обратил на него внимания. Он установил в боевое положение и вторую часовую мину и протянул пакет с ней Трезу.

— Ты знаешь, что с ней надо делать.

Трез с опаской взял пакет.

— План, может быть, и удастся, но вы с Анахо наверняка будете убиты.

Рейт предположил, что в этот раз Трез был неправ, что случалось с ним чрезвычайно редко; он мог бы как-то и ободрить.

— Отнеси взрывчатку на нужное место — тебе следует поторопиться. Только учти: точно напротив. Остается немного времени. Встречаемся потом у сарая с кораблем.

Трез повернулся и спрятал свое лицо в складках капюшона.

— Что ж, Адам Рейт, если уж так суждено...

— Только на случай, если что-то не получится: возьмишь деньги и как можно скорее покинешь город.

— До свидания.

— А теперь поторопись.

Рейт наблюдал, как серая фигурка становилась все меньше. Он глубоко вздохнул. Оставалось мало времени. Ему нужно было сразу действовать. Если темнота наступит до того, как он отыщет Анахо, все будет напрасно.

Рейт посмотрел через поле и точно отметил для себя пограничные отметки и ориентиры направлений. Затем он по площадке направился к южным холмам. Чем дальше он шел, тем меньше зрителей попало ему на пути, так как большинство из них стремилось в середину северной стороны.

Рейт выбрал место у опоры. Он посмотрел вправо и влево. Никого не было ближе, чем за шестьдесят метров. Верхние ярусы над ним были тоже пусты. Рейт вытащил моток легкого троса, пропустил его за опорой и бросил оба конца вниз. Еще раз взглянув вправо и влево, он перелез через балюстраду и, держась руками за трос, съехал на охотничье поле.

Это не осталось незамеченным. Бледные лица с удивлением смотрели вниз. Рейт не удостоил их вниманием. Он больше не принадлежал их миру; он был дичью. Рейт стянул трос вниз и помчался в сторону южного холма. Пока он бежал через жесткие заросли, известняковые предгорья, мимо кремниевых утесов кофейного цвета, он сматывал трос.

Приблизившись к склонам южных холмов, он не увидел ни охотников, ни дичи. Охотники занимали сейчас, видимо, исходные позиции, как это предписывали правила. Дичь должна была таиться у подножия южного холма и задавать себе вопрос, как лучше всего добраться до спасительного северного холма. Неожиданно Рейт натолкнулся на молодого человека с серым лицом, притаившегося в зарослях белого бамбукообразного растения. На нем были сандалии и набедренная повязка. Вооружен он был булавой и колючкой от кактуса, заменявшей кинжал. Рейт спросил его:

— Где дирдир-человек, которого недавно привели на поле?

Серый показал головой в неопределенном направлении.

— Возможно, он прячется где-то у холма. Отойди от меня. Твое пальто выглядит темным пятном. Выброси его. Твоя кожа — это наилучшая маскировка. Разве ты не знаешь, что дирдиры подстерегают тебя на каждом шагу?

Рейт побежал дальше. Он увидел двух пожилых людей. Они были

абсолютно голыми и имели крепкие мускулы и белые волосы и стояли спокойно, как привидения. Рейт крикнул:

— Вы не видели где-то здесь дирдир-человека?

— Кажется дальше, чуть повыше. Исчезни отсюда со своим темным пальто!

Рейт вскарабкался на скалу из песчаника. Он крикнул:

— Анахо!

Никакого ответа. Рейт посмотрел на свои часы. Через десять минут станет темно. Он обыскал южный холм. На небольшом расстоянии он заметил слабое движение: люди, убежавшие сквозь заросли. Его пальто, казалось, служило сигналом тревоги. Он снял его и перекинул через руку.

В какой-то пещере Рейт обнаружил четырех мужчин и одну женщину. Они повернулись к нему. Лица у них были, словно у загнанных зверей. На его вопрос отвечать не желали. Рейт взбирался дальше по холму, чтобы иметь лучший обзор

— Анахо! — крикнул он еще раз.

Фигура в белой одежде повернулась. Рейт с облегчением остановился; его ноги стали ватными, на глаза навернулись слезы.

— Анахо!

— Что ты здесь делаешь?

— Быстро. В этом направлении. Попытаемся бежать.

Анахо ошеломленно посмотрел на него:

— Никто не в силах убежать из Стеклянного Дома.

— Идем со мной! Сам увидишь!

— Только не в этом направлении, — крикнул Анахо хрипло. — Спасение на севере. На северном холме! Когда спустится тьма, начнется охота!

— Я знаю, знаю! У нас мало времени. Идем в этом направлении. Нам нужно спрятаться где-то там и быть начеку

Анахо всплеснул руками:

— Ты, наверное, знаешь больше, чем я.

Они побежали обратно тем же путем, по которому Рейт пришел, к западной стороне южного холма. Пока они бежали, Рейт, тяжело дыша, посвятил его в подробности своего плана.

Анахо глухо спросил:

— Ты все это... сделал ради меня? Ты специально спустился вниз на поле?

— Не ломай себе над этим голову. Сейчас мы должны быть поблизости этого большого белого куста. Где бы нам тут спрятаться?

— В кусте — он может сослужить нам эту службу ничуть не хуже, чем что-нибудь другое. Следи за охотниками — они выставили посты. До наступления темноты они должны соблюдать расстояние в во-

семьсот метров. Пока мы еще находимся внутри безопасной зоны. Но эти четверо за нами наблюдают

— Темно станет через несколько секунд. Наш план выглядит следующим образом: мы бежим точно на запад на тот земляной вал. Оттуда мы пробираемся к зарослям коричневого кактуса, а затем вдоль южной окраины. Очень важно, чтобы мы все время были вместе.

Анахо жалобно взмахнул рукой.

— А как нам это удастся? Ведь нам даже нельзя крикнуть. Охотники нас сразу услышат.

Рейт протянул ему конец троса:

— Крепко держись за него. И если мы все-таки потеряемся, то встречаемся с западной стороны той желтой группы деревьев.

Они подождали наступления темноты. Сбоку игрового поля строились молодые дирдиры; среди них были видны и опытные охотники. Рейт посмотрел на восток. Из-за специального освещения, а также атмосферы, поле казалось открытым и простиравшимся до самого горизонта. Лишь пристально вглядываясь, Рейту удалось рассмотреть восточную стену.

Наступила темнота. Освещение затемнилось до красного, затем замерцало и погасло. Далеко на севере светился лишь единственный пурпурный луч, чтобы обозначить направление. Освещением он не служил. Темнота была кромешной. Охота началась. С севера донеслись охотничьи выкрики дирдиров: угнетающие вопли и вой.

Рейт и Анахо побежали на запад. Время от времени они останавливались, чтобы вслушаться в темноту. Справа от них раздался угрожающий звон. Они неподвижно замерли. Звон и шаги исчезли вдали.

Они достигли намеченного ими холма и направились дальше, к зарослям кактуса. Поблизости что-то находилось; они снова остановились и прислушались. На их напряженные нервы и уши будто бы что-то подействовало, словно подсказывая остановиться.

Откуда-то издалека, сверху раздался многоголосый крик и пронесся по всему полю туда и обратно; затем второй и третий.

— Охотничьи крики Всех Семи,— прошептал Анахо.— Традиционный ритуал. Сейчас все охотники, присутствующие на поле, должны откликнуться Семерым. Голоса сверху замолчали; со всех концов охотничьего поля сквозь тьму раздались ответные охотничьи вопли. Анахо потихоньку толкнул Рейта.

— Пока они перекрикиваются, мы можем беспрепятственно передвигаться. Пошли.

Они помчались длинными прыжками; их ноги заменяли им глаза. Крики охотников прекратились. Снова стало тихо. Рейт наступил на большой камень, и это вызвало сильный грохот. Они замерли и крепко сжали зубы.

Никакой реакции не последовало. Они шли дальше и дальше.

пытаясь ногами нащупать кактусы, но все время натыкались на твердую почву и пустоту. Рейт стал опасаться, что они уже проскочили мимо кактусов, что зажгутся огни и они с Анахо предстанут перед глазами зрителей и охотников.

Прошло семь минут затемнения, как прикинул Рейт. Самое позднее через минуту им надо найти край зарослей кактусов! Шорох! Явно человеческие шаги — кто-то бежал примерно в десяти метрах от них. Через мгновение резкий глухой удар, резкий шепот, затем бряцание охотничьего оружия. Шорохи прекратились. Снова стало тихо.

Через несколько секунд они добежали до кактусов.

— К южной стороне,— прошептал Рейт.— А затем по-пластунски к середине стены.

Они продирались сквозь жесткие стебли и чувствовали острые, торчащие во все стороны колючки.

— Свет! Сейчас начнется!

Темнота исчезла, как рассвет на Сиболе: через серый и бледно-белый к яркому дневному свету.

Рейт и Анахо посмотрели назад. Кактусы служили хорошим укрытием. Они как будто и не находились в непосредственной опасности, несмотря на то, что в девяноста метрах от них по полю прыгали три дирдиры с высоко поднятыми головами. Они вертели ими во все стороны, высматривая убегающую дичь. Рейт посмотрел на свои часы. Оставалось еще пятнадцать минут — если с Трезом ничего не случилось и если он добрался до противоположной стены Стеклянного Дома.

В четырехстах метрах от них за совершенно открытым участком стоял жесткий белый лес. «Наверное, это самые длинные четыреста метров, которые мне когда-либо приходилось преодолевать»,— думал Рейт.

Вдвоем они продрались через заросли кактуса до северного их края.

— Охотники будут оставаться в центральной части поля еще около часа,— объяснил Анахо.— Они препятствуют быстрому проникновению дичи в северную часть, после чего начинают двигаться на юг.

Рейт протянул Анахо оружие и засунул свое за пояс. Он поднялся на колени. В полутора километрах Рейт заметил какое-то движение. Он не знал, были это дирдиры или дичь. Вдруг Анахо резко затащил его обратно в укрытие. За зарослями кактусов прошла группа Безупречных. На их руках были укреплены искусственные когти, поддельные антенны свисали вниз с их блестящих белых черепов. У Рейта внутри все перевернулось. Он подавил в себе желание напасть на этих тварей и перестрелять их.

Дирдир-люди прошагали мимо и казалось, что они не заметили

беглецов только по чистой случайности. Они повернули на восток и, увидев перед собой дичь, помчались широким галопом.

Рейт снова взглянул на часы. Времени почти не оставалось. Он встал на колени и посмотрел во все стороны.

— Пошли!

Они вскочили и помчались к белому лесу

На полпути они остановились и заползли за небольшой куст. У южного холма шла жаркая охота. Две группы охотников приблизились к дичи, которая продолжала скрываться на южном холме. Рейт взглянул на часы. Еще девять минут. Белый лес отделяли от них еще одна-две минуты. Одинокое стоявшее дерево-башня, отмеченное ими как ориентир, находилось сейчас в нескольких сотнях метров западнее леса. Они снова побежали. Из леса вышли четыре охотника, которые прятались в нем, высматривая добычу. У Рейта все внутри оборвалось.

— Бежим дальше, — сказал он Анахо — Мы их победим.

Анахо с сомнением посмотрел на оружие.

— Если они поймают нас с оружием, они растянут наше убийство на несколько дней... но я и без того должен быть уничтожен.

Дидиры зачарованно смотрели на приближавшихся Рейта и Анахо.

— Нам нужно заманить их в лес, — пробормотал Анахо. — Если судьи увидят у нас оружие, они сразу же вмешаются.

— Тогда возьмем немного левее и скорее под заросли желтой травы!

Дирдиры не двинулись им навстречу, а даже немного отошли в сторону. Одним рывком Рейт и Анахо добежали до опушки леса. Дирдиры издали свой громкий охотничий клич и прыгнули вперед, в то время, как Рейт и Анахо отступили.

— Сейчас! — скомандовал Рейт.

Они вытащили свое оружие. Дирдиры издали ошеломленный скрип. Четыре быстро следующих друг за другом выстрела — четыре мертвых дирдира. Сразу же откуда-то сверху донесся громкий рев — затуманивающий сознание вой. Анахо в полном отчаянии закричал.

— Судьи все увидели. Теперь они будут за нами наблюдать и направят сюда группы. Мы пропали.

— У нас есть шанс, — не отступал Рейт. Он отер с лица пот и посмотрел вверх. — Через три минуты, если все будет в порядке, произойдет взрыв. Бежим дальше к высокой башне.

Они помчались по лесу и, выбежав из него, увидели, что в их направлении прыгает группа охотников. Вой сверху становился то громче, то тише, затем он стих.

Они добежали до одинокого дерева-башни, от которого до стеклянной стены было всего около девяноста метров. Сверху расположились трибуны со зрителями, которые из-за света и отражения были

почти не видны. Рейт с большим трудом смог различить удивленных зрителей.

Он взглянул на часы: «Теперь».

Ожидаемое замедление: длина здания была пять километров. Секунды прошли, послышался сильный грохот, треск, громовое эхо. Проекторы замигали; далеко на востоке они вообще погасли. Рейт посмотрел вдаль, но последствий взрыва определить не смог. Сверху по всей территории поля разносился сумасшедший, глухой вой, который выражал такой ужасный варварский гнев, что у Рейта подкосились колени.

Анахо остался более спокойным:

— Они организывают все группы охотников на восток, к пролому, чтобы предотвратить бегство дичи.

Группы охотников, которые уже приблизились к Рейту и Анахо, развернулись и помчались на восток.

— Будь готов, — предупредил Рейт. Он быстро взглянул на часы. — Ложись!

Второй взрыв: мощное потрясение, от которого сердце Рейта подпрыгнуло от радости и он впал в почти религиозный экстаз. Осколки и большие серые куски стекла свистели над их головами. Проекторы замигали и потухли. Перед ними возникла — как ворота в новое измерение — большая брешь: примерно девяносто метров в длину, а в высоту — до первого ряда трибун.

Рейт и Анахо вскочили на ноги. Беспрепятственно они добежали до стены и промчались сквозь нее — скорее прячась от безрадостного Сибола — наружу, в хмурый день Чая.

Они мчались вниз по широкой белой улице; затем, по совету Анахо, повернули на север в сторону фабрик и белых башен дирдир-людей; наконец, в портовый район города и по высокой эстакаде — в Сивиш.

Они остановились, чтобы перевести дыхание.

— Тебе лучше идти прямо к планеру, — посоветовал Рейт. — Возьми его и улетай. Тебе нельзя оставаться в Сивише.

— Вудивер выдал меня. Он сделает с тобой то же самое, — предостерег Анахо.

— Я не могу сейчас уехать из Сивиша; сейчас, когда космический корабль уже почти готов. Вудивер и я должны прийти к какому-нибудь соглашению.

— Никогда, — мрачно пообещал Анахо. — Он весь состоит из зла.

— Но он не сможет выдать космический корабль без того, чтобы не навлечь на себя опасность, — аргументировал Рейт. — Он тут же станет соучастником. Мы работаем в его сарае.

— Он как-нибудь сумеет выкрутиться.

— Может быть, да, а может быть, и нет. Но тебе в любом случае

нужно исчезнуть из Сивиша. Мы разделим деньги, и ты сразу же улетишь. Планер мне все равно больше не пригодится.

Белое лицо Анахо приняло упрямое выражение.

— Не так быстро. Подумай о том, что я не являюсь целью *тсау'гш*. Кто же тогда сделает первый шаг, чтобы меня найти?

Рейт посмотрел назад, на Стекланный Дом.

— А ты не думаешь, что тебя станут искать в Сивише?

— Они непредсказуемы. Но в Сивише я в такой же безопасности, как и в любом другом месте. В «Старый Имперский Двор» я возвращаться не могу. Но в сарае они искать меня не будут, разве что Вудивер выдаст им проект.

— Вудивера надо взять под стражу,— заявил Рейт.

Анахо лишь что-то пробурчал. Они снова тронулись в путь и пошли по кривым переулкам Сивиша.

Солнце исчезло за башнями Хея, и на улицы опустилась темнота. Рейт и Анахо на повозке-автобусе доехали до сарая. Контора Вудивера была погружена во мрак. В сарае горел слабый свет. Механики уже разошлись по домам. Казалось, что в помещении никого не было.

В тени зашевелилась какая-то фигура.

— Трез! — крикнул Рейт.

Юноша вышел к ним.

— Я знал, что если побег удастся, вы вернетесь сюда.

Ни кочевники, ни дирдир-люди внешне своих чувств не выражали. Анахо и Трез лишь только слегка поприветствовали друг друга.

— Нам лучше всего исчезнуть из города,— сказал Трез.— И как можно скорее.

— Я уже говорил это Анахо, а теперь говорю и тебе: возьмите планер и улетайте. У вас нет причин подвергать себя риску и оставаться еще на один день в Сивише.

— А как же ты?

— Я должен остаться здесь и защищать свои интересы.

— Шансы очень незначительны. Как же ты поступишь с Вудивером и его жаждой мести?

— Я обуздаю Вудивера.

— Невозможно! — вскричал Анахо.— Кто может обуздать этого извращенца с его отвратительными пристрастиями? Он больше не в себе.

Рейт мрачно кивнул.

— Есть только один верный путь, и он может быть трудным.

— Как же ты собираешься осуществить это чудо? — спросил его Анахо.

— Я просто приведу его под угрозой пистолета прямо сюда. Если же он не захочет, я его убью. А если он придет, то станет моим

пленником и будет постоянно под охраной. Ничего лучшего мне в голову не приходит.

Анахо прогрохотал:

— Ничего не имею против того, чтобы охранять Желтое Лицо.

— Сейчас наилучшее время для действий,— произнес Трез.— До того, как он узнает о побеге.

— Только не для вас двоих,— заявил Рейт.— Если я погибну... конечно жаль, но неизбежно. Этому риску должен подвергаться только я. Но не вы. Возьмите планер и деньги и улетайте отсюда, пока еще есть возможность!

— Я остаюсь,— определился Трез.

— Я тоже,— присоединился к нему Анахо.

Рейт сдался:

— Тогда поищем Вудивера.

Глава 18

Они втроем стояли в темном дворе перед жилищем Вудивера и совещались, как им лучше всего поступить с дверью черного хода.

— Мы не можем решиться на то, чтобы силой сорвать замок,— пробормотал Анахо.— Вудивер наверняка обезопасил себя системой сигнализации и смертельными ловушками.

— Значит, надо пробираться через крышу,— заявил Рейт.— Попасть наверх не должно быть особо трудным делом.

Он посмотрел на стену, потрескавшиеся кирпичи, старое покосившееся псилловое дерево.

— Нормально.— Он показал пальцем.— Здесь наверх — там перелезть — затем на это место и внутрь.

Анахо угрюмо покачал головой.

— Меня поражает, что ты до сих пор такой наивный. Почему тебе кажется, что этот путь такой простой? Потому что Вудивер уверен, что так туда никто не сможет залезть? Боже! До чего только ты не дотронешься, везде наткнешься на шипы, ловушки и кнопки тревоги.

Рейт неуверенно прикусил губу.

— Ну ладно, а что ты можешь предложить, чтобы проникнуть внутрь?

— Не здесь,— заверил его Анахо.— Мы должны обойти предсудительность Вудивера своим острым умом.

Вдруг Трез оттащил их обоих назад в густую тень.

На узкой тропе послышались шаги. Высокая худая фигура прошла мимо них и остановилась перед черным ходом. Трез прошептал:

— Дейне Зарре! Он вне себя от гнева!

Дейне Зарре неподвижно стоял на месте. Он взял какой-то инструмент и стал ковыряться в замке. Дверь подпрыгнула и распахнулась. Неумолимым шагом, словно Страшный Суд, он вошел в нее. Рейт прыгнул вперед и придержал дверь. Дейне Зарре шел дальше, ничего не заметив. Трез и Анахо тоже проскользнули внутрь. Рейт только прикрыл дверь. Теперь они стояли в лоджии; слабо освещенный проход вел в основное здание.

— Вы оба подождите здесь, — приказал Рейт. — Дайте мне самому встретиться с Вудивером.

— Ты в большой опасности, — предостерег Анахо. — Ведь ясно, что пришел ты не с дружественными намерениями.

— Не обязательно, — возразил Рейт. — Конечно, настроен он будет недоверчиво. Но он не может знать того, что я тебя нашел. Если он увидит нас втроем, то насторожится. В одиночку у меня больше шансов его перехитрить.

— Ну ладно, — отступил Анахо. — Мы подождем здесь, но только не очень долго. Потом мы пойдем за тобой.

— Дайте мне пятнадцать минут.

Рейт пошел дальше по коридору, который вел во двор. С другой стороны перед обитой медными листами дверью стоял Дейне Зарре и обрабатывал ее своим инструментом. Неожиданно двор залил свет. Видимо, Дейне Зарре напоролся на сигнализацию.

Во двор вышел Артило.

— Зарре! — крикнул он.

Дейне Зарре обернулся.

— Что ты здесь ищешь? — тихо спросил Артило.

— Это тебя не касается, — бесстрастно ответил Дейне Зарре. — Это мое дело.

Быстрым движением Артило выхватил оружие.

— Я выполняю приказ. Приготовься к смерти.

Рейт выскочил из укрытия, но движение глаз Дейне Зарре настрожило Артило. Он как раз решил оглянуться. Двумя длинными прыжками Рейт подскочил к нему и нанес Артило мощный удар по голове. Артило замертво свалился на землю. Рейт поднял его оружие и оттащил тело. Дейне Зарре уже отвернулся, как будто все происходившее его совершенно не касалось.

Рейт попросил:

— Подождите!

Дейне Зарре снова обернулся. Рейт подошел ближе. Серые глаза Дейне Зарре были удивительно светлы. Рейт спросил:

— Почему вы здесь?

— Чтобы убить Вудивера. Он ужасно истязал моих детей. — Его голос звучал ясно и твердо. — Они мертвы, оба мертвы. Их больше нет на этом несчастном Чае.

Голос Рейта прозвучал сдавленно и донесся до его собственных ушей, будто бы издалека.

— Вудивер должен быть уничтожен, но... но только после того, как космический корабль будет готов.

— Он никогда не допустит, чтобы вы его закончили.

— Поэтому я и здесь.

— Что вы можете сделать? — пренебрежительно спросил Дейне Зарре.

— Я хочу его захватить и держать под стражей, пока корабль не будет полностью готов. После этого вы сможете его убить.

— Хорошо, — безразлично ответил Дейне Зарре. — Почему бы и нет? Я хочу, чтобы он страдал.

— Как хотите. Идите вперед. Я пойду вплотную за вами. Если мы найдем Вудивера, вы можете высказывать ему претензии, но силы не применяйте. Не нужно вынуждать его к неожиданным действиям.

Дейне Зарре молча повернулся. Он с силой навалился на дверь, и их взглядам открылась комната, отделанная в ярко-красных и желтых тонах. Дейне Зарре вошел, и за ним, быстро оглянувшись, зашел Рейт. Перед ними предстал похожий на сверчка, испуганный темнокожий раб в огромной белой чалме.

— Где Аипа Вудивер? — безразлично спросил его Дейне Зарре.

Раб принял важный вид:

— Он очень занят. У него важные дела. Ему ни в коем случае нельзя мешать.

Дейне Зарре схватил его за затылок и приподнял над полом, сорвав при этом чалму с головы. Раб жалобно закричал от боли и оскорбленного чувства собственного достоинства.

— Что вы делаете? Уберите руки, не то я позову своего господина!

— Именно этого мы от тебя и хотим, — заявил Рейт.

Раб, потирая затылок, отшатнулся и уставился на Рейта.

— Немедленно покиньте дом!

— Отведи нас к Вудиверу, если не хочешь неприятностей!

Раб начал юлить:

— Я не могу этого сделать. Он прикажет меня высечь.

— Выгляни во двор, — посоветовал ему Дейне Зарре. — Там ты увидишь труп Артило. Ты хочешь составить ему компанию?

Раб задрожал и упал на колени. Рейт резко поднял его.

— А теперь быстро! К Вудиверу!

— Но вы ему скажете, что вы меня заставили! — стуча зубами воскликнул раб. — Кроме того, вы должны поклясться...

Портьера на другой стороне комнаты отдернулась. В образовавшуюся щель высунулось большое лицо Аипы Вудивера.

— Что здесь за шум?

Рейт отодвинул раба в сторону:

— Ваш слуга не соглашался вас позвать.

Вудивер посмотрел на него хитрым и недоверчивым взглядом, который воспринимать можно было по-разному.

— Из хороших побуждений. Я сейчас занят важными делами.

— Не такими важными, как мои, — заявил Рейт.

— Подождите минуточку, — предложил Вудивер. Он повернулся, сказал несколько слов своему посетителю и снова вернулся назад в красно-желтую комнату.

— У вас есть деньги?

— Да, конечно. Потому я и здесь.

Вудивер снова пристально посмотрел на Рейта.

— Где же они?

— В надежном месте.

Вудивер прикусил свою отвислую верхнюю губу.

— Не говорите со мной в таком тоне. Говоря откровенно, у меня возникло подозрение, что это вы разработали тот подлый план, который позволил сегодня совершить бегство из Стеклянного Дома множеству преступников.

Рейт ухмыльнулся:

— Скажите пожалуйста, как мог я быть одновременно в двух местах?

— Если бы вы были даже в одном месте, этого уже было бы достаточно, чтобы вас проклясть. Человек, описание которого подводит к вам, спустился вниз на поле — всего лишь за час до случившегося. Он бы этого никогда не сделал, если бы не был уверен, что ему удастся бежать. Особенно заслуживает внимания то, что преступный дирдир — человек тоже числится среди исчезнувших.

Дейне Зарре сообщил:

— Взрывчатка была взята с вашего склада. И вы будете объявлены виновным, если по этому поводу издадите хоть один звук.

Казалось, что Вудивер только сейчас заметил Дейне Зарре. Недоверчиво и испуганно он спросил:

— Что вы здесь делаете, старик? Занимайтесь лучше своими делами.

— Я пришел сюда, чтобы убить вас, — заявил Дейне Зарре. — Рейт предложил мне с этим повременить.

— Идем, Вудивер, игра закончена, — сказал Рейт и вытащил оружие. — Быстрее, или я продырявлю твою шкуру.

Без особого беспокойства Вудивер переводил взгляд с одного на другого.

— Мыши показывают свои зубы?

У Рейта был уже достаточный опыт, чтобы считаться с бранью, настойчивостью или упрямством. Он равнодушно приказал:

— Пошли, Вудивер!

Вудивер криво усмехнулся:

— Два смешных, маленьких получеловека.

И немного громче:

— Артило!

— Артило мертв, — сказал Дейне Зарре. Он настороженно смотрел вправо и влево. Вудивер весело посмотрел на него:

— Вы что-то ищете?

Дейне Зарре не обратил на него внимания и тихо сказал Рейту:

— Он слишком беззаботен, даже для Вудивера. Не выпускайте его из виду.

Рейт высокомерно пригрозил:

— На счет «пять» я стреляю.

— Сначала один вопрос, — произнес Вудивер. — Куда мы направляемся?

Рейт прослушал его вопрос:

— Один... Два...

Вудивер тяжело вздохнул:

— Вы совершенно не хотите со мной разговаривать.

— Три...

— Но я должен как-то защищаться...

— ... Четыре...

— ... насколько это возможно. Вудивер отпрянул назад к стене. Бархатный балдахин упал сверху прямо на Рейта и Дейне Зарре.

Рейт выстрелил, но складки ударили его по руке, и она опустилась вниз; пуля лишь скользнула по черным и белым плиткам пола.

Хихиканье Вудивера звучало приглушенно, но самодовольно. Вдруг пол задрожал под его тяжелыми шагами. На Рейта опустилось что-то тяжелое. Вудивер навалился на него всей своей массой. Рейт лежал под ним в полубессознательном состоянии. Голос Вудивера прозвучал совсем близко:

— Значит, озорник хотел доставить Аиле Вудиверу беспокойство? Вы только посмотрите, как он сейчас себя чувствует! — Вес поднялся. — И Дейне Зарре, который любезно отказался убивать меня из-за угла... Ну, ладно, живите себе дальше, Дейне Зарре. Я более великодушен.

Шорох, печальное и приглушенное бормотание, скрип ногтя по кафелю.

— Адам Рейт, — сказал Голос. — Вы — особо ненормальный случай. Меня интересуют ваши намерения. Бросьте оружие, вытяните вперед руки и не двигайтесь. Вы чувствуете давление на своей шее? Это моя нога. Так что, быстрее! Руки вперед и никаких резких движений! Хисзиу, продолжай!

С протянутых рук Рейта убрали складки бархата. Быстрые темные пальцы связали его руки шелковым шнуром.

Бархат отодвинули еще дальше. Рейт поднял глаза вверх и увидел стоящую на широко расставленных ногах массу. Раб Хисзиу, как марионетка, прыгал вперед и назад, вокруг и в стороны.

Вудивер поднял Рейта:

— Приятно прогуляться!

Мощным ударом он сбил его с ног. Рейт потерял сознание.

Глава 19

Рейт стоял в темном помещении возле металлических стеллажей. Его вытянутые руки были крепко привязаны к поперечной перекладине; ноги были закреплены таким же образом. В эту дыру не попадало ни лучика света — за исключением мерцания нескольких звезд, проникавшего сквозь узкое оконце. Раб Хисзиу торчал в двух метрах от него и держал в руках легкую плетеную шелковую плетку. Она представляла собой гибкий шнур, укрепленный на короткой ручке. Казалось, что раб видел в темноте и получал удовольствие от того, что щелкал через неравномерные промежутки времени концом плетки по рукам, ногам и подбородку Рейта. Лишь однажды он сказал:

— Обоих твоих друзей тоже обнаружили. Их дела обстоят ничуть не лучше, чем твои, даже еще хуже. Вудивер устроит им веселую жизнь!

Рейт безучастно стоял на месте, его мысли были вялыми и безразличными. Неудачи со всех сторон; он не мог думать ни о чем другом. Слабые, но болезненные удары плетки Хисзиу уже почти не воспринимались. Его жизнь подходила к концу, и он обращал на эти удары столько же внимания, как на капли дождя, падающие в одно из мрачных морей Чая. Где-то вне его поля зрения возшла голубая луна и осветила небо. По медленному появлению или по еще более медленному затуханию лунного света можно было ночью определить время.

Хисзиу задремал и тихонько захрапел. Рейту было все равно. Он поднял голову и посмотрел в окно. Свет луны исчез. На востоке мутный свет предвещал появление Карины 4269. Хисзиу дернулся, проснулся и раздраженно ударил плеткой Рейта по щеке — на ней сразу появился кровавый рубец. Он вышел из камеры и через мгновение появился снова с кружкой горячего чая, который принялся громко пить, стоя у окна. Рейт прохрипел:

— Если ты меня развяжешь, я дам тебе десять тысяч секвинов.

Хисзиу не обратил на него никакого внимания.

Рейт продолжал:

— И еще десять тысяч, если ты сможешь освободить моих друзей.

Небо засверкало темно-золотистым светом. Взошла Карина 4269. Раздались шаги. В дверном проеме показалась туша Вудивера. Какое-то мгновение он оставался в двери, оценивая ситуацию. Затем он схватил плетку и отослал Хисию из помещения.

Вудивер выглядел очень возбужденным, словно находился под действием наркотиков или алкоголя. Он поигрывал плеткой, тихонько ударяя себя по ноге.

— Адам Рейт, я не могу найти денег. Где они?

Рейт попытался говорить нормально:

— Что вы имеете в виду?

Вудивер вздернул безволосые брови:

— Я ничего не имею в виду. Жизнь продолжается. Я живу так хорошо, как только могу.

— Зачем вы меня здесь привязали?

Аила Вудивер ударил плеткой по своей ноге.

— Само собой разумеется, что я сообщил моим кровным родственникам о вашем задержании.

— Дирдирам?

— Конечно.

Вудивер еще раз ударил себя по бедру плеткой.

Рейт очень серьезно произнес:

— Дирдиры не могут быть вашими кровными родственниками! Дирдиры и люди не имеют ничего родственного! Они происходят с разных планет!

Вудивер лениво оперся о стену:

— Где это вы только слышали такую глупость?

Рейт облизал губы и задал себе вопрос: «Каким наиболее вероятным образом он может помочь себе?» Вудивер не был рассудительным человеком, им управляли инстинкт и интуиция. Рейт попытался придать своему голосу как можно больше уверенности.

— Люди происходят с планеты Земля. Дирдиры знают это также хорошо, как и я. Но они только рады тому, что дирдир-люди сами себя обманывают.

Вудивер задумчиво кивнул:

— Вы рассчитываете найти эту «Землю» при помощи космического корабля?

— Мне не нужно ее искать. Она находится на расстоянии двухсот световых лет в созвездии Клари.

Вудивер рванулся вперед. Его желтое лицо находилось в каких-то тридцати сантиметрах от лица Рейта, когда он прорычал:

— А как же тогда с сокровищами, которые вы мне обещали? Вы ввели меня в заблуждение, обманули меня!

— Нет,— возразил Рейт.— Я сам с Земли, а на Чае произвел вынужденную посадку. Помогите мне вернуться на Землю и вы получите все то, что потребуете.

Вудивер медленно отклонился назад.

— Вы принадлежите к возродившемуся Культуре Йао, или как он там еще называется.

— Нет. Я говорю правду. И ваше большое преимущество заключается в том, что вы можете мне помочь.

Вудивер с умным видом кивнул:

— Возможно, это неплохой случай. Но сначала самое главное. Вы легко можете подтвердить ваши добрые намерения. Где мои деньги?

— Ваши деньги? Это не ваши деньги. Это мои деньги.

— Не имеющая значения разница. Где — скажем так — наши деньги?

— Вы никогда их не увидите, если не выполните своих обязательств.

— Это неслыханное упрямство,— возмутился Вудивер.— Вы схвачены, с вами покончено! С вашими помощниками тоже. Дирдир-человек отправится обратно в стеклянную клетку. Степной юноша будет продан в рабство, если, конечно, вы его не выкупите.

Рейт поник и замолчал. Вудивер ходил взад и вперед по комнате и время от времени бросал на Рейта злобные взгляды. Наконец, он подошел к нему вплотную и уперся плеткой Рейту в живот.

— Где деньги?

— Я вам не доверяю,— недовольно заявил Рейт.— Вы не выполняете собственных обещаний.

С большим трудом он выпрямился и постарался остаться спокойным.

— Если вы хотите получить деньги, выпустите меня. Космический корабль почти готов. Вы можете с нами отправиться на Землю.

Лицо Вудивера оставалось бесстрастным.

— Ну, а потом?

— Космическая яхта, дворец — все, что хотите. Вы можете это иметь.

— А как я смогу вернуться в Сивиш? — пренебрежительно поинтересовался Вудивер.— Что будет с моими делами? Совершенно ясно, что вы — сумасшедший. Зачем я трачу свое время? Где деньги? Дирдир-человек и степной юноша достоверно сообщили, что не знают этого.

— Я тоже этого не знаю. Я отдал их Дейне Зарре и поручил ему их спрятать. Вы же его убили.

Вудивер подавил в себе разочарованный стон:

— Мои деньги?

— Скажите, вы хотите, чтобы я достроил космический корабль? — спросил Рейт.

— У меня не было такого намерения.

— Значит, вы меня обманывали?

— А почему нет? Вы попытались сделать то же самое. Тот, кто сможет победить Аилу Вудивера, действительно талантлив.

— Несомненно.

В помещение вошел Хисзиу и, приподнявшись на носки, что-то прошептал на ухо Вудиверу. Тот гневно топнул ногой.

— Так быстро? Они прибыли слишком рано! Я даже не успел начать.

Он повернулся к Рейту, кийя от злости.

— Немедленно деньги, или я продам юношу. Быстро!

— Дайте нам бежать! Помогите нам достроить космический корабль. Тогда вы сможете получить ваши деньги!

— Поразительная неблагодарность, — прошипел Вудивер.

Раздались шаги.

— Все мои планы перечеркнуты, — простонал он. — Что за несчастная жизнь! Кошмар!

Вудивер плюнул Рейту в лицо и с силой ударил его плеткой.

В комнату, сопровождаемый гордым Хисзиу, вошел высокий дир-дир-человек; самый блестящий и самый странный из всех, виденных Рейтом ранее: Безупречный с головы до пят. Вудивер что-то тихо сказал Хисзиу; пути Рейта были разрезаны. Дирдир-человек закрепил на шее у Рейта цепь и прикрепил другой ее конец к своему поясу. Не говоря ни слова, он покинул дом, презрительно махнув на прощание рукой.

Рейт угрюмо шел за ним.

Глава 20

Перед домом Вудивера стояла большая белая лакированная машина. Безупречный прикрепил цепь Рейта к кольцу, приделанному позади машины. Рейт наблюдал за ним с тоскливым любопытством. Безупречный был более двух метров ростом. С обеих сторон вытянутого черепа на небольших выступах были прикреплены искусственные антенны. Его кожа была такой же белой и блестящей, как лак автомобиля. Голова была абсолютно лысой, нос выглядел ужасным клювом. Несмотря на свой странный вид и несомненно измененный пол, это был человек, произошедший с той же планеты, что и он, размышлял Рейт. Из дома быстрыми шагами, будто бы их толкали, вышли Анахо и Трез. На их шеи были накинuty цепи. За ними мчался

Хисзиу, держа в руке концы цепей. За ними следовали два дирдир-человека из Избранных. Они прикрепили цепи к задней части машины. Безупречный сказал Анахо несколько шипящих слов и показал на доску, закрепленную в задней части машины. Больше не оглядываясь, он сел в машину, где уже сидели оба Избранных. Анахо пробормотал:

— Забирайтесь сюда, иначе нас поволокут.

Они взобрались на узкую доску и схватились за кольца, к которым были прикреплены цепи. Таким унижительным способом они покинули этот дом. Черный лимузин Вудивера тарыхтел за ними на расстоянии пятидесяти метров, и его массивное тело склонилось над рулем.

— Он жаждет признания, — объяснил Анахо. — Он помог в очень важной охоте и жаждет разделить триумф.

— Я допустил ошибку, обращаясь с Вудивером, как с человеком, — хрипло сделал вывод Рейт. — Если бы я обращался с ним, как со зверем, мы наверняка оказались бы в лучшем положении.

— Да, хуже влипнуть мы не могли.

— Куда мы едем?

— В Стеклянный Дом, куда же еще?

— И нас не будут допрашивать? Нам не представится возможность защищаться?

— Конечно нет, — отрывисто ответил Анахо. — Ведь вы полулюди, а я изгнанник.

Белая машина свернула на какую-то площадь и остановилась. Дирдир-люди вышли из нее, неподвижно остановились в стороне и принялись смотреть в небо. Вперед вышел грубый человек среднего возраста: знатная особа и несомненно тщеславная, так как его волосы были старательно закручены и украшены драгоценностями. Он не-принужденно заговорил с дирдир-людьми. Они отвечали ему после небольшой, но многозначительной паузы.

— Это Эрлиус, правитель Сивиша, — проворчал Анахо. — Он тоже хочет принять участие в охоте. Создается впечатление, что мы будем ценной дичью.

Привлеченные суетой жители Сивиша начали собираться вокруг белого автомобиля. Люди образовали широкий, почтительный круг, пожирая глазами пленников с ужасной жадной сенсации, и пытались отпрянуть назад всякий раз, когда взгляд одного из дирдир-людей скользил в их направлении.

Вудивер остановился в каких-то пятидесяти метрах, но остался сидеть в машине; по всей видимости, он собирался с силами. Наконец он вышел и сделал вид, что читает что-то, написанное на листе бумаги. Эрлиус заметил его и быстро повернулся к нему спиной.

— Посмотри-ка на этих двоих, — громко сказал Анахо. — Один ненавидит другого. Вудивер насмехается над Эрлиусом, так как в том

не течет кровь дирдир-людей. Эрлиус же с большим удовольствием увидел бы Вудивера в Стеклянном Доме.

— Я тоже, — констатировал Рейт. — Если уж речь идет о Стеклянном Доме, то чего же мы ждем?

— Руководителя *тсау'гш*. Ты еще успеешь достаточно насмотреться на Стеклянный Дом.

Рейт со злостью рванул свою цепь. Дирдир-люди повернулись и с осуждением посмотрели на него.

— Забавно, — пробормотал Рейт. — Должны же мы попытаться что-то сделать. Как там с традициями дирдиров? Что, если я выкрикну *х'саи, х'саи, х'саи* — или как там они требуют проведения суда?

— Этот призыв звучит *др'сса, др'сса, др'сса!*

— А что же произойдет, если я потребую суда?

— Твое положение будет ничуть не лучше, чем до этого. Судья объявит тебя виновным, а там, как и предполагалось, — Стеклянный Дом.

— А если я оспарю приговор?

— Тогда тебе придется драться, и ты умрешь еще раньше.

— И никого не могут схватить, не предъявив ему обвинений?

— Теоретически это обычай, — коротко ответил Анахо. — Но кого ты хочешь привлечь к ответу? Вудивера? Это не поможет. Он тебя не обвинял, а только помог в охоте.

— Посмотрим.

Трез показал на небо:

— Дирдиры летят.

Анахо посмотрел на садящийся корабль.

— Герб Хисза. Если в этом принимает участие Хисз, то мы действительно можем рассчитывать на более веселое обращение. Наверное, они предопределили нам судьбу, которая возможна только на охоте в Хисзе.

Трез безуспешно натягивал цепь. Он разочарованно свистнул и повернул голову, чтобы посмотреть на приземлявшийся планер. Толпа в серых капюшонах под ним отпрянула назад. Планер опустился лишь в пятнадцати метрах от белого автомобиля. Из него вышли пять дирдиров: один из них был Превосходительством, а четверо — представителями более низкой касты.

Безупречный важно выступил вперед, но дирдиры проявили к нему такое же отсутствие интереса, как и он недавно по отношению к Эрлиусу.

Некоторое время дирдиры оценивающе рассматривали Рейта, Анахо и Трезу. Затем они жестом подозвали Безупречного и произнесли несколько коротких звуков.

Эрлиус выступил вперед, чтобы высказать свое глубокое уважение — на полусогнутых ногах и с опущенной головой. Но не успел он

сказать и слова, как мимо него прошагал Вудивер и закрыл Эрлиуса своим большим желтым телом; тот был вынужден отодвинуться в сторону.

Высоким голосом Вудивер произнес:

— Вот, ваши Благородия из Хисза, преступники, которых разыскивало охотничье общество. Я сделал свой скромный вклад в их поимку. Отметьте это, пожалуйста, в списке моих поощрений.

Дирдиры лишь мельком посмотрели на него. Вудивер, который наверняка на большее и не рассчитывал, низко склонил голову и изобразил руками искусный жест.

Безупречный приблизился к пленникам и отстегнул цепи от машины. Рейт вырвал свою цепь у него из рук. Безупречный открыл рот и ошеломленно посмотрел на него — искусственные антенны опустились вниз к белому лицу. Рейт прошел мимо него, в то время, как его сердце почти выскакивало из груди. Он чувствовал, что все глаза смотрят только на него. Лишь большим усилием воли он замедлил шаг до нормального темпа. В двух метрах от дирдиров он остановился — так близко, что почувствовал запах их тел. Они не моргая смотрели на него.

Рейт напряг голос и отчетливо выкрикнул:

— *Др'сса! Др'сса! Др'сса!*

Можно было заметить, что дирдиры замерли в некотором замешательстве.

— *Др'сса! Др'сса! Др'сса!* — крикнул Рейт еще раз.

Превосходительство спросил носовым, звучавшим словно гобой, голосом:

— Почему ты выкрикиваешь *др'сса*? Ведь ты получеловек и не имеешь способности составлять мнение.

— Я человек, Ваша Честь! Поэтому я и крикнул *др'сса!*

Вудивер придвинулся — с важным деловым видом, возбужденно и вздыхая:

— О! Да он же сумасшедший!

Дирдиры выглядели несколько озадаченными. Рейт выкрикнул:

— Кто меня обвиняет? За какое преступление? Я выхожу вперед и отдаюсь случаю выслушать приговор судьи.

Превосходительство сказал:

— Ты присягнул традицией, которая сильнее, чем пренебрежение или отвращение. В ней тебе не может быть отказано. Кто обвинит этого человека?

Вудивер поспешил взять слово:

— Я обвиняю Адама Рейта в богохульстве, он подвергает сомнению параллельное происхождение, он заявляет, что имеет право на одинаковый с дирдирами статус. Он утверждает, что дирдир-люди не являются чистой расой, произошедшей из второй половины яйца. Он

их называет расой мутированных уродов. Он утверждает, что люди прилетели с другой планеты, а не с Сибола. Это не согласуется с традиционной верой и несовместимо с ней. Адам Рейт — это подстрекатель, лжец и нарушитель спокойствия!

— Каждое из названных обвинений Вудивер подчеркивал еще и направленным движением указательного пальца.

— Так выглядят мои обвинения!

Он посмотрел на дирдиров с обходительной и простодушной улыбкой, затем повернулся и закричал на толпу:

— Отойдите назад! Не осаждайте так их Превосходительства!

Дирдир просвистел Рейту:

— Ты утверждаешь, что эти обвинения неправомерны?

Рейт стоял в замешательстве. Он понял, что попал в переделку. Если он будет отрицать обвинения, то еще больше усилит верования дирдир-людей. Он осторожно спросил:

— В основном меня обвиняют в нетрадиционных убеждениях. Является ли это преступлением?

— Конечно, если это подтвердит судья.

— А что, если эти взгляды соответствуют действительности?

— Тогда ты должен будешь привлечь к ответу судью. Как ни забавно выглядит такая возможность, она соответствует традиции и имеет свой смысл.

— Кто будет судьей?

Гладкое вытянутое лицо Превосходительства осталось неизменным; его голос тоже.

— В этом случае я назову Безупречного, стоящего здесь.

Безупречный выступил вперед. Шипящими насмешливыми звуками, позаимствованными у дирдиров, он произнес:

— Я быстро это сделаю. Обычные церемонии здесь неприемлемы,— и обратился к Рейту.— Возражаешь ли ты против обвинения?

— Я их ни подтверждаю, ни объявляю ложными; они просто смешотворны.

— По моему мнению, ты просто ищешь отговорку. Это подтверждает вину. Кроме того, твое поведение неуважительно. Ты виновен.

— Если ты только не сможешь подтвердить приговор,— заявил Рейт,— я его оспариваю. Привлекаю тебя к ответу.

Безупречный смотрел на Рейта со злостью и отвращением.

— Ты вызываешь на дуэль меня, Безупречного?

— Мне кажется, что это единственная возможность доказать мою невиновность.

Безупречный вопросительно посмотрел на Превосходительство:

— Я обязан это делать?

— Да.

Безупречный оценивающе взглянул на Рейта:

— Я убью тебя только лишь руками и зубами, как и подобает дирдир-человеку.

— Как хочешь. Тольконими сначала цепь с моей шеей.

— Сними с него цепь,— приказал Превосходительство.

Безупречный недовольно возразил:

— Это же унижение! Если я буду драться за болтовню этого получеловека, я потеряю свое достоинство.

— Перестань жаловаться,— ответил ему Превосходительство.— Я, руководитель охоты, теряю трофеи. Приступай и подтверди свой приговор.

Цепь была снята. Рейт сделал несколько разминочных упражнений и почувствовал, что сила возвращается в затекшие мышцы. Он всю ночь провисел на привязанных к стене руках. Из-за усталости его тело стало неповоротливым. Дирдир-человек сделал шаг вперед. Рейт скользнул немного в сторону.

— Как выглядят правила борьбы? — спросил он.— Я не хочу допускать нарушений правил.

— Их не существует,— ответил Безупречный.— Мы берем правила охоты: ты моя дичь!

Он издал дикий вопль и бросился на Рейта быстрым и резким движением. Рейт соприкоснулся с белым телом существа и обнаружил, что оно состояло из сильно напряженных мускулов и хрящей. Рейт отразил нападение, хотя и был оцарапан искусственными когтями. Он попытался произвести захват в ключ, но это ему не удалось — не дотянулся. Тогда он нанес сильный удар под ухо и попытался попасть ему по горлу, но промахнулся. Безупречный со злостью отпрянул назад. Зрители в возбуждении покашливали. Безупречный снова ринулся на Рейта, но тот схватил его длинную руку, из-за чего дирдир-человек не удержался на ногах. Вудивер не смог больше совладать с собой. Он рванулся вперед и нанес Рейту сильный удар по голове. Трез протестующе захрипел и ударил своей цепью по лицу Вудивера. Тот взвыл от боли и упал на землю. Анахо набросил свою цепь на шею Вудиверу и потянул ее на себя. Избранный дирдир-человек подскочил и отбросил цепь. Вудивер остался лежать и хрипел; его лицо приобрело цвет грязи.

В результате нападения Вудивера Безупречный получил преимущество, схватил Рейта и бросил его на землю. Напряженные, как проволока, руки обхватили туловище Рейта. Острые длинные клыки тянулись к его шее. Рейту удалось освободить руки. Из всех сил он ударил сложенными лодочкой ладонями по белым ушам. Безупречный дико вскрикнул и затряс головой. На какое-то мгновение он потерял ориентировку. Рейт уселся на его тонкую спину, будто бы собиравшись верхом на тонком белом угре покататься, и принялся обрабатывать белый лысый череп. Он выдернул искусственные антен-

ны. Поиздевавшись над головой противника разными способами, он, наконец, с силой ее вывернул. Безупречный изогнулся. Его тело за-тряслось и задергалось, потом затихло.

Рейт поднялся и встал, дрожа и тяжело дыша.

— Я себя оправдал, — заявил он.

— Обвинения толстого человека не имеют под собой оснований, — важно сказал Превосходительство. — За это он тоже может быть привлечен к ответу.

Рейт повернулся.

— Стой! — крикнул Превосходительство и его голос принял горловые колебания. — Имеются ли еще другие обвинения?

Дирдир Избранной касты, блестящие антенны которого стояли вертикально и кристаллически светились, спросил:

— Дикая зверь все еще кричит *др'сса*?

Рейт резко обернулся — полупьяный от усталости и от последствий схватки.

— Я человек. Это ты дикий зверь!

— Требуешь ли ты суда? — спросил Превосходительство. — Если нет, мы уедем.

Мужество покинуло Рейта.

— Как звучат новые обвинения?

Избранный выступил вперед.

— Я обвиняю тебя, что ты вместе со своими сообщниками нелегально пробрался в заповедную охотничью зону дирдиров и подло убил Чистейших из Хисза.

— Я заявляю, что обвинение ложное, — хрипло ответил Рейт.

Избранный обратился к Превосходительству:

— Я требую, чтобы судил ты. Я требую, чтобы ты отправил этого негодяя вместе с его сообщниками в Хисз и объявил их исключительно добычей Хисза.

— Я принимаю должность судьи, — прозвучал голос Превосходительства. И уже носовым грубым тоном обратился к Рейту: — Ты нелегально проник в Карабас, и это правда.

— Я пришел в Карабас. Никто не запрещал мне этого делать.

— Это правило известно повсюду. Ты исподтишка убил знатных дирдиров. Это тоже правда.

— Я не нападал ни на кого, кто не нападал на меня первым. Если же дирдиры ведут себя, как дикие звери, то им пришлось почувствовать и последствия.

Из толпы раздалось удивленное и, как показалось, даже несколько восхищенное бормотание. Превосходительство повернулся и посмотрел на площадь. Шум моментально стих.

— Охота у дирдиров — это обычай. Для полулюдей же, обычай — это быть дичью.

— Я не получеловек, — защищался Рейт. — Я человек и не собираюсь убегать, как дичь. Если на меня нападает дикий зверь, я его убиваю.

На белом лице Превосходительства не отразилось никаких чувств. Лишь его антенны замерцали и выпрямились.

— Приговор должен оставаться в соответствии с традициями, — ответило существо. — Я нахожусь среди полулюдей. Сейчас этот факт должен свершиться. Вас отведут в стеклянную клетку.

— Я оспариваю приговор, — заорал Рейт.

Он выскочил вперед и ударил Превосходительство по лицу. Кожа его оказалась холодной и несколько податливой — как черепаха. Рука Рейта после удара горела. Антенны Превосходительства стали похожи на кусочки расплавленной проволоки. Он издал тонкий свист. Толпу охватило недоверчивое молчание.

Превосходительство в жадном, хватающем и волнующем жесте протянул руки вперед. Он издал булькающий крик и приготовился к прыжку.

— Одну минутку, — попросил Рейт и отступил назад. — Как выглядят правила?

— Правил не существует. Я убью тебя так, как мне заблагорассудится.

— А если я убью вас, оправдаю ли я себя, и моих друзей тоже?

— Да, это так.

— Будем сражаться на мечах?

— Мы будем сражаться так, как мы сейчас стоим.

— Ну, хорошо, — согласился Рейт.

Борьбы не было. Превосходительство быстро и мощно, как тигр, рванулся вперед. Рейт быстро отскочил на два шага. Превосходительство споткнулся и упал. Рейт заломил роговистый сустав руки и сильно ударил ногой по корпусу. Затем Рейт упал на спину и перебросил существо в сальто на землю. Тот упал прямо на затылок и потерял сознание. Рейт моментально оседлал его сверху, схватив когтистые руки. Превосходительство повернулся и вздрогнул. Рейт принялся бить его головой о брусчатку, пока череп не треснул. Из него стало вытекать беловато-зеленое гноистое вещество. Рейт прохрипел:

— Как теперь с приговором? Правильным ли он был или нет?

Превосходительство закричало от боли — невыносимый резкий звук, который для человеческого восприятия был совершенно чужд. Рейт снова приготовился опустить белую голову на мостовую.

— Что с приговором? — Он бил голову о брусчатку. Дирдир принял последнюю попытку сбросить с себя Рейта, но безуспешно.

— Вы победитель. Мой приговор отвергнут.

— Значит, теперь я и мои друзья невиновны? Мы можем возвратиться к своим делам и не опасаться дальнейших преследований?

— Да, это так.

Рейт крикнул, обращаясь к Анахо:

— Могу я на это положиться?

Анахо ответил:

— Да, таков обычай. Если тебе нужны трофеи, оторви его антенны.

— Мне не нужны трофеи.

Рейт поднялся и стоял, покачиваясь.

Толпа смотрела на него со страхом. Эрлиус на каблуках развернулся и поспешил убраться. Аила Вудивер медленно двигался к своему автомобилю.

Рейт выставил палец.

— Вудивер! Твои обвинения были несправедливы. Теперь ты должен держать передо мной ответ.

Вудивер выхватил оружие. Трез сделал мощный прыжок и ударил по толстой руке. Оружие разрядилось и обожгло Вудиверу ногу. Он громко взвыл и свалился на землю. Анахо поднял оружие. Рейт одел одну из цепей на шею Вудивера и грубо за нее дернул.

— Пошли, Вудивер!

Он повернулся и пошел, ведя Вудивера по быстро наполнявшейся зеваками площади прямо к черному лимузину.

С тяжелым чувством Вудивер в нее сел и сгорбился, превратившись в холмик тоски в салоне. Анахо завел машину и они выехали с овальной площади.

Глава 21

Лимузин подъехал к сараю. В отсутствие Дейне Зарре техники на работе не появлялись. Сарай казался вымершим и покинутым. Космический корабль, выглядевший почти готовым, одиноко лежал на распорках.

Втроем они втащили Вудивера внутрь — как ведут норовистого быка — и крепко привязали его между двумя опорами. Вудивер постоянно протестовал, сопровождая свои протесты стонами.

Какое-то время Рейт смотрел на него. Пока еще от Вудивера отказаться было нельзя, даже с учетом того, что он оставался опасным. Несмотря на свою игру и возмущение, взирал он на Рейта ясным, твердым взглядом.

— Вудивер, ты доставил мне много страданий,— жестко сказал Рейт.

Большое тело Вудивера затряслось от рыданий; сейчас он был похож на огромного, уродливого младенца.

— Вы собираетесь меня мучить, а потом убить.

— Этот вывод лежит на поверхности, — подтвердил Рейт. — Но у меня есть более срочные дела. Чтобы достроить корабль и вернуться на Землю с информацией об этой адской планете, я бы отказался даже от удовольствия увидеть тебя мертвым.

— В таком случае, — неожиданно по-деловому сказал Вудивер, — все остается, как и прежде. Заплатите, и мы будем продолжать работать.

От неожиданности Рейт открыл рот. Наконец он засмеялся, удивляясь завидной бессовестности Вудивера.

Анахо и Треза это развеселило меньше. Анахо ткнул палкой в массивный живот.

— А как же понимать последнюю ночь? — тихо спросил он. — Ты об этом еще помнишь? Как понимать электрические провода и ивовые пояса?

— Что случилось с Дейне Зарре и обоими детьми? — продолжил Трез.

Вудивер с мольбой посмотрел на Рейта:

— Чье слово имеет вес?

Рейт тщательно подобрал ответ.

— У каждого из нас имеются основания для своего мнения. И ты будешь дураком, ожидая от нас непринужденности и доброжелательности.

— В любом случае он должен страдать, — ударил Трез по сжатым зубам.

— Ты будешь жить, — пообещал Рейт, — но лишь затем, чтобы служить нашим интересам. Твоя жизнь не стоит для меня и ломаного гроша, если ты не сделаешь ее более ценной.

Снова Рейт заметил в глазах Вудивера холодный и хитрый блеск.

— Пусть будет так, — согласился он.

— Я хочу, чтобы ты немедленно нашел полноценную замену Дейне Зарре.

— Дорого, очень дорого, — предостерегающе сказал Вудивер. — С Зарре нам очень везло.

— Ответственность за то, что его нет, лежит на тебе, — напомнил Рейт.

— Каждый в жизни допускает ошибки, — заметил Вудивер. — Эта была одной из моих. Но я знаю как раз подходящего человека. Только я вас предупреждаю, что обойдется он очень дорого.

— Деньги значения не имеют, — произнес Рейт. — Нам нужен самый лучший. Во-вторых, я хочу, чтобы ты снова вызвал всех техников на работу. Конечно, только по телефону.

— Это не трудно,— сердечно сказал Вудивер.— Работа скоро пойдет дальше.

— Ты должен позаботиться о немедленной доставке материалов и оборудования, в которых мы нуждаемся, и взять на себя все издержки и зарплату, которые возникнут с этого момента.

— Что? — недовольно спросил Вудивер.

— Кроме того,— продолжал Рейт,— ты останешься сидеть привязанным между этими двумя столбами. За твое пребывание здесь ты будешь платить по тысяче — или лучше, по две тысячи секвинов в день.

— Что? — вскричал Вудивер.— Вы хотите обмануть бедного Вудивера и поиздеваться над ним?

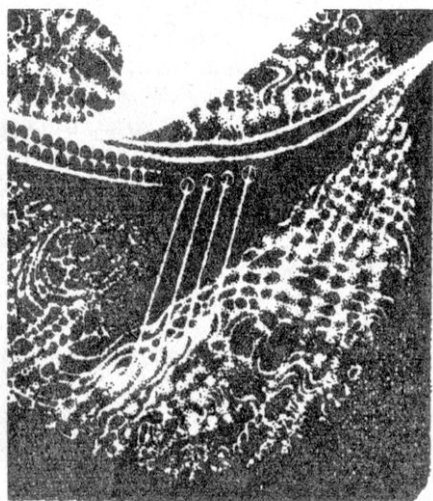
— Ты принимаешь условия? — спросил Рейт.— Если нет, я предложу Трезу и Анахо тебя убить; оба носят на тебя камень за пазухой. Вудивер выпрямился во весь свой рост.

— Я соглашаюсь,— твердо пообещал он.— А теперь, поскольку мне, кажется, придется терпеть ваши фокусы и тем самым нести разрушительные убытки, нам необходимо немедленно приступить к работе. Момент, когда я увижу вас исчезающими в космосе, сделает меня очень счастливым — я вам это обещаю! Снимите только цепи, чтобы я мог позвонить.

— Пусть все остается так, как есть,— ответил Рейт.— Телефон мы тебе принесем. А теперь, где деньги?

— Но это же несерьезно с вашей стороны! — взывал Вудивер.

ПНУМЫ

The Pnume

Глава 1

В помещении склада, на краю солончаков Сивиша, на стуле сидел Аила Вудивер. Цепь вела от ошейника, укрепленного на его шее, к закрепленному на потолке тросу. Таким образом, он мог ходить от своего стола к стенной нише, в которой он спал; цепь повсюду тащилась за ним.

Аила Вудивер был пленником в своих собственных владениях. В нем бушевали обида и оскорбление, на которые он мог реагировать только болезненными вспышками гнева. Но, тем не менее, он мирно сидел на своем стуле. Толстые ягодицы свисали с обеих сторон, как выюнный мешок с седла, и с его лица не сходила бессмысленная улыбка набожного снисхождения.

Возле космического корабля, занимавшего большую часть помещения склада, стоял Адам Рейт и смотрел на него. Покорность Вудивера беспокоила его больше, чем если бы он буйствовал. Рейт надеялся, что если Вудивер и вынашивал какие-либо планы, то они не созреют у него слишком быстро. Космический корабль был почти готов. Примерно через неделю Рейт рассчитывал сказать старому Чаю «прощай» и помахать ему рукой.

Вудивер занимался рукоделием. Время от времени он высоко поднимал свою работу, чтобы восхититься образцом — само воплощение настойчивой добродетельности. Зашел Трез, мрачно посмотрел на Вудивера и вспомнил философию своих предков, эмблемных кочевников:

— Убей его прямо сейчас же! Убей его и дело с концом!

Рейт с сомнением проговорил:

— Но ведь он прикован и не сможет нам навредить.

— Он найдет и средство, и возможность. Ты уже забыл о его коварстве?

— Но не могу же я его просто так хладнокровно убить.

Трез ответил сердитым покашливанием и демонстративно вышел из помещения. Анахо, дирдир—человек, заявил:

— На этот раз и я согласен с молодым степняком. Убей это жирное чудовище!

Вудивер, до которого дошел смысл разговора, изобразил кроткую улыбку. Рейт заметил, что он осунулся. Толстые и упругие раньше

щеки вяло обвисли. Вытянутая верхняя губа, словно клюв, свисала на острый маленький подбородок.

— Ты только посмотри на его дурацкую ухмылку! — прошипел Анахо. — Если бы он мог, то сварил бы нас в нервном возбудителе! Убей его, не откладывая!

Рейт попытался его успокоить:

— Через неделю нас здесь уже не будет. Что же он может принять, прикованный и беспомощный?

— Это Вудивер!

— Именно поэтому мы не можем забить его, как животное.

Анахо всплеснул руками и последовал за Трезом на свежий воздух. Рейт зашел в космический корабль и несколько минут наблюдал за техниками. Они как раз занимались очень сложной установкой энергетического насоса. Рейт не мог предложить им своей помощи. Техника дирдиров, как, впрочем, и их психика, не укладывались в рамках его сознания. И то, и другое основывалось на интуиции; во всяком случае, так ему казалось. У дирдиров он находил мало признаков целесообразного мышления.

Длинные коричневые лучи косо падали сквозь высокие окна. Вскоре солнце зашло. Вудивер осторожно отложил в сторону свою изящную работу, покорно кивнул Рейту и отправился в свою спальню; цепь со звоном тащи́лась за ним.

Техники вышли из корабля, а вместе с ними и Фио Харо — технический руководитель. Конец рабочего дня! Рейт дотронулся до грубого корпуса и прижал ладони к стали, как будто все еще не мог поверить, что все это на самом деле. Еще одна неделя — потом полет сквозь космос обратно, на Землю! Это казалось ему сном. Земля стала для него далеким и причудливым миром.

Рейт отправился на кухню и взял там большой кусок черной колбасы, с которым вышел к двери. Карина 4269 висела уже низко над горизонтом. Она заполняла солончаковую равнину светом, похожим на цвет свежего пива, и каждый кустик травы отбрасывал за собой длинную тень.

Две черные фигуры, которые в последнее время почти постоянно появлялись при заходе солнца, нигде видны не были.

Панорама определенным образом подчеркивала печальную красоту. На севере город Сивиш, разваливающиеся стены которого были подкрашены косым светом в коричневатые оттенки. На западе, за Аизанским проливом, высились остроконечные башни города дирдиров Хей, доминантой которого был Стекланный Дом.

Рейт присоединился к Трезу и Анахо. Они вдвоем сидели на скамейке и бросали камешки в небольшой пруд. У немногословного Треза были резкие черты лица, он был крепкого сложения. Анахо — тонкий, словно угорь, и на полметра выше Рейта; лицо его имело

продолговатые и нежные черты, и, в отличие от Треза, он был весьма болтлив. Трезу не нравились манеры Анахо, а Анахо считал Треза грубым и несамокритичным. Иногда, правда, их мнения совпадали — как, например, сейчас относительно Аилы Вудивера.

Рейт же, в свою очередь, больше опасался действий со стороны дирдиров. Со своих башен они могли прямо через дверь сарая наблюдать за тем, что там происходит. Медлительность и инертность дирдиров казались такими же неестественными, как и улыбка Вудивера, и объяснялись, по мнению Рейта, ужасными тайными замыслами.

— Почему они ничего не предпринимают? — недоумевал Рейт, впиваясь зубами в черную колбасу. — Ведь должны же они знать, что мы находимся здесь.

— Поведение дирдиров предсказать совершенно невозможно, — ответил ему Анахо. — Они потеряли к тебе всякий интерес. Люди значат для них не больше паразитических насекомых. Они с большим удовольствием предпочли бы повыгонять пнумов из их пещер. Я думаю, что ты больше не являешься целью *тсауги*.

Но Рейт еще не мог полностью почувствовать себя в безопасности.

— А фанги или пнумы? Кем могут оказаться те, что постоянно за нами наблюдают? Ведь они здесь наверняка не для своего личного удовольствия?

Он имел в виду две черные фигуры, в последнее время постоянно появлявшиеся на солончаковой равнине. Каждый день они стояли, повернувшись спиной к заходящему солнцу, — большие фигуры в черных плащах и широкополых черных шляпах.

— Фанги ходят поодиночке. Это не фанги, — заявил Трез. — А пнумы днем никогда не показываются.

— Тем более, так близко от Хея. Они боятся дирдиров, — дополнил Анахо. — Так что, это пнумеки, а еще вероятнее, гжиндры*

Когда эти двое появились у сарая в первый раз, они тарасились на склад до тех пор, пока Карина 4269 не закатилась за холмы. Затем они исчезли в темноте. Казалось, что их интерес являлся чем-то большим, чем простое любопытство. Эта слежка обеспокоила Рейта, но он не знал, что в данной ситуации против этого можно было предпринять.

Следующий день был туманным с морозящим дождем. Солончаковая равнина оставалась пустой. Но другой день снова был солнечный. И когда солнце начало садиться за холмы, а вместе с

* Гжиндры — пнумеки, изгнанные из подземного мира, обычно из-за так называемого «буйного поведения»; занимаются бродяжничеством по поверхности; агенты пнумов.

этим приближалось время появления тех двух наблюдателей, Рейта охватило тревожное чувство. Наблюдение предвещало неприятные события. На Чае это был повсеместно признанный жизненный принцип.

Карина 4269 низко висела над горизонтом.

— Если они сегодня придут, — сказал Анахо, — то наступило самое время.

Рейт осмотрел равнину в свой сканоскоп.

— Ничего не видно. Только трава да болотный кустарник. Не видно даже ящерицы.

Трез показал за спину:

— Они там.

— Хм-м, — произнес Рейт. — Я посмотрел только в одном направлении. Он крепче установил сканоскоп, пока дрожь в его руках не прекратилась и фигуры не перестали дергаться и прыгать. Лица, освещаемые со спины, различить было нельзя.

— У них есть руки, — сказал Рейт. — Это пнумеки.

Анахо взял прибор. Посмотрев в него, он заявил:

— Это гжиндры — пнумеки, изгнанные из туннелей. Если кто-то хочет вести торговлю с пнумами, это необходимо делать через гжиндр. Сами пнуны никогда не торгуют.

— А почему они пришли сюда? Мы не собираемся иметь с пнумами никаких дел.

— Но они с нами... По крайней мере, создается такое впечатление.

— Может быть, они ждут Вудивера, — предположил Трез.

— Во время захода солнца и только во время захода солнца?

Трезу неожиданно пришла идея. Он отошел недалеко от склада и зашел за старую контору Вудивера — странное сооружение из кирпичей и щебня — и посмотрел назад, на склад. Он подал знак Рейту и Анахо, чтобы они подошли к нему.

— Взгляните на склад, — сказал Трез. — Сейчас вы увидите, кто ведет дела с гжиндрами.

Из черной деревянной стены появлялся и вспыхивал золотистый луч света.

— Здесь находится ниша Аилы Вудивера, — определил Трез.

— Жирная желтокожая лиса подает знаки! — гневно прошептал Анахо.

Рейт набрал в легкие воздуха и подавил в себе приступ ярости. Глупостью было ожидать от Вудивера чего-то другого, когда всю свою жизнь он провел в интригах и чувствовал себя в них, как рыба в воде. Он спокойно спросил Анахо:

— Ты можешь эти знаки прочитывать?

— Да. Это обычная телеграфная азбука. Определенные... возме-

щение убытков... за... проделанную... работу... теперь... подходящее... время...

Мигающий свет исчез.

— Это было все.

— Он заметил нас через щель, — пробормотал Рейт.

— А, может, просто больше нет света, — предположил Трез, поскольку Карина 4269 уже скрылась за холмами. Посмотрев вдоль соляной равнины, Рейт обнаружил, что гжиндры так же таинственно исчезли, как и появились.

— Поговорим — ка мы лучше с Вудивером, — проговорил Рейт.

— Он будет говорить все, что угодно, но только не правду, — предсказал Анахо.

— Я знаю, — кивнул Рейт. — Но, может быть, он выдаст себя тем, о чем промолчит.

Они вошли в сарай. Вудивер, который снова принялся за свое рукоделие, покорно улыбнулся всем троим.

— Скоро уже наступит время ужина.

— Для тебя нет, — угрожающе произнес Рейт.

— Что? — воскликнул Вудивер. — Остаться без еды? Шутка зашла слишком далеко!

— Зачем ты посылал сигналы гжиндрам?

Ни малейшим движением лица Вудивер не выразил ни удивления, ни покаяния.

— Чисто деловые причины. Иногда я веду дела с жителями подземелий.

— Что за дела?

— То одно, то другое. Сегодня вечером, например, я извинился перед ними за то, что я не могу организовать им некоторые контакты. Вы завидуете моей доброй славе?

— Какие контакты ты не можешь им организовать?

— Ну, хватит друзья, — заупрямился Вудивер. — Вы должны оставить мне несколько маленьких тайн.

— Я тебе вообще ничего не оставлю, — пообещал ему Рейт. — Я прекрасно знаю, что у тебя на уме какая-нибудь мерзость.

— Боже! Какая несуразица! Как я, прикованный цепью, могу задумывать что-то плохое? Я вам даже гарантирую, что свое теперешнее положение я считаю недостойным и не могу показаться в таком виде моим партнерам.

— Если что-то произойдет, — предупредил его Рейт, — я тебя на этой цепи еще и приподниму на пару метров. Тогда твоему достоинству вообще наступит конец.

Вудивер с отвращением замахал руками и посмотрел вдоль помещения.

— Я вижу, что достигнуты замечательные результаты.

— Твоей заслуги в этом нет.

— Что? Вы недооцениваете мою помощь! Кто достал корпус, приложив массу стараний и получив при этом минимальную выгоду? Кто все организовал и чей острый ум всем руководил?

— Тот же человек, который забрал у нас все деньги и отправил нас всех в Стекланный Дом, — сказал Рейт.

Пройдя поперек помещения, он сел. Трез и Анахо присоединились к нему. Все трое смотрели на Вудивера, очень обиженного тем, что он остался без ужина.

— Нам необходимо его убить, — бесстрастно сказал Трез. — Только скорее! Он для всех нас готовит несчастье.

— В этом я не сомневаюсь, — ответил ему Рейт. — Только вот почему он решил договариваться с пнумами? По-моему, этот вопрос реальнее было бы решать с дирдирами. Они знают, что я прибыл с Земли. Вопрос только в том, знают ли они о космическом корабле.

— Если они даже об этом и знают, то их это совершенно не интересует, — подключился Анахо. — Другие народы им совершенно безразличны. А вот с пнумами совсем другая ситуация. Они хотят знать все и особенно любопытны относительно того, что касается дирдиров. Дирдиры же, в свою очередь, находят пещеры пнумов и закачивают в них газ.

Вудивер крикнул:

— Вы забыли о моем ужине.

— Я ничего не забыл, — ответил ему Рейт.

— Хорошо. Тогда принесите мне еду. Сегодня вечером я хочу салат из белых червей, суп, большую порцию мяса, хорошего черного сыра и, как обычно, вина.

Трез презрительно ухмыльнулся. Рейт спросил:

— Почему мы должны задабривать твое брюхо, когда ты плетешь против нас интриги? Закажи в таком случае еду у гжиндр.

Лицо Вудивера сморщилось. Он ладонями ударил по коленям.

— Сейчас вы начинаете издеваться над бедным Аипой Вудивером, который всего лишь остался верным своим идеалам! Что за ужасная судьба, жить и страдать на этой кошмарной планете!

Рейт с отвращением отвернулся. Наполовину дирдир-человек от рождения, Вудивер энергично впитал в себя учение о параллельном происхождении дирдиров и дирдир-людей из клеток одного яйца-прародителя на планете Сибол. Исходя из этой точки зрения, Рейт должен был выглядеть безответным иконоборцем, которому при любых обстоятельствах нужно было лишь низложить авторитеты.

С другой же стороны, не все позорные деяния Вудивера можно было отнести только за счет религиозной веры. Вспомнив о некоторых примерах разврата и жажды наслаждений, у Рейта улетучились все угрызения совести.

Еще пять минут Вудивер стонал и жаловался, затем вдруг затих. Какое-то время он наблюдал за Рейтом и его товарищами. Рейту показалось, что в его голосе прозвучало скрытое ликование, когда тот наконец сказал:

— Ваш проект приближается к завершению благодаря Аиле Вудиверу, его ловкости и его скудному запасу секвинов, которые у него немилосердно отобрали.

— Ты получишь все, что тебе полагается, когда проект будет завершен,— сказал Рейт.

— Когда вы собираетесь покинуть Чай?

— Как можно скорее.

— Замечательно! — заявил Вудивер с елеинной страстностью.

Рейту показалось, что его глаза засверкали от удовольствия.

— Но вы, в конце концов, тоже непростой человек.

Голос Вудивера неожиданно приобрел такой оттенок, как будто он уже не мог скрывать тайного торжества:

— Все-таки намного лучше быть более скромным и обычным.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Правильно,— подтвердил Вудивер.— Это правда.

— Если у тебя есть желание поговорить, почему же ты не расскажешь нам о гжиндрах?

— А что о них рассказывать? Это печальные создания, которые обречены бродить по поверхности, несмотря на то, что они боятся солнечного света. Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, почему все они — пнумы, пнумеки, фанги и гжиндры — носят широкополые черные шляпы?

— Я предполагаю, что это соответствует их моде.

— Правильно. Но существует еще и другая, более глубокая причина. Поля шляпы закрывают небо.

— Что же принуждает этих странных гжиндр выходить на поверхность под небо, которое их так угнетает?

— Как и все люди, они надеются и каются,— несколько задумчиво ответил Вудивер.

— В каком смысле?

— В абсолютном и в элементарном смысле,— ответил Вудивер.— Конечно, я не могу знать всего. Но вы, Адам Рейт, меня поражаете! Вы издеваетесь надо мной с изощренной жестокостью. Вы расходуете мои деньги на безумный проект. Все протесты, любую просьбу о смягчении вы отбрасываете. Почему? Я спрашиваю себя, почему? Почему? Если бы это не звучало настолько нелепо, то я действительно посчитал бы вас человеком с другой звезды.

— Ты до сих пор еще не сказал мне, что нужно гжиндрам,— настаивал Рейт.

Вудивер с достоинством поднялся. Цепь с грохотом упала.

— Лучше вам самим выяснить это обстоятельство у гжиндр.

Он вернулся к столу и снова принялся за свое рукоделие, предвзвешенно бросив на Рейта загадочный взгляд.

Глава 2

Рейта мучили кошмары. Ему снился сон, как будто он лежал, как обычно, на диване в старой конторе Вудивера. По комнате струился странный желтовато-зеленый свет. Вудивер стоял у противоположной стены и болтал с двумя неподвижными людьми в черных плащах и широкополых черных шляпах. Рейт судорожно попытался пошевелиться, но мышцы не слушались его. Желтовато-зеленый свет потускнел, потом снова стал ярче. Теперь Вудивер был окружен необычным, серебристо-голубым сиянием. «Обыкновенный кошмар, бесконечный и бессмысленный» — подумал Рейт. Расстроенный, он сиплился проснуться, но его тело лишь покрылось холодным потом.

Вудивер и гжиндры направили взгляды на него. Самым удивительным было то, что на Вудивере все еще был железный ошейник, но цепь на расстоянии тридцати сантиметров от него была оборвана или расплавлена. Он выглядел самодовольным и озабоченным: совершенно прежний Вудивер. Гжиндры демонстрировали лишь напряженное внимание. У них были продолговатые, узкие и очень правильные черты лица, а бледная кожа цвета слоновой кости отсвечивала, словно шелк. У одного из них в руках был свернутый кусок материи, другой держал руки за спиной. Неожиданно Вудивер выпрямился перед Рейтом и угрожающе воскликнул:

— Адам Рейт! Адам Рейт! Откуда ты прибыл?

Рейт боролся со своей слабостью. Невероятный и безрадостный сон; сон, который он долго не сможет забыть.

— С Земли,— прохрипел он.— С Земли.

Лицо Вудивера растянулось и снова приняло обычную форму.

— Есть ли на Чае еще и другие земляне?

— Да.

Гжиндры придвинулись поближе. Вудивер гудел:

— Где? Где эти земные черви?

— Все люди произошли с Земли!

Вудивер отпрянул и с отвращением передернул ртом.

— Ты родился на планете Земля?

— Да.

Вудивер торжествующе отскочил назад и с широким жестом обратился к гжиндрам:

— Редкий экземпляр: человек, не имеющий себе подобных!

— Мы берем его.

Гжиндры разрвали ткань. Рейт с ужасом увидел мешок. Без большого шума гжиндры натянули его на Рейта через ноги, пока снаружи не осталась одна только голова. Затем один из них удивительно легко забросил мешок себе на плечо, в то время, как второй бросил Вудиверу какой-то мешочек.

Сон стал блекнуть. Желтовато-зеленый свет пошел пятнами и превратился в туман. Вдруг резко открылась дверь, и в ней показался Трез. Вудивер испуганно отпрянул назад. Трез поднял катапульту и выстрелил Вудиверу прямо в лицо. Оттуда брызнула удивительно толстая струя крови — зеленой крови; а там, где капли попадали на пол, они отсвечивали желтым цветом. Сознание помутилось. Рейт погрузился в сон.

Когда Рейт проснулся, он почувствовал себя ужасно неуютно. Ноги его были сведены судорогой; его мучила страшная, словно от мышьяка, головная боль. Он ощутил давление и движение. Ощупывая себя, он наткнулся на грубую ткань. Его охватило ужасное предчувствие: сон был реальностью. Он действительно был в мешке, который куда-то тащили. Ах, этот подлый Вудивер! Рейта охватило отчаяние. Вудивер провернул с гжиндрами сделку. Он позаботился о том, чтобы Рейт был без сознания. Возможно, он это сделал при помощи какого-то газа. Теперь же его несли неизвестно зачем и неизвестно куда.

Какое-то время Рейт, оглушенный и ошеломленный, лежал в мешке. Вудивер сумел спланировать, как его погубить, хотя и был прикован цепью. Рейт воссоздал в памяти отрывочные эпизоды своего мнимого сна. Он снова увидел Вудивера с пробитым лицом, из которого лилась зеленая кровь. Вудиверу пришлось дорого заплатить за свою подлость.

Рейту было тяжело думать. Мешок покачивался в разные стороны, и он чувствовал промежуток между одинаковыми глухими толчками. По всей вероятности, мешок висел на палке. Совершенно случайно этой ночью Рейт спал одетым. На этот раз он лег на свою походную кровать в полном облачении. Можно ли было надеяться на то, что у него остался нож? Кобуры не было. Карманы казались пустыми, а Рейт не осмелился ощупать их тщательнее, чтобы не показать гжиндрам, что он пришел в себя.

Он плотно прижал лицо к мешку и постарался что-нибудь увидеть сквозь грубую материю. Напрасно. Была еще ночь. Ему показалось, будто он чувствует, что они идут по неровной местности.

Прошло еще какое-то время. Рейт чувствовал себя таким же беспомощным, как еще не родившийся ребенок. Свидетелями скольких странных и ужасных событий были ночи на Чае! А теперь еще одно, в котором ему отведена определенная роль. Он почувствовал

себя униженным и дрожал от гнева. Если бы ему удалось дотянуться до своих похитителей, как бы он отомстил!

Гжиндры остановились и несколько минут стояли совершенно без движения. Затем мешок опустили на землю. Рейт прислушался, но не услышал ни голосов, ни шепота, ни звука. Казалось, что он остался один. Рейт засунул руку в карман в надежде найти нож, какой-нибудь инструмент или просто острый предмет. Ничего. Кончиками пальцем он прощупал материал. Ткань была грубой и прочной и не хотела рваться.

Шорох подсказал Рейту, что гжиндры возвратились. Он замер. Гжиндры стояли совсем рядом с ним, и ему показалось, что он даже слышал их шепот.

Мешок подняли и понесли дальше. По телу Рейта струился пот. Он ничего не мог поделать.

Мешок покачулся — он висел на тросе. Рейт чувствовал, как он скользнул вниз: глубже, еще глубже — он не мог определить высоту спуска. Гжиндры резко остановились, и мешок стал медленно раскачиваться. Сверху донесся удар гонга: низкий безрадостный звук.

Рейт ощупал весь мешок. Он бушевал. Вдруг его охватил припадок ужаса от замкнутого пространства, он кашлял, потел, задыхался. Наверное, так и должно быть, когда сходят с ума. Всклипывая и успокаивая себя, он овладел собой. Рейт опять обыскал свою куртку. Безусловно. Ни металла, ни вообще чего-нибудь острого. Он сконцентрировался и заставил себя спокойно подумать. Удар гонга — это был сигнал. Им вызвали кого-то или что-то. Рейт снова ощупал весь мешок в надежде найти хоть маленькую дырку. Напрасно. Ему нужно было что-нибудь металлическое, что-нибудь острое: лезвие или острый инструмент. Он еще раз проверил себя с ног до головы. Его ремень! С большим трудом он снял его и воспользовался острой пряжкой, чтобы прорвать ткань. Появился прорез. Руками и ногами разорвав ткань, он смог наконец высунуть голову и плечи. Еще никогда в жизни ему не приходилось испытывать такого удовлетворения! Даже смерть сейчас значила меньше, чем победа над мешком.

Возможно, он мог добиться еще и других успехов. Рейт осмотрелся. Он находился в примитивной необжитой пещере, освещенной несколькими сине-белыми лампами. Он снова вспомнил спуск и неожиданную болезненную остановку, затем устало выбрался из мешка и встал, дрожа от усталости и ощущения затекших конечностей. Рейт вслушался в мертвую подземную тишину. Ему показалось, что вдали раздался какой-то звук. Что-то или кто-то направлялся сюда.

Своды пещеры терялись во мраке над ним; веревка сливалась с темнотой. Где-то там вверху должно быть отверстие во внешний мир, насколько высоко? Мешок раскачивался, как маятник, вправо и влево с интервалом в десять-двенадцать секунд; это даже по приближи-

тельной оценке означало, что длина троса была намного больше тридцати метров.

Рейт еще раз посмотрел вдоль пещеры и прислушался. Должен же кто-то прийти сюда на звук гонга. Затем посмотрел вверх на веревку. На другом ее конце был внешний мир. Он взялся за нее и стал взбираться вверх в темноту; все выше и выше. Вскоре пещера и мешок в ней уже принадлежали какому-то нереальному миру — темнота поглотила их.

Его руки горели, мускулы стали теплыми и слабыми. Наконец он добрался до конца веревки. Он осторожно пошарил вокруг рукой и обнаружил, что она продета через прорезь в металлической плите, лежавшей на двух тяжелых металлических перекладинах. Плита была, по всей вероятности, крышкой люка, которую, висая на канате, он никак не мог открыть. Силы постепенно таяли. Он обвязал веревкой ноги и вытянул руку вверх. В одном месте он нащупал металлический выступ; это была балка перекладки, поддерживавшая крышку люка. Она имела примерно тридцать сантиметров в ширину. Рейт немного отдохнул — времени было мало — затем поднял ногу и попытался ее перебросить через балку. В какой-то момент ему показалось, что он сорвался. Его обуял ужас. С сильно бьющимся сердцем он втащил свое тело на перекладину. На ней он и лег обессиленный, несчастный, тяжело дыша.

Прошла минута — слишком мало времени, чтобы поднять веревку. Внизу появились четыре дрожащие точки света. Рейт собрался с силами и вжался в металлическую плиту. Она была массивной и тяжелой. С таким же успехом он мог бы попытаться сдвинуть гору. Еще раз! Он изо всех сил напрягся — ни малейшего успеха. Огни внизу несли четыре темные фигуры. Рейт снова прижался к металлической перекладине.

Четыре фигуры медленно и в абсолютном молчании продвигались вперед, словно подводные обитатели. Они осмотрели мешок и обнаружили, что он пуст. До Рейта донесся их шепот и бормотание. Факелы мерцали и мигали. словно по какой-то скрытой команде все четверо подняли глаза вверх. Рейт изо всех сил вжался в металл и спрятал свое бледное лицо. Луч света скользнул мимо него и упал на крышку люка, которая — Рейт это теперь увидел — была снаружи закрыта на четыре поворотные защелки. Свет скользнул дальше и осветил стены шахты. Люди внизу недоуменно стояли и совещались. В последний раз они осветили пещеру, еще раз осмотрели шахту, затем тем же путем, по которому пришли, отправились обратно; при этом своими фонарями они освещали стены коридора.

Затаившийся в темноте наверху Рейт удивленно задал себе вопрос: не спит ли он еще? Но его печальное и незавидное положение было вполне реальным. Он сидел в западне. Дверь над собой он

открыть не мог. Может, ее не откроют еще неделю. Нечего было и думать о том, чтобы сложиться, как летучая мышь, и ждать. Хочешь, не хочешь, а надо принимать решение. Он посмотрел вниз на коридор. Мерцание танцующих огоньков было уже далеко и слабо различалось. Рейт спустился по веревке вниз и длинными скользящими шагами пошел за светящимися точками. Планом для него служила лишь одна мысль; даже не мысль, а, скорее, отчаянная надежда: отделить одну из темных фигур и как-нибудь заставить вывести его на поверхность. Над его головой появился первый из сине-белых фонарей; его свет был более тусклым, чем лунное сияние. Но этого свечения хватало для того, чтобы указывать путь между колоннами, возвышавшимися с двух сторон и подпиравшими своды.

Вскоре Рейт догнал четверых неизвестных. Шли они совсем медленно, удивленно и настороженно осматривая коридор по обеим сторонам. Рейт почувствовал какую-то сумасшедшую радость, как будто он был уже мертв и недосягаем. Ему пришла в голову мысль поднять обломок камня и бросить в идущие впереди фигуры. Истерика! Это желание моментально его отрезвило. Если он хочет выжить, надо взять себя в руки.

Четыре фигуры продолжали скользить вперед и перешептываться. Прягая из тени в тень, Рейт приблизился к ним на максимальное расстояние, чтобы быть готовым действовать, если один из них вдруг отойдет в сторону. Кроме одного раза в тюрьме в Пере, да и то мельком, ему не доводилось видеть пнумов. Те, что были в Пере, казались, насколько можно было судить по фигурам и повадкам, похожими на людей.

Проход вел во вторую пещеру, имевшую тоже первобытный вид. Возможно, такой примитивизм являлся видом искусства, который Рейт понять не мог — например, выступающий кварцевый утес был отделан под сверкание пиритовых кристаллов.

Эта часть пещеры казалась перекрестком, узлом, площадью, имеющей важное значение; отсюда ответвлялись и вели дальше три прохода. В середине находилась площадка, выложенная обработанными каменными плитами. Светильники, упрятанные в потолок, распространяли больше света, чем в предыдущей пещере, хотя и не намного.

У стены стояло пятое существо. Как и на остальных, на нем был черный плащ и черная широкополая шляпа. Рейт шмыгнул в затененную трещину и вжался в стену, уподобившись кухонному таракану. Пятое существо тоже было пнумом. Рейт увидел его длинный лик — угнетающее, бледное и недоброжелательное лицо. Некоторое время он не обращал никакого внимания на четырех первых, а те делали вид, что им нет дела до пятого. Станный обычай обоюдного пренебрежения вызвал у Рейта повышенный интерес. Казалось, что

они все-таки постепенно приближались друг к другу, хотя и не смотрели прямо один на другого.

Затем раздался приглушенный шум голосов. Рейт попытался, что-нибудь понять. Они говорили на общем языке Чая — это он смог определить по интонации. Четверо сообщали о том, что они обнаружили пустой мешок. Пятый, офицер или старший надзиратель, совсем не проявил удивления. Судя по всему, сдержанность, ненавязчивость, а также тактичная игра были ключевыми пунктами жизни подземного мира Чая.

Они прошли наискось по помещению в пещеру около Рейта, вжавшегося в стену как можно глубже. Группа остановилась менее чем в трех метрах от него, и теперь Рейт мог следить за разговором.

Один из них говорил спокойно и рассудительно:

— ...передача. Это не известно. Ничего найдено не было.

Другой сказал:

— Коридор был пустым. Допускаю предположение, что изъятие произошло еще до того, как мешок был опущен.

— Нелогично, — возразил старший надзиратель. — В этом случае мешок просто не был бы опущен.

— Нелогично и то, и другое. Ведь проход был абсолютно пустым.

— Он, должно быть, еще здесь, — настаивал смотритель туннеля. — Ему не остается другого выбора.

— Кроме, как пойти в коридор, ведущий в тайную штольню, которая ему известна.

Старший надзиратель встал по стойке «смирно», прижав руки к туловищу.

— Ни о каких таких штольнях я ничего не знаю. Это звучит весьма невероятно. Вам нужно еще раз тщательно все обыскать. А я, между тем, наведу справки о такой секретной штольне.

Охранники туннеля медленно возвратились обратно в пещеру; их огни мерцали то вправо, то влево, вперед и назад. Старший надзиратель посмотрел им вслед. Рейт напрягся. Наступил критический момент. Если смотритель туннеля повернется в определенном направлении, то он обязательно увидит стоящего в двух метрах от него Рейта. Если же он отправится в другом направлении, то Рейт останется незамеченным. Он взвешивал, стоило ли ему нападать на этого человека. Но четверо остальных находились еще довольно близко. Вскрик, шорох, схватка обязательно привлекли бы их внимание. Он подавил в себе желание напасть тотчас.

Старший надзиратель повернулся и пошел прочь от Рейта. Он бесшумно пересек помещение и вошел в одно из ответвлений. Рейт на цыпочках последовал за ним и посмотрел вдоль коридора. Стены состояли из пироксилита. Эти удивительные кристаллы выступали из них с обеих сторон; некоторые достигали тридцати сантиметров в

диаметре и были отшлифованы, как бриллианты: ржаво-коричневые, черно-коричневые, зеленовато-черные. Их тщательно почистили и отполировали, чтобы показать с наилучшей стороны. При строительстве этого коридора много сил было потрачено на его оформление. Кристаллы были тщательным образом подогнаны друг к другу и подобраны таким образом, чтобы создать цельную картину. Рейт беззвучными прыжками бросился за зашедшим туда пнумekom, надеясь его ошеломить и до смерти напугать; наивный и сомнительный план, но Рейту ничего лучшего в голову не пришло. Пнумек остановился, и Рейт нервно шмыгнул за уступ из блестящих кристаллов оливкового цвета. Пнумек внимательно посмотрел влево и вправо, после чего вытянул руку к стене, нажал на небольшой кристалл, дотронулся до другого. Часть стены скользнула в сторону. Пнумек зашел в образовавшееся отверстие. Потайная дверь встала на свое место и коридор снова оказался пустым. Теперь Рейт разозлился на себя. Зачем он колебался? Когда пнумек остановился, нужно было на него нападать.

Он подошел к двери в стене, за которой исчез пнумек. Остановился; гневные планы пронизывали его сознание. Для такого отчаявшегося и несчастного дьявола, каким был он, все было рискованным. Но самым гарантированным путем к поражению было опустить руки. Рейт вытянул руку и проделал с камнями ту же операцию, что пнумек. Стена скользнула в сторону. Рейт на всякий случай отпрянул назад. Он заглянул внутрь и обнаружил помещение, длиной около девяти метров: конференц-зал. Он предположил такое предназначение этой комнаты из-за круглого стола посередине, кресел, полок и стенных шкафов.

Он прошел в отверстие и дверь за ним встала на свое место.

Рейт осмотрелся. На потолке горело множество светильников. Стены были удивительно ровно обработаны и матово отшлифованы, подчеркивая кристаллическую структуру материала. С правой стороны от помещения отвешлялся изгибающийся, отделанный белым проход. С левой стороны находились полки, стенные шкафы и небольшая ниша.

Из прохода донесся приглушенный отрывистый стук — звук, выражающий спешку. Рейт, который нервничал, словно взломщик, стал панически озираться в поисках убежища. Он подскочил к стенному шкафу, открыл дверцу, отодвинул в сторону висевшие на крючках плащи и втиснулся внутрь. Плащи и черные шляпы имели затхлый запах. Рейта едва не стошнило. Он забился в угол и закрыл дверцу, а сквозь щель стал наблюдать за комнатой.

Сначала в комнате было тихо. От напряжения у Рейта закружилась голова. Затем в зал вернулся пнумекский старший надзиратель и остановился, глубоко погружившись в свои мысли. Странная широкополая шляпа бросала тень на строгие черты, которые — как заметил

Рейт — можно было назвать почти классическими. Рейт думал о других мутантах Чая, которые все более или менее приняли облик своих хозяев: необычайно смешные дирдир-люди, глупые и похожие на животных кеш-люди, продажные и сверхцивилизованные вонк-люди. У них человеческая природа в общем больших изменений не претерпела — кроме, наверное, случая с безупречными дирдир-людьми. Пнумеки же, со своей стороны, не претерпели каких-либо заметных физических изменений, но психика их изменилась сильно. Они выглядели и действовали, словно привидения. Существо в зале — Рейт не мог назвать его человеком — неподвижно стояло посередине; ни один мускул его лица не двигался. Но для нападения на него из шкафа было слишком большое расстояние.

Рейт почувствовал, что у него постепенно затекают конечности. Он переместил свой центр тяжести, и это вызвало слабый шорох. От напряжения по его лицу заструился пот, и он припал глазом к щели. Пнумек стоял, глубоко задумавшись. Рейт пытался внушить ему, чтобы тот подошел поближе, еще ближе. Неожиданно в голову ему пришла беспокойная мысль: предположим, что существо было столь нерешительным потому, что почувствовало какую-то угрозу для своей жизни. А может оно вообще было не способно испытывать страх за свою жизнь? Потайная дверь скользнула в сторону. В зал вошел второй пнумек: один из охранников туннеля. Они даже не посмотрели друг на друга. Затем вновь пришедший тихо сказал, словно размышляя вслух:

— Поставка остается найденной. Как коридор, так и шахта были тщательно обысканы.

Смотритель туннеля ничего не ответил. Необычное задумчивое молчание затягивалось. Охранник продолжал:

— Мимо нас он не мог пройти незамеченным. Либо поставка не состоялась, либо он исчез через какую-нибудь неизвестную нам штольню. Это всего лишь два возможных варианта.

Старший надсмотрщик ответил:

— Сообщение получил. Необходимо выставить контрольные посты на возвышенности Зиад, у Пуд-Дан-Зиада, на перекрестке Ферстан-Шесть и Луп-Лил, а также у входа в Вечность.

— Будет исполнено.

В помещение вошел пнум. Он вошел через дверь, которую Рейту увидеть не удалось. Пнумеки не обратили на него никакого внимания, даже не повернули головы. Рейт смотрел на странно сложенное существо: это был первый пнум. Ростом с человека и в широком черном плаще он выглядел тонким, почти хрупким. Черная шляпа бросала тень на глазные впадины; его лик, похолодевший по форме и цвету на череп лошади, ничего не выражал. В нижней его половине едва заметный рот окружала целая система двигающихся и жующих ча-

стей. Суставы ног этого существа действовали наоборот по сравнению с человеческими; они двигались вперед так, как человек идет задом наперед. Узкие голые ступни были покрыты темно-красными и черными пятнами. Три кривых пальца стучали по полу.

Смотритель туннеля тихо сказал в никуда:

— Необычная ситуация — поставка состоит лишь из пустого мешка. Коридор и шахта были тщательно осмотрены. Поставка либо не осуществлена, либо предмет поставки сбежал по тайным штольням класса семь или выше.

Молчание. Затем раздалось хриплое и приглушенное бормотание пнума:

— Поставка не может быть подтверждена. Не исключается возможность, что он воспользовался выводящей на поверхность штольней класса десять в секторе моих Тайн*. Возможно, нам удастся об этом больше узнать у районного охранника**.

Смотритель туннеля попытался для себя выяснить:

— Значит, поставка объекта представляет интерес?

Пальцы ног пнума барабанили по полу с чувством ритма, как будто это были пальцы пианиста:

— Поставка предназначена для Вечности; существо с современной планеты людей. Было принято решение его захватить.

Рейт, сидевший в шкафу, удивился, почему это решение так долго откладывалось. Он снова переместил свой центр тяжести и сильно сжал зубы.

Когда он снова принял глазом к щели, пнум уже исчез. Старший надзиратель и охранник туннеля молча стояли в помещении, не обращая друг на друга ни малейшего внимания.

Прошло время; Рейт не мог точно сказать, сколько же минут пролетело. Его мышцы затекли и болели, но теперь он боялся пошевелиться, чтобы себя не выдать. Он набрал в легкие воздуха и приготовился ждать.

Время от времени пнумеки что-то бормотали; при этом друг на друга они не смотрели, словно обращались в пустоту. Рейт понял всего лишь одну-две фразы:

— ...состояние планеты людей. Это неизвестно... — ...варвары, обитатели поверхности, ненормальные, как гжиндры... — ...ценный предмет, невидимый...

Пнум вернулся обратно в сопровождении еще одного: огромного

* Тайны — приблизительный перевод словосочетания, обозначающего «переданные знания, присущие определенному статусу». В обществе пнумов слово «Тайны» дифференцируется еще точнее.

** Районный охранник — снова приблизительный перевод непереводимого термина. Титул на языке Чая обозначает особую ученость, сочетаемую с большим влиянием и высоким статусом.

существа, ступавшего тихо, словно лиса. В руках у него был четырехугольный плоский чемоданчик, который он тихо и аккуратно положил на скамейку в нескольких метрах от спрятавшегося Рейта. Казалось, что он погрузился в свои мысли. Некоторое время ничего не происходило. Охранник туннеля с низким статусом заговорил первым:

— Если поставка была отмечена гонгом, мешок должен был быть тяжелым. А пустой мешок является загадкой. По всей вероятности, либо поставка не состоялась, либо предмет поставки обнаружил тайную штольню класса десять, ведущую на поверхность.

Районный охранник повернулся в сторону, широко распахнул свой черный плащ и нажал на защелки чемоданчика. Оба пнумека, а также первый пнум с интересом рассматривали кристаллы на стенах.

Районный охранник открыл свой чемоданчик и вытащил обтянутую мягкой синей кожей папку. С большой аккуратностью он ее раскрыл, полистал содержимое и стал рассматривать схему из переплетенных цветных линий. Затем он закрыл папку и снова положил ее в чемоданчик. Подумав некоторое время, он произнес так тихо, что Рейт смог понять его, только очень напрягшись:

— Имеется старая штольня класса четырнадцать. Она проходит в восьмистах метрах в северном направлении и впадает в Йха Ну.

Пнумеки молчали. Первый пнум сказал:

— Если предмет поставки попал в Йха Ну, он смог бы пересечь галерею и выйти в верхний туннель через Охму—Пять. Затем он смог бы пройти на Голубую Возвышенность или сразу же на смотровую башню Жу и таким образом достичь Гхауна*.

Районный охранник ответил:

— Все это возможно лишь в том случае, если предмет поставки знает Тайны. Если мы будем исходить из того, что он использовал штольню класса четырнадцать, мы сможем предположить и дальнейшие его действия. Остается невыясненным то, каким образом ему стали известны наши Тайны.

— Поразительно,— пробормотал охранник туннеля.

Старший надзиратель запричитал:

— Если гхиану** известны Тайны класса четырнадцать, как мы можем чувствовать себя в безопасности от дирдиров?

Пальцы ног обоих пнумов согнулись и забарабанили по каменному полу.

— Положение вещей пока что еще не ясно,— повторил районный охранник.— Обследование штольни даст более точную информацию.

* Гхаун — пустынная, предоставленная ветру и дождю территория, угнетающая: пустота, безрадостное место. Пнумами употребляется для определения поверхности Чая с презрительным оттенком.

** Гхианы — обитатели Гхауна, жители поверхности.

Охранник туннеля низшего ранга первым вышел из зала. Старший надсмотрщик, который внешне был глубоко погружен в свои думы, выскользнул за ним и оставил пнумов одних. Они остались неподвижно стоять, словно два насекомых. Затем пнум беззвучными шагами тоже вышел. Районный охранник подождал. Рейт спрашивал себя, не стоило ли ему выскочить из шкафа и попробовать напасть на пнума. Но он сдержал свой порыв. Если пнумы обладают такой же сверхсилой, как и фанги, Рейт мог оказаться в ужасной ситуации. В его голове промелькнула еще одна мысль: будет ли пнум послушным под давлением? Рейт этого не знал. Поэтому он решил, что это не тот случай.

Районный охранник поднял кожаный чемоданчик и осторожно осмотрел зал. Казалось, что он прислушивается. С поразительной быстротой он с чемоданчиком подошел к голой стене. Рейт с интересом за ним наблюдал. Районный охранник вытянул ногу и нежно дотронулся пальцами до трех каменных выступов. Часть стены отошла назад, и за ней оказалось свободное пространство, куда районный охранник и положил чемоданчик. Скала встала на свое место; стена снова оказалась сплошной. После этого районный охранник поспешил вслед за остальными.

Глава 3

Зал опустел. Рейт выбрался из шкафа и прошел через пещеру. На стене не было заметно даже малейшей щели или признака тайника. Все было выполнено с микроскопической точностью.

Рейт наклонился и нажал на три выступа. Скала отошла назад и скользнула в сторону. Рейт взял чемоданчик. Несколько поколебавшись, он его открыл и вынул папку. Из стеклянного шкафа он взял коробку с небольшими бутылочками из темного стекла, весившую примерно столько же, как и папка. Он положил коробку в чемоданчик, поставил его обратно в нишу и нажал на выступы. Отверстие закрылось; стена снова превратилась в монолитную скалу.

Рейт стоял в середине помещения и держал папку в руке; она наверняка представляла ценность. Если ему удастся избежать разоблачения и пленения, если ему удастся разобраться с письменами пнумов — что казалось ему весьма невероятным — можно было надеяться на то, что он сможет найти и выход на поверхность.

Он взял в шкафу плащ и надел на себя. Затем взял шляпу, которая оказалась несколько маловата и ему с трудом удалось натянуть ее на голову. Привычка пнумеков вести себя как можно более незаметно могла бы сослужить ему хорошую службу. Никто не будет вести себя более скрытно и сдержано, чем он. Теперь ему необходимо было исчезнуть с этого места и найти какой-нибудь укромный угол, чтобы

спокойно изучить содержимое папки. Рейт засунул ее под куртку и пошел по отделанному белым материалом коридору. При этом он тихо ставил одну ногу перед другой так, как делали это пнумеки.

Коридор был длинным и пустынным. Наконец он привел его к галерее, с которой открывался вид на большое помещение, откуда до него донеслись усердное пение и шарканье.

Сама пещера находилась в шести метрах ниже галереи. На стенах были развешаны карты и таблицы с письменами. Посередине шли занятия с пнумеками—детьми. Рейт понял, что натолкнулся на школу.

Так как он находился в тени, то мог без риска быть обнаруженным посмотреть вниз. Он насчитал три группы детей, девочек и мальчиков, по двадцать в каждой группе. Как и их родители, они были одеты в черные плащи и плоские шляпы. Узкие, бледные лица выглядели болезненными и печальными, к тому же, все они были до смешного серьезными. Никто из них не шептался. Взгляд их был направлен в пустоту, и они тихо и торжественно выполняли своеобразные спортивные упражнения. За детьми наблюдали три женщины—пнумека неопределенного возраста. Они, как и мужчины, были закутаны в плащи и отличались от последних лишь меньшим ростом и менее строгими чертами лица.

Дети продолжали выполнять свои упражнения; тишина нарушалась только шарканьем их ног. «Здесь мне ничего узнать не удастся»,— подумал Рейт. Он посмотрел в обоих направлениях и отправился налево. Изгибающийся туннель вел ко второй галерее: с нее открывался вид на еще большую, чем первая, пещеру — это была столовая. Посередине рядами, друг напротив друга, стояли столы и скамейки, и в помещении никого, кроме двух пнумеков, не было. Они сидели далеко друг от друга и низко склонились над своими мисками со слизистым овсяным отваром. Лишь сейчас Рейт почувствовал, что тоже проголодался.

До него донеслись приглушенные звуки. По галерее шли два пнумека — один за другим. Сердце Рейта забилось так громко, что он испугался, чтобы, подойдя ближе, они его не услышали. Он наклонил голову, поднял плечи и посеменил дальше — как ему казалось — типичной походкой пнумеков. Оба прошли мимо него с опущенными глазами и совершенно отвлеченными мыслями в головах.

С возросшей уверенностью Рейт пошел дальше. Вскоре туннель расширился и привел к почти круглому залу — перекрестку трех туннелей. Винтовая лестница, прорубленная в естественном сером камне, вела куда—то вниз.

Подземные ходы выглядели безрадостными и мрачными. Рейту они не казались многообещающими. Он колебался и чувствовал себя усталым и обескураженным. Карты, считал он, не могли стать **большим** подспорьем. Ему была необходима добровольная или **принуди-**

тельная поддержка одного из пнуеков. Кроме того, у него от голода урчало в животе. Он тихо прошел к лестнице и, выждав десять секунд, стал спускаться вниз. При этом он сожалел о каждом шаге, который все дальше отдалял его от поверхности. Рейт оказался в небольшой прихожей перед столовой. Находившаяся здесь же дверь вела, по всей видимости, в кухню. Рейт осторожно посмотрел внутрь. Несколько пнуеков работали возле столов — наверное, они занимались приго-товлением пищи для детей из школы.

Рейт подался назад и углубился в темный и тихий боковой проход. На высоком потолке здесь были только редкие светильники. Через триста метров коридор свернул влево и неожиданно закончился на краю пропасти. Снизу доносился шум падающей воды. «Наверное, это площадка для выгрузки мусора и отходов»,— подумал Рейт. Он постоял и подумал, куда же ему нужно идти и что же делать; затем вернулся в комнату около столовой. Здесь он обнаружил маленькую кладовую, полностью заставленную кулями, мешками и коробками. «Продукты»,— отметил про себя Рейт. Он размышлял: «Кладовая наверняка часто используется поварами». Из класса появились дети. Они пришли гуськом, скучно опустив глаза к полу. Рейт вошел в кладовую. Дети намного быстрее, чем взрослые, поняли бы, что он чужой. Он протиснулся за штабель ящиков. Это убежище не было абсолютно надежным, но и не казалось особо опасным. Даже если бы кто-нибудь и зашел в помещение, у него оставались относительно хорошие шансы не быть обнаруженным. Его нервозность несколько улеглась. Он вынул папку и раскрыл мягкую синюю кожаную обложку. Страницы внутри были из красивого пергамента. Схемы были напечатаны с большой старательностью черным, красным, коричневым, зеленым и светло-голубым цветами. Но планы и линии ему ничего не говорили. Текст состоял из абсолютно непонятных ему знаков и букв. С досадой Рейт закрыл папку и снова засунул ее под куртку.

Из раздаточного шкафа возле кухни дети взяли миски и пошли с ними в столовую.

Сквозь щель между коробками Рейт наблюдал за ними и еще острее, чем прежде, ощутил чувство голода. Он исследовал содержимое одного из мешков и обнаружил в нем засушенные стручки растения паломников — очень полезного, но не очень аппетитного, жесткого. Ящики возле него были наполнены тюбиками с неприятной на вид черной пастой, острой и горьковатой на вкус: по всей видимости, это была приправа. Рейт переключил свое внимание на шкаф, из которого дети брали миски с едой. Последние дети уже ушли со своими мисками в столовую. Сервировочное помещение было пустым, но на столе стояли еще шесть мисок и столько же бутылок. Рейт действовал, не вдаваясь в размышления. Он выскочил из кладовой, поднял плечи, подошел к шкафу, взял миску и бутылку и быстро

вернулся в свое убежище. В миске оказался овсяный отвар из сушеных стручков растения паломников, которые были смешаны с несколькими, похожими на изюм, зернышками, маленькими бесцветными кусочками мяса и двумя веточками какого-то похожего на сельдерей овоща. В бутылке было пол-литра легкого пенящегося пива, весьма приятно горчившего. На бутылке висел пакетик, содержащий шесть круглых вафель, которые Рейт попробовал и счел довольно противными. Поэтому он съел только овсяный отвар, запил его пивом и поблагодарил себя за смелость.

В сервировочное помещение вошли шестеро детей постарше: стройные молодые люди. Рейт посмотрел на них из-за ящиков и пришел к выводу, что все они были женского пола. Пятеро прошли мимо шкафа и взяли миски и бутылки. Шестая озадаченно остановилась, так как не обнаружила ничего съестного. Рейт, наблюдая за ней, почувствовал себя виноватым: украл ее ужин и съел его. Пятеро остальных прошли в столовую, оставив шестую девушку неуверенно ждать у шкафа.

Прошло пять минут. Она не произнесла ни слова, а лишь стояла, опустив глаза вниз. Наконец, невидимая рука поставила на полку еще одну миску и бутылку. Девушка-пнумек взяла свою еду и медленно пошла в столовую.

У Рейта на душе вдруг стало неуютно. Он решил снова подняться наверх по лестнице, выбрать один из коридоров и встретить по возможности одного смышленного пнумека, чтобы его скрутить и напугать. Он встал, но тут дети начали выходить из столовой, и Рейт снова забился в свой укромный угол. Они выходили один за другим мягкими шагами в школьное помещение. Рейт снова выглянул и отпрянул, так как в этот момент из столовой выходили пятеро старших девушек. Все они были так похожи друг на друга, как куклы, сделанные на одной фабрике: стройные и прямые, как свечки. Кожа их была белой и тонкой, как бумага, глаза — живые и черные, как уголь. Черты их лиц были правильными, хотя и несколько болезненными. Они носили обычные черные плащи и черные шляпы, которые еще больше подчеркивали неземное происхождение этих земных существ. Это могли быть пять экземпляров одной и той же персоны, несмотря на то, что в тот момент Рейт понимал, что наверняка каждая из них имела какие-то присущие только ей качества, но которые были ограничены для ее отдельного восприятия. И каждая из них наверняка была уверена, что без нее мир бы просто перевернулся.

Сервировочное помещение опустело. Рейт вышел из своего убежища и быстрыми длинными шагами бросился в сторону лестницы. Это было как раз вовремя: из кухни вышел один из поваров и отправился в кладовую. Промедли Рейт хотя бы еще несколько секунд, он наверняка был бы обнаружен. С выскакивающим из груди сердцем,

Рейт поспешил по лестнице вверх. Сверху донеслись негромкие звуки: шаркающие шаги. Рейт остановился, словно прирос к полу. Шаги стали громче. На лестнице показались пятнистые красно-черные ноги пнума, затем показались и черные полы плаща. Рейт быстро сбежал вниз и нерешительно остановился у подножия лестницы. Куда теперь? Он нервно осмотрелся. В кладовой повар из мешка выгребал стручки растения паломников. Дети были уже в классном помещении. У Рейта оставалась только одна возможность. Он поднял плечи, вжал голову и тихо вошел в столовую. За одним из столов посередине сидела девушка, ужин которой он съел. Рейт уселся на самый, по его мнению, незаметный стул, обливаясь от страха потом, и замер. Его маскарад был весьма поверхностным. Один единственный внимательный взгляд определил бы его происхождение.

В молчании пролетели минуты. Девушка перешла к пакетику вафель, которыми она, казалось, особо наслаждалась. Наконец, она встала и собралась выйти из помещения. Рейт опустил голову: слишком резко, слишком быстро — это было негармоничное движение. Девушка недоуменно посмотрела в его сторону, и в этом взгляде проявились глубинные привычки жителей поверхности. Она смотрела мимо, не направляя глаз непосредственно на него. Несмотря на это, она все поняла. На какое-то мгновение она окаменела; выражение ее лица выражало растерянность. Затем она издала негромкий крик ужаса и попыталась выскочить из столовой. Рейт сразу же подскочил к ней, зажал ей рот рукой и прижал к стене.

— Тихо! — пробормотал он. — Ни звука! Ясно?

Она смотрела на него испуганно и смущенно. Рейт встряхнул ее.

— Ни звука! Ты меня понимаешь? Кивни головой!

Она посмотрела на него и кивнула головой. Рейт отнял свою руку от ее рта.

— Слушай меня! — прошептал он. — Слушай меня внимательно! Я человек с поверхности. Меня схватили и притащили сюда. Мне удалось бежать и теперь я хочу снова попасть на поверхность. Ты меня слышишь?

Она никак не ответила.

— Ты меня поняла? Ответь!

Он снова потянул ее за худые плечи.

— Да.

— Ты знаешь, как можно попасть на поверхность?

Она опустила веки и уставилась в пол. Рейт быстро посмотрел в сторону сервировочной комнаты. Если вдруг один из поваров случайно заглянет в зал столовой, все будет кончено. Да и пнум, которой спускался по лестнице, — куда он делся? А галерея? Он совершенно забыл о галерее! В страхе он посмотрел на тени сверху. Никто за ними

не наблюдал. Но им больше нельзя было здесь оставаться, ни на минуту больше. Он взял девушку за руку:

— Идем со мной! Ни звука! Помни об этом! Или мне придется сделать тебе больно.

Он потащил ее вдоль стены к двери. Сервировочная комната была пустой. Из кухни донеслись звуки, будто кто-то что-то молотил, и звон металла. От пнума не было никаких следов.

— По лестнице вверх, — прошептал Рейт.

Она издала протестующий возглас. Рейт зажал ей рукой рот и потащил по ступеням.

— Вверх! Делай, что я говорю, и ничего плохого не случится.

Она попросила, тихо и спокойно:

— Уходи!

— Я как раз этого и хочу, — пробормотал Рейт. — Только я не знаю, как.

— Я не могу тебе помочь.

— Ты должна. Вверх по ступенькам. Быстрее!

Вдруг она повернулась и так легко помчалась по ступенькам вверх, словно парила над ними. Рейт был поражен. Он прыгнул за ней, но она оставила его далеко позади и побежала вдоль одного из коридоров. Отчаяние окрылило ее. В таком же отчаянии Рейт ее преследовал и через пятнадцать метров догнал. Он прижал ее к стене, где она и замерла, тяжело дыша. Рейт посмотрел в коридор, вперед и назад. К его безграничному облегчению, видно никого не было.

— Ты хочешь умереть? — зашипел он ей на ухо.

— Нет!

— Тогда делай, что я тебе скажу! — сердито прорычал Рейт. Он надеялся, что угроза подействует на нее; при этом он посмотрел на лицо. Глаза ее были большими и темными. Она попробовала говорить и, наконец, сказала:

— Что ты от меня хочешь?

— Сначала ты отведишь меня в какое-нибудь укромное место, куда никто не заходит.

Опустив плечи, она повернулась и пошла дальше. Рейт недоверчиво спросил:

— Куда ты меня ведешь?

— В карцер.

Вскоре они свернули в боковое ответвление, закончившееся круглой пещерой. Девушка подошла к двум черным кабошонам из кремня. Она посмотрела назад, словно сердитая сказочная фея, и нажала на черные шарики. Открылась дверь, за которой находилось темное помещение. Девушка вошла внутрь; Рейт последовал за ней. Она нащупала выключатель. Плоский светильник замерцал рассеянным, бледным светом.

Они стояли на выступе на краю пропасти. Причудливый, похожий на лапу насекомого, поворотный кран нависал над угрожающе-черной тьмой; с конца стрелы крана вниз свисал трос.

Рейт посмотрел на девушку. Она тоже посмотрела на него с полупуганным, полубессознательным равнодушием. Рейт ухватился за кран и осторожно посмотрел через край. В лицо ему ударила холодная струя воздуха и он испуганно отпрянул. Девушка неподвижно стояла рядом. Рейт предположил, что неожиданно обрушившиеся на нее события вызвали у нее шок. Тесная шляпа сдавливала его голову. Рейт снял ее с головы. Девушка отпрянула от него к стене.

— Зачем ты снимаешь шляпу?

— От нее у меня болит голова, — объяснил Рейт.

Девушка неуверенно посмотрела мимо него в темноту и спросила тихим голосом:

— Что я должна делать?

— Выведи меня, как можно скорее на поверхность.

Девушка ничего не ответила. Рейт задал себе вопрос, поняла ли она его вообще. Он попытался заглянуть ей в глаза. Она отвернулась. Рейт стащил шляпу с ее головы. Непривычный, странный лик смотрел на него: бескровные губы дрожали от страха. Она была старше, чем казалась из-за своей недоразвитой фигуры, хотя Рейт и не пытался определить ее возраста. Бледные и мрачные черты лица были настолько правильными, что их трудно было описать. Ее волосы — короткие, черные и спутанные — окружали голову, словно меховая шапка. Рейт подумал, что у нее должно было быть малокровие и слабые нервы, что она была одновременным сочетанием человеческого и нечеловеческого, женского и бесполого.

— Зачем ты это делаешь? — испуганно спросила она.

— Я не знаю. Наверное, из любопытства.

— Это затрагивает интимную сферу, — пробормотала она и прижала руки к своим худым щекам. Рейт пожал плечами, так как ее застенчивость его совершенно не интересовала.

— Я хочу, чтобы ты вывела меня на поверхность.

— Я не могу этого сделать.

— Почему?

Она молчала.

— Ты меня не боишься? — мягко спросил он.

— Не так сильно, как ямы.

— Но яма находится прямо перед тобой.

Она бросила на него растерянный взгляд.

— Ты хочешь бросить меня в яму?

Рейт сказал, как ему показалось, угрожающе:

— Я беглец и обязательно должен вернуться на поверхность.

— Я не могу решиться тебе помочь,— заявила она тихо, но твердо.— *Зужма касчай** меня за это накажет.

Она посмотрела на кран.

— Темнота ужасна. Мы ее очень боимся. Иногда трос обрезают и о наказанном больше никто ничего не узнает.

Рейт был смущен. Девушка, которой его молчание показалось не предвещающим ничего хорошего, робко спросила:

— Даже если бы я хотела тебе помочь, как бы я могла это сделать? Я знаю только выход к Синеи Возвышенности, но туда мне нельзя, кроме... — она задумчиво продолжала, — ...если будет решено, что я гжиндра. А тебя, конечно же, арестуют.

План Рейта пошатнулся.

— Тогда отведи меня к другому выходу.

— Другого я не знаю. Это Тайны, которые людям моего положения знать не положено.

— Подойди сюда, к свету,— попросил Рейт.— Посмотри—ка на это.

Он вытащил папку, раскрыл ее и положил перед ней.— Посмотри. Где мы сейчас находимся.

Девушка рассмотрена на папку, испуганно вскрикнула и задрожала.

— Что это?

— Я украл это у одного пнума.

— Это Главные Карты! Я поплачусь за это жизнью! Меня бросят в яму!

— Не делай, пожалуйста, жизнь сложнее, чем она есть на самом деле,— выругался Рейт.— Посмотри на эту карту, найди на ней выход на поверхность и выведи меня. После этого ты снова можешь делать и думать то, что тебе угодно. И никто по тебе ничего не заметит.

Девушка с гневом и непониманием посмотрела ему прямо в лицо. Рейт встряхнул ее за худые плечи.

— Что с тобой случилось?

Ее голос прозвучал, как бесстрастное бормотание:

— Я увидела Тайны.

Рейт был совершенно не в том настроении, чтобы выражать сочувствие по поводу таких абстрактных и нереальных соображений.

— Ладно. Ты увидела карты. Ущерб уже нанесен. Посмотри теперь на нее второй раз и найди на ней выход на поверхность!

На худом лице появилось необычное выражение. Рейт задал себе вопрос, не сошла ли она на самом деле с ума. Что за странная выпала ему судьба — из всех бродящих по коридорам пнумеков поймать девушку с расстроенной психикой! Она впервые посмотрела на него прямо и пристально.

* *Зужма касчай* — сокращение фразы: «Старый, скрытный народ, происходящий из темных скал и материнских подземелий».

- Ты гхиан?
- Конечно, ведь я живу на поверхности.
- Какая она? Там очень плохо?
- Поверхность Чая? У нее есть свои недостатки.
- Теперь мне придется стать гжиндрой.
- Это лучше, чем здесь, в темноте.

Девушка глухо сказала:

- Мне придется идти в Гхаун.
- Чем раньше, тем лучше,— согласился Рейт.— Посмотри еще раз на карту. Покажи, где мы сейчас находимся.

- Я не могу,— простонала девушка.— Я не могу осмелиться!
- Иди же сюда,— рявкнул Рейт.— Это всего лишь бумага.
- Только бумага! Она кишит Тайнами! Тайнами класса двадцать!

Мое сознание слишком ограничено для этого!

Рейт предположил, что хотя ее голос оставался тихим и монотонным, с ней может сейчас произойти истерический припадок.

— Чтобы стать гжиндрой, тебе нужно попасть на поверхность. А чтобы попасть на поверхность, необходимо найти выход. Причем, чем секретнее, тем лучше. У нас есть секретные карты. Значит, нам повезло.

Она успокоилась и уголками глаз все-таки посмотрела на карту.

- Как тебе удалось ее достать?
- Я украл ее у одного пнума.
- Он пододвинул папку к ней поближе.
- Можешь ли ты прочитывать эти символы?
- Да.

Она осторожно склонилась над картой, но сразу же испуганно отшатнулась.

Рейт принудил себя к терпению.

- Тебе никогда не приходилось видеть карту?
- У меня умственный уровень четыре. Я знаю Тайны класса четыре и я видела карты тоже класса четыре. А эта — класса двадцать!

— Но ты же можешь читать эти карты?

— Да,— ответила она недовольно и с отвращением.— Но я все-таки не могу на это пойти. Только гхиану могло прийти в голову посмотреть на столь могущественный документ...

Ее голос перешел на тихое бормотание:

- Не говоря уже о том, чтобы его украсть...
- Что предпримут пнуумы, когда обнаружат его исчезновение?

Девушка посмотрела в темноту, простиравшуюся за пропасть.

— Темно, темно, темно... Я буду вечно падать во тьму.

Рейт подавил раздражение. Казалось, что девушка могла сконцен-

трироваться только на своих заботах. Он снова обратил ее внимание на карту.

— Что обозначают цвета?

— Высоты и уровни.

— А эти символы?

— Ворота, проходы, тайные проходы. Контактные точки. Места стыковки. Возвышенности. Выходы. Сторожевые посты.

— Покажи мне, где мы сейчас находимся.

Еще колеблясь, она внимательно посмотрела на карту.

— Не эта страница. Проплистай обратно... дальше... еще дальше... здесь. — Показала пальцем, держа его над бумагой в пяти сантиметрах. — Здесь. Черное пятно — это яма, розовая линия — площадка над ней.

— Покажи мне кратчайший путь на поверхность.

— Должно быть, этот. Дай, я посмотрю.

Рейт слабо и задумчиво улыбнулся. Отбросив свои жалобы — которые, по его мнению, были весьма обоснованными — девушка сразу стала усердной и при этом перестала стесняться показывать свое лицо.

— Выход у Синея Возвышенности находится здесь. Чтобы туда попасть, нужно воспользоваться этим боковым ответвлением, а затем взобраться на светло-оранжевый пандус. Но это очень оживленный район с охраняемыми воротами. На тебя там нападут и схватят, да и меня тоже; теперь, когда я увидела Тайны.

Вопрос об ответственности пронзил Рейта, но он нашел силы отодвинуть его в сторону. В его жизнь вошло опустошительное превращение, которое, словно эпидемия, перекинулось и на нее. Возможно, у нее в голове теснились такие же мысли.

Она краешком глаза посмотрела на него.

— А как ты попал из Гхауна сюда?

— Гжиндры спустили меня вниз в мешке. Из него я освободился, прежде чем пришли пнумеки. Я надеюсь, что они поверили в то, что гжиндры спустили пустой мешок.

— Но если пропал один из экземпляров Главных Карт? Никто в подземельях не посмеет до них даже дотронуться. *Зужма касчай* не успокоятся до тех пор, пока оба — ты и я — не будем мертвы.

— Я все время молюсь лишь о том, чтобы убежать, — заявил Рейт.

— Я тоже, — с чистосердечной простотой согласилась с ним девушка. — Я не хочу падать в яму.

Рейт несколько секунд смотрел на нее и удивлялся, что, по всей видимости, она не сердилась на него. Казалось, что она его воспринимала, как природную катастрофу, постигшую ее, будто буря, удар молнии, смерч, против чего негодование, претензии, мольбы и просьбы были совершенно бесполезны. Как ему казалось, ее поведение

тоже несколько изменилось. Она уже не так осторожно, как прежде, склонялась над картой, когда ее рассматривала. Она показала на светло-коричневое обозначение «У».

— Это выход к предгорьям, где ведется торговля с гхианами. Так далеко я еще никогда не бывала.

— Мы сможем туда добраться?

— Никогда. *Зужма касчаи* охраняют его из-за дирдиров. Там круглосуточно стоят посты.

Рейт показал на другие светло-коричневые «У»:

— Это другие выходы на поверхность?

— Да. Но если возникнет подозрение, что ты все-таки в подземельях, повсюду — здесь, здесь и здесь — выставят заградительные посты. Она пальцем показала на соответствующие места.

— Кроме того, все эти входы тщательно контролируются, как и в секторе Икса.

— Тогда нам нужно пробраться куда-нибудь в другое место, в другие сектора.

Лицо девушки задрожало:

— Я других не знаю.

— Посмотри на карту.

Она послушалась и стала водить пальцем по цветным линиям, не осмеливаясь все еще, впрочем, дотронуться до бумаги.

— Я вижу здесь потайной ход. Класс восемнадцать. Он ведет от того прохода к широтному квадрату двенадцать и сокращает путь наполовину. А в конце мы через любую из этих штопен сможем добраться до грузовых портов.

Рейт встал и надвинул шляпу на лицо.

— Я похож теперь на пнумека?

Она посмотрела на него коротко и безучастно.

— У тебя странное лицо. Непогода на Гхауне задубила твою кожу. Возьми немного пыли и натри ею себе лицо.

Рейт сделал так, как она сказала. Девушка наблюдала за ним без всяких эмоций. Рейт задал себе множество вопросов: «Какие мысли могли бы возникать в ее голове? Она без особых колебаний согласилась стать изгнанницей и объявила себя гжиндрой. А может она потихоньку задумывала предательство? Хотя, «предательство» — это сказано слишком сильно. Она не присягала ему на верность и не обязана была проявлять по отношению к нему лояльности. На самом деле, скорее даже наоборот. Как же он сможет держать ее под контролем, когда они отправятся в путь?» — Рейт усиленно размышлял над этими вопросами и рассматривал свою подругу по несчастью, в то время, как она все больше нервничала.

— Почему ты так на меня смотришь?

Рейт протянул ей синюю папку.

— Возьми ее под свой плащ так, чтобы ее не было видно.

Девушка с ужасом отшатнулась:

— Нет!

— Ты должна.

— Я не могу. *Зужма касчай...*

— Спрячь карты под своим плащом, — приказал Рейт. — Я отчаянный человек и не остановлюсь ни перед чем, чтобы снова оказаться на поверхности.

Ватными пальцами она взяла у него папку, повернулась к нему спиной, подозрительно, через плечо, посмотрела на Рейта и спрятала папку под плащом.

— Теперь пошли, — хрипло сказала она. — Если нас обнаружат, моя судьба будет решена. Я никогда даже не думала о том, что могу стать гжиндрой.

Она открыла входную дверь и выглянула в находившуюся за ней круглую пещеру.

— Воздух чистый. Только не забывай о следующем: иди тихо, не наклоняйся вперед. Нам нужно пересечь перекресток Фер, а там работают люди. К тому же, повсюду встречаются *зужма касчай*. Если мы кого-нибудь из них повстречаем, остановись, отойди в тень или отверни лицо к стене. Это считается очень тактичным. Не допускай быстрых движений, не размахивай руками.

Она вышла в круглую пещеру и мелкими шагами пошла дальше по коридору. Рейт следовал за ней в пяти или шести шагах и пытался копировать походку пнумеков. Тем не менее, он подвергался опасности быть выданным. Она могла с криками подбежать к первому встретившемуся пнумеку, надеясь на пощаду пнумов. Положение было в высшей степени неопределенным.

Они прошли восемьсот метров, поднялись выше по какой-то рампе, по другой спустились и попали в одну из основных штолен. На расстоянии шести метров друг от друга в скале находились узкие двери. Возле каждой из них стоял цоколь с бороздками по бокам и с плоской, гладкой поверхностью, предназначения которых Рейт так и не понял. Проход стал шире, и они вышли на перекресток Фер — просторное шестиугольное помещение с десятком полированных колонн, поддерживающих потолок. По его краям в маленьких темных нишах сидели пнумеки и писали что-то в больших книгах. Иногда они с отрешенным видом вели тихие разговоры с другими пнумеками, которые к ним заходили.

Девушка отошла в сторону и остановилась. Рейт сделал то же самое.

Она посмотрела на него, затем задумчиво перевела взгляд на пнумека в центре помещения; это был высокий, худой человек непривычно внимательного вида. Рейт отошел в тень за колонну, продолжая

наблюдать за девушкой. Ее лицо ничего не выражало, словно белый экран, но Рейт знал, что она снова и снова думала об обстоятельствах, ворвавшихся в ее бесцветное существование. Его жизнь зависела от того, какой из страхов возьмет в ней верх: бездонная пропасть против ветреного, коричневого небосвода на поверхности.

Она медленно подошла к Рейту, стоявшему в тени колонны. На какое-то мгновение она оказалась скрытой от человека в центре.

— Тот высокий человек — это подслушиватель*. Ты видишь, как он внимательно за всем наблюдает? От него не ускользает ничего.

Некоторое время Рейт рассматривал подслушивателя, и у него оставалось все меньше желания идти через этот зал. Он тихо спросил девушку:

— Ты не знаешь другой дороги в грузовой порт?

Она подумала. Теперь, решившись на побег, она могла уже больше концентрироваться на мыслях, а не думать об опасностях, принимавших формы ее прежних снов.

Наконец она с сомнением произнесла:

— Я думаю, что другая дорога ведет мимо фабричных цехов. Но она длиннее, и там тоже стоят подслушиватели.

— Хм-м.

Рейт повернулся и снова стал смотреть на подслушивателя перекрестка Фер.

— Ты видишь, — наконец сказал он, — что он поворачивается то в этом, то в этом направлении. Когда он повернется к нам спиной, я пойду к следующей колонне. А ты пойдешь за мной.

Через минуту подслушиватель отвернулся. Рейт вошел в помещение и прыгнул к второй мраморной колонне. Девушка медленно шла за ним и, как заметил Рейт, все еще нерешительно.

Теперь Рейт уже не мог выглядывать из-за колонны, рискуя привлечь к себе внимание подслушивателя.

— Скажешь мне, когда он отвернется, — шепнул он девушке на ухо.

— Сейчас.

Рейт добрался до третьей колонны. Затем он использовал, как прикрытие, колонну медленно бредущих пнумек и перешел к следующей. Перед ним оставалось лишь одно открытое пространство. Неожиданно подслушиватель повернулся, и Рейт затаился за колонной: смертельная игра в прятки. Из бокового прохода в помещение вошел пнум и тихо приблизился своей странной походкой.

Девушка беззвучно прошептала:

— Молчаливый Критик... Будь осторожен.

* Несколько неудачный перевод аббревиатуры «гол'есзитра». Фраза обозначает: «Контрольная интеллигенция с ушами, следящими за грубыми нарушениями».

Она опустила голову и отошла, словно глубоко была погружена в собственные мысли. Пнум остановился меньше, чем в пятнадцати метрах от Рейта, который повернулся к нему спиной. Для того, чтобы добраться до северного выхода перекрестка достаточно было нескольких шагов. У Рейта дрожали лопатки. Он не мог больше стоять за колонной — сдали нервы. Он пересек открытое пространство, и ему казалось, что все глаза в этот момент были направлены на него. При каждом шаге он ожидал возмущенного крика, предостерегающего приказа. Тишина его угнетала. Лишь с большим трудом ему удалось заставить себя не оглядываться назад. Он подошел до начала коридора и не удержался от того, чтобы не оглянуться — его глаза встретились с глазами пнума. Медленно, с **выскакивающим** из груди сердцем, Рейт повернулся и пошел дальше. Девушка шла перед ним. Он тихо крикнул ей вслед:

— Беги вперед. Найди соединительный проход класса **восемнадцатый**.

Она бросила на него растерянный взгляд.

— Молчаливый Критик находится совсем близко. Мне нельзя бежать. Если он увидит, он сочтет это буйным поведением.

— **Перестань думать об этикете,** — посоветовал Рейт. — Как можно скорее найди соединительный проход.

Она ускорила шаг. Рейт следовал за ней. Через пятьдесят метров он снова рискнул посмотреть назад. Никто их не преследовал.

Коридор разветвлялся. Девушка остановилась.

— Мне кажется, что нам надо влево, но я в этом не уверена.

— Посмотри на карту.

С огромным отвращением она повернулась к нему спиной и вытащила папку из-под плаща. Она так и не смогла решиться самостоятельно ее раскрыть, поэтому протянула ее Рейту так, будто она была раскаленно горячей. Он пролистал ее пока она не крикнула:

— Стоп!

Пока она изучала разноцветные линии, Рейт смотрел по сторонам. Там, где коридор заканчивался перекрестком Фер, появилась темная фигура. Рейт с предельно напряженными нервами молил, чтобы девушка поторопилась.

— Налево, затем у координатного камня два-один-два будет синяя плита. Тип двадцать четыре — мне нужно прочитать текст. Здесь написано: четыре места нажатия. Три-один-четыре-два.

— Быстрее! — прошептал Рейт, не разжимая зубов.

Она испуганно посмотрела вдоль прохода:

— *Зужма касчай!*

Рейт тоже посмотрел назад и попытался принять осанку пнумеков. Пнум медленно продвигался вперед, но без особого намерения, а может, Рейту это только казалось. Он пошел дальше и обогнал де-

вушку, которая считала по дороге координатные камни, укрепленные на нижнем краю стены:

— Семьдесят пять... Восемьдесят... восемьдесят пять...

Рейт посмотрел назад. Теперь в коридоре было уже две черные фигуры. Откуда-то появился еще один пнум.

— Сто девяносто пять... двести... двести пять...

Синяя пластина, покрытая красно-пурпурной окисью, находилась всего в полуметре от пола. Девушка нашла место, где нужно было нажать, и дотронулась. Появились очертания двери, и вход открылся.

Девушка задрожала:

— Это класс восемнадцать. Я не имею права туда заходить.

— За нами идет Молчаливый Критик,— напомнил Рейт.

Она вздохнула и зашла в потайной ход. Он был узким и темным, в воздухе витал горьковатый запах, который, как заметил Рейт, был присущ пнумам.

Вход закрылся. Девушка отодвинула плитку вверх и посмотрела в глазок.

— Сюда идет Молчаливый Критик. Он почувствовал буйное поведение и собирается вынести наказание — нет! Их двое! Он привел с собой еще одного надсмотрщика! Она замерла и прижала глаз к отверстию. Рейт сидел, как на горячих углях.

— Что они там делают?

— Они смотрят вдоль туннеля и не могут понять, почему нас не видно.

— Пойдем дальше,— посоветовал Рейт.— Нам нельзя здесь оставаться.

— Надсмотрщик наверняка знает этот ход. Если они сюда зайдут...

— Ах, вот как.

Рейт поспешил вперед и девушка последовала за ним. «Мы представляем забавную картину,— успел подумать Рейт,— так как шагаем в темноте в развевающихся черных плащах и плоских шляпах». Девушка быстро устала. Кроме того, темп снижался еще и потому, что она постоянно оглядывалась. Вдруг у нее вырвался покорный хриплый возглас и она остановилась.

— Они вошли в туннель.

Рейт моментально посмотрел назад. Дверь была распахнута настежь. В образовавшемся отверстии обозначились фигуры обоих пнумов. Какое-то время они неподвижно стояли, словно большие черные куклы, затем зашевелились.

— Они нас увидели,— объяснила девушка и, опустив голову, замерла.

— Это означает яму. Ну ладно, давай пойдем со всей покорностью им навстречу.

— Встань к стене, — приказал Рейт. — Не двигайся с места. Им придется подойти к нам. Их всего двое.

— Ты ничего не сможешь сделать.

Рейт ничего ей не ответил. Он поднял отколовшийся с потолка камень, величиной с кулак, и замер в ожидании.

— Ты ничего не сможешь сделать, — простонала девушка. — Постарайся показать им свою скромность, покорность и миролюбие...

Пнумы быстро приближались, выбрасывая вперед ноги; бледные, выдающиеся вперед челюсти дрожали. В трех метрах они остановились и в упор уставились на Рейта и девушку, прислонившихся к стене. Полминуты никто из обеих групп не пошевелился и не издал ни звука. Молчаливый Критик медленно поднял руку и двумя худыми, как щепки, пальцами показал на них:

— Возвращайтесь!

Рейт не пошевелился. Девушка стояла у стены с остекленевшими глазами и перекошенным от страха ртом.

Пнум во второй раз приказал, хрипло и напевно:

— Возвращайтесь!

Девушка медленно пошла вдоль коридора. Рейт не пошевелился.

Пнум ошеломленно смотрел на него. Он пошептался с другим пнумом, после чего Молчаливый Критик снова повторил:

— Возвращайся!

Надсмотрщик почти неслышно пробормотал:

— Ты — тот предмет, который исчез при передаче.

Молчаливый Критик прошел вперед и протянул руку. Рейт изо всех сил швырнул свой камень, который попал прямо в бледное лицо твари. Раздался хруст, существо зашаталось, облокотилось о стену, задрожало и необычным образом задержало ногой.

Надсмотрщик гортанно захрипел и бросился на Рейта.

Рейт отпрянул, сорвал с себя плащ и быстрым точным движением набросил его на голову пнуму. Какое-то мгновение казалось, что тот этого и не заметил и двигался дальше с расставленными руками. Затем он зашатался и затопал. Рейт осторожно отошел и искал подходящее место для атаки; оба они были похожи на безмолвных исполнителей странного, необычного танца. Пока Молчаливый Критик равнодушно на это взирал, Рейт схватил руку надсмотрщика. Она была твердой, как металлическая труба. Другая рука скользнула в сторону. Два острых когтя полоснули Рейта по лицу. Рейт этого даже не почувствовал. Он приподнял надсмотрщика и швырнул на стену. Тот отскочил и тут же снова бросился на Рейта. Рейт кулаком ударил в длинное бледное лицо. Оно было холодным и твердым. Это существо обладало нечеловеческой силой. Рейту приходилось уворачиваться от его когтей, что ставило его в довольно сложное положение.

Если он будет обрабатывать эту тварь только кулаками, он лишь поломает себе пальцы.

Шаг за шагом надзиратель продвигался вперед на своих кривых ногах. Рейт упал на пол и бросился к ногам пнума, чтобы вывести его из равновесия. Тот упал. Рейт вскочил, чтобы отразить возможную атаку со стороны Молчаливого Критика; но тот, как и прежде, сидел, прислонившись к стене, и наблюдал за борьбой, словно посторонний зритель. Его поведение вывело Рейта из равновесия и он отвлекся. Последствия не заставили себя долго ждать — надсмотрщик схватил его ногу пальцами своей ноги, а второй ногой в результате немыслимого движения обхватил шею Рейта. Рейт ударил тварь в живот. Ему показалось, что он попал рукой по стволу дерева. Рейт попытался сбросить с себя ногу. Нога пнума обвилась пальцами вокруг его шеи. Рейт схватил его за ногу, выкрутил ее, пользуясь ею, как рычагом. Пнуму пришлось перевернуться на живот. Рейт взобрался ему на спину, схватил голову и сильным движением дернул ее назад. Кость, как жесткая мембрана, зазвенела, а затем хрустнула. Надзиратель дернулся, неожиданно вскочил на ноги и помчался по туннелю с болтающейся на спине головой. Он натолкнулся на Молчаливого Критика, мешком лежавшего на полу. Мертвый? У Рейта от удивления глаза вылезли из орбит. Мертв!

Рейт облокотился о стену, хрипло глотая воздух. На месте, за которое его схватил пнум, образовался большой кровоподтек. По лицу текла кровь. Локоть у него был разбит, нога растянута... Но оба пнума лежали на полу мертвые. На небольшом расстоянии в шоковом трансе сидела девушка. Рейт продвинулся вперед и дотронулся до ее плеча.

— Я жив. Ты жива.

— У тебя кровь на лице.

Рейт вытер ее подолом плаща. Он посмотрел на оба лежащих трупа, с отвращением обыскал их, но ничего, что могло бы пригодиться, не нашел.

— Я думаю, что теперь нам будет лучше сразу же пойти дальше, — сказал Рейт.

Девушка повернулась и снова посеменила вдоль по туннелю. Рейт шел за ней. Трупы пнумов остались позади в темноте.

Шаги девушки стали какими-то шаркающими.

— Ты устала? — спросил у нее Рейт.

Его участливость ее удивила; она посмотрела на него с подозрением.

— Нет.

— Ну, а я устал. Давай немного отдохнем.

Он со вздохом облегчения уселся на землю. Немного поколебавшись, она присела, сохраняя вертикальное положение, у другой сте-

ны коридора. Рейт посмотрел на нее в замешательстве. Казалось, что борьбу с пнумами она полностью вычеркнула из своей памяти. Затемяемое шляпой лицо выглядело совершенно спокойным. «Удивительно,— подумал Рейт.— Ее жизнь полностью разрушена, и будущее должно было бы казаться ей большой проблемой. Но, тем не менее, она сидела, словно марионетка — с ничего не выражающим лицом и, судя по всему, совершенно не испытывая неудовольствия»

Она тихо спросила:

— Почему ты на меня так смотришь?

— Я как раз размышляю,— сказал он,— что ты, принимая во внимание все обстоятельства, выглядишь удивительно беззаботной.

Она ответила не сразу. В темном коридоре повисло гнетущее молчание. Наконец она сказала:

— Я плыву по реке жизни. Кого и как я могу спросить, куда она меня несет? Было бы совершенно глупо ждать от этого каких-то привилегий. В конце концов, жизнь сама по себе является привилегией, наслаждение от которой получают очень немногие

Рейт оперся о стену:

— Очень немногие? Почему же?

Девушка занервничала. Ее белые пальцы задрожали.

— Я не знаю, как с этим обстоит на Гхауне. Возможно, что вы понимаете эти вещи иначе. В укрытиях* женщины-матки рожают по двенадцать раз, и лишь только половина — а иногда и меньше — выживает... — Она продолжала тоном школьного учителя. — Я слышала, что на Гхауне все женщины являются матками. Это правда? Я не могу в это поверить. Если бы каждая рожала по двенадцать раз, то Гхаун — даже если бы шестеро из двенадцати отправлялись в яму — давно кишел бы уже от живого человеческого мяса. Это кажется мне безрассудным. — И без всякой видимой связи с предыдущей мыслью, добавила

— Я рада, что никогда не буду маткой.

Рейт снова был озадачен.

— Откуда ты можешь это знать? Ведь ты еще так молода!

Может быть оттого, что девушка была поражена, лицо ее задрожало.

— Разве у тебя на голове нет глаз? Разве я выгляжу, как женщина-матка?

— Я не знаю, как выглядят ваши женщины-матки.

— Они покрыты складками от груди до бедер. Разве женщины-матки гхианов не такие? Говорят, что пнумы сами решают, кто станет

* Укрытия — неточный перевод слова, объединяющего в себе понятие вечного порядка, спокойствия, чувства безопасности.

маткой и забирают ее в группу деторождения, там они лежат в темноте и рожают детей.

— Сами?

— С другими матками.

— А где же отцы?

— Отцы для этого не нужны. В укрытиях все должно быть надежно. Защита необходима.

У Рейта зародилось странное подозрение.

— На поверхности это выглядит несколько иначе,— сказал он.

Она наклонилась вперед, и на ее лице отразилось больше живого интереса, чем Рейт замечал до этого.

— Я всегда задавала себе вопросы о жизни в Гхауне. Кто подыскивает маток? Где их дети появляются на свет?

Рейт уклонился от ответа на этот вопрос.

— Это очень сложно объяснить. Когда ты станешь старше, то я надеюсь, узнаешь об этом поподробнее. До тех пор... Меня зовут Адам Рейт. А как твоё имя.

— Имя*? У меня женский пол.

— Да, но какое у тебя собственное имя?

Девушка стала размышлять.

— Для товарных расчетов все занесены в списки по группам, секторам, зонам. Моя группа — Зит, сектор — Этен в зоне Пагаз. Мой номер по порядку 210.

— Зит — Этен — Пагаз 210. Зэп 210. Это не очень похоже на имя. Но, тем не менее, оно тебе подходит.

Девушка не отреагировала на шутку Рейта.

— Расскажи мне, как живут гжиндры.

— Я видел, как они стояли в пустыне. Они закачали в комнату, где я спал, паралитический газ. Проснулся я уже в мешке, и они опустили меня вниз, в шахту. Это все, что я знаю о гжиндрах. Но я думаю, что у них должны быть и лучшие жизненные принципы.

Зэп 210, как Рейт теперь ее называл, выразила неудовольствие:

— Это всегда интеллигентные существа, а не какие-то дикие звери.

Рейт не знал, что на это ответить. Она была настолько простодушной, что любая информация могла вызвать в ней лишь страх и ужас.

— Ты встретишь на поверхности множество разных людей.

— Вполне вероятно,— тихо и невнятно произнесла девушка.— Вдруг все на самом деле окажется не таким, как я это себе представляла.— Она стала смотреть в темноту.— Другие будут задавать себе вопрос, куда же я пропала. Кто-то станет выполнять мою работу.

* «Имя», «идентификация» и «тип» обозначают в языке Чая одним и тем же словом.

— А чем ты занималась?
— Я преподавала детям нормы поведения.
— А в свободное время?
— Выращивала кристаллы в новопостроенной горной цепи в Восточном секторе.

— А ты разговаривала когда-нибудь со своими подругами?
— Иногда, в спальном зале.
— А у тебя есть друзья среди мужчин?
В тени шляпы непонимающе поднялись черные брови.
— Но ведь разговаривать с мужчинами — это неприлично.
— А то, что ты сейчас сидишь здесь, рядом со мной, это тоже неприлично?

Она ничего не ответила. «Вероятно, эта мысль пока еще не пришла ей в голову, — подумал Рейт. — Теперь она считала себя падшей девушкой».

— На поверхности, — успокоил он ее, — жизнь протекает иначе и иногда становится действительно неприличной. Но, будем надеяться, что мы все-таки доберемся до поверхности живыми.

Он вытащил синюю папку. Словно по выработанному рефлексу, Зэп 210 отшатнулась. Рейт не обратил на это никакого внимания. Прищуриль глаза, он под слабым светом изучал переплетения из разноцветных линий. Несколько неуверенно он показал пальцем:

— Мне кажется, что мы находимся сейчас вот здесь.

Ответа от Зэп 210 не последовало. Рейт нервничал, у него болело тело и конечности и он собирался высказаться по поводу ее абсолютной безучастности, но прикусил язык. Память подсказала ему, что она была здесь не по собственному желанию. Она не заслуживала ни насмешек, ни ругательств. В результате своих действий он принял на себя ответственность за ее жизнь. Рейт сердито усмехнулся, набрал в легкие побольше воздуха и сказал как можно вежливее:

— Если я правильно понимаю, этот коридор ведет прямо туда. — Он показал пальцем место. — А затем выводит в этот отмеченный розовым цветом туннель. Я прав?

Зэп 210 покосилась вниз.

— Да. Это довольно секретный ход. Посмотри, он соединяет Этен и Салтру. В другом случае, пришлось бы делать большой крюк через перекресток Феййерый. С чувством брезгливости она наклонилась ниже, придвинула палец на пять сантиметров к пергаменту.

— Нам нужно к этому серому координатному камню — к грузовому порту в конце канала обеспечения. Пройти через перекресток Феййерый было бы невозможно, так как там дорога проходит через спальные сектора и фабрики металлоизделий.

Рейт задумчиво посмотрел на маленькие красные кресты, обозначающие выходы.

- Они кажутся такими близкими и так легко достижимыми.
- Наверняка их охраняют.
- Что значит эта длинная черная линия?
- Это грузовой канал, лучший путь из зоны Пагаз.
- А это широкое зеленое пятно?

Она посмотрела вниз и торопливо вдохнула воздух.

- Это тропа Вечности — Тайна класса двадцать!

Она разогнулась и положила подбородок на колени. Рейт полностью ушел в карты. Но тут он почувствовал на себе ее взгляд, поднял глаза и обнаружил, что она пристально на него смотрит. Она облизала свои бескровные губы:

- Почему ты такой важный объект?

— Я вообще не знаю, почему я вдруг стал объектом, — ответил он, хотя это и не совсем соответствовало истине.

— Они хотят отправить тебя в Вечность. Ты принадлежишь к чужой расе?

— Определенным образом, да, — подтвердил Рейт. Он устало поднялся. — Ты готова? Теперь мы можем идти дальше.

Не говоря ни слова, Зэп 210 поднялась, и они продолжили свой путь по темному коридору. Они прошли полкилометра и уперлись в белую стену с черной железной дверью посередине. Зэп 210 прикинула к смотровому отверстию.

— Мимо проезжает самоходная тележка. Поблизости работают люди.

Она оглянулась на Рейта.

— Держи голову опущенной, — напомнила она. — Шляпу натяни поглубже. Иди тихо, на прямых ногах.

Она снова припала к глазку. Ее рука потянулась к дверному засову и нажала на него — дверь резко открылась.

- Быстрее, пока нас не видят.

Жмуря глаза, они украдкой вышли в широкую сводчатую штольню. Пегматитовые стены были покрыты огромными турмалинами, которые непонятным образом светились и сверкали розовым и синим цветом.

Зэп 210 вышла вперед. Рейт на надлежащем расстоянии пошел за ней. В пятидесяти метрах от него проехала груженная мешками самоходная тележка на толстых черных колесах. Где-то позади них раздавались удары молотов, обрабатывавших железо; кроме того, до них доносился какой-то скрежет, происхождение которого Рейт так и не смог определить.

Десять минут они шли вдоль штольни. Четырежды мимо них проходили пнумеки, отворачивая затененные шляпами лица и погружившись мыслями в такие глубины, куда сознанию Рейта проникнуть было не суждено.

Полированный пегматит неожиданно перешел в черную роговую

обманку; на стене виднелись кварцевые жилы, которые, казалось, росли на черной основной породе — результат изнурительной работы неизвестно скольких столетий и поколений. Далеко впереди штольня заканчивалась в маленьком темном полуовальном помещении, которое дальше постепенно расширялось. За ним простиралась черная мгла.

Отверстие становилось все шире и окутывалось темнотой. Они вышли на узкую площадку, чтобы осмотреть большое помещение. Оно было пустым и темным, словно космос. В пятидесяти метрах справа у причала стоял баркас, казавшийся парящим в воздухе. Рейт предположил, что пустое помещение было поверхностью подземного моря.

На причале монотонно работали шесть пнумеков, загружая небольшой пароходик тюками.

Зэп 210 отодвинулась в тень. Рейт сделал то же самое и прижался к ней слишком, по ее мнению, близко. Она педантично отодвинулась на несколько сантиметров.

— Что теперь? — осведомился Рейт.

— Иди за мной на борт. Ни с кем не говори.

— А никто не будет возражать? Не помешает ли кто-нибудь нам зайти на корабль?

Девушка бросила на него бесстрастный взгляд.

— Пнумеки ездят на баркасах. Таким образом они могут увидеть отдаленные туннели.

— Ага, — съехидничал Рейт. — Жажда путешествий у пнумеков. Они любят туннели.

Девушка снова одарила его бесстрастным взглядом.

Рейт спросил:

— Ты уже раньше когда-нибудь ездила на баркасе?

— Нет.

— Откуда же ты тогда знаешь, куда отправляется баркас?

— Он плывет на север, в торговые области. Он не может плыть ни в какое другое место.

Зэп 210 посмотрела сквозь тьму.

— Иди за мной и не забывай, как нужно держаться.

Она пошла в сторону дока — с опущенными глазами, словно лунатик. Рейт несколько секунд выждал, после чего отправился за ней.

Зэп 210 остановилась возле баркаса и безучастно посмотрела на сверкающую поверхность. Затем она словно тень направилась к баркасу, вышла на пирс и скрылась в тени тюков.

Рейт сделал то же самое. Пнумеки на причале, поглощенные своими мыслями, не обратили на них никакого внимания. Рейт поднялся на борт и не смог удержаться, чтобы не ускорить шаг, пока его скрывали от чужих глаз наваленные друг на друга тюки.

Напряженная, как струна, Зэп 210 покосилась на грузчиков. Постепенно она успокоилась.

— Они отвлечены, а то заметили бы твою спешку. Гхианы всегда прыгают и дергаются, когда ходят.

— Меня бы это не удивило, — ответил Рейт. — Но это нам не повредило. В следующий раз...

Вдруг у него внутри все опустилось. На противоположной стороне причала стояла темная фигура. Она медленно направилась к баркасу и вышла на освещенный участок.

— Пнум! — прошептала Рейт. Зэп 210 неподвижно застыла.

Существо тяжело ступало вперед. При этом оно совершенно не замечало грузчиков на причале, которые, в свою очередь, тоже не удостоили пнума ни единым взглядом. Тот бесшумно прошел вдоль причала и остановился около баркаса.

— Он нас увидел, — прошептала девушка.

Рейт удрученно стоял на палубе корабля. Места ушибов болели, руки и ноги были, словно ватные. Он не смог бы выдержать второй схватки. Он хрипло спросил:

— Ты умеешь плавать?

Испуганный вздох, быстрый взгляд на черную, пустую поверхность.

— Нет!

Рейт поискал какое-нибудь оружие — палку, крюк, канат. Но на глаза ничего не попало.

Пнум исчез из поля зрения. Через мгновение Рейт почувствовал, как баркас задрожал под его весом.

— Снимай плащ, — сказал Рейт.

Он выскользнул из своего, завернул в него папку и засунул и то, и другое в щель между тяжелыми тюками. Зэп 210 не пошевелилась.

— Снимай плащ!

Она заскулила. Рейт быстро закрыл ей рот ладонью.

— Тихо!

Он развязал ей тесемки на шее; при этом он дотрагивался до тонкого подбородка и чувствовал, как он дрожал. Он сорвал с нее плащ и закинул под свой. Она полуприсев стояла перед ним в нижней рубашке до колен. Несмотря на опасность, Рейт едва удержался от распиравшего его желания рассмеяться при виде худой подростковой фигуры под черной шляпой.

— Слушай внимательно, — хрипло скомандовал он. — Я могу сказать это только один раз. Я перелезу через борт. Ты должна сразу же последовать за мной. Положи руки мне на спину. Держи голову над водой. Тогда ты будешь в безопасности.

Он не стал ждать, когда она согласится, а сразу же скользнул вниз через борт баркаса. Холодная вода окутала его тело, как ледяная пожарная пена. Зэп 210 колебалась лишь долю секунды, после чего

сразу же перелезла через борт, наверное потому, что боялась пнума больше, чем мокрой пустоты. Она запищала, когда ноги ее прикоснулись к воде.

— Тихо! — зашипел Рейт.

Ее руки легли на его плечи. Она погрузилась в воду и в припадке паники обвила руки вокруг его шеи.

— Спокойно, — прошептал Рейт. — Держи голову над водой.

Без того, чтобы посмотреть через борт в воду, их увидеть было невозможно.

Прошло полминуты. Ноги Рейта стали бесчувственными. Зэп 210 прижалась к его спине, ее подбородок лежал у его уха. Он слышал, как стучали ее зубы. Худое тело крепко прижималось к нему, немножко нагревая воду между ними; но тепло растворялось, как только кто-нибудь из них шевелился. Когда-то, еще мальчишкой, Рейт спас тонувшую кошку. Зверек тогда, как и Зэп 210, отчаянно вцепился в него. Воспоминание снова вызвало в нем инстинкт защитника. Оба распластанных и мокрых тела передавали ему одинаковое элементарное стремление к жизни. Тишина, темнота, холод. Они прислушались. По палубе баркаса в их сторону приближался слабый звук: постукивание когтистых пальцев. Пнум остановился, осторожно прошел дальше, снова остановился — прямо над их телами. Рейт посмотрел вверх и увидел пальцы ног, обвившиеся о край палубы. Он снял с себя одну руку Зэп 210, затем вторую и положил их на выступающую стойку. Освободившись, он повернулся и осмотрелся над баркасом.

Вокруг него поднимались небольшие маслянистые волны. Блики желтоватого цвета появлялись и снова исчезали.

Постукивая, пальцы ног над Рейтом переместились. Рейт сцепил зубы и с перекошенным лицом протянул руку вверх. Он схватил тонкую твердую ногу и дернул за нее. Пнум ужасно закричал, качнулся вперед и некоторое время удерживал равновесие в каком-то немыслимом, почти горизонтальном положении, удерживаясь только на своих пальцах. Затем, не удержав равновесия, он свалился в воду.

Зэп 210 уцепилась за Рейта.

— Не дотрагивайся до него. Он разорвет тебя на куски.

— Он умеет плавать?

— Нет, — выдавила она, стуча зубами. — Он слишком тяжелый. Он пойдет на дно.

Рейт сказал:

— Забирайся ко мне на спину, хватайся за стойку и перелезай на баркас.

Она осторожно скользнула сзади и забралась к нему на спину. Она встала ему на плечи, затем схватилась за борт баркаса. Рейт устало поднялся за ней наверх и обессиленно лег на палубу.

Но вскоре он снова встал на ноги и посмотрел в сторону причала. Пнумеки не прерывали своей работы.

На всякий случай Рейт спрятался в тень. Зэп 210 не двигалась с места. Нижняя рубашка прилипла к ее недозревшему телу. «А она не лишена грации», — подумал Рейт.

Зэп 210 заметила его внимание и села на корточках возле тюков.

— Сними нижнюю рубашку, а плащ надень, — посоветовал он ей. — Так будет теплее.

Она с несчастным видом смотрела на него. Рейт стянул с себя собственные намокшие вещи. Она отвернулась почти так же испуганно, как и при появлении пнума. Рейт улыбнулся. Стоя к нему спиной, она набросила плащ на плечи и непонятным образом умудрилась снять нижнюю рубашку.

Баркас завибрировал. Рейт посмотрел через гору тюков и увидел, что причал удалялся все дальше. Вскоре он превратился в оазис света в непроницаемой черноте. Далеко впереди показалось размытое голубоватое мерцание, в направлении которого и двинулся баркас.

Поездка началась. Позади них оставалась зона Пагаз и тропа в Вечность. Перед ними лежала темнота и северные торговые регионы.

Глава 4

Команда корабля состояла из двух человек, которые находились в носовой части баркаса. Здесь была небольшая кладовая, маленький камбуз — островок с бледно-желтым освещением. Казалось, что на борту было еще, как минимум, два пассажира, а может быть, и три или четыре; они были еще более ненавязчивыми, чем команда, и показывались лишь возле кладовой и камбуза. По всей видимости, продукты мог свободно брать каждый. Зэп 210 не разрешала Рейту ходить за продуктами. Когда кладовая и камбуз бывали свободны, она организовывала что-нибудь поесть для обоих: оладьи из растения паломников; запеченные полоски из теста с мясом; засахаренные в форме сливы предметы, которые могли быть либо фруктами, либо соответственно приготовленными насекомыми; кисло-сладкие вафли из хрустящей белой массы, которые для Зэп 210 были лакомством, а у Рейта во рту оставляли неприятный привкус.

Время шло. Сколько дней пролетело таким образом, Рейт не знал. Море превратилось в реку, которая, в свою очередь, впадала в подземный канал, шириной пятнадцать-двадцать метров. Баркас плыл совсем бесшумно. Рейт предположил, что он двигался при помощи электрических полей, образующихся вокруг его кия. Перед ними мерцал слабый голубой свет, служивший ориентиром для управ-

ляющего сенсора баркаса. Когда голубой свет проплывал у них над головой, вдалеке всегда загорался новый. Изредка баркас проходил мимо пирсов и пристаней, а также мимо туннелей, ведущих в неизвестные удаленные уголки.

Рейт ел и спал. Как это иногда случалось, он потерял над собой контроль. Его миром были баркас, темнота, невидимая вода, присутствие Зэп 210. Так как у него оставалось много времени и сил, он поставил перед собой задачу изучить характер девушки. Зэп 210, в свою очередь, относилась к нему с недоверием, как будто не хотела раскрываться перед ним даже в разговоре — замкнутость и чопорная сдержанность, особенно по отношению к существу, имеющему не самые расплывчатые представления о сексуальных отношениях. Здесь дело еще и в природном инстинкте, как предполагал Рейт. Но имел ли он право рассказать этому невинному ягненку, как обстояло с этим дело на поверхности? С другой же стороны, он не был в восторге от перспективы объяснять Зэп 210 вопросы человеческой биологии.

Сама же Зэп 210, казалось, ни капельки не скучала. Она спала или смотрела в темноту, словно любовалась проплывающими мимо красивыми ландшафтами. Иногда Рейт составлял ей в этом компанию и не обращал никакого внимания на то, что она каждый раз педантично соблюдала расстояние между ними. Разговоры с ней никогда не носили нравоучительного характера. Относительно поверхности Зэп 210 придерживалась неизменных представлений; она боялась неба, ветра, отдаленности горизонта, бледно-коричневого солнечного света. Ее ожидания были мрачными: она готовилась к смерти под булавой какого-нибудь крикливого варвара. Рейт попытался развеять ее опасения, но вызвал этим только еще большее недоверие.

— Ты думаешь, мы ничего не знаем о поверхности? — с ехидством спрашивала она. — *Зужма касчай* знают больше, чем кто бы то ни было; они знают все. Знания — это их жизнь. Они — это мозг Чая. Чай слугит *зужма касчай* телом и костями.

— А пнумеки? Как они вписываются в эту картину?

— Особи? Очень давно *зужма касчай* поместили некоторых людей с поверхности в убежища. Несколько женских типов и несколько женщин-маток уже были там. Особи направляют свою старательность на полирование и шлифовку камней и выращивание кристаллов. *Зужма касчай* заботятся о сохранении мира, и так будет всегда.

— А откуда произошли люди вообще, это тебе известно?

Зэп 210 не проявила к этому никакого интереса.

— С Гхиана, откуда же еще?

— А они вам хоть рассказывают о солнце, звездах, других планетах в космосе?

— Они учат нас тому, чему мы обучаемся с наибольшим удовольствием: соблюдать этикет и хорошие манеры.

У Зэп 210 вырвался легкий вздох.

— У меня все это уже позади. Как бы все остальные сейчас мне удивились?

Насколько Рейт понимал, сейчас Зэп 210 больше всего заботилась о своем неестественном поведении.

Баркас продолжал плыть дальше. Голубое мерцание вспыхивало перед ними, становилось ярче, проплывало над их головами, оставалось позади, вдалеке загоралось новое голубое мерцание. Рейт заскучал и сделался неутраченным. Вокруг господствовала почти непроядная темнота, которую оживлял лишь слабый луч света на носу. Женский голос Зэп 210, ничего не значащий для нее самой, стал действовать на его фантазию, его состояние стало напоминать ему эротическое влечение. Только здравый смысл удерживал его в определенных рамках.

«Как она может желать или возбуждаться,— спрашивал себя Рейт,— если отношения мужчина—женщина ей совершенно неизвестны? Неясные позывы, исходившие из ее подсознания, должны были казаться ей в какой—то мере отклонениями, словно самые плохие формы буйного поведения». Он вспомнил жизненную силу ее тела, когда она в воде держалась за него. Он вспомнил вид ее насквозь промокшей фигуры. Он стал задавать себе вопрос, не было ли правильнее дать свободный ход своим инстинктам?

По Зэп 210 нельзя было понять, чувствовала ли она что—то, кроме дурного настроения или плохих предчувствий. Часами она говорила тихим монотонным голосом о том, что она знала. Рейту казалось, что она вела удивительно монотонную жизнь, в которой полностью отсутствовали радостные, захватывающие и легкомысленные события. Он спрашивал себя, каковы же должны быть ее мечты; но об этом она помалкивала. Она могла отличать друг от друга своих приятельниц: по легким отклонениям в этикете и тактичности, которые для нее имели такое же значение, как «буйные» черты характера на повержность. Ей были известны биологические различия между мужчинами и женщинами, но она, по—видимому, никогда не задумывалась над их причинами. «Все это было в высшей мере странно»,— ломал себе голову Рейт.

«Укрытия» казались инкубатором для целого ряда неврозов. Рейт не решился об этом спрашивать. Когда разговор начинал затрагивать такие темы, она всегда замыкалась в себе. Смогли ли пнумы каким—то образом отнять у пнумек стремление к продолжению рода? А, может, они пичкали их успокаивающими средствами, наркотиками или гормонами, чтобы подавить в них эротические чувства и избежать перенаселения? Рейт осторожно задал несколько вопросов. Зэп 210

ответила на них невпопад и не придавая этому никакого значения, из чего Рейт сделал вывод, что она не имела ни малейшего понятия о том, о чем он говорил. Зэп 210 рассказывала, что время от времени некоторым особям убежища начинали казаться слишком спокойными. За это их отсылали на поверхность под свет солнца, пронизывающие ветры и пустые ночи. Они изгонялись в огромную вселенную и не имели права никогда больше возвращаться обратно.

— Меня удивляет, что я совсем больше не боюсь,— вслух думала она.— Может, во мне уже давно дремали предпосылки стать гжинд-рой? Я слышала, что такие большие пространства сводят с ума. Я не хочу уж слишком подвергаться таким влияниям.

— Мы пока еще не так близко от поверхности.— напомнил ей Рейт, Зэп 210 только пожала плечами, как будто это было не так уж и важно.

Относительно способа размножения пнумов она точными знаниями не обладала. Она не была уверена, рассматривают ли они этот процесс как Тайну или нет, хотя такие предположения и высказала. Что же касается количественного соотношения пнумов и пнумеков, то такой информацией она тоже не владела.

— Вероятно, имеется больше *зужма касчай*. Но многие из них никогда не показываются. Они остаются в потайных местах, где сохраняются ценные вещи.

— Что за ценные вещи?

И тут ничего конкретного Зэп 210 сказать не могла.

— История Чая намного длиннее, чем это себе представляют. Даже летописи не знают этого. *Зужма касчай* же в этом отношении чрезвычайно педантичны. Они знают все, что происходило когда-либо. Они рассматривают Чай, как большую теплицу, в которой каждый предмет, каждое дерево, каждая скала представляют собой определенную редкость. Сейчас на Гхиане есть народы и с других планет: три различных вида, прилетевших сюда и понастроивших искусственные сооружения.

— Три?

— Дирдиры, кеши и вонки.

— А люди?

— Люди? — в ее голосе послышалась нерешительность.— Я этого не знаю. Может быть, люди тоже произошли на какой-то другой планете. Значит, тогда на Чае существует четыре различные расы. Но это произошло уже очень давно; странные существа часто приземлялись на Чае. *Зужма касчай* не встречали их с распростертыми объятиями, но и не выгоняли. Они наблюдали, увеличивали свои коллекции, наполняли музеи Вечности, составляли свои архивы.

Неожиданно Рейт увидел пнумов совсем в другом свете. Создавалось впечатление, что в поверхности Чая они видели большую теат-

ральную сцену, на которой ставились великолепные, длившиеся в течение тысячелетий, драмы. Войны между старыми и синими кешами; нападение дирдиров, сопровождавшееся впоследствии контрударом вонков; всевозможные походы, битвы, поражения и полные уничтожения; возникновение городов, разрушение руин, возвышение и закат народов — все это объясняло, почему пнумы терпели чужие расы. С точки зрения пнумов, они украшали историю Ча́я. Рейт спросил у Зэп 210, воспринимает ли она Ча́й с такой же позиции. Девушка ответила ему одним из своих слабых равнодушных жестов. Нет, для нее это ничего не значило; для нее не имело большого значения ничего из происходящего на поверхности. Рейту неожиданно удалось заглянуть в глубь ее психики. Жизнь Зэп 210 была довольно безвкусным явлением, которым нужно было довольствоваться. Оставался страх перед неизвестным; радость превзошла силу ее представления. Он посмотрел на себя ее глазами; неожиданно привязавшийся, жестокий, хитрый, грубый и непредсказуемый, человек, с которым постоянно приходилось рассчитывать на худшее. «Несчастное создание, — думал Рейт, — доброе и бесцветное». Он с удивлением вспомнил, как она цеплялась за его шею. В тихом болоте черти водятся. В темноте, где его мысли не находили другого занятия, возникали фантастические картины, которые стимулировали его воображение и возбуждали в нем страсть. По этой причине Зэп 210, которая каким-то образом чувствовала это, с неприятным подозрением отходила подальше в тень и оставляла Рейта одного, и ему не оставалось ничего другого, как делать хорошую мину при плохой игре. Какие мысли могли кружиться в ее голове?

Рейт выдумал новую игру. Он старался ее развлекать. Он придумывал необычайные происшествия, странные ситуации; но Зэп 210 была словно сказочная принцесса, которая никак не хотела улыбаться. Насколько Рейту удалось определить, ее единственным удовольствием было похрустеть кисло-сладкими вафлями, которые своим странным вкусом способствовали аппетиту. К сожалению, запасы этого лакомства быстро закончились — уже через пару дней после отплытия. Зэп 210 была поражена этим фактом.

— В нашем рационе всегда есть *Дико* — всегда! Кто-то допустил дурацкую ошибку!

Рейт еще никогда не видел ее такой энергичной. Но вскоре она стала проявлять недовольство, затем стала безучастной; в этом состоянии она вообще не хотела принимать пищу. Затем она стала нервной и раздражительной, и Рейт задал себе вопрос, не содержит ли *Дико* формирующие характер наркотики, вызывавшие такую сильную зависимость.

Дня три или четыре Зэп 210 не произнесла ни единого слова и старалась держаться от Рейта как можно дальше, словно она счита-

ла его виноватым в отсутствии этого продукта. Рейт вынужден был признаться, что каким-то образом был действительно в этом виноват. Если бы он не ворвался безоглядно в ее бедную на чувства и однообразную жизнь, она по-прежнему вела бы свое нормальное, расписанное по пунктам существование, глотая *Дико* так часто, как ей подсказывали сознание и потребность организма. Но постепенно ее плохое настроение исчезло, Зэп 210 стала почти разговорчивой. Казалось, что она искала признания, внимания или даже — возможно ли такое — симпатии. Так это казалось Рейту, который находил эту ситуацию такой же абсурдной, как и все происходившее до этого.

Баркас продолжал плыть сквозь темноту, от одного синего ориентира к другому. Они проплывали по целому ряду подземных морей: по тихим пещерам, с потолка которых свисали сталактиты; затем довольно долго — наверное, дня три — вдоль прямого, как карандаш, искусственного канала, в котором синие светильники были расположены на расстоянии пятнадцати километров один от другого. Канал заканчивался еще одной чередой пещер, где им снова изредка стали попадаться на глаза одинокие причалы — бледно-желтые островки света. Затем баркас снова вошел в прямой канал. Путешествие приближалось к концу — это чувство витало в воздухе. Команда корабля стала чаще появляться на палубе, а пассажиры отошли от бортов и стали чаще смотреть вперед. Как-то раз, вернувшись из продуктовой кладовой, Зэп 210 грустно пробормотала:

— Мы почти доплыли до Бажан-Гахаи.

— А где это находится?

— С другой стороны торгового региона. Мы проделали длинный путь. — Немного помолчав, она тихо добавила: — Это было хорошее время.

Рейту показалось, что в ее голосе он услышал сожаление.

— Здесь уже близко до поверхности?

— Здесь перегрузочная станция для товаров со Штанговых Островов, а также с Хедайи.

Рейт был поражен:

— Но мы же так далеко на севере!

— Да. Но *зужма касчай*, наверное, нас все-таки ждут.

Рейт испуганно посмотрел вперед на далекий синий ориентир.

— Зачем им нас ждать?

— Я не знаю. Может, они и не будут этого делать.

Синие ориентиры сменяли друг друга. Рейт с нарастающим напряжением следил, как они проплывали назад. Наконец, он утомился и заснул. Когда он проснулся, Зэп 210 показала вперед:

— Бажан-Гахаи.

Рейт встал. Бледный свет впереди стал ярче. В воде отражалась

длинная цепь фонарей. Туннель расширился с волнующим величием. Баркас скользил дальше по воде. Закутанные в плащи фигуры на носу при виде великолепного золотисто-желтого помещения встали. Рейт чувствовал себя, словно проснувшимся к новой жизни, и ощущал какой-то таинственный экстаз. Путешествие, начавшееся холодно и мрачно, подошло к концу. Стали уже видны стены туннеля — потрепавшиеся опоры из необработанного камня. Они были освещены с одной стороны и погружены в тень с другой. Золотисто-желтый свет превратился в размытое пятно. С другой стороны спокойных вод показались высокие вершины белых скал. Зэп 210 медленно подошла и отрешенно уставилась на свет. Рейт уже почти забыл, как она выглядела. Худое лицо, бледность, тонкие скулы, прямой нос и бесцветный рот — все оказалось точно таким же, как и запечатлелось в его памяти. К тому же, он обнаружил на ее лице выражение, которому он так и не смог подобрать определения: печаль, меланхолия, мучительное предчувствие. Девушка почувствовала его взгляд и посмотрела на него. Рейту было интересно, что же увидела она?

Канал становился все шире. Перед ними лежало длинное извилистое озеро. Баркас проплывал мимо великолепной панорамы. На черной поверхности то тут, то там, появлялись небольшие островки; огромные, потрескавшиеся колонны, отделанные белым и серым, устремлялись к высоким сводам. В восьмистах метрах перед ними под нависающей скалой появился причал. Из невидимого отверстия в пещеру попадал золотистый луч.

От волнения у Рейта отнялась речь.

— Солнечный свет, — наконец выдал он из себя.

Баркас медленно скользил к пристани. Рейт осматривал стены пещеры, пытаясь найти выход к отверстию. Зэп 210 тихо предупредила:

— Ты привлечешь внимание надсмотрщика.

Рейт отошел за гору токов и снова принялся разглядывать стены. Он показал пальцем:

— Вверх к щели ведет тропа.

— Естественно.

Рейт глазами проследил за ходом тропы вдоль стены. Казалось, что она заканчивалась прямо у причала, до которого оставалось всего четыреста метров. Рейт заметил несколько фигур в черных плащах. Он не мог определить точно, были это пнумы или пнумеки. Но ему показалось, что они ожидали прибытия корабля в угрожающих позах. Ему стало не по себе.

Рейт прошел на корму баркаса, посмотрел направо и налево. Потом вернулся к Зэп 210.

— Примерно через минуту мы будем проплывать рядом с малень-

ким островом. Лучше, если мы прямо сейчас покинем корабль. У меня не возникает большого желания выходить на пристань.

Зэп 210, покоряясь судьбе, пожала плечами; они вместе пошли на корму баркаса. Остров — неровное образование из известняка — проплывал мимо. Рейт приказал:

— Давай вниз! Не крутись и не барахтайся. Я буду держать тебя над водой.

Наконец, ноги их нащупали твердый грунт, и они выбрались на остров. Баркас уже почти доплыл до пристани. Четыре фигуры подошли поближе. По их походке Рейт определил, что это пнумы.

С острова они перебрались на берег; при этом стараясь держаться в тени, чтобы с пристани их не смогли заметить. В тридцати метрах выше них проходила тропа, ведущая к отверстию на поверхность. Рейт внимательно осмотрелся, после чего они начали подъем; они карабкались по камням, цеплялись за агатовые выступы, продирались по небольшим холмам и возвышенностям. Вопль отчаяния разнесся над водой. Зэп 210 замерла.

— Что это значит? — приглушенно спросил Рейт.

— Это может быть либо требованием, либо призывом... В Пагазе мне ничего подобного слышать не приходилось.

Они продолжали подниматься по склону. Промокшие насквозь плащи прилипали к телу. Наконец они выбрались на тропу. Рейт осмотрелся. Вокруг не было видно ни души. Отверстие во внешний мир находилось чуть дальше пятидесяти метров. Снова с мрачной настойчивостью прозвучал тот же вопль.

Тяжело дыша и грузно ступая, они помчались вверх по тропе. Перед ними показалась трещина. Они увидели золотисто-серое небо Чая, по которому плыла череда черных туч. Рейт в последний раз посмотрел вниз на тропу. Из-за ослепительного внешнего света, а также из-за того, что на глаза его навернулись слезы радости, он смог различить только тени и мутные группы скал. Подземная империя снова становилась далеким и неизведанным миром. Он взял Зэп 210 за руку и вытащил наружу. Она медленно вышла и окинула взглядом поверхность. Они стали посередине склона горы, с которой открывался вид на широкую долину. Вдали простиралась спокойная серая равнина — море.

Рейт в последний раз посмотрел назад на расселину и стал спускаться с горы. Зэп 210 следовала за ним. Рейт остановился, сорвал с головы ненавистную черную шляпу и запустил ее над скалами. Затем он схватил шляпу девушки и сделал с ней то же самое.

Глава 5

Переход по широкой долине под золотисто-коричневым послеобеденным солнечным светом вызвал у Рейта чувство настоящей эйфории. На сердце у него было легко, его сонливость как будто сдуло ветром: он чувствовал себя сильным, готовым к действиям и был полон надежд. Он испытывал к Зэп 210 легкую прозрачную симпатию. «Странное, необычное существо, — думал он, незаметно за ней наблюдая, — и какая же бледная, словно привидение». Чувствовалось, что ей было неуютно в столь неожиданно ширском пространстве. Ее взгляд скользил по небу, над величественными горами, возвышавшимися справа и слева до самого горизонта, который, как Рейт определил, простирался, должно быть, над Первым Морем.

Они спустились в долину, к подножию гор. Мутная река протекала между берегами, густо заросшими темно-красным камышом. Рядом росла трава паломников, стручки которой были неотъемлемой частью питания на Чае. Зэп 210 скептически посмотрела на серо-зеленые стручки и не узнала в них скрученных, ссохшихся желтых ломтиков, поставляемых в подземелья. Она их там ела, совершенно не задумываясь о том, что это было.

Рейт видел, как она постоянно оглядывалась на пройденный ими путь; как ему показалось, несколько тоскливо.

— Ты жалеешь, что ушла из подземелий?

Прежде, чем ответить, Зэп 210 немного подумала.

— Я очень боюсь. Мы видны со всех сторон. Может быть, и *зужма касчай* наблюдают за нами из щелей. Может быть, они потом натравят на нас ночных собак.

Рейт посмотрел вверх на отверстие: тень, которую с того места, где они теперь стояли, различить было почти невозможно. Он не обнаружил никаких следов слежки: казалось, что они были абсолютно одни во всей открытой долине. Но твердой уверенности в этом у него не было. За ними могли наблюдать через отверстия в скалах. Черные плащи становились слишком заметными. Он посмотрел на Зэп 210. Наверняка она еще будет колебаться прежде, чем снимет эту одежду. Рейт остановился.

— День клонится к закату. Может быть, нам удастся найти на побережье деревню.

Они прошли километра три по течению. Река стала намного шире и, в конце концов, закончилась болотом. На другой ее стороне стоял густой лес из огромных даяновых деревьев. У деревьев, расположенных на краю леса, стволы были слегка выгнуты наружу. Рейту уже приходилось раньше видеть такие деревья. Он предположил, что это одна из священных рощ хоров — ужасного народа, жившего на южном побережье Первого Моря.

Священная роща — если это действительно была она — добавила Рейту нерешительности. Встреча с хорами могла оправдать опасения Зэп 210 относительно Гхауна и нелюбезных обычаев ее обитателей.

Сейчас хоров видно не было. Они пошли дальше, вдоль края болота, и дошли до маленького холма, с которого можно было окинуть взглядом поверхность болота метров на сто: вдалеке лежало медлительное Первое Море. Справа и слева в море выдавались извилистые отмели, которые в надвигающихся сумерках почти не были видны. Где-то на юго-востоке — видимо, совсем близко — должен был находиться Карабас, в котором люди искали секвины, а дирдиры устраивали на них охоту.

Рейт внимательно осмотрел линию берега и постарался сориентироваться, исходя только из своих чувств. Зэп 210 сердито смотрела на море и спрашивала себя, что может принести ей будущее. Примерно в полукилометре дальше на юго-востоке Рейт заметил очертания шатких подмостков, которые вели через болото к морю. Там, где они заканчивались, находился причал, возле которого покачивались шесть привязанных лодок. На возвышении вдали обозначались очертания деревни, которая и должна была находиться неподалеку от причала.

Несмотря на то, что хоры не вели себя враждебно постоянно, они жили по очень сложным законам, которые не терпели нарушений. Незнание их не давало чужестранцу никаких поблажек: правила были однозначны. Поэтому встреча с хорами становилась весьма щекотливым мероприятием.

— Я не хочу рисковать и близко подходить к хорам, — сказал Рейт, повернулся и посмотрел назад через мрачные горы. — Сивиш находится далеко на юге. Нам нужно попасть к мысу Бриаз. Там мы сможем сесть на корабль и поехать вдоль западного побережья, хотя я пока еще не знаю, чем мы сможем заплатить.

Зэп 210 посмотрела на него, раскрыв от удивления рот.

— Ты собираешься взять меня с собой?

«Вот, значит, в чем причина ее меланхолического созерцания панорамы», — подумал Рейт.

Он спросил:

— А у тебя есть другие планы?

Она недовольно поджала губы:

— Я думала, ты собираешься идти один.

— И оставить тебя наедине с горами? Ты слишком плохо обо мне думаешь.

Она презрительно посмотрела на него и осведомилась о причинах его заботы.

— Здесь на поверхности часто встречаются случаи «буйного по-

ведения» — пошутил Рейт. — И я не думаю, что тебе это особенно понравится.

— О!

— Нам нужно быть очень осторожными. Эти плащи... Нам лучше их снять.

Зэп 210 растерянно взглянула на него:

— Идти дальше без одежды?

— Нет. Только без плащей. Они будут возбуждать подозрение и враждебность. Нам не нужно, чтобы нас принимали за гжиндр.

— Но ведь я должна стать одной из них!

— Я думаю, что в Сивише ты примешь другое решение. Конечно, если надеяться на то, что мы туда попадем. Мы ничем себе не поможем, если нас будут принимать за гжиндр.

Он снял свой плащ.

Со сморщенным от неудовольствия лицом она последовала его примеру и осталась пред ним в серой нижней рубашке.

Рейт свернул плащи в один узел.

— Возможно, ночь будет холодной. Я возьму их с собой.

Он поднял синюю папку, которая теперь стала лишней. Рейт подумал и сунул ее за подкладку своей куртки.

Они пошли на северо-восток к побережью. Постепенно роща хоров превратилась в расплывчатое черное пятно позади них, а отмели, наоборот, стали огромными и темными. Карина 4269 скользила все дальше по небу, и ее свет приобрел торжественное предвечернее свечение. Однако, черно-пурпурная гладь облаков предвещала одну из неожиданно налетавших на Чае бурь. Она неотвратимо надвигалась все ближе, тучи заволакивали небо, время от времени сверкали молнии. Под ними бледным графитным глянцем сверкало море. Перед ними, прямо возле одной из выдающихся в море кос, появилась вторая роща даяновых деревьев. Священная роща? Рейт обвел глазами местность, но не увидел никакого поселения хоров.

Роща стояла перед ними; мощные стволы деревьев выгибались с внешней стороны наружу, а ветви, словно огромные солнечные зонты, свисали к земле. Возможно, что где-то здесь и скрывалась деревня, но в этот момент они были единственными живыми существами под почти черным, а местами еще золотисто-коричневым небесным шатром.

Рейт скрыл от Зэп 210 свои сомнения; у нее хватало собственных переживаний. От солнца ее лицо немножко покраснело. В своей плотно облегающей рубашке и с черными волосами, обрамлявшими лоб и уши, она казалась совершенно другим человеком, а не бледным и несчастным чертенком, на которого Рейт наткнулся в столовой Пагаза. Может, это его фантазия приукрасила ее? Или ее тело дей-

ствительно стало более круглым и полным? Зэп 210 заметила его взгляд. В свою очередь, она смотрела на него смущенно и упрямо.

— Почему ты меня так рассматриваешь?

— Просто так. Только теперь ты выглядишь совершенно иначе, чем тогда, когда я с тобой познакомился. Иначе и привлекательнее.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — надулась она. — Ты говоришь глупости.

— Может быть... В один из следующих дней — не сегодня — я тебе расскажу, как люди живут на поверхности. Нравы и обычаи здесь очень сложны — интимнее, даже более «буйные», чем в подземельях.

— О! — Зэп 210 сморщила нос. — Почему ты идешь к лесу? Разве это не еще одно тайное место?

— Я этого не знаю, — Рейт показал на тучи. — Ты видишь эти черные пятна, которые висят на небе? Это дождь. Я надеюсь, что среди деревьев мы не промокнем. Кроме того, скоро стемнеет и тогда появятся ночные собаки. У нас нет оружия. Если мы взлезем на дерево, то будем в безопасности.

Больше вопросов Зэп 210 не задавала. Они приблизились к роще.

Даяны устремлялись высоко вверх. У крайних деревьев они останавливались и прислушались, но ничего, кроме шелеста деревьев, предвещавшего надвигающуюся бурю, не услышали.

Шаг за шагом они пошли в рощу. Солнце пробивалось сквозь тучи и разбрасывало вокруг сотни темно-золотистых стрел. Рейт и Зэп 210 углубились в тень. Нижние ветки деревьев висели в тридцати метрах над их головами. Забраться на эти деревья было невозможно; роща не могла стать лучшим укрытием от ночных собак, чем поросшее травой открытое холмистое пространство. Вдруг Зэп 210 остановилась и вроде бы стала прислушиваться. Рейт ничего не слышал.

— Что ты слушаешь?

— Ничего.

Но она продолжала слушать и осматриваться по сторонам. Рейт почувствовал себя неудобно; он никак не мог понять, что же могла почувствовать Зэп 210, а он нет.

Тихо и осторожно, словно кошки, они продолжали пробираться дальше, стараясь держаться при этом в тени. Перед ними появилось свободное от деревьев пространство, над которым громоздились огромные кроны. Они увидели круглую поляну, на которой стояли четыре хижинки, а посередине возвышалась невысокая площадка. Из стоявших вокруг стволов были вырезаны фигуры, напоминавшие мужчин и женщин — из каждого ствола одна пара. Мужчины были изображены с длинными подбородками, как у щелкунчиков, невысокими лбами, надутыми щеками и лягушачьими глазами. У женщин же были длинные носы и улыбающиеся рты. Ни одна из этих скульптур не была

похожа на типичного мужчину или женщину хоров, которые, как вспоминал Рейт, были очень похожи друг на друга во всем: в фигурах, чертах лиц и одежде. Позы скульптур изображали — стилизованно — акт совокупления. Рейт искоса посмотрел на Зэп 210, которая казалась ошарашенной. Рейт решил, что она приняла эти не совсем ясные позы за изображение спортивных упражнений или посчитала их выражением «буйного поведения».

Тучи затянули солнце. Над поляной повисла темнота. Первые капли дождя упали на их лица. Рейт внимательно посмотрел на хижин. Они были построены по типичному архитектурному образцу хоров — из грязно-коричневых кирпичей, с черными железными крышами, наминавшими по форме кегли. Хижин было четыре, и они образовывали на поляне квадрат, причем вход в каждую из них был посередине. Казалось, что все они пусты. Рейт не мог себе даже представить, что могло бы находиться внутри этих хижин.

— Подожди здесь, — прошептал он Зэп 210.

Пригнувшись, он подбежал к ближайшей хижине и прислушался: ни звука. Он попытался открыть дверь, и она сразу же распахнулась. Изнутри ему в нос ударил тяжелый, неприятный запах плохо высушенной кожи, смолы и мускуса. На вешалке висели несколько десятков разных масок из дерева, которые соответствовали мужским лицам вырезанных из стволов фигур. В середине комнаты стояли две скамейки. Ни оружия, ни одежды, никаких ценностей видно не было. Рейт вернулся к Зэп 210 и нашел ее разглядывающей с поднятыми от ошарашения бровями вырезанные из стволов фигуры.

Пурпурная молния прорезала небо, и почти сразу же за ней последовали раскаты грома. Дождь полился с неба, как из ведра. Рейт быстро отвел девушку в хижину. Они вошли и остановились, в то время, как дождь с силой продолжал барабанить по крыше.

— Хоры — абсолютно непредсказуемый народ, — задумчиво сказал Рейт. — Но я не могу себе представить, чтобы они заявили в свою рощу в такую ночь.

— А зачем им вообще сюда приходить? — с недовольным видом спросила Зэп 210. — Ведь тут только и есть всего, что эти странные танцоры. Хоры тоже так выглядят?

Рейт сообразил, что она имел в виду фигуры, вырезанные из стволов деревьев.

— Ни в коей мере, — ответил он. — Это желтокожие, очень опрятные и корректные люди. Мужчины и женщины похожи друг на друга как внешне, так и в поступках.

Он вспомнил рассказ Анахо о хорах: «Станный народ с таинственными обычаями. Днем они совершенно не такие, как ночью — во всяком случае, так говорят. Каждый из них имеет две души, которые

заменяют друг друга с рассветом и с заходом солнца, так что каждый хор воплощает в себе два характера».

Позднее Анахо его предостерег: «Хоры обидчивы, будто ядовитые змеи! Обращайтесь к ним только в случае крайней необходимости. Но и в этом случае нужно обойтись минимумом слов. Болтливость они считают преступлением против природы... Никогда не обращайтесь на присутствующих женщин. Не смотрите на их детей. Вас могут заподозрить в том, что вы хотите навести на них порчу. А самое главное — обходите подальше их священные рощи! Их оружие — железные дрючки, которые они метают с удивительной точностью. Очень опасный народ!»

Рейт повторил все эти мысли настолько точно, насколько мог их воспроизвести. Зэп 210 села на скамейку.

— Ложись, — предложил ей Рейт. — Попробуй заснуть.

— При таком шуме ветра и столь мерзком запахе? Неужели на Гхауне все дома такие же, как этот?

— Не все, — пробормотал Рейт.

Он выглянул за дверь. Чередование вспышек молний и полумрака вызывало иллюзию эротических движений у деревянных фигур. Зэп 210 тут же задавала вопросов, на которые Рейт не решился дать ответы. Неожиданно по крыше забарабанил сильный град. Буря внезапно прекратилась, и слышался только шум ветра в даяновых деревьях.

Рейт вернулся в хижину и сказал так, что даже сам почувствовал фальшивость своего тона:

— Теперь ты сможешь наконец отдохнуть. Во всяком случае ветер шумит уже не так сильно.

Она издала тихий звук, значения которого Рейт так и не понял, и сама вышла в дверной проем. Вдруг она повернулась к Рейту.

— Кто-то идет.

Рейт бросился к двери и выглянул наружу. На краю поляны стояла фигура в одежде хора. Мужчина это был или женщина, Рейт определить не мог. Фигура зашла в хижину как раз напротив той, в которой они находились. Рейт сказал Зэп 210:

— Нам лучше отсюда уйти, пока у нас еще есть такая возможность. Девушка остановила его:

— Нет, нет! Тут еще один.

Следующий хор появился на поляне и посмотрел на небо. Первый вышел из хижины с бросающим отблески факелом в руке, а второй быстро бросился к хижине, в которой затаились Рейт и Зэп 210. Первый не обратил на это никакого внимания. Когда хор вошел, Рейт нанес ему мощный удар, оставив без внимания все правила обходительности и этикета. В этом случае и мужчина, и женщина имели равные права. Хор без сознания повалился на пол. Рейт прыгнул к

нему. Это был мужчина. Рейт сорвал с него накидку, связал руки и ноги шнурками и заткнул рот кляпом из рукава своего плаща. С помощью Зэп 210 он оттащил его под полку, на которой висели маски. Рейт сразу же обыскал обмякшее тело и нашел два металлических дротика, кинжал, а также мягкий кожаный мешочек, полный секвинов, который он взял, испытывая некоторое чувство неловкости.

Зэп 210 стояла у двери и завороченно смотрела наружу. Первая из хоров оказалась женщиной. На ней была женская маска, а также белая юбка. Она стояла посередине поляны, напротив углубления возле платформы, в которое она бросила факел. Если ее и поразило исчезновение мужчины, вошедшего в хижину, она не показывала вида.

Рейт выглянул наружу.

— Теперь... Пока здесь только одна женщина...

— Нет! Сюда идут еще люди.

Три фигуры раздельно появились на поляне и разошлись по трем хижинам. Одна тоже вышла в женской маске, белой юбке и с факелом в руке, который положила в углубление. После этого она, как и первая, неподвижно замерла в ожидании. Теперь появились и две другие фигуры. На них были мужские маски и, как и на женщинах, белые одежды. Они подошли к возвышению в середине поляны и остановились напротив напряженно замерших женщин.

Рейт медленно стал понимать назначение священной рощи. Зэп 210 пристально наблюдала за происходящим.

Рейту стало ужасно не по себе. Если все будет продолжаться так, как он предполагал, этот процесс испугает девушку и вызовет у нее шок.

Появились еще три человека. Один из них направился в хижину, в которой сидели Рейт и Зэп 210. Рейт попытался использовать ту же тактику расправы, что и с первым хором. Но в этот раз удар был не таким точным и мужчина упал на пол с недоуменным возгласом. Рейт моментально оказался на нем и схватил его за горло, которое сжимал, пока хор не потерял сознание. Как и в предыдущем случае, он связал его шнурками и сделал кляп из рукава. Кроме того, он не забыл забрать у него и кошелек.

— Мне очень жаль, что пришлось стать вором, — извинился Рейт. — Но мне деньги сейчас нужнее, чем тебе.

Зэп 210, стоявшая у двери, растерянно ойкнула. Рейт подошел к ней. Женщины — теперь их было трое — разделись и стояли на поляне совершенно голые. Они напевали мелодию без слов — сладкую, тихую, настойчивую. Три хора в мужских масках стали медленно танцевать по кругу около возвышения.

Зэп 210 почти беззвучно пробормотала:

— Что они делают? Зачем они оголяются? Такого мне видеть еще не приходилось.

— Это всего лишь религиозный ритуал, — нервно объяснил Рейт. — Не надо на это смотреть. Ложись спать. Спи! Ты, наверное, очень устала.

Она посмотрела на него удивленным, недоверчивым и светящимся взглядом.

— Ты не ответил на мой вопрос. Я поражена. Мне еще никогда не приходилось никого видеть голым. На Гхауне все ведут себя так... неприлично? Это шокирует. А пение: крайне неприятное. Что они собираются делать?

Рейт постарался закрыть ей обзор.

— Может, тебе все-таки лучше поспать? Ритуал будет весьма скучным.

— Они меня не утомляют. Я удивлена, что люди могут быть такими дерзкими. И ты только посмотри! А мужчины!

Рейт глубоко вздохнул, и ему в голову пришло сомнительно решение.

— Иди сюда! — Он протянул ей маску и шляпу хоров. — Одень это. Она в нерешительности отпрянула.

— Зачем?

Рейт взял мужскую маску и одел ее на лицо.

— Мы идем.

— Но...

Она бросила зачарованный взгляд на возвышенность.

Рейт резко повернулся к ней и одел на нее вторую маску хоров.

— Они наверняка нас увидят, — пыталась возразить Зэп 210. — Они за нами погонятся и убьют.

— Вполне возможно, — сказал Рейт. — Тем не менее, лучше будет, если мы уйдем.

Он выглянул и внимательно посмотрел на поляну.

— Сначала ты. Беги за хижину. Я пойду за тобой.

Зэп 210 выскользнула из комнаты. Женщины на платформе пели все более призывно; голые мужчины стояли в кругу.

За хижинкой Рейт нашел Зэп 210. Были ли они замечены? Пение продолжалось, становясь то тише, то громче.

— Иди через рощу к окраине. И не оглядывайся.

— Это смешно, — пробормотала Зэп 210. — Почему это мне нельзя смотреть назад?

Она пошла в сторону леса. Рейт следовал метрах в шести за ней. Из хижины донесся бешеный вопль. Пение сразу же прекратилось, воцарилась мертвая тишина.

— Беги! — крикнул Рейт.

Они помчались по священной роще, срывая с себя маски и шляпы.

Позади них раздался страстный и злой рев, но хоры их не преследовали; возможно, их сдерживало то, что они были совершенно голыми*.

Рейт и Зэп 210 добежали до края рощи. Здесь они остановились, чтобы отдышаться. Небо было уже чистым, и лишь возле голубой луны еще виднелись несколько ключев облаков.

Зэп 210 посмотрела вверх.

— А что это за маленькие огоньки?

— Это звезды, — объяснил Рейт. — Далекие солнца. Около большинства из них вращаются группы планет. С одной из них, под названием Земля, происходят люди: твои предки, мои и даже хоров. Земля — это родина людей.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Зэп 210.

— Я расскажу тебе об этом как-нибудь в следующий раз. Не сегодня.

Они пошли по заросшим травой холмам сквозь ясную звездную ночь, и у Рейта временами появлялось странное чувство. Ему представлялось, что он будто бы еще очень молод и гуляет под чистым звездным небом по лугу со стройной девушкой, которая его очаровала. Сон, галлюцинация или что-то еще, что пробуждало в нем такое настроение, стало настолько сильным, что он взял шедшую рядом Зэп 210 за руку. Она искоса взглянула на него, но возражать не стала: еще один непонятный аспект удивительного Гхауна.

Некоторое время они так и шли дальше. Постепенно Рейт вернулся к действительности. Он брел по поверхности Чая. Его сопровождала... Почему-то он не довел мысли до конца. Словно почувствовав ход его мыслей, Зэп 210 сердито вырвала у него свою руку. Может быть, она тоже на какое-то время погрузилась в мечтания.

Они молча шли дальше. Когда голубая луна стояла уже прямо над ними, они наконец добрались до гор из песчаника и нашли у их подножия защищенную нишу. Закутавшись в свои плащи, легли на песок. Рейт не мог заснуть. Он смотрел на небо и слушал, как девушка дышит. Она тоже не спала. Почему же он так стремительно, несмотря на опасность погони и смерти, решил убраться из рощи хоров? Чтобы защитить невинность девушки? Смешно. Он в темноте посмотрел на ее лицо — бледное, повернутое к нему в свете луны пятно.

* Позднее Рейт подробнее узнал о священных рощах и межчеловеческих отношениях хоров. В городах и деревнях мужчины и женщины носили одинаковые одежды; сексуальные отношения рассматривались, как выродившиеся. Только в священных рощах происходило спаривание — голыми и в ритуальных масках, чтобы еще больше подчеркнуть половые различия. С помощью масок мужчины и женщины принимали новую идентичность. Дети рассматривались не как кровные потомки определенных родителей, а как продукт первобытной формы отношений между мужчиной и женщиной.

— Я не могу заснуть,— тихо пожаловалась она.— Я очень устала. Поверхность нагоняет на меня страх.

— На меня иногда тоже,— согласился с ней Рейт.— Так ты предпочла бы оставаться в подземельях?

Как всегда она не ответила прямо.

— Я никак не могу понять, что я видела. Я не всегда понимаю саму себя. Такого пения, как сегодня, я никогда раньше не слышала.

— Они поют мелодии, которые существуют тысячелетия и никогда не меняются,— объяснил Рейт.— Может быть, эти мелодии принесены сюда еще с Земли.

— Но они показывались другим без одежды! Так поступают на поверхности все люди?

— Не все,— успокоил ее Рейт.

— Но почему же они так поступают?

Рано или поздно ей все равно придется это объяснить, размышлял Рейт. Но только не сегодня ночью!

— Обнаженность не играет большой роли,— пробормотал он.— Все тела почти не отличаются друг от друга.

— Почему же тогда они выставляют их напоказ? В подземельях мы всегда остаемся одетыми и стараемся не допускать случаев «буйного поведения».

— А в чем же заключается, в конце концов, это «буйное поведение»?

— В грубой близости. Люди в игре дотрагивались друг до друга. Это же в высшей мере глупо!

Рейт очень осторожно подбирал слова.

— Может быть, это нормально — ну, как будто ты проголодаешься или еще как-то. Ты сама никогда не была «буйной»?

— Конечно же, нет.

— И ты даже никогда об этом не думала?

— От мыслей защититься нельзя никак.

— Разве не было такого молодого человека, с которым ты особенно хотела бы подружиться?

— Никогда!

Зэп 210 была возмущена.

— Ну, теперь ты на поверхности и здесь совсем другие обстоятельства... А теперь тебе лучше поспать. Вполне возможно, что завтра все селение хоров устроит на нас охоту.

Наконец Рейт заснул. Один раз он проснулся и увидел, что голубая луна уже исчезла с неба и вверху до самых звезд все было черным. Со стороны холмов до него донесся печальный вой ночного пса. Когда он снова закутывался в плащ, Зэп 210 полусонно прошептала:

— Я робею от вида неба.

Рейт плотно придвинулся к ней. Совершенно неосознанно он вы-

тянул руку и погладил ее по голове, но волосы теперь были мягкими и густыми. Девушка вздохнула и расслабилась, что снова возбудило в Рейте неукротимый инстинкт защитника...

Ночь подошла к концу. На востоке появилось ржавое свечение, которое становилось все светлее и перешло в сиреневый, а затем в светло-желтый восход солнца. Пока Зэп 210 оставалась лежать, закутавшись в своем плаще, Рейт проверил содержимое изъятых у хоров кошельков. С радостью он обнаружил в них девяносто пять секвинов; это было больше, чем он рассчитывал найти. Он попробовал метать дротики — острые, как иглы, железные стрелы длиной двадцать сантиметров с кожаными рукоятками. Кинжал он засунул за пояс.

Они вскарабкались на склон гряды холмов и вскоре достигли гребня. За их спиной продолжала свой восход Карина 4269, освещая линию берега и давая возможность определить очертания второго болота с мелкими заводами и трясинной. Вдали виднелись силуэты такой же гряды холмов, как и та, на которой они стояли. Деревня хоров лежала в полутора километрах левее от склона холма. Почти под их ногами через заболоченную территорию к самому морю вели мосты — ненадежная конструкция из стоек, бревен и досок, дрожавшая под напряжением водного потока, омывавшего подножия холмов. К сухим деревянным столбам были привязаны шесть лодок — изогнутые к носу и корме, которые напоминали украшенную мачтой треску. Рейт посмотрел на поселение. Над несколькими железными крышами в воздухе клубился дым; это был единственный признак жизни. Он снова перевел взгляд на лодки.

— Под парусом идти намного легче, чем идти пешком, — объяснил Рейт своей спутнице. — И мне кажется, что вдоль берега дует попутный ветер.

Зэп 210 ошеломленно спросила:

— Плыть по такой огромной пустоте?

— Чем она пустее, тем лучше, — попытался успокоить ее Рейт. — Море не внушает мне опасений. Но вот люди, которые по нему плавают... Это же касается, естественно, и суши.

Он стал спускаться с холма. Зэп 210 карабкалась за ним. Они дошли до мостков и осторожно ступили на шаткую конструкцию. Где-то по близости раздался гневный пронзительный крик. Они увидели, как подросток со всех ног кинулся в деревню.

Рейт побежал.

— Иди быстрее! У нас не так много времени.

Зэп 210 бежала за ним, тяжело дыша. Они быстро домчались до конца пирса.

— Мы не сможем убежать! Они будут преследовать нас на лодках.

— Нет, — возразил Рейт. — Я не думаю.

Он переводил взгляд с лодки на лодку и выбрал ту, которая, по его

мнению, была самой крепкой и надежной. Перед деревней собралась возбужденная толпа. Двенадцать фигур бросились в сторону пирса, еще двенадцать следовали за ними.

— Прыгай в лодку, — скомандовал Рейт. — Подними парус. Еще не поздно. Поднимай парус!

— Я не знаю, как.

— Потяни за веревку, которая тянется вверх на мачту.

Зэп 210 осторожно спустилась в лодку и попыталась последовать указаниям Рейта. В это время Рейт пробежал вдоль пирса и обрезал привязи всех остальных лодок. Под влиянием течения, а также слабого ветра они стали удаляться от берега.

Рейт вернулся к лодке, где Зэп 210 с отчаянием пыталась справиться с парусом. Она собрала все силы и ей удалось сдвинуть парус с реи. Рейт в последний раз обернулся на орущих обитателей деревни, затем прыгнул в лодку и оттолкнулся от причала.

Для того, чтобы раскрыть паруса или освободить рею времени не оставалось. Рейт схватил весла, вставил их в уключины и ускорил движение. Кричащие хоры взбежали на шаткий пирс. Там они остановились и метнули свои дротики. Железо взмыло высоко вверх и упало в воду в нескольких метрах от лодки. Это прибавило Рейту сил, и он приналег на весла, а затем поднял и парус. Рея свободно скользнула, и послышался скрип такелажа; серое полотнище наполнилось ветром, лодка легла на курс и легко поплыла по воде. Хоры молча стояли на пристани и смотрели вслед уплывающим от них лодкам.

Рейт держал курс прямо в открытое море. Зэп 210, съжившись, сидела в середине лодки. Наконец, она нерешительно произнесла:

— Умно ли так далеко удаляться от берега?

— Очень умно. Иначе хоры могли бы двигаться за нами вдоль берега и убить нас, как только мы бросили бы якорь.

— Я никогда раньше не видела такого огромного открытого пространства. Оно кажется мне ужасным из-за своей открытости.

— Несмотря ни на что, наши шансы сейчас лучше, чем вчера и в это же время. Ты хочешь есть?

— Да.

— Посмотри-ка, что у них есть в резервном запасе. Может быть, нам повезет.

Зэп 210 поднялась и подошла к маленькому шкафчику в носовой части. В нем между кусками канатов, предметов такелажа, запасных парусов и фонаря она нашла кувшин с водой, а также мешок, полный засушенных стручков растения папомников.

Когда берег превратился в размытую линию, Рейт направил лодку на северо-запад и поставил грубый парус по ветру.

Целый день ветер дул в попутном направлении. Рейт оставался на

курсе, удаленном от берега на десять миль и находившемся вне поля зрения хоров. Вдали виднелись холмы, обозначавшие береговую линию; постепенно они становились все меньше, а затем и совсем исчезли.

К вечеру поднялся ветер и погнал по темному морю пенящиеся волны. Такелаж тяжело скрипел, паруса трепетали, лодка рассекала воду, за кормой оставался белый след, а Рейт радовался каждой миле, пройденной таким способом.

Карина 4269 села за стоявшие на берегу горы. Ветер стих и лодка замедлила ход. На море опустилась темнота. Зэп 210 испуганно жались на средней скамейке. Просторы неба ее угнетали. Рейт очень устал и, в конце концов, решил: он установил парус, закрепил руль, устроился с максимально возможными удобствами и заснул.

Его разбудил прохладный утренний бриз. В полумраке он прошел к мачте и поднял все паруса. Затем возвратился к рулю и в полудреме правил лодкой до восхода солнца.

К полудню показался выдающийся в море длинный мыс. Рейт бросил якорь у безлюдного песчаного серого берега и принялся искать пищу. Он нашел солоноватую речку, куст с темно-красными драконовыми ягодами и растущую повсюду траву паломников. В реке он обнаружил большое количество ракообразных созданий, но не смог заставить себя наловить их и употребить в пищу.

Через несколько часов они снова вышли в море. Для того, чтобы отойти от берега, Рейт воспользовался веслами. Холмы закончились, и берег теперь представлял собой другую картину. Серые песчаные просторы и большие болота сменились узкой полоской гальки. За ней стояли голые красные скалы, и Рейт, державшийся до этого подветренного берега, направил лодку далеко в море.

За час до захода солнца на горизонте на северо-востоке появился длинный, низкий корабль, плывший параллельно их курсу. Солнце уже низко склонилось к горизонту, и Рейт рассчитывал не попасться на глаза команде этого судна; корабль по своим очертаниям был очень похож на пиратские галеры Драшады. В надежде избежать встречи, он изменил курс, свернув на юг. Корабль тоже сменил курс. Случайно это было или нет, Рейт с уверенностью сказать не мог. Он направил лодку прямо к берегу, который к этому времени находился примерно в шестнадцати километрах. Казалось, что корабль снова изменил курс. При этом Рейт определил, что он их наверняка догонит. Зэп 210, опустив плечи, наблюдала за всеми этими маневрами. Рейт задавал себе вопрос, что ему делать, если галера все-таки догонит их. Девушка не имела ни малейшего понятия, чего он опасался. К тому же, сейчас вряд ли был самый подходящий момент ей что-либо объяснять. Рейт решил, что убьет ее, если станет ясно, что захвата в плен избежать не удастся. Но затем он изменил свое решение: лучше они

вместе прыгнуть за борт и утонут. Хотя и это бессмысленно — пока есть жизнь, есть и надежда.

Солнце село за горизонт. Как и в предыдущий вечер ветер утих. Заход солнца принес с собой штиль, и корабль с лодкой беспомощно замерли на месте.

Рейт взялся за весла. Когда на море опустилась темнота, он стал усиленно грести от пиратского судна в направлении берега. Наконец он устал. Далеко на западе показался мерцающий свет. На море все оставалось темным. Он бросил якорь и опустил парус. Они приготовили себе ужин из ягод и стручков, после чего легли спать на скатанных парусах.

Перед рассветом подул ветер с востока. Их лодка находилась примерно в сотне метров от берега и стояла на якорь на глубине всего около метра. Пиратской галеры, если таковая и существовала, нигде видно не было. Рейт поднял якорь и поставил парус. Лодка весело побежала по волнам.

События предыдущего дня заставили Рейта быть более осторожным, и дальше Рейт плыл всего лишь в четырехстах метрах от берега, пока во второй половине дня не стих ветер. На севере появилась гряда туч, предвещавших бурю. Рейт опять взялся за весла и завел лодку в лагуну в дельте тихой и ленивой реки. Возле лагуны на воде стоял плот из сухого камыша, на котором сидели двое мальчишек и ловили рыбу. После того, как у них улеглось первое волнение, они принялись равнодушно наблюдать за тем, как лодка приближалась к берегу.

Рейт прекратил грести и задумался над ситуацией. Беззаботность мальчишек выглядела неестественно. Необычные события всегда предвещали на Чае опасность. Рейт подгрел на веслах к плоту так близко, чтобы только была возможность говорить. Примерно в тридцати метрах дальше на берегу сидели трое мужчин, которые тоже ловили рыбу. Казалось, что это были серые: невысокие коренастые люди с жесткими чертами лица, редкими коричневыми волосами и сероватой кожей. «Скорее всего, это не хоры», — подумал про себя Рейт и поэтому не был настроен к ним враждебно.

Рейт перестал грести и крикнул:

— Есть ли поблизости какой-нибудь город?

Один из мальчишек показал мимо лодки на пурпурно-красный песок.

— Там дальше.

— Какой город?

— Зсафатра.

— А там есть какая-нибудь гостиница или таверна, где бы мы смогли переночевать?

— Спросите у взрослых на берегу.

Рейт направил лодку ближе к берегу. Один из мужчин раздраженно закричал:

— Перестаньте взбалтывать воду! Вы перепугаете всех синеврюхов в лагуне.

— Мне очень жаль, — извинился Рейт. — Сможем ли мы в вашем городе найти возможность для ночлега?

Мужчины посмотрели на него с интересом.

— А что вы вообще здесь делаете?

— Мы путешественники с Южного Кослована и сейчас возвращаемся домой...

— Довольно странное путешествие на таком маленьком суденышке, — сказал один из мужчин с легкой недоверчивостью.

— К тому же это средство очень похоже на лодки хоров, — заметил второй.

— Она действительно выглядит так же, как и лодки хоров, — согласился Рейт. — Но, ближе к делу: как обстоит дело с ночлегом?

— Для людей с секвинами нет никаких проблем.

— Умеренную цену мы заплатить можем.

Старший из сидевших на берегу встал.

— Если мы люди и не богатые, то рассудительные, — произнес он и жестом показал Рейту, чтобы тот приблизился.

Когда лодка приблизилась к берегу, он взобрался на нее.

— Значит, вы утверждаете, что вы хоры?

— Совсем наоборот. Мы утверждаем, что мы не хоры.

— А как же тогда понимать эту лодку?

Рейт сделал довольно двусмысленный жест.

— Она не столь хороша, как бывают, но лучше, чем встречаются. Она везла нас издалека.

Холодная улыбка пробежала по губам человека.

— Езжайте через этот канал. Держитесь правой стороны.

В течение получаса Рейт греб в лабиринте каналов; небольшой лес постоянно оставался за черными каменистыми островами. Вскоре Рейт заметил, что зсафатранец либо позволил себе с ними пошутить, либо искал ориентиры. Он сказал:

— Я устал. Погребите остаток пути.

— Нет, нет! — протестующе сказал старик. — Мы сейчас уже будем на месте. Осталось всего лишь свернуть в канал налево и доплыть до леса.

— Странно, — удивился Рейт. — Мимо этого канала мы уже проплывали раз десять.

— Каждый из них очень похож на другой. Вот мы и приехали.

Лодка заскользила по тихому небольшому пруду, вокруг которого под деревьями стояли на сваях дома с покрытыми камышом крышами. Сваи были сделаны из того же красно-пурпурного уингового

деревя, а крыши представляли собой сложное переплетение черных, коричневых и серых камышей.

— Это дом нашей общины, — объяснил зсафатранец. — Мы живем не так уединенно, как вы, наверное, представляете. Мимо часто проезжают танги со своими артистическими труппами и повозками. Всех, кто к нам приезжает, мы поселяем и обслуживаем в нашем общинном доме.

— Танги? Но мы же должны быть где-то поблизости мыса Браиз.

— Ты называешь расстояние в пятьсот километров поблизости? Танги — это явление. Они неожиданно появляются повсюду, причем, часто там, где их не желали бы видеть. Поблизости находится город тангов Урманк... А твоя женщина принадлежит к расе, которая мне неизвестна. Если бы это не было так странно... Но нет, если бы я позволил себе глупость взять наличные деньги, это значило бы, что я потеряю свою честь. Я не хочу подвергаться такому риску.

— Мы приехали очень издалека, — сказал Рейт. — Вы наверняка еще никогда не слышали о том городе.

Старый человек равнодушно покачал головой.

— Как вам угодно. Главное, чтобы вы выполняли формальности и заплатили по тарифу.

— Еще два вопроса, — сказал Рейт. — В чем заключаются эти «формальности» и на какие расходы в сутки мы можем рассчитывать?

— Формальности очень простые, — ответил зсафатранец. — Так сказать, обмен дружественными речами. Стоимость составляет примерно четыре или пять секвинов в день. Если вас это устраивает, причаливайте к пристани; вам придется отогнать лодку, чтобы не вызывать подозрений, если мимо будут проезжать танги или бихасу.

Рейт решил не возражать. Он подвел лодку к причалу — сооружению из ивовых прутьев и камыша, прикрепленных к поперечным прутьям, а также балкам из уингового дерева. Зсафатранец спрыгнул с лодки и галантно помог Зэп 210 сойти на землю. При этом он очень пристально на нее смотрел.

Рейт вышел на причал, держа в руке веревку, чтобы привязать лодку. Ее взял у него старик и передал парню, стоявшему на причале, сопроводив это целым рядом указаний и распоряжений. Затем он провел Рейта и Зэп 210 через павильон из ивовых прутьев в большой общинный дом.

— Мы на месте, устраивайтесь поудобнее. Вы можете пользоваться вон тем небольшим отгороженным помещением. В определенное время вам принесут еду и вино.

— Нам бы хотелось принять душ, — заявил Рейт. — Кроме того, имеется ли здесь возможность сменить одежду?

— Баня находится недалеко отсюда. Свежую одежду в зсафатранском стиле можно свободно купить.

— Сколько она стоит?

— Обычные рабочие костюмы из серой ткани стоят десять секвинов за штуку. Так как ваша одежда состоит сейчас практически из лохмотьев, то я предлагаю вам именно такой вариант.

— А в эту стоимость включено нижнее белье?

— За дополнительную плату в два секвина вы получите и нижнее белье. Если вы желаете еще и новые сандалии, это обойдется вам дополнительно еще по пять секвинов.

— Хорошо,— сказал Рейт.— Принесите нам все. Пока у нас есть секвины, мы ни в чем себе отказывать не будем.

Глава 6

В простой серой рабочей куртке и зсафатранских штанах Зэп 210 выглядела уже не так своеобразно и подозрительно. Ее черные волосы начали виться. Ветер и солнце сделали ее кожу несколько темнее. Теперь ее выделяли только абсолютно правильные черты лица, а также мечтательность. Поэтому Рейт сомневался, сможет ли кто-нибудь чужой усмотреть в ее поведении что-то, кроме застенчивости.

Но Кауш, старый зсафатранец, отвел Рейта в сторону и доверительно пробормотал:

— Твоя женщина, наверное, заболела? Если вам нужны травы, парные бани или гомеопатические средства, то их можно получить по весьма умеренной цене.

— Зсафатранцы во всем ищут выгоду,— пожаловался Рейт.— Когда мы будем уезжать, то наверняка будем должны вам больше секвинов, чем у нас имеется. Что вы будете делать тогда?

— Печально воспримем этот факт, только и всего. Мы знаем, что мы проклятый судьбой народ и к тому же обреченный перенести целый ряд разочарований. Но я надеюсь, что это не тот случай.

— Ты окажешься прав лишь тогда, когда мы воспользуемся вашим гостеприимством не дольше, чем я рассчитываю.

— Я не сомневаюсь, что вы тщательно распределите свои деньги. Но я хочу еще раз вернуться к вопросу: как дела со здоровьем у твоей жены?

Он критически посмотрел в сторону Зэп 210.

— В таких вещах у меня есть небольшой опыт. По-моему, она выглядит болезненно, безучастно и несколько угрюмо. У меня это не укладывается в голове.

— Она непостижимое существо,— согласился Рейт.

— Это определенно подходит к вам обоим, если я осмелюсь так выразиться,— сказал Кауш. Он посмотрел своими совиными глазами на Рейта.— Конечно, болезненность твоей жены — это твое дело. В павильоне уже накрыли стол, и я вас сердечно туда приглашаю.

— Я надеюсь, что это не очень дорого стоит?

— Ну что ты! Хотя в этом мире бесплатным является только воздух, которым мы дышим. Вы, наверное, относитесь к тем, которые предпочитают голодными отправиться в путь, чем расстаться с несколькими светло-голубыми секвинами. Но, признаюсь, я не очень в это верю.

Кауш повел их в павильон и усадил на плетеные ивовые стулья за ивовым столом, после чего отдал распоряжение девушке, чтобы та принесла еду.

На первое им принесли холодный чай, пирог со специями и стебли каких-то хрустящих красных водорослей. Блюдо было вкусным, стулья удобными. После ударов судьбы предыдущих недель все это казалось сном, но Рейт не мог удержаться от того, чтобы время от времени внимательно не оглядываться то в одну, то в другую сторону. Постепенно он расслабился. Павильон казался идиллией мирной жизни. Тончайшие ветви пурпурно-красных уинговых деревьев свисали до самой земли и распространяли приятный аромат. Карина 4269 отбрасывала на воде танцующие темно-золотистые блики. Где-то позади общинного дома раздался удар водяного гонга. Зэп 210 задумчиво смотрела на пруд и ковырялась в тарелке, как будто еда ей не нравилась. Когда она чувствовала на себе взгляд Рейта, то вся застывала.

— Налить еще чаю? — спросил Рейт.

— Если тебе хочется.

Рейт налил чаю из пузатого стеклянного кувшина.

— Кажется, тебе не очень хочется есть,— заметил он.

— Мне так не кажется. Меня интересует вопрос, имеется ли у них Дико.

— Нет, в этом я абсолютно уверен,— с сожалением сказал Рейт.

Зэп 210 нетерпеливо взмахнула рукой.

Рейт осторожно спросил:

— Тебе здесь нравится?

— Лучше, чем в открытом море.

Некоторое время Рейт молча пил свой чай. Со стола убрали грязную посуду и перед ними поставили новые блюда: крокеты в сладком желе, веточки с белой сердцевинкой, вареные недозрелые початки с серым мясом какого-то морского животного. Как и прежде, Зэп 210 не проявила особого аппетита. Рейт вежливо сказал:

— Теперь ты уже кое-что увидела на поверхности. Скажи, она намного отличается от того, как ты ее себе представляла?

Зэп 210 немного подумала.

— Я никогда не думала, что увижу так много женщин—маток,— пробормотала она, глядя прямо перед собой.

— Женщин—маток? Ты имеешь в виду женщин с детьми?

Она покраснела.

— Я имею в виду женщин с большими грудями и широкими бедрами. Их здесь так много! Некоторые из них кажутся очень молодыми.

— Это абсолютно нормально,— заявил Рейт.— Когда девушки становятся взрослыми, у них развиваются груди и бедра.

— Я тоже уже не ребенок,— необычайно самолюбиво напомнила Зэп 210.— А у меня...

Она осеклась и замолчала.

Рейт налил себе еще чашку чая и откинулся на спинку стула.

— Придет время,— начал он,— когда я объясню тебе определенные вещи. Наверное, я должен был сделать это раньше. Все женщины являются «женщинами—матками».

Зэп 210 недоверчиво уставилась на него.

— Этого не может быть!

— Может,— кивнул Рейт.— Пнумы накачивали тебя наркотиками, чтобы ты оставалась недоразвитой. Я предполагаю, что это они проделывали с помощью *Дико*. Теперь же ты не находишься под их действием и постепенно станешь нормальной. Ты уже заметила в себе небольшие изменения?

Зэп 210 отшатнулась от него. У нее отнялась речь, как будто он узнал ее самую сокровенную тайну.

— О таких вещах говорить не принято.

— Пока не знают, в чем дело.

Зэп 210 посмотрела на водную гладь. Уже другим тоном она спросила:

— А ты заметил во мне изменения?

— Конечно. Прежде всего, ты уже не выглядишь, как призрак больного мальчика.

Зэп 210 прошептала:

— Я не хочу стать толстым животным, которое живет в темноте и валяется в грязи. Я тоже должна буду стать матерью?

— Все **матери** — это именно женщины,— объяснил Рейт,— но не все женщины — матери. И не все матери становятся толстыми животными.

— Странно, странно! Почему же одни женщины становятся матерями, а другие нет? Почему им выпадает такая неудачная судьба?

— В этом определенную роль играют мужчины,— сказал Рейт.— Посмотри туда, на веранду той хижины: двое детей, одна женщина и один мужчина. Женщина — это мать. Она молода и выглядит здоровой. Мужчина — это отец. Без отцов детей не бывает.

Прежде, чем Рейт смог продолжить объяснения, к столу вернулся старый Кауш и сел.

— Всем ли вы довольны.

— Очень, — похвалил Рейт. — Мы с большой неохотой покинем вашу деревню.

Кауш самодовольно кивнул:

— В определенной степени мы счастливый народ: не такой суровый, как хоры, и не такой помешанный, как танги. А как вы? Я отдаю себе отчет, что слишком любопытен. Но это можно объяснить тем, что вы кажетесь мне необычными людьми.

Рейт немного поразмыслил, после чего сказал:

— Я с удовольствием удовлетворю твоё любопытство, если ты мне заплатишь за это приличные деньги. Я могу предложить тебе разные уровни объяснения. За сто секвинов я гарантирую благоговение и удивление.

Кауш отшатнулся и быстро замахал руками.

— Не говори мне ничего, что ты считаешь ценным! Но все незначительные слова, которые ты можешь сказать бесплатно, найдут во мне благодарного слушателя.

Рейт засмеялся:

— Тривиальность — это та же роскошь, которую я себе позволить не могу. Завтра мы покинем Зсафатру. Наших нескольких секвинов должно хватить до Сивиша. Только каким образом, я не знаю.

— Что касается этой проблемы, то могу дать вам совет, — заявил Кауш. — Даже бесплатно. Мои знания простираются лишь до города Урманка. Там вам необходимо быть как можно более осторожными. Танги без зазрения совести заберут у вас последние секвины. И совершенно бесполезным будет реагировать на это гневом или обидой! Это у тангов в крови. Они предпочитают лучше закрыть на все это глаза, чем работать. Когда зсафатранцы приезжают в Урманк, им всегда приходится быть начеку. Вы сможете в этом убедиться, если захотите отправиться с нами на базар.

— Хм! — Рейт провел рукой по подбородку. — А что же будет в таком случае с нашей лодкой?

Кауш пожал плечами, причем, как это показалось Рейту, уж с очень равнодушным видом.

— А что такое подка? Просто плавающее деревянное корыто.

— Мы как раз собираемся продать этот ценный парусник на базаре в Урманке, — заявил Рейт. — Но чтобы не заниматься такой сложной транспортировкой, я могу недорого продать ее тебе.

С легкой ухмылкой Кауш покачал головой:

— Мне не нужно такое неуклюжее и непрактичное транспортное средство. Такелаж ее весь изношен, паруса тоже не из лучших. А в запасном отсеке имеется лишь небогатый выбор такелажа и канатов.

После двух с половиной часов активной торговли Рейту удалось продать лодку за сорок два секвина, включая расходы на пребывание в Зсафатре, а также стоимость поездки до Урманка на следующий день. Говоря о делах, они выпили огромное количество перечного чая — несколько пьянящего напитка. На сердце у Рейта стало легко и приятно. Действительность оказывалась не такой уж плохой. А будущее? Нужно было в него верить. Бледный послеобеденный свет падал на них сквозь ветви огромных деревьев. Он подкрашивал воздух в сиреневый цвет, и в воде отражалось небо.

Кауш ушел по своим делам. Рейт откинулся на спинку стула и стал смотреть на Зэп 210, которая тоже выпила довольно много перечного чая. Перемена настроения позволила ему увидеть в ней не пнумека, не каприз природы, а симпатичную молодую женщину, молча сидевшую в свете заходящего солнца. Что-то позади павильона привлекло ее внимание. То, что она видела, поразило ее, и она удивленно повернулась к Рейту. Рейт увидел ее большие темные глаза. Зэп 210 испуганно прошептала:

— Ты это... это видел?

— Что?

— Молодой мужчина и молодая женщина — они стояли близко друг к другу и прижимали лицо одно к другому.

— Действительно?

— Да!

— Мне в это не верится. Что же они могли делать?

— Ну, я не могу это точно описать.

— Это было так?

Рейт положил руки ей на плечи и глубоко посмотрел в растерянные глаза.

— Нет... не совсем. Они стояли плотнее друг к другу.

— Так?

Рейт обвил девушку руками. Он вспомнил холодную воду в море Пагаза, отчаянное животное стремление ее тела к жизни, когда она в воде прижималась к нему.

— Так?

Она уперлась руками в его плечи:

— Да. Отпусти меня. Могут подумать, что мы себя буйно ведем.

— Они делали так?

Рейт поцеловал ее. Зэп 210 удивленно на него посмотрела и испуганно прижала ладонь к своему рту.

— Нет. Почему ты это сделал?

— Тебе это было неприятно?

— Н... нет. Я так не думаю. Но, пожалуйста, не делай так больше. Это вызывает во мне какое-то странное чувство.

— Это последствие прекращения употребления *Дико*,— ответил Рейт.

Он отклонился назад, все внутри у него перевернулось. Девушка неуверенно смотрела на него.

— Я не могу понять, зачем ты это сделал?

Рейт вздохнул глубже:

— Это у мужчин и женщин от рождения: они чувствуют стремление друг к другу. Это называется стремлением к продолжению рода, и при этом иногда появляются дети.

Зэп 210 была поражена.

— Я теперь стану женщиной — маткой?

— Нет,— успокоил ее Рейт.— Нам для этого нужны более интимные отношения.

— Ты уверен?

Рейту показалось, что она наклонилась в его сторону.

— Да.

Он снова ее поцеловал, и на этот раз — после первого нервного инстинктивного движения — она не оказала ему никакого сопротивления... Затем она глотнула воздух.

— Не шевелись. Если мы будем продолжать так сидеть, они нас не заметят. Они стесняются сюда смотреть.

Рейт уставился на ее лицо, которое было прямо рядом с ним.

— Кто не сможет нас заметить? — пробормотал он.

— Посмотри сам.

Рейт через плечо посмотрел назад. На другой стороне павильона стояли две темные фигуры в черных плащах и черных широкополых шляпах.

— Гжиндры,— испуганно прошептала девушка.

В павильон вошел Кауш и поговорил с гжиндрами. Вскоре после этого он проводил их на улицу.

Опустилась ночь. Возле павильона девушки развесили желтые и зеленые светильники и принесли новые подносы и миски. Рейт и Зэп 210 меланхолично продолжали сидеть.

Кауш возвратился в павильон и составил им компанию.

— Когда начнет светать, мы тронемся в путь в Урманк и в полдень будем в городе. Вы знаете, какой славой пользуются танги?

— В какой-то степени.

— Она состоит в следующем,— поучительно сказал Кауш.— Они предпочитают обмануть, чем сдержать данное ими слово. Наиболее желанные для них деньги — это украденные деньги. Так что, будь начеку.

С равнодушным видом Рейт спросил:

— Кто были эти двое людей в черном, с которыми ты разговаривал полчаса назад?

Кауш кивнул, как будто ожидал такого вопроса.

— Это были гжиндры, или, как мы их еще часто называем, подземные люди. Время от времени они здесь появляются, как посредники в торговле с пнумами. Сегодня же у них другая причина. Они получили задание от хоров разыскать мужчину и женщину, которые обесчестили их священную рошу и неподалеку от город Фауж похитили подку. По капризу судьбы вы похожи на разыскиваемых, хотя некоторое несоответствие позволило мне утверждать, что тех людей в Зсафатре никто не видел. Но они могли поговорить и с другими, кто знает вас не так хорошо, как я. Чтобы избежать возможных ошибок, я вам предлагаю как можно основательнее изменить вашу внешность,

— Это проще сказать, чем сделать, — неуверенно сказал Рейт.

— Совершенно не сложно.

Кауш засунул в рот пальцы и пронзительно свистнул. Без удивления и поспешности приблизилась одна из обслуживавших девушек — радующее глаз явление с широкими бедрами, плечами, скулами и губами. Коричневые, трудно поддающиеся описанию волосы, она собрала в кокетливые локоны.

— Чем могу служить?

— Принеси два тюрбана, — приказал Кауш. — Оранжево-белые. И черные кольца к ним.

Девушка принесла указанные предметы. Она подошла к Зэп 210, обернула оранжево-белую ткань вокруг черных волос и завязала ее так, что украшенные бахромой концы оказались за левым ухом. Затем она закрепила черное кольцо, которое повисло у правого уха. Рейт удивился превращению. Зэп 210 выглядела теперь дерзко и по-плутовски: веселая молодая девушка, нарядившаяся по-пиратски.

Затем тюрбан был надет и на Рейта. Казалось, что такой наряд развеселил Зэп 210. Она открыла рот и засмеялась. Рейт впервые слышал, чтобы она смеялась.

Кауш похвалил их обоих.

— Совсем другое дело. Вы стали двумя хедайянциами. Завтра я вам дам еще и сумки, которые они носят на плече. Даже ваша мать вас бы теперь не узнала.

— Что ты хочешь за эту услугу? — спросил Рейт. — Я надеюсь, не очень большую сумму?

— Всего восемь секвинов — в цену включена стоимость самой одежды, подгонка, а также объяснение походки хедайянцев. Надо заметить, что они ходят вразвалку, а руками они машут так.

Кауш продемонстрировал жеманную, пританцовывающую походку.

— Руками — вот так. Сначала, госпожа, вы попробуйте пройтись. Думайте о том, что ваши колени постоянно должны быть немного согнутыми. Машите руками, покачивающийся шаг...

Зэп 210 очень серьезно следовала указаниям, посматривая при этом на Рейта: не смеется ли он над ней.

Упражнения продолжались до самой ночи, пока розовая луна проплыла над их головами, а голубая луна взошла на востоке. Наконец Кауш удовлетворенно заявил:

— Теперь вы практически каждого сможете обвести вокруг пальца. А сейчас быстро в постель. Завтра мы едем в Урманк.

Маленькая отгороженная спальня была темна; щели в ротанговой стене пропускали снаружи зеленые и желтые лучи света, которые распространяли светильники вокруг павильона. К тому же обе луны с разных сторон отбрасывали розовый и голубой свет и рисовали на земле разноцветную сетку.

Зэп 210 подошла к стене и довольно долго смотрела сквозь щели на улицу, проходившую под уинговыми деревьями. Рейт подошел к ней.

— Что там видно?

— Ничего. Их не так-то просто и увидеть.

Зэп 210 отошла от стены и села на один из ивовых лежаков, бросив непонятный и быстрый взгляд в сторону Рейта. Через некоторое время она сказала:

— Ты очень странный человек.

Рейт не знал, что ей на это ответить.

— Существует столько всего, что ты от меня скрываешь. Иногда мне кажется, что я совсем ничего не знаю.

— Что же ты хочешь знать?

— Как действуют люди на поверхности, как они живут... почему они делают то, что они делают...

Рейт подошел к ней и посмотрел на девушку сверху вниз.

— Ты хочешь узнать все это сегодня ночью?

Она наклонила голову.

— Нет. Мне страшно... Не сейчас.

Рейт вытянул руку и погладил ее по волосам. Неожиданно ему в голову пришло спонтанное желание сесть рядом с ней и рассказать ей историю своего необычного прошлого — ему хотелось чувствовать ее, хотелось видеть, как глаза на ее бледном лице внимательно и с удивлением на него смотрят. И ему действительно стало казаться, что в своих тайных мыслях он находил эту странную девушку привлекательной.

Рейт отвернулся. Идя к своему месту, он чувствовал на себе ее взгляд.

Глава 7

Утренний свет пробивался в маленькую спальню сквозь стену из плетеных ивовых прутьев. Рейт и Зэп 210 вышли в павильон и натолкнулись там на Кауша, который готовил на завтрак оладьи из стручковых растения паломников и горячий бульон. Из-под прищуренных глаз он посмотрел на Рейта и Зэп 210, обратив при этом особое внимание на их тюрбаны и походку.

— Неплохо. Но вы страдаете забывчивостью. Следует сильнее размахивать руками, госпожа, плечи должны быть подвижнее. Не забывайте: когда вы выйдете из павильона, то станете хедайянци! Ведь вполне вероятно и то, что кто-нибудь вас ждет и за вами наблюдает.

После завтрака они втроем вышли на улицу, ведущую под уинговыми деревьями на север. Рейт и Зэп 210 выглядели, насколько это позволяли тюрбаны, накидки и чопорные походки, как настоящие хедайянцы. Они подошли к двум повозкам с запряженными в них животными, которых Рейт никогда до этого не видел: кожа их была серой, и они элегантно пританцовывали на своих восьми ногах.

Кауш вскарабкался на первую повозку; Рейт и Зэп 210 сели к нему. Повозки выехали из Зсафатры.

Дорога вела по сырой местности, заросшей камышом и влаголюбивыми растениями, а также отдельно стоящими стеблями, опутанными зелеными вьющимися усиками. Во время езды Кауш очень внимательно наблюдал за небом, как и зсафатранцы на второй повозке. Наконец Рейт не выдержал и спросил:

— Что вы хотите там обнаружить?

— Иногда на нас нападает стая хищных птиц с близлежащих гор. Кстати, можете увидеть их наблюдателя.

Кауш показал на черное пятно, парившее в небе на юге. Казалось, что оно было размером с огромного сарыча. Кауш торопливо продолжал езду.

— Скоро они взлетят и нападут на нас.

— Но вы, кажется, не очень обеспокоены этим фактом, — удивился Рейт.

— Мы научились с ними справляться.

Кауш повернулся и рукой дал знак следующим за ним зсафатранцам. После этого он увеличил скорость своей повозки, достигнув между обеими повозками расстояния в сотню метров. С юга приближалась стая из пятидесяти или шестидесяти машущих крыльями существ. Когда они подлетели ближе, Рейт увидел, что каждая птица несла по два каменных обломка величиной в половину его головы. Он с недоумением посмотрел на Кауша.

— Но что мы сможем сделать против этих камней?

— Они бросают эти камни с поразительной точностью. Предположим, что кто-то остановится на дороге и тридцать птиц пролетят над ним на обычной для них высоте в сто пятьдесят метров. Все тридцать камней с большой точностью будут сброшены на землю.

— По всей видимости, вы знаете, как их можно отгонять?

— Нет, ничего подобного.

— Вам мешает их меткость?

— Наоборот. В общем-то, мы очень пассивный народ и пытаемся поступать с нашими врагами так, чтобы вывести их из равновесия или чтобы они сами себя уничтожили. Вы не задавали себе вопрос, почему хоры нас не трогают?

— Такая мысль мне приходила в голову.

— Когда хоры на нас нападали — а они не делали этого вот уже последние шестьсот лет, — мы уклонялись от стычки и тем или иным образом вторгались в их священные рощи. Мы их оскверняли простейшим, естественнейшим и обычнейшим способом. Они больше не могли использовать эти рощи для продолжения рода и вынуждены были либо убираться отсюда, либо вымирать. Я допускаю, что наше оружие не очень гуманно, но это типичный пример ведения нами военных действий.

— А эти птицы? — Рейт с сомнением наблюдал за приближением стаи. — Ведь в этом случае такое оружие наверняка не помогает.

— И я такого же мнения, — согласился Кауш, — мы никогда не применяли против них подобный способ. В этом случае мы не делаем абсолютно ничего.

Птицы проплыли над их головами. Кауш пустил животных переманным галопом. Птицы бросали вниз камни один за другим, и они шлепались на дорогу за повозкой.

— Нужно учитывать, что птицы могут рассчитать позицию только неподвижной цели. В этом же случае их меткость становится для них роковой.

Все камни были уже сброшены. С разочарованным карканьем птицы полетели обратно в горы.

— Можно с большой долей вероятности предположить, что они вернутся со следующей порцией камней, — пообещал Кауш. — Вы заметили, что дорога на метр возвышается над окружающим ее болотом? Это на протяжении столетий сделали сами птицы. Они опасны только в том случае, если человек остановится и начнет за ними наблюдать.

Повозки поехали через лес с коричневыми, словно воск, деревьями. Лес кишел маленькими белыми шариками — существами, напоминающими одновременно пауков и обезьян и прыгающими с ветки на ветку; они издавали хриплые вопли, забрасывая путешественников маленькими ветками. Дальше километров тридцать они ехали по

равнине, на которой повсюду валялись огромные ярко-желтые обломки туфовых скал. Они подъехали к двум старым вулканам с отвесными склонами; там же стоял старый обветрившийся замок. Кауш объяснил, что раньше здесь находилась резиденция тайной секты. Сейчас же там было жилище гоулов.

— Днем их никогда не видно, но по ночам они спускаются вниз и шныряют по окраинам Урманка. Иногда танги отлавливают этих пожирателей трупов и показывают их на ярмарках.

Дорога шла между горами. Показался Урманк: неряшливые пригороды с высокими узкими домами из черного старого дерева, коричневых кирпичей и камней. Каменная набережная окружала городской портовый район, где на якоре стояли, покачиваясь, полдюжина кораблей. За набережной находилась рыночная площадь с базаром, которому развевающиеся оранжевые и зеленые флаги придавали праздничный вид. Длинная стена из рассыпающихся кирпичей окружала базар. Скопление за ней грязных хижин указывало на то, что там живут отверженные жители города.

— Посмотри туда — Урманк! — крикнул Кауш. — Город тангов. Они не обращают внимания на то, кто к ним приезжает; главное, что посетители покидают город с меньшим количеством секвинов, чем у них было до прибытия.

— Придется мне их разочаровать, — заявил Рейт. — Я надеюсь тем или иным способом заработать здесь секвины.

Кауш одарил его удивленным взглядом прищуренных глаз.

— Вы рассчитываете получить секвины у тангов? Если вы обладаете такими удивительными способностями, дайте мне, пожалуйста, возможность тоже принять в этом участие. Танги регулярно нас обманывают, так что это могло бы послужить хорошей местью. О, я говорю тебе, в Урманке надо держать ухо востро!

— Почему же вы с ними торгуете, если они обводят вас вокруг пальца?

— Это звучит абсурдно, — согласился Кауш. — В конце концов, мы можем построить корабль и отправиться на нем в Хедайю, к Зеленым Горам или в Коад. Но мы странный народ. Нам нравится приезжать в Урманк, где живут нечестные танги. Посмотрите туда. Вы видите там огороженную матерчатой коричневой и оранжевой стеной территорию? Там проводятся всевозможные азартные игры, в которых посетители теряют значительно больше, чем выигрывают. Урманк служит для Зсафатры пробным камнем; мы каждый раз надеемся перехитрить тангов.

— Надеюсь, что наши объединенные усилия возымеют успех, — предположил Рейт. — Во всяком случае, я могу бросить на весы новое мировоззрение.

Кауш равнодушно пожал плечами.

— Зсафатранцы с давних времен пытаются превзойти тангов. Они обрабатывают нас по одной и той же известной схеме. Сначала они заманивают нас возможностью быстрого выигрыша; если же мы потом ставим наши секвины на игру, полоса удачи проходит. Ну, а теперь нам надо немного освежиться. Гостиница «Счастливый моряк» до сих пор показывала себя с самой лучшей стороны. Так как вы мои сопровождающие, то гарантированы от того, что будете убиты с целью ограбления, захвачены или проданы в рабство. Но за своими деньгами вы должны следить сами. На это готовность тангов к компромиссам уже не распространяется.

Холл в гостинице «Счастливый моряк» был обставлен в таком стиле, какой Рейту видеть на Чае еще не приходилось. Угловатые деревянные стулья стояли у покрашенных в белое кирпичных стен в ряд и чинно. В установленных в нишах стеклянных сосудах виднелись переливающиеся морские черви. Мажордом был одет в коричневый, застегивающийся спереди кафтан, черную шапку, черные туфли и черные перчатки без пальцев. Лицо его было вежливым, поведение предупредительным. Он предложил Рейту две находившихся друг против друга комнаты, в каждой из которых была кровать, ночная тумбочка и ночной светильник, включая свежее белье и мазь для ног. За это с него потребовали всего три секвина. Рейт, посчитав эту сумму весьма умеренной, сказал об этом Каушу.

— Да,— кивнул старик.— Три секвина это немного, но я вам предлагаю не пользоваться мазью для ног. Это новая услуга, которая не внушает мне доверия. Может, это просто мазь, которая ничему не помогает и за которую просто берут дополнительную плату. А может быть и так, что от этой штуки появятся мозоли, а бальзам для их лечения стоит пять секвинов.

Кауш говорил все это в присутствии мажордома, который лишь потихоньку ухмылялся и ни в коей мере не был этим разговором задет.

— Старый зсафатранец, ты снова настроен чрезвычайно скептически. Недавно вместо наличных денег нам пришлось взять большую партию укрепляющих средств и мазей, и теперь мы просто предоставляем их нашим гостям. Может быть, тебе нужно мочегонное средство или средство против глистов? Мы можем предоставить тебе и то, и другое по довольно низкой цене.

— Сейчас не нужно,— отрезал Кауш.

— А что скажут твои хедайянские друзья? Каждый чувствует себя лучше после выведения шлаков, которое мы предлагаем всего за десять светло-голубых. Нет? Хорошо, тогда к ужину я смогу предложить вам несколько фирменных блюд как морских, так и сухопутных. Это всего лишь в двух шагах направо по набережной.

— Там я уже один раз имел неосторожность поесть,— сказал

Кауш.— То, что мне там подали, могло бы испортить аппетит даже гоулу. Мы лучше купим на базаре хлеб и фрукты.

— В таком случае, ошастливь, пожалуйста, лавку моего племянника. Она находится напротив заведения по выведению волос.

— Мы посмотрим на его товар.

Кауш пошел впереди на набережную.

— «Счастливым моряк» по сравнению с другими — добросовестная гостиница. Но все-таки и здесь постоянно надо быть начеку, как вы сами видите. Когда я приезжал сюда в последний раз, в холле играла группа музыкантов. Я на какое-то мгновение остановился и стал слушать. За это время в моем счете я обнаружил пункт в четыре секвина. Что же касается выведения шлаков за небольшую плату или вообще бесплатно, — здесь Кауш закашлялся, — все это хорошо. Когда-то во время приезда в Урманк моему деду тоже сделали такое предложение. Он согласился, но после процедуры обнаружил на двери туалета замок и был вынужден заплатить значительную сумму за пользование им. Процедура обошлась ему довольно дорого. При сделках с тангами самым лучшим выходом было бы тщательно обдумать каждый пункт соглашения.

Они шли вдоль по набережной, и Рейт с интересом рассматривал корабли. Они были толстыми, с высокими палубами и смотровыми площадками спереди. При хорошем ветре они шли под парусами, а если ветра не было, то приводились в движение электрореактивными двигателями. Перед каждым кораблем была укреплена табличка с названием, портом назначения и датой отправления.

Кауш дотронулся до руки Рейта:

— Наверное, это не совсем предусмотрительно проявлять к кораблям столь повышенное внимание.

— Почему?

— В Урманке лучше вообще не привлекать к себе внимания.

Рейт оглянулся и внимательно посмотрел вдоль набережной.

— Мне кажется, что за нами никто не наблюдает. А если же это и не так, то они подумают, что я пытаюсь их запутать и в действительности собираюсь предпринять путешествие по суше.

Кауш вздохнул:

— В Урманке невнимательность готовит неприятные неожиданности.

Рейт остановился у одной из табличек:

«Ниахар». Цель путешествия: Чинг, Туманные острова, южное побережье Шанизады, Казаин. Отправление: по готовности.

Рейт поднялся по трапу и подошел к худому человеку в кожаном переднике. Взгляд у него был мрачный.

— Извините, где капитан?

— Это я.

— Что бы вы хотели получить за поездку двух человек до Казаина?

— За путешествие в первом классе я беру по четыре секвина в день за одного человека ; питание уже включено в стоимость. Путь до Казаина длится, как правило, тридцать два дня. Значит, общая сумма за двух человек составит, скажем, двести шестьдесят секвинов.

Рейт высказал свое смущение по поводу высокой стоимости, но это несколько не тронуло капитана.

Рейт вернулся обратно на причал.

— Мне необходимо чуть больше, чем двести пятьдесят секвинов.

— Это не слишком большая сумма, — сказал Кауш. — Старательный рабочий может заработать за день от четырех до шести секвинов. В порту постоянно требуются грузчики.

— А что происходит в игральные салоны?

— Они находятся там, возле базара. Мне, наверное, не нужно тебе говорить, что тебе навряд ли удастся превзойти профессионалов в их ремесле.

Они вышли на площадь, вымощенную красноватой плиткой.

— Примерно тысячу лет назад тиран Прзелиус приказал соорудить здесь огромное круглое сооружение. Сейчас от него осталась только небольшая часть. Здесь — продуктовые лавки и лотки. Там — одежда и обувь. Дальше — мази и экстракты...

Говоря, Кауш показывал в разные секторы площадки, где на прилавках была выставлена масса всевозможных товаров: продукты, ткани, одежда, припорошенные пылью всевозможные приправы, оловянные и медные изделия, металлические плитки, мебель, мыслимые и немыслимые конструкции, стеклянные изделия и лампы, колдовские формулы и заклинания и множество других вещей. За круглым сооружением и более или менее методически расположенными лавками и лотками находились развлекательные заведения: оранжевые палатки с расстеленными перед ними коврами, на которых под музыку носовых флейт и инструментов, похожих на стиральные доски, танцевали девушки. На некоторых из них была одежда из узких полосок материи, другие же танцевали по пояс обнаженными; несколько девушек, которые лишь год или два назад выросли из детского возраста, были одеты только в сандалии. Зэп 210 наблюдала за последними, а также за их позами. Затем она пожала плечами и отвернулась с недовольной физиономией.

Приглушенное бормотание привлекло к себе внимание Рейта. Матерчатая стена окружала небольшой стадион, с которого неожиданно вырвался воющий и стонущий хор голосов.

— Соревнования на ходулях, — объяснил Кауш. — Кажется, один из мастеров оказался побежденным, и многие, делавшие на него ставки, проиграли.

Когда они проходили мимо стадиона, Рейт успел заметить четырех

человек на ходулях трехметровой высоты, которые внимательно и осторожно ходили кругами. Один из них пытался ударить других своей ходулей, другой наносил удары мягкой на конце булавой. Третий неожиданно получил удар и резко наклонился в сторону; каким-то чудом ему удалось удержать равновесие, пока другие, словно стервятники, прыгали позади него.

— Бойцы на ходулях — это в основном резчики слюды из Черных гор, — объяснил Кауш. — Зритель, заключающий пари и делающий ставки, может с таким же успехом выбросить эти деньги на помойку.

Кауш печально покачал головой и добавил:

— Но, тем не менее, мы все еще продолжаем надеяться. Названный отец моего брата несколько лет назад выиграл на гонках угрей сорок два секвина. К этому я должен только добавить, что за два дня до этого он окурил себя ладаном и попросил божественного вдохновения.

— Давай тоже посмотрим на гонки угрей, — предложил Рейт. — Если божественное вдохновение дает возможность выиграть сорок два секвина, то наш интеллект должен позволить нам выиграть как минимум столько же, а может, еще и больше.

— В таком случае, нам в эту сторону, мимо детского дома.

Рейт как раз собирался спросить, что такое детский дом, когда к нему подскочил ухмыляющийся шалопай. Он стукнул Рейта ногой по голени, отскочил назад, скорчил ужасную гримасу и помчался в детский дом. Рейт сердито и ошеломленно посмотрел вслед убежавшему мальчишке.

— Зачем он это сделал?

— Пошли, — сказал Кауш. — Я вам сейчас покажу.

Зсафатранец завел их в детский дом. На находившейся на расстоянии девяти метров от входа сцене стоял мальчишка, который при их появлении издал непостижимо пронзительный издевательский крик. За спиной зсафатранца появился усердный танг среднего возраста с шелковистыми коричневыми усами.

— Ужасный невежа, не правда ли? Дайте ему изрядную взбучку. Эти комья грязи стоят по десять светло-голубых за штуку, пакетик с навозом стоит шесть секвинов, а кусок цепи с шипами можно получить и за пять.

— Хе, хе, хе, — издевался шалопай. — Зачем стараться? Он все равно не сможет так далеко добросить.

— Попробуйте, мой господин, отомстите ему, — ободрял предприниматель. — Чего вы желаете? Комья грязи? Пакетики с навозом распространяют предерьмовейший запах — мальчишка их ненавидит. А цепь с шипами! Он проклянет тот день, когда набросился на вас.

— Иди сам на сцену,— приказал Рейт.— Я использую тебя, как мишень.

— За двойную цену, мой господин.

Рейт вышел из детского дома, а в ушах у него еще долго звучали издевки обоих — мальчишки и предпринимателя.

— Умное решение,— похвалил Кауш.— В таких заведениях денег заработать нельзя.

— Жить надо не хлебом единым... хотя, ладно. Отведите меня на гонки угрей.

— Еще буквально два шага.

Они подошли к старой покосившейся стене, отделявшей базар от старого города. На краю пустынной площади, почти в тени стены, они наткнулись на v-образный стол. Здесь сидели мужчины и женщины, одетые в большинстве своем, как чужестранцы. В неполном метре от открытой стороны «v» на бетонной платформе стоял деревянный чан. Этот сосуд был в два метра высотой и два метра диаметром и был снабжен откидывающейся вниз крышкой. Из него выводился закрытый канал, который вел между оконечностями «v» и заканчивался в стеклянном бассейне. Пристальное внимание зрителей было приковано как раз к этому стеклянному бассейну. Пока Рейт наблюдал, в бассейн из соединяющего с чаном канала выскочил зеленый угорь. Почти сразу же за ним в бассейн вылетели угри других цветов.

— Зеленый снова выигрывает,— жалобно, но громко произнес хозяин аттракциона.— Счастливый, счастливый зеленый! Пожалуйста, все уберите руки за ограждение, пока я отсчитаю выигрыш победителям! Я просто поражен! Двадцать секвинов для господина из Йадарака, который рисковал только двумя секвинами. Десять секвинов для дамы в зеленой шляпке с Азотового побережья, которая поставила один секвин на цвет своей шляпки! Что? Больше нет? И это все? Оказывается, я понес не такие уж и большие убытки, как мне показалось сначала.— Он высыпал из ячеек секвины, поставленные на другие цвета.— Переходим к следующему заезду. Делайте ваши ставки. Пожалуйста, четко кладите секвины на выбранный цвет, чтобы избежать недоразумений. Лимита не существует. Ставьте такую сумму, которую вы хотите — до тысячи секвинов, так как моя наличность в данный момент составляет десять тысяч секвинов. Уже пять раз я становился банкротом и снова выкарабкивался из своего положения, чтобы снова предоставить свои услуги азартным игрокам Урманка. Это ли не настоящая преданность?

Болтая таким образом, он уже успел собрать всех угрей в ящик, перенес их на верхний конец канала и поднял их на веревке, которая вела к лебедке и поднимала крышку чана. Рейт подался вперед и заглатнул внутрь этого резервуара. Хозяин угрей не возражал.

— Смотрите себе, сколько хотите, мой господин. Единственный

секрет этих соревнований в самих угрях. Если бы я смог подтасовать результат, я сегодня был бы уже очень богатым человеком!

В резервуаре Рейт обнаружил отклоняющуюся пластинку. Она являлась окончанием спиралевидного канала, который начинался в колодце посередине и сворачивал к соединительному каналу, ведущему в бассейн. Посреди колодца находился небольшой шлюз, который хозяин закрыл, после чего выпустил угрей в колодец и закрыл крышку.

— Вы были свидетелями, — крикнул он. — Угри плывут по собственному желанию и так непринужденно, словно скользят в приливе своих родных вод. Они плывут по кругу, вертятся, ищут луч света. Когда я открываю шлюз, они все стремятся вырваться наружу. Кто же из них первым будет в стеклянном бассейне? Ах, кто знает! Последним победителем был зеленый. Победит ли зеленый еще раз? Все ставки на стол! Ага! Вот щедрый гранд ставит по десять секвинов на серого и сиреневого! Что это? Пурпурный секвин на пурпурного? Посмотрите все сюда! Дама из долины Башаи рискует поставить на пурпурного сто секвинов! Выиграет ли она тысячу? Только угри могут дать ответ!

— Я тоже, — сказал Кауш Рейту на ухо. — Она проиграет, а пурпурный угорь не будет первым. Я предсказываю победу белого или голубого.

— Почему ты так думаешь?

— Никто не поставил на голубого. А на белого поставлены только три секвина.

— Правильно. Но откуда это может быть известно угрям?

— В этом и заключается секрет, как изволил выразиться хозяин угрей.

Рейт спросил Зэл 210:

— Ты случайно не знаешь, как хозяин управляет угрями?

— Я вообще ничего не знаю.

— Над этой загадкой нам нужно будет подумать, — задумчиво сказал Рейт. — Давайте посмотрим еще второй заезд. В интересах следствия я поставлю один секвин на голубого.

— Все ли ставки сделаны? — крикнул хозяин. — Я прошу о предельной аккуратности. Секвины, которые лежат на доске на двух цветах, будут считаться поставленными на проигравший цвет. Больше ставок нет? Хорошо, тогда уберите руки за ограждение. Никто больше не ставит? Соревнование начинается.

Он подошел к чану и нажал на рычаг, который, по всей видимости, открывал шлюз перед спиралевидным каналом.

— Гонки начались! Угри стремятся к свету! Они прыгают от радости в воздух и кружатся от счастья! Они мчатся по соединительному каналу! Кто же победит?

Игроки вытянули шею. Белый угорь ворвался в стеклянный бассейн.

— О, Боже! — застонал хозяин. — Как я могу получить доход с угрями, которые меня так слабо поддерживают? Двадцать секвинов этому и без того уже богатому серому! Вы матрос, мой господин? И десять этому благородному молодому погонщику рабов с мыса Браиз. Я считаю, я считаю. А где же мой выигрыш?

Он прошел мимо и сгреб секвин Рейта на свой поднос.

— Ну, а теперь все с напряжением ожидают следующего заезда! Рейт, покачивая головой, обратился к Каушу:

— Удивительно, действительно очень удивительно. Пойдем—ка лучше дальше.

Они бродили по базару, пока Карина 4269 зашла за горизонт, затем наблюдали за аттракционом, называвшимся «Колесо счастья». Их внимание привлекла игра, в которой участник получал мешочек разноцветных камешков и должен был разместить их в определенном порядке на доске, напоминавшей шахматную. Затем они зашли в небольшой ресторан неподалеку от гостиницы «Счастливого моряка». Им подали рыбу под красным соусом, хлеб из муки растения паломников и салат из водорослей. Все это они запивали вином из большой черной бутылки.

— Тангам можно доверять лишь в одном, — заявил Кауш. — Это их кухня, которой они самоотверженно преданы. Основанием для подобных выводов служит мой собственный опыт.

— Это доказывает лишь то, что никогда нельзя доверять человеку только на основании того, что он подает тебе на стол, — ответил Рейт.

Кауш резко спросил:

— А как же тогда еще можно судить о людях? Что, например, ты берешь за основу своей оценки кого-либо?

— Я с уверенностью могу сказать только одно, — ответил Рейт. — Первое впечатление всегда обманчиво.

Кауш откинулся на спинку стула и язвительно посмотрел на Рейта.

— Очень даже возможно. Ты, например, совсем не хладнокровный сорвиголова, каким кажешься сначала.

— Меня, бывает, оценивают намного резче, — заявил Рейт. — Один из моих друзей вообще утверждает, что я прилетел с другой планеты.

— Странно, что ты это говоришь, — сказал Кауш. — Недавно до Зсафатры дошел удивительный слух о том, что все люди происходят с далекой планеты — во что-то подобное верят сторонники йао — и их происхождение не связано с отношениями между священной птицей Зизиль и морским демоном Радамтом. Кроме того, утверждается, что некоторые люди с той далекой планеты в настоящее время находятся на Чае и совершают необычные подвиги: они не боятся дирдиров, побеждают кешей, переубеждают вонков. На всем Чае сейчас царит новый образ мыслей. Чувствуется, что скоро произойдет коренной поворот. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что этот слух должен иметь под собой хоть какие-то основания, — сказал Рейт.

Зэп 210 глухо произнесла:

— Планета людей. Это было бы еще более странным и диким, чем Чай.

— Это, конечно, проблема, — сказал Кауш, словно собирался провести нравоучительный критический анализ, — и, несомненно, бесполезная для нашей теперешней ситуации. Душа каждого — это потемки. Вот возьмем, к примеру, нас троих. Один — уважаемый зс-фатранец и двое обветренных бродяг, которые так же гонимы судьбой, как листья ветром. Какова же причина этих чрезвычайно опасных путешествий? Что можно от этого выиграть? Я за всю свою жизнь ни разу не был даже на мысе Браиз. Однако мне от этого ничуть не хуже — в крайнем случае, меня иногда одолевает скука. Я смотрю на вас и думаю: девушка боится, мужчина ужасен. Цели, которые имеются в вашем сознании, заставляют вас двигаться вперед. Он тащит ее с собой, несмотря на то, что она боится. Но вернулась бы она, если бы имела такую возможность?

Кауш посмотрел Зэп 210 в глаза; девушка отвернулась.

— О! — добродушно сказал Кауш. — Если у вас не хватает только денег, то мне известно против этого хорошее средство. Один раз в неделю проходят соревнования. Кстати, чемпион — Отвайле — сидит за тем столиком.

Он головой показал на двухметрового, абсолютно лысого человека с мощными плечами и ногами, узкими бедрами. За столом он сидел один, пил вино и с досадой смотрел в окно на набережную.

— Отвайле — великолепный боец, — негромко произнес Кауш. — Однажды он схватился с зеленым кешем и вышел победителем. Во всяком случае, он остался в живых.

— И как велик приз? — поинтересовался Рейт.

— Человек, который продержится на ринге пять минут, получает сто секвинов. За каждую поломанную кость ему выплачивают еще по двадцать секвинов. Отвайле иногда за минуту зарабатывает по сто секвинов.

— А что будет, если противник вышвырнет Отвайле с ринга?

Кауш скажал губы:

— За это приз не установлен. Такой исход считается невозможным. Но почему ты задал этот вопрос? Ты собираешься попробовать?

— Я — нет, — возразил Рейт. — Мне нужно триста секвинов. Предположим, что я в течение пяти минут останусь на ринге и получу сто секвинов. Затем мне нужно еще десять поломанных костей, и у меня будут еще двести.

Кауш казался растерянным:

— У тебя есть другой план?

— Мои мысли все время возвращаются к гонкам угрей. Как хозяин может на расстоянии трех метров управлять одиннадцатью угрями, пока те плывут по закрытому каналу? Мне кажется, что это велико-
лепный трюк.

— Это действительно так,— согласился Кауш.— Многие годы люди из Зсафатры ставят на кон свои секвины, предполагая, что здесь ничего подстроить нельзя.

— Может быть, угри меняют цвет, чтобы достичь нужного результата? Но это невыполнимо, невозможно. Может, хозяин стимулирует их телепатическим способом? Но я считаю это тоже невозможным.

— Я такой же хитрый, как и ты,— пожаловался Кауш.

Рейт еще раз вспомнил, какие действия проводил хозяин угрей.

— Он поднимает крышку чана. Внутренняя часть открыта и можно видеть, что там делается: только вода, глубиной тридцать сантиметров. Угрей он сажает в середину, в колодец, и крышка закрывается. И все это еще до того, как игроки положат свои деньги на стол. И все-таки, кажется, что хозяин как-то управляет своими угрями.

Кауш цинично захихикал:

— Ты все еще надеешься, что сможешь выиграть в гонках угрей?

— Я бы с удовольствием осмотрел еще раз приспособления и оборудование.

Рейт встал.

— Сейчас? Но на сегодня гонки уже закончены.

— И все-таки, мы сегодня еще раз на все это посмотрим. Здесь всего пять минут пешком.

— Как хочешь.

Вокруг места проведения гонок угрей было пусто, лишь от расположенного вдалеке базара сюда пробивался слабый свет. После соревнований и дневной суеты стол, резервуар и канал казались особенно тихими.

Рейт показал на стену, окружавшую территорию.

— А что находится на другой стороне?

— Старый город, а еще дальше мавзолеи, в которых танги хоронят своих мертвецов,— не совсем подходящее место для ночной прогулки.

Рейт внимательно осмотрел бассейн, а также чан, крышка которого была на ночь заперта. Он обратился к Каушу:

— В котором часу начинаются гонки?

— Ровно в двенадцать часов дня.

— Завтра до обеда я с удовольствием все это тщательно исследую.

— Не возражаю,— пробормотал Кауш. Он сбоку посмотрел на Рейта.— У тебя есть предположения?

— Лишь подозрение. Если...

Рейт оглянулся, так как Зэп 210 схватила его за руку. Она показала пальцем:

— Там, сзади.

По огороженному забором участку двигались две фигуры в черных плащах и широкополых черных шляпах.

— Гжиндры, — прошептала Зэп 210.

Кауш нервно крикнул:

— Идемте обратно в гостиницу. Неумно бродить по неосвещенным местам в Урманке.

В гостинице Кауш отправился в свою комнату. Рейт проводил Зэп 210 до ее небольшой спальни. Она не хотела заходить внутрь.

— Что случилось? — спросил Рейт.

— Я боюсь.

— Чего?

— Гжиндры преследуют нас.

— Не обязательно. Это могли быть просто двое безобидных и мирных гжиндр.

— Но ведь, может быть, и нет.

— В любом случае они не смогут схватить тебя в твоей комнате.

Девушка все еще сомневалась.

— Ведь я же совсем рядом, — успокаивал ее Рейт. — Если тебя кто-либо обидит, кричи.

— А что, если они тебя убьют раньше?

— Об этом не нужно думать, — сказал Рейт. — Если я утром буду мертвым, то некому будет заплатить по счету.

Она надеялась получить больше утешений. Рейт погладил ее по мягким черным локонам.

— Спокойной ночи.

Он закрыл дверь и подождал, пока не услышал, как она задвинула засов. После этого он пошел в свою комнату и, несмотря на уверения Кауша, тщательно обследовал пол, стены и потолок. Почувствовав наконец себя в безопасности, он прикрутил лампу так, что в ней загорелся только слабый огонек. После этого Рейт с легким сердцем лег в свою постель.

Глава 8

Ночь прошла спокойно. Утром Рейт и Зэп 210 позавтракали в кафе на набережной. Небо было безоблачным. В мутном солнечном свете дома отбрасывали густые черные тени, отражающиеся на воде. Зэп 210 выглядела не так пессимистично, как обычно, и с интересом

наблюдала за портовыми рабочими, уличными торговцами, матросами и другими экзотическими для нее личностями.

— Что ты теперь думаешь о Гхауне? — спросил ее Рейт

Зэп 210 сразу же стала серьезной.

— Люди ведут себя здесь иначе, чем я представляла. Они не носятся в разные стороны. По всей видимости, они не становятся сумасшедшими от воздействия солнца и воздуха. Конечно, — она подбирала слова, — здесь можно часто наблюдать буйное поведение, но создается впечатление, что это никому не мешает. Я все время поражаюсь одежде девушек. Они такие развязные, как будто хотят привлечь к себе внимание. И снова ни у кого не возникает возражений.

— Как раз наоборот, — уточнил Рейт.

— Я никогда не смогла бы вести себя таким образом, — чопорно заверила Зэп 210. — Ты только посмотри на девушку, которая идет в нашу сторону, — какая у нее походка! Зачем она это делает?

— Она так сложена. Кроме того, она хочет, чтобы мужчины ее замечали. Это именно то стремление, которое в тебе уничтожил Дико.

Зэп 210 возразила неожиданно горячо:

— Я больше не ем Дико. И тем не менее, не чувствую подобного стремления!

Рейт с улыбкой посмотрел на набережную. Девушка, на которую указывала Зэп 210, замедлила шаг, провела рукой по своему оранжевому поясу на талии, улыбнулась Рейту, с любопытством посмотрела на Зэп 210 и пошла дальше.

Зэп 210 бросила на Рейта косой взгляд. Она хотела что-то сказать, но потом передумала. Однако спустя какое-то время она все-таки заметила:

— Я вообще не понимаю гхианов, даже тебя не понимаю. Ты только что улыбнулся этой ужасной девушке. Ты никогда... — Тут она прервалась и продолжала уже тихо. — Я могу предположить, что ты скажешь, будто в твоём поведении виновато «стремление».

Рейт потерял терпение.

— Сейчас как раз самое время, чтобы ты узнала правду, — начал он. — Стремления относятся к нашему биологическому естеству, и нельзя просто так от них отказаться. Мужчины и женщины разные.

Он продолжал, рассказывая о процессе размножения. Зэп 210 неподвижно сидела на стуле и смотрела на воду.

— Поэтому абсолютно естественно, что люди ведут себя именно так, — закончил Рейт.

Зэп 210 молчала. Рейт заметил, что ее руки сжались в кулаки, белые костяшки резко проступили на них.

Девушка тихо спросила:

— Хоры в священной роще... Они там занимались... этим?

— Предположительно.

— А ты меня увел, чтобы я этого не видела?

— Ну да, я думал, что тебя это может смутить.

Зэп 210 немного помолчала.

— Они могли нас убить.

Рейт пожал плечами.

— Возможно.

— А те девушки, которые танцевали без одежды,— они тоже хотели именно этого?

— Если им за это кто-нибудь даст деньги.

— И все на поверхности воспринимают это именно так?

— Я бы сказал, большинство.

— Ты тоже?

— Конечно. Не всегда. Но по крайней мере, иногда.

— Тогда почему... — запнулась она. — Тогда почему...

Она не могла закончить фразу.

Рейт протянул руку и погладил ее. Она одернула свою руку.

— Не прикасайся ко мне!

— Мне очень жаль. Не сердись.

— Ты привел меня в это ужасное место. Ты обманул меня на всю жизнь. Ты изображал доброжелательность, но все время хотел именно *этого*!

— Нет, нет! — воскликнул Рейт. — Ничего подобного! Ты страшно ошибаешься.

Зэп 210 холодно посмотрела на него, высоко вздернув брови.

— Значит, ты считаешь меня непривлекательной?

Рейт всплеснул руками:

— Конечно же нет! В действительности...

— Что?

Кауш, который как раз подошел к столу, дал Рейту возможность прервать этот разговор.

— Вы ночью хорошо отдохнули?

— Да, — сказал Рейт.

Зэп 210 встала и ушла. У Кауша вытянулось лицо.

— Чем я ее обидел?

— Она злится на меня, — объяснил Рейт. — Только вот почему, я не знаю.

— Это у нее всегда так? Но вскоре она — по такой же непонятной причине — будет снова тебе покорна. А пока что я бы с удовольствием послушал твои соображения по поводу гонки угрей.

Рейт обескураженно посмотрел вслед Зэп 210, которая направилась в гостиницу «Счастливый моряк».

— Не опасно ли отпускать ее одну?

— Не бойся, — успокоил его Кауш. — В гостинице все знают, что вы находитесь под моим покровительством.

- Хорошо, тогда перейдем к угрям.
— Ты ведь знаешь, что там пока еще никого нет. Гонки начинаются только в двенадцать часов дня.
— Так оно и лучше.

Зэп 210 еще никогда не была такой сердитой. Она полушагом, полубегом ворвалась во двор гостиницы и промчалась через мрачный, затемненный холл в маленькую комнатку, где провела ночь. Она вошла, быстро задвинула засов и села на кровать. Минут десять она сидела, в ее голове проносились мысли. Затем она беззвучно заплакала — слезы разочарования и отрезвления текли по ее щекам. Она думала о подземельях: спокойные туннели с одетыми в черное фигурами, тихо скользящими мимо. В подземельях ее никогда не довели бы до белого каления или другого состояния, когда ее лицо время от времени заливалось краской. Ей бы снова давали *Дико* — Зэп 210 наморщила лоб и попыталась вспомнить вкус маленьких хрустящих вафель. Следуя неожиданному порыву, она вскочила с кровати и посмотрела на себя в зеркало, висевшее на стене. Когда она была в комнате в предвечерних сумерках, то не обратила особого внимания на свое отражение. Лицо, смотревшее на нее, казалось совершенно обычным. Глаза, нос, рот и подбородок. Теперь же Зэп 210 смотрела на себя с пристрастием. Она потрогала черные волосы, выходящие надо лбом, пальцами их расчесала и посмотрела на результат. Лицо, отражавшееся в зеркале, принадлежало не ей. Зэп 210 думала о хрупкой девушке, которую Рейт так нагло выкрал. На ней было синее, облегающее платье, резко отличающееся от бесформенного черного одеяния, в которое она была облачена тогда. Она сняла платье и осталась в белой нижней рубашке. Зэп 210 повернулась вокруг собственной оси, внимательно изучая себя со всех сторон. Действительно, чужой человек. Что, если бы Рейт увидел ее в таком виде, что бы он о ней подумал? Мысль о Рейте снова пробудила в ней гнев. Он видел в ней ребенка или еще что-то без чувства собственного достоинства — у нее не хватало слов, чтобы это выразить. Зэп 210, глядя в зеркало, оцупала себя руками и удивилась превращениям, которые с ней уже произошли. Ее первоначальный план вернуться в подземелья отпадал сам по себе. *Зужма касчай* отправят ее в темноту. Если же ей случайно повезет и она останется в живых, ее снова начнут напихивать *Дико*. Губы ее задрожали. Больше никакого *Дико*!

Значит, ей было хорошо с Адамом Рейтом, который находил ее такой непривлекательной, что... Ее сознание колебалось, не доводя эту мысль до конца. Что же могло с ней случиться дальше? Она смотрела на себя в зеркало и чувствовала глубокое сочувствие к темноволосой девушке с запавшими щеками и печальными глазами,

смотревшей прямо на нее. Если бы она убежала от Адама Рейта, как смогла бы она выжить? Зэп 210 снова напялила на себя одежду, но решила ни за что больше не повязывать на голову оранжевый тюрбан. Вместо этого она повязала его вокруг талии, как она это видела у других девушек в Урманке. Посмотрев еще раз на себя в зеркало, она осталась очень довольна своим видом. Что скажет об этом Адам Рейт?

Зэп 210 открыла дверь, выглянула в коридор и решила выйти из комнаты. Холл гостиницы был пуст, за исключением старой женщины, которая щеткой мела каменный пол и скептически подняла голову. Зэп 210 ускорила шаг и поспешила выскочить на улицу. Здесь она в раздумье остановилась. Раньше она никогда не оставалась одна. Это чувство странным образом ее испугало и одновременно возбудило. Она вышла на набережную и понаблюдала, как грузчики разгружали торговый парусник. Ни ее словарный запас, ни сила воображения не имели в своем резерве полноценного соответствия словам «уютный» и «живописный». Тем не менее, ее внимание привлек широкий, словно надутый, корабль, легко скользивший по воде. Она глубоко вздохнула. Нравилась ли ей природа или нет, казалась ли она ей неприятной или нет, но она никогда до этого не чувствовала себя такой жизнелюбивой. Гхаун был диким, ужасным местом — в этом отношении *зужма касчаи* не обманывали. Но разве тот, кто пожил под золотисто-коричневым солнцем, захотел бы вернуться обратно в подземелья?

Она неторопливо прошла по набережной до кафе, где робким взглядом искала Адама Рейта. Она до сих пор не придумала то, что ему скажет. Наверное, она просто с высокомерным взглядом подойдет к его столику и даст ему понять, что думает о его взглядах. Но Рейта нигде не было видно. Вдруг Зэп 210 охватил парализующий страх. Наверное, он воспользовался ее уходом, чтобы скрыться от нее, оставить ее одну! Эта мысль билась в ее мозгу. Ей хотелось кричать: «Адам Рейт! Адам Рейт!» Она не могла смириться с тем, что нигде не видит подтянутую фигуру, которая двигалась спокойно и с таким достоинством. Зэп 210 собиралась уже выйти, но в дверях столкнулась с большим крепким человеком. Он был одет в штаны из светлосерой кожи, свободную белую рубашку и жилетку из каштановой парчи. Маленькая шапочка без полей сидела на абсолютно лысой голове. Когда она на него налетела, он тихо хрюкнул и остановил ее, придерживая обеими руками за плечи.

— Куда так быстро?

— Я... я не знаю, — пробормотала Зэп 210. — Я искала одного человека.

— Ты нашла меня, и это не самый плохой вариант. Пойдем со мной. Я сегодня еще не выпил своей утренней рюмочки вина. При этом мы сможем поговорить.

От неожиданности Зэп 210 стояла, словно парализованная. Она нерешительно попробовала избавиться от рук мужчины, но тот еще крепче сжал ее плечи. Зэп 210 съежилась.

— Идем,— сказал мужчина. Вместе с ним она прошла в одну из ближайших ниш.

Мужчина сделал знак рукой. Ему принесли кувшин белого вина, а также тарелку с зажаренными на жиру рыбными оладьями.

— Ешь,— подбодрил ее мужчина.— Пей. Я не скуплюсь ни на что: ни на вознаграждение, ни на мощный удар.

Он налил ей полный бокал вина.

— Прежде, чем мы продолжим разговор: сколько ты хочешь? Парочка девок твоего сорта, зная меня как Отвайле, все-таки попытались у меня кое-что украсть, должен заметить, к своему собственному сожалению. Так что, сколько ты хочешь?

— Хочешь за что? — прошептала Зэп 210.

Голубые глаза Отвайле приняли удивленное выражение.

— Ты странная. К какой расе ты принадлежишь? Для тангов ты слишком бледна, для серых — слишком стройная.

Зэп 210 опустила веки и пригубила вино, затем в отчаянии посмотрела назад, пытаясь глазами отыскать Рейта.

— А ты застенчивая,— заявил Отвайле.— И к тому же, у тебя слишком хорошие манеры.

Он принялся за еду. Зэп 210 попыталась исчезнуть.

— Сядь! — рявкнул Отвайле.

Она быстро вернулась на свое место.

— Пей!

Она пригубила вино, которое было намного крепче, чем все те, что она пробовала до сих пор.

— Вот так-то лучше,— похвалил Отвайле.— Так мы пойдем друг друга.

— Нет,— тихо возразила Зэп 210.— Этого не получится! Я не хочу здесь сидеть! Что ты от меня хочешь?

Отвайле снова недоверчиво уставился на нее.

— Разве ты не догадываешься?

— Нет. Если, конечно, ты не имеешь в виду *это*.

Отвайле ухмыльнулся.

— Именно это. И даже более того.

— Но у меня нет никакого опыта в таких делах! И я не хочу этому учиться.

Отвайле оставил свои рыбные оладьи и недоверчиво сказал:

— Девушка, носящая платок на талии... Ты это специально делаешь?

— Я не знаю, что это значит. Мне нужно идти и найти Адама Рейта.

— Ты нашла меня, а это несколько лучше. А чтобы тебя покинули

сомнения, выпей еще. Сегодня именно тот день, о котором ты будешь вспоминать до конца своей жизни.— Отвайле доверху наполнил бокалы.— Конечно, для меня самое главное — это расслабиться. Если говорить по-правде, то я тоже немного взволнован!

Рейт и Кауш шли по базару. Торговцы рыбой и овощами особенно громко орали и завывали, привлекая внимание к своему товару.

— Это они так поют? — спросил Рейт.

— Нет,— ответил Кауш.— Вопли служат лишь для того, чтобы привлечь покупателей. У тангов нет особой тяги к музыке. Вопли рыбацких жен, призывающие покупателей, действительно привлекательны и задевают чувства. Послушай внимательно и ты услышишь, как они стараются перекричать друг друга.

Рейт вынужден был признать, что некоторые повороты в расхваливании товаров были действительно весьма витиеваты.

— Когда-нибудь антропологи будут изучать и расшифровывать эти призывы. Но сейчас меня больше интересуют гонки угрей.

— Правильно,— сказал Кауш,— Хотя то, что ты сейчас увидишь, еще не начало свою работу.

Они перешли площадь, остановились и принялись рассматривать пустые столы, резервуар и канал. Посмотрев через стену, Рейт обнаружил за ней метелки и листья старой суковатой псиллы.

— Я хочу посмотреть, что находится и с другой стороны стены,— сказал он.

— Конечно,— сказал Кауш.— И я полностью разделяю твоё любопытство. Но не лучше ли нам в настоящее время переключиться на гонки угрей?

— Мы это и делаем,— объяснил Рейт.— Я вижу в стене калитку, как раз напротив лавки, где продают амулеты. Ты не откажешься меня сопровождать?

— Ни в коем случае,— успокоил его Кауш.— Я всегда с удовольствием узнаю что-нибудь новое.

Они пошли вдоль старой стены, которая в древние времена была облицована коричневыми и белыми кафельными плитками. Теперь же многие из них отвалились и обнажили темно-коричневые кирпичи. Они прошли через калитку и попали в старую часть Урманка: район с хижинами из кусков гонта, разбитых кирпичей, необработанных камней и деревянных конструкций. Некоторые из них представляли собой пустые руины, другие же были недавно восстановлены: вечный круговорот из гниения, разрушения и восстановления, в котором каждый цветной черепок, каждая палка, каждый камень сотни раз применялись вдвое большим количеством поколений. Танги самой низкой касты, а также помеси серых и водноголовых наблюдали через дверь—

ные проемы, как Рейт и Кауш проходили мимо. Вонь распространялась в воздухе.

За хижинами находился покрытый щебнем участок с лужами грязи, а также с несколькими огненно-красными щетинистыми кустами. Рейт ориентировался на псиллу, которую заметил с другой стороны забора. Она стояла вплотную к стене и накрывала своими ветвями сарай, построенный из тщательно оштукатуренных кирпичей. Дверь из крепкого дерева с железной окантовкой была закрыта на большой и крепкий замок. Сарай вплотную примыкал к стене.

Рейт осмотрелся. Вокруг было безлюдно, за исключением группы голых детей, плескавшихся в желтой грязной луже. Он подошел к сараю. Замок, засов, петли — все было сделано безупречно и добротно. В сарае кроме двери не было ни окошка, ни какого-либо другого отверстия. Рейт отошел назад.

— Мы увидели все необходимое.

— Действительно? — Кауш с сомнением рассматривал сарай, стену, псиллу. — Я не вижу здесь ничего необычного. Ты думаешь, что все это имеет отношение к гонкам угрей?

— Если хозяин этого аттракциона выплачивает все выигрыши, то конечно.

— Об этом тебе совершенно не стоит беспокоиться, — успокоил Кауш. — Он заплатит, если, конечно, будет чем. И если мы предположим, что... как ты себе представляешь разделить выигрыш?

— Половина мне, вторая половина тебе и твоим людям.

Кауш сжал губы.

— Мне кажется, что это не совсем справедливо. При совместном предприятии один не должен получать больше, да еще и в три раза, чем все остальные.

— По-моему, может, — ответил Рейт, — если без этого одного остальные трое не смогут получить вообще ничего.

— Это довольно убедительный аргумент, — согласился Кауш. — Дело должно выглядеть так, как ты считаешь нужным.

Они возвратились обратно в кафе. Рейт поискал взглядом Зэп 210, но ее нигде не было видно.

— Мне следует позаботиться о моей спутнице, — объяснил Рейт. — Она наверняка ждет меня в гостинице.

Кауш приветливо махнул рукой. Рейт пошел в гостиницу, но там Зэп 210 не было. Он навел справки у администратора и узнал, что она приходила и снова ушла. Но куда она ушла, никто не знал.

Рейт вышел из гостиницы и окинул взглядом набережную. Справа грузчики в красных закрытых куртках и с кожаными наплечниками разгружали большой корабль; слева бурлила деловая жизнь базара.

«Мне нельзя было оставлять ее одну, — упрекал себя Рейт. — Особенно в ее сегодняшнем настроении». Он отдавал должное силе

ее характера, но никогда не интересовался состоянием ее души. Рейт проклинал себя за свое равнодушие и свой собственный эгоизм. Девушка подверглась сильнейшим и будоражащим нервным потрясениям — все наиважнейшие фазы развития одновременно. Рейт прошел обратно в кафе. Кауш дружелюбно смотрел на него.

— Кажется, тебя что-то беспокоит?

— Девушка, которая была со мной, — я не могу ее нигде найти.

— Ничего, — махнул рукой Кауш. — Они все одинаковые. Она наверняка отправилась на рынок, чтобы купить себе какие-нибудь штучки.

— Нет. У нее нет денег. Она очень далека от жизни. Она никуда не могла пойти, кроме...

Рейт повернулся и посмотрел на горы. Дорога вела между двумя горами, на которых находились жилища гоулов. Могла ли она решиться снова вернуться в свои подземелья? Эта мысль привела его в ужас. Гжиндры! Рейт подозвал слугу-танга.

— Сегодня утром я завтракал с молодой женщиной. Ты можешь ее вспомнить?

— Да. Могу. Она носила на голове оранжевый тюрбан, как хедай-янка. По крайней мере, внешне.

— Ты видел ее позже?

— Да. Она сидела за тем столиком и у нее вокруг талии был повязан платок девушки легкого поведения. Она ушла вместе с Отвайле, чемпионом. Они какое-то время пили вино, после чего исчезли.

— Она добровольно с ним пошла? — удивленно спросил Рейт.

Слуга равнодушно пожал плечами и ответил всезнающим тоном:

— На ней был платок. Она не кричала, а висела у него на руке, наверное, чтобы на нее опереться. Мне кажется, что она выпила довольно много вина.

— Куда они пошли?

Тот снова пожал плечами.

— Холостяцкое жилище Отвайле находится совсем недалеко. Наверное, они отправились туда.

— Покажи мне дорогу.

— Нет, нет. — Слуга покачал головой. — Я на работе. Кроме того, мне было бы неприятно, если бы я обидел Отвайле.

Рейт шагнул к слуге. Тот испуганно отшатнулся.

— Быстро! — прошипел Рейт.

— Прямо по этой улице, только поторопитесь. Мне нельзя отлучаться из кафе.

Они помчались по темным переулкам и задворкам Урманка, сквозь коричневые лучи Карины 4269, косо пробивавшиеся между крышами высоких домов. Слуга остановился и показал на тропу, ведущую вверх к саду с зелеными и красно-пурпурными растениями.

— За кустами и находится жилище Отвайле.

Он быстро помчался назад в кафе. Рейт побежал по тропе через сад. Там стоял деревянный домик, украшенный резьбой и покрытый светопропускающим материалом. Подойдя ближе, он неожиданно услышал гневный крик:

— Грязное животное!

Затем послышался звук удара и всхлипывания. У Рейта задрожали колени. Он бросился вперед и рванул дверь. На полу абсолютно голая с остекленевшими глазами сжалась Зэп 210. Над ней стоял Отвайле. Девушка уставилась на Рейта. Он увидел на ее щеках красные полосы.

Отвайле, приглушив гнев, спросил:

— Кто ты такой, что осмеливаешься врваться в мой дом?

Рейт не удостоил его вниманием. Он взял в руки нижнюю рубашку Зэп 210 — это был лишь рваный кусок материи. Рейт резко повернулся к Отвайле. Кауш от двери сказал:

— Идем, Адам Рейт, и возьми девушку с собой. Не ставь себя в трудное положение.

Рейт не обратил внимания на предупреждение. Он медленно пошел к Отвайле, смотревшему на него с холодной усмешкой, держа руки на бедрах. Рейт придвинулся к нему на расстояние метра. Отвайле, который был на целую голову выше Рейта, с ухмылкой смотрел на него сверху вниз.

Зэп 210 хрипло пробормотала:

— Это не его вина. Я повязала себе оранжевый платок. Я не знала...

Рейт медленно обернулся. Он отыскал ее платье и натянул его на худое тело. При этом он продолжал смотреть на Отвайле. Ему с трудом удавалось сдерживать переполнявшие его чувства. Он взял Зэп 210 за плечо и хотел вывести ее из комнаты.

Это не понравилось Отвайле. Он ожидал выпада, движения или просто слова, чтобы дать работу своим мускулам. Неужели ему будет отказано в удовольствии рассчитаться с человеком, вторгшимся в его покой? Накопившийся гнев выплеснулся наружу. Отвайле прыгнул вперед и поднял ногу, чтобы нанести удар. Рейт был доволен тем, что Отвайле перехватил инициативу. Он развернулся на каблуках, схватил Отвайле за щиколотку, потянул, вытащил прыгающего на одной ноге мастера в сад и отбросил его в ярко-красные заросли бамбука. Словно леопард, выскочил Отвайле оттуда, замер с широко расставленными руками, скорчил отвратительную рожу, сжимая и разжимая кулаки. Рейт сильно ударил его в лицо. Казалось, что Отвайле этого и не заметил. Он вытянул руки к Рейту, который отскочил назад и ударил по мощным рукам. Отвайле прыгнул вперед и прижал Рейта к стене. Рейт вывернулся и умудрился ногой попасть Отвайле в лицо. Тот снова

бросился на Рейта и ударил его открытой рукой. Рейт пригнулся и ударил Отвайле в живот. Тот упал на колени, и Рейт схватил его за согнутую ногу, заломил ее и швырнул ругающегося Отвайле прямо на ствол дерева. Какое-то мгновение Отвайле лежал без сознания, затем медленно и с трудом сел. Рейт лишь посмотрел на него, после чего повел Зэп 210 из сада. Кауш вежливо поклонился Отвайле и пошел за ними.

Рейт привел Зэп 210 в гостиницу. Словно воплощение печали и несчастья, сидела она на кровати в своей маленькой спальне и куталась в одеяло. Рейт сел рядом с ней.

— Что произошло?

Слезы потекли по ее щекам и она закрыла лицо руками. Рейт погладил ее по волосам. Вскоре она перестала плакать.

— Я не знаю, что я неправильно сделала — разве что дело было в этом платке. Он заставил меня пить вино, пока в голове у меня не закружилось, и повел меня по улицам. У меня было совершенно странное состояние, и я едва могла идти. В доме я не захотела снимать одежду, и он очень рассердился. Затем он посмотрел на меня и разъярился еще больше. Он утверждал, что я помесь... Я не знаю, что мне делать. Я больна. Я умру.

Рейт сказал:

— Нет, ты не больна и не умрешь. Твое тело начало нормально функционировать. В тебе абсолютно все нормально.

— Значит я не помесь?

— Конечно, нет.— Рейт встал.— Я пришлю сюда девушку, которая о тебе позаботится. Лежи спокойно и попытайся заснуть. Когда я вернусь, то надеюсь, что у меня будет достаточно денег, чтобы мы смогли сесть на корабль.

Зэп 210 печально кивнула. Рейт вышел из маленькой спальни.

В кафе Рейт обнаружил Кауша с двумя молодыми парнями—зсатранцами, которые приехали в Урманк на второй повозке.

— Это Шазар, а это — Видиш,— представил их Кауш.— Оба достойны доверия. Я не сомневаюсь, что они соответствуют всем необходимым требованиям.

— Тогда приступим,— сказал Рейт.— Насколько я могу судить, у нас остается не так уж много времени.

Они отправились вдоль по набережной. Рейт объяснял им свою теорию.

— ...которую мы теперь должны доказать. Только помните о том, что я тоже могу ошибаться,— в этом случае наше предприятие не удастся.

— Нет,— не согласился с ним Кауш.— Ты обладаешь необычным

мышлением и смог это доказать, так что я теперь тоже верю в такую возможность.

— Это называется логикой,— поучительно сказал Рейт.— На нее не всегда можно положиться. Но мы это сейчас проверим.

Они прошли мимо v-образного стола, возле которого уже несколько человек заняли места в ожидании начала игры. Рейт ускорил шаг и прошел через калитку в мрачные кварталы старой части Урманка к сараю под псиллой. В пятидесяти метрах от него он остановился и вместе с другими спрятался в полуразвалившейся хижине на краю незастроенного участка.

Прошло десять минут. Рейт начал нервничать:

— Я не могу верить, что мы пришли слишком поздно.

Молодой парень по имени Шазар указал на противоположную сторону пустыря, где стена уходила в сторону.

— Двое мужчин.

Мужчины медленно приближались. На одном из них были широкие белые одежды и белая четырехугольная шляпа.

— Хозяин угрей,— прошептал Кауш.

Второй, молодой человек, имел на голове розовую шапочку и был одет в бледно-розовые одежды. Оба непринужденно и уверенно шли вдоль стены. Расстались они неподалеку от сарая. Хозяин угрей отправился дальше.

— Было бы проще подкараулить старого шарлатана и забрать у него кошелек. Это имело бы такой же конечный эффект.

— К сожалению, у него нет с собой ни единого секвина,— объяснил Кауш,— и он постоянно заявляет об этом во всеуслышание. Деньги ежедневно приносятся на эти гонки под охраной его главной жены и четырех рабов.

Молодой человек в розовом проскользнул к сараю, вставил в замочную скважину ключ, трижды повернул его, открыл тяжелую дверь и вошел. Он ошеломленно обернулся, заметив, что одновременно с ним в сарай втиснулись Рейт и Шазар. Он попытался возражать:

— Что это значит?

— Я скажу это только один раз,— предупредил Рейт.— Мы хотим, чтобы ты без всяких условий сотрудничал с нами. Иначе мы просто повесим тебя за ноги на этой псилле. Это тебе ясно?

— Абсолютно,— дрожа, подтвердил молодой человек.

— Расскажи нам, как все это делается.

Молодой человек не мог решиться на это сразу. Рейт кивнул Шазару, который продемонстрировал петлю из крепкой веревки. Молодой человек торопливо заговорил:

— Это очень просто. Я раздеваюсь и захожу в резервуар.— Он показал на цилиндрическую емкость, диаметром около метра, стоящую у задней стены сарая.— Он соединен с деревянными чаном.

Уровень воды в резервуаре и чане одинаковый. Я проплываю по трубе и вынырываю в помещении рядом с чаном. Когда крышка закрыта, я открываю окошко внутри чана, попадаю в чан, выбираю нужного угря и помещаю его прямо перед ведущим в бассейн каналом.

— А как передается цвет?

— Системой ударов по крышке.

Рейт повернулся к Каушу.

— Теперь Шазар и я держим все под контролем. Я предлагаю всем занять места перед игровым столом.— Он обратился к молодому человеку в розовом.— Под чаном хватит места для двоих?

— Да,— нерешительно ответил тот.— Для двоих хватит. Но я хочу знать, как смогу защититься от хозяина, если буду работать с вами?

— Скажешь ему правду,— посоветовал Рейт.— Скажешь ему, что жизнь тебе дороже, чем его секвины.

— Он будет возражать, так как считает совсем наоборот.

— Очень досадно,— поддел его Рейт.— Такие вещи называются предпринимательским риском. Как скоро мы будем на месте?

— Где-то через минуту.

Рейт разделся:

— Если нас по какой-нибудь глупости обнаружат... Тебе наверняка известно не хуже, чем мне, какие могут быть последствия.

Подмастерье лишь что-то пробурчал и скинул с себя розовую одежду.

— Иди за мной.— Он подошел к баку.— Путь темный, но прямо.

Рейт залез рядом с ним на бак. Набрав в легкие воздуха, молодой человек нырнул. Рейт последовал за ним. На дне он обнаружил горизонтальную трубу диаметром около метра и поплыл по ней, ощущая перед собой пятки молодого человека.

Они вынырнули в помещении длиной около метра, шириной в полметра и высотой в тридцать сантиметров. Свет проникал сквозь хитро устроенные щели, которые одновременно давали возможность частично видеть игровые столы. Через них Рейт смог убедиться, что и Кауш, и Видиш уже заняли места за игровым столом.

Совсем рядом послышался голос хозяина угрей:

— Все сердечно приглашаются на захватывающие гонки угрей. Кто победит сегодня? Кто сегодня проиграет? Этого не знает никто. Может быть, я, а может быть, и вы. Но все мы получим от гонок истинное удовольствие. Для тех, кто впервые пришел на нашу маленькую игру: вы, наверное, уже заметили, что доска перед вами раскрашена в одиннадцать разных цветов. Вы можете делать любую ставку на любой цвет. Если ваш цвет выигрывает, вы получаете выигрыш в десятикратном размере от сделанной ставки. Запомните угрей и их цвета: белый, серый, огненный, голубой, коричневый, тем-

но—красный, цвета красной киноvari, синий, зеленый, фиолетовый, черный. Есть вопросы?

— Да, — сказал Кауш. — Существует ли какой-нибудь лимит для ставок?

— В чемодане, который сейчас принесут, лежат десять тысяч секвинов. Это мой лимит. Больше выплатить я не смогу. Я прошу делать ставки.

Опытным взглядом хозяин пробежал по столу. Он поднял крышку и опустил угрей в середину чана.

— Больше ставки не принимаются.

По крышке он простучал сигнал: тук—тук, тук—тук.

— Два—два, — прошептал помощник. — Это значит — зеленый.

Он отодвинул в сторону стенку, засунул руку в резервуар, схватил зеленого угря и положил его перед входом в канал. Затем он втянул свое тело обратно и задвинул стенку.

— Победил зеленый! — воскликнул хозяин. — Так и быть, я плачу! Двадцать секвинов этому сильному моряку. Прошу делать ставки.

Сверху прозвучало: тук, тук—тук—тук.

— Красная киноvari, — прошептал помощник и сделал так же, как и раньше.

— Выигрывает красная киноvari! — воскликнул хозяин.

Рейт прищелкнул глазами к щели. В каждом туре Кауш и Видиш рисковали двумя секвинами. В третьем оба поставили по тридцать секвинов на белого.

— Ставки сделаны, — прозвучал голос хозяина.

Крышка опустилась. Послышалось: тук—тук.

— Коричневый, — прошептал помощник.

— Белый, — скомандовал Рейт. — Побеждает белый угорь.

Подмастерье мученически застонал и положил перед каналом белого угря.

— Снова мы наблюдаем за соревнованиями удивительных маленьких существ, — раздался самодовольный голос хозяина. — В этот раз выигравший цвет — коричневый... Коричневый? Белый. Да, это белый! Ха! На старости лет я перестал различать цвета. Проблемы старого занятого человека! У нас есть два значительных выигрыша! Триста секвинов вам, триста секвинов вам. Прячьте ваши выигрыши, мои господа. Что? Вы оба рискуете всей суммой?

— Да, счастье кажется нам благосклонным.

— И оба на темно—красный?

— Да. Вы видите летящую вон там кроваво—красную птицу? Это предзнаменование.

Хозяин угрей посмотрел в небо и улыбнулся.

— Кто может предсказать пути природы? Я могу поспорить, что вы ошибаетесь. Ну как, все ставки сделаны? Тогда, дорогие мои угри,

отправляйтесь под крышку. Пусть победит самый решительный угорь. Первым приходит... синий? — Хозяин невольно ахнул. — Темно-красный. — Он посмотрел на лица зсафатранцев. — Ваше предположение было удивительно правильным.

— Да, — подтвердил Кауш. — Разве я вам не говорил? Прошу вас выплатить выигрыши.

Медленно отсчитал хозяин аттракциона перед каждым на столе по три тысячи секвинов.

— Удивительно. — Он задумчиво посмотрел на резервуар. — Видите ли вы еще какое-нибудь предзнаменование?

— Ничего, что могло бы подсказать победу. Но, тем не менее, я сделаю ставку. Сто секвинов на черного.

— Я тоже, — присоединился к нему Видиш.

Хозяин колебался, провел рукой по подбородку, посмотрел на сидящих.

— Странно! — Он посадил угрей в резервуар. — Все ли ставки сделаны?

Его рука лежала на крышке. Будто бы нервничая, он дважды простучал ногтями по крышке.

— Хорошо, я открываю шлюз.

Он нажал на рычаг и быстрым шагом перешел к другому концу канала.

— И появляется — какой цвет? Черный!

— Отлично, — заявил Кауш. — Наконец-то мы сможем получить возмещение за все те годы, когда мы выбрасывали свои секвины на ваших чертовых угрей! Выплачивайте пожалуйста выигрыши!

— Конечно, — прокряхтел хозяин. — Но я не могу больше работать. У меня заболели суставы. Гонки угрей окончены.

Рейт и помощник сразу же возвратились обратно в сарай. Молодой человек надел розовую одежду, шапочку и поспешил исчезнуть.

Рейт и Шазар вернулись через старый город к калитке, где они встретили хозяина аттракциона, промчавшегося мимо них в развевающемся белом одеянии. На обычно благообразном лице выступили красные пятна. В руке его была крепкая палка, которой он размахивал быстро и угрожающе.

Кауш и Видиш ждали их на набережной. Кауш передал Рейту радующий душу тугой кошелек.

— Твоя доля в выигрыше: четыре тысячи секвинов. День был очень поучительным.

— Мы хорошо провернули это дело, — похвалил Рейт. — Наши отношения помогли обеим сторонам. А на Чае это случается довольно редко.

— Что касается нас, то мы сразу же поедем обратно в Зсафатру, — объявил Кауш. — А что собираешься делать ты?

— Меня зовут срочные дела. Мы тоже — моя спутница и я — отправимся в путь как можно скорее.

— В таком случае, всего вам доброго.

И трое зсафатранцев отправились своей дорогой. Рейт зашел на базар, где сделал некоторые покупки. Вернувшись в гостинцу, он подошел к комнате Зэп 210 и постучал в дверь. Его сердце забилося от ожидания.

— Кто там? — раздался тихий голос девушки.

— Я, Адам Рейт.

— Минуточку.

Дверь открылась. Зэп 210 стояла перед ним с красным и заспанным лицом. На ней была куртка, которую она просто надела через голову.

Рейт высыпал свертки на кровать.

— Это, это, это и это — для тебя.

— Для меня? Но что это?

— Посмотри сама.

Недоверчиво поглядывая на Рейта, Зэп 210 развернула свертки и какое-то время смотрела на вещи, которые были в них завернуты.

Рейт нетерпеливо спросил:

— Нравятся они тебе?

Она обиженно посмотрела на него:

— Ты хочешь, чтобы я была такой же, как и все остальные?

Рейт беспомощно стоял посреди комнаты. Такой реакции он никак не ожидал. Он осторожно объяснил:

— Мы отправляемся в путешествие. И будет лучше, если как можно меньше будем выделяться среди остальных. Ты помнишь гжиндр. Мы должны быть одеты так же, как и люди, с которыми мы будем ехать.

— Я понимаю.

— Что нравится тебе больше всего?

Зэп 210 взяла в руки темно-зеленое платье, положила его обратно; она осматривала темно-оранжевую куртку и бежевые штаны, затем — довольно дерзкое светло-коричневое платье с черной жилеткой и черной короткой накидкой.

— Я не знаю, нравится ли мне вообще что-нибудь из этого.

— А ты примерь что-нибудь.

— Сейчас?

— Конечно!

Она подняла сначала одно платье, потом другое, затем она выразительно посмотрела на Рейта. Он смутился:

— Прекрасно, я ухажу.

У себя в комнате он надел то, что приобрел для себя: серые штаны до щиколоток, темно-синюю куртку. Серую рабочую куртку он решил

выбросить. Отложив ее в сторону, он почувствовал очертания папки, которую после небольших раздумий засунул в свою новую куртку. Иметь такие документы — это, как минимум, редкая ценность, если не больше. Он вышел в холл. Вскоре появилась и Зэп 210. На ней было темно-зеленое платье.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

Рейт не смог сказать ей, что вспомнил их первую встречу: нервный, запущенный, закутанный в черный плащ ребенок; бледный и мрачный. Она сохранила что-то от того задумчивого, безрадостного вида, но бледность лица сменилась ровным цветом слоновой кости. Черные волосы локонами вились над лбом и ушами.

— Я просто прикинул, хорошо ли на тебе сидит платье, — соврал Рейт.

Она немножко скривила лицо: губы дрогнули, что было похоже на слабую улыбку.

Они вышли на улицу и отправились к кораблю «Ниахар». Немного словного шкипера они нашли в салоне, где он разбирался с какими-то счетами.

— Вы хотите заказать места до Казаина? Остались свободными лишь большая каюта за семьсот секвинов и за двести секвинов две койки в кубрике команды.

Глава 9

Над Вторым Морем стоял мертвый штиль. Движимый своей реактивной системой, «Ниахар» вышел из бухты. Урманк медленно скрылся из поля зрения.

«Ниахар» скользил совершенно беззвучно, не считая плеска волн под форштевнем, рассекавшим воду. На корабле были и другие пассажиры: две старые, закутанные в серые шали, женщины с восковыми лицами. Они лишь ненадолго появились на палубе, а затем снова заползли в свои маленькие каморки.

Рейт был очень доволен большой каютой. Она была величиной от борта до борта и имела три больших иллюминатора, в которые хорошо было видно море. В нишах у ботов стояли удобные кровати, такие же мягкие, как и все, виденные Рейтом на Чае, если не мягче. Посредине стоял массивный стол из черного, покрытого резьбой дерева и два таких же массивных стула, по одному с каждого конца. Зэп 210 осмотрела каюту с недовольным видом. Сегодня на ней были бежевые штаны и оранжевая блузка. Она выглядела раздраженной и нервной. Неожиданно дернулась назад, снова остановилась, все время сжимая и разжимая пальцы.

Рейт растерянно смотрел на девушку и старался поточнее определить ее настроение. Она не решалась посмотреть на него или ответить взглядом. Наконец он спросил:

— Тебе нравится корабль?

Она медленно повела плечами.

— Такого я еще никогда не видела.

Она подошла к двери, обернулась и бросила ему недовольную улыбку — неопределенную гримасу, после чего вышла на палубу.

Рейт почти сразу же последовал за ней. Он поднялся по трапу на смотровую палубу и увидел там Зэп 210. Она облокотилась на ограждение и стала смотреть назад, на пройденное ими расстояние. Рейт сел на скамейке неподалеку и собрался под бледно-коричневыми лучами принять солнечную ванну. Но вместо этого он ломал голову над ее поведением. Она была женщиной, и от природы ее поведение должно было быть непредсказуемым. Но она превзошла самое себя. Многие манеры поведения она выработала еще в подземельях, но они в большей степени уже выветрились. После выхода на поверхность она постаралась забыть свою прежнюю жизнь и сбросить свое прошлое, как насекомые сбрасывают кожу. «В остальном же, — размышлял Рейт, — она продолжала жить со своим старым характером, не приобретая пока нового...» Эти мысли мучили Рейта. Одна из причин притягательности девушки, ее привлекательности — или что еще могло быть — в ее невинности, ее открытости... Открытость? Рейт даже издал скептический возглас: «Ничего подобного». Он подошел к девушке.

— О чем ты все время так серьезно думаешь?

Покосившись, Зэп 210 бросила на него ледяной взгляд.

— Я думала о себе и огромном Гхауне, вспоминала о своей жизни во тьме. Теперь я знаю, что под землей я была еще как бы не родившейся. Все те годы, что я беззвучно там существовала, люди на поверхности наслаждались многообразием красок, жизнью и воздухом.

— Значит ты из-за этого вела себя так странно?

— Нет! — вдруг страдальчески закричала она. — Не потому! Причина этого — ты со своей таинственной деятельностью! Ты мне вообще ничего не объясняешь. Я не знаю, ни куда мы едем, ни как ты потом со мной собираешься поступить.

Рейт наморщил лоб и посмотрел на темную, бурлящую воду под килем.

— Мне это до конца еще и самому неясно.

— Но что-то же ты должен знать!

— Да. Когда я приеду в Сивиш, я собираюсь отправиться на свою родную планету, которая находится очень далеко.

— А что же будет со мной?

«А что же будет с Зэп 210?» — спросил сам себя Рейт. Вопрос, о котором он пока старался не думать.

— Я не уверен, захочешь ли ты лететь вместе со мной, — несколько запинаясь сказал он.

Слезы навернулись на ее глаза.

— А куда же я еще могу деться? Неужели мне нужно будет стать нищенкой? Или гжиндрой? Или носить в Урманке оранжевый платок? Или мне лучше умереть.

Она отвернулась и пошла в носовую часть мимо группы матросов с ужасными лицами, которые наблюдали за девушкой.

Рейт снова сел на скамейку. День клонился к концу. Черные тучи на севере обещали холодный бриз. Поставили паруса, и корабль быстрее поплыл вперед. Зэп 210 вскоре вернулась со странным выражением на лице. Она печально и жалобно посмотрела на Рейта и спустилась в каюту.

Рейт пошел за ней и обнаружил ее на одной из двух кроватей.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет.

— Лучше выйди на воздух. Здесь внутри будет еще хуже.

Она поднялась на палубу.

— Смотри на горизонт, — посоветовал Рейт. — Если корабль движется, держи голову на одном уровне. Если ты некоторое время будешь так делать, тебе станет лучше.

Зэп 210 вцепилась в поручни. Теперь тучи угрожающе висели прямо над их головами, а ветер утих. «Ниахар» с провисшими парусами покачивался на воде. Небо прорезала пурпурная молния, косо устремилась вниз и ударила в море — раз, второй, третий с интервалами в какие-то секунды. Зэп 210 испуганно вскрикнула и отскочила назад. Рейт схватил ее и, когда ударил гром, взял ее за руки. Девушка сделала нетерпеливое движение. Рейт поцеловал ее в лицо, в лоб, в губы.

Солнце село в размытое, торжественное обрамление из золотого, коричневого и черного цветов. Вместе с сумерками начался дождь. Рейт и Зэп 210 вернулись в свою каюту. Стоюард накрыл им ужин: паштеты, морские растения, бисквит. Они ели и смотрели при этом на море, на дождь и молнии. Наконец, в эту грозовую ночь они стали парой влюбленных.

В полночь тучи развеялись, и на небе засверкали звезды.

— Посмотри наверх, — сказал Рейт. — Между звездами находятся другие планеты с людьми. Одна из них называется Земля.

Он вздохнул. Зэп 210 лежала на кровати и слушала его. Непонятно почему, Рейт не мог говорить дальше, и вскоре она заснула.

«Ниахар», покачиваясь под попутными ветрами, скользил среди пенящихся волн Второго Моря. Перед ними появился мыс Браиз.

Корабль причалил у старого каменного города Штаина, чтобы взять на борт воды. Затем они поплыли дальше в Шанизаду.

Примерно через тридцать километров Рейт увидел большую косу, которая отходила от берега и выдавалась на запад. Прибрежный лес с темно-синими деревьями скрывал за собой город с невысокими купольными строениями, слегка смещенными фасадами и величественными колоннадами. Рейту показалось, что он узнал этот архитектурный стиль и спросил капитана:

— Это город кешей?

— Это Сонх, самый южный город синих кешей. Я уже как-то возил грузы в Сонх, но это весьма сомнительное предприятие. Нужно иметь представление об играх кешей: фарс вымирающей расы. Я видел руины в степи Котан: сотни руин, где жили раньше старые и синие кеши. А кто может их сегодня отыскать? Наверное, только фанги.

Город остался позади и исчез из вида, в то время, как корабль огибал полуостров с юга. Вскоре после этого внимание всех на палубе привлек крик одного из членов команды. В небе происходило сражение двух воздушных кораблей. Один из них был блестящим аппаратом из синего и белого металла, украшенный рядом великолепных арок. Палубу его окружала балюстрада, на которой стояли двенадцать существ в блестящих шлемах. Второй корабль был простой и без украшений: мрачное, уродливое, серое сооружение, сплывшее лишь средством для достижения целей. Он был несколько меньше, но подвижнее, чем корабль синих кешей. На корме затаилась команда дирдиров и напряженно думала о том, как бы уничтожить корабль кешей. Воздушные корабли кружились, взлетали выше и снова опускались, жужжа, словно гигантские ядовитые насекомые. Время от времени, когда предоставлялась возможность, корабли обстреливали друг друга из пескоизлучателей, не нанося, правда, врагам более или менее ощутимого вреда. Блестящие корпуса взлетали высоко вверх, чтобы, вращаясь вокруг противника, снова опуститься почти к самой воде.

Все высыпали на палубу, чтобы понаблюдать за боем; даже две старые женщины, которые до этого почти никогда не показывались. Пока они обе смотрели на небо, ветер сорвал у одной с головы капюшон и обнажил узкое бледное лицо. Зэп 210, стоявшая возле Рейта, тихо охнула и быстро отвела взгляд.

Корабль синих кешей неожиданно резко пошел вниз. Носовые орудия снизу ударили по кораблю дирдиров, его подбросило вверх. Он получил сквозную пробоину, после чего летающая крепость дирдиров упала в море и утонула в беззвучном всплеске воды. Аппарат синих кешей, описав еще один большой круг, полетел в направлении Сонха.

Старые женщины исчезли под палубой. Зэп 210 дрожащим голосом спросила:

— Ты заметил?

— Да.

— Это гжиндры.

— Ты уверена?

— Да, это они.

— Можно предположить, что гжиндры тоже, как и другие люди, путешествуют, — без уверенности в голосе сказал Рейт. — По крайней мере, до этого времени они нас не обижали.

— Но ведь они здесь, здесь, на борту корабля! Они ничего не делают, не имея на это оснований!

Рейт был настроен скептически.

— Возможно, это и справедливо, но что мы можем им противопоставить?

— Можем их убить!

«При всем своем хорошем воспитании и сдержанности Зэп 210 оставалась созданием Чая», — подумал Рейт. Он пообещал:

— Мы все время будем держать их в поле зрения. Теперь, когда мы уже об этом знаем, а они еще не знают, что мы знаем, у нас есть преимущество.

Но это не успокоило Зэп 210. Тем не менее, Рейт не решился подкараулить этих двух старух в темноте и там придушить.

Путешествие продолжалось дальше на юго-запад по направлению к островам Сашан. Дни проходили без достойных внимания событий. Каждое утро над горизонтом поднималась Карина 4269, распространяя матово-бронзовое или бледно-розовое свечение. До обеда образовывалась густая дымка, фильтровавшая солнечные лучи и создававшая волшебное впечатление серебряного блеска на волнах. Дни тянулись долго, закаты были печально-величественными: символические сражения между героями света и властителями тьмы. Когда наступали ночи, появлялись луны: сначала розовый Эз, вскоре за ним голубой Брез, и «Ниахар» продолжал свой путь под звездным шатром.

Для Рейта это были бы самые счастливые дни и ночи, которые довелось пережить ему на Чаяе, если бы не всеохватывающая внутренняя тревога: что могло ждать его в Сивише? Не найдет ли он там космический корабль поврежденным или разрушенным? Что случилось с подлым Аилой Вудивером? Как обстояло дело с дирдирами и их кошмарным городом на другой стороне пролива? И чего хотели те две старые женщины, которые, по всей видимости, были гжиндрами? Они появлялись только по ночам и прогуливались по палубе. Однажды Рейт наблюдал за ними, и волосы дыбом встали у него на затылке. Это могли быть и гжиндры, а могли и не быть. Но из-за недостатка

доказательств Рейт чувствовал, что должен предполагать наихудшее. Опыт пребывания на Чае подсказывал ему, что надо быть начеку. Его охватывали ушные подозрения.

Было бледно-коричневое утро, когда в море появились острова Сашан: три старых, покрытых валунами вулкана, на которых росли небольшие леса из псилл, киант, лаковых и хлебопленных деревьев. На каждом из островов на самой вершине посередине возвышался город — хижины, прижимавшиеся вплотную друг к другу, как соты в улье. Черные пустые окна смотрели на море. В небо поднимались струйки дыма.

«Ниахар» вошел в бухту, увернулся от какого-то баркаса и приблизился к южному острову. На причале их ждали кривоногие сашанские грузчики в черных штанах и черных сапогах с блестящими голенищами и закрученными вверх носами. Они поймали брошенные с «Ниахара» тросы и закрепили корабль. Как только сходни были установлены, грузчики бросились на борт. Они открывали люки, выгружали на причал тюки с кожей, мешки с сушеной травой паломников, ящики с оборудованием.

Рейт и Зэп 210 сошли на берег. Капитан строго закричал им вслед:

— Ровно в двенадцать часов дня я выхожу опять в море, независимо от того, будете вы на борту или нет.

Они прогулялись по бульвару до вершины горы и ее неестественного ожерелья из хижин. Зэп 210 осторожно оглядывалась назад:

— Они идут за нами.

— Гжиндры?

— Да.

Рейт недоверчиво пробормотал:

— Значит, это действительно так. У них есть указание не упускать нас из виду.

— А мы уже ничем не лучше мертвых, — бесцветно сказала Зэп 210. — В Кахаине они предоставят пнумам отчет, и тогда для нас уже не будет спасения. Нас снова вернут во тьму.

Рейт не знал, что ей ответить. Они вышли к небольшому портовому заливу. В море выдавались два мола, между которыми оставался лишь небольшой проезд для кораблей. Рейт и Зэп 210 остановились и стали наблюдать, как паром с другого острова подходил ближе: широкий морской лихтер с рулевыми рубками на обоих концах корабля, перевозивший около двухсот саженцев разных классов и видов. Он осторожно вошел в пролет и остановился. Пассажиры сошли на берег. Столько же людей подошли к стоящему на причале человеку, продававшему билеты на паром, после чего поднялись на борт. Паром сразу же отплыл. Рейт наблюдал, как он плыл по воде. Затем

повел Зэп 210 к небольшому домику неподалеку от причала, в котором стояли столы и лавки. Рейт заказал у официанта сладкое вино и бисквит, затем поговорил с толстым кассиром. Зэп 210 нервно оглядывалась по сторонам. Ей показалось, что в тени под лестницей она увидела две одетые в серое фигуры. «Они задают себе вопрос, что мы собираемся делать», — сама себе сказала Зэп 210.

Вернулся Рейт.

— Следующий паром уходит почти через час — за несколько минут до двенадцати. Наши билеты уже оплачены.

Зэп 210 недоуменно смотрела на него.

— Но в двенадцать часов мы должны уже быть на борту «Ниахара»!

— Правильно. Гжиндры где-то поблизости?

— Они заняли место как раз напротив нас.

Рейт ежидно усмехнулся.

— Мы подкинем им орешек, который им может оказаться не по зубам.

— Какой же это? То, что мы поедем на пароме?

— Примерно так.

— Но почему они должны в это поверить? Ведь это кажется таким странным.

— Ни в коем случае. У одного из других островов может ждать корабль, который доставит нас в нужное нам место, неизвестное им.

— А есть ли такой корабль на самом деле?

— Нет, насколько я знаю.

— Но если мы поедем на пароме, то гжиндры последуют за нами.

А «Ниахар» выйдет в море без нас!

— Очень может быть. Капитан по этому поводу особо беспокоиться не будет.

Проходили минуты. Зэп 210 стала нервничать.

— Скоро уже двенадцать.

Она смотрела на Рейта и задавала себе вопрос: «Что творится у него в голове?» Ни один другой человек на Чае — во всяком случае, из тех, которых она встречала — не был на него похож. Он был совершенно из другого теста.

— Вон плывет паром, — сообщил Рейт. — Пойдем ближе к сходням. Нам нужно оказаться первыми в очереди.

Зэп 210 встала. Она никогда не понимала Рейта. Она молча пошла за ним в зону ожидания. Другие люди присоединились к ним, толкались, крутились и бормотали. Рейт спросил:

— Что делают гжиндры?

Зэп 210 оглянулась.

— Они стоят в конце очереди.

Паром вошел в порт, открылись шлагбаумы и пассажиры высыпали на берег.

Рейт прошептал на ухо Зэп 210:

— Иди вплотную к будке кассира. Когда будешь проходить мимо, втиснись в нее.

— Да.

Шлагбаум перед ними поднялся. Рейт и Зэп 210 полупошли, полупобежали вниз к парому. У будки кассира Рейт втянул голову в плечи и проскользнул внутрь. Зэп 210 последовала за ним. Пассажиры парома проходили мимо них, платили деньги контролеру и проходили на корабль. Гжиндры прошли почти в самом конце, внимательно осматривая толпу людей перед собой. Вместе с толпой они спустились по пандусу вниз и поднялись на борт.

Шлагбаум снова опустился, паром отплыл. Рейт и Зэп 210 выскочили из деревянной будки.

— Уже почти двенадцать, — напомнил Рейт. — Самое время возвращаться на борт «Ниахара».

Глава 10

Ураганные ветры гнали «Ниахар» на юго-восток к побережью Кослована. Море было почти черным. Большие волны, поднимавшиеся и переклестывавшие через корабль, пенились и шипели.

В одно такое штормовое утро Зэп 210 подошла к Рейту, стоявшему на носу. Какое-то время она смотрела вперед на вздымающиеся волны, туда, где Карина 4269 бросала на воду блики и рассеянные золотистые точки света.

Зэп 210 спросила:

— Что ждет нас?

Рейт покачал головой:

— Этого я не знаю. Мне бы очень хотелось знать ответ на этот вопрос.

— Но у тебя озабоченный вид. Ты чего-то боишься?

— Я опасаясь человека по имени Аила Вудивер. Я не знаю, жив он или уже мертв.

— Кто такой этот Аила Вудивер, которого ты так боишься?

— Человек из Сивиша, ужасный человек. Я надеюсь, что он уже мертв. Меня захватили в полусонном состоянии. В этом полусне я видел, как голова Аилы Вудивера была расколота.

— Почему же ты тогда беспокоишься?

«Рано или поздно мне все равно придется выложить все карты на

стол, — думал Рейт. — Наверное, сейчас для этого самое подходящее время».

— Ты помнишь ту ночь, когда я тебе рассказывал, что между звездами существуют и другие планеты?

— Да.

— Одна из этих планет называется Земля. В Сивише я при помощи Айлы Вудивера построил космический корабль. Я хочу возвратиться на Землю.

Эп 210 смотрела на воду.

— Зачем ты хочешь полететь на Землю?

— Я там родился. Там моя родина.

— О! — охнула она.

После небольшой паузы, длившейся несколько секунд, она искоса посмотрела на него.

Рейт жалобно спросил:

— Ты, наверное, хочешь спросить, не сошел ли я с ума?

— Такой вопрос я себе задавала очень часто. Бесчисленное количество раз.

Рейт и сам иногда сомневался, в ясном ли он уме, но тем не менее, ее ответ его задел.

— Действительно?

Она улыбнулась своей обычной печальной улыбкой.

— А ты вспомни все, что ты делал. В подземельях. В роще хоров. А потом и в Урманке, когда подменял угрей.

— Отчаянные действия, поступки разозлившегося земного мужчины.

Эп 210 задумчиво посмотрела на бушующий океан.

— Если ты человек с Земли, то что же ты делаешь здесь, на Чае?

— Мой космический корабль потерпел катастрофу в степи Котан. В Сивише мне удалось построить новый.

— Хм-м. А что, Земля — это такой рай?

— Люди на Земле ничего не знают о Чае. Это очень важно, чтобы они о нем узнали.

— Зачем?

— По многим причинам. Самая важная: дирдиры однажды уже напали на Землю; они могли бы принять решение снова на ней появиться.

Эп 210 снова искоса посмотрела на него.

— У тебя на Земле есть друзья?

— Конечно.

— Ты жил там в своем доме?

— Так сказать.

— У тебя есть жена? И дети?

— Ни жены, ни детей. Всю мою жизнь я был астронавтом.

— А когда ты вернешься — что тогда?

— Пока что мои планы не простираются дальше Сивиша.

— Ты возьмешь меня с собой?

Рейт обнял ее за плечи.

— Да, я возьму тебя с собой.

У Зэп 210 вырвался облегченный вздох. Через некоторое время она показала рукой вперед.

— За тем местом, где отражается солнце, остров.

Остров — большой утес из голого черного базальта — был первым из множества ему подобных, покрывавших поверхность воды перед ними. Они служили обиталищем для стаи морских разбойников, с которыми Рейту раньше встречаться не приходилось. Четыре пере-ливающих крыла несли на себе болтающиеся блестящие розовые щупальца, между которыми виднелась гибкая трубка, на конце ее был виден жабий глаз. Эти уроды парили то высоко вверх, то над самой водой; иногда они резко падали на воду и поднимались, держа в щупальцах небольших морских обитателей. Несколько из них подле-тели к «Ниахару». Команда испуганно отпрянула и поспешила найти убежище.

Капитан, который тоже находился на палубе, с отвращением фыр-кнул.

— Мужчинам эта мерзость напоминает внутренности и глаза пья-ного матроса. Мы плывем сейчас по Каналу Смерти. Вон те скалы называются Зубы Мертвеца.

— А как же можно здесь управлять судном ночью?

— Этого я не знаю, — ответил капитан. — Так как еще никогда этого не делал. Это и днем весьма рискованное занятие. Каждую скалу окружают обломки сотен корабельных корпусов и горы обглоданных костей. Вы видите там вдалеке возвышенность? Там уже Кослован! Завтра мы бросим якорь в порту Казаина.

Наступил вечер. По небу ползли длинные вереницы туч, и вокруг засвистел ветер. Капитан ввел «Ниахар» в тихую заводь возле одной из самых больших черных скал и подвел его почти вплотную к черным камням, так что нос и борта почти соприкасались с каменным остро-вом. Здесь и был брошен якорь. «Ниахар» достаточно надежно по-качивался на волнах, в то время, как ветер превратился в завывающий ураган. Волны, величиной с дом, перекатывались через черные утесы. Брызги поднимались высоко вверх и снова падали в море. Море пенилось и вздымалось. «Ниахар» переваливался с боку на бок, якорная цепь натягивалась и звенела, а потом снова ослабевала.

С наступлением темноты ветер стих. Еще долго на разбушевав-шемся океане вздымались и опускались волны. Но уже при восходе солнца впереди показались Зубы Мертвеца. Они поднимались, слов-

но архаичные памятники, из спокойного, как коричневое стекло, моря. За ними лежал материк.

При помощи двигателей они двинулись между Зубами Мертвеца. К полудню «Ниахар» вошел в узкую и длинную бухту, а ближе к вечеру они уже причалили к пристани Казаина.

На причале стояли два дирдир—человека и наблюдали за «Ниахаром». Они принадлежали к высокой касте, возможно даже, к Безупречным. Это были молодые и благородные мужчины. Искусственные антенны на их головах подрагивали и блестели. У Рейта сильно забилося сердце из-за опасения, что они высланы для того, чтобы взять его под стражу. В этой непредвиденной ситуации он не видел возможного выхода. Его даже прошиб пот. Но те двое на причале развернулись и отправились в направлении поселения дирдиров в конце бухты.

В порту не нужно было выполнять никаких формальностей. Рейт и Зэг 210 взяли свою поклажу и без приключений добрались до станции электроповозок. Одна из восьмиколесных повозок как раз собиралась отправляться через перевалы Коспована. Рейт заплатил за самые удобные места, имеющиеся в наличии: маленькое отдельное купе на третьем этаже с двумя гамаками и выходом на смотровую палубу.

Ранним вечером повозка остановилась возле уединенной гостиницы, где все сорок три пассажира получили ужин. Более половины из них казались серыми, происхождение же остальных Рейту определить не удалось. Двое из них могли быть кочевниками из Котана; некоторые, по всей вероятности, были сашанцами. Две желтолицые женщины в черных чешуйчатых платьях были с большой вероятностью представительницами обитателей болот с северного побережья Второго Моря. Разные группы людей старались как можно меньше внимания обращать друг на друга; они ели и сразу же возвращались обратно в повозку. Но это равнодушие, как уже было известно Рейту, было показным. На самом деле каждый тщательно рассматривал соседа.

Еще до рассвета следующего дня повозка тронулась дальше и к рассвету она проехала по краю большого плато. Карина 4269 взошла на небо и осветила широкую саванну, поросшую алауном, деревьями—виселицами, огромными грибами и зарослями травы и мха.

Так прошел этот день и четыре следующих. Рейт почти не воспринимал путешествия из-за нарастающего беспокойства. В подземельях, в бесконечном подземном канале, у побережья Второго Моря, в Урманке, даже на борту «Ниахара» он сохранял спокойствие и принуждал себя быть терпеливым. Но напряжение было весьма сильным. Он надеялся, боялся, молил, чтобы повозка ехала быстрее;

он боялся даже подумать о том, что он обнаружит в сарае на краю соляной равнины за Сивишем.

Повозка ехала по плато вниз, сквозь каменистую гранитную пустыню, по местности, населенной угрюмыми серыми. Появились следы пребывания дирдиров: серая застроенная пурпурными и ярко-красными остроконечными башнями гора. Оттуда хорошо просматривалась большая равнина, со всех сторон окруженная отвесными скалами, служившая дирдирам охотничьим заповедником. На шестой день перед ними появилась горная цепь — обратная сторона той, которая была видна из Сивиша и Хея. Путешествие почти закончилось. Всю ночь электроповозка катилась по покрытой пылью дороге под светом розовой и голубой лун.

Луны сели за горизонт. На востоке небо заалело цветом высохшей крови. Предраассветные сумерки переливались разными цветами: ярко-красным, оранжево-коричневым, темно-золотистым. Перед ними показались залив Айзан и нагромождение домов Сивиша. Через два часа электроповозка остановилась возле моста на центральной станции Сивиша.

Глава 11

Рейт и Зэп 210 в обычной людской толпе, состоявшей из серых, идущих на свою смену на фабрику Хея или возвращавшихся домой людей, перешли через мост.

Они сели в маршрутную повозку. Кривые кварталы Сивиша остались позади. Они доехали до южной станции, после чего повозка отправилась на восток, к побережью Айзана. Перед ними лежала соляная равнина и улица, которая вела к дому Аилы Вудивера.

Все казалось таким же, как и раньше: невысокие холмы из щебня, песка и шлаков; кучи кирпича и гравия. В стороне стояла эксцентричная контора Вудивера, за ней — сарай. Нигде не было никаких признаков жизни. Не было ни рабочих, ни машин. Большие двери сарая были закрыты, стены покосились еще больше, чем прежде. Рейт ускорил шаг. Он хотел быстрее пройти вдоль улицы. Зэп 210 следовала за ним. Иногда ей приходилось переходить на бег, чтобы за ним угнаться.

Рейт дошел до двора и осмотрелся. Пусто. Ни шагов, ни звука — тишина. Сарай, казалось, скоро должен был завалиться, как будто он пострадал от взрыва. Рейт подошел к боковой двери и заглянул внутрь. Внутри было пусто, космический корабль исчез. Крыша была сорвана и вниз свисали ее обломки. Монтажная платформа и полки для инструментов представляли собой гору хлама.

Рейт отпрянул и стал смотреть на соляную равнину. И что теперь?

Все смешалось. Голова его была абсолютно пустой. Он медленно отошел от сарая. Над воротами кто-то нацарапал «ОНМАЛЕ». Это было название эмблемы, которую носил Трез, когда они встретились с Рейтом в степи Котан. Слово это укололо сознание Рейта. Что случилось с Трезом и Анахо?

Он подошел к конторе и заглянул внутрь. На диване Вудивера лежал незнакомый старый человек и спал. Рейт постучал по стене. Старик проснулся, открыл сначала один глаз, а затем и второй. Он накинул на плечи серое пальто и встал.

— Кто здесь? — крикнул он.

Рейт осторожно спросил его:

— Где люди, которые здесь работали?

Дверь наполовину раскрылась. Старик вышел наружу и внимательно посмотрел на Рейта, окинув его взглядом с головы до ног.

— Кто вы такой, что не знаете новостей Сивиша?

— Путешественник, — сказал Рейт, делая над собой большое усилие, чтобы говорить спокойно. — Что здесь произошло?

— Вы выглядите так, как человек по имени Адам Рейт, — произнес старик — По крайней мере, так он был описан. Но Адам Рейт смог бы назвать имя локара и имя танга, которые известны только ему.

— Зарфо Детвайлер — так звали локара; другого же звали Иссам Танг.

Старик неуверенно посмотрел вдаль. Его глаза недоверчиво остановились на Зэп 210.

— А это кто?

— Подруга. Она знает меня, как Адама Рейта, ей можно доверять.

— Идите сюда. Я задам вам еще один вопрос.

Он отвел Рейта в сторону и прошептал ему на ухо:

— В Коаде Адам Рейт встретил одного благородного йао.

— Его имя Дордолио. Ну, и какое же у тебя послание?

— У меня нет никакого.

Рейт был настолько нетерпелив, что почти потерял самообладание.

— Зачем же ты задавал мне все эти вопросы?

— Потому, что у Адама Рейта есть друг, который хочет его видеть. Я должен отвести Адама Рейта к его другу — по моему собственному усмотрению.

— Кто этот друг?

Старик помахал пальцем.

— Тсс! Я не отвечаю на вопросы. Я действую только в соответствии с указаниями, больше ничего, и этим зарабатываю себе деньги.

— Ну ладно, какие же у тебя указания?

— Я должен проводить Адама Рейта в определенное место. После этого мое задание выполнено.

— Тоже неплохо. Тогда пойдем.

— Пошли.

Старик пошел вдоль улицы. Рейт и Зэп 210 пошли за ним. Старик остановился.

— Ей нельзя. Только вы.

— Она тоже должна идти.

— Тогда мы никуда не пойдем, и я ничего не знаю.

Рейт доказывал, ругался, пытался подкупить. Никакого успеха. Наконец он спросил:

— Далеко ли это место?

— Совсем рядом.

— Километр? Два километра?

— Совсем недалеко. Мы вернемся очень скоро. Зачем вы себя обижаете? Женщина никуда не убежит. Если же это случится, то вы найдете себе другую. Так я поступал, когда был молодым человеком.

Рейт внимательно осмотрелся вокруг: улица, разбросанные по краю соляной равнины хижин, сама соляная равнина. Ни души: по крайней мере, ничего хорошего. Рейт посмотрел на Зэп 210. Она ответила на его взгляд неуверенной улыбкой. Подсознательно Рейт отметил, что сегодня Зэп 210 впервые улыбнулась — дрожащая, непонимающая улыбка, но, тем не менее, настоящая. Рейт меланхолично попросил:

— Иди в хижину и запри изнутри засов. Никому не открывай. Я скоро вернусь.

Зэп 210 вошла в хижину. Дверь закрылась, послышался звук задвигаемого засова. Рейт сказал старику:

— Теперь поторопись. Отведи меня к моему другу.

— Вот сюда.

Старик молча пошел вдоль по улице и вскоре повернул на дорогу, которая вела к нагромождению хижин на краю равнины.

Рейт заинтересовался:

— Кто тот человек, к которому мы идем?

— Друг Адама Рейта.

— Это... Аила Вудивер?

— Я не уполномочен называть какие бы то ни было имена. Я не имею права вам ничего говорить.

Старик подошел к хижине, стоявшей несколько поодаль от других, — старому, потрескавшемуся кирпичному строению. Он приблизился к двери, постучал и отошел на несколько шагов.

Изнутри послышался шорох. За единственным окошком было заметно какое-то движение. Дверь распахнулась. Из-за нее выглядывал Анке ат афрам Анахо. Рейт глубоко и облегченно вздохнул. Старик крикнул:

— Это тот человек?

Анахо ответил:

— Да, это Адам Рейт.

— Тогда давайте мне мои деньги. Я рад, если это задание я выполнил.

Анахо зашел в дом и вернулся с кошельком, в котором позванивали секвины:

— Вот твои деньги.

Старик взял кошелек и исчез.

Рейт спросил:

— Где Трез? Что с космическим кораблем?

Анахо покачал головой:

— Мне это неизвестно.

— Что?

— Произошло следующее: гжиндры тебя увели. Аила Вудивер был ранен, но не умер. Через три дня пришли дирдир-люди и увели его в Стекланный Дом. Он визжал, умолял, кричал, но они уволокли его. Позднее я слышал об охоте на него — это было достойное зрелище, так как он носился по полю, как степной волк, и визжал во всю глотку. Когда дирдир-люди забирали Аилу Вудивера, они обнаружили космический корабль; мы боялись, что они вернутся обратно. Космический корабль был готов к старту и поэтому мы решили спрятать его подальше от Сивиша. Я сказал, что останусь и буду ждать тебя. Ночью Трез и техники подняли корабль в воздух и полетели в какое-то место, которое — как сказал Трез — тебе известно.

— Куда? — спросил Рейт.

— Я этого не знаю. Я ничего не хотел об этом знать, чтобы меня не смогли принудить это выдать в случае, если меня схватят. Трез написал на сарае «Онмале». Он объяснил, что тебе станет понятно, куда нужно прибыть.

— Идем обратно в сарай. Я там оставил одну девушку.

Анахо поинтересовался:

— Тебе известно, что он имел в виду под словом «Онмале»?

— Я думаю, что да, хотя и не совсем уверен.

Они пошли обратно к сараю. Рейт спросил:

— У нас еще есть планер?

— Шифр для его получения находится у меня, и я не вижу причин, по которым могли бы возникнуть трудности.

— Дела не так плохи, как я опасался. Я сделал целый ряд интересных открытий.

Он поведал Анахо кое-что из своих приключений.

— Я сумел убежать из подземелий. Но гжиндры шли за нами по всему побережью Второго Моря. Может быть, их наняли хоры, а может быть, нам выслали их вслед пнумы. Возможно, что эти же самые гжиндры поднялись за нами на борт «Ниахара». Насколько мне известно, они до сих пор находятся на островах Сашан. С тех пор мы за

собой преследования не замечали, и я с удовольствием покинул бы Сивиш еще до того, как они нападут на наш след.

Они шли вдоль по улице, ведущей к старому сараю Вудивера. Вдруг Рейт остановился, словно прирос к земле. Случилось то, чего он — в глубине души — больше всего опасался.

Дверь в контору была открыта. Рейт побежал. Анахо не отставал от него.

Зэл 210 нигде видно не было: ни в бюро, ни в разваливающемся сарае. Она исчезла.

Прямо перед конторой земля была влажной. На ней четко отпечатались следы маленьких босых ног.

— Гжиндры, — сказали Анахо. — Или пнумеки. Больше никому.

Рейт посмотрел на соляную равнину, спокойно лежащую в желто-коричневом солнечном свете. Невозможно ее найти, невозможно закричать и помчаться по соленым болотам и пескам. Что мог он сделать? Невозможно! Ничего нельзя было сделать. А что будет с Трезом, с космическим кораблем и с возвращением на Землю, которое должно было сейчас начаться? Мысли, словно деревянные, проходили через его сознание. От образов оставались только размытые очертания. Рейт сел на старый обитый железом ящик. Анахо некоторое время смотрел на него; его длинное белое лицо отражало грусть и печаль, как у больного клоуна. Наконец он глухим голосом напомнил:

— Нам лучше будет поскорее отсюда убраться.

Рейт потер лоб.

— Я пока еще не могу. Мне нужно немного подумать.

— О чем ты будешь думать? Если ее поймали гжиндры, то ей уже ничем не поможешь.

— Я это знаю.

Рейт посмотрел в направлении гор.

— Ее снова доставят в подземелья. Они повесят девушку над темной пропастью и через некоторое время сбросят ее вниз.

Анахо пожал плечами.

— Эту печальную действительность ты изменить не сможешь, так что лучше забудь ее. Трез ждет нас с космическим кораблем.

— Кое-что я могу сделать, — сказал Рейт. — Я могу пойти за ней.

— В подземелья? Ерунда! Ты никогда не вернешься оттуда обратно!

— Но я уже однажды сумел возвратиться.

— Только из-за благосклонности судьбы.

Рейт встал. Анахо с отчаянием продолжал:

— Ты никогда не вернешься обратно. А что же будет с Трезом? Он вечно будет тебя ждать! Я никак не могу ему сказать, что ты от всего отказался, — я просто не знаю, где его найти.

— Я совсем не собираюсь от всего отказываться,— пообещал ему Рейт.— Наоборот, я очень рассчитываю вернуться обратно.

— Действительно,— съехидничал Анахо.— В этот раз пнумы будут действовать на порядок четче. И они повесят тебя над пропастью рядом с девушкой

— Нет,— не согласился Рейт.— Они не будут меня вешать над пропастью. Я им нужен для Вечности.

Анахо в отчаянии всплеснул руками:

— Я никогда не смогу тебя понять, о твердолобый! Иди в свои подземелья! Не слушай своих верных друзей! Иди к своему несчастью! Когда ты собираешься? Сразу же?

— Завтра,— ответил Рейт.

— Завтра? Зачем же откладывать? Зачем отнимать у пнумов драгоценные секунды общения с тобой?

— Потому что сегодня до вечера я собираюсь провести кое-какую подготовку. Идем со мной. Мы отправимся в город.

Глава 12

На рассвете Рейт стоял на краю соляной равнины. Здесь он со своими друзьями несколько месяцев назад обнаружил, что Аила Вудивер подавал гжиндрам световые сигналы. Рейт держал в руке зеркало. Когда Карина 4269 взошла, он стал водить солнечными зайчиками по равнине.

Прошел час, Рейт продолжал методически пускать зайчики, но без видимого успеха. Неожиданно, словно из ничего, впереди появились две темные фигуры. Они стояли в восьмистах метрах и смотрели в сторону Рейта. Он снова направил на них зайчик. Шаг за шагом приближались они к нему, как будто были в состоянии гипноза. Рейт пошел им навстречу. Медленно они подошли друг к другу и остановились, когда между ними оставалось около пятнадцати метров.

Прошла минута. Все трое смотрели друг на друга. На лица гжиндр падала тень от плоских широкополых шляп; они оба были бледные, и своими длинными узкими носами и блестящими черными глазами чем-то напоминали лисиц. Наконец они подошли ближе. Один из них тихим голосом спросил:

— Ты Адам Рейт?

— Да.

— Почему ты давал нам сигналы?

— Вчера вы пришли и увели с собой мою спутницу.

— Нам поручили это сделать.

— Что вы с ней сделали?

— Мы доставили ее в место, которое нам было указано.

— Где находится это место?

— Там, дальше.

— У вас есть задание схватить и меня?

— Да.

— Ладно, — сказал Рейт. — Вы идите вперед. Я пойду за вами.

Гжиндры шепотом посовещались. Один из них сказал:

— Это невозможно. Нам очень не нравится, когда кто-либо идет позади нас.

— Один единственный раз вы можете это без труда перетерпеть, — ответил на это Рейт. — В конце концов, вы таким образом выполните свое задание.

— Правильно, если это так. Но что, если у тебя возникнет желание при помощи оружия продырявить нас?

— Если бы я этого хотел, то сделал бы уже давно, — успокоил их Рейт. — А сейчас у меня только одно желание: найти мою спутницу и вывести ее снова на поверхность.

Гжиндры снова пошептались; при этом они шевелили уголками своих тонких губ, не выпуская Рейта из поля зрения. Затем они повернулись и медленно пошли по равнине.

Рейт шел за ними на расстоянии около пятидесяти метров. Они использовали самые скрытые тропинки, которые то возникали, то исчезали. Они прошли километр, затем второй. Сарай и контора Вудивера стали совсем маленькими, превратившись в крошечные четырехугольные пятнышки. Сивиш казался размытыми серыми крошками на горизонте.

Гжиндры остановились и повернулись к Рейту, которому показалось, что он увидел в их глазах огоньки дружелюбия.

— Подойди ближе, — предложил один из них. — Здесь тебе нужно встать рядом с нами.

Рейт осторожно приблизился к ним, вытащил энергетическое оружие, которое применял лишь однажды, и показал его им.

— Это очень опасная штука. Я не хочу быть убитым или отравленным газом, а хочу живым попасть в подземелья.

— Не нужно бояться, не нужно бояться! Об этом тебе совершенно не нужно беспокоиться! — одновременно пообещали ему гжиндры. — Спрячь оружие. Мы не сделаем тебе ничего плохого.

Все-таки, приближаясь к гжиндрам, он продолжал держать оружие в руке.

— Ближе, еще ближе, — подбадривали они. — Встань в этот круг на земле.

Рейт встал на обозначенное пятно, которое сразу же стало опускаться вниз. Гжиндры спокойно стояли рядом и были сейчас так близко, что Рейт мог видеть их лица до мельчайшей морщинки. Если

их и испугало оружие Рейта, то они, по крайней мере, этого никак не показали.

Замаскированный лифт спустился вниз на четыре с половиной метра. Гжиндры сошли с площадки и направились в туннель с бетонными стенами; они обернулись и кивнули Рейту.

— Быстрее.

Они перешли на шаркающий бег. Их плащи развевались из стороны в сторону. Рейт не отставал. Ход шел под уклон, и бег не доставлял никаких трудностей. Туннель стал ровным и неожиданно закончился обрывом. Внизу проходил наполненный водой канал. Гжиндры помогли Рейту сесть в лодку и тоже заняли в ней место. Они оттолкнулись от берега, и лодка поплыла по середине канала, который впадал в более широкую водную артерию. Лодка приплыла к пристани. Рейт сошел на берег. Гжиндры пошли за ним, и Рейт увидел на их лицах почти неприкрытое удовлетворение и гордость, чему даже удивился. Они сделали ему знак подождать. Вскоре из тени появился пнумек. Гжиндры пробормотали в воздух несколько слов, которые пнумек, казалось, прослушал; затем они снова сели в лодку и уплыли, окинув Рейта бесцветными, неуверенными и быстрыми взглядами. Рейт стоял на причале вместе с пнумekom, который произнес:

— Идем, Адам Рейт, тебя ждут.

Рейт спросил:

— Где молодая женщина, которую вчера доставили, и что с ней?

— Идем.

— Куда?

— Тебя ждут *зужма касчаи*.

У Рейта по спине пробежали холодные мурашки. Внутри у него зародились слабые опасения, которые он попытался отогнать. Он предпринял некоторые меры безопасности, в которых был уверен. Но их действенность надо было еще проверить.

Пнумек кивнул:

— Пойдем.

Рейт с неясным чувством последовал за ним. Они шли вдоль выложенного черной плиткой извилистого туннеля. Их сопровождали световые эффекты, рефлексy и дрожащие тени. Рейту постепенно стало душно. Проход расширился и превратился в зал с черными зеркалами. Рейт неуверенно шел за пнумekom, и они подошли к колонне посередине, за которой были видны ворота.

— Дальше в Вечность ты должен идти один.

Рейт посмотрел через дверцу в маленькую камеру, отделанную материалом, похожим на овчину.

— Что это?

— Тебе нужно войти.

— Где молодая женщина, которую вчера доставили?

— Пройди через дверцу.

Рейт со злостью и озабоченностью сказал:

— Я хочу говорить с пнумами. Это важно.

— Зайди в камеру. Когда в ней откроется дверца, следуй по световому следу в Вечность.

Дверца закрылась, камера заскользила вниз и стала падать с большой, но управляемой скоростью. Прошла минута. Камера прекратила падение. Дверца распахнулась. Рейт вошел в черную, блестящую темноту. Под его ногами светилась дорожка из маленьких желтых огоньков и вела в темноту. Рейт посмотрел по сторонам и прислушался. Ничего. Ни звука, ни движения воздуха, по которому можно было определить присутствие живого существа. Словно по принуждению, он пошел вдоль желтых огоньков.

Светящаяся дорожка поворачивала то в одну, то в другую сторону. Рейт старательно следовал прямо по ней, так как опасался того, что могло находиться по ее краям. Один раз ему показалось, что с большой глубины доносится приглушенный звук.

Почти незаметно тьму сменило мерцание, исходившее от невидимого источника. Без всякого предупреждения перед ним оказался обрыв. Он стоял на краю таинственного ландшафта с предметами, слабо обозначающимися золотистым или серебристым свечением. От его ног вниз вела каменная лестница; ступенька за ступенькой Рейт стал спускаться вниз.

Он дошел до подножия лестницы и остановился в приливе страха. Перед ним стоял пнум.

Рейт собрал все свое самообладание и как можно увереннее сказал:

— Меня зовут Адам Рейт. Я пришел сюда из-за молодой женщины, моей спутницы, которую вы вчера утащили. Приведите ее ко мне.

Рейт услышал хриплый шепот, исходящий от фигуры:

— Ты Адам Рейт?

— Да. Где женщина?

— Ты прилетел с Земли?

— Что с женщиной? Скажи мне.

— Зачем ты прилетел на Чай?

В отчаянии Рейт заорал:

— Отвечай на мои вопросы!

Темная фигура беззвучно двинулась с места. Рейт растерялся и не знал, оставаться ему на месте или идти за пнумом.

Золотистое и серебристое сияние стало ярче, а может, Рейту просто так казалось. Он стал уже различать очертания территории, пагодообразное открытое сооружение, ряд колонн. Позади виднелись

силуэты с золотистой и серебристой бахромой, словно еще не принявшие окончательной формы.

Пнум медленно ковылял вперед. Отчаяние Рейта стало таким сильным, что он был на грани обморока. Затем его охватил гнев, и он пошел за пнумом. Он схватил его за щиток на плече и рванул на себя. К его огромному удивлению, пнум, как подкошенный, упал спиной вперед; руки его сместились и превратились в передние ноги. В таком горизонтальном положении он и остался, вверх животом; голова странным образом перекрутилась, и пнум принял образ ночной собаки. Пока Рейт от испуга и удивления стоял с открытым ртом, пнум снова рывком выпрямился и холодно и презрительно уставился на Рейта.

К Рейту снова вернулась речь.

— Мне нужно поговорить с достойными представителями вашей расы и как можно скорее. То, что я хочу сказать — не терпит отлагательств!

— Здесь Вечность, — услышал он хриплый ответ. — Такие слова — это пустой звук, просто дым.

— Ты изменишь свое мнение, когда выслушаешь меня.

— Идем, я отведу тебя на твое место в Вечности. Тебя уже давно ждут.

Существо снова двинулось вперед. У Рейта на глаза навернулись слезы; его сознание наполнилось желанием совершить что-то ужасное. Про себя он подумал: «Если с Зэп 210 что-нибудь случилось, они за это дорого заплатят. Как они заплатят! Независимо от возможных последствий».

Они двигались дальше и вскоре прошли через оформленные колоннами ворота в новый подземный мир — место, которое Рейт мог сравнить с ухоженным садом на милой сердцу старушке-Земле. Рядом в золотистых и серебристых рамах вдоль аллеи стояли погруженные в мысли фигуры. У Рейта не осталось никаких возможностей для предположений. Вперед выступили знакомые фигуры; он узнал в них пнумов и пошел им навстречу. Их было минимум двадцать. Рейт определил, что это пнумы с высоким статусом: застенчивы и ненавязчивы. Увидев тени этих фигур в затемненном и таинственном уголке Вечности, он удивился своей крепости духа. Был ли он еще в своем уме? В этом месте и в этом окружении нормальные умственные процессы были невозможны. Ему было необходимо заставить пнумов отрешиться от своего мира при помощи воли и напора.

Рейт посмотрел на группу фантомов, переводя взгляд с одного на другого.

— Меня зовут Адам Рейт, — представился он. — Человек с Земли. Что вы от меня хотите?

— Твоего присутствия в Вечности.

— Я уже здесь, но, тем не менее, собираюсь ее покинуть. — заявил Рейт. — Я пришел по собственному желанию, вам это известно?

— Ты бы пришел в любом случае.

— Ошибаетесь. Я бы не пришел. Вы увели мою подругу, мою молодую жену. Я пришел, чтобы забрать ее и вывести отсюда на поверхность.

Как по команде пнумы сделали шаг вперед — угроза, кошмар.

— Как тебе это представляется? Здесь Вечность.

Рейт какой-то миг поразмыслил.

— Вы, пнумы, уже давно живете на Чае.

— Очень давно. Мы — это душа Чая. Мы — это сам мир.

— Но на Чае живут и другие расы. Среди них есть и более сильные, чем вы.

— Они приходят и уходят: цветные тени, которые служат нашему развлечению. Мы отсылаем их по нашему усмотрению.

— Бойтесь ли вы дирдиров?

— Они не смогут нас достать. Им неизвестны наши бесценные Тайны.

— А если бы это было не так?

Темные фигуры шагнули еще ближе.

Рейт строго крикнул:

— Что, если дирдирам станут известны все ваши Тайны: все ваши туннели, штольни и выходы?

— Невозможная ситуация. Такого никогда не будет.

— Но она может стать действительностью. С моей помощью. — Рейт вытащил папку из голубой кожи.

— Посмотрите-ка на это.

Пнумы осторожно взяли у него папку.

— Но это же пропавшие Главные Карты!

— Снова ошибаетесь, — заявил Рейт. — Это копии.

Пнумы издали тихий ноющий звук, и снова Рейт подумал о ночных собаках; именно такие звуки он часто слышал, когда был в степи Котан.

Печальные, приглушенные жалобы прекратились. Пнумы, словно окаменев, образовали полукруг. Рейт мог чувствовать их возбуждение. Оно было почти осязаемым: витающая в воздухе, безответная угроза, которую он до этого встречал только у фангов.

— Успокойтесь, — сказал Рейт. — Непосредственная опасность пока еще не угрожает. Карты служат лишь гарантией моей безопасности. Вам ничего не угрожает, если, конечно, вы не предпримите никаких действий, и я вернусь на поверхность. Если же нет, карты будут переданы дирдирам и синим кешам.

— Этого не должно произойти. Карты должны быть в безопасности. Другой возможности быть не должно.

— Я надеялся, что вы скажете именно это. — Рейт окинул взглядом полукруг — Вы согласны с моими условиями?

— Мы их еще не слышали.

— Я хочу женщину, которую вы вчера притащили сюда. Если она мертва, то моя месть будет ужасной. В этом случае вы еще долго будете меня вспоминать и долго будете проклинать имя Адама Рейта.

Пнумы молча стояли на месте.

— Где она? — хрипло спросил Рейт.

— Она в Вечности и должна быть кристаллизована.

— Она жива? Или уже умерла?

— Она еще не умерла.

— Где она?

— С другой стороны Поля Памятников. Она ждет приготовлений.

— Вы сказали, что она еще не мертва. Но жива ли она? И как она себя чувствует?

— Она жива.

— Тогда считайте, что вам повезло.

Пнумы непонимающе смотрели на него и некоторые из них, совсем, как люди, пожали плечами.

Рейт скомандовал:

— Приведите ее сюда или мы отправимся за ней. Как будет быстрее?

— Идем.

Они пошли вперед по Полю Памятников мимо статуй и фигур, которые представляли существа сотен рас. Рейт не мог остановиться, чтобы рассмотреть их повнимательнее.

— Что или кто эти создания?

— Эпизоды из истории Чая. Это то же, что и наша собственная жизнь. Там — шивван, прилетевший на Чай более семи миллионов лет назад. Это один из самых старых кристаллов — напоминание о давно прошедших временах. Сзади — гйеи, которые основали восемь королевств и которых искоренили фесазы, в свою очередь прилетевшие с красной звезды Хси. Там — другие, которые уже давно канули в вечность.

Группа шла вдоль по тропе. Черные памятники имели золотистые и серебристые обрамления; существа с двумя, тремя и четырьмя ногами; с головами и запасными мозгами, выведенной нервной системой; с глазами, оптическими системами, подвижными сенсорами, призмами. Здесь возвышалось и массивное тело с большим черепом: существо угрожающе держало меч двухметровой длины. Рейт увидел, что это был кристалл зеленого кеша. Рядом синий кеш наблюдал за группой пригнувшихся старых кешей; тут же стояли три мрачных кеш-человека. Еще дальше были дирдиры и дирдир-люди, от которых убегали два мужчины и две женщины неизвестной Рейту расы.

Рядом с ними единственный вонк наблюдал за группой усердно работающих людей. За всеми этими группами — мимо единственного пустого пьедестала — дорога вела вниз к неторопливой черной реке, на поверхности которой виднелись серебристые водовороты. Возле реки стояла клетка из серебристых прутьев. В ней находилась Зэп 210. С неподвижным лицом она наблюдала за приближением группы. Вдруг она узнала Рейта: на ее лице отразились противоречивые чувства: горе и радость, облегчение и отчаяние. Одежду, бывшую на ней на поверхности, у нее забрали, и она оставалась только в белой нижней рубашке.

Рейт почти не мог говорить. Тем не менее, он с усилием спросил:

— Что вы с ней сделали?

— Она обработана жидкостью № 1. Она укрепляет, формирует и расширяет вены для жидкости № 2.

— Выпустите ее.

Зэп 210 выбралась из клетки. Рейт взял ее за руку, погладил по коже.

— Теперь ты в безопасности. Мы снова вернемся на поверхность.

Он спокойно подождал несколько минут, пока она плакала у него на груди от облегчения и нервного потрясения.

Пнумы придвинулись ближе. Один из них сказал:

— Мы требуем возвращения всех карт.

Рейт вымученно улыбнулся.

— Не так быстро. Я должен выдвинуть и другие требования — но не здесь. Идем! Вечность действует на меня угнетающе!

В отшлифованном сером мраморном зале Рейт смотрел на совет старейшин пнумов.

— Я человек. Меня задевает, что я вынужден наблюдать, как представители моей собственной расы ведут неестественную жизнь пнумек. Им не позволено рожать нормальных человеческих детей. Дети, находящиеся сейчас под землей, должны быть выпущены на поверхность, и там за ними должны ухаживать, пока они смогут начать самостоятельную жизнь.

— Но это значит закат для пнумек.

— Совершенно правильно, а что тут такого? Ваша раса существует уже семь миллионов лет, а может, и того больше. А пнумек, которые вам служат, есть у вас лишь последние двадцать или тридцать тысяч лет. Так что, потеря не должна уж очень по вас ударить.

— Если мы согласимся, что тогда будет с картами?

— Все карты будут уничтожены, до последней копии. Ни одна из них не будет передана вашим врагам.

— Но этого недостаточно! Нам в этом случае придется жить в постоянном страхе!

— Здесь вам не удастся обвести меня вокруг пальца. Я должен как-то держать вас под контролем; мне нужна гарантия, что мои требования будут выполнены. Когда-нибудь вы получите карты обратно — когда-нибудь в будущем.

Несколько минут пнуны вполголоса разговаривали. Наконец один прошептал:

— Твои требования будут выполнены.

— Тогда выведите нас снова на соляную равнину около Сивиша.

Соляная равнина спокойно лежала под лучами заходящего солнца. Карина 4269 висела в мутно-желтой дымке над горами, отражаясь в башнях дирдиров. Рейт и Зэп 210 подошли к старому сараю. Из конторы показалась худая фигура Анахо. Он пошел им навстречу.

— Планер уже здесь. Ничто нас больше не задерживает.

— Тогда поторопимся. Я еще никак не могу поверить, что мы свободны.

Планер из-за сарая поднялся в воздух и скользнул на север. Анахо спросил:

— Куда мы летим?

— В степь Котан — южнее того места, где мы впервые встретились.

Они летели всю ночь: через голые степи Кослована, над Первым Морем, над болотами Котана.

В предрассветных сумерках они пересекли границу степи, и Рейт стал внимательнее смотреть вниз на проплывавшие под ними пейзажи. Они перелетели через лес; Рейт показал на поляну.

— Здесь я приземлился на Чае. Лагерь эмблемного племени был восточнее. Там, возле зарослей метельчатых кустов, мы закопали Онмале. Садись там.

Планер приземлился. Рейт вышел из него и медленно направился к лесу. Он увидел, как сверкнул металл. Из зарослей вышел Трез и неподвижно застыл, пока Рейт шел к нему.

— Я знал, что ты обязательно прилетишь.

Трез изменился. Он стал мужчиной и даже более того: на его плече был медальон из металла, дерева и камня. Рейт сказал:

— Ты выкопал эмблему.

— Да. Она позвала меня. Где бы я ни был, до меня доносились голоса; это были голоса всех владельцев Онмале, которые кричали мне, чтобы я достал ее из тьмы. Я вынул эмблему на свет. Теперь голоса молчат.

— А космический корабль?

— Готов к старту. Здесь и четверо техников. Один остался в

Сивише, двое испугались и сбежали через степь в направлении Хедайи.

— Чем раньше мы улетим, тем лучше. Лишь тогда, когда мы уже действительно будем в Космосе, я смогу поверить, что нам удалось отсюда улететь.

— Мы готовы.

Анахо, Трез и Зэп 210 вошли в корабль. Рейт еще раз посмотрел на небо. Он нагнулся, дотронулся до земли Чая и пропустил сквозь пальцы горсть пыли. После этого он тоже вошел в уродливый корпус. Дверь закрылась и уплотнилась. Загудели генераторы. Корабль поднялся в небо. Поверхность Чая быстро удалялась. Планета стала круглой, превратилась в серо-коричневый мяч и вскоре исчезла, как исчезает дурной сон.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД КЕШЕЙ

5

СЛУГИ ВОНКОВ

123

ДИРДИРЫ

245

ПНУМЫ

379

В 1993–1994 гг. фирма «Ника-Центр Лтд.»
готовит к изданию:

РИЧАРД БАХ

ИЗБРАННОЕ в 3-х томах:
«Иллюзии», «Дар крыльев»,
«Единственная»,
«Мост через вечность»,
«Чайка по имени Джонатан
Ливингстон»
(оригинальные переводы)

ВАЛЬТЕР СКОТТ

«Айвенго»

ГУСТАВ МАЙРИНК

ИЗБРАННОЕ в 2-х томах:
«Голем», «Ангел западного окна»,
«Вальпургиева ночь»

COREL DRAW 3.0

CorelDraw, CorelPhotoPaint, CorelTrace
Руководство пользователя

По вопросам приобретения книг обращаться:
(044) 220-87-38
(044) 220-84-38

ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖНЄ ВИДАННЯ

Венс Джек
ПЛАНЕТА РИЗИКУ

Фантастичний роман
(*Російською мовою*)

Переклад *О. Б. Дрождіна*

Комп'ютерний набір та верстка
Фірма «Ніка-Центр Лтд.»

ДОРОГИЕ ПОКУПАТЕЛИ!

**Книга должна продаваться
с суперобложкой!**

Здано в набір 10.04.93 Підписано до друку 16.06.93
Формат 81х108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура Гельветика.
Друк високий. Ум. друк. арк. 26,88. Обл.-вид. арк. 29,76
Зам. 3-300.

Фірма «Ніка-Центр Лтд» 252033 Київ, вул. В.Яна, 3/5

Віддруковано з оригінал-макету на орендному підприємстві
«Київська книжкова фабрика»
252054 Київ-54, вул. Воровського, 24

Венс Джек

B97 Планета ризику: Пер. О.Б.Дрождіна.— К.: Фірма
«Ніка-Центр Лтд.», 1993.— 512 с.— Рос. мовою.
ISBN 5-7101-0009-9

Фантастико-пригодницький роман видатного американського
письменника про захоплюючі пригоди на дивній невідомій планеті,
що населена загадковими істотами.

B **4703040108** Без оголош.
93

ББК 84.7 США

